Российская академия наук

Институт восточных рукописей

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Санкт-Петербург — Казань • 2025

Рамиль Миргасимович Валеев

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Поворот на Восток

Сборник статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Рецензенты:
Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3
DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025
© КФУ, 2025
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025
© Коллектив авторов, 2025
ISBN 978-5-4391-1035-3
© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

Содержание

Поздравление 7

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова. Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии 19

Библиография научных и учебных работ профессора Р.М. Валеева. . . . 48

В.Г. Дацышен. Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения 139

Tatiana A. Pang. The Manchu Studies in Russia in the 18th–19th Centuries 172

Ю.Г. Благодер. Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.) 197

И.В. Кульганек. Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии 218

В.Л. Успенский. О.М. Ковалевский о католичестве в Китае 230

Д.А. Носов. Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг. 243

Гульджан Иналджик, Окан Ешилот. Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.). 253

Hartmut Walravens. Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klaproth (1782–1835) 264

И.Ф. Попова. Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания 273

Н.А. Самойлов. Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в. 290

М.А. Козинцев. К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига 302

Д.Е. Мартынов. Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия 331

Л.А. Сыченкова. Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике 350

И. В. Герасимов. Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН 379

А. А. Арсланова, Н. Б. Пазина. Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.) 392

Ю. И. Дробышев. Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина 421

А. Ш. Кадырбаев. Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия 439

Б. Л. Хамидуллин. Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв. 462

И. Л. Кызласов. Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы) 490

С. А. Французов. Персидские глоссы у ад-Дӣнаварӣ 522

Н. Н. Дьяков. Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962) 529

С. А. Кириллина, В. Е. Смирнов. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы 545

Список авторов 559

Дорогой Рамиль Миргасимович!

От души поздравляем Вас с 70-летним юбилеем. В этот знаменательный День примите наши искренние пожелания хорошего здоровья, благополучия, процветания, душевного покоя и равновесия.

Вы — ученый широкой сферы научных интересов, в которую входят история казанского востоковедения, историография и источниковедение российской науки и культуры.

Где бы Вы ни работали: учителем в средней школе, начальником отдела Министерства культуры ТАССР, преподавателем и профессором в Казанском федеральном университете, начальником Управления высшего, среднего профессионального образования и науки Аппарата Кабинета Министров РТ, директором Института татарской энциклопедии РТ, Вы остаетесь удивительно инициативным, позитивным, и доброжелательным человеком. Ваши педагогические и исследовательские способности и талант позволили Вам воспитать целую плеяду учеников-ученых и студентов-востоковедов. Среди них есть кандидаты и доктора наук и замечательные выпускники университета.

Вы являетесь автором многочисленных работ, касающихся разных проблем истории и истории российского востоковедения. Ваши монографии «Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед», «Мусульманский мир: Средние века, новое время: Пособие для студентов», «Очерки истории Казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.)» чрезвычайно востребованы современными исследователями. Кроме того Вы — соавтор коллективных монографий. Благодаря Вашим прекрасным организаторским способностям, высокому профессионализму появились монографии о монголоведе О. М. Ковалевском, тюркологе Н. Ф. Катанове.

Все Ваши работы являются ценным достижением современной российской востоковедной науки; они востребованы монголоведами, тюркологами, китаеведами и учеными, исследующи-

ми многогранную историю и культуры государств и народов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и в целом Зарубежного Востока.

Предлагаемый сборник научных статей, подготовленный Вашими близкими друзьями-коллегами в знак уважения и признательности, надеемся, будет созвучен Вашим разносторонним научным интересам и поисками, в какой-то мере, отразит высокие достижения и вклад, который Вы внесли в российскую историческую, историографическую и источниковедческую науку. У Вас впереди совместно с коллегами новые идеи, мысли и исследовательские открытия.

Наши искренние пожелания Вам:
ДОЛГАЯ ЛЕТА, ДОРОГОЙ РАМИЛЬ МИРГАСИМОВИЧ!

Биктагирова-Валеева Минурий Хабибрахмановна. Мама. (1926–1988 гг.)

Валеев Миргасим Валеевич. Отец. (1920–2007 гг.)

Родители и родственники. Двор средней школы с. Федотовка, Лениногорский район ТАССР

Служба в Советской Армии. 1973–1975 гг. Механик-водитель. Железная дивизия. Яворовский полигон, Львовский учебный центр. 1974 г.

С однокурсниками. Группа историков. КГУ

Период работы в Аппарате Кабинета Министров Республики Татарстан. 1997–2008 гг. Фото 2015 г.

Иванов А.А., Васильев Д.Д. и Кычанов Е.И.. 2008 г.

С коллегами. Салбыкский курган, Хакасия. 2012 г.

С проф. Д.Г. Зайнуллиным и арабскими коллегами.
Институту востоковедения КФУ. 2006 г.

Кириллина С.А. и Образцов А.В.

Москва. Институт востоковедения РАН. Архивное востковедение

Коллеги-востоковеды. Форум «Культурное наследие монголов». Монголия, Улан-Батор.

Попова И. Ф. и Мясников В. С.

Зеленев Е. И., Боголюбов М. Н., Попова И. Ф., Мясников В. С.

Кириллина С. А. и студенты ИСАА МГУ

После защиты дипломов. Арабисты.
Институт востоковедения КФУ. 2015 г.

Монголия, Каракорум. 2014 г.

Любимые и близкие

В концертнои зале Филармонии. 2018 г.

Д. Е. Мартынов, Ю. А. Мартынова
Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, Высшая школа востоковедения «Восточный разряд»

DOI: 10.48612/IVRRAN/6k1b-82b4-az9p

Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии

Аннотация. 2025 г. знаменателен не только 70-летним юбилеем профессора Р. М. Валеева, но также 50-летним рубежом начала его университетской учебы и деятельности в стенах славного Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. В нашей статье кратко характеризуется жизненный путь и достижения казанского историка востоковедения, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева.

В ноябре 1975 г. Р. М. Валеев после демобилизации из Советской Армии поступил на рабочий факультет КГУ и с 1976 г. был принят на первый курс историко-филологического факультета университета. Получив высшее образование в Казанском университете и долгое время проработав в Министерстве культуры Республики Татарстан, Казанском федеральном университете и Аппарате Кабинета Министров Республики Татарстан, исследователь сравнительно быстро нашел свою генеральную тематику — историю российского университетского и академического востоковедения до 1920-х гг. Р. М. Валеев за три десятка лет активной работы опубликовал более 450 статей, 20 монографий, подготовил 14 кандидатов наук. В статье предложена периодизация научной биографии Р. М. Валеева и выделены основные направления его научных интересов, в числе которых научная биографика, история научных школ, публикация неизданных архивных источников, прежде всего дневников О. М. Ковалевского и Н. Ф. Катанова, переписки А. К. Казем-Бека, и многих других материалов. Немало публикаций в периодических изданиях посвящено также эпистолографии А. Е. Крымского, В. Ф. Минорского, В. В. Бартольда и других. Именно благодаря проводимым с 2001 г. по инициативе Р. М. Валеева форумам

начался новый этап в изучении научной биографии как О.М. Ковалевского, так и Н.Ф. Катанова и других российских востоковедов, что привело к публикации объемных коллективных монографий и выводу исследования научных заслуг данных ученых на качественно новый уровень. Также в статье приведены аналитические обзоры всех ключевых монографий, выполненных Р.М. Валеевым лично или в соавторстве с коллегами в период с 1993 по 2025 гг.

Жизненный путь

Рамиль Миргасимович Валеев появился на свет 28 августа 1955 г. в селе Каркали Лениногорского района ТАССР. Отец — Миргасим Валеевич Валеев (1920–2008) — фронтовик, награжденный боевыми наградами, а в мирное время кавалер ордена Трудового Красного Знамени, обладатель почетных званий «Отличник народного просвещения РСФСР» и «Отличник просвещения СССР». В 1963–1981 гг. М.В. Валеев являлся директором Старошугуровской школы. Мать — учительница физики и математики Миннурий Хабибрахмановна Биктигирова. В семье было пятеро детей: старшая сестра Энже, старший брат Равиль, брат-близнец Рафаэль и младший брат Рустам.

В 1985 г. произошло знаменательное событие — бракосочетание с Розой Закариевной Валеевой (Исмагиловой) (ныне кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода и декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова). 2025 г. стал уникальным рубежом 40-летнего супружества — рубиновой годовщины свадьбы.

В 1986 г. родился сын Эмиль Валеев (сегодня он кандидат экономических наук, доцент КФУ) и в 1988 г. — Алина Валеева (врач-иммунолог, старший преподаватель Казанского медицинского университета и КФУ). Они стали замечательными продолжателями рода Валеевых и Исмагиловых.

Основные рубежи в биографии профессора Р.М. Валеева. Свою трудовую деятельность он начал в 1972 г. учителем в Старо-Иштерякской 8-летней школе Лениногорского района ТАССР; в 1973–1975 гг. служил в Советской армии (Прикарпатский военный

округ, Железная дивизия, г. Яворов, Львовский учебный центр, Яворовский полигон); в 1976–1981 гг. студент историко-филологического (с 1979 г. — исторического) факультета Казанского государственного университета (КГУ). В годы учебы в университете он стал стипендиатом имени Карла Маркса КГУ. В 1981–1984 гг. аспирант кафедры всеобщей истории КГУ. В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1984–1988 гг. работал начальником отдела искусств Министерства культуры ТАССР. С 1988 г. ассистент, старший преподаватель исторического факультета КГУ. В 1995 г. ему было присвоено ученое звание доцента. В 1990–1997 гг. зам. декана по работе со студентами исторического факультета КГУ. В апреле 1999 г. защитил докторскую диссертацию. С 2000 г. профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета, с сентября 2003 г. зав. кафедрой истории и культуры стран Востока Института востоковедения КГУ. В 2007–2014 гг. зав. кафедрой истории и культуры стран Востока Института востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (К(П)ФУ), в 2013–2014 гг. зав. отделением «Институт востоковедения» Института международных отношений, истории и востоковедения К(П)ФУ. В 1997–2008 гг. возглавлял управление высшего, среднего профессионального образования и науки Аппарата Кабинета Министров РТ, где показал себя талантливым организатором в сфере профессионального образования и науки республики.

В 2008 г. Р. М. Валеев возвращается в родную для него научно-преподавательскую стихию. В 2008–2011 гг. также работал первым заместителем и исполнял обязанности директора Института Татарской энциклопедии АН РТ, в 2011–2014 гг. директор Института Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан. С апреля 2014 г. директор (начальник) обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан». В этот период изданы 4, 5 и 6-й тома «Татарской энциклопедии» на русском языке, 2, 3 и 4-е тома «Татарской энциклопедии» на татарском языке, а также оригинальные авторские и коллективные исследования Института. В 2014 г. Издание «Татарстан: иллюстрированная энциклопедия»,

подготовленное коллективом Института, стало лауреатом российского конкурса «Лучшее энциклопедическое издание России».

С июня 2015 г. Р.М. Валеев — руководитель, главный редактор Государственного бюджетного учреждения РТ «Редакция "Книга Памяти"». Под его руководством продолжаются подготовка и издание фундаментальных и комплексных многотомных изданий: «Книга Памяти», «Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан», «Они вернулись с Победой», «Герои тыла Республики Татарстан», «Книга Памяти участников войны в Афганистане (1979–1989)» в двух томах и др. Редакция вносит неоценимый вклад в популяризацию истории Великой Отечественной войны и патриотического воспитания молодежи и в изучение нематериального культурного наследия Республики Татарстан.

В годы студенчества и аспирантуры определяется круг интересов молодого ученого: история, историография и источниковедение Востока, история российского востоковедения, архивное востоковедение. В 1986 г. под руководством Н.А. Мазитовой прошла успешная защита кандидатской диссертации «Востоковед Г.С. Саблуков и проблемы исламоведения (50–80-е гг. XIX в.)». В 1999 г. прошла защита докторской диссертации «Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.)». В 2000 г. Р.М. Валеев был избран на должность профессора кафедры новой и новейшей истории КГУ, позже он перешел во вновь основанный Институт востоковедения КГУ.

В период с 1999 по 2025 гг. под руководством Р.М. Валеева были подготовлены и защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук[1]. Профессор Р.М. Валеев

[1] Перечислим имена и даты: Горшунов Валерий Сергеевич (1999), Колесова Елена Владимировна (2000), Мратхузина Гюзель Фердинандовна (2001), Темников Евгений Геннадьевич (2010), Аликберова Альфия Рафисовна (2014), Кадырова Лейсан Ильдусовна (2015), Федорченко Руслан Геннадьевич (2015), Зяппаров Тимур Ильдусович (2017), Гумаров Фархад Линарович (2017), Рахимова Язгуль Ринатовна (2018), Валиуллин Тимур Рашидович (2021), Низамутдинова Оксана Викторовна (2021), Се Фэнлин (2023), Курочкин Руслан Владимирович (2025). Все защиты прошли в диссертационных советах КГУ–КФУ, за исключением Се Фэнлин, оценкой диссертации которой занимался диссертационный совет Академии наук РТ.

работает в составе Советов докторских диссертаций в Казанском (Приволжском), Ивановском государственном и Нижегородском государственном университетах. В 1997 г. В 1997 г. Р. М. Валеев избран членом Международной тюркской академии, в 2001 г. удостоен членства Академии гуманитарных наук и других общественных ассоциаций и союзов.

За годы служения науке и Родине Рамиль Миргасимович Валеев многократно удостоен ведомственных и государственных наград. В 2005 г. его деятельность была отмечена Благодарственным письмом Президента РТ, в 2008 г. — Благодарственным письмом Кабинета Министров РТ, в 2016 г. — медалью Республики Татарстан «За доблестный труд». В 2017 г. Р. М. Валеев стал кавалером награды Республики Хакасия — медали Н. Ф. Катанова (№ 016). В 2020 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки РТ».

Научная деятельность Р. М. Валеева

Научная деятельность Р. М. Валеева началась во второй половине 1980-х гг. К середине 2020-х гг. общее число научных публикаций Р. М. Валеева достигает более четырех сотен, около 20 монографий и публикаций первоисточников.

Мы можем предложить периодизацию, связанную не только с жизнью и деятельностью исследователя, но и внутренней логикой освоения тематик и источников; естественным образом данные этапы с трудом могут быть отделены от магистральных проблемных направлений творчества ученого. Основные этапы и векторы развития:

1. *Годы становления (1986–1993)*, завершившиеся выпуском первой монографии «Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед», созданной на основе кандидатской диссертации.

2. *Изучение казанского университетского востоковедения (1993–1999)* на базе архивных первоисточников; основными вехами на этом этапе являются: монография «Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в.— 20-е гг. XX в.)» (1998) и докторская диссертация. Однако указанная тематика — широкие теоретиче-

ские обобщения и глубокий историографический и археографический анализ российского востоковедения — нашла продолжение и в последующие годы. В частности, к данному направлению относятся: учебное пособие «Очерки истории Казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.)» (2003), сборник документов «Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX — начало XX вв.)» (2009, при участии Д.Е. Мартынова), переработанное издание монографии «Ориенталистика в Казанском университете (1807–20-е гг. XX в.)», выпущенное в 2019 г. издательством Lambert.

3. *Изучение научной биографии ведущих востоковедов XIX — первой трети XX в.*, составляющее основной корпус публикаций Р.М. Валеева после 2000 г. В первую очередь объектом изучения Р.М. Валеева стал выдающийся историк-монголовед О.М. Ковалевский. Профессор Валеев организовал в 2001 г. Международную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения О.М. Ковалевского «Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность» (доклады и материалы вышли в 2002 г.), далее в 2004 г. подготовил коллективную монографию «Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878)» (при участии Т.В. Ермаковой, И.В. Кульганек и др.). В 2006 г. вышла этапная публикация «Россия–Монголия–Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского. 1830–1831», подготовленная по материалам казанских и петербургских архивных фондов силами И.В. Кульганек и Р.М. Валеева. В 2023 г. ценнейший первоисточник был переведен на монгольский язык и опубликован в Улан-Баторе (*О.М. Ковалевский. Монгол орноор зорчсон тэмдэглэл 1830–1831 он*). Уже в 2010-е гг. разработка тематики деятельности О.М. Ковалевского привела Р.М. Валеева к сотрудничеству с исследователями Санкт-Петербурга, Сибири и Забайкалья, результатами чего стали его участие в проводимых Институтом восточных рукописей (ИВР) РАН «Ковалевских чтениях» и выпуск коллективной монографии «Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов)» (2020). В 2024 г. вышла долгое время остававшаяся в виде рукописи «История монголов» О.М. Ковалевского, к которой Р.М. Валеев написал предисловие.

Параллельно шла разработка архивного наследия выдающегося хакасского тюрколога-универсала Н. Ф. Катанова, которая привела к проведению Международного научного семинара (2005 г.) и выпуску коллективных монографий «Наследие Н. Ф. Катанова. История и культура тюркских народов Евразии» (2006) и «Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии» (2009). Многие годы работа над эпистолярным и дневниковым наследием выдающегося сибирского и казанского востоковеда велась в сотрудничестве с Хакасским научно-исследовательским институтом языка, истории и литературы (г. Абакан) и лично главой этого учреждения В. Н. Тугужековой. В 2012 г. в Абакане вышла публикация «Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова» (при участии В. Н. Тугужековой и А. С. Чочиевой), второе, дополненное издание, которое было подготовлено к 155-летию ученого в 2016 г. С 2013 г. к разработке путевых дневников Н. Ф. Катанова, относящихся к его экспедиции в Восточный Туркестан в 1888–1892 гг., подключились Д.Е. и Ю. А. Мартыновы. Усилиями Р. М. Валеева в 2017 г. вышел огромный (более 85 п.л.) том «Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану»». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оного Н. Ф. Катановым», включающий транскрипцию и комментарии дневников путешествия по Саянской тайге, Семиречью и Синьцзяну в период с января по ноябрь 1890 г., а также переезд из Минусинска в Бахты и дальнейший путь через Чугучак в Урумчи и обратно. Издание сопровождается факсимильным воспроизведением текста оригинального архивного дела. Р. М. Валеев осуществлял общее научное редактирование издания, участвовал в подготовке указателей и написал фундаментальное научное введение. Работа над этим изданием продолжается и по сей день. В 2023 г. в результате совместной деятельности исследователей Хакасии, Петербурга и Казани вышла монография «С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922)» (в соавторстве с М. П. Чебодаевой и Н. А. Данькиной).

В русле данной тематики Р.М. Валеевым и его учениками и коллегами выпущено несколько фундаментальных публикаций, посвященных и другим выдающимся востоковедам, в особенности А.К. Казем-Беку («Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846)» (2015). Немало публикаций в периодических изданиях посвящено также переписке А.Е. Крымского, В.Ф. Минорского, В.В. Бартольда и других. В 2021 г. вышла большая коллективная монография «Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (очерки и материалы)», основной состав авторов которой ранее подготовил и биографию О.М. Ковалевского.

4. Среди прочих достижений Р.М. Валеева можно назвать многочисленные работы (в том числе выполненные совместно с коллегами и учениками), подготовленные *в русле научно-педагогической работы в Институте востоковедения КГУ* (в 2013–2024 гг. данное структурное подразделение несколько раз переименовывалось). Перечислим лишь некоторые: «Очерки новой и новейшей истории крупнейших стран Азии» (2002, соавторы С.И. Лунев, Г.К. Широков), «Санскритология и буддология в Казанском университете (Очерк истории казанского университетского востоковедения в XIX в.)» (2007), «Российско-китайские отношения в XVII — первой половине XIX вв.: Очерки отечественной историографии (40–80-е гг. XX в.)» (2011, соавтор В.С. Горшунов), «Россия–Китай: отношения в области культуры и образования (1990–2000-е гг.)» (2017, соавтор А.Р. Аликберова). Весьма многочисленны учебные и учебно-методические пособия, без издания которых немыслима живая работа в учреждении высшего образования.

5. *Деятельность на посту главного редактора «Книги Памяти».* В интервью, данном в сентябре 2024 г. газете «Казанские ведомости», Р.М. Валеев отметил, что к этому времени было издано 28 томов, в которых собраны сведения о 375 тыс. уроженцев Татарстана, которые были призваны военными комиссариатами республики начиная с 1939 г. и которые погибли или без вести пропали на фронтах Великой Отечественной войны. Кроме

того, опубликованы 57 томов «Книги Памяти» «Они вернулись с Победой», куда помещена информация о 279 214 татарстанцах, вернувшихся с войны. Также изданы 18 томов серии «Герои тыла Республики Татарстан», в которых учтены более 125 тыс. персон.

В целом Редакция «Книга Памяти», возглавляемая профессором Р. М. Валеевым располагает объективными и достоверными данными о 665163 участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., призванных из Республики Татарстан (ТАССР).

Поиск, уточнение и систематизация разрозненных сведений и фактов продолжается.

К 30-летию со дня вывода советских войск из Афганистана была проделана работа по подготовке и изданию Биографического словаря «Книга Памяти ветеранов боевых действий в Афганистане (1979–1989)» в двух томах с электронной версией на CD. По данным Редакции в «афганской» войне участвовало более 11500 уроженцев Татарстана, 296 из них не вернулись.

Проведена комплексная архивоведческая и организационно-исследовательская работа, связанная с подготовкой 28 томов Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Татарстан.

Редакция «Книга Памяти» занимается поиском и систематизацией основных данных о погибших участниках специальной военной операции. В перспективе будет опубликована «Книга Памяти», посвященная участникам СВО[2].

Ввиду того, что активная научная деятельность Р. М. Валеева начиналась и разворачивалась в крайне неблагоприятных для отечественного востоковедения условиях, когда монографические издания были редки и тиражи их крайне невелики, мы пришли к необходимости рассмотреть содержание его важнейших монографий на уровне реферата, чтобы представить не только целостный очерк научно-теоретических взглядов, но и проследить эволюцию этих взглядов.

[2] *Иванычева О.* На наших глазах происходит исторический «поворот на Восток» // Казанские ведомости. 2024. 26 сентября. URL: https://kazved.ru/news/na-nasix-glazax-proisxodit-istoriceskii-povorot-na-vostok-5875114.

«Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед»

Первая монография Р.М. Валеева увидела свет в 1993 г. в издательстве «Kazan–Казань» под научной редакцией Н.А. Мазитовой[3]. В структурном отношении монография включает три главы, посвященные соответственно контексту казанского востоковедения, биографии Г.С. Саблукова и его исламоведческим штудиям. Принципиально важным для читателя представляется то, что уже в первой опубликованной монографии Р.М. Валеев системно выразил свои взгляды на развитие востоковедения и роль этого набора исследовательских дисциплин для развития общества и государства. Гуманитарные науки, и в их составе востоковедение, несут, прежде всего, воспитательную функцию, работая с фундаментальными духовными и культурными сущностями (с. 3). Для историка науки востоковедение интересно как эталонный пример гуманитарной дисциплины — аккумулируя сведения о своем предмете (в данном случае — историко-культурное прошлое восточных народов России и зарубежного Востока) и дополняя ее саморефлексией, исследованием самое себя (с. 3). Дополним от себя: классическое востоковедение не устаревает, так как является своего рода уникальной «капсулой времени», ибо в условиях невероятно убыстрившегося прогресса зачастую предмета исследований наших предшественников уже не существует, он остается только на страницах рукописей, книжных и журнальных изданий. В этом плане огромную роль в востоковедческих исследованиях играет историография и комплекс архивоведческих дисциплин.

Биография Г.С. Саблукова требовала от своего автора еще и углубления в исламоведческие штудии, которым посвящены немногочисленные работы Р.М. Валеева. Исследователь отмечал, что реконструкция биографии корановеда предполагала как выход на корпус первоисточников ввиду того, что личности и наследию

[3] *Валеев Р.М.* Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед. Казань: Kazan–Казань, 1993. 104 с.

Г. С. Саблукова не была дана должная оценка до революции; так и вписывание искусственно ограниченных исламоведческих штудий XIX в. в контекст современной исторической и религиоведческой науки. Ключом ко всему перечисленному является архивный первоисточник, без корпуса которого немыслимо написание биографии, вдобавок нужно решать сложную методологическую и даже этическую задачу «отделения зерен от плевел», т.е. сохранение тех достижений прошлого, которые сыграли позитивную роль в дальнейших исследованиях, без замалчивания слабостей и откровенных ошибок (с. 4–5). Неудивительно, что в первой главе своей монографии Р. М. Валееву предстояло заново обобщить опыт казанского дореволюционного исламоведения в целом. Само по себе исламоведение определяется как молодая, оформляющаяся отрасль российского востоковедения (с. 7), вдобавок тесно связанная с миссионерской деятельностью и потребностями имперской государственности (с. 8). Классик российской и советской арабистики И. Ю. Крачковский в «Очерках по истории русской арабистики» вообще ставил знак равенства между понятиями «казанское исламоведение» и «казанская миссионерская школа исламоведения» (с. 9). Между тем, казанскую школу невозможно рассматривать изолированно, и Р. М. Валеев сразу заявляет о тесных связях казанских ориенталистов с такими столичными гигантами, как В. Р. Розен, В. В. Бартольд и А. Е. Крымский. Носители этих имен станут постоянными объектами научных работ Р. М. Валеева, особенно в первые десятилетия XXI в. Нельзя также забывать, что главной целью Г. С. Саблукова был перевод Корана на русский язык, и вся его деятельность как исследователя была посвящена именно этой генеральной цели (с. 21–22). В третьей главе своей монографии Р. М. Валеев уделил достойное место обобщению базовых принципов Г. С. Саблукова, разработанных и примененных к изучению священной книги ислама (с. 65). Богатейший архивный материал был привлечен Р. М. Валеевым для реконструкции воззрений Г. С. Саблукова на хадисы и использование их для корановедческой работы.

В биографической главе, составляющей по объему не менее трети всей монографии, нас лично привлекли сюжеты, касающиеся участия Г. С. Саблукова в подготовке IV Археологического

съезда, проводившегося в Казани в 1877 г., а также его взаимоотношений с Ш. Марджани — крупнейшим татарским историком и богословом своего времени, ставшим этапной фигурой на пути налаживания взаимоотношений мусульманской и татарской культуры с европейской (с. 56–57). Весьма последовательно показана и деятельность Г. С. Саблукова (с. 90).

Заключение монографии «Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед» содержит характерное для Р. М. Валеева обобщение исследовательского метода и перспективный план дальнейшей исследовательской работы. В частности, ученый указывает на то, что составной частью (и особо ценной частью) истории востоковедения является изучение научно-исследовательских школ, истории развития отдельных научных отраслей и дисциплин ориенталистики[4].

«Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в.— 20-е гг. XX в.)» и «Ориенталистика в Казанском университете»[5]

Обобщающая монография Р. М. Валеева, положенная в основу его диссертации на соискание степени доктора исторических наук, была написана на практически всех существующих по дан-

[4] В этом месте сошлемся на видного представителя казанской историографической школы — Г. П. Мягкова, который исходит из постулата, что в гуманитарных науках научная школа является базовым понятием, в то время как «направления», «течения» обозначают ориентации самих школ в коммуникационной, политической, философской и тематической сферах. Школа трактуется и определяется в единстве коммуникативных характеристик, идейно-методологических ориентаций и конкретно-исторической тематики. Научные школы являются открытыми системами, им присуще разнообразие внутренних ориентаций и даже парадигм. См.: «Как он дышит, так и пишет…»: юбилей Германа Пантелеймоновича Мягкова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 3(11). С. 181–182.

[5] Использованы материалы нашей рецензии: *Мартынов Д. Е.* Рецензия: Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807–1920-е гг. XX в.) // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2, № 4. С. 99–108.

ной тематике архивных фондах[6]. Подробнейшая библиография в издании 1998 г. визуально занимает едва ли не четверть объема книги, она представляет собою самостоятельную ценность как тематический путеводитель и подробный справочник по архивным фондам Казани, Петербурга и Москвы, посвященных теме казанского востоковедения. Монография эта почти мгновенно стала библиографической редкостью; некоторой заменой стало учебное пособие «Очерки истории казанского университетского востоковедения», выпущенное при поддержке института «Открытое общество» в рамках мегапроекта «Развитие образования в России» в 2003 г.[7] Наконец, в 2019 г. издательством LAP Lambert Academic Publishing RU (принадлежащим группе VDM Publishing, базирующейся в Саарбрюкене) была выпущена значительно расширенная по содержанию монография «Ориенталистика в Казанском университете»[8], в которой пришлось оставить лишь базовую библиографию. Выпуск монографии в издательстве, работающем по принципу «печать по требованию», во многом является следствием многолетнего «зажима» научного книгоиздания на русском языке в ситуации, когда самим же ученым приходится оплачивать публикацию произведенного ими продукта, когда монографии (репрезентирующие гуманитарную науку как таковую) вообще не учитываются в наукометрических индикаторах.

Работы Р. М. Валеева по истории историографии и саморепрезентации казанского востоковедения от основания кафедры восточных языков в 1807 г. (и учитывая деятельность татарского

---

[6] *Валеев Р. М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1998. 380 с. ISBN5-7464-1278-3.

[7] *Валеев Р. М.* Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.): учеб. пособие. Казань: Алма-Лит, 2003. 144 с. ISBN5-98245-003-0.

[8] *Валеев Р. М.* Ориенталистика в Казанском университете (1807–20-е гг. XX в.) / Науч. ред. и авт. предисл. И. Р. Тагиров. Beau Bassin, Maurutius LAP Lambert Academic Publishing RU, 2019. 309 с. ISBN978-613-9-46285-8.

класса в губернской гимназии, открытого в 1769 г.) до коренных изменений в системе образования и академической науки 1920-х гг., несомненно, являются этапными, завершая как многолетнюю подвижническую деятельность старшего поколения (Г.Ф. Шамова, А.С. Шофмана, С.М. Михайловой, Н.А. Мазитовой), так и самого Рамиля Миргасимовича.

В композиционном отношении монография «Ориенталистика в Казанском университете» состоит из шести глав, введения и заключения, а также списка источников. Первая глава декларирует принадлежность Р.М. Валеева к классической школе русского востоковедения, используя формулу В.В. Бартольда «сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала» (с. 62). Судьба этого выдающегося востоковеда немецкого происхождения (один из сюжетов многогранной научной деятельности Р.М. Валеева — наследие российских востоковедов немецкого происхождения) приводится как выражение всего лучшего, что создало отечественное востоковедение на рубеже XIX–XX вв. (с. 24). Востоковедение трактуется в контексте развития науки и общества как одна из форм общественного познания, требующего самостоятельного осмысления (с. 25). На с. 50 приведена авторская периодизация истории развития востоковедения как составной части российской науки и обоснована необходимость дальнейших изысканий в данной области (с. 51). Точкой отсчета развития научной востоковедческой историографии в России признается публикация в 1822 г. О. Сенковским статьи «Об изучении арабского языка» (с. 53).

Вторая глава монографии Р.М. Валеева целиком посвящена историографии и источниковедению специально казанского востоковедения. Здесь высокую заслуженную оценку получили труды всех предшественников автора, начиная от университетского библиотекаря К.К. Фойгта, так и М.К. Корбута, А.С. Шофмана, Г.Ф. Шамова, С.М. Михайловой, Н.А. Мазитовой и некоторых других. Отдельный очерк посвящен роли О.М. Ковалевского в описании и развитии казанского Восточного разряда; именно великому монголоведу на посту ректора выпало восстанавливать структуру университета

после переноса Восточного разряда в Санкт-Петербургский университет (с. 75–78).

Изложение истории казанских центров востоковедения представлено в третьей главе, которая по хронологии касается событий 1769–1855 гг., т.е. от основания класса татарского языка в Казанской губернской гимназии и до прекращения преподавания восточных языков в университете и переезда Восточного разряда в Санкт-Петербург. Со ссылкой на А. Н. Кононова начало преподавания татарского языка в гимназии связывается и с началом научной тюркологии, которая открыла принципиально новый этап во всех отечественных востоковедческих штудиях (с. 92). Происходящие события вписаны в общий контекст эволюции образования и науки в Российской империи и динамику развития просвещения в провинции в XVIII–XIX вв. Особый акцент сделан на деятельности династии татарских просветителей Хальфиных, причем широко задействована переписка И. Хальфина с академиком Х. Френом (с. 93–95). Привлечены также списки 296 воспитанников гимназии — всех, кто с 1800 по 1841 гг. изучали разнообразные восточные языки (с. 108).

При рассмотрении истории Разряда восточной словесности Казанского императорского университета Р. М. Валеев использует собственную периодизацию, в частности, выделяя этап 1804–1827 гг. как начальный период институционализации казанского востоковедения. Центральную роль в данном процессе было суждено сыграть Х. Д. Френу, который не меньшее значение имел и для петербургских ориенталистов, хотя бы как основатель Азиатского музея Императорской Академии наук. Становление Френа как востоковеда мирового класса началось именно в Казани (с. 122). Благодаря трудам Р. М. Валеева подробнейшее освещение получила институциональная реформа попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, без которой был бы немыслим расцвет казанской ориенталистики. Особенно интересными данные подробности становятся в сравнительном контексте, например, с опытом европейской синологии и, прежде всего, французской и британской (с. 133–135). Нашлось место и для анализа становления

миссионерского востоковедения в стенах Духовной академии (с. 141–146). Напротив, период после перевода Мусина-Пушкина в Петербург и заката карьеры Н. И. Лобачевского в 1846–1855 гг. прямо именуется автором трагическим (с. 146), хотя прекращение преподавания восточных языков в Казани признается объективно связанным с геополитическими реалиями Российской империи середины XIX в. (с. 149).

Отдельный параграф третьей главы Р. М. Валеев посвятил изучению в Казанском университете арабо-мусульманского Востока, с которым Казань была исторически связана с момента своего основания. Традиционно выделяя блестящий гений А. К. Казем-Бека, исследователь не меньше внимания уделял Ф. И. Эрдману и И. Н. Березину, не забыв об оценке воздействия О. И. Сенковского на казанских ориенталистов (с. 175–176). С начала 1830-х гг. в стенах Восточного разряда получили развитие новые для Казани направления, в первую очередь монголоведение и китаеведение, представленные всемирно известными именами О. М. Ковалевского, В. П. Васильева и менее известными, но не менее значимыми: архимандрита Даниила (Сивиллова), О. П. Войцеховского, Н. И. Зоммера.

Отдельная (четвертая глава) монографии Р. М. Валеева посвящена многочисленным и разнообразным проектам возрождения востоковедных дисциплин в стенах университета. Повествование в этой главе последовательно строится на основе историко-генетического метода, представляя в едином контексте все проекты, от инициативы МИДа и Министерства народного просвещения 1806 г. о развитии востоковедческого образования в рамках Казанского учебного округа вообще (с. 207). Открытием для читателя может стать то, что инициатором создания в Казани «Восточного института» был печально известный попечитель М. Л. Магницкий, хотя работоспособный «План Восточного института» был разработан профессором Ф. И. Эрдманом по приказу нового попечителя М. Н. Мусина-Пушкина (с. 210–211). Нашлось место и для проекта Н. Ф. Катанова, связанного с изменением устава университета 1905 г. (с. 217–218). Как обычно, нереализованные казанские проекты сопоставляются с инициативами, реально

осуществленными в начале XX в. во Владивостоке и Ташкенте (с. 216–218). Хронологически изложение доведено до конца 1920-х гг., поскольку и в первое десятилетие после становления Советской власти в востоковедении продолжали активно работать ученые предыдущего поколения.

В пятой главе специально рассматривается ситуация в Казанском университете от прекращения преподавания восточных языков и до революции 1917 г. Весьма интересные материалы приведены о деятельности О. М. Ковалевского, оставшегося в 1855–1860-х гг. ректором и предпринявшего почти безнадежную попытку «поднять» университет после переезда Восточного разряда (с. 228). На большом фактическом и архивном материале убедительно доказана правота тезиса С. М. Михайловой, что потрясения 1850-х гг. замедлили развитие казанского востоковедения, но не могли остановить его (с. 227–229). Очень колоритной и, отчасти, трагической фигурой данного периода, бесспорно, являлся Н. И. Ильминский. Равным образом от забвения избавлен и И. Н. Холмогоров, чья научная командировка ставится на один уровень с ученым путешествием на Ближний Восток И. Н. Березина (с. 231). С казанским востоковедением переплелась и судьба Н. Ф. Катанова, который имел отношение не только к тюркологии, но и к финно-угроведению (с. 246–247). Тем не менее, Катанову не удалось стать во главе кафедры финно-угорских языков, ни возглавить казанскую тюркологию, это направление с 1917 г. ассоциируется с именем С. Е. Малова (с. 248).

Весьма примечательными следует считать выводы Р. М. Валеева о тесной связи развития востоковедческих обществ Казани с прерыванием деятельности Восточного разряда (с. 257–259). Основатели востоковедческого университетского кружка И. Ф. Готвальд и Н. И. Ильминский также стояли у истоков создания «Общества археологии, истории и этнографии», которое само по себе являлось уникальным институтом, ставшим эпохой в российской университетской науке (с. 260).

Финальная — шестая — глава посвящена развитию востоковедных структур Казани после 1917 г. и до окончательного их разгрома в конце 1920-х гг. Р. М. Валееву удалось убедительно

показать демонстрацию одновременной преемственности и дискретности переходных процессов в советской науке первого десятилетия ее существования. С одной стороны, в 1920-е гг. активно работали представители дореволюционной классической востоковедной школы, но одновременно этнонациональная по природе своей востоковедческая наука в условиях СССР превратилась (в том числе и под политическим давлением) в механизм формирования новых идентичностей и политических структур — национальных республик (с. 266). Специальный параграф посвящен и Научному обществу татароведения, существовавшему в 1923–1929 гг., после чего в структуре университета впервые за семь десятков лет появилась общеуниверситетская кафедра татарского языка.

В заключении представлен, фактически, синопсис объемной монографии, в котором можно еще раз проследить все содержательные блоки и логику исследования. Автором предельно конкретно указаны перспективы дальнейших изысканий на данном исследовательском поле в условиях преодоления постмодернистской парадигмы и грандиозных социально-экономических перемен[9].

---

[9] В данном контексте уместно привести несколько тезисов из выступления Р.М. Валеева и монголоведа И.В. Кульганек (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) на страницах газеты «Казанские ведомости» в связи с подведением итога по циклу исследований «Казанский центр российского востоковедения: судьбы и наследие (XIX — начало XX в.)». В частности, Р.М. Валеев отметил масштабность перемен в современном миропорядке, обозначаемом зачастую как «поворот на Восток»; в этом плане возрождение и укрепление роли востоковедных исследований становится едва ли не фактом повседневности. Необходимо и непрестанное напоминание о великих казанских востоковедах, о которых не знает широкая публика и зачастую забывает молодое поколение исследователей. «Сложность в том, что у нас нет целенаправленной подготовки молодых специалистов, ученых, которые специализировались бы на переводах с редких языков. Это очень важно, потому что от качества перевода во многом зависит то, какие выводы будет делать ученый из этого материала». См.: *Иванычева О.* Указ. соч.

«Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность»[10] и «Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878)»[11]

Данные публикации являются показателями существенного сдвига в историографическом освещении наследия крупнейшего монголоведа XIX в. после монографий В. Котвича (Вроцлав, 1948) и Г. Ф. Шамова (Казань, 1983). Конференция «Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность», проходившая в Казани 21–24 июня 2001 г. (один из соавторов данного обзора — Д. Е. Мартынов — еще студентом оказался ее участником и даже опубликовал материал), была организована Институтом востоковедения КГУ, Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Татарстанским отделением Международной тюркской академии и др. В оргкомитете состояли секретарь Академии наук Республики Татарстан М. З. Закиев (он же стал ответственным редактором публикации) и руководитель проекта института «Открытое общество» синолог Я. М. Бергер. Доклад Р. М. Валеева «Изучение биографии и наследия О. М. Ковалевского в отечественной историографии» констатирует, что изучение биографии и творческого наследия востоковедов, неважно, выдающихся или относимых ко второму ряду, само по себе опирается на долговременную традицию, идущую еще от XIX в. Биографии востоковедов имеют огромное познавательное, воспитательное и мировоззренческое значение[12]. Также Р. М. Валеев отмечал (повторяя тезисы своей докторской диссертации), что востоковедная биографика в некотором роде «отстает» от генерального направления развития научной и вненаучной

[10] Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность: докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (21–24 июня 2001 г.) / Отв. ред.: М. З. Закиев, Р. М. Валеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 232 с. ISBN5-7464-0241-9.

[11] Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р. М. Валеев, Т. В. Ермакова, И. В. Кульганек и др. / Отв. ред. И. В. Кульганек. Казань: Алма-Лит, 2004. 288 с. ISBN5-98245-011-1.

[12] Наследие… С. 17.

мысли, ибо мало связана с использованием принципов социально-гуманитарных дисциплин, истории науки, психологии творческой личности[13]. Историографическое освещение наследия О.М. Ковалевского находилось в разительном несоответствии с его известностью и качеством и величиной научного вклада. По состоянию на 2001 г. отсутствовала не только фундаментальная академическая биография О.М. Ковалевского, но даже не было полностью изучено его рукописное и печатное наследие[14].

Выход в свет монографии «Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878)» можно считать оперативным ответом на те вызовы, которые охарактеризованы Р.М. Валеевым на форуме 2001 г. В предисловии к книге «Монголовед О.М. Ковалевский» авторы Р.М. Валеев и И.В. Кульганек указали цель коллективной работы — дать комплексную оценку научной, педагогической, собирательской и организационной работы великого монголоведа. Идея монографии, состоящей из очерков, написанных по единому плану разными специалистами, как раз и была сформулирована во время конференции «Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность», в авторском коллективе приняли участие известные специалисты из академических институтов Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Улан-Удэ, Варшавы, в том числе А.Н. Хохлов, В.Л. Успенский, Е. Тулисов, Т.М. Ермакова[15].

В составе коллективной монографии, включающей две главы и 11 очерков, Р.М. Валеевым были представлены очерки «Преподавание восточных языков в Первой Казанской гимназии» и «Формирование и развитие казанского университетского востоковедения: разряд восточной словесности Казанского университета (1807–1855)». Кроме того, в соавторстве с польским исследователем Ежи Тулисовым Р.М. Валеевым написан очерк «Основные этапы жизни О.М. Ковалевского: Вильнюс, Казань, Варшава». Все эти материалы вошли в состав первой главы мо-

[13] Наследие… С. 18.

[14] Наследие… С. 19.

[15] Монголовед О.М. Ковалевский… С. 4.

нографии, посвященной биографии Ковалевского в контексте российского востоковедения XIX в. Очерк Р. М. Валеева и Е. Тулисова далее публиковался как отдельная статья (при участии И. В. Кульганек) в Вильнюсе[16]. В данном очерке О. М. Ковалевский (со ссылкой на Д. Улымжиева) характеризовался как «учитель школы монголоведения», и это определение повторялось также и в предисловии к монографии.

«Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского»[17]

Коллективная монография вышла в 2020 г. в издательстве «Петербургское Востоковедение». Ее авторами являются известные исследователи Казани, Улан-Удэ и Санкт-Петербурга. Существенное место в объеме почти четырехсотстраничного тома занимают архивные данные, превращая монографию в своего рода малое собрание источников по биографии О. М. Ковалевского. В состав издания вошла публикация путевых дневников О. М. Ковалевского за 1830–1832 гг., которая не стала простым повторением издания 2006 г. под редакцией Р. М. Валеева и И. В. Кульганек. Лично Р. М. Валеев занимался подготовкой к публикации «Дневника занятий» О. М. Ковалевского, сохранившегося в Государственном архиве Республики Татарстан. Событийный ряд его начинается в июне 1831 г., охватывая караванный переезд из Пекина до российской границы. Дневник оканчивается 10 августа — пересечением границы в Троицкосавске и верноподданным славословием Всероссийскому венценосцу (с. 367). Дневник носил официальный характер, являясь важным отчетным документом. Вероятно, автор планировал напечатать его. Завершает публикацию «Дневник занятий» 1832 г. из библиотеки Вильнюсского

---

[16] *Valeev R., Kulganek I., Tulisow J.* Professor O. M. Kowalewski — Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: His biographical landmarks // ActaOrientaliaVilnensia. Vilnius, 2009.Vol. 10, iss. 1–2. P. 29–55.

[17] Использованы материалы нашей рецензии: *Мартынова Ю. А.* Рецензия: Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская. Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) // Современные востоковедческие исследования. 2020, Т. 2, № 4. С. 109–114.

университета. Данный текст интересен, в первую очередь, как источник по творческой лаборатории востоковеда XIX в., который был вынужден в полевых условиях на практике осваивать монгольский язык, одновременно занимаясь его теоретическим изучением и накоплением достаточного фонда литературных источников по самой разнообразной тематике. Параллельно это и важное свидетельство очевидца по деятельности миссии Лондонского миссионерского общества в Селенгинске. Изложение начинается 22 мая 1832 г. (т.е. когда уже истекал срок командировки О.М. Ковалевского в Казани) и завершается 29 сентября на высокой ноте: констатацией открытия русско-монгольской школы в Троицкосавске по предложению ученого (некоторые ее ученики смогли продолжать образование в Казани). Далее следует список книг и рукописей, отправленных в библиотеку Казанского университета, в том числе пожертвованных бурятами (с. 421–423). Дневники снабжены полезными указателями: собственных имен, упоминаемых в тексте, географических названий и глоссарием восточных слов и терминов.

Ценность дневников (тем более выдающихся востоковедов) как исторического источника неоспорима. С одной стороны, это был официальный документ, служащий для фиксации действий ученого, командированного правительственными учреждениями и следовавшего положениям специально составленной инструкции. В частности, О.М. Ковалевский и А.В. Попов (будущий глава кафедры калмыцкого языка, командированный вместе с ним) располагали отдельными инструкциями для деятельности среди бурят за Байкалом и для поездки в Пекин. Они были составлены В.Я. Булыгиным и Ф.И. Эрдманом (с. 190; 368). В 1830 г. через экспедицию П. Шиллинга и Н. Бичурина (о. Иакинфа) О.М. Ковалевский получил новую инструкцию, составленную известным монголоведом Я.И. Шмидтом, специально посвященную вопросам языкознания, литературы и истории (с. 219). В отчетах, посылаемых на имя попечителя М.Н. Мусина-Пушкина, Ковалевский прямо соотносил свои действия с инструкцией (напр., с. 181–182). Впрочем, отношения с А.В. Поповым складывались нелегко, что следует из писем и отчетов начальству (с. 202; 207; 224–225). В дальнейшем и сам О.М. Ковалевский составлял инструкции научных

путешествий для своих учеников: Г. Никитуева, Н. И. Зоммера, В. П. Васильева (с. 158–160; 162–164; 251–256).

В содержательном отношении дневники О. М. Ковалевского включают в себя как материал, непосредственно полученный «в поле», так и авторские размышления над ним, тем более, что, пересекая Монголию, исследователь имел возможность перепроверить и уточнить первоначально собранные сведения или менял к ним отношение после опыта, полученного в Китае.

«Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (очерки и материалы)»[18]

Вышедшая в известном специализированном издательстве «Петербургское востоковедение» коллективная монография была поддержана как минимум двумя грантами РФФИ (№ 17-01-00209-ОГН и № 20-09-00385а), а также государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета. Вступительные слова представляют собой самостоятельные авторские рассуждения о выдающемся востоковеде XIX в. В первом из них академик РАН В. С. Мясников перечислил основные достижения В. П. Васильева и его главных учеников, а также поместил список научных трудов XIX–XXI вв., без которых невозможно изучение российского востоковедения. Вступительное слово члена-корреспондента РАН, директора ИВР РАН И. Ф. Поповой освещает новаторство В. П. Васильева как востоковеда и обозначает целевую аудиторию монографии. Предисловие к монографии раскрывает ее структуру и подписано авторами и ответственными редакторами — Р. М. Валеевым

[18] Использованы материалы рецензии: *Мартынова Ю. А.* Рецензия: [Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский / Сост. Т. А. Пан; Отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. Вступ. слова: В. С. Мясников, И. Ф. Попова, И. Р. Гафуров. СПб.; Казань: Петербургское Востоковедение, 2021. 320 с. ISBN9785-85803-547-3] // Современные востоковедческие исследования. 2021. Т. 3, № 4. С. 638–643.

и И.В. Кульганек. Разделы в главе, посвященной жизненному пути В.П. Васильева, написаны Р.М. Валеевым и Д.Е. Мартыновым, далее подтверждаются и фундируются выкладками В.Ю. Жукова и И.В. Кульганек («Из биографии ученого»). В этом и следующем за ним третьем параграфе подробно рассмотрены вопросы генеалогии потомков В.П. Васильева до восьмого поколения, что само по себе ценно для обобщающих работ не только историков науки. Также Р.М. Валеев и Д.Е. Мартынов написали первый из пяти параграфов завершающей главы монографии «Основные центры китаеведения в России и Европе». В содержательном отношении это очерк формирования синологии в Восточном разряде Казанского Императорского университета в период 1837–1855 гг. Материалы его вписаны в широкий контекст развития востоковедной науки в столичных и провинциальных центрах Российской империи, с особым вниманием к Казани. Логическим и тематическим продолжением явился второй параграф об историко-культурных исследованиях Центральной, Восточной и Южной Азии в стенах Казанского университета во второй половине XIX в., написанный единолично Р.М. Валеевым. Здесь расставлены акценты в решении вопроса о преемственности казанского наследия в Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, а также ситуации в Казани до переезда сюда Н.Ф. Катанова. Не забыты и штудии И.А. Бодуэна де Куртенэ, который в 1875 г. читал курсы по санскриту на историко-филологическом факультете. Третий параграф о развитии востоковедения в Европе в XVIII–XIX вв. создан специалистами из Владивостока и Харбина: профессором О.П. Еланцевой, которая, к несчастью, покинула этот мир ко времени выхода книги в свет, и аспиранткой Се Фэнлин, защитившей в 2023 г. кандидатскую диссертацию под руководством Р.М. Валеева.

Известность В.П. Васильева и величина его вклада в российское и западное китаеведение находятся в разительном контрасте с количеством опубликованных биографий. Собственно, и рецензируемая работа составителями позиционировалась как «очерки и материалы». В параграфе о пекинском периоде деятельности

В. П. Васильева его авторы — Р. М. Валеев и Д. Е. Мартынов — прямо утверждают: «Фрагментарность наших представлений… особенно поразительна, учитывая огромный прогресс исторических наук о Китае в самой КНР». Даже переводчик «Очерков истории китайской литературы» Чжао Чуньмэй не использовал материалы из Первого исторического архива КНР (с. 112–113).

«Наследие Н. Ф. Катанова»[19] и «Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков»[20]

Международный научный семинар «Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии» проходил в стенах Казанского государственного университета 30 июня — 2 июля 2005 г., продолжая серию тюркологических научных форумов, проводившихся после 2000 г. в Абакане, Стамбуле и Казани. Организацией казанских мероприятий занимались сотрудники Института востоковедения КГУ, Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), а издание сборника трудов оказалось возможным благодаря средствам гранта Академии наук Республики Татарстан. В состав сборника 2006 г. вошли две статьи Р. М. Валеева: «Профессор Н. Ф. Катанов — классик российской тюркологии (1862–1922)» и «Проекты профессора Н. Ф. Катанова о возрождении востоковедения в Казани в первые десятилетия XX в.». В первой из них констатируется, что, как и в случае с О. М. Ковалевским, личностные обстоятельства и научное наследие великого хакасского тюрколога не только не изучены должным образом, но и в значительной степени не собраны. Между тем, изучение жизни и трудов Н. Ф. Катанова

[19] Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: докл. и сообщ. междунар. науч. семинара, 30 июня — 1 июля 2005 г. / Редкол.: Р. М. Валеев, М. З. Закиев, Д. Г. Зайнуллин. Казань: Алма-Лит, 2006. 295 с. ISBN5-98245-022-7.

[20] Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии / Науч. и отв. ред. Р. М. Валеев и В. Н. Тугужекова. Казань; Абакан: Алма-Лит, 2008–2009. 354 с. ISBN978-5-98245-1051-7.

возможно осуществлять, лишь принимая во внимание широкий социокультурный контекст развития востоковедения на рубеже XIX–XX вв.[21]. Развитие Катанова как ученого определялось двумя доминантами: во-первых, путешествием в Восточную Сибирь, Туву, Семиречье и Восточный Туркестан в 1889–1892 гг., которое стоит в одном ряду с великими экспедициями Ч. Валиханова, Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. Н. Потанина[22]. Во-вторых, для казанского востоковедения главной заслугой Н. Ф. Катанова является возрождение традиции преподавания восточных дисциплин и осуществление комплексных тюркологических исследований[23]. Отдельное исследование посвящено проекту Н. Ф. Катанова 1905 г., внесенному в Совет историко-филологического факультета в связи с изменением университетского устава. В той или иной форме проект воссоздания кафедр восточных языков, истории и этнографии так или иначе реанимировался еще в 1912 и 1918–1919 гг., неоднократно обсуждался в разных инстанциях[24].

Структура монографии «Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков» включает три главы и 18 параграфов, принадлежащих разным авторам. Р. М. Валеев единолично и в соавторстве принял участие в написании введения (совместно с В. Н. Тугужековой); параграфа о годах, проведенных Н. Ф. Катановым на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета и в научном путешествии в Сибирь и Восточный Туркестан; описания контекста финно-угроведения и тюркологии в Казани после ликвидации Восточного разряда и казанского периода деятельности Н. Ф. Катанова (совместно с О. Н. Коршуновой и С. М. Михайловой); истории взаимодействия Катанова с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете; изучении Н. Ф. Катановым этнографии тюркских народов. Суммарно эти разделы занимают не менее трети общего объема монографии. Фактически на архивном материале и катановских публикациях Р. М. Валеев углубил

[21] Наследие Н. Ф. Катанова… С. 4.

[22] Наследие Н. Ф. Катанова… С. 6.

[23] Наследие Н. Ф. Катанова… С. 9.

[24] Наследие Н. Ф. Катанова… С. 15–16.

и разъяснил теоретические постулаты своей монографии о казанском востоковедении как целостном феномене. Во введении дана декларация обновления катановских штудий в российской востоковедной историографии, во многом оставшаяся не услышанной. Между тем известная биография С. Н. Иванова[25], второе издание которой вышло в 1973 г., ярко иллюстрирует отсутствие комплексного монографического исследования жизненного пути и научного наследия Н. Ф. Катанова (с. 8). К сожалению, в первые десятилетия XXI в. сложилась парадоксальная ситуация, когда огромный объем публикаций, выпущенных специалистами Казани, Красноярска, Минусинска и Абакана, игнорируется представителями старых востоковедных центров Москвы и Петербурга. Из содержания образцовой во всех остальных отношениях пенталогии «Восточный Туркестан и Монголия. История изучения»[26] следует, что ее авторы и редакторы использовали именно очерк Иванова (и «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов» А. Н. Кононова), как если бы дальнейшая разработка катановской тематики завершилась к концу 1980-х гг.

«С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922)»[27]

Большеформатная монография-альбом, созданная коллективом авторов: историком Н. А. Данькиной, искусствоведом М. П. Чебодае-

---

[25] *Иванов С. Н.* Николай Федорович Катанов, 1862–1922: Очерк жизни и деятельности. Изд. 2-у. М.: Наука, 1973. 113 с.

[26] Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН М. Д. Бухарина. М.: Памятники исторической мысли, 2018. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. 704 с. ISBN978-5-88451-363-1, 300 экз. Особо см.: с. 17, примеч. 48.

[27] Использованы материалы нашей рецензии: *Мартынова Ю. А.* Рецензия: Чебодаева М. П., Валеев Р. М., Данькина Н. А. С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922). СПб., 2023. 104 с. ISBN978-57422-8207-5 // Современные востоковедческие исследования. 2023. Т. 5, № 4. С. 127–132. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2023-127-132.

вой и профессором Р.М. Валеевым, подготовлена к 160-летию со дня рождения и к столетию кончины Н.Ф. Катанова. Именно в Казани сохранились объемные архивные тексты, в частности, дневники тюркологической экспедиции 1888–1892 гг., научным изучением и публикацией которых в течение последнего десятилетия занимаются Р.М. Валеев, Д.Е. Мартынов и Ю.А. Мартынова. Д.Е. Мартынов выступил рецензентом монографии, как и В.Н. Тугужекова, профессор Хакасского университета, известная исследовательница наследия Н.Ф. Катанова. Монография издана под эгидой редакции «Книга Памяти» Республики Татарстан, Института международных отношении Казанского университета и Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова (г. Абакан). Основная часть книги разделена на семь ненумерованных глав-очерков, образующих связное изложение. Предметы их самые разнообразные, хотя и группируются они по логике вещей — от истории родного села Н.Ф. Катанова и биографий родственников до обстоятельств жизни самого Катанова и коллекций, доставленных ученым в петербургскую Кунсткамеру. Очерки-главы не оканчиваются общим послесловием, что, вероятно, было сознательным решением авторов, поставивших цель — описать тридцатилетний период формирования Катанова как ученого, они оставили возможность создать альбом-монографию о казанском периоде его деятельности, который можно осуществить в формате богато иллюстрированного издания. Все очерки сопровождаются исключительным по богатству и качеству изобразительным рядом.

Заключение

В рамках вводного раздела юбилейного сборника, пусть и большого объема, немыслимо решать те же задачи, что при монографической подаче материала. Тем не менее, мы рассчитываем, что будущие авторы объемной биографии Р.М. Валеева получат некоторую опорную точку и возможность полемики и уточнения выдвинутых здесь положений. Научный процесс неотделим от академической коммуникации, и сведения, которые благодаря энтузиазму профессора Р.М. Валеева оказались извлеченными на свет, представляют в том числе и ценность

сами по себе, «демонстрируя следующим поколениям ученых, что можно сделать, просто это сделав»[28].

D. E. Martynov, Yu. A. Martynova

Ramil Mirgasimovich Valeev: a Sketch of a Scientific Biography

Summary. The article briefly characterizes the life path and achievements of the Kazan historian of Oriental studies Ramil Mirgasimovich Valeev. Having received an education at the Kazan University and having worked for a long time in the Ministry of Education of the Republic of Tatarstan, the researcher relatively quickly found his general theme — the history of Russian university Oriental studies before the 1920s with the focus on the scholars from the Kazan University. Over three decades of active work R. M. Valeev has published more than 450 articles, 18 monographs, and prepared 13 candidates of sciences. The article suggests a periodization of the scientific biography of R. M. Valeev and highlights the general directions of his academic interests. These interests include scientific biography, history of scientific schools, publication of archival sources, primarily the diaries of O. M. Kovalevsky and N. F. Katanov, correspondence of A. K. Kazem-Bek, and many other materials. Many aarticles in periodicals are also devoted to the correspondence of A. E. Krymsky, V. F. Minorsky, V. V. Bartold, and others. It was thanks to the scientific forums held on the initiative of R. M. Valeev in 2001 and 2005 that a new stage in the study of the scientific biography of both O. M. Kovalevsky and N. F. Katanov began. That led to the publication of voluminous collective monographs and the advancement of the study of the scientific merits of these scientists to a qualitatively new level. The article also provides analytical reviews of all the key monographs completed by R. M. Valeev alone or in collaboration with colleagues during the period from 1993 to 2023.

[28] В оригинале цитата относится к большим нарративам М. И. Ростовцева: *Shaw B. D.* Under Russian Eyes // Journal of Roman Studies. 1992. Vol. 82. P. 216.

Библиография научных и учебных работ профессора Р. М. Валеева

1983

Любимый учитель и наставник Н. Г. Чернышевского // Совет мэктэбэ. № 2. 1983.

Востоковед Г. С. Саблуков и некоторые вопросы золотоордынской проблематики (40-е гг. XIX в.) // Деп. ВИНИОН 17.11.1983 г. № 14303.

1984

Саратовский период научно-педагогической деятельности Г. С. Саблукова // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М.: Наука, 1984.

Г. С. Саблуков — тюрколог (к 180-летию со дня рождения) // Советская тюркология. 1984. № 6.

1986

Востоковед Г. С. Саблуков и проблемы исламоведения (50–80-е гг. XIX в.) / Автореферат канд. дисс. Казань, 1986.

1987

Г. С. Саблуков и «Родословное древо тюрок» (из опыта текстологической и исторической критики) // Бартольдовские чтения. М., 1987.

Исламовед Г. С. Саблуков и Коран: Перевод и исследование (50–70-е гг. XIX в.). Казань, 1987.

1989

Г. С. Саблуков и отечественное исламоведение (50–70-е гг. XIX в.) // Историография Ирана нового и новейшего времени. М.: Изд-во Вост. лит., 1989.

1990

Коран и его первый переводчик // Идель. 1990. № 1.

Из опыта сравнительно-исторического изучения ранних буржуазных революций Запада и Востока (к историографии вопроса) // Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Казань, 1990.

1993

Традиции и новации в изучении турецкой историографии в советской историко-востоковедной литературе // Историческая

наука в меняющемся мире. Вып. I. Историография всеобщей истории. Казань: Казан. гос. ун-т, 1993.

Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков — тюрколог и исламовед. Казань: Kazan–Казань, 1993.

1995

Новая история зарубежных стран. Учебное пособие для поступающих в высшие учебные заведения по специальности «История». Казань, 1995. (соавтор).

Изучение Востока польскими учеными в российских университетах в первой половине-середине XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.): Конференция в Казани 13–15 окт. 1993 г. Комиссия историков России и Польши / Редкол.: Ю. Бардах, В. А. Дьяков, А. Е. Иванов; Обложка Я. Коцишевски; Предисл. от редакции. Варшава: UN-O, 1995.

Феномен казанского востоковедения (конец XVIII — 20-е гг. XX в.) // Традиции и новации // Социально-историческое знание в Татарстане: Исследовательские традиции и современность. Тезисы докладов Республиканской научной конференции (14–15 июня 1995 г.). Казань, 1995.

1996

Мусульмане в Российской империи // Идел. 1996. №3/4. (В соавторстве с Р. А. Набиевым).

Мусульманский мир в средние века и в новое время. Ч. 1–2: Очерки исламской истории и культуры. Пособие для студентов (Р. М. Валеев, РА. Набиев, Б. М. Ягудин, Р. М. Мухаметшин) / Под ред. Р. М. Валеева. Казань, 1996.

1997

Valeev R. Islamic Studies in Kazan in the second Half of the 19th — early 20th centuries // Oriental Studies in the 20th Century: Achievementes and Prospects. Abstract of the Papers of CIS Scholars for the 35th ICANAS (Budapest), Jul. 7–12. Vol. 2. Moscow, 1997.

Казанские востоковеды И. Ф. Готвальд и Н. Ф. Катанов: Судьбы и деяния // Интеллегенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX века. Материалы Республиканской

научной конференции, посвященной 100-летию Галимджана Шарафа (2–4 декабря 1996 г.). Казань, 1997.

Новые архивные материалы о проектах востоковедного образования в Казани и преподавании азиатских языков в Первой Казанской гимназии в 20–40-е гг. // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тезисы и краткое содержание докладов Международной научной конференции. Казань: Казан. гос. ун-т, 1997.

Исламоведческие исследования в Казани в XIX — нач. XX вв. // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. Тезисы и краткое содержание докладов Международной научной конференции. Казань: Казан. гос. ун-т, 1997.

Исламоведческие исследования в Казани во второй половине XIX — началее XX веков. М.: Вост. лит., 1997.

Соображаясь с образом мыслей нашей нации… // Гасырлар авазы (Эхо веков). 1997. № 1–2.

Российский ориентализм в XIX в.: социокультурная роль // Интеллигенция и культура: история, современность, перспективы. Материалы Межвузовской научной конференции (14–15 февраля 1996 г.). Казань: Изд-во КГАКИ, 1997.

Казань и Казанский университет в системе историко-культурных связей России со странами Востока // Культура и этика бизнеса: история, традиции, проблемы переходного периода. Материалы Международной научно-практической конференции (17–18 сентября 1997 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997.

Феномен казанского востоковедения XIX в. — первых двух десятилетий XX в. // Вестник Московского университета. Сер. востоковедение. 1997. № 3.

Образование и наука в Татарстане: выживание и обновление // Профессиональное образование. Казанский педагогический журнал. 1997. № 3(8).

1998

Казанское востоковедение: Истоки и развитие (XIX в.— 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998.

Классик российской тюркологии: изучение биографии и наследия Н. Ф. Катанова (20–80-е гг.) // Катановские чтения / Сб. ст. Казань: Изд-во «Мастер лайн», 1998.

Профессор Н. Ф. Катанов и казанское востоковедение в конце XIX в. — первых двух десятилетиях XX в. // Катановские чтения / Сб. ст. Казань: Изд-во «Мастер лайн», 1998.

Негосударственные высшие учебные заведения Республики Татарстан: Состояние и перспективы // Профессиональное образование. Казанский педагогический журнал. 1998. № 1(10).

Казань и Казанский университет в системе историко-культурных связей России со странами Востока в новое время // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока: Доклады научно-теоретической конференции докторантов, аспирантов, молодых преподавателей и исследователей гуманитарных кафедр (13–15 октября 1998 г.). Книга I. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 1998.

1999

...Преподавание восточных языков ... должно приближаться к своей природной форме // Гасрылар авазы (Эхо веков). 1999. № 1–2.

Негосударственные вузы: Сегодня и завтра // Мэгариф (Просвещение). 1999. № 2.

Высшие учебные заведения Татарстана // Мэгариф (Просвещение). 1999. № 5.

Зеркало Азии: Казань и академическое востоковедение в России XIX — нач. XX вв. // Казань. 1999. № 7–8.

2000

Проекты возрождения востоковедения в Казани во второй половине XIX — начале XX в.(новые архивные документы) // Восточный архив. 2000. № 4–5.

Высшая школа Татарстана: 90-е гг. // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2000. № 3–4.

Современное состояние высшей школы Татарстана и перспективы инженерно-технического образования // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2000. № 1.

Высшая школа Татарстана: 90-е гг. // Мэгариф (Просвещение). 2000. № 10.

Востоковедение в Казанском университете (XIX — нач. XX вв.) Казань: Хэтэр, 2000.

2001

Состояние и перспективы профессиональной подготовки специалистов социокультурной сферы в Татарстане (90-е гг.) // Потребности в кадрах социокультурной деятельности: состояние и перспективы изучения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (Казань, 22–23 марта). Казань: Изд-во ГранДан, 2001.

Проекты возрождения востоковедения в Казани во второй половине XIX — начале XX веков // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2001. № 1/2.

Цинская империя в новое время. Практические занятия по курсу «История стран Азии и Африки». Казань, 2001.

Мирза Казем-Бек и востоковедение в России в XIX в. // Мирза Казем-Бек и отечественное востоковедение. Доклады и сообщения научной конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Традиции иранистики в Казанском университете (XIX век) // Россия и Иран: Иранистика в Татарстане. Сб. ст.. М.: Палея-Мишин, 2001.

Монголоведение и китаеведение в Казанском университете первой половины XIX века // Историк среди историков. Сборник и воспоминаний и статей. Казань, 2001.

Казань — важный центр мирового востоковедения (Sarkiyatciligin onemli merkezi: Kazan) // Diyalog avrasya. 2001. № 5.

2002

Осип Михайлович Ковалевский. 1801–1878. Казань: Изд-во: Казан. гос. ун-та, 2002.

Василий Павлович Васильев. 1818–1900. Казань: Изд-во: Казан. гос. ун-та, 2002.

Изучение биографии и наследия О.М. Ковалевского в отечественной историографии // Наследие монголоведа О.М. Ковалевского и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (21–24 июня 2001 г.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2002.

Восточный разряд // Татарская энциклопедия. Т. 1. А–В. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2002.

Востоковедение // Татарская энциклопедия. Т. 1. А–В. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2002.

Васильев Василий Павлович // Татарская энциклопедия. Т. 1. А–В. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2002.

Основы этнографии и этнологии Турции. Казань, 2002.

Классик отечественного востоковедения // Научный Татарстан. 2002. № 2.

Профессор О. Ковалевский: «Желая, по силам и возможности, знакомить наших читателей с сокровищами монгольской литературы…» // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2002. № 1/2.

Югары белемне — татар телендэ (Энгэмэ) // Мэгариф (Просвещение). 2002. № 3. (Высшее образование — на татарском языке).

Современное состояние высшей школы Татарстана и перспективы инженерно-технического образования // Проблемы формирования гуманитарной среды в техническом вузе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (29–30 октября 2002 г.). Часть II. Альметьевск, 2002.

Интеграция науки и высшего образования в Татарстане: состояние и перспективы // Социальная трансформация и актуальные проблемы современного образования. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию ТАРИ (Казань, 22 мая 2002 г.). Казань: ЗАО Новое знание, 2002.

Очерки новой и новейшей истории крупнейших стран Азии. М.; Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. (В соавторстве с Луневым С.И., Широковым Г.К.).

2003

Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769–1920 гг.). Рекомендовано Советом по востоковедению, африканистике и регионоведению Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 022880 «Востоковедение и африканистика». Казань, 2003.

Мусульманские страны: Очерки истории и культуры (VII–XV вв.). Казань: Изд-во Интелпресс, 2003.

История российского востоковедения (XVIII в.— 1917 г.). Программа курса, темы практических занятий, рефератов, курсовых и дипломных работ. Казань, 2003.

Илья Николаевич Березин. 1818–1896. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003.

Мирза А. Казем-Бек и востоковедение в России (XIX в.) // Научные исследования. Материалы Международной научной конференции «Мирза Казем-Бек-200» (Баку, Азербайджан, 11–12 июня 2003 г.). Баку: Nuralan, 2003.

Некоторые актуальные проблемы профессиональной подготовки // Мэгариф (Просвещение). 2003. № 6(808).

Интеграция науки и высшего образования в Татарстане: состояние и перспективы // Город Альметьевск как социум XXI века: опыт и перспективы интеграции образования, науки, производства. Пленарное заседание. Тезисы докладов. Альметьевск, 2003.

2004

Итоги и перспективы изучения истории российского востоковедения (XIX–XX вв.) // Международный конгресс востоковедов. ICANAS-37: Тезисы. М., 2004.

Осип Михайлович Ковалевский. 1855–1860 гг. // Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг.: Очерки жизни и деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.

The study of Iranian culture at Kazan in the nineteenth and twentieth centuries // International conference on the study of Persian culture in the West. State Hermitage. June 2004.

Изучение иранской культуры в Казани в XIX и начале XX вв. // Международная конференция по изучению культуры Ирана на Западе. Государственный Эрмитаж. Июнь, 2004 г. (соавтор).

Традиции казанского университетского востоковедения (XIX — начало XX вв.) // Глобализация и национальная самобытность. Форум языков. 2003. Ежегодник. Казань: Экоцентр, 2004.

Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Науч. ред. Казань: Алма-Лит, 2004. (сооавтор).

Традиции восточного краеведения в истории казанского востоковедения (XIX — 20-е гг. XX вв.) // Историческое краеведение в Татарстане: Материалы республиканской научной конференции (20–21 декабря 2002 г.). К 70-летию со дня рождения К.Р. Синицыной (1932–1997 гг.). Казань, 2004.

Арабистика в Казанском университете во время существования восточного разряда (1807–1855) // Вестник ТИСБИ. Научно-информационный журнал. № 3, июль-сентябрь. 2004 г. (сооавтор).

Исламоведение в России // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань: Мэгариф (Просвещение). (В сооавторстве с А. Малашенко и Р. Набиевым).

У истоков российского монголоведения. Профессор О.М. Ковалевский // Восточный архив. 2004. № 11–12.

Приветственное слово начальника управления высшего, среднего профессионального образования и науки Кабинета Министров Республики Татарстан, доктора исторических наук Р.М. Валеева // Этнодидактика народов России: природосообразные модели, системы, технологии: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Нижнекамск, 28 апреля 2004 г.). Нижнекамск: Изд-во НМИ Чишмэ, 2004.

Российско-турецкие отношения. 1492–1918 гг. Программа курса, темы практических занятий, рефератов и курсовых работ. Казань, 2004.

2005

Россия–Монголия–Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент., указ. И.В. Кульганек, Р.М. Валеев. Казань: Изд-во «Таглимат», 2005.

История востоковедения в Казанском университете // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник научных статей и сообщений. Казань, 2005.

Востоковедение как направление деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1929) // История и историки в Казанском университете: К 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сборник научных статей и сообщений. Казань, 2005.

Творческое наследие И.Н. Березина // История и историки в Казанском университете: К 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сборник научных статей и сообщений. Казань, 2005. (соавтор).

Традиции казанского университетского востоковедения (XIX — начало XX вв.) // I Международный симпозиум. Сборник ученых статей Казанского университета (Казань, 21–22 мая 2005 г.). Казань, 2005.

Traditions des sciences orientales a l unuversite de Kazan (XIX — debut du XX s. // I Symposium international. Recueil d articles des savants de l universite d etat. (Kazan, le 21–22 mai 2004). Казань, 2005.

Феномен университетского востоковедения в Казани: истоки и развитие (XIX — начало XX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. Т. 147, кн. 2.

Валеев Р.М. Социально-политическая система арабских стран. Программа курса. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. Казань, 2005.

Основные итоги и перспективы изучения истории российского востоковедения (XIX–XX вв.) // Сборник статей и докладов Института востоковедения КГУ. Вып. 2–3. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. Казань, 2005.

Александр Касимович Казем-Бек. 1802–1870. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. (соавтор).

Исламоведение // Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Инт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й.

2006

Университетское востоковедение в Казани (XIX–XX вв.) // X сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповидей міжнародноі наукової конференціі, 5–6 жовтня 2006 р. Киев, 2006.

Истоки и развитие восточного краеведения в казанском востоковедении в XIX — начале XX вв. // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.

Традиции изучения иранской цивилизации в Казани (XIX — 20-е годы XX в.) // Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. Материалы Международной конференции (14–15 февраля 2006 г.). М., 2006. (В соавторстве с А.А. Арслановой).

Tradition of study of Iranian civilization in Kazan (1800^{s}–1920^{s}) // Iran: Cultural and Historical tradition and dynamics

of development. Proceedings of the International Conference. February 14–15 2006. Moscow, 2006.

Университетское востоковедение в Казани: Истоки и развитие (XIX–XX вв.) // Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы». К 150-летию восточного факультета СПбГУ (4–6 апреля 2006 г.). Тезисы докладов. СПб., 2006.

Феномен университетского образования в Казани (XIX–XX вв.) // Служебная лестница. 2006. № 6.

Россия–Монголия–Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент., указ. Р.М. Валеев, И.В. Кульганек. Казань; СПб.: Изд-во «Таглимат», 2005–2006.

Профессор Н.Ф. Катанова — классик российской тюркологии (1862–1922) // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии. Доклады и сообщения Международного научного семинара (30 июня — 1 июля 2005 г.). Казань: Алма-Лит, 2006.

Проекты профессора Н.Ф. Катанова о возрождении востоковедения в Казани в первые десятилетия XX в. // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии. Доклады и сообщения Международного научного семинара (30 июня — 1 июля 2005 г.). Казань: Алма-Лит, 2006.

Феномен востоковедения в Казани: истоки и развитие (XIX–XX вв.) // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Научный журнал. Специальный выпуск. Мир Востока: в 2 ч. Уфа: Восточный ун-т, 2006. Ч. 2.

Востоковедение в Татарстане: прошлое и настоящее // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 2. Тезисы докладов V Всероссийского съезда востоковедов (26–27 сентября 2006 г.). Уфа: Вили Окслер, 2006.

История отечественной тюркологии (XVIII в.— 1917 г.). Программа курса, темы практических занятий, рефератов, курсовых и дипломных работ. Казань, 2006.

...Мы именно нуждаемся в знатоках тюркско-татарских языков (Казань и академический ориентализм в России в XIX в.) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2006. № 2.

Китай 1830–1831 гг. глазами монголоведа О.М. Ковалевского // Пути поднебесной. Вып. 1. Ч. 2. Минск, 2006. (В соавторстве с И.В. Кульганек).

Монголоведение в истории казанского востоковедения (XIX — нач. XX вв.) // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.) Доклады российских ученых. М., 2006.

Традиции восточного краеведения в истории казанского востоковедения (XIX — начало XX вв.) // Актуальные проблемы истории в отечественной и зарубежной историографии: Материалы VII Тарасовских чтений (Йошкар-Ола, 14 мая 2004 г.). Йошкар-Ола, 2006.

Ал-исти раб фи-джамиати Казан фил-карни тасиъ-ишруна ва бидайат-ал-карни-л-ширина (Востоковедение в Казанском университете в XIX — начале XX вв.) // Ал-хиуар ас-сакафи ар-русийи-л-арабийи (Сборник докладов АЛЕКСО Российско-арабский диалог). Тунис, 2006.

2007

Профессор Ковалевский (Kowalewski) О.М. (Jozef) — монголовед и путешественник // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Материалы Международной научной конференции. Казань: Казан. гос. ун-т, 2007.

Санскритология и буддология в Казанском университете (Очерк истории казанского университетского востоковедения в XIX в.). Казань: Казан. гос. ун-т, 2007.

Основные этапы развития отечественной историографии истории российского востоковедения (XIX–XX вв.) // XXIV Международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (10–12 апреля 2007 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков. СПб., 2007.

Монголоведение в истории казанского востоковедения (XIX — нач. XX вв.) // Россия и Монголия сквозь призму времени: Материалы Международной научно-практической конференции «Улымжиевские чтения-3». Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2007.

Феномен казанского университетского востоковедения (XIX — начало XX вв.). The phenomenon of oriental studies at Kazan University (XIX — early XX centuries) // 38. ICANAS, 10–15/09/2007 Ankara/Turkiye. Bildiri ozetleri kitabi. Abstracts. Ankara/Turkiye, 2007.

У истоков казанского востоковедения // Восточная коллекция. 2007. № 3.

Отечественная историография истории казанского востоковедения: этапы и направления (XIX–XX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2007. Т. 149. Кн. 4.

Н.Ф. Катанов и изучение этнографии тюркских народов Центральной Азии (кон. XIX — нач. XX в.) // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007. № 1.

2008

Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казань; Абакан, 2008–2009. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой и др.).

Традиции монголоведения в Казани (XIX — начало XX в.) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

Политическая система Республики Турция. Программа курса. Казань, 2008.

Арабский мир и система международных отношений (рубежи XV–XVI — XX–XXI вв.): Программа курса. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008.

Профессор С.М. Михайлова и история казанского востоковедения // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения. Сборник статей и сообщений научной конференции, посвященный памяти профессора С.М. Михайловой. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008.

Российские архивные фонды и история казанского востоковедения в XIX — начале XX вв. // Тезисы Международной научной конференции «Архивное востоковедение». (Москва, 23–25 июня 2008 г.). М.: Институт востоковедения РАН, 2008.

Традиции и новации университетского востоковедения в Казани на рубеже веков // VI съезд востоковедов России (Улан-Удэ, 17–21 сентября 2008 г.). Тезисы. М.: Институт востоковедения РАН, 2008.

Университетская арабистика в Казани (XIX — нач. XX вв.) // Международная научно-практическая конференция «Культурные традиции Египта и Востока: От древности к глобализации», АРЕ (Каир-Асуан-Луксор, 28 октября-4 ноября 2008 г.) М., 2008. (В соавторстве Валеевой Р.З., Зяппаровым Т.И.).

Arab studies at Kazan university (the 19th — beginning of 20th cent.) // International scientific-practical conference «Cultural traditions of Egypt and of the Orient: From antiquity to globalization». The Arab Republic of Egypt (Cairo-Assuan-Luxor), October 28, November 4, 2008. Moscow, 2008.

Катанов Николай Федорович // Казанская лингвистическая школа: Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / Сост. М.З. Закиев. Казань: Татар. кн. издво, 2008. (В соавторстве с М.З. Закиевым).

Университетское востоковедение в Казани: Истоки и развитие (XIX–XX вв.) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы: Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция (4–6 апреля 2006 г.). Доклады и материалы. СПб., 2008.

У истоков казанского востоковедения // Татарский мир. 2008. № 9 (6269).

Восточные языки в Казанской первой гимназии (1769–1855 гг.) // Третья в России, первая в Казани: к 250-летию со дня основания Казанской первой гимназии. Казань, 2008.

2009

Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казань; Абакан, 2008–2009. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой и др.).

Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX — начало XX вв.). Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым).

О биографии и наследии Н.Ф. Катанова // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции (Казань, 26–27 февраля 2009 г.). Казань, 2009. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Вклад профессора Н.Ф. Катанова в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии // Научный Татарстан. 2009. № 1.

«Мое исследование будет… для тюркологии не бесследно». Письма Н.Ф. Катанова к Э.К. Пекарскому 1900–1916 гг. // Восточный архив. 2009. № 2(20).

[Рецензия]: Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древнехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов; Науч. ред. Д.А. Мустафина; Под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2008 // Отечественные архивы. 2009. № 5. Валеев Р.М. Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в историю отечественных историко-этнографических исследований тюркских народов Евразии (конец XIX — нач. XX вв.) // Отечественная османистика и туркология: итоги и перспективы: Доклады и сообщения международного научно-практического семинара (2 июля 2009 г.). Казань: Казан. гос. ун-т, 2009.

Феномен урало-алтайских исследований в Казани: истоки и развитие (XIX — нач. XX вв.) // Тюрко-славянский диалог культур и цивилизаций: история и современность. Материалы Международного научого конгресса, посвященного 40-летию КГУКИ (9–10 нояб. 2009 г.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та культуры и искусств, 2009. Ч. II.

Профессор Н.Ф. Катанов в истории отечественных историко-этнографических исследований тюркских народов Евразии (кон. XIX — нач. XX вв.) // «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций»: XXV Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (22–24 апреля 2009 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков. СПб., 2009.

«Я стараюсь относиться к разным печатаниям о Востоке со всей душой» (Письма Н.Ф. Катанова Э.К. Пекарскому) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2009. № 1.

Профессор Н.Ф. Катанов и историко-этнографическое исследование тюркских народов Евразии (конец XIX — начало XX вв.) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (3–5 сентября 2009 г.). 1 том. Абакан: Хакасское книжное издво, 2009.

О.М. Ковалевский — основоположник российского научного монголоведения // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения. СПб.: Нестор-История, 2009.

2010

Российское университетское востоковедение в архивных документах (XIX — начало XX в.) // Исторический источник и историческая память. Казань, 2010.

Университетское востоковедение в Казани (XIX — начало XX вв.) // Формирование единого пространства образования и науки в России: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. науч. конф., посвященной 55-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой (II Арсентьевские чтения). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010.

Письма профессора А.К. Казембека академику Х.Д. Френу // Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861) (2–3 ноября 2010 г.). Материалы конференции / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб., 2010. (В соавторстве с Т.И. Зяпаровым).

Арабистика в истории казанского университетского востоковедения (XIX — нач. XX вв.) // Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861) (2–3 ноября 2010 г.). Материалы конференции / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб., 2010.

Традиция урало-алтайских исследований в Казани (XIX — начало XX вв.) // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой

научно-практической конференции (Казань, 11–12 марта 2010 г.). Казань, 2010.

Тюрколог, путешественник, просветитель // Восточная коллекция. 2010. № 4.

Исламият // Татар энциклопедиясе. Т. 2. ГЙ. Казан: Татар энциклопедиясе институты, 2010.

Татарская энциклопедия. Т. 5. Р–С–Т. Казань: Инт татар. энциклопедии, 2010. (В соавторстве с Г.С. Саблуковым).

Казанское востоковедение в архивных материалах: биография и наследие (XIX — начало XX вв.). Казань: Казан. гос. ун-т, 2010 (электронный образовательный ресурс). (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым).

2011

Профессор Н. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Евразии // Новые исследования Тувы. 2011. № 1(9). (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Professor O.M. Kowalewski — Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: his biographical landmarks // Acta Orientalia Vilnensia. V. 10. 1–2 (2009). Vilnius, 2011. (В соавторстве с Valeev Ramil M., Kulganek Irina V., Tulisov Jerzy).

Российское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX — нач. XX вв.) // «Модернизация и традиция»: XXVI Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (20–22 апреля 2011 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков и А.С. Матвеев. СПб., 2011.

Китаеведение в Казанском университете в первой половине XIX в.: истоки и развитие // «Модернизация и традиция»: XXVI Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (20–22 апреля 2011 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков и А.С. Матвеев. СПб., 2011. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Развитие энциклопедической науки в Татарстане: традиции и перспективы // Научный Татарстан. 2011. № 3. (В соавторстве с А.И. Ногмановым, Л.М. Айнутдиновой).

Феномен университетского востоковедения в Казани (XIX–XX вв.) // Научный Татарстан. 2011. № 3.

Научные путешествия Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан, Поволжье и Приуралье и его вклад в изучение тюркских народов Евразии // Древние и современные народы Южной Сибири: язык, история, культура (к 290-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта). Материалы Международной научно-практической конференции (Абакан, 21–24 сентября 2011 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2011. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

История российского востоковедения в архивных документах XIX — начала XX вв. // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции (Казань, 24–25 марта 2011 г.). Вып. 3. Казань, 2011.

Пекинская духовная миссия: новые архивные материалы // XV Сходознавчі читання А. Кримського до 140-річчя А.Ю. Кримського та 20-і Річниці інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського. Тези доповідей міжнародноі наукової конференціі, м.Київ, 20–21 жовтня 2011 р. Київ, 2011. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Академическое и университетское востоковедение России в архивных документах: судьбы и наследие (XIX — начало XX в.) // II Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 16–18 ноября 2011 г.). М., 2011.

Российские архивные фонды и история казанского востоковедения в XIX — начале XX вв. // Восточный архив. 2011. № 1(23).

О кончине Н.Ф. Катанова. Письмо Б.В. Миллера С.Ф. Ольденбургу // Восточный архив. 2011. № 2(24).

Он нужен для Казани (О научном наследии Н.Ф. Катанова) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2011. № 3/4.

Профессор О.М. Ковалевский — монголовед, путешественник и просветитель // Polonia в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX вв.: сб. научных статей и сообщений / Сост. и отв. ред. П. Глушковски, Г.П. Мягков, Р.А. Циунчук. Казань: Казан. ун-т, 2011.

Из эпистолярного наследия профессора Н.Ф. Катанова: письма Радлову В.В. и Розену В.Р. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2011. № 1(01). (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Российско-китайские отношения в XVII — первой половине XIX вв.: Очерки отечественной историографии (40–80-е гг. XX в.). Казань: Казан. ун-т, 2011. (В соавторстве с В.С. Горшуновым).

Professor O.M. Kowalewski — Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: his biographical landmarks // Acta Orientalia Vilnensia. V. 10. 1–2 (2009). Vilnius, 2011. (В соавторстве с Kulganek Irina V., Tulisov Jerzy).

2012

Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова. Абакан: Хакасское кн. издво, 2012. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой, А.С. Чочиевой).

Из истории российской тюркологии: Письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову (конец XIX — нач. XX вв.) // В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов. Сборник трудов интернет-конференции (Казань, 21 марта 2012 г.) / Отв. ред. Изотова Е.Д. Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета, Сервис виртуальных конференций Pax Grid. Казань: Изд-во «Казанский университет», 2012.

Письма Н.Ф. Катанова отечественным востоковедам // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2012. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Н.Ф. Катанов и казанское университетское востоковедение (вторая половина XIX — начало XX в.) // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения ученого (16–19 мая 2012 г.). Т. 1. Абакан: Хакасское книжное издво, 2012.

Прогресс энциклопедической науки в Татарстане: традиции и перспективы // Наука и язык. Научно-информационный журнал. 2012. № 1–2 (48–49). (В соавторстве с А.И. Ногмановым, Л.М. Айнутдиновой).

Татарстанда энциклопедия фэне алгарашы: традициялэр һэм перспективалар // Фэн һэм тел. Фэнни-хэбэри журнал. 2012. № 1–2 (48–49). (В соавторстве с А.И. Ногмановым, Л.М. Айнутдиновой).

Из истории российской тюркологии: Письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову (конец XIX — нач. XX вв.) // radloff.livejournal.com

Изучение истории российского востоковедения: Итоги и перспективы (XIX — нач. XXI вв.) // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 20. Тезисы VIII Съезда российских востоковедов (Казань, 25–28 сентября 2012 г.). М.: Языки славянской культуры, 2012.

Энциклопедическая наука в Татарстане на современном этапе // Исторический опыт, актуальные проблемы развития российской региональной энциклопедистики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 27–28 сентября 2012 г.). Уфа: Башк. энцикл., 2012.

Традиции китаеведения в Казанском университете (XIX в.) // Россия-Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников III–IV Международных научно-практических конференций. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2012.

История казанского востоковедения и отечественные архивные фонды (XIX — нач. XX вв.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований / Сб. ст. итоговой научно-практической конференции (Казань, 24–25 июня 2012 г.). Инт татар. энциклопедии АН РТ. Казань, 2012.

Казанское университетское востоковедение и научное путешествие В.П. Васильева в Китай (первая половина XIX в.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований. Сб. ст. итоговой научно-практической конференции (Казань, 24–25 июня 2012 г.). Инт татар. энциклопедии АН РТ. Казань, 2012. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Профессор Н.Ф. Катанов и его роль в изучении наследия тюркских народов Евразии // Профессор Н.Ф. Катанов және түркітану мәселелері. Халыкаралык гыл.-теор. конф. материалдары. 1болім. Орал, 2012. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Востоковедение в Казанском университете и изучение историко-культурного наследия восточных народов (XIX — нач. XX вв.) // Языки и литература народов Поволжья: Проблемы межкультурной коммуникации. Сборник трудов I Всероссийской интернет-конференции с международным участием (Казань, 1–3 октября 2012 г.). / Ред. Изотова Е.Д. Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) Федерального Университета, Сервис

виртуальных конференций Pax Grid. Казань: Изд-во «Казанский университет», 2012.

Классик отечественного востоковедения // Ученые Казани о Н.Ф. Катанове. Сб. ст. (2002–2012). Абакан: Хакасское книжное издво, 2012.

Вклад профессора Н.Ф. Катанова в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии // Ученые Казани о Н.Ф. Катанове. Сб. ст. (2002–2012). Абакан: Хакасское книжное издво, 2012.

Он нужен для Казани (О научном наследии Н.Ф. Катанова) // Ученые Казани о Н.Ф. Катанове. Сб. ст. (2002–2012). Абакан: Хакасское книжное издво, 2012.

Письма Н.Ф. Катанова отечественным востоковедам // Ученые Казани о Н.Ф. Катанове. Сб. ст. (2002–2012). Абакан: Хакасское книжное издво, 2012. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

2013

Profesör Nikolay Katanov ve Avrasya Türk topluluklarının mirasının araştırılmasındaki rolü. Профессор Николай Катанов и его роль в изучении наследия тюркских народов Евразии. Professor Nikolai Katanov and his role in the research on the cultural heritage of Eurasian Turkic peoples // Turksoy. 2013. 5. № 41. (В соавторстве с Tugujekova V.).

N.F. Katanov and Kazan University Oriental Studies // Himalayan and Central Asian studies. Vol. 17. No. 2. April-June 2013.

Профессор Н.Ф. Катанов и российская тюркология на рубеже XIX–XX вв. // XVII сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнар. наук. конф. (Київ, 16–18 жовтня 2013 р.).

Изучение Востока в Казанском университете: Традиции и наследие (XIX — нач. XX вв.) // Turkoloji Uzerine Arastirmalar. Тюркологические исследования. Journal of Turkology. 2013. № 8.

Письма профессора Н.Ф. Катанова российским востоковедам (конец XIX — нач. XX вв.) // Turkoloji Uzerine Arastirmalar. Тюркологические исследования. Journal of Turkology. 2013. № 8. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой, Р.З. Валеевой).

Казанское университетское китаеведение и В.П. Васильев в Пекинской духовной миссии // Вестник Казанского государ-

ственного университета культуры и искусства. 2013. № 1. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Российско-китайские культурные связи (1990–2000-е гг.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2013. № 3. (В соавторстве с А.Р. Касимовой).

Рецензия на энциклопедический словарь-справочник «Профессиональное образование», подготовленный коллективом ИПППО РАО под научным руководством академика РАО, доктора педагогических наук, профессора Г.В. Мухаметзяновой // Казанский педагогический журнал. 2013. № 2. (В соавторстве с Р.В. Шайдуллиным).

Из истории российской арабистики XIX в.: О письмах Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2013. № 4. Ч. 1. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым).

Востоковедение в Казанском университете и изучение историко-культурного наследия азиатских народов // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации XIX — начало XX в. Казань, 2013.

Российско-китайские отношения в XVII — первой половине XIX вв.: о некоторых итогах изучения в отечественной историографии (40–80-е гг. XX в.) // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников V Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2013. (В соавторстве с В.С. Горшуновым).

Формирование иранистики в Казанском университете (XIX в.) // История России и Татарстана: проблемы энциклопедических и науковедческих исследований». Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань, 3–4 июня 2013 г.). Инт Татар. энциклопедии АН РТ. Вып. 5. Казань, 2013.

Преподавание китайского языка в Первой Казанской гимназии (первая половина XIX в.) // История России и Татарстана: проблемы энциклопедических и науковедческих исследований» / Сб. ст. итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань,

3–4 июня 2013 г.). Инт Татар. энциклопедии АН РТ. Вып. 5. Казань, 2013. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.Г. Федорченко).

Письма профессора А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу // История России и Татарстана: проблемы энциклопедических и науковедческих исследований». Сб. ст. итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань, 3–4 июня 2013 г.). Инт Татар. энциклопедии АН РТ. Вып. 5. Казань, 2013. (В соавторстве с Т.И. Зяппаровым).

Предисловие // Из истории казанской иранистики. Сборник документов / Отв. сост. Л.В. Горохова; сост. О.Е. Пантелеева, О.В. Федотова, Н.А. Шарангина. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2013. (В соавторстве с Д.И. Ибрагимовым).

Казанское востоковедение в диалоге культур и цивилизаций (XIX — нач. XX вв.) // Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы Международной научной конференции (Казань, 23–24 мая 2013 г.). / Сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Вып. 23. Казань: Казан. ун-т, 2013.

Традиционное исламское образование татар-мусульман Среднего Поволжья: этапы, центры и наследие // Ислам в России: наука и образование. Материалы научной конференции / Под ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2013.

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его вклад в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция (СанктПетербург, 15–17 октября 2013 г.). Тезисы / Отв. ред. К.В. Чистяков; Ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб.: Политехника-сервис, 2013. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

История казанского востоковедения и отечественные архивные фонды (XIX — нач. XX вв.) // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (24–26 апреля

2013 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013.

Научная работа В.П. Васильева в Китае (1840–1850 гг.) // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (24–26 апреля 2013 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

N.F. Katanov and Kazan University Oriental Studies // Himalayan and Central Asian studies. Vol. 17. No.2. April–June 2013.

2014

Общество археологии, истории и этнографии и Н.Ф. Катанов в истории российского востоковедения (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Роль общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. Сборник тезисов конференции, посвященной 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете (Казань, 4–5 февраля 2014 г.). Казань: Изд-во «Яз», 2014.

Особенности книжной культуры татарской энциклопедистики // Книга в Информационном обществе: материалы XIII Международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2014 г.). В четырех частях / Отв. ред. В.И. Васильев; Сост.: Д.Н. Бакун. М.А. Ермолаева: Ч. 2: Чтения им. Н.М. Сикорского. Вопросы биографики и энциклопедистики книжной культуры. М.: ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН, 2014. (В соавторстве с Р.В. Шайдуллиным).

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его вклад в историко-этнографическое изучение тюркских Евразии // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова) / Отв. ред. К.В. Чистяков; Ред.-сост. Т.И. Юсупова; Ред. Т.Ю. Гнатюк. СПб.: Политехника-сервиз, 2014. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Традиции санскритологии и буддологии в Казанском университете (XIX в.) // Актуальные проблемы индологии в России

и за рубежом. Материалы всероссийского круглого стола (Казань, 5–6 ноября 2013 г.). Казань: Изд-во «Яз», 2014.

Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Н.Ф. Катанов: Изучение историко-культурного наследия народов Поволжья, Сибири и Среденй Азии (конец XIX — нач. XX вв.) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Мокатдэс хэзинэ // Безнен мирас. Фэнни-популяр, эдэби-нэфис журнал. 2014. № 9 (сентябрь).

Казанское университетское востоковедение и основные итоги деятельности В.П. Васильева в Пекине // Россия–Китай: история и культура / Сб. ст. и докладов участников VI Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Яз», 2014. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Формирование санскритологии, буддологии и тибетологии в Казанском университете (XIX в.) // Россия–Китай: история и культура / Сб. ст. и докладов участников VII Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Яз», 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.Г. Федорченко, А.Р. Аликберовой).

Межгосударственные отношения России и Китая (вторая половина XIX в.): обзор дореволюционных отечественных источников и литературы) // Россия–Китай: история и культура / Сб. ст. и докладов участников VI Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Яз», 2014. (В соавторстве с Е.Г. Темниковым).

Истоки российского университетского монголоведения и буддологии в Казани (первая половина XIX в.) // Б.Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века». Международная конференция при поддержке Фонда развития монголоведения в Монголии (Санкт-Петербург, 6–8 октября, 2014 г.). Программа. Тезисы. СПб., 2014.

Истоки университетской иранистики в Казани (XIX — начало XX в.): материалы Национального архива Республики Татарстан // III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Материалы конференции / Институт востоковедения РАН. М.: ИВРАН, 2014.

Из эпистолярного наследия Н.Ф. Катанова. Письма российским востоковедам (конец XIX — начало XX в.) из фондов СПб. филиала Архива РАН // III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Материалы конференции. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой, Р.З. Валеевой).

Из истории российской арабистики XIX в.: неопубликованные письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846 гг.) // III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Материалы конференции. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым).

Казанское университетское китаеведение (первая половина XIX в.): обзор и характеристика новых архивных материалов // III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Материалы конференции. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Университетское образование в Казани (XIX — нач. XX вв.) // «Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения–VIII». Материалы международной научно-практической конференции (22–23 мая 2014 г.) / Сост. В.Д. Дугаров, С.Ж. Дугарова, Э.Н. Елаев. Улан-Удэ: ГБУ РЦ «Бэлиг», 2014.

Биография и наследие О.М. Ковалевского в отечественной историко-ориентальной литературе: О некоторых итогах и перспективах изучения // «Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения–VIII». Материалы Международной научно-практической конференции (22–23 мая 2014 г.) / Сост. В.Д. Дугаров, С.Ж. Дугарова, Э.Н. Елаев. Улан-Удэ: ГБУ РЦ «Бэлиг», 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Миссия Н.П. Игнатьева и Пекинский дополнительный договор // История России и Татарстана: Итоги и перспективы

энциклопедических исследований. Сб. ст. итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань, 25–26 июня 2014 г.). Инт Татар. энциклопедии АН РТ. Вып. 6. Казань, 2014. (В соавторстве с Е.Г. Темниковым).

Политические связи Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (1990–2000-е гг.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований. Сб. ст. итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань, 25–26 июня 2014 г.). Инт Татар. энциклопедии АН РТ. Вып. 6. Казань, 2014. (В соавторстве с Л.И. Кадыровой).

Казанское университетское китаеведение (первая половина XIX в.): некоторые материалы Национального архива Республики Татарстан // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань, 25–26 июня 2014 г.). Инт Татар. энциклопедии АН РТ. Вып. 6. Казань, 2014. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко, Л.М. Сахавовой).

Профессор И.Н. Березин и его вклад в отечественное востоковедение (XIX вв.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань, 25–26 июня 2014 г.). Инт Татар. энциклопедии АН РТ. Вып. 6. Казань, 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым, М.Н. Тимербековым, А.К. Сидиковым).

Миссионерское востоковедение в Казани: События и судьбы (XIX — нач. XX вв.) // Миссионеры на Дальнем Востоке. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.) / Сост.: В.Ю. Климов, Т.А. Пан, К.Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В.В. Щепкин. СПб., 2014. (В соавторстве с Е.В. Колесовой, М.З. Хабибуллиным).

В.П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.) // Миссионеры на Дальнем Востоке.

Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.) / Сост.: В.Ю. Климов, Т.А. Пан, К.Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В.В. Щепкин. СПб., 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.Г. Федорченко).

Востоковедение в Казанском университете: основные итоги изучения историко-культурного наследия азиатских народов (XIX — начало XX вв.) // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета (Казань, 27–29 ноября 2014 г.) / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2014.

Преподавание азиатских языков в учебных заведениях России: Первая Казанская гимназия (1769–1855 гг.) // Литература и лингвистика: вчера, сегодня, завтра. [Текст]: II Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция. Материалы конференции (Казань, 25 ноября 2014 г.) / Сервис виртуальных конференций Pax Grid / Сост. Синяев Д.Н. Казань: ИП Синяев Д.Н., 2014. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой).

Френ Христиан Мартин // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань: Инт Татар. энциклопедии АН РТ, 2014. Т. 6: У–Я.

Эрдман Фёдор Иванович // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань: Инт Татар. энциклопедии АН РТ, 2014. Т. 6: У–Я.

Ярцов Януарий Осипович // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань: Инт Татар. энциклопедии АН РТ, 2014. Т. 6: У–Я.

Преподавание азиатских языков в учебных заведениях России: Первая Казанская гимназия (1769–1855 гг.) // Литература и лингвистика: вчера, сегодня, завтра. [Текст]: II Всеросийская научно-практическая Интернет-конференция: материалы конференции (Казань, 25 ноября 2014 г.) / Сервис вирутальных конференций Pax Grid / Сост. Синяев Д.Н. Казань: ИП Синяев Д.Н., 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Путешествие Н.Ф. Катанова в Центральную Азию и его вклад в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв.

К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского: Материалы Международной научно-практической конференции (Бишкек, Каракол, 10–12 апреля 2014 г.). Бишкек: Изд-во «Maxprint», 2014. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Феномен казанского университетского востоковедения и традиции исследования Центральной, Восточной и Южной Азии: этапы, события и наследие (XIX — нач. XX вв.) // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского. Материалы Международной научно-практической конференции (Бишкек, Каракол, 10–12 апреля 2014 г.). Бишкек: Изд-во «Maxprint», 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.В. Шайдуллиным).

Межгосударственные связи Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (1990–2000-е гг.) // Батыс Казакстан гуманитарлык академиясенен хабашысы. Гыйлми журнал. Вестник Западно-Казахстанской гуманитарной академии. 2014. № 3(28). (В соавторстве с Л.И. Кадыровой).

Истоки российской университетской иранистики в Казани: этапы, центры и наследие (XIX в.) // XVIII сходознавчі читання А. Кримського. До 95 — Річчя Відня нарожденя Омеляна Пріцака / Тези доповідей міжнар. наук. конф. (Київ, 17–18 жовтня 2014 р.). (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым, Л.М. Айнутдиновой).

Истоки урало-алтайских исследований в Казани (XIX — начало XX вв.) // Туркітанудагы ортак рухани муралардын зерттелуі: кешегісі, бугіні, болашагы / Вопросы исселдования единого духовного наследия тюркологии: прошлое, настоящее, будущее». Орал: Батыс Казакстан инженерлік-гуманитарлык университеті Батыс Казакстан гуманитарлык академиясынын баспа орталыгы, 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Преподавание китайского языка в Первой Казанской гимназии в XIX веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культрология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота. 2014. № 6. Ч. 1. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Формирование китаеведения в Казанском университете и преподавание китайского языка в первой Казанской гимназии (первая половина XIX в.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2014. № 2. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Казанское университетское китаеведение и научное путешествие В.П. Васильева (первая половина XIX в.) // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 1 / Редкол.: А.И. Кобзев и др. М., 2014. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Казахстанско-китайские культурные связи // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2014. № 3. (В соавторстве с Л.И. Кадыровой).

Историко-конфессиональное изучение народов Среднего Поволжья в Казанской духовной академии во второй половине XIX — начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. № 4 (ч. 1). 2014. (В соавторстве с Р.В. Шайдуллиным, М.З. Хабибуллиным).

Мирза А.К. Казем-Бек и его роль в изучении арабо-мусульманских источников // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. № 4 (ч. 2). 2014. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым).

2015

Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846) // Отв. ред. Р.М. Валеев; пер. с англ. Т.И. Зяппарова, М.В. Поникаровской; подгот. к изд., предис, коммент. Р.М. Валеева, Т.И. Зяппарова, Т.В. Костиной, О.А. Кириковой; вступит. ст. Н.Н. Дьякова, И.Ф. Поповой, И.В. Тункиной. Казань: Изд-во «Артифакт», 2015.

О биографии и наследии монголоведа О.М. Ковалевского: Некоторые итоги и перспективы изучения // Материальное и духовное наследие общества со времен возникновения до наших дней. [Текст]: II Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием. Материалы конференции (Казань, 11 декабря 2014 г.) / Сервис виртуальных конференций Pax Grid / Сост. Синяев Д.Н. Казань: ИП Синяев Д., 2015. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, И.В. Кульганек, В.Л. Успенским, Л.М. Сахавовой).

Реставрационная школа в Татарстане в конце XX — начале XXI вв. // Материальное и духовное наследие общества со времен возникновения до наших дней. [Текст]: II Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием. Материалы конференции (Казань, 11 декабря 2014 г.) / Сервис виртуальных конференций Pax Grid / Сост. Синяев Д.Н. Казань: ИП Синяев Д., 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым).

Современная национально-региональная энциклопедистика республик Поволжья и Приуралья: Историко-научная традиция и перспективы наследия // Материальное и духовное наследие общества со времен возникновения до наших дней. [Текст]: II Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием. Материалы конференции (Казань, 11 декабря 2014 г.). Сервис виртуальных конференций Pax Grid / Сост. Синяев Д.Н. Казань: ИП Синяев Д., 2015. (В соавторстве с Р.В. Шайдуллиным).

Профессор Мирза А.К. Казем-Бек и направления развития Российского Востоковедения (XIX в.) // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность. Доклады и сообщения Международной научной конференции (Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. Казань, 2015.

Из эпистолярного наследия Мирзы А.К. Казем-Бека: письма академику Х.Д. Френу (1831–1846 гг.) // Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность. Доклады и сообщения Международной научной конференции (Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / Гл. ред. Р.М. Валеев. Казань, 2015. (В соавторстве с Т.И. Зяппаровым).

Научные и просветительские традиции изучения тюрко-монгольского мира в Казани (XIX — начало XX вв.) // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Научная конференция памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2015 г.). Программа. Тезисы. СПб., 2015. (В соавторстве с Р.В. Шайдуллиным, Б.Л. Хамидуллиным).

Изучение истории российского востоковедения XIX — нач. XX вв.: о современной отечественной методологии, историографии и источниковедении // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африк (22–24 апреля

2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ.

Мирза А.К. Казем-Бек и его вклад в изучение арабо-мусульманских источников // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африк (22–24 апреля 2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым).

Тюрко-татарские путешествия в Индию (2-я пол. XVII — нач. XIX вв): путешественники и тексты // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африк (22–24 апреля 2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ. (В соавторстве с Р.В. Шайдуллиным).

Истоки отечественной синологии в Казани (30–50 гг. XIX в.): фонды и материалы национального архива Республики Татарстан // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африк (22–24 апреля 2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.Г. Федорченко).

Итоги и перспективы изучения биографии и наследия монголоведа О.М. Ковалевского в отечественной и зарубежной историографии // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африк (22–24 апреля 2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Л.М. Сахавовой).

Электронный проект энциклопедии «Ислам в татарском мире» // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африк (22–24 апреля 2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ. (В соавторстве с Р.А. Набиевым, Р.В. Шайдуллиным, Я.Р. Рахимовой).

Письма Н.Ф. Катанова российским востоковедам (кон. XIX — нач. XX вв.): из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива

РАН // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африк (22–24 апреля 2015 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, З.З. Гилязевым, Ю.А. Мартыновой, В.Н. Тугужековой).

Современные Российско-Китайские гуманитарные проекты: оценка и перспективы развития // «Международные отношения в центральной и восточной Азии: история и современность» [«International Relations in the Central And Eastern Asia: History And Contemporaneity» 中亚与东亚外交与国际关系：历史与现实] VII Международная научно-практическая конференция «Дипломатия на Востоке» [The 7th international research and practical conference «Diplomacy in the east» 第七届东方外交史国际学术会议] Красноярск, 27 июня — 1 июля 克拉斯诺亚尔斯克 6 月 27 日至 7 月 1 日 Krasnoyarsk, 27th June — 1st July. Красноярск, 2015. (В соавторстве с А.Р. Аликберовой).

Modern Russian-Chinese Humanitarian Projects: Analysis And Prospects // «Международные отношения в центральной и восточной Азии: история и современность» «International Relations in the Central And Eastern Asia: History And Contemporaneity» 中亚与东亚外交与国际关系：历史与现实 VII Международная научно-практическая конференция «Дипломатия на Востоке» The 7th international research and practical conference «Diplomacy In The East» 第七届东方外交史国际学术会议 Красноярск, 27 июня — 1 июля 克拉斯诺亚尔斯克 6 月27 日至7 月1 日 Krasnoyarsk, 27th June — 1st July. Красноярск, 2015. (В соавторстве с Alikberova A., Valeev R.).

Межгосударственные политические связи республики Казахстан и Китайской Народной Республики: этапы, события и тенденции // «Международные отношения в центральной и восточной Азии: история и современность» «international relations in the central and eastern asia: history and contemporaneity» 中亚与东亚外交与国际关系：历史与现实 VII международная научно-практическая конференция «Дипломатия на Востоке» The 7th international research and practical conference «Diplomacy In The East» 第七届

东方外交史国际学术会议 Красноярск, 27 июня — 1 июля 克拉斯诺亚尔斯克 6 月27 日至7 月1 日 Krasnoyarsk, 27th June — 1st July. Красноярск, 2015. (В соавторстве с Л.И. Кадыровой).

The Political Relations Between The Republic Of Kazakhstan And The People's Republic Of China: Periods, Events, Tendencies (1990–2000 s) // «Международные отношения в Центральной и Восточной Азии: история и современность» [«International relations in the central and eastern asia: history and contemporaneity»] 中亚与东亚外交与国际关系：历史与现实 VII Международная научно-практическая конференция «Дипломатия на Востоке» the 7th international research and practical conference «Diplomacy In The East» 第七届东方外交史国际学术会议 Красноярск, 27 июня — 1 июля 克拉斯诺亚尔斯克6 月 27 日至 7 月1 日 Krasnoyarsk, 27th june — 1st july. Красноярск, 2015. (В соавторстве с Л.И. Кадыровой).

Истоки научной традиции отечественной санскритологии, буддологии и тибетологии в Казанском университете (XIX век) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Шестые Доржиевские чтения. СПб.: Гиперион, 2015. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.Г. Федорченко).

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Западный Китай в 1890 г. // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2015. № 1/2. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, В.Н. Тугужевовой).

Историко-географические путешествия в казанскую губернию: этносы и природа // Природа и общество. Динамика кризиса. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России» / Отв. ред. Борисова Е.А. Вып. XXXIX. М.: МБА, 2015. (В соавторстве с Т.Р. Валиуллиным).

Казанский центр востоковедения: диалог культур и цивилизаций // Природа и общество. Динамика кризиса. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России» / Отв. ред. Борисова Е.А. Вып. XXXIX. М.: МБА, 2015. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым).

Болгар в мировом историко-культурном пространстве // Культура — путь в будущее. Материалы Межрегиональной общественно-научной конференции (Абакан, 30 января 2015 г.).

Абакан: ООО Книжное издво «Бригантина», 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым).

Отечественные исследования истории российского имперского востоковедения: традиции и перспективы (XIX — начало XXI вв.) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегосявостоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым).

Обзор российско-китайских культурных проектов (1997–2007-е гг.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований. Сб. ст. итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Инт Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с А.Р. Аликберовой, Р.З. Валеевой).

История Российского имперского востоковедения: традиции и перспективы отечественного изучения (XIX — начало XXI вв.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Инт Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой).

Некоторые основные направления и итоги образовательного сотрудничества Китая и Казахстана в 1990–2000-е гг. // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с Л.И. Кадыровой).

Формирование университетской синологии в Казани (30–50-е гг. XIX вв.): фонды и материалы Национального архива Республики Татарстан // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей

итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым, Р.Г. Федорченко, Р.З. Валеевой, Л.М. Сахавовой).

О некоторых итогах и перспективах изучения биографии и наследии российского и польского монголоведа О.М. Ковалевского // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Инт Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с Р.М. Вадеевым, Р.З. Валеевой, И.В. Кульганек, О.Н. Полянской, Л.М. Сахавовой, В.Л. Успенским).

Мирза А.К. Казем-Бек и основные итоги исследования арабо-мусульманских памятников // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Инт Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с Т.И. Зяппаровым, Р.М. Валеевым).

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Западный Китай в 1890 г.: дневники путешественника // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Инт Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, В.Н. Тугужековой).

Татарские тафсиры Нугмана Бин Сабита Ас-Самани и Мухаммад-Зарифа Амирхана (конец XIX — начала XX вв.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической

конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, 21 мая 2015 г.). Инт Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. Вып. 7. Казань, 2015. (В соавторстве с Я.Р. Рахимовой, Р.М. Валеевым).

Университетская тюркология в Казани: традиции и новации (XIX — начало XX века) // Языки и литературы тюркских народов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2015.

Профессор И.Н. Березин и его вклад в российское востоковедения (XIX век) // Языки и литературы тюркских народов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым, Л.М. Сахавовой, М.Н. Темирбековым).

Неопубликованные дневники путешествия Н.Ф. Катанова в Восточный Туркестан в фондах Национального архива Республики Татарстан // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир. Материалы Международной конференции, посвящено 70-летию ТНИИЯЛИ-ТИГИ-ТИГПИ. Кызыл, 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, Ю.А. Мартыновой, Д.Е. Мартыновым, В.Н. Тугужековой, М.С. Минеевой).

Из истории российской тюркологии: письма Н.Ф. Катанова В.В. Радлову (конец XIX — начало XX в.) // Primus inter pares (к 175-летию со дня рождения В.В. Радлова). СПб.: МАЭ РАН, 2015.

Этнографические исследования Н.Ф. Катанова в Сибири, Восточном Туркестане, Поволжье и Приуралье (1889–1922 гг.) // Бусыгинские чтения. Вып. 8. Великая Победа в этнографическом измерении: судьбы человечества, человеческая судьба. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (4 декабря 2015 г.). Казань, 2015. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, Л.М. Сахавовой).

Формирование и развитие университетской иранистики в Казани (XIX — начало XX вв.) // Актуальные проблемы оте-

чественной и зарубежной иранистики. Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 15–16 мая 2015 г.). Казань, 2015. (В соавторстве с Р.М. алеевым, Р.З. Валеевой, Т.И. Зяпаровым).

Истоки российского университетского монголоведения и буддологии в Казани (первая половина XIX в.) // Б.Я. Владимирцев — выдающийся монголовед XX века: Материалы российско-монгольской научной конференцию (Санкт-Петербург, 6–8 октября 2014 г.). СПб.; УланБатор, 2015.

Russian-Chinese Relations in the Field of Culture (1990^{s}-2000^{s}) // Journal of Sustainable Development; Vol. 8, No. 4; 2015. (В соавторстве с Alfiya R. Alikberova).

Russian University Oriental Studies and Sinology in Kazan and Teaching Chinese in the First Kazan Gymnasium (The First Half of the XIX Century) // Journal of Sustainable Development; Vol. 8, No. 4; 2015. (В соавторстве с Roza Z. Valeeva, Ruslan G. Fedorchenko, Rimma R. Sagitova).

Formation and Development of Bilateral Relations of the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China in 1990^{e}-2000^{s}) // Journal of Sustainable Development, 2015. Vol. 8, no. 4. (В соавторстве с Leysan I. Kadyrova).

Historical and Confessional Study of the Peoples of the Middle Volga Region in the Kazan Theological Academy in the Second Half of the XIX — the Beginning of the XX Centuries) // Journal of Sustainable Development, 2015. Vol. 8, no. 4. (В соавторстве с Mars Z. Khabibullin, Elmira A. Saidasheva, Leila A. Nurgalieva).

Formation of Iranian Studies at the Kazan University (19th–Early 20thCenturies) // Journal of Sustainable Development, 2015. Vol. 8, no. 5. (В соавторстве с Roza Z. Valeeva, Timur I. Zyapparov, Emil R. Valeev).

Velyaminov-Zernov V.V. and His Contribution to the Study of Historical Sources of Moslem Peoples // Journal of Sustainable Development, 2015. Vol. 8, no. 5. (В соавторстве с Firdaus G. Kalimullina, Rafael M. Valeev).

Mashanov M.A. and His Contribution to the Studies of the History and Ethnography of Turkic and Finno-Ugric Peoples of the Middle Volga Region and Cisural Area (1852–1924) // Journal of Sustainable

Development. Vol. 8. No. 5. 2015. (В соавторстве с Khabibullin M. Z., Khabibullina G. Z.).

Modern Russian-Chinese Humanitarian projects evaluation and prospects for development // Medwell Journals. The Social Sciences, 2015. № 10(6). (В соавторстве с Alikberova A. R., Valeyev R. M.).

Scientific Travels by M. V. Pevtsov and N. F. Katanov in Eastern Turkestan (1889–1892) // Medwell Journals. The Social Sciences, 2015. № 10(7). (В соавторстве с Julia A. Martynova, Dmitry E. Martynov).

Think Tanks' as the 'Soft Power' Tool in the Foreign Policy of the People's Republic of China // Medwell Journals. The Social Sciences, 2015. № 10(7). (В соавторстве с Alfiya R. Alikberova).

2016

Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова (К 155-летию со дня рождения) / Сост. Валеев Р. М., Тугужекова В. Н., Чочиева А. С., Ермилова В. В., Рябцева А. М. 2-е изд., доп. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2016.

Университетское востоковедение в Казани: Истоки и развитие (XIX–XX вв.) // Проблемное обучение в современном мире. Сб. ст. VI Международных Махмутовских чтений (Елабуга, 2016 г.). Елабуга: Изд-во КФУ (В соавторстве с Р. З. Валеевой).

Тюркология в наследии А. Е. Крымского // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э. Р. Тенишева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. (В соавторстве с О. Д. Василюк).

Путешествие Н. Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его рукописные дневники (1889–1892 гг.) // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э. Р. Тенишева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. (В соавторстве с Д. Е. Мартыновым, Ю. А. Мартыновой, М. С. Минеевой, В. Н. Тугужековой).

Комплексный исследовательский проект «Научное наследие российских востоковедов XIX в.: О. М. Ковлаевский и В. П. Васильев» // Россия–Китай: история и культура: сборник статей и докладов участинков IX Международной научно-практической

конференции. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2016. (В соавторстве с И.В. Кульганек, Д.Е. Мартыновым).

Политические и культурные факторы становления российского университетского китаеведения (вторая половина XVIII — начало XIX вв.) // Россия–Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников IX Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2016. (В соавторстве с Р.Г. Федорченко).

Казанская учительская семинария и обучение И.М. Штыгашева (1882–1885 гг.) // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы Третьей Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского просветителя, лингвиста, этнографа Ивана Матвеевича Штыгашева (26–28 октября 2016 г.). Абакан: ООО Книжное издательство «Бригантина», 2016. (В соавторстве с М.С. Минеевой, Р.М. Валеевым).

Феномен историко-конфессионального изучения народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири в Казанской духовной академии во второй половине XIX — начале XX вв. // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы Третьей Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского просветителя, лингвиста, этнографа Ивана Матвеевича Штыгашева (26–28 октября 2016 г.). Абакан: ООО Книжное издательство «Бригантина», 2016. (В соавторстве с М.З. Хабибуллиным, Р.З. Валеевой).

Вновь открытые источники о научном путешествии Н.Ф. Катанова в 1889–1892 гг. в фондах Архива Русского географического общества // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Материалы Третьей Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского просветителя, лингвиста, этнографа Ивана Матвеевича Штыгашева (26–28 октября 2016 г.). Абакан: ООО Книжное издательство «Бригантина», 2016. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой).

Университетское востоковедение в Казани (XIX–XX вв.) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Черкесск, 2016. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Эпистолярное наследие О.М. Ковалевского: Итоги и перспективы изучения //»Санкт-Петербургские монголоведные чтения». Научная конференция памяти Алексея Георгиевича Сазыкина (1943–2005) (Санкт-Петербург, 10 октября 2016 г.). Программа. Тезисы. СПб., 2016. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Л.М. Сахавовой).

Тюркологическое наследие А.Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв. // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2015 г.). СПб.; Улан Батор, 2016. (В соавторстве с О.Д. Василюк).

Профессор И.Н. Березин и его вклад в отечественное востоковедение (XIX в.) // Россия — тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи. Сб. ст. / Сост. и науч. ред.: З.С. Миннуллин, Э.К. Хабибуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Ф.Г. Миниханом, Л.М. Сахавовой).

Путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его вклад в историко-этнографическое и лингвистическое изучение тюркских народов Евразии (рубеж XIX — нач. XX вв.) // Россия — тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи. Сб. ст. / Сост. и науч. ред.: З.С. Миннуллин, Э.К. Хабибуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой).

Тюркологическое наследие А.Е. Крымского (рубеж XIX–XX вв.) // Россия — тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи. Сб. ст. / Сост. и науч. ред.: З.С. Миннуллин, Э.К. Хабибуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым).

Предисловие // М.И. Махмутов. Мир ислама. Учебное пособие Т. 3 / Избранные труды. В 7 т. Казань: Магариф–Вакыт, 2016. (В соавторстве с Н.Н. Дьяковым, Р.М. Валеевым).

Материалы Н.Ф. Катанова 1890-х гг. из фондов Национального архива Республики Татарстан — происхождение и содержательные особенности // Бусыгинские чтения. Вып. 9. Народы в поликультурном взаимодействии. Матеиралы Международной научно-практической конференции (5 декабря 2016 г.). Казань,

2016. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой).

Тюркские народы в наследии А.Е. Крымского // Бусыгинские чтения. Вып. 9. Народы в полкультурном взаимодействии. Матеиралы Международной научно-практической конференции (5 декабря 2016 г.). Казань, 2016. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, А.М. Абидулиным).

Болгар как объект всемирного наследия ЮНЕСКО его популяризация и развитие туризма в Республике Татарстан // Сохранение и рациональное использование культурного наследия в сфере туризма. Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство культуры Республики Башкортостан, Государственный комитет Республики Башкортостан по предпринимательству и туризму. Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2016. (В соавторстве с Р.М. Валеевым).

Путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его рукописные дневники (1889–1892 гг.) // ХХ сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції.м. Київ. 17–18 червня 2016 р. До 145-річчя А.Ю. Кримського ТА 25-ї річниці Інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН УкраЇНИ. Київ, 2016. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: переписка украинских и российских востоковедов на рубеже эпох // ХХ сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції.м. Київ. 17–18 червня 2016 р. До 145-річчя А.Ю. Кримського ТА 25-ї річниці Інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН УкраЇНИ. Київ, 2016. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Т.И. Зяппаровым).

Из истории российской и азербайджанской арабистики и тюркологии XIX в.: Письма Мирзы А.К. Казем-бека академику Х.Д. Френу (1831–1846 гг.) // Turkoloji elmi-mədəni həsrəkatda ortaQ dəyərlər və yeni cagIrIslar movzusunda Beynəlxalq konfransIn MateriallarI (I hissə) / BakI, 14–15 noyabr 2016 — ci il. BakI Elm və təhsil, 2016. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым).

Тюркологическое наследие А.Е. Крымского: Итоги и перспективы изучения // Turkoloji elmi-mədəni hərəkatda ortaQ dəyərlər və yeni cagIrIslar movzusunda Beynəlxalq konfransIn MateriallarI (I hissə) / BakI, 14–15 noyabr 2016 — ci il. BakI Elm və təhsil, 2016. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым, А.М. Абидулиным).

The Phenomenon Of Historical And Confessional Study Of The Peoples In The Middle Volga Region, The Urals And Siberia In Kazan Theological Academy (The Second Half Of The XIX — The Beginning Of The Xx Centuries) // Man In India, 2016. 96(3). (В соавторстве с Mars Z. Khabibullin, Guzel Z. Khabibullina).

Katanov's Scientific Travel To Siberia And Eastern Turkestan (1889–1892) // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication — TOJDAC. November, 2016. P. 2376–2382. Special Edition Submit Date: 12.09.2016. (В соавторстве с Mariya Sergeevna Mineeva).

The peoples of the Middle Volga region from the perspective of historical-religious studies of J.D. Koblov (the end of XIX — beginning of XX centuries) // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication — TOJDAC. 2016. V. 6. November Special Edition, Pages: 2829–2834. (В соавторстве с Inessa Gennad'evna Beloglazova, Guzel Zabirovna Khabibullina, Mars Zabirovich Khabibullin).

Change of Turkey's Middle East Polisy in the second half of the XX century in the context of relations with Syria // The Social Sciences 11 (Special Issue 1): 6162–6165, 2016. (В соавторстве с Kulueva S.N., Valeev R.M.).

Вопросы истории и этнографии тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья в исследованияхМихаила Александрович Машанова (1852–1924 гг.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2016. № 1. (В соавторстве с М.З. Хабибуллиным).

Формирование периодической печати в Османской империи // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2016. № 2. (В соавторстве с А.М. Абидулиным, Р.М. Валеевым).

Взаимопроникновение восточной и европейской культур: вклад Османа Хамди бея в сохранение османского и мирового

культурного наследия // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. (В соавторстве с А.М. Абидулиным).

Признание императорского титула Наполеона I Оттоманской Портой // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 3. (В соавторстве с А.М. Абидулиным, Р.М. Валеевым).

Дунганское восстание в уйгурском песенном фольклоре (По дневнику научного путешествия Н.Ф. Катанова 1890 г.) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2016. № 3/4. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, В.Н. Тугужековой, М.С. Минеевой).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: письма востоковедам-коллегам В.Р. Розену, В.В. Бартольду и П.К. Коковцову (1890–1920-е гг.) // Ученые Записки Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2(68). № 3. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым).

Университетская тюркология в Казани: традиции и новации (XIX — начало XX вв.) // Ученые Записки Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2(68). № 3. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, А.М. Абидулиным).

Формирование и развитие турецкой кинематографии в конце XIX начале XX веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2016. № 4. (В соавторстве с А.М. Абидулиным, Р.М. Валеевым).

Путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его рукописные дневники (1889–1892 гг.) // XX сходознавчі читання А. Кримського. До 145-річчя А.Ю. Кримського, та 25-і річниці інституту сходознавства ім А.Ю. Кримського НАН Укріни / Тези доповідей міжнародноі конференці. (м. Київ, 17–18 червня 2016 р.). Київ, 2016. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: Переписка украинских и российских востоковедов на рубеже эпох // XX сходознавчі читання А. Кримського. До 145 — Річчя А.Ю. Кримського, та 25-і річниці інституту сходознавства ім А.Ю. Кримського НАН Укріни / Тези доповідей міжнародноі конференці. (м. Київ, 17–18 червня 2016 р.). Київ, 2016. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Т.И. Зяппаровым).

Саблуков Гордий Семёнович // Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөхәррир М.Х. Сәлахов, җаваплы мөхәррир Г.С. Сабирҗанов. Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2016. 5 т.: Р–Та.

2017

Россия–Китай: отношения в области культуры и образования (1990–2000-е гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. (В соавторстве с А.Р. Аликберовым, Р.М. Валеевым).

Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оного Н.Ф. Катановым» / Отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Введение Р.М. Валеева, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой и В.Н. Тугужековой. Подгот. к изд., сост., коммент., указ. Д.А. Данькиной, Р.М. Валеева, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой, Ф.Г. Миниханова, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой. Вступ. ст. А.М. Сибагатуллина, И.Г. Смолиной, И.Р. Гафурова. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. 734 с.

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его неопубликованные дневники в Национальном архиве Республики Татарстан (1889–1992 гг.) // Историческая мозаика: сб. ст. к 70-летию Д.Д. Васильева / Сост. Т.А. Аникеева, А.Д. Васильев, О.М. Курникова, Т.А. Филиппова; Инт востоковедения РАН. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2017. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой).

Традиция преподавания азиатских языков в общеобразовательных школах России и Первая Казанская гимназия (1769–1855) // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI в.: сборник статей и докладов участников I Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Преподавание китайского языка в Первой Казанской гимназии в XIX веке // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI в.: сборник статей и докладов участников I Международной научно-практической конференции.

Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2017. (В соавторстве с А.К. Аликберовой, Р.Г. Федорченко).

Восточные языки в разряде восточной словесности Казанского университета: этапы и направления (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI в.: сборник статей и докладов участников I международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2017. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, А.Р. Аликберовой).

Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX — начало XX в.) // Монголика-XVIII. Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017.

Казанскому университетскому востоковедению — 210 лет: Традиции и наследие (XIX — нач. XX вв.) // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (21–23 июня 2017 г.). Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017.

Вклад немецких ученых-ориенталистов в отечественные арабо-мусульманские исследования: Санкт-Петербург–Казань (XVIII–XIX вв.) // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (21–23 июня 2017 г.). Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. (В соавторстве с Н.Н. Дьяковым).

Неизвестные письма петербургских востоковедов Агафангелу Крымскому в фондах Института рукописи НБУВ // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (21–23 июня 2017 г.). Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеев).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: переписка с петербургскими востоковедами из архивов России и Украины (1890–1930-е гг.) // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам XIII Международной научно-практической

конференции 1 часть: «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). М.: Научный журнал «Chronos», 2017. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, Р.Т. Юзмухаметовым).

Н.Ф. Катанов о тюрко-китайских отношениях (на материале неопубликованных дневников экспедиции 1890–1892 гг.) // Народы Евразии: История. Культура. Языки. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова». Редкол.: Н.В. Екеев (отв. ред.), М.С. Дедина, Э.В. Енчинов, А.А. Конунов, Н.О. Тадышева, А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой).

Феномен отечественного университетского востоковедения в Казани: модель и направления институционализации (1807–1855) // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). Сб. ст. в 2 т. / Редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Т. 2. Чебоксары: ООО Издательский дом «Среда», 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым).

Неопубликованное наследие Н.Ф. Катанова и Дневник путешествия в Русский Туркестан (Семиречье и Тарбагатай) (1891–1892) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Николая Федоровича Катанова (27–29 сентября 2017 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2017. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, М.С. Минеевой).

Профессор Н.Ф. Катанов и университетская тюркология в Казани на рубеже веков // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня

рождения хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Николая Федоровича Катанова (27–29 сентября 2017 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Традиции рыбной ловли у прикаспийских и приамударьинских туркемен (экологический аспект) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Николая Федоровича Катанова (27–29 сентября 2017 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2017. (В соавторстве с С.Д. Атдаевым, А.А. Бурхановым, Р.М. Валеевым).

Наследие монголоведа и буддолога О.М. Ковалевского: Современная отечественная историография и перспективы изучения архивных материалов // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. (В соавторстве с И.В. Кульганек, О.Н. Полянской, Д.Е. Мартыновым, В.Г. Дацышеным).

«Нестор синологии»: В.П. Васильев — исследователь истории Китая // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. (В соавторстве с В.Г. Дацышеным, Р.М. Валеевым, Д.Е. Мартыновым, А.Р. Аликберовой).

Научная экспедиция и рукописные дневники Н.Ф. Катанова 1890–1892 гг. из фондов Национального Архива Республики Татарстан // X Бусыгинские чтения. Вып. 10. Казанская этнографическая школа: историческая память и коммеморативные практики в культуре народов Волго-Уралья. Казань: Изд-во Яковлев В.И., 2017. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой, Р.З. Валеевой).

Издание дневников Н.Ф. Катанова (Путешествие в Восточную Сибирь, Семиречье и Восточный Туркестан // Искусство и худо-

жественное образование в контексте межкультурного взаимодействия. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Казан. фед. ун-та, 2017. (В соавторстве с Ю.А. Мартыновой, Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым).

Дневниковое и эпистолярное наследие О.М. Ковалевского — источник по истории и этнографии монгольских народов // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Третья Международная конференция при поддержке Президента Монголии (Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2017 г.). Программа. Тезисы. СПб.; Улан-Батор, 2017. (В соавторстве с О.Н. Полянской, И.В. Кульганек).

Миссионерское монголоведение в Казани и неопубликованный труд архиепископа Гурия «Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 2. Буряты» из фондов Национального архива Республики Татарстан // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Третья Международная конференция при поддержке Президента Монголии (Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2017 г.). Программа. Тезисы. СПб.; Улан-Батор, 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Фольклористическое и историко-этнографическое наследие Н.Ф. Катанова (К 155-летию со дня рождения) // XII Конгресс антропологов и этнологов России. Сб. материалов (Ижевск, 3–6 июля 2017 г.) / Отв. ред. А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой).

Неизвестные письма из эпистолярного наследия монголоведа О.М. Ковалевского в отечественных архивных фондах // IV Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 15–16 ноября 2017 г.). М., 2017.

Неопубликованная переписка А.Е. Крымского с российскими востоковедами в архивных центрах России и Украины // IV Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 15–16 ноября 2017 г.). М., 2017. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой).

Неопубликованное дневниковое и эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова из архивных фондов Санкт-Петербурга и Казани //

IV Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 15–16 ноября 2017 г.). М., 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой).

О.М. Ковалевский и его вклад в изучение историко-культурного наследия Монголии и монголов: обзор историографии и архивных фондов // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Материалы II Международной научной конференции (Улан-Батор, 21–22 апреля 2015 г.). СПб.; Улан-Батор, 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Н. Полянской, Л.М. Сахавовой, И.В. Кульганек).

Казанский центр российской тюркологии: Этапы и наследие (конец XVIII — 1920-е гг.) // «Ұлы Дала» II гуманитарлық ғылыми форумының материалдары (бірінші бөлім), Астана: «Ғылым» баспасы, 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, А.М. Абидуллиным).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: Письма В.Р. Розену в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // XXI Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції (м. Київ, 17–18 жовтня 2017 р.). К., 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Р. Хайрутдиновым).

О.М. Ковалевский и его вклад в изучение историко-культурного наследия Монголии и монголов: обзор российской историографии и архивных фондов // Mongolian Buddism in practice. 2nd Internationol conference on Mongolian Buddism (Budapest, April 24–25, 2017). Budapest, 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, И.В. Кульганек, О.Н. Полянской, Л.М. Сахавовой).

Неизвестные письма петербургских востоковедов Агафангелу Крымскому в фондах Института рукописи НБУВ // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (21–23 июня 2017 г.). Материалы конгресса / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: Переписка с петербургскими востоковедами из архивов России и Украины (1890–1930-е гг.) // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам XIII Международной научно-практической

конференции. 1 часть: «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы» / Сб ст. (уровень стандарта, академический уровень). М.: Научный журнал «Chronos», 2017. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, Р.Т. Юзмухаметовым).

Н.Ф. Катанов о тюрко-китайских отношениях (на материале неопубликованных дневников экспедиции 1890–1892 гг.) // Народы Евразии: История. Культура. Языки. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова» / Редкол.: Н.В. Екеев (отв. ред.), М.С. Дедина, Э.В. Енчинов, А.А. Конунов, Н.О. Тадышева, А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой).

Феномен отечественного университетского востоковедения в Казани: модель и направления институционализации (1807–1855) // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). Сб. ст. в 2 т. / Редкол. О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Т. 2. Чебоксары: ООО «Издательский дом “Среда”», 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым).

Неопубликованное наследие Н.Ф. Катанова и Дневник путешествия в Русский Туркестан (Семиречье и Тарбагатай) (1891–1892) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Николая Федоровича Катанова (27–29 сентября 2017 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2017. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, М.С. Минеевой).

Профессор Н.Ф. Катанов и университетская тюркология в Казани на рубеже веков // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного

языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Николая Федоровича Катанова (27–29 сентября 2017 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2017. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Традиции рыбной ловли у прикаспийских и приамударьинских туркемен (экологический аспект) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Николая Федоровича Катанова (27–29 сентября 2017 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2017. (В соавторстве с С.Д. Атдаевым, А.А. Бурхановым, Р.М. Валеевым).

Наследие монголоведа и буддолога О.М. Ковалевского: Современная отечественная историография и перспективы изучения архивных материалов // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. (В соавторстве с И.В. Кульганек, О.Н. Полянской, Д.Е. Мартыновым, В.Г. Дацышеным).

«Нестор синологии»: В.П. Васильев — исследователь истории Китая // Россия–Китай: история и культура / Сб. ст. и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. (В соавторстве с В.Г. Дацышеным, Р.М. Валеевым, Д.Е. Мартыновым, А.Р. Аликберовой).

Научная экспедиция и рукописные дневники Н.Ф. Катанова 1890–1892 гг. из фондов Национального Архива Республики Татарстан // X Бусыгинские чтения. Казанская этнографическая школа: историческая память и коммеморативные практики в культуре народов Волго-Уралья. Вып. 10. Казань: Изд-во Яковлев В.И., 2017. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой, Р.З. Валеевой).

Издание дневников Н.Ф. Катанова (Путешествие в Восточную Сибирь, Семиречье и Восточный Туркестан // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного

взаимодействия. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во КФУ, 2017. (В соавторстве с Ю.А. Мартыновой, Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым).

2018

Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монголоязычных народов (XIX — начало XX в.) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». Материалы конференции (Улан-Удэ, 6–8 июля 2016 г.). СПб., 2018.

The Formation Of Academic And University Mongolian Studies In Russia (The End Of Xviii — First Half Xix Centuries // Austria-science. 2018. № 12. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, О.Н. Полянской).

Н.Ф. Катанов — тюрколог, путешественник и просветитель: Санкт-Петербург–Казань (1888–1922) // Мировая тюркология и Казанский университет: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 26–28 апреля 2018 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

А.Е. Крымский в истории отечественной тюркологии: Москва–Киев // Мировая тюркология и Казанский университет: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 26–28 апреля 2018 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым).

Из истории академического востоковедения: последнее письмо А.Е. Крымского В.В. Бартольду (1928 г.) // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам XXVI Международной научно-практической конференции 1 часть: «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы» (13 июля 2018 г.). М.: Научный журнал «Chronos», 2018. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, М.С. Мейер, Д.Р. Хайрутдиновым).

Письма А.Е. Крымского В.Р. Розену из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН // Minbar. Islamic Studies. 2018. 11(2). (В соавторстве с О.Д. Василюк, Н.Н. Дьяковым, Д.Р. Хайрутдиновым, А.М. Абидулиным).

А.Е. Крымский: тюркологическое и эпистолярное наследие (1896–1942) // Материалы V Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 85-летию со дня рождения востоковеда, археолога, доктора исторических наук Виталия Епифановича Ларичева (27–28 сентября 2018 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2018. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым).

Хакасские дневники Н.Ф. Катанова 1890–1891 гг.: структуры, сюжеты и содержательные особенности // Материалы V Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 85-летию со дня рождения востоковеда, археолога, доктора исторических наук Виталия Епифановича Ларичева (27–28 сентября 2018 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым, Ю.А. Мартыновой).

Академическая синология в Европе в XIX в.: Англия и Германия // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников XI Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.Г. Федорченко).

Страницы истории российского востоковедения: переписка А.Е. Крымского с отечественными востоковедами (В.Р. Розен, В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН) / Редкол. В.В. Беляков, Д.Д. Васильев, О.М. Курникова, Н.Г. Романова, Д.М. Тимохин, Н.К. Чарыева. М.: ИВ РАН, 2018. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, Н.Н. Дьяковым, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым, М.С. Мейер, Д.Р. Хайрутдиновым).

Первый этап научного путешествия Н.Ф. Катанова в Восточный Туркестан (10 июля — 16 октября 1890 г.) // Тюркологические исследования — International Scientific Journal. 2018. Т. 1. № 2. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, Р.М. Валеевым).

Академик В.П. Васильев и изучение наследия народов Центральной Азии: (к 200-летию со дня рождения) // Бусыгинские чтения. Народы Среднего Поволжья в историко-этнографическом

контексте. Материалы Международной научно-практической конференции посвященной 105-летию со дня рождения профессора Евгения Прокопьевича Бусыгина, Николая Владимировича Зорина, Рамзии Гиниатовны Мухамедовой (2 декабря 2018 г.). Вып. 11. Казань, 2018. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым).

Звезда «Ялдырак» в туркменском фольклоре // Бусыгинские чтения. Народы Среднего Поволжья в историко-этнографическом контексте. Материалы Международной научно-практической конференции посвященной 105-летию со дня рождения профессора Евгения Прокопьевича Бусыгина, Николая Владимировича Зорина, Рамзии Гиниатовны Мухамедовой (12 декабря 2018 г.). Вып. 11. Казань, 2018. (В соавторстве с С. Дж. Атдаевым, А.А. Бурхановым, Р.М. Валеевым).

Истоки финно-угроведения в Казанском университете в начале XX века // Финно-угорский мир в культуре России: сборник материалов Международного форума к 100-летию государственной архивной службы России (г. Кудымкар, Пермский край, 18–19 апреля 2018 г.). Часть 1. Кудымкар, 2018. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, А.М. Абидулиным).

Изучение биографии Сайфуллы-Кади Башларова в отечественной историографии // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев. Материалы Международной научной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения выдающегося башкирского религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. (В соавторстве с М.Х. Хайруллаевым).

Наследие О.М. Ковалевского и перспективы изучения архивных материалов // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения / Сб. ст. науч. конференции. Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. Казань: Изд-во Институт татарской энциклопедии, 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Л.М. Сахавовой).

Формирование университетского китаеведения в Казани и В.П. Васильев (1837–1855 гг.) // Академик В.П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии.

К 200-летию со дня рождения (Санкт-Петербург, 4 апреля 2018 г.). Программа. Тезисы / Сост. Т.А. Пан, И.В. Кульганек. СПб., 2018. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, Р.Г. Федорченко).

Пекинский период жизни В.П. Васильева в материалах Государственного архива Республики Татарстан Пекинский период жизни и деятельности В.П. Васильева (1840–1850) // Академик В.П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения (Санкт-Петербург, 4 апреля 2018 г.). Программа. Тезисы / Сост. Т.А. Пан, И.В. Кульганек. СПб., 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым).

Венгерский монголовед Балинт Габор в Казани: Неизвестные письма Н.И. Ильминскому (1872–1874 гг.) // Первые Ковалевские чтения. Тезисы материалов Международной научной конференции, посвященной 185-летию создания кафедры монгольской словесности в Казани (24–26 сентября 2018 г.). Казань: Изд-во АН РТ, 2018. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, Л.М. Сахавовой).

Путешествие Н.Ф. Катанова в монгольский Урянхай (1889 г.) и его материалы о Монголии и Туве // Первые Ковалевские чтения. Тезисы материалов Международной научной конференции, посвященной 185-летию создания кафедры монгольской словесности в Казани (24–26 сентября 2018 г.). Казань: Изд-во АН РТ, 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: письма академику В.В. Бартольду (1909–1928 гг.). Epistolary legacy of a.y. Krymsky: his letters to academy of sciences member V.V. Bartold (1909–1928) // Сборник публикаций мультидисциплинарного научного журнала «Архивариус» по материалам XXVIII Международной научно-практической конференции «Наука в современном мире» г. Киева: сборник со статьями. К.: мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус», 2018. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Наследие тюркских народов в творчестве Катанова Н.Ф. (1888–1922) // Sempozyum Özet Kitabi. I. Uluslararası Dede Korkut Türk

Kültürü, Tarihi ve Edebiyatı Sempozyumu. 20–23 Mart 2018. Antalya, 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, В.Н. Тугужековой).

Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев // XXII Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції (м. Київ, 22–23 червня 2018 р.). Київ, 2018. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым).

Неопубликованная переписка А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского (1904–1925 гг.) // XXII Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції (м. Київ, 22–23 червня 2018 р.). Київ, 2018. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым).

A.Y. Krymsky and his letters to Russian Scholars V.R. Rozen, V.V. Bartold and P.K. Kokovtsov (Late 19th — Early 20th Centuries) // Österreichisches Multiscience Journal. 2018. V. 1. № 8. P. 10–13. (В соавторстве с D. Martynov, D. Khayrutdinov, O. Vasylyuk).

Первый этап туркестанского путешествия Н.Ф. Катанова на страницах его дневников // «Scientific pages». 2018. № 13. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, В.Н. Тугужековой).

Неопубликованные письма А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского// Сборник публикаций мультидисциплинарного научного журнала «Архивариус» по материалам XXXIII Международной научно-практической конференции «Наука в современном мире» (28 августа 2018 г.) г. Киева: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). К.: мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус», 2018. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, Д.Р. Хайрутдиновым).

Эпистолярное наследие отечественных ориенталистов на рубеже эпох: переписка А.Е. Крымского с российскими востоковедами (1890–1930-е гг.) // «Ұлы Дала» III-ші Халықаралық гуманитарлық ғылымдар форумының материалдары (бірінші бөлім), Астана: «Ғылым» баспасы, 2018. (В соавторстве с Н.Н. Дьяковым, М.С. Мейер).

The Kazan Teacher's Seminary and training of I.M. Shtygashev (1882–1885) // Himalayan and Central Asian Studies. Vol. 22. No. 3. July-September 2018. P. 48–52. (В соавторстве с Mariya Sergeevna Mineeva).

Наследие тюркских народов в творчестве Катанова Н.Ф. (1888–1922) // I. Uluslararası Dede Korkut Türk Kültürü, Tarihi ve Edebiyatı Sempozyumu. 20–23 Mart 2018. Tam Metin Kitabi. Iksad Yayinevi, 2018. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, В.Н. Тугужековой).

Академик В.П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (К 200-летию со дня рождения) // O'zbekiston Resbublikasi Vazirlar Mahkamasininig 2018 yil 6 martdagi 178-f sonli Farmoyishining 1-ilovasiga muvofiq 2018 yilinda 17 noybar kuni tashkiletilgan «O'zbekiston-Xitoy: tarihiy-madaniy, ilmiy va iqtisodiy aloqalar rivoji» mavzusidagi halqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari. T.: TDSHI, 2018. B. 163–169. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, В.Ю. Жуковым).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского и его письма Российским востоковедам в архивных фондах России (1890–1930-е гг.) // II Uluslararasi Tatar Tarihi — Kültürü Ve Edebiyati Sempozyumu. 11–14 Kasım 2018. Ankara. Kongre Kitabi / Editörler Doç.Dr Dinara Fardeeva, Merve Kidiryüz. Ankara, Iksad Publications, 2018. S. 58–67. (В соавторстве с Р.М. Валеевой, О.Д. Василюк, Н.Н. Дьяковым, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым, М.С. Мейер, Д.Р. Хайрутдиновым).

Danube bulgarians and volga bulgars in the intellectual history of Russia of the 19th century: the case of Yuri Venelin and Andrei Likhachev // Revista Publicando, 5 No. 16(1). 2018, S. 640–647. (В соавторстве с Svetlana V. Belova, Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova).

A.E. Krymsky Turkological Manuscripts in The Archives of Kyiv // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8, Issue 11. P. 112–117. (В соавторстве с Yulia A. Martynova, Dmitry E. Martynov, Oksana D. Vasilyuk).

Российская тюркология и наследие А.Е. Крымского (рубеж XIX–XX вв.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2018. № 1. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой).

«Я в Трапезунте…»: неопубликованные письма А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2018. № 4. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым).

Биография и творческое наследие Сайфуллы-Кади Башларова: Проблемы и перспективы изучения // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2018. № 4. (В соавторстве с М.Х. Хайрулаевым, Р.М. Валеевым).

Из жизни отечественного востоковедного сообщества на заре XX столетия: переписка В.В. Бартольда и А.Е. Крымского в 1908–1913 гг. (по материалам архивных фондов) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2018. Т. 1. № 4. (В соавторстве с О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, М.С. Мейер).

2019

Ориенталистика в Казанском университете (1807–20-е гг. XX в.). Lambert, 2019. 303 с.

Эпистолярий В.В. Бартольда и А.Е. Крымского из архивных центров России и Украины (1909–1928 гг.) Correspondence of A.E. Krymsky and V.V. Bartold in 1909–1928 (Based on the archival materials) // Символ науки. 2019. № 1. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым).

Феномен университетского и миссионерского монголоведения в Казани: модели и направления институционализации (1833–1919) // Монголоведение в Санкт-Петербурге: ретроспектива и современность. Международный Круглый стол (Санкт-Петербург, 10 июня 2019 г.). Программа. Тезисы / Сост. И.В. Кульганек, Д.А. Носов. СПб.: Свое издво, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.Г. Федорченко).

Университетское востоковедение в России: институционализация, центры и наследие (1755–1920-е гг.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) (19–21 июня 2019 г.). Материалы конгресса / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт». 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Неопубликованный эпистолярий В.В. Бартольда А.Е. Крымскому из фондов Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) (19–21 июня

2019 г.). Материалы конгресса / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2019. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым).

«Украшение русской ориенталистики»: Письма В.В. Бартольда и А.Е. Крымского из архивных центров России и Украины (1908–1928 гг.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) (19–21 июня 2019 г.). Материалы конгресса / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2019. (В соавторстве с С.А. Кириллиной, Р.М. Валеевым, О.Д. Василюк, Н.Н. Дьяковым).

Неопубликованный эпистолярий А.Е. Крымского В.В. Бартольду из фондов Санкт-Петербургского архива Российской академии наук // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) (9–21 июня 2019 г.). Материалы конгресса / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт». 2019. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым, О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой).

Ученые-востоковеды немецкого происхождения в Казанском университете в XIX веке: Х.Д. Френ, Ф.И. Эрдман, И.Ф. Говальд, В.В. Радлов // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) (19–21 июня 2019 г.). Материалы конгресса / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НППринт». 2019. (В соавторстве с К.Б. Переверзевым, Р.М. Валеевым).

Казанское университетское востоковедение и Мирза А.К. Казем-Бек (первая половина XIX в.) // Казембековские чтения. Материалы Международной научно-образовательной конференции (Махачкала, 26–27 февраля 2019 г.) / Отв. ред. А.М. Абдулатипова; ДГИ; СПбГУ. Махачкала: Дагест. гуманитар. инт, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

О.М. Ковалевский и его дневники // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» по материалам XXXVI Международной научно-практической конференции «Вопросы современ-

ной науки: проблемы, тенденции и перспективы». Сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). М.: Научный журнал «Chronos», 2019. (В соавторстве с И.В. Кульганек, В.Ю. Жуковым, О.Н. Полянской, Р.Г. Федорченко).

Российское университетское востоковедение: Центры и наследие (XIX — начало XX в) // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России / Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. (В соавторстве с Ю.А. Мартыновой).

Рукописное наследие Н.Ф. Катанова: дневники периода путешествия в Сибирь и Синьцзянь (1889–1892 гг.) // Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий, посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (26–27 сентября 2019 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2019. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, В.Н. Тугужековой, Р.З. Валеевой).

Востоковедение в России и вклад в его развитие немецких ученых-востоковедов: Казань–Санкт-Петербург (XIX — начало XX в.) // Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий, посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (26–27 сентября 2019 г.). Абакан: Хакасское книжное издво, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Л.М. Сахавовой).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: неопубликованные письма академику П.К. Коковцову (1901–1932 гг.) // Восточный архив. 2019. № 2(40). (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, Т.К. Кораевым, М.С. Мейер, А.М. Абидуллиным).

Эпистолярное наследие отечественных востоковедов из архивных центров России: Поиск, методика изучения и введение в научный оборот (Ибрагим Хальфин, О.М. Ковалевский, Мирза А.К. Казем-Бек, Н.Ф. Катанов, А.Е. Крымский (XIX — начало XX вв.) // Археография Южного Урала: 75 послевоенных лет в истории России. Материалы XIX Всероссийской научно-практической

конференции (Уфа, 15 ноября 2019 г.) / Под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: Мир печати, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Н.Н. Дьяковым).

Востоковедение в Казанском университете и этнографические исследования тюркских народов Евразии (XIX — нач. XX вв.) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.). Сб. материалов / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, Л.М. Сахавовой).

Kazan Universitisi sarkiyat arastIrmalarInIn asmalari ve mirasI (1769–1929'li yillari // Avrasya Sarkiaytcilari. CalIstayI. 23–24 ekim 2019. Marmara Universitesi, 2019. P. 12–13.

The Russian University Chinese studies in Kazan and the research travel of V.P. Vasilyev to Beijing (the first half of the 19th century) // 2019 Second International Symposium on Culture, Linguistics and International Chinese Teaching, 28–30 oktober, 2019. Yunnan Normal University, 2019. P. 6. (В соавторстве с Valeeva Roza Z.).

Тюркологические и османистические исследования А.Е. Крымского: Бейрут–Москва–Киев // Исторический вестник. 2019. Т. 30. № 4. (В соавторстве с О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, А.М. Абидулиным).

Рукописный дневник «Dziennik zatrudnien» и архивные материалы о наследии О.М. Ковалевского из фондов Государственного архива Республики Татарстан // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития. Материалы Международной научной конференции «Улымжиевские чтения–X» / Науч. ред. О.Н. Полянская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос ун-та, 2019. 304 с. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, Л.М. Сахавовой).

Из истории отечественного монголоведения и китаеведения XIX в.: дневники и письма О.М. Ковалевского и В.П. Васильева из Монголии и Китая // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития. Материалы Международной научной конференции «Улымжиевские чтения–X» / Науч. ред. О.Н. Полянская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 304 с. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.М. Валеевым, В.Ю. Жуковым, И.В. Кульганек).

Эпистолярная летопись отечественного востоковедения (В.Р. Розен, В.В. Бартольд, П.К. Коковцов, В.Ф. Минорский) // Современные востоковедческие исследования. 2019. № 4. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, Д.Е. Мартыновым, Р.Р. Мухаметзяновым, Д.Р. Хайрутдиновым).

Деятельность В.П. Васильева в составе XII Пекинской миссии (1840–1850) по материалам Национального архива Республики Татарстан // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 3. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, Р.М. Валеевым).

Комплексное исследование научного наследия востоковедов XIX века на новом этапе // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 3. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым).

Восточные языки в Казанском и Петербургском университетах (в первой половине XIX века) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 2019. Т. 39. № 3. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Н.Н. Дьяковым, Р.З. Валеевой).

Василий Васильев как исследователь китайской истории // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 2019. Т. 39. № 3. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, В.Г. Дацышеным).

Переписка О.М. Ковалевского с сибирской интеллигенцией (1828–1833) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 2019. Т. 39. № 3. (В соавторстве с И.В. Кульганек, О.Н. Полянской, М.Р. Валеевым, Д.Е. Мартыновым).

Переписка А.Е. Крымского с петербургскими востоковедами (1890–1930 гг.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 2019. Т. 39. № 3. (В соавторстве с О.Н. Василюк, Д.Е. Мартыновым, Р.З. Валеевой, Д.Р. Хайрутдиновым).

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его неопубликованные рукописные дневники в Национальном архиве Республике Татарстан (1889–1892 гг.) // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Международная научная конференция XX Ивановские чтения (18 мая 2018 г.). Материалы конференции / Под ред. Н.Н. Телицина. СПб.: Центр содействия образованию, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, В.Н. Тугужековой).

Letters From A.Y. Krymsky to V.R. Rozen from the holdings of the St. Petersburg Branch of the Russian Academy of sciences archives // Österreichisches Multiscience Journal № 15/2019. P. 11–16. (В соавторстве с Valeev R.M, Vasylyuk O.D., Valeeva R.Z., Diakov N.N., Khayrutdinov D.R., Martynov D.Y.).

Scientist-Eastern Studies Of German Origin in Kazan University in The Xix Century: X.D. Fren, F.I. Erdman, I.F. Gotvald, V.V. Radlov // Colloquium-Journal. 2019. № 15. 4(39). (В соавторстве с К.Б. Переверзевым, Р.М. Валеевым).

Hungarian Mongolian studies scholar Balint Gabor in Kazan: His Letters to N.I. Ilminsky (1872–1874) Gabor Balint (Gabor Balint de Szentkatolna, 1844–1913) was an outstanding Hungarian linguist, Mongolian and Turkic studies // Mongolian Buddhism: Tradition and Innovation. 3rd International Conference on Mongolian Buddhism 3rd traditional European conference organized annually by the International Association for Mongol Studies, April 25–26, 2019, Budapest. Abstracts / Ed. by Birtalan Ágnes, Teleki Krisztina, Béres Judit, Rákos Attila. Budapest, 2019. P. 35. (В соавторстве с Valeeva R.Z., Kulganek I.V., Martynov D.Y., Khayrutdinov D.R.).

N.F. Katanov's Travel to Mongolian Uriankhai (1889) and His Mongolian Studies // Mongolian Buddhism: Tradition and Innovation. 3rd International Conference on Mongolian Buddhism 3rd traditional European conference organized annually by the International Association for Mongol Studies, April 25–26, 2019, Budapest. Abstracts / Ed. by Birtalan Ágnes, Teleki Krisztina, Béres Judit, Rákos Attila. Budapest, 2019. (В соавторстве с Martynov D.Y., Martynova Y.A., Valeev R.M.).

Эпистолярное наследие В.В. Бартольда и А.Е. Крымского из архивных центров России и Украины (1908–1928 гг.). Unpublished correspondence between V.V. Bartold and A.E. Krymsky during the period from 1908 till 1928 // ASEAD6. Uluslararasi Sosyal Bilimler Sempozyumu Ejser. 6th International Symposium on Social Sciences. 2–4 Kasım / November 2019Lara. Antalya. Bildiri Özet Kitabi. Abstract Proceedings Book. (В соавторстве с Roza Z. Valeeva, Oksana D. Vasylyuk, Dinar R. Khayrutdinov, Svetlana A. Kirillina).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского: письма академику П.К. Коковцову (1901–1932 гг.) // Сборник публикаций мульти-

дисциплинарного научного журнала «Архивариус» по материалам XXXX Международной научно-практической конференции «Наука в современном мире» г. Киева: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). К.: мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус», 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, Т.К. Кораевым, М.С. Мейер, Д.Р. Хайрутдиновым).

Письма венгерского монголоведа балинта габора Н.И. Ильминскому (1872–1874 гг.) // монголчуудын соёлын өв: гар бичмэл ба архивын баримтын цуглуулга Дөрөв дэх удаагийн олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал. 2019 оны 4 сарын 18–19. Улаанбаатар хот ХӨТӨЛБӨР, ИЛТГЭЛИЙН ХУРААНГУЙ. Улаанбаатар, 2019 (Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Четвертая Международная конференция при поддержке Президента Монголии (Улан-Батор, 18–19 апреля 2019 г.). Программа. Тезисы. Улан-Батор, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Университетское востоковедение в Российской империи на рубеже XX в.: центры и наследие // Sempozyum Kitabi. III. Uluslararasi Tatar Tarihi–Kültürü Ve Edebiyati Sempozyumu. 20–23 Mart 2019. Antalya / Editörler Doç. Dr. Dinara Fardeeva, Mustafa Latif Emek. Institute of Economic Development and Social Researches Publications. Turkey: Iksad Publications, 2019. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым, Л.М. Сахавовой).

Эпистолярий В.В. Бартольда и А.Е. Крымского из архивных центров России и Украины (1909–1928 гг.): Письма советского периода // Sempozyum Kitabi. III. Uluslararasi tatar tarihi–kültürü ve edebiyati sempozyumu. 20–23 Mart 2019. Antalya / Editörler Doç. Dr. Dinara Fardeeva, Mustafa Latif Emek. Institute of Economic Development and Social Researches Publications. Turkey: Iksad Publications, 2019. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Unpublished Correspondence of A.E. Krymsky and V.F. Minorsky // До річчя від дня народження академіка Омеляна Пріцака (1919–2006). Тези доповідей міжнародної наукової конференції. Київ 16 травня 2019 р. Київ, 2019. (В соавторстве с Khayrutdinov D.R.).

Epistolary heritage by A.Y. Krymsky: Pre-revolutionary correspondence of A.Y. Krymsky and V.V. Bartold (1908–1913) // novative Technology and Exploring Engineering International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE) ISSN: 2278–3075. 2019. Vol. 9, Issue 1. November. (В соавторстве с Valeeva, R.Z., Khayrutdinov, D.R., Kirillina, S.A.).

Из жизни отечественного востоковедного сообщества в ранний постреволюционный период: переписка В.В. Бартольда и А.Е. Крымского в 1920-е годы (по материалам архивных фондов // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2019. № 1. (В соавторстве с О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, М.С. Мейер).

Место журнала «Ал-Кираза» в церковной жизни египетских коптов // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2019. № 2. (В соавторстве с О.В. Низамутдиновой, Р.М. Валеевым).

Эпистолярное наследие отечественных востоковедов: неопубликованная переписка А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского (1904–1925 гг.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 6. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, Н.Н. Дьяковым, С.А. Кириллиной).

Переписка А.Е. Крымского и П.К. Коковцова в истории отечественной семитологии (1901–1932 гг.) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2019. № 3.

Российское востоковедение: геополитические и социокультурные факторы (XIX–XX вв.) // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3 (Т. 2). (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

2020

Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская / Отв. и науч. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское Востоковедение, 2020. 440 с.

«В далекое будущее я смотрю с большой верой и для Украины, и для России»: Эпистолярное наследие В.И. Вернадского и А.Е. Крымского (1904–1941 гг.) // LXVI Международные научные чтения (памяти Л.Д. Ландау). Сб. ст. Международной

научно-практической конференции (Москва, 22 февраля 2020 г.). М.: ЕФИР, 2020. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Д.Р. Хайрутдиновым).

Неопубликованное письмо В.А. Гордлевского А.Е. Крымскому из Турции (1906 г.) // Сборник публикаций научного журнала «Chronos» сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). М.: Научный журнал «Chronos», 2020. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, М.С. Мейер, Д.Е. Мартыновым, Д.Р. Хайрутдиновым).

Центры востоковедения в России и вклад немецких ученых-ориенталистов: Казань–Санкт-Петербург (XVIII–XIX вв.) // Всеобщая история и историческая наука в XX — начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Т. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым, Д.Р. Хайрутдиновым).

Предисловие / Кереш // Книга Памяти жертв политических репрессий. Т. 28. Дополнительный список по привлеченным за политические преступления «А»–»Я»; Административные репрессии. Дополнительный список по 33 районам; История и основные документы политических репрессий в Татарской АССР. Казань: «Книга Памяти», 2020. (В соавторстве с Р.В. Шайдуллиным).

Письма венгерского монголоведа Габора Балинта Н.И. Ильминскому в Казань (1872–1874 гг.) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). № 7(76) / 2020. 6 часть. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Р.З. Валеевой, Д.Р. Хайрутдиновым).

Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (Проспект монографии) // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников XIII Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2020.

Памятники уйгурского фольклора из материалов Н.Ф. Катанова в публикациях немецких востоковедов // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников XIII Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Фэн АН РТ, 2020. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, Р.М. Валеевым).

Университетское востоковедение в Казани (XIX–XX вв.) // Сборник докладов XIV Международной научно-практической конференции Роснаука (Москва). М., 2020. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

V.P. Vasilyev's research travel to beijing (the 19th century) // Journal of Critical Reviews. 2020. Vol. 7, Issue 2. (В соавторстве с Roza Valeeva, Dmitry Martynov, Dinar Khayrutdinov).

Project For The Development Of Oriental Studies In Kazan in the Early 19th Century: On Opening Vocational Schools For Oriental Languages In The Kazan School District // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. 2020. Vol. 12, Issue 6. P. 1403–1407. (В соавторстве с Roza Valeeva, Dinar Khayrutdinov).

Post-Revolution Oriental Studies in the USSR: Correspondence Between V.V. Bartold and A.Y. Krymsky in the 1920s // Journal of Critical Reviews. 2020. Vol 7, Issue 13. (В соавторстве с R.Z. Valeeva, O.D. Vasylyuk, D.R. Khayrutdinov, S.A. Kirillina).

Turkological and ottomanic legacy of A.Y. Krymsky and oriental studies in Russia (1896–1941) // The Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2020. Vol. 17. No. 7. P. 148–158. (PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology). (В соавторстве с Roza Z. Valeeva, Dinar R. Khayrutdinov, Oksana D. Vasylyuk).

Osip Kowalewski' Mongolian And Chinese Diaries (1828–1833) // Journal of Research in Applied Linguistics. 2020. Vol. 11. (В соавторстве с Irina Vladimirovna Kulganek, Dmitry Evgenyevich Martynov, Vadim Yuryevich Zhukov, Rushana Alfredovna, Galina Vasiljevna Matushevskaya).

О.М. Ковалевский и его вклад в изучение историко-культурного наследия Монголии и монголов: обзор историографии и архивных фондов // Aspects of Mongolian Buddhism 2. Mongolian Buddhism in Practice / Ed. by Ágnes Birtalan, Krisztina Teleki with Judit Béres. Budapest: L'Harmattan, 2020. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, И.В. Кульганек, О.Н. Полянской).

Biography and heritage of orientalist O.M. Kovalevsky: Based On Materials From Archivesand Manuscript Collections (To the 220th Anniversary of the Birth // International independent scientific journal. 2020. Vol. 3. no. 16. (В соавторстве с Kulganek I., Zhukov V., Valeeva R.).

The first scientific trip of gabor balint to Russia and his letters to N.I. Ilminsky: Kazan–Astrakhan–St. Petersburg (1872–1874) // The scientific heritage. 2020. No. 50(3). (В соавторстве с Valeeva R., Hairutdinov D.).

Письма В.А. Гордлевского А.Е. Крымскому из фондов института рукописи научной библиотеки В.И. Вернадского Украины (1906–1909 гг.) // Сборник публикаций мультидисциплинарного научного журнала «Архивариус» г. Киева: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). К.: мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус», 2020. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым, М.С. Мейер, Д.Р. Хайрутдиновым).

Первое письмо А.Е. Крымского А.Н. Веселовскому из Бейрута (1897 г.) // Сборник публикаций мультидисциплинарного научного журнала «Архивариус». «Наука в современном мире». Вып. 7(52) (20 сентября 2020 г.) г. Киева: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). К.: мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус», 2020. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, Д.Р. Хайрутдиновым).

Academic Chinese studies in Russia and the research travel of V.P. Vasilyev to Beijing (the first half of the 19th century) // 语言学与汉语教学研究 (Исследования по лингвистике и методике преподавания китайского языка). Куньмин: 云南出版集团 (Издательская группа пров. Юньнань), 2020. (В соавторстве с Valeeva R.Z.).

О.М. Ковалевский и его вклад в изучение историко-культурного наследия Монголии и монголов: обзор историографии и архивных фондов // Aspects of Mongolian Buddhism 2 — Mongolian Buddhism in Practice / Ed. by Ágnes Birtalan, Krisztina Teleki, Judit Béres. Budapest, 2020, L'Harmattan. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, И.В. Кульганек, О.Н. Полянской).

Востоковедение в России и вклад немецких ученых-ориенталистов: Казань–Санкт-Петербург (XVIII–XIX вв.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика (Москва, 2020 г.). Тезисы докладов научной конференции / Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Инт стран Азии и Африки / Отв. ред. Н.С. Кулешова; Редкол.: И.И. Абылгазиев, М.В. Воронцова, Н.В. Громова и др. М.:

КлючС, 2020. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновыи, Д.Р. Хайрутдиновым).

«Востоковедение в Казани: Восточный факультет должен существовать при Казанском государственном университете. 1924–1925» // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2020. № 3. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Р. Хайрутдиновым).

Неопубликованные письма академика В.А. Гордлевского академику А.Е. Крымскому из фондов Института рукописи Научной библиотеки им. В.И. Вернадского Украины (1906–1909 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. № 4. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, М.С. Мейер, Д.Р. Хайрутдиновым).

2021

Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацышен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский / Сост. Т.А. Пан; Отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021. 320 с.: ил.

Памяти И.М. Смилянской: эпистолярное наследие А.Е. Крымского и российских востоковедов из архивов России и Украины (к 150-летию со дня рождения) // Зеркала: Современные направления исследований арабской филологии в России. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной).

Ориенталистика в России и вклад в ее развитие немецких ученых-востоковедов (Казань–Санкт-Петербург, XVIII–XIX вв.) // Высшая школа: научные исследования. Материалы. Межвузовский международный конгресс (Москва, 21 января 2021 г.). Т. 2. М.: Изд-во Инфинити, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Н.Н. Дьяковым, З.М. Зариповой, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым, Д.Р. Хайрутдиновым).

Востоковедение в имперской столице и провинции: Санкт-Петербург–Казань (XIX — нач. XX вв.) // Столица и провинции: взаимоотношения центров и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием /

Отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 12. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Исследовательский проект РФФИ (2018–2020 гг.): «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: Переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцова, В.Ф. Минорского (1890–1930-е гг.) // Наука России: Цели и задачи. Сборник научных трудов по материалам XXV Международной научно-практической конференции (10 февраля 2021 г.). Изд. НИЦ «ЛЖурнал». Часть I. 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Неопубликованные письма А.Е. Крымского А.Н. Веселовскому из Бейрута (1897 г.) // Восточный архив. 2021. № 1(43). (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной, Д.Е. Мартыновым, Д.Р. Хайрутдиновым).

Российские монголоведы в Казанском университете и Казанской духовной академии (XIX — начале XX в.): Обзор рукописей и архивных материалов о монголоведении, Монголии и монголоязычных народах России // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания. Пятая Международная конференция при поддержке Президент Монголии (Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2021 г.). Программа. Тезисы. СПб.; Улан Батор, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Классическое отечественное востоковедение: природа и структура (XIX — начало XX веков) // Классический университет: история и современность Материалы II-й Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 90-летию Удмуртского государственного университета (Ижевск, 29 января 2021 г.) / Отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Дневники и материалы Н.Ф. Катанова: период путешествия в Сибирь и Синьцзянь в архивных центрах России (1889–1892 гг.) // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность. Материалы Международной научной конференции (Иркутск, 21 апреля 2021 г.). Иркутск: Изд-во «Репроцентр+», 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Наследие О.М. Ковалевского в истории российско-монгольских научных и общественных связей: К 220-летию со дня рождения // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: К столетию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Сб. науч. ст. / Науч. ред. Базаров Б.В. Новосибирск, 2021. (В соавторстве с, И.В. Кульганек, Р.З. Валеевой).

Валеев Р.М, Профессор-ориенталист Франц Эрдман в Казанском университете: судьба немецкого востоковеда // Россия–Китай: сборник статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во АН РТ, 2021.

Неопубликованный дневник завершающего этапа тюркологической экспедиции Н.Ф. Катанова 1889–1892 гг. // Россия–Китай. Сб. ст. и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, Р.М. Валеевым).

Эпистолярное наследие А.Е. Крымского и письма отечественных востоковедов в архивных фондах России и Украины: итоги исследовательского проекта РФФИ (2018–2020 гг.) // V Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 17–19 ноября 2021 г.). М., 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, Д.Р. Хайрутдиновым).

Востоковед Эрдман Франц (Эрдман Ф.И.) (1795–1862) и его наследие в архивах России и Германии // V Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 17–19 ноября 2021 г.). М., 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Hartmut Walravens, А.В. Эрдман).

Востоковедение в университетах России: центры и наследие (середина XVIII — первая треть XIX в.) // «Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований». IV Международный научный форум «Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований» (Элиста, 17–18 декабря 2020 г.). [Текст]: Материалы / Редкол. Б.К. Салаев и др. Элиста: Изд-во Кал. ун-та, 2020. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Arab Studies and Arab-Islamic Languages and Research in Imperial Russian Universities: Kazan and St. Petersburg Universities

(1804–1855) // Journal for Educators, Teachers and Trainers, Vol. 12(1). (В соавторстве с Valeeva R. Z., Khayrutdinov D. R.).

Post-revolution oriental studies in the ussr: correspondence between V. V. Bartold and A. Y. Krymsky in the 1920 s // Journal for Educators, Teachers and Trainers, Vol. 12(1). (В соавторстве с Valeeva R. Z., Vasylyuk O. D., Khayrutdinov D. R., Kirillina S. A.).

Project for the development of Oriental studies in Kazan in the early 19th century: On opening vocational schools for Oriental languages in the Kazan school district // Journal for Educators, Teachers and Trainers, Vol. 12(1). (В соавторстве с Roza Valeeva, Dinar Khayrutdinov).

Turkological and Ottomanic legacy of A. Y. Krymsky and Oriental studies in Russia (1896–1941) // Journal for Educators, Teachers and Trainers, Vol. 12(1). (В соавторстве с Roza Z. Valeeva, Dinar R. Khayrutdinov, Oksana D. Vasylyuk).

О. М. Ковалевский и его вклад в изучение историко-культурного наследия Монголии и монголов: обзор историографии и архивных фондов // Aspects of Mongolian Buddhism 2 — Mongolian Buddhism in Practice / Ed. by Ágnes Birtalan, Krisztina Teleki, Judit Béres. Budapest, 2020, L'Harmattan. (В соавторстве с Р. З. Валеевой, И. В. Кульганек, О. Н. Полянской).

Арабо-мусульманские языки в российских университетах: Казанский и Санкт-Петербургский университеты (первая половина XIX в.) // Madaniyatlararo Muloqotda Sharq Tillarining «Madaniyatlararo Uloqotda Sharq Tillarining Ahamiyati» mavzusidagi xalqaro masofaviy-onlayn ilmiy-amaliy konferensiya. International scientific-practical of the online conference «The Role of Oriental Languages in Intercultural Communication». Toshkent: «Tamaddun», 2021. (В соавторстве с Р. З. Валеевой).

Professor-orientalist N. F. Katanov and his Manuscript Heritage of in the Funds of the Russian Archives: Diaries and Materials of the Period of Travel to Siberia and Xinjiang (1889–1892) // International Journal of Advance and Innovative Research. Vol. 8. Issue 3 (IV). July–September 2021. Part 2. (В соавторстве с Valeeva R. Z., Mullayanov A. Sh., Tuguzhekova V. N.).

Тюркологическое наследие А. Е. Крымского: Москва–Киев (К 150-летию со дня рождения). A. E. Kirim'in Türkolojik Mirasi:

Moskova-Kiev (Doğumunun 150. Yildönümüne Kadar) // IX UluslararasI Turcoloji Kongresi / Turuk kultur Medeniyetinin Surecliligi Bildiri kitabi. IX Халыкаралык Туркология Конгресі. TYPKI мэдениеті мен оркениетінін сабактастыгысы материалдардын жинагы. Туркістан: Hoca Ahmet Yesevi UluslararasI Türek-Kazак Üniversitisi Yayinlari, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Этнические немцы и их роль в российском востоковедении (Казань–Санкт-Петербург, XVIII–XIX вв.) // Bildiri ozet kitabi. Abstract proceeding book. Asead 7. Uluslararasi Sosyal Bilimler Sempozyumu, 10–12 Nisan 2021, Antalya. Ankara, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, А.Ш. Муллаяновым).

Ethnic Germans and their role in Russian Oriental Studies (Kazan–Saint-Petersburg (18–19th centuries) // Bildiri ozet kitabi. Abstract proceeding book. Asead 7. Uluslararasi Sosyal Bilimler Sempozyumu, 10–12 Nisan 2021, Antalya Ankara, 2021. (В соавторстве с Valeeva R.Z., Mullayanov A. Sh.).

Немецкий профессор Франц Эрдман и его арабо-мусульманские исследования в Казани (1819–1845 гг.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 20–29 апреля 2021 г.). Тезисы докладов научной конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки / Отв. ред. Н.С. Кулешов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, А.В. Эрдман).

Письма московских востоковедов из Бейрута и Коньи: А.Е. Крымского (1897 г.) и В.А. Гордлевского (1906 и 1909 гг.) из Российского и Украинского архивов // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 20–29 апреля 2021 г.): тезисы докладов научной конференции / Московский государственный университете им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки / Отв. ред. Н.С. Кулешов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. (В соавторстве с О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной).

«Приехал сюда в конце 19-го века. Оказалось: меня никто не понимает, а я и подавно никого!»: Письма А.Е. Крымского профессору А.Н. Веселовскому из Бейрута из фонда Российского государственного архива литературы и искусства (1897 г.) // XXXI Международный конгресс по источниковедению и исто-

риографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего вермени (23–25 июня 2021 г.). Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, П.И. Рысакова, А.О. Победоносцова Кая. Т. 1. СПб.: Изд-во «Студия "НП-Принт"», 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Неопубликованное эпистолярное наследие А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского из архивных центров России и Украины // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего вермени (23–25 июня 2021 г.). Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, П.И. Рысакова, А.О. Победоносцова Кая. Т. 1. СПб.: Изд-во «Студия "НП-Принт"», 2021. (В соавторстве с О.Д. Василюк, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, Н.Н. Дьяковым, С.А. Кириллиной).

Научное и культурное наследие Российского и Польского востоковеда-монголоведа О.М. Ковалевского: Судьба–семья–наследники // XIV Конгресс антропологов и этнологов России (Томск, 6–9 июля 2021 г.). Сб. материалов / Отв. ред. И.В. Нам. Ч. 54. М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. (В соавторстве с И.В. Кульганек).

Из истории московского центра тюркологии: наследие А.Е. Крымского и В.А. Гордлевского и их переписка // XXIX Международная научная конференция «Дмитриевские чтения» (Москва, 1 октября 2021 г.). Программа и тезисы. М., 2021. (В соавторстве с С.А. Кириллиной, Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк).

Наследие Катанова Н.Ф. — востоковед, путешественник и просветитель: к 160 летию со дня рождения // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох. Сб. ст., посвященный 30-летию образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / Редкол.: М.С. Дедина, С.Д. Дилекова, Н.В. Екеев (отв. ред.), Е.В. Енчинов, М.С. Каташев, А.А. Конунов, Б.Б. Саналова, А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2021. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Профессор-ориенталист Франц Эрдман в Казанском университете (1818–1845 гг.) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2021. № 2. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, А.В. Эрдман).

2022

Профессор-ориенталист Франц Эрдман в истории казанского востоковедения (1818–1845) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2022. (В соавторстве с А.В. Эрдман, Р.З. Валеевой).

Доржи Банзаров и университетское востоковедение в Казани (первая половина XIX в.) // Банзаровские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию Д. Банзарова и 90-летию БГПИ-БГУ. В 2 ч. / Науч. ред. В.В. Номогаева; Отв. ред. О.Н. Полянская. Ч.I. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Православное миссионерское востоковедение в Казани: события и судьбы (XIX — начало XX в.) // Миссионерская деятельность в Центральной Азии: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции (Алматы, 16 июня 2022 г.). Алматы, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Выпускники европейских университетов и германские профессора-востоковеды в истории российского востоковедения (XIX — нач. XX в.) // Сб. науч. ст. по итогам работы Международного научного форума «Наука и инновации–Современные концепции» (Москва, 29 июля 2022 г.) / Отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. М.: Изд-во Инфинити, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

«Серьезный арабист с основательной подготовкой»: Востоковед И.Ф. Готвальд в России (1838–1897 гг.) // Время научного прогресса: Сборник научных трудов VI Международной научной конференции (10 августа 2022 г.). Волгоград: Сфера, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Российское академическое и университетское востоковедение: Центры и наследие (история и современность) // Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». № 88, август 2022 (часть 2). Самара: Изд. научный центр «LJournal», 2022. (В соавторстве с Валеев Р.М., Валеева Р.З. Кириллина С.А.

Профессор Н.Ф. Катанова и отечественная университетская тюркология: Санкт-Петербург–Казань // Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Познание» Казан. инновационного ун-та, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Наследие Н.Ф. Катанова: итоги изучения, архивные центры, фонды и материалы // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших времен [Электронный ресурс]: Материалы IX Сибирского исторического форума (Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.) / Гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Н.Я. Бичурин–О.М. Ковалевский–В.П. Васильев и их наследие (К 245-летию арихимандрита Иакинфа) // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников XV Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Пётр I и российское востоковедение: Волго-Каспийское историко-культурное пространство (XVIII — начало XX в.) // Учёные записки АГУ им. В.Н. Татищева. История. «Каспийский регион в имперском пространстве. К 350-летию со дня рождения Петра I Великого» [Электронный ресурс]: Материалы VII Международной научной конференции «Астраханские Петровские чтения» (Астрахань, 6–7 октября 2022 г.) / Отв. ред. и сост.: Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин, Р.Т. Алиев. Астрахань: Астраханский гос. ун-т им. В.Н. Татищева, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Хакасию, Туву и Синьцзян (к 160-летию со дня рождения) // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 1(1). (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Академик-востоковед Х.Д. Френ и его наследие: К 240-летию со дня рождения // Сборник научных трудов по результатам V научно-практической конференции «Научные тенденции в эпоху стремительного развития технологий» (5 ноября 2022 г.). Самара: Изд. Научный центр «LJournal», 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Ориенталистика в казанском университете: институционализация и историко-культурное наследие ученых (1769–1920-е гг.) // Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи [Электронный ресурс]. Сб. ст. и сообщений / Сост. и отв. ред. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. Электрон. текстовые дан. (1 файл: 6 Мб). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Вклад Н.Ф. Катанова в изучение Тувы // Вековой путь развития Тувы: исторический, политический, экономический, социокультурный и экологический аспекты / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Тувинской Народной Республики. Кызыл: Изд-во Государственное бюджетное научно-исследовательское и образовательное учреждение «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований» (Кызыл), 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Наследие Мирзы А.К. Казем-Бека и И.Н. Березина: научные образы Кавказа и Ближнего Востока (Казань–Санкт-Петербург) // Сборник материалов I Международной научной конференции «Кавказ и Ближний Восток: вопросы истории и источниковедения», посвященной памяти профессора Амри Рзаевича Шихсаидова (Махачкала, 24 ноября 2022 г.). Махачкала: Изд-во ДГУ, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Катанов Н.Ф. — тюрколог, путешественник и просветитель: к 160-летию со дня рождения // Академическая гуманитарная наука в XX — начале XXI в.: достижения, тренды и перспективы развития / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН. В 2 ч. / Отв. ред. З.Я. Рахматуллина. Ч. II. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Университетское востоковедение в Казани // Известия по Казанской Епархии. 2022. № 2(24).

Наследие Н.Ф. Катанова: архивные и музейные центры, фонды и материалы (исследовательский проект) // Архивные документы в системе объективного научного знания. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции (12 октя-

бря 2022 г.). Абакан: ООО «Книжное изд-во «Бригантина», 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Unpublished Correspondence of A.E. Krymsky and V.F. Minorsky // Res Militaris, 2022, vol. 12, no.°3. November Issue. P. 1046–1054. (В соавторстве с Valeeva R.Z.).

А.Е. Крымскийның Тюркология һәм госманлыларны өйрәнү буенча тикшеренүләре: тууына 150 ел тулуга карата // Uluslararasi 21. Yüzyilda Türk Dünyasinda Dil Edebiyat Kültür Sempozyumu. Bildiri Kitabi. Görev Kitap ve Yayincilik Ticaret Limited Şirketi, 2022.

The German Orientalist Franz Erdmann at Kazan University And His Legacy (1818–1845) // Asead 10. Uluslararasi Sosyal Bilimler Sempozyumu. Ejser 10th International Symposium on Social Sciences. 19–21 Kasım / November 2022. Türkiye / Turkey. Bildiriler Kitabi. Proceedings Book / Sempozyum Onursal Başkanı: Prof. Dr. Rabiyyat Slanova. Bakü Devlet Üniversitesi Editör: Doç. Dr. İrfan Türkoğlu. Ankara, 2022. (В соавторстве с Valeeva R.Z., Bertuol N.M.).

Эпистолярное наследие В.В. Бартольда и А.Е. Крымского и их переписка из фондов архивов России и Украины // Научная конференция «Бартольдовские Чтения» (Москва, ИВ РАН, 9–11 ноября 2022 г.). Программа. Тезисы. М., 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк, С.А. Кириллиной).

Доржи Банзаров и университетское монголоведение в Казани: Архивные материалы и документы (К 200-летию со дня рождения) // Шестые петербургские монголоведные чтения (Санкт-Петербург, 24–25 ноября, 2022 г.). Программа. Тезисы. СПб.; Улан-Батор, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Неизвестные письма профессора Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымского профессору и начальнику учебного отделения восточных языков МИД России В.А. Жуковскому из фонда архива востоковедов ИВР РАН (1903–1917 гг.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. Материалы научной конференции. Рекомендовано к печати Ученым советом ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. 2022. Изд-во: e-book. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Тюркские народы в наследии Н.Ф. Катанова: к 160-летию со дня рождения // Ломоносовские чтения. Востоковедение и афри-

канистика (Москва, 14–22 апреля 2022 г). Материалы научной конференции / Институт стран Азии и Африки / Отв. ред. А.А. Маслов [Электронный ресурс]. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

The German Orientalist Franz Erdmann At Kazan University And His Legacy (1818–1845) // Asead 10. Uluslararasi Sosyal Bilimler Sempozyumu Ejser 10th International Symposium On Social Sciences, 19–21 Kasım / November 2022. Türkiye/Turkey Bildiri Özet Kitabi Abstract Proceedings Book / Editör: Doç. Dr. İrfan Türkoğlu. 30 Kasım 2022, Ankara. P. 193 (В соавторстве с Valeeva R.Z., Bertuol N.M.).

Рукописное наследие Н.Ф. Катанова в фондах российских архивов: дневники и материалы путешествия в Сибирь и Синьзянь (1889–1892 гг.). К 160-летию со дня рождения // Ориенталистика. 2022. № 5(2). (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Академик-востоковед Х.Д. Френ в Казанском университете и его наследие (1807–1817 гг.): к 240-летию со дня рождения // Эхо веков (Echo of centuries). 2022. № 4. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

2023

О.М. Ковалевский. Монгол нутгаар зорчсон тэмдеглэл (1830–1831 он). Анхны хэвлэл. Эмхэтгэж хэвлэл бэлтгэсэн Р.М. Валеев, И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков. Улан-Батор: Эрдэм & Гэгээрэл. 247 с. (Путешествие по Монголии (1830–1831 гг.). Первое издание / Сост. и подгот. изд. Р.М. Валеев, И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков).

С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н.Ф. Катанова (1862–1922). СПб.: Издат.-полиграф. Центр Политехнического ун-та, 2023. 104 с. (В соавторстве с М.П. Чебодаевой, Р.М. Валеевым, Н.А. Данькиной).

Из истории отечественных арабо-мусульманских штудий: А.Е. Крымский и В.Ф. Минорский и их неопубликованная переписка // Проблемы арабской филологии. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2023. (В соавторстве с С.А. Кириллиной, Р.З. Валеевой, О.Д. Василюк).

Российские и немецкие ориенталисты в истории отечественного востоковедения первой половины XIX в.: академик Х.Д. Френ (Fraehn Ch.M.J.) и профессор Ф.И. Эрдман (Erdmann F.F.L.) и их арабо-мусульманские исследования // Проблемы истории и источ-

никоведения Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2023. (В соавторстве с С.А. Кириллиной, Р.З. Валеевой).

Профессор И.Ф. Готвальд и его арабо-мусульманское наследие в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 4–7 апреля 2023 г). Материалы научной конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки / Гл. ред. А.А. Маслов. Москва [Электронный ресурс]. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Тюркские и иранские народы Кавказа в наследии Б.В. Миллера. К 145-летию со дня рождения профессора МГУ // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 4–7 апреля 2023 г): Материалы научной конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки / Гл. ред. А.А. Маслов. Москва [Электронный ресурс]. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Т.А. Коняшкиной).

Академик-востоковед Х.Д. Френ и его научное наследие в истории российского востоковедения // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ (26–28 апреля 2023 г.). Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.О. Победоносцева Кая, П.И. Рысакова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Казань и Казанский университет в системе геополитических и научных связей с Центральной Азией: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев (XIX — начало XX вв. // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. / Сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Северо-восточный Китай — Дальний Восток России: направления, особенности и итоги сотрудничества вузов (1990–2000-е годы) // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. / Сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2023. (В соавторстве с Фэнлин Се, Р.М. Валеевым).

Профессор-арабист И.Ф. Готвальд в Казанском университете и его арабо-мусульманские исследования (1849–1897 гг.) // Ближний Восток и его соседи: сборник статей к 70-летию профессора Николая Николаевича Дьякова / Сост. и отв. ред. А.С. Матвеев; Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Арт-Экспресс, 2023. (В соавторстве с А.А. Арслановой, Р.З. Валеевой).

Дипломат и профессор-востоковед Борис Всеволодович Миллер (1877–1956): забытый основоположник иранской филологии МГУ // Высшая школа: научные исследования (Москва, 14 июля 2023 г.). Материалы Межвузовского международного конгресса. Т. 2. М.: Изд-во Инфинити, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Тюркологическое наследие Н.Ф. Катанова: Архивные и музейные центры и фонды (Рукописные дневники и материалы периода путешествия в Сибирь и Синьцзянь (1889–1892 гг.) в фондах российских архивов) // Сб. науч. ст. по итогам работы Международного научного форума «Наука и инновации — современные концепции» (Москва, 28 июля 2023 г.). Т. 1 / Отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. М.: Изд-во Инфинити, 2023. (В соавторстве с Я.Р. Рахимовой, Р.З. Валеевой, Р.В. Курочкиным).

Неизвестная летопись российского востоковедения: профессор Б.В. Миллер и его неопубликованное письмо иранисту Ю.Н. Марру из фонда архива востоковедов ИВР РАН // Флагман науки: научный журнал. Август 2023. СПб.: Изд. ГНИИ «Нацразвитие», 2023. № 7(7). (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Т.А. Коняшкиной).

Вещевые коллекции Н.Ф. Катанова в фондах музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) // Евразийский Союз Ученых. Серия: исторические, политические и социологические науки. Ежемесячный научный журнал № 6(104), 7(105). 2023. Т. 1. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.В. Курочкиным, Я.Р. Рахимовой, В.Н. Тугужековой, М.П. Чебодаевой).

Востоковед-энциклопедист И.Н. Березин и его вклад в изучение тюрко-монгольского мира: к 205-летию со дня рождения // Mongolica. Т. XXVII. 2023. № 3. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Российское востоковедение: Центры и наследие (история и современность) // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М.: Изд-во «Перо», 2023. Мб. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Биография и наследие академика В.П. Васильева: дискурс биографии и наследия (К 205-летию со дня рождения) // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников XVI Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во АН РТ, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Российское дореволюционное китаеведение в исследованиях современных китайских ученых: обзор // Россия–Китай: история и культура. Сб. ст. и докладов участников XVI Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во АН РТ, 2023. (В соавторстве с Лицю Лю, Р.М. Валеевым).

Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: лингвистические и историко-культурные исследования // Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования. Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Познание», 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.В. Курочкиным, Я.Р. Рахимовой).

Профессор Борис Всеволодович Миллер (1877–1956): судьба и иранистическое наследие // 1-ая Международная научно-образовательная конференция «Пейсиковские чтения: проблемы современного академического востоковедения». Материалы конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки / Гл. ред. А.А. Маслов. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Т.А. Коняшкиной).

Научные путешествия казанских востоковедов в Азиатскую Россию и на Зарубежный Восток (первая половина XIX в.) // Исторический вестник. 2023. Т. 46. № 4. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартыновым).

Николай Федорович Катанов в Семиречье и Синьцзяне (1890–1891) // Исторический вестник. 2023. Т. 46. № 4. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, Р.М. Валеевым).

The Heritage of N.F. Katanov and the Prospects of its Study: Diaries and materials of his Travel to Siberia and Xinjiang (1889–1892) (Tuva–Khakassia–East Turkestan) // Written Monuments Of The Orient. Vol. 9, No. 1(17), 2023. P. 36–49. (В соавторстве с Yazgul R. Rahimova, Roza Z. Valeeva, Ruslan V. Kurochkin, Valentina N. Tuguzhekova).

«The last manuscript, discovered and researched by Mr. Erdmann, is not known in Europe at all» (Chr.D.Frähn): Orientalist Franz Erdmann at Kazan University and His Heritage (1818–1845) // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 4. (В соавторстве с Valeeva R.Z., Bertuol N.M.).

Ираноязычные народы Кавказа в наследии Б.В. Миллера. К 145-летию со дня рождения профессора МГУ // Вестник Московского унивенситета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 2. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Т.А. Коняшкиной).

Наследие Н.Ф. Катанова: отечественные музейные коллекции (обзор фондов Кунсткамеры) // Наследие и современность. 2023. Т. 6. № 3. (В соавторстве с М.П. Чебодаевой, Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Academician-Orientalist Ch.M.J. Frähn At Kazan And His Legacy (1807–1817): to the 240th Anniversary Of His Birth [Академик-востоковед Х.Д. Френ в Казани и его наследие (1807–1817 гг.). К 240-летию со дня рождения]. Bildiri Özet Kitabi/ Abstract Proceedings Bookasead / 11. Uluslararasi Sosyal Bilimler Sempozyumu Ejser 11th international symposium on social sciences / 20–22 Mayıs/May 2023. Lozan-Isviçre / Lausanne-Switzerland / Sempozyum Onursal Başkanı: Prof. Dr. Raskul Ibragimov Güney Kazakistan Devlet Pedagoji Üniversitesi Kazakistan. Editör. Kazakistan. Editör: Dr. Sevil Piriyeva Karaman. Ankara Üniversitesi Türkiye. Ankara, 2023. P.102–103. (В соавторстве с Roza Zakarievna Valeeva, Ruslan Vladimirovich Kurochkin, Yazgul Rinatovna Rahimova).

Kazan ÜniVersiTesi'Nde AkademiSyen-DoğU BiLiMci H.D. Fren ve mirasi (1807–1817): doğumunun 240. Yildönümü vesilesiyle // asead 11. Uluslararasi sosyal bilimler sempozyumu. Ejser 11th International Symposium On Social Sciences. 20–22 Mayıs/May 2023. Lozan-Isviçre / Lausanne-Switzerland. Bildiriler Kitabi Proceedings Book. Sempozyum

Onursal Başkanı: Prof. Dr. Raskul Ibragimov. Güney Kazakistan Devlet Pedagoji Üniversitesi Editör: Dr. Sevil Piriyeva Karaman. Ankara Üniversitesi, Türkiye, 2023 Ankara Üniversitesi, Türkiye. P. 1188–1195. (В соавторстве с Roza Zakarievna Valeeva, Ruslan Vladimirovich Kurochkin, Yazgul Rinatovna Rahimova).

Профессор Н.Ф. Катанов и его путешествие в Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892 гг.): Архивные фонды, неопубликованные дневники и письма // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Пятая научно-практическая конференция памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2023 г.). Программа. Тезисы. СПб., 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой).

Востоковед-энциклопедист И.Н. Березин и его вклад в изучение тюрко-монгольского мира: К 205-летию со дня рождения) // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Пятая научно-практическая конференция памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2023 г.). Программа. Тезисы. СПб., 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Профессор Н.Ф. Катанов — тюрколог, путешественник и просветитель (новые архивные документы и фонды). К 160-летию со дня рождения // Программа и тезисы XXX Международной научной конференции «Дмитриевские чтения» (Москва, ИСАА МГУ, 7 апреля 2023 г.). М., 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, В.Н. Тугужековой, Р.Г. Курочкиным).

Монголоведение и монголоведы в Казани в XIX в.: рукописи-архивные фонды-материалы Государственного архива Республики Татарстан // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания. Шестая Международная конференция при поддержке президента Монголии (19–20 апреля 2023 г.). Программа. Тезисы. Улаанбаатар, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Эпоха академической «новой школы» востоковедения и казанский центр ориенталистики: традиции-новации-связи (конец XIX — первые десятилетия XX в.) // Эпоха Сергея Фёдоровича Ольденбурга в Российской академии наук. Международная конференция, посвящённая 160-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) (Санкт-Петербург, 26–27 сентября

2023 г.). Тезисы и аннотации докладов и сообщений. СПб.: ИВР РАН, 2023.

Востоковеды-тюркологи А.Е. Крымский и В.А. Гордлевский в истории Российской тюркологии и их эпистолярное наследие (1898–1918 гг.) // Программа и тезисы XXXI Международной конференции «Дмитриевские чтения» (6 октября 2023 г.) / Отв. ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова. М., 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

2024

Ковалевский О.М. История монголов / Подг. к изд., предисл., коммент., прилож.: И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков; Отв. ред. И.Ф. Попова; Вступ. слова: И.Ф. Попова, Р.М. Валеев. СПб.: Нестор-История, 2024. 644 с.: ил.

В.Ф. Смолин в Казани (1909–1929 гг.): письма академику В.В. Бартольду (1921–1925 гг.) // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. (В соавторстве с Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой).

Collections of N.F. Katanov in Russia's Museums: the Kunstkamera Collections in St. Petersburg and Prospects of Studying Museum Repositories // Written Monuments of the Orient. 2024. Vol. 10, No. 4(20). P. 116–136. (В соавторстве с Sazak G., Liqiu Liu, Valeev R.M., Chebodaeva M.P., Valeeva R.Z., Inalcık G., Elikhina Y.I.).

Г.С. Саблуков и его вклад в изучение Золотордынского наследия: неопубликованные письма академику Х.Д. Френу (К 220-летию со дня рождения) // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. (В соавторстве с Раф.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Я.Р. Рахимовой).

Бюлент Эджевит: от социал-демократа до лидера Турции — путь к политической зрелости // Moden Oriental Studies [Современные востоковедческие исследования]. 2024. Vol. 6. № 1. (В соавторстве с Р.В. Курочкиным, Р.М. Валеевым).

Переводчик корана Г.С. Саблуков (1804–1880) и традиции корановедения в России (К 220-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 2. (В соавторстве с С.А. Кириллиной, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой).

«Вас я знаю как маститого ученого и большого знатока восточных народностей, защитника их интересов в научной области…».

Ученые и просветители Г. Рахим и Г. Саади (неопубликованные письма академику В.В. Бартольду 1927–1929 годов) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, кн. 2. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Г. Иналджик, Ф.Г. Миниханом, Я.Р. Рахимовой).

«Я занимаюсь археологией Азии, в частности Сибири и Туркестана…»: письма Н.Ф. Катанова Н.М. Мартьянову // Гасырлар авазы (Эхо веков) [Echo of centuries]. 2024. № 2. (В соавторстве с В.Н. Тугужековой, Ф.Г. Миниханом).

Из летописи казанской тюркологии конца XIX — первых десятилетий XX в.: «Я ныне составляю большой указатель литературы о чувашах» (письма Н.Ф. Катанова Н.И. Ашмарину, 1903–1921 гг.) // Moden Oriental Studies [Современные востоковедческие исследования]. 2024. Vol. 6. № 3. (В соавторстве с Лицю Лю, Р.З. Валеевой, Г. Иналджик, Р.В. Курочкиным).

Письма профессора А.Е. Крымского академику В.В. Бартольду из фонда Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Бартольдовские чтения. Коллективная монография / Сост. А.Д. Васильев, Д.М. Тимохин; Инт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2023. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Судьба и наследие отечественного исламоведа Г.С. Саблукова (1804–1880): его письма академику Х.Д. Френу (1782–1851) из фонда Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 28 марта — 3 апреля 2024 г). Материалы научной конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки / Гл. ред. А.А. Маслов. Москва [Электронный ресурс]. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Переводчик Корана Г.С. Саблуков (1804–1880) и академические традиции корановедения в России (к 220-летию со дня рождения) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 28 марта — 3 апреля 2024 г.). Материалы научной конференции / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки / Гл. ред. А.А. Маслов. Москва [Электронный ресурс]. М.: ИСАА МГУ

им. М.В. Ломоносова, 2024. (В соавторстве с С.А. Кириллиной, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой).

Арабо-мусульманские штудии в России: воспитанники германских университетов в Казанском университете (Х.Д. Френ–Ф.И. Эрдман–И.Ф. Готвальд) (XIX в.) // Судан и Большой Ближний Восток. Сб. ст. к 60-летию проф. И.В. Герасимова / Сост. А.С. Матвеев, Н.Н. Дьяков, Т.А. Пан; Отв. ред. А.С. Матвеев. Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Профессор Готвальд И.Ф. в Казанском университете и его иранистические исследования (1849–1897 гг.) // 1-я Международная научно-образовательная конференция «Никитинские чтения-2022: проблемы современной ориенталистики в фокусе академических исследований» (Москва, 20–21 октября 2022 г.). Материалы конференции / Гл. ред. А.А. Маслов; Отв. ред. М.Л. Рейснер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024. (В соавторстве с А.А. Арслановой, Р.З. Валеевой).

Летопись российской иранистики рубежа XIX–XX вв.: неопубликованная переписка А.Е. Крымского с В.А. Жуковским и В.Ф. Минорским из архивных центров России и Украины // 1-я Международная научно-образовательная конференция «Никитинские чтения-2022: проблемы современной ориенталистики в фокусе академических исследований» (Москва, 20–21 октября 2022 г.). Материалы конференции / Гл. ред. А.А. Маслов; Отв. ред. М.Л. Рейснер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024. (В соавторстве с С.А. Кириллиной, О.Д. Василюк).

Неизвестные письма В.А. Гордлевского академику В.В. Бартольду из фонда Санкт-Петербургского филиала архива РАН (К 300-летию РАН) // Международный научный журнал «Флагман науки». 2024. № 8(19). Август. (В соавторстве с Лицю Лю, Раф. М. Валеевым, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Неопубликованные письма В.А. Гордлевского академику В.В. Бартольду 1910–1920-х годов из фонда СПБФ АРАН // Mongolica. 2024. Т. XXVII. № 3. (В соавторстве с Лицю Лю, Раф.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Музейное наследие Н.Ф. Катанова и перспективы изучения: вещевые коллекции (краткий обзор фондов российских

центров) // Мартьяновские краеведческие чтения [текст]. Сб. докладов и сообщений (Минусинск, 2023) / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова» / Ред. В.Г. Чернышёва. Вып. 17. Минусинск, 2024. (В соавторстве с Лицю Лю, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой).

Эпистолярное наследие востоковедов России: московский тюрколог В.А. Гордлевский и его неопубликованные письма академику В.В. Бартольду (1910–1928 гг.) // «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований». IV Международная научная конференциия «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований» (Элиста, 23–26 октября 2024 г.). [Текст] [посвящ. 85-летию проф. В.И. Рассадина, 35-летию создания тофаларской письменности и 25-летию сойотской письменности: материалы] / Редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2024. С. 249–254. (В соавторстве с Раф.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, А.Н. Самигуллиным).

Наследие Н.Ф. Катанова: итоги научных экспедиций в Центральную Азию, Поволжье и Приуралье (1889–1909 гг.) // «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований». IV Международная научная конференциия «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований» (Элиста, 23–26 октября 2024 г.). [Текст] [посвящ. 85-летию проф. В.И. Рассадина, 35-летию создания тофаларской письменности и 25-летию сойотской письменности: материалы] / Редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2024. (В соавторстве с Лицю Лю, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, А.Н. Самигуллиным, Г. Иналджик, С. Гозде).

Г.С. Саблуков в истории российского востоковедения и исламоведения (40–70-е гг. XIX в.) // Дорога науки: сб. ст. в честь 80-летия акад. М.Б. Пиотровского / Сост. и отв. ред. А.С. Матвеев; Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной).

Петербургское академическое востоковедение и казанский университетский центр ориенталистики (XIX в.) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLV Междуна-

родной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Вклад Академии наук в развитие Государства Российского (к 300-летию Российской академии наук)» (28 октября — 1 ноября 2024 г.). Вып. XL. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, Скифия-принт, 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой).

Казанское университетское китаеведение в первой половине XIX в.: кафедра Китайской и Маньчжурской словесности (К 300-летию РАН, 220-летию КФУ и 180-летию преобразования кафедры) // Россия–Китай: история и культура. [Электронный ресурс]. Сб. ст. и докладов XVII Международной научно-практической конференции (Казань, 13–16 ноября 2024 г.) / Отв. ред. Р.Р. Мухаметзянов; Редкол.: Р.Р. Фахрудинов, Э.К. Хабибуллина, Е.И. Нестеренко, Д.Е. Мартынов. Электронные текстовые данные (1 файл: 40,7 Мб.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. (В соавторстве с Лицю Лю, Р.М. Валеевым, Р.З. Валеевой, Ю.И. Елихиной, Се Феньлин).

Оспопрививание на территориях северо-западного Китая в 1890-е гг. (на материалах полевых дневников Н.Ф. Катанова) // Россия–Китай: история и культура [Электронный ресурс]. Сб. ст. и докладов XVII Международной научно-практической конференции (Казань, 13–16 ноября 2024 г.) / Отв. ред. Р.Р. Мухаметзянов; Редкол.: Р.Р. Фахрудинов, Э.К. Хабибуллина, Е.И. Нестеренко, Д.Е. Мартынов. Электронные текстовые данные (1 файл: 40,7 Мб.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, Р.М. Валеевым).

Наследие профессора-ираниста Б.В. Миллера: этнические общности и культуры Кавказа (карачаевцы–талыши–таты) // Горы и «горный текст» в мировом историко-культурном процессе. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.О. Осипова. Будапешт: Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT); Киров: ООО Изд-во «Радуга-ПРЕСС», 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, С.А. Кириллиной, Т.А. Коняшкиной).

Profesör N.F. Katanov'un Rusya Arşivleri Ve Müzelerindeki Mirasi // X. Milletlerarasi turkoloji kongresi. 12–13 Kasim 2024. Bildiri 0zet kitapÇıgı. İstanbul: İstanbul Üniversitesi, 2024. (В соавторстве с R.Z. Valeeva).

Формирование арабографических рукописных и книжных коллекций в Казани: от Френа до Готвальда (1807–1897 гг.) // Третья Международная научная конференция «Рукописное наследие Востока, посвященная 140-летию со дня рождения Б.Я. Владимирцова (1884–1931)». Тезисы. (Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2024 г.). СПб., 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, А.А. Арслановой).

Профессор Н.Ф. Катанов в истории российской и турецкой тюркологии: итоги и перспективы изучения рукописного, музейного и библиотечного наследия (XIX — нач. XXI в.) // Международная научная конференция XXIV Ивановские чтения. Кафедра тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 17 мая 2024 г.). СПб., 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Иналджик Гульджан (Inalcik Gulcan), Гозде Сазак (Gözde Sazak), Д.Е. Мартыновым, В.Н. Тугужековой).

Дневники тюркологической экспедиции Н.Ф. Катанова в южную Сибирь, Семиречье и Восточный Туркестан (1889–1891): Структурные и содержательные особенности // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Тезисы VI Всероссийской научной конференции (Абакан, 23–24 мая 2024 г.) / Науч. ред. А.Н. Чугунекова; Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова», 2024. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой).

Казанские музейные коллекции Н.Ф. Катанова: Обзор и перспективы изучения // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Тезисы VI Всероссийской научной конференции (Абакан, 23–24 мая 2024 г.) / Науч. ред. А.Н. Чугунекова; Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный ун-т им. Н.Ф. Катанова», 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Лицю Лю, Гозде Сазак, Иналджик Гульджан).

Буддийские фонды и коллекции в музеях Казани: обзор и классификация // Седьмые Петербургские монголоведные чтения (Санкт-Петербург, 2–3 октября, 2024 г.). СПб.; Улан-Батор, 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Ю.И. Елихиной, Лицю Лю).

Эпистолярий казанских ученых академику В.В. Бартольду из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: архео-

лог-полевик, музеевед и искусствовед В.Ф. Смолин (1921–1925 гг.) и татарские ученые и просветители А. Рахим и Г. Саади (1927–1929 гг.) (К 300-летию РАН). VI Международная научная конференция «Архивное востоковедение» (Москва, 20–22 ноября 2024 г.). Программа и тезисы докладов / Сост. и отв. ред. А.Д. Васильев, О.М. Курникова. М.: ИВ РАН, 2024. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Р.В. Курочкиным, Лицю Лю).

2025

Наследие мирзы А.К. Казем-Бека: Дербент–Астрахань–Казань–Санкт-Петербург (письма академику Х.Д. Френу: 1841–1846 гг.) // Астраханские Петровские чтения [Электронный ресурс]: материалы IX Международной научной конференции «Держава науки и образования: уроки петровской эпохи и современные вызовы. К 300-летию Российской академии наук» (Астрахань, 22 ноября 2024 г.) / Отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, Г.В. Палаткина, А.О. Тюрин, О.И. Оськина, А.В. Григорьев. Астрахань: Астраханский гос. ун-т им. В.Н. Татищева, 2025. (В соавторстве с Р.З. Валеевой, Т.И. Зяппаровым, Р.В. Курочкиным, Я.Р. Рахимовой).

Уйгурские лингвистические материалы в неопубликованных дневниках экспедиции Н.Ф. Катанова (1889–1892) // Первый Евразийский конгресс лингвистов (Москва, 9–13 декабря 2024 г.). Тезисы докладов / Под общ. ред. Ю.В. Мазуровой, М.К. Раскладкиной. М.: Институт языкознания РАН, 2025. (В соавторстве с Д.Е. Мартыновым, Ю.А. Мартыновой, Р.М. Валеевым).

В. Г. Дацышен
Сибирский федеральный университет

DOI: 10.48612/IVRRAN/duur-2xh4-xdrk

Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории русского китаеведения. Проблемы китаеведение рассматриваются на примере такой научной дисциплины, как история Китая. Хронологические рамки исследования охватывают период от приезда первых русских китаеведов в Санкт-Петербург в XVIII в., до появления китаеведения в Казанском университете и переноса его в Санкт-Петербургский университет в середине XIX вв. Исследование выполнено на основе таких источников, как труды русских китаеведов. Рукописные работы XVIII — первой половины XIX вв. хранятся в архивных и рукописных фондах в Казани и Санкт-Петербурге, а работы первых китаеведов были опубликованы в Санкт-Петербурге и Москве, при жизни и после смерти авторов. В результате исследования был сделан вывод о том, что на первом этапе истории русского китаеведения, который можно назвать «Академический», важнейшим его направлением было изучение Китая через переводы и анализ китайских исторических трудов. Первые русские китаеведы, сформировавшие основы традиционного русского китаеведения, работали в Историческом департаменте Академии наук под руководством историографа Г. Ф. Миллера. Предпринятые в первой четверти XIX в. попытки вывести российское китаеведение на качественно новый уровень не были успешными, но П. И. Каменский поднял на высокий уровень критику китайской традиции, а трудами Иакинфа (Бичурина) были достигнуты максимальные количественные показатели переводческой работы. В первой половине XIX в. русские китаеведы не работали в Академии наук, но Академия наук продолжала определять развитие китаеведения. Именно в это время три русских китаеведа впервые были избраны членами-корреспондентами Императорской Академии наук. С открытием кафедры китайского языка в Казанском

университете началось формирование нового — университетского китаеведения. Однако эпоха «Академического» китаеведения окончательно закончилась, когда во главе кафедры китайского языка стал воспитанник Казанского университета В.П. Васильев. Заложенные в середине XVIII в. принципы и подходы в изучении истории Китая в целом сохранялись в русском китаеведении около ста лет. Но еще до окончательной смены эпох в работах молодых китаеведов старой школы четко проявился переход на новый уровень изучения истории Китая, соответствующий требованиям современной европейской науки.

Изучение истории Китая является важнейшей частью мирового и российского китаеведения. Изучать историю Китая в России начали в XVIII в. Появление этой научной дисциплины в российской науке было обусловлено как потребностями развития русско-китайских отношений, так и необходимостью развития академической науки в Российской империи эпохи реформ Петра I.

В российской науке проблемам становления российского китаеведения уделялось и уделяется много внимания, исследованы биографии и научные достижения подавляющего большинства русских китаеведов — исследователей истории Китая. Однако в обобщающих работах до сих пор сохраняется не полная картина истории русского китаеведения. Например, в современном обобщающем академическом исследовании «Основные направления и проблемы российского китаеведения» говорится: «Изучение истории Китая и его культуры начало складываться как важное направление фактически в конце XVIII в.», ошибочно утверждается: «Первым избранным членом-корреспондентом… академии стал начальник IX Российской духовной миссии в Пекине (1807–1821) архимандрит Н.Я. Бичурин (в монашестве отец Иакинф)»[1]. Но сотрудник

[1] Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв. ред. Н.Л. Мамаева: Инт Дальнего Востока РАН. М.: Памятники исторической мысли, 2014. С. 6.

Санкт-Петербургской Академии наук И. К. Россохин приступил к изучению истории Китая более чем за сто лет до того, как Н. Я. Бичурин получил от Академии наук задание написать «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»[2], а китаеведы П. И. Каменский и С. В. Липовцов были избраны членами-корреспондентами Академии наук на 8 лет раньше Н. Я. Бичурина.

Фундамент российского китаеведения был заложен реформами Петра I, благодаря которым в России появились Академия наук и Духовная миссия в Пекине. В начале XVIII в. в России появилась современная западная наука, важной частью которой было китаеведение. В Миссии в Пекине были подготовлены первые русские китаеведы, напрямую, без посредничества иностранных ученых и западных языков, изучавшие Китай. В середине XVIII в. два этих направления слились в единое русское китаеведение, которое сразу же стало важным, передовым и самостоятельным направлением европейской синологии.

В основе оригинальности русского китаеведения лежали такие факторы, как социальное происхождение первых русских китаеведов и их главные рабочие языки. Первые русские китаеведы были простыми людьми из бедных семей, в том числе — из отдаленных восточных регионов России. Они изучали китайский и маньчжурский языки в Китае и потом напрямую переводили исторические источники и литературу с этих языков на русский язык. Но при этом в России параллельно переводились западноевропейские работы по истории Китая на русский язык, собирались рукописи западноевропейских синологов и даже переводились китайские труды на латинский и западные языки. На это указывают, например, документы, сохранившиеся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. В числе рукописей имеется «Перевод на Латинский язык древней Китайской летописи

[2] [*Бичурин*]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях с картою на трех больших листах. Сочинение монаха *Иакинфа*. Ч. I. СПб., 1851.

Шу-дзин» или датированная XVIII в. 409 страничная Всеобщая история китайской династии «Тун-цзян ган-му» («Histoire generalle de Chine Dynastie des Ming»)[3].

Начало российского китаеведения относится к первым дням основания Академии Наук, когда в Санкт-Петербурге с 1725 по 1836 гг. работал немец академик-востоковед Г.Т. Байер. Он занимал кафедру по восточным древностям и языкам, не знал русского языка и не оставил после себя трудов по истории Китая. Фактически история русского академического китаеведения, а вместе с этим и изучение истории Китая в России, начинается с приемом в начале 1741 г. в штат Академии наук первого русского китаеведа И.К. Россохина. Первый русский китаевед родился и получил начальное образование в Восточной Сибири, а затем изучил китайский и маньчжурский языки, будучи учеником Духовной миссии в Пекине. Помощником у И.К. Россохина в Академии наук стал китаец Ф. Петров. Китаеведы работали в Историческом департаменте Академии Наук под руководством историографа Г.Ф. Миллера. Основное внимание в своей работе первый русский китаевед уделял историческим и историографическим документам. Базу для переводов и исследований И.К. Россохин во многом формировал сам. Уже 1741 г. он передал Академии Наук 52 книги на китайском и маньчжурском языках, еще больше работ осталось в его личной библиотеке и поступило в Академию наук после его смерти[4]. Так же, исходя из интересов Исторического департамента, он формировал списки необходимой для закупки в Китае литературы.

Уже в 1757 г. в помощь И.К. Россохину был придан переводчик А.Л. Леонтьев. Второй русский китаевед также был воспитанником Духовной миссии в Пекине, но родился он в Москве, и до

[3] Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ К(П)ФУ). Единицы хранения: № 4563 (Перевод на Латинский язык древней Китайской летописи Шу-дзин); № 4586 (Histoire generalle de Chine Dynastie des Ming).

[4] *Пумпян Г.З.* У истоков китаеведения БАН (XVIII в.) // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 4(56). С. 112.

отъезда в Пекин прошел обучение в первом русском университете — Славяно-Греко-Латинской академии, а также овладел основами китайского языка у первого российского преподавателя китайского языка Ф. Джоги (Чжу Гэ). А. Л. Леонтьев не только закрепил основы традиционного русского китаеведения, заложенные И. К. Россохиным, но и вывел российское китаеведение на более высокий уровень.

Еще проживая в Пекине, И. К. Россохин начал сотрудничать с Академией наук в Санкт-Петербурге. Тогда же он начал заниматься переводами китайских исторических и историографических документов. Еще в Китае И. К. Россохин начал переводить «Юань Ши» (元史) и «Баци тунчжи» (八旗通誌). В архивах сохранилось более 30 рукописных работ И. К. Россохиным, переводов с маньчжурского и китайского языков, в том числе «Краткое известие и описание о всех китайских государях, сколько лет которой государствовал, как назывался, с какого году вступил на престол… какия происходили достопамятные случаи, которое собрано из китайской книги Ган-Гянь, то есть из исторического дистракта или всеобщего зерцала с манджурскаго на российский язык переведено Академии наук прапорщиком Ларионом Разсохиным. 1744 г.»[5]. К переводам исторических сочинений относится законченная в 1746 г. работа И. К. Россохина «Паньши-дзун лунь, т.е Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями» («Общие рассуждения господина Паня» 潘氏總論 — сокращенный вариант «Всеобщего зерцала, управлению способствующего», 通鑑綱目) Сыма Гуана. Исследователи указывают: «В своем переводе Россохин добавил написанный им же раздел, посвящённый истории Китая в период, охватывающий правление династий Сун и Цин»[6]. Большая работа И. К. Россохина

[5] *Таранович В. П.* Иларион Россохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 225–241.

[6] *Цветков Д. В.* Роль Г. Ф. Миллера в становлении русского китаеведения // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 1. С. 32–33.

«История о завоевании китайским ханом Кан-хием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах, переведена с маньчжурского языка на российский прапорщиком Ларионом Россохиным, 1750 г.» была переводом с маньчжурского языка работы Вэнь Да (温達), описывавшей цинско-джунгарские войны второй половины XVII в. (親征平定朔漠方略).

И.К. Россохин с первых дней работы не только занимался переводом и исследованиями, но и готовил свои исторические труды к публикации. Например, январем 1747 г. датируется приказ «О передаче в библиотеку АН перевода с кит. языка книги ‘Сокращение древней китайской истории’ выполненного Россохиным, и об отказе издать его»[7]. В летописи Академии наук отмечено, что 29 декабря 1850 г. «Л.К. Россохин передал для печати свой перевод 1-й части китайской истории ‘Обо всех китайским государством владевших разных фамилий ханах и князьях’»[8].

Результаты многолетних самостоятельных научных исследований первого русского китаеведа в области истории Китая нашли отражение в «Комментариях И. Россохина» на «Осведомление или некоторое поверение вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине»)[9]. Здесь И.К. Россохин, ссылаясь на «Цзычжи тунцзянь ганму» (資治通鑑綱目), говорит о древнейшей истории Китая. Русский синолог уточняет датировки и периодизацию истории Китая: «Как вышеупомянутая древняя история, так и другия многия истории китайския начала или подлинных лет первоначальным владельцам или царям не полагают, но только то одно пишут, сколько первые их цари один после другаго лет владели. И так,

[7] *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 79.

[8] Летопись Российской Академии наук Т. I. 1724–1802. Отв. ред. Н.И. Невская. СПб., 2000. С. 384.

[9] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752–1765 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2011.

ежели оные лета взять за подлинныя, то по исчислению придет, что онаго перьвоначальнаго царя Фу-Хи-Шия перьвой год его владения начался с 3331 году прежде рождества Христова… Царь Яу или Ди-Гоу-Тоу-Тан-Ши по достоверным хронологическим таблицам, кои Юн-Джын, хан маньджурской… сам сочинил, вступил во владение 2357 году прежде рождества Христова…»[10]. Всего И. К. Россохин выделил 104 «замечания», и значительная часть их посвящена вопросам, связанным с историей Китая, прежде всего древней и маньчжурской.

Первые русские китаеведы особое внимание уделили проблеме создания Цинской империи, как важной части всей китайской истории. На это указывает сохранившаяся в библиотеке Казанского университета рукописная работа «Краткое известие Дайцинского или Китайского государства, о манджурских ханах секретном разсположении манджурского войска и о состоянии Китайского столичного города Пекина… Которое собралося из разныя китайских и манджурских печатных книг и переведено на российской язык чрез Прапорщика Лариона Разсохина». Работа начинается с вопроса: «С которого года манджурские ханы начали писаться ханами…»[11], в ней в виде таблиц представлен анализ титулатуры маньчжурских правителей на разных языках, дается хронология их жизни и правления. Вторая часть рукописи называется «Краткое описание о всех китайских государях (Лидай ди-ван дзундзи)»[12], и т.д. Весь документ состоит из 79 листов, в конце рукописи поставлена дата — 1763 г. Таким образом, И. К. Россохина начал перевод исторических и историографических документов по истории становления маньчжурского государства и империи Цин еще в период

[10] [*Россохин*]. Комментарии И. Россохина (на «Осведомление или некоторое поверение вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине») // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752–1765 / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2011. С. 340–341.

[11] Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ К(П)ФУ). № 4448. С. 1.

[12] ОРРК НБ К(П)ФУ. № 4448. С. 42.

нахождения в Пекине, в то время, когда в Китае еще завершалась работа над фундаментальным трудом «Баци тунчжи» (八旗通誌). Продолжал он эту работу после того как «Баци тунчжи» купили русские представители и передали в Академию наук. Академики М.В. Ломоносов, И.Д. Шумахер, И. Штелин и И. Тауберт были назначены ответственными за организацию работ по переводу «Китайской истории»[13]. 31 января 1757 г. «Оглашен приказ об освидетельствовании перевода китайской книги 'О происхождении и нынешнем состоянии народа манджур', сделанного Л.К. Россохиным»[14]. Русский китаевед выяснил и доложил, что данная работа еще не была переведена на другие европейские языки, и ее перевод является для России полезным и ценным для науки. В помощь И.К. Россохину для перевода «маньчжурской истории» был определен А.Л. Леонтьев. Указом от 7 августа 1762 г. Сенат предложил Академии наук ускорить работы по публикации перевода работы умершего в 1761 г. И.К. Россохина и завершенной А.Л. Леонтьевым. Но «Обстоятельное описание происхождения и состояния Манджурскаго народа и войска осмии знаменах состоящего (в шестнадцати томах)» было опубликовано в Санкт-Петербурге лишь в 1884 г. Благодаря трудам первого русского китаеведа Россия заняла в Европе лидирующие позиции в изучении проблем создания Цинской империи и маньчжурской истории. В 1825 г. в опубликованной в журнале «Азиатский вестник» статье говорилось: «Кроме России никто из Европейцев не имеет такого важного и полного творения о сем народе»[15].

Дело изучения истории Китая в Санкт-Петербурге продолжил ученик И.К. Россохина — А.Л. Леонтьев. 27 ноября 1783 г. вышло «Постановление конференции Академии наук. О передаче в библиотеку

---

[13] *Овчинников Р.В.* «Рапорт» М.В. Ломоносова и других академиков в сенат о переводе «Истории Китайского государства» // Исторический архив. 1961. № 6. С. 234–235.

[14] Летопись Российской Академии наук Т. I. 1724–1802. Отв. ред. Н.И. Невская. СПб., 2000. С. 445.

[15] [*Рихтер*] *А.Р.* О состоянии Восточной Словесности в России // Азиятский вестник. 1825. № 8. С. 101.

АН ‘переводов по Китаю’ выполненных переводчиком Коллегии иностранных дел Леонтьевым»[16]. Работы А.Л. Леонтьева, в отличие от его учителя, в большинстве своем были опубликованы в России. В их числе и исторические работы: «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с Зенгорцами», «Путешествие китайского посланника Тулишения к калмыцкому Аюке-хану» и др. Вообще, во всех переводах А.Л. Леонтьева содержишься достаточно много исторического материала, позволяющего читателю познакомиться с основами китайской традиционной историографии. В сносках А.Л. Леонтьев дает не только традиционные датировки различных периодов китайской истории, но свои рассуждения: «Цари Танския начались с 2357 года, а Цари Юйския с 2265 года до рожд. Христ. Цари Джеуския начались с 1122 года до Рожд. Христ. …Китайцы о Адаме не знают, а первым веком почитают они то время, когда жил первый их родоначальник, называемый Фуси с 3472 до Рожд. Христ. Мне кажется, сей их Фуси, и наш Сиф Адамов сын, один был человек, из того, что как имя, так против Римскаго счисления и время сходны…»[17]. Работы А.Л. Леонтьева публиковались в издательстве Императорской Академии наук. Синолог по-разному определял «жанр» своих произведений, например: «Выписал из Китайской Истории»[18]. Трудами А.Л. Леонтьева окончательно оформилось традиционное русское китаеведение, а русское общество получило возможность знакомиться с историей Китая посредством опубликованных работ русских китаеведов.

---

[16] *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 80.

[17] [*Леонтьев*]. Тайцин Гурунь и Ухери Коли, то есть все законы и установления Китайскаго (а ныне Манжурскаго) правительства. Том первый. Перевел с Манжурскаго на Российской язык коллегии Иностранных дел Надворный Советник *Алексей Леонтиев*. СПб., 1781. С. 8–10.

[18] [*Леонтьев*]. Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у Китайцев с Зенгорцами. Выписал из Китайской Истории Секретарь *Леонтиев*. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1777 года.

Исследованием истории Китая занимался третий известный русский китаевед — А.Г. Владыкин. В 1795 г. он писал: «Книги, имеющиеся у меня, суть сочинения ученых китайцев, среди коих немалое число сочинений и переводов маньчжурских, кои разделяются на учебные, нравственные, исторические, пиитические и философские»[19]. Сохранились известия о таком исследовании А.Г. Владыкина по истории Китая, как «Краткий летописец китайских царей от древних до ныне царствующего». Из работ А.Г. Владыкина сохранился отрывок перевода «Шаншу», опубликованный в 1876 г. под названием «Речь государя Тана к воинству»[20].

А.Г. Владыкин занимался переводами «Юань ши», указом императора Александра I от 9 января 1808 г. за перевод «сочинения не известного ученому свету» «Мунгальской истории» переводчик А.Г. Владыкин получил «единовременное вознаграждение»[21]. В 1810 г. он писал о своей последней работе: «Книга под названием мунгальская история есть история о Чингисхане и его потомках, царствовавших в Китае и покоривших оружием Азию, Африку и часть Европы. Сия история сочинена по повелению первого маньчжурского хана и напечатана в Пекине… два с половиною года я занимался ее переводом»[22]. Несмотря на успехи в работе и признание на высоком уровне, переводы «Юань ши» так и не были напечатаны в России. В ноябре 1808 г. министр народного образования Российской империи пришел к выводу: «В доставленных мне… рукописях… я не нахожу… отличной пользы, чтобы печатанием оных обременять казну»[23].

---

[19] *Хохлов А.Н.* Китаист и маньчжурист А.Г. Владыкин — педагог и переводчик литературы средневекового Китая // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. М., 2014. С. 406.

[20] *Попова Г.С.* Введение в системное описание Шуцзина как исторического источника // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 1. М., 2012. С. 251.

[21] *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 320.

[22] *Хохлов А.Н.* Китаист и маньчжурист А.Г. Владыкин … С. 410.

[23] *Хохлов А.Н.* Китаист и маньчжурист А.Г. Владыкин … С. 409.

«История царства Мунгальского» так и не была опубликована, а позднее вообще была потеряна.

Переводами с китайского и маньчжурского языков китайской исторической литературы занимались и те воспитанники Духовной миссии, кто после возвращения из Пекина был оставлен служить в Сибири. В 1788 г. в Москве были опубликованы работы переехавшего Санкт-Петербург бывшего ученика VI Российской духовной миссии, переводчика Коллегии иностранных дел при Сибирском губернаторе (1782–1786) А. С. Агафонова. В первую очередь необходимо назвать «Краткое Хронологическое росписание Китайских Ханов из книги Всеобщего Зерцала с показанием летоисчисления китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 год, переведенное коллежским переводчиком Алексеем Агафоновым в Иркутске 1786 года»[24]. Эта работа оформлена в виде хронологической таблицы — справочника, с указанием «Яж перевел и выбрал с точной Китайской и Манжурской Истории, которая на их языке названа Тунъ Дзянь, то есть Всеобщее Зерцало»[25]. Правда, здесь присутствует взгляд переводчика на некоторые проблемы, использована хронология, приведенная в трудах французского китаеведа Дюгальда[26]. В «предуведомлении к читателю» в этой книге синолог пишет: «Прежде вступления

[24] [*Агафонов*]. Краткое хронологическое расписание китайских ханов из книги Всеобщего Зерцала с показанием летоисчисления китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 год, переведенное коллежским переводчиком *Алексеем Агафоновым* в Иркутске 1786 года. М., 1788.

[25] [*Агафонов*]. Краткое хронологическое расписание китайских ханов из книги Всеобщего Зерцала с показанием летоисчисления китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 год, переведенное коллежским переводчиком *Алексеем Агафоновым* в Иркутске 1786 года. М., 1788. С. 8.

[26] [*Дюгальд*]. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи и Татарии Китайския, снабденное разными чертежами и резными фигурами, сочиненное *И. Б. Дюгальдом*, а с французскаго переведенное *Игнатием де Тсильсом*. Ч. II. СПб.: Типография Императорского сухопутного шляхетского корпуса, 1777 и др.

в подробное описание Хронологическаго порядка Китайской Истории надлежит предуведомить Читателя, почему Китайская История только начинается от Фухи Хана. Причины я оной не полагаю, как только то, что прежде сего Фухия в Китаях грамоты не было… А происхождение сего народа вероятно кажется быть от Ассирийскаго рода; ибо в сем языке находятся некие речи, от Ассирийскаго произошедшия, и что по времени оказуется начало оной Империи с Ассирийскою согласно»[27]. Но в целом, содержание работы этого китаеведа говорит о критичном восприятии китайской традиционной историографии. Кроме того, данный синолог был автором опубликованной в Санкт-Петербурге в 1788 г. работы «Маньчжурского и китайского хана Кан-Сия книга придворных политических поучений и нравоучительных рассуждений, собранныя сыном его, ханом Юн-Джином»[28]. Однако это был лишь прекрасно изданный качественный перевод «поучений императора Канси» с предисловием императора Юнчжэна, но без каких либо замечаний и пояснений, и даже без авторского введения. Таким образом, в изданиях последователя И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева, но не связанного с ними работой в Академии наук, представлен прекрасный перевод, но нет развития исторических исследований.

Говоря о начальном этапе изучении истории Китая необходимо отметить, что советские историки назвали «Первым российским историком Китая» главу последней в XVIII в. Духовной миссии в Пекине архимандрита Софрония (Грибовского). На примере биографии и трудов этого китаеведа отчасти видна оригинальность русской школы китаеведения. Софроний (Грибовский) жил и работал в Китае, при этом сам не переводил с китайского и маньчжурского языков.

---

[27] [*Агафонов*]. Краткое хронологическое расписание китайских ханов из книги Всеобщего Зерцала с показанием летоисчисления китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 год, переведенное коллежским переводчиком *Алексеем Агафоновым* в Иркутске 1786 года. М., 1788. С. 4.

[28] [*Агафонов*]. Маньчжурского и китайского хана Кан-Сия книга придворных политических поучений и нравоучительных рассуждений, собранная сыном его, ханом Юн-джином. Переведена с Манжурскаго *Алексеем Агафоновым*. СПб., 1788.

В подчинение у этого начальника Пекинской миссии работали будущие члены-корреспонденты Академии наук П.И. Каменский и С.В. Липовцов. Опираясь на переводы своих сотрудников и опубликованные на латинском языке работы католических миссионеров, Софроний (Грибовский) смог сделать интересные и важные для своего времени исследования по Китаю. Как позже писал известный русский китаевед архимандрит Авраамий (Часовников): «Он представил начальству и свои произведения следующего содержания: 1) 'Хронологическое описание нынешнего манджуро-китайского государства… 2) «Повествование о главных народах, обитающих ныне в Китае». 3) «Прибавление к политическим замечаниям… 12) Указ императора Дзяцина о производстве суда над первым министром Хешенем»[29]. Исследование «Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве» пролежало в рукописи более полувека и опубликовано было лишь в 1861 г.

Работа архимандрита Софрония (Грибовский) не была посвящена специально истории, и уже в самом начале автор отсылает к историческим исследованиям: «а кто таковы Манджуры, когда они Китай взяли, и каким образом, должно читать бывшаго в Пекине учеником, а по выезде в Россию Коллежским Советником, Алексея Леонтиева…»[30]. Но в работе есть такие отдельные параграфы, как «О существовании в Китае, с самого основания сего государства по сию манджурскую династию, правления…», где автор высказывает собственные суждения по проблемам истории Китая. В конце книги есть статья «Самократчайшее описание о взятии столичного китайского города Пейдзина разбойником Ли-Дзи-Чином, переведенное с латинского языка..»[31]. В своей работе архимандрит Софроний (Грибовский) не следует жестко за китайской историографией,

[29] Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б.Г. Александров. М., 2006. С. 58–59.

[30] [*Грибовский*]. Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве, сочиненное Архимандритом *Софронием*, начальником Русской Миссии в Китае в начале нынешнего столетия. М., 1861. С. 1.

[31] [*Грибовский*]. Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве… С. 93.

а дает свои критические рассуждения: «Китайские Ханы не всегда были полными Императорами, но выбор в Государи был посредством удельных князей. А потому Китайские Императоры были на таковом же точно основании и правах, на каковых в недавнем времени Римские Императоры, выключая некоторые периоды времен, в которые в Китае были абсолютные Императоры… и самих Ханов в Китае не очень много было добрых»[32].

Архимандриту Софронию (Грибовскому) принадлежит и еще одна интересная работа — «Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры». В ней кратко представлена работа миссионера как историка: «прилежно везде искать, не осталось-ли где каких записок… К сказанным рукописным замечаниям, для дополнения недостаточнаго, немало присовокуплено, или лучше сказать, в одно место снесено из 10-го тома главы 153 перевода из манджурскаго на российский язык сделаннаго, бывшим коллежским советником Алексеем Леонтиевым. Где же какое рукописи с печатными несходство, оное выносил я в ремарки, где ставил свои рассуждения и сомнения, в оных же ремарках помещал китайских и манджурских некоторых слов на российском языке значения»[33]. Таким образом, труды Софрония (Грибовского) в Китае соответствуют научному уровню европейских исторических исследований XVIII в.

Несмотря на то, что в XVIII в. несколько русских китаеведов работали над переводами китайской исторической литературы и даже критически рассматривали некоторые вопросы истории Китая, российское общество во многом было знакомо с Китаем через труды западноевропейских синологов. Российские элиты XVIII в. были тесно связаны с Францией и другими странами Запада, а общенациональный русский литературный язык еще

[32] [*Грибовский*]. Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве… С. 11.

[33] [*Грибовский*]. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры. (Составлены пекинским архимандритом *Софронием Грибовским*. Служил в Пекине с 1794 по 1808 год) // Материалы для истории российской духовной миссии в Пекине / Под ред. Н.И. Веселовского. Вып. I. СПб., 1905. С. 1.

не стал основным языком русской науки и культуры. Поэтому значительная часть российской элиты знакомилась с историей Китая не через написанные на русском языке работы русских китаеведов, а через издания на европейских языках. Современные исследователи отмечают: «Интересный пример того, как в Россию приходил западный взгляд на Китай — книга "Великий Юй и Конфуций. Китайская история" Н.Г. Леклерка, французского врача и писателя, который одно время был личным лекарем великого князя Павла, сына Екатерины II. Н.Г. Леклер написал ее специально для будущего императора»[34]. Примером авторитета французского философа Вольтера среди русского образованного общества является «Осведомление или некоторое поверение вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине». Известный русский дипломат В.Ф. Братищев, посетивший в 1757 г. в качестве курьера столицу Китая, постарался проверить взгляды французского просветителя, в том числе и высказанные идеи по поводу истории Поднебесной[35]. По этому и другим вопросам В.Ф. Братищев нашел уточняющие сведения, корректирующие устаревшие взгляды французских просветителей.

Во второй половине XVIII в. многие работы западноевропейских синологов были опубликованы и в переводе на русский язык. Уже в 1774 г. вышел в Москве в русском переводе первый том знаменитой многотомной работы француза Дюгальда (Du Halde) «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи…»[36].

---

[34] *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М., 2007. С. 51.

[35] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752–1765 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2011. С. 331.

[36] [*Дюгальд*]. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи и Татарии Китайския, снабденное разными чертежами и резными фигурами, сочиненное *И.Б. Дюгальдом*, а с французскаго переведенное *Игнатием де Тсильсом*. Ч. I. СПб.: Типография Императорского сухопутного шляхетского корпуса, 1774.

В опубликованном в 1777 г. втором томе этого исследования была дана «Краткая история Китайской монархии по порядку хронологическому расположенная, и заключающая в себе разные примечания достойные происшествия, по падениие каждого Императора случившиеся»[37]. В «Университетской Типографии у Н. Новикова» в 1780-х гг. была опубликована многотомная серия «Записки, надлежащия до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. Китайцев, сочиненныя проповедниками веры христовой в Пекине». Это был перевод М.И. Веревкиным только что начавшей выходить во Франции многотомной «Memoires concernant les Chinois». В 1788 г. в Москве был опубликован перевод с французского работы Воже де Брюнем (Vojeu de Brunem) «История о завоевании Китая манжурскими татарами, состоящая в 5 книгах». В 1789 г. в типографии Московского университета была напечатана переведённая с немецкого языка работа «Историческое и географическое описание Китайской империи»[38]. В целом, в XVIII в. почти все столичные и провинциальные периодические издания в России публиковали на своих страницах китайские произведения в переводах с западноевропейских языков.

Таким образом, несмотря на значительные достижения русских китаеведов в изучении истории Китая, русское общество в основном знакомилось с историей этой страны через работы западноевропейских синологов. Вызвано это было тем, что для российской элиты, включая ученых, далеко не всегда русский язык был родным или основным для чтения. Кроме того, много западных исследований было переведено на русский

[37] [*Дюгальд*]. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи и Татарии Китайския..., снабденное разными чертежами и резными фигурами, сочиненное *И.Б. Дюгальдом*, а с французскаго переведенное *Игнатием де Тсильсом*. Ч. II. СПб.: Типография Императорского сухопутного шляхетского корпуса, 1777. С. А.

[38] Историческое и географическое описание Китайской империи. Перевод с немецкого. М.: Университетская типография, иждивением А. Светушкина, 1789. 123 с.

язык, при том, что подавляющее большинство работ русских китаеведов публиковались с опозданием или вообще не были опубликованы.

В начале XIX в. были проведены реформы академической науки и университетского образования в России. В 1803 г. был принят новый «регламент» (устав) Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Становление академического востоковедения на этом этапе истории Академии наук проходило в сложных условиях. В этот период в штате Академии наук вообще не было русских китаеведов. Историки пишут: «На основе устава 1803 г., разрешавшего дополнять список наук, составлявших предмет занятий Академии, в эти годы была образована кафедра по восточным языкам и словесности… На кафедру восточных языков и словесности в 1804 г. был избран адъюнктом Ю. Г. Клапрот (Klaproth), приехавший в Россию, чтобы заняться изучением Востока… в 1811 г. он уехал за границу, увезя с собой многие собранные им материалы… Таким образом, с 1811 г. представителя по востоковедению в Академии наук совсем не осталось»[39]. Ю. Г. Клапрот не был русским китаеведом, но занимался изучением истории Китая в Императорской Академии наук. В «Летописи Российской Академии наук» за 1810 г. встречаются такие записи: «Г. Ю. Клапрот представил отчет о своем путешествии по Китаю, а также собранные им материалы по истории, филологии и этнографии северо-восточных областей Китая»; «Г. Ю. Клапрот читал доклад о памятниках Древнего Китая эпохи династии Юй»[40]. В 1817 г. Ю. Г. Клапрот был единодушно исключен из членов Императорской Академии наук, но в том же году Санкт-Петербурге остался работать известный немецкий востоковед Х. Д. Френ (Frahn) Общепринятым считается тот факт, что с созданием по его инициативе в 1818 г. Азиатского музея «в Академии наук

[39] *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724–1917. Изд. 2-е. М., 1977. С. 196–197.

[40] Летопись Российской Академии наук. Т. II. 1803–1860. Отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб., 2002. С. 48, 86.

возникло научное востоковедение»[41]. Однако в общей системе востоковедения собственно китаеведение, основанное на переводах с китайского и маньчжурского языков, было представлено слабо. Говоря о развитии академического китаеведения в России в начале XIX в. необходимо упомянуть посольство в Китай графа Ю.А. Головкина, при котором ехала группа ученых от Академии наук, занимавшихся сбором исторического и историографического материала. Однако в этой экспедиции не оказалось русских китаеведов, не считая переводчика из Иркутска, а сама экспедиция не доехала до Пекина.

Несмотря на отсутствие русских китаеведов в Академии наук, развитие академического китаеведения в начале XIX в. продолжалось. В 1810 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду восточной словесности и древностей был избран известный ученый и общественный деятель, собиратель азиатских древностей Г.И. Спасский. Это ученый, еще работая чиновником в Красноярске начал собирать материалы по истории Китая, а в 1825 г. начал издавать в Санкт-Петербурге журнал «Азиатский вестник». В журнале публиковались академические исследования, например, «Рассмотрение Историков Азиятских» академика Санкт-Петербургской Академии наук Г.Ю. Клапрота (Memoires relatifs a l'Asie par M.J. Klaproth). Г.И. Спасский переписывался с «основателем научной синологии», создателем кафедры китайско-маньчжурско-татарских языков и литератур в Коллеж де Франс — Абелем-Ремюза (Abel-Rémusat).

В конце второго десятилетия XIX в., через сто лет после основания Академии наук в Санкт-Петербурге, в России появились первые русские китаеведы — члены-корреспонденты Академии наук. 3 ноября 1819 г. было принято Постановление общего собрания Академии Наук об избрании в членами-корреспондентами П.И. Каменского и С.В. Липовцова.

В первой половине XIX в. Санкт-Петербургская Академия наук собрала крупнейшую в Европе коллекцию китайских книг и документов. В 1825 г. современники писали о библиотеке Академии

[41] *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724–1917. Изд. 2-е. М., 1977. С. 197.

наук: «ныне в библиотеке сей отделение Китайских, Монгольских и Манжурских книг есть, едва ли не первое в Европе»[42]. На протяжении всей первой половины XIX в. именно Академия наук была в числе главных организаторов исследований русских синологов. Говоря о развитии академического китаеведения, необходимо отметить, свою роль в деле изучения истории Китая в первой половине XIX в. сыграла и Российская Академия наук, выполнявшая до вхождения в 1841 г. в состав Императорской Академии наук роль центра русской науки и культуры. В частности, именно в рамках этой Академии в 1816–1819 гг. готовился к печати перевод «Китайской истории» С.В. Липовцова. Необходимо отметить, что русское китаеведение в этот период вышло за пределы Академии наук. В качестве яркого примера можно привести издание полного «историческо-географического описания Китайской империи»[43], выполненного бывшим членом Духовной миссии в Пекине И.А. Орловым и изданным в Московском университете. Работа И.А. Орлова была единственным в истории русского китаеведения именно «историко-географическим» описанием Китая, хотя последующие составители «описаний» Китая, такие как Н.Я. Бичурин (о. Иакинф), явно следовали заложенной этим исследователем традиции.

Истории Китая И.А. Орлов посвятил вторую часть второй главы своего «историко-географического описания Китайской империи». Параграфы называются: «Краткое Хронологическое росписание о наименованиях колен, владетельных в Китае фамилии и о числе царствовавших из них Ханов, с показанием каждому царствования лет, и с кратким притом о достойных из них примечания описанием, с начала основания Китайской Империи и по ныне»; «О происхождении Манджурскаго народа»; «О Мунгалах и происхождении онаго народа». В других разделах также поднимаются вопросы истории Китая, например: «О оте-

[42] [*Рихтер*] А.Р. О состоянии Восточной Словесности в России // Азиятский вестник. 1825. № 8. С. 85.

[43] [*Орлов*]. Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи. Сочиненное Коллежским Советником и Кавалером *Иваном Орловым*. Ч. I–II. М., 1820.

чественной их истории»; «О Китайском Философе Кун-Фу-Дзы» и т.д. Начало истории Китая И. Орлов дает следующим образом: «Китайцы, как о сотворении света и о первозданном человеке Адаме, так и о первом основателе их Монархии совершенно не знают; а первым веком почитают они то время, когда жил Китайский их Хан, называемой Фу-Си, который был за 2967 лет до Рождества Христова»[44].

У истоков нового академического китаеведения стояли П.И. Каменский и С.В. Липовцов, которые обучались в Пекине с 1794 по 1807 г. П.И. Каменский составил первый «полный китайско-русский словарь»[45], «монголо-маньчжурско-китайско-русско-латинский лексикон», которые, как и «целые мешки своих записок, извлечений, переводов», так и не были опубликованы[46]. Не случайно, именно П.И. Каменский первым из русских китаеведов был избран членом-корреспондентом Академии наук, а также европейских востоковедных организаций.

В основе исторических исследований П.И. Каменского (архимандрита Петра), как и других синологов того времени, оставались переводы китайских документов и исторических трудов. Например, еще будучи учеником Миссии в Пекине, он написал обобщающую работу «Падение Минской и начало Манжурской в Китае царских династий или жизнь изменника Лидзичина»[47] и выполнил большой по объему перевод «Юань ши» с маньчжурского языка («Мунгальская история о деяниях Чингисского рода»[48]). Периодом 1805–1807 гг. датируется 400 страничная ру-

---

[44] [*Орлов*]. Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи. Сочиненное Коллежским Советником и Кавалером *Иваном Орловым*. Ч. I. М., 1820. С. 69.

[45] Большой русско-китайский словарь, с фразами, выражениями и примерами. Т. I–III // ИВР РАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1–3.

[46] *Васильев В.* Воспоминание об И.И. Захарове // Журнала Министерства Народного Просвещения. 1885. Ноябрь.

[47] Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550. Д. F XVII 24(3).

[48] АВ ИВР РАН. Ф. 24. Д. 24.

копись П. И. Каменского «Китайская история с самой глубокой древности и даже со времен баснословной до нынешних времен императорской Академии Ханьлинь беспрерывно через 40 столетий с лишком веденная»[49]. Эта работа является переводом составленной к началу XVIII в. «Тунцзянь ганму 通鑒綱目». В рукописях П. И. Каменского того времени постоянно встречаются заметки источниковедческого и историографического характера — «разные замечания о китайской истории, замечания на книги Амиота и Л. Леонтьева»[50]. Работая в Министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге, П. И. Каменский продолжал переводить китайские исторические книги. В «Летописи Российской Академии наук за 1815 г. отмечено: «Дано разрешение П. Каменскому опубликовать его перевод с китайского взятой им из академической Библиотеки книги “Зерцало китайских добродетелей и пророков, или Книга Тай-Жан”»[51].

В период ученичества П. И. Каменский попал под очарование китайской культуры, воспринимал ее некритически, но потом стал критически подходить к китайской историографии. Он писал: «Многие древние китайские историки без надлежащих, в истории нужных оснований и без должной критики, древнейшие предания соплетен различные монархии с коей полагали начала…»[52]. Таким образом, русский китаевед П. И. Каменский один из первых в мире поднял проблему критики китайских исторических источников. Работы П. И. Каменского отличаются не только критикой, но взвешенностью и точностью факта. В частности, в его рукописи «Краткий реестр Бывшим Династиям, царствовавшим начиная с государя Яо»[53] дается историческая картина, заметно отличающаяся от той, что была представлена

[49] *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 402.

[50] Там же.

[51] Летопись Российской Академии наук Т. II. 1803–1860. Отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб., 2002. С. 130.

[52] ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 103. Л. 9.

[53] АВ ИВР РАН. Р. I. Оп. 1. Д. 69а. Л. 1.

в работе его предшественника А.С. Агафонова, но во многом совпадающая с принятой в современном китаеведении.

Несмотря на огромное число работ и прижизненное признание, последующие поколения синологов и историков редко обращались к научному наследию П.И. Каменского. В первую очередь это было связано с тем, что подавляющее большинство работ синолога так и не были опубликованы. Кроме того, по возвращению из последней поездки в Пекин архимандрит Петр (Каменский) хотя и не прекратил своих синологических исследований и не самоудалился от проблем развития китаеведения в России, но вел уединенный образ жизни и не занимался крупными проектами по переводу китайской исторической литературы.

Соратником и единомышленником в деле изучения истории Китая был соученик П.И. Каменского по Пекинской миссии С.В. Липовцов. В 1825 г. в опубликованной в «Азиатском вестнике» статье отмечалось: «Липовцов, бывший 14 лет в Пекине, и находящийся ныне переводчиком Китайскаго и Манжурскаго языков при Коллегии Иностранных дел… занимается переложением на Российской с Китайскаго языка Истории Китайских Государей Дайминскаго дома. Из переводов его с Китайскаго языка напечатан только о переходе Тургутов (Калмыков) в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию»[54]. С.В. Липовцов довел до конца совместную с П.И. Каменским работу по переводу и подготовке к печати «Истории династии Мин». В апреле 1816 г. царским указом этот китаевед был награжден за перевод с китайского языка «Истории Китайского государства». Вскоре вышел приказ президента Российской Академии А.С. Шишкова: «О поручении специальной комиссии дать отзыв о «рукописи перевода Китайской истории императорского дайминского поколения на рос. яз.», сделанной переводчиком Коллегией иностранных дел Липовцовым «на предмет издания»»[55]. 5 июля 1819 г. вышел указ

[54] [*Рихтер*] *А.Р.* О состоянии Восточной Словесности в России // Азиятский вестник. 1825. № 8. С. 111.

[55] *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 321.

императора Александра I «О выплате Липовцову 10000 р. — на “напечатание переведенной им Китайской истории”»[56]. С.В. Липовцев при жизни был признан выдающимся китаеведом, он, вместе с П.И. Каменским успешно выполнял исследования по заданию Российской Академии наук, однако его научное наследие недостаточно использовано и оценено потомками.

Свой вклад в изучение истории Китая в начале XIX в. внесли члены X Духовной миссии в Пекине А.И. Сосницкий и Н.И. Вознесенский, оставившие богатое рукописное наследие. В работе А.И. Сосницкого «Краткое описание государей» нашли отражение разные периоды истории Китая. Китаевед пишет: «Минской династии, которая началась 1368 года по Р. Христове, первый государь Тай-дзу по многим прении с Мунгальской Короной, наконец выгнал их в прежние Мунгальские степи и царствовал со славою 30-ть лет. Сей Государь в начале, по крайней бедности служил в монастыре, и убив любовника матери своей монаха, принужден был от строгости законов бежать, учинился разбойником, и напоследок удостоился Короны. Мудрая жена много помогла ему в правлении. Государь Чун-джен или Хуац-дзун, царствовал 16-ть лет. Сей последний и нещастнейший Государь Хуай-дзун разбойником Ли дзы ченом лишен Престола…»[57].

В архивном деле «Замечания о Китае. Николая Иванова Вознесенского 1828-го Года. Пекин» имеется рукопись «О баснословных Китае временах». Н.И. Вознесенский критически относился к традиционной истории, он писал: «Первый родоначальник Паньгу без всяких по истории деяний царствовал 10,800 лет… Теперь за оными династиями, как вся Европа верит, следует основатель Китайской Монархии Фусий… К опровержению фусиева времени бытия, довольно служат следующие по нем 15-ть фамилий, по истории никакого о себе известия и доказательства неимеющие… Засим последовала фамилия Дзян, из коей первый Государь Шен нун… Многие Историки все вышеописанные Царствования относят

[56] *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1993. С. 321.

[57] НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 841. Л. 74–124.

к временам неизвестности. О бытности их без всяких правдоподобия причин, предает История Вай дзи, всякия нелепости преисполненная. Касательно до следующих Династий, то все вообще грехом почитают даже и сумневаться; ибо преданы и описаны в Священной Канонической книге Шудзине, и Академической истории Тун дзянь ган му. Царствование названное Тан, началось с 2357 лет до Р.Х. От сего начинается Летоисчисление ни какому сумнению не подлежащее»[58]. В своей критике русский китаевед обращается к работам западно-европейских синологов. В январе 1826 г. Н.И. Вознесенский записал: «…о мере просвещения Китайцев ни кто луче не уверит как книга куплета, изданная в Париже на Латинском языке… в сей же книге приложена лучшая хронология с достопримечательнейшими деяниями…»[59].

Большой вклад в изучение истории Китая еще один член X Духовной миссии в Пекине архимандрит Даниил (Сивиллов), которому суждено было стать первым русским университетским профессором китайского языка. Этот китаевед опубликовал в журнале Казанского университета свою «Всеобщую историю Китая»[60], являющуюся не просто переводом китайского исторического сочинения, но отчасти и самостоятельным исследованием. Значительную часть в работе Даниила (Сивиллова) занимают примечания, где имеются отсылки «сколь многие можно видеть примеры, самые разительные, в разных историях народов»[61].

Критическое отношение русских воспитанников Пекинской миссии к китайской исторической науке в начале XIX в. не было явлением исключительным. Знаток Китая, принявший русское

---

58 НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 832. С. 141–144.

59 НАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 832. Л. 1.

60 [*Сивиллов*]. Всеобщая история Китая. Перевод с Китайскаго (Ар. *Даниила*). Отделение четвертое. Династия Шан // Ученыя записки, издаваемыя Императорским Казанским университетом. 1838. Кн. IV. Казань, 1838. С. 148–191.

61 [*Сивиллов*]. Всеобщая история Китая. Перевод с Китайскаго (Ар. *Даниила*). Отделение четвертое. Династия Шан // Ученыя записки, издаваемыя Императорским Казанским университетом. 1838. Кн. IV. Казань, 1838. С. 190.

подданство американский купец и дипломат П. В. Добель (Dobell) в своей работе «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае…» также заявлял: «Китайская хронология, восходящая за 40 или 50 веков до Рождества Христова, конечно, должна быть большею частью баснословна. Без сомнения, когда европейцам исторические памятники китайцев сделаются доступны, то критический разбор оных убавит на несколько тысяч лет древность их истории, коею они ныне хвалятся»[62].

Несмотря на явные достижения первых русских синологов, ставших в 1819 г. членами-корреспондентами Академии наук, вскоре признанным лидером российского китаеведения стал архимандрит Иакинф (Бичурин), которого в 1828 г. также избрали членом-корреспондентом Академии наук по разряду литературы и древностей Востока. Современные ведущие российские китаеведы отмечают: «Около 70 работ Н. Я. Бичурина, в которых он выступил как разносторонний и значительно опередивший свое время историк, филолог, этнограф, географ, экономист, правовед, было опубликовано в 1827–1851 гг. при его жизни и почти столько же по сей день пребывают в рукописях»[63].

В китаеведение Н. Я. Бичурин пришел случайно, будучи назначен начальником IX Духовной миссии в Пекине. В китайской столице он выучил языки и приступил к переводам, обратив особое внимание на историю Восточной Азии. Судя по содержанию привезенных о. Иакинфом в Россию китайских книг, больше всего в Пекине его интересовала именно историческая литература. В качестве доказательства можно привести заметку известного российского востоковеда Я. И. Шмидта «Манускрипты, привезенные из Китая архимандритом Иакинфом». В ней говорилось: «Мы думаем, что доставим удовольствие любителям азиатской литературы, публикуя точный каталог манускриптов,

[62] *Добель П. В.* Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге. М., 2002. С. 70.

[63] *Мясников В. С., Попова И. Ф.* Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) — основатель отечественной научной синологии // «Первый альбом» о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина). Исследования и комментарии. СПб., 2010. С. 6.

которые архимандрит Иакинф… привез из Пекина, где провел он 14 лет, с успехом изучив китайский язык. Большинство этих манускриптов написано на китайском языке и представляет огромный интерес для истории Азии. 1) Жюк-Т'ун-Жиэнь-Ганг-Му. Летописи китайской истории в 8 томах. (Важный манускрипт. Хотя он уже известен частично в переводах иезуитов). 2) История династии Минг. I том. (Уже известна, но тем не менее очень интересна… 4) История первых четырех ханов из династии Чингизидов. I том. (Очень важный)… 6) История Тибета и Тангута. I том. (Наиболее важный)…»[64].

По возвращении из Пекина о. Иакинф (Бичурин) в январе 1823 г. писал президенту Академии художеств А.Н. Оленину[65]: «Честь имею препроводить при сем вашему превосходительству некоторые отрывки о древнем сообщении Европы с Китаем… после сего маловажного опыта гораздо занимательнее будет приступить к извлечению из китайской истории всех тех статей, в которых помещено описание древних владений азиатских. Труд сей… сообщит нам сведения о древнем состоянии Азии довольно любопытные, несмотря на их односторонность… Таково мое мнение и вызов к труду предавши вашему суду, буду ожидать от вас, милостивый государь, одобрения или отключения…»[66].

Среди первых опубликованных работ о. Иакинфа (Бичурина) следует отметить «История первых четырех ханов из дома Чингисова». Здесь делается попытка комплексного подхода и характеристики источника, работа начинается со слов: «Издавая историю первых четырех Ханов из дома Чингисова, почитаю нужным поместить здесь некоторые пояснения… История сия не есть перевод какой либо особливой книги, но извлечена

---

[64] *Козлов В.П.* «Румянцевский кружок» и Н.Я. Бичурин. // Народы Азии и Африки. 1979. № 4. С. 125.

[65] Оленин Алексей Николаевич (1763–1843).

[66] *Тихонов Д.И.* Русский китаевед первой половины XIX в. Иакинф Бичурин // Ученые записки Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова. № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4. История и филология стран Востока. Л., 1954. С. 282–283.

из двух Китайских сочинений, именно: из собственной Истории Чингисова дома, царствовавшего в Китае под названием Юань, и из Китайской Всеобщей Истории, называемой Тхунцзянь-гань-му)… История династии Юань, будучи по качеству своему не что иное, как Биография Государей, содержит нагие происшествия, без соприкосновения к оным обстоятельствам. Ган-му, напротив, поясняет свои тексты кратким описанием, входя несколько в подробности событий»[67]. Много внимания о. Иакинф (Бичурин) особенностям китайской языковой культуры, без чего сложно иностранцу понимать китайские исторические тексты. Затрагивает он и проблемы мировой историографии вопроса. Таким образом, в своей первой обобщающей исторической работе о. Иакинф (Бичурин) показывает более высокий уровень историко-китаеведческого исследования по сравнению с работами XVIII в.

В другой обобщающей работе, вышедшей в том же 1829 г., имеется критика китайской исторической науки: «Сведения о древнем состоянии Средней Азии, представляемые нам Китайскою историю, вообще неудовлетворительны по их неполноте и односторонности»[68]. Во введении к работе «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени» о. Иакинф (Бичурин) указывает, что работа является лишь «собранием материалов, относящихся к истории Калмыцкаго народа. Почему оно и не имеет разделения по периодам и главам»[69]. В работах о. Иакинфа (Бичурина) мы видим не просто переводы, автор указывает на определенные методологические установки: «Читая китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения

---

[67] [*Бичурин*]. История первых четырех Ханов из дома Чингисова. Переведено с Китайскаго Монахом *Иакинфом.* СПб.: Типография Карла Крайя, 1829. С. III–IV.

[68] [*Бичурин*]. Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с Китайскаго Монахом *Иакинфом.* Ч. I–II. СПб., 1829. С. V.

[69] [*Бичурин*]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено Монахом Иакинфом. СПб.: Типография Медицинского департамента МВД, 1834. С. I.

против азиятского невежества»[70]. Действительно, русский синолог не был скован европоцентристским мировоззрением, но в его работах и не доставало современной для европейской науки критики источника, и даже ссылок на источники. Иакинф (Бичурин) не обращает внимания на критику традиционного китайского историописания предшественниками, а просто пишет: «Древняя история Шу-гин еще в царствование государей Яо и Шуня упоминает о сих народах…»[71]. В работах о. Иакинфа (Бичурина) есть параграфы «Источники». Однако даже в последнем его исследовании объем этого параграфа невелик, и представляется крайне упрощенным: «Китайцы имеют историю и летопись. История называется Шу, т.е. историческое писание династии… Летопись называется Ган-му, содержание и описание»[72]. Русский китаевед о. Иакинф (Бичурин) придерживается идеи, отвергаемой в то время уже большинством синологов: «Изложение ясных понятий о свойствах китайской истории вполне может утвердить в читателях доверенность к актам и фактам историческим»[73].

Современники и исследователи последующих эпох сходились во мнении о том, что по масштабам проделанной работы о. Иакинф (Бичурин) в то время не имел себе равных не только в России, но и во всей Европе. Но исследователи отмечали и недостатки: «автор, как правило… не называл использованные им источники, вследствие чего читатель вынужден принимать многое на веру»[74]. Российское общество критически отнеслось к идеализации Китая, уже не просто давно вступившего в полосу кризиса, но успевшего показать свое бессилие перед Западом при первом же военном столкновении. В опубликованной в 1848 г.

---

[70] *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 10.

[71] *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 10.

[72] *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах…Т. I. С. 12.

[73] *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах…Т. I. С. 15.

[74] История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 304.

в журнале «Библиотека для чтения» рецензии говорилось: «Мы почти никогда не имеем счастия быть согласными с ним мнениях, — именно, только в мнениях, в выводах, в воззрениях, а не в фактах… он хочет показать нам в Китае настоящую Европу, а мы, по его же книге видим в этом благословенном Китае еще более чем настоящую Азию»[75]. Первый университетский профессор-китаевед и будущий первый русский академик-китаевед В. П. Васильев так отозвался о вышедшей в 1851 г. работе «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»[76]: «О. Иакинф забыл, что у нас еще так мало могущих пользоваться источниками, и потому, по нашему мнению, издания, им обнародованные, выиграли бы очень много и представлялись бы совсем в ином виде, если б он сам принял на себя в то же время труд представить главный очерк тех событий и народов… если б, в то же время, рассказал хотя вкратце содержание истории Китая в те времена, к которым относятся его переводы, тем более, что тексты их составляют только дополнения или приложения к истории китайской»[77]. Здесь необходимо отметить, что критикуемая работа была написана по заданию Императорской Академии наук. Несмотря на указанные современниками недостатки о. Иакинф (Бичурин), благодаря изданию большого числа своих переводов, заслуженно вошел в число крупнейших исследователей истории Китая. Именно по работам архимандрита о. Иакинфа (Бичурина), которые начали переиздаваться разных вариантах сразу после смерти автора[78],

---

[75] Китай в гражданском и нравственном состоянии… Критика // Библиотека для чтения. 1848. Ноябрь. С. 23–24.

[76] [*Бичурин*]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях с картою на трех больших листах. Сочинение монаха *Иакинфа*. Ч. I. СПб., 1851.

[77] [*Васильев*]. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях. Джуржитах и Монголо-Татарах // Записки Императорского Археологического общества. Т. XIII. СПб., 1859. С. 2.

[78] [*Бичурин*]. *Иакинф*. Очерк истории Китая // Сын отечества. Т. 5. Кн. 1. СПб., 1893.

в значительной мере русское общество знакомилось с Китаем и в XIX в., и в XX в.

В середине XIX в. русское китаеведение второй четверти XIX в. было реализовано в многочисленных публикациях. С 1852 г. стал издаваться сборник «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». И в первом томе этого издания были помещены два крупных исторических исследования недавно умершего в Пекине в возрасте 28 лет члена XII Духовной миссии В.В. Горского и статья вернувшегося из Пекина И.И. Захарова «Историческое обозрение народонаселения Китая». В.В. Горский, как и его предшественники, особое внимание уделял проблемам ранней истории маньчжурского государства и создания империи Цин. Первая статья в указанном сборнике представляет собой большой исторический очерк, по объему равный небольшой книге. Этот очерк начинается с рассмотрения проблемы происхождения маньчжурского народа, основное же внимание уделяется биографиям Нурхаци и Абахая (Тайц-цзун), вопросам создания маньчжурского государства, его противостоянию с империей Мин до 1643 г. В.В. Горский указывает: «Главными источниками дальнейшего нашего рассказа были Кайго-фань-лю, Мин-ци-бэй-лю (история Северного Китая при конце Минской династии) и Шэн-цзы; есть даже целые места, которые совершенно удержаны в том виде, в каком они находятся у авторов»[79]. Однако по тексту работы нет ссылок на источники, за исключением единичных случаев нет и отсылок к другим исследователями, в целом работа по меркам той эпохи больше соответствует жанру научно-популярной литературы. Здесь следует отметить, что В.В. Горский начал путь в китаеведение с уроков о. Иакинфа (Бичурина), и его труд по своему характеру близок работам учителя. Вторая статья В.В. Горского, «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае Династии Цин и имени народа Маньчжу», представляет собой проблемно-аналитическое историческое исследование, с использованием лингвистического анализа, снаб-

[79] *Горский В.* Начало и первые дела Маньчжурскаго дома // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб., 1852. С. 26.

жённое сносками на китайские источники и работы западных синологов, и завершается четко сформулированным выводом[80]. Современным требованиям науки той эпохи соответствовало и представленное в этом сборнике «Труды членов Российской духовной миссии» исследование И.И. Захарова[81]. Таким образом, опубликованные в 1852 г. вторая работа В.В. Горского и статья И.И. Захарова, несмотря на то, что эти молодые китаеведы еще не имели университетского образования, отражают переход российского китаеведения, в части изучения истории Китая, на качественно новый уровень.

Таким образом, первый период истории русского китаеведения, начавшийся в первой половине XVIII в. и продолжавшийся до середины XIX в., можно назвать «Академическим». Именно Академия наук стала местом службы и работы первых русских китаеведов в России, задачи и содержание китаеведении определялось в первую очередь потребностями Исторического департамента Академии наук и интересами его первого руководителя историографа Г.Т. Миллера. Начавшийся с приездом в Санкт-Петербург в середине XVIII в. И.К. Россохина первый большой этап истории русского научного китаеведения нашел свое достойное завершение трудами о. Иакинфа (Бичурина). В начале XIX в. в штате Академии наук не было русских китаеведов, но именно тогда первые русские китаеведы были избраны членами-корреспондентами Академии наук.

В этот период все русские китаеведы изучали китайский язык в Пекине, многие из них, предварительно учились в университетах, как А.Л. Леонтьев в Славяно-Греко-Латинской академии или П.И. Каменский в Московском университете. Однако лишь связь с Академией наук обеспечивали научный уровень русского

---

[80] *Горский В.* О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае Династии Цин и имени народа Маньчжу // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб., 1852. С. 189–244.

[81] *Захаров И.И.* Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб., 1852. С. 247–259.

китаеведения. Академичность русского китаеведения обусловила то, что приоритетным направлением стало изучение истории Китая. Вершиной научного уровня русского китаеведении на первом этапе его развития стали труды первого из числа русских китаеведов члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук П.И. Каменского, а переводческие работы о. Иакинфа (Бичурина) были беспрецедентными по своим масштабам и явились достойным завершением эпохи.

Заложенные в середине XVIII в. в Императорской Академии наук принципы и подходы в изучении истории Китая сохранялись в русском китаеведении около ста лет. Предпринятые в первой четверти XIX в. попытки вывести российское китаеведение на качественно новый уровень не были успешными, а трудами о. Иакинфа (Бичурина) были достигнуты лишь максимальные количественные показатели. Но в первой половине XIX в. в недрах старого академического китаеведения уже шло формирование нового — университетского китаеведения. Тем не менее, еще до окончательной смены эпох в работах молодых китаеведов старой школы четко проявился переход на новый уровень изучения истории Китая, соответствующий требованиям современной европейской науки.

V.G. Datsyshen
Siberian Federal University

The Study of Chinese History during the «Academic Period» in the History of Russian Sinology

Summary. The article is devoted to the history of Russian Sinology, paying special attention to such a scientific discipline as the history of China. The chronological framework of the study covers the period from the arrival of the first Russian sinologists to St. Petersburg in the 18th c., the emergence of Chinese studies at Kazan University and its transfer to St. Petersburg University in the middle of the 19th c. The research is based on sources such as the works of Russian Sinologists and their handwritten works of the 18th— the first half of the 19th cc. They are kept in archival and manuscript collections of Kazan and

St. Petersburg, and the works of the first sinologists were published in St. Petersburg and Moscow, during their life and after the death of the authors. It was concluded that at the first stage of the history of Russian sinology, which can be called "Academic", the studies of China were led through translations and analysis of Chinese historical works. The Russian sinologists worked in the Historical Department of the Academy of Sciences under the guidance of the historiographer G. F. Miller. In the first quarter of the 19th c. the attempts made to bring Russian sinology to a qualitatively new level were not successful, but P. I. Kamensky raised criticism of the Chinese tradition to a high level, and the works of Iakinf (Bichurin) achieved maximum quantitative results of translation work. In the first half of the 19th c., Russian sinologists did not work at the Academy of Sciences, but the Academy of Sciences continued to determine the development of Chinese studies. It was at this time that three Russian sinologists were first elected corresponding members of the Imperial Academy of Sciences. With the opening of the Chinese Language Department at Kazan University, the formation of a new university of Chinese studies began. However, the era of "Academic" Chinese studies finally ended when V. P. Vasiliev, a graduate of Kazan University, became the head of the Chinese language department. The principles and approaches to the study of Chinese history, laid down in the middle of the 18th c., have generally been preserved in Russian Sinology for about a hundred years. But even before the final change of epochs, the work of young Chinese scholars of the old school clearly showed a transition to a new level of Chinese history studies that met the requirements of modern European science.

Tatiana A. Pang
Institute of Oriental Manuscripts RAS

DOI: 10.48612/IVRRAN/unbz-4fp2-t2kt

The Manchu Studies in Russia in the 18th–19th Centuries

Summary. During the first stage of the development of sinological studies in Russia they were inseparably linked with the Manchu studies, and even more — the Manchu studies played a leading role in introduction of Chinese materials to Europe through their translations from Manchu versions. The scholarly activities of the first Orientalists were aimed to introduce the knowledge about the Qing China to the Russian audience, thus the first periods of the Manchu studies are characterized by a great number of translations done from the Manchu language versions of Chinese historical and ideological texts, as well as teaching of the Manchu language and Chinese language. During their stay in Peking the missionaries collected many precious Manchu manuscripts and blockprints which later formed unique Oriental collections in Saint-Petersburg and other cities of Russia. The most outstanding figures of the early period of the Mission were its students I. Rassokhin, S. Lipovcov, P. Kamensky, A. Leontiev, G. Rozov, V. Gorsky, I. Voicekhovsky, V. Vasiliev, I. Zakharov and many others, who are mostly known as sinologies. The present article is focused on their contribution to the development of Manchu studies, their translations from Manchu into Russian, as well as their teaching activities.

Nowadays, at the beginning of the 21st c., not every sinologist will easily answer the question why at the beginning of the 18th c. the Manchu studies played an important role in the development of the Chinese studies in Russia, as well as in the whole Europe. A rapid and successful development of sinology starting from the middle of the 19th c. shadowed the results of the previous scholars. But if

we return 300 years back, we will see that introduction of China to Europe began through the Manchu language.[1]

The acquaintance of European countries and Russia with China started in the end of the 17th c. when China was ruled by the Manchu Qing dynasty and the Manchu language was one of the official languages along with Chinese and Mongolian. Russian-Chinese official relations began with the famous Treaty of Nerchinsk signed in 1689 which regulated the boarders of the two states. The Treaty was written in Russian, Manchu and Latin and the diplomatic talks were carried in Latin with the help of the Jesuit fathers Th. Pereira and J.F. Gerbillon, since at that time there was nobody in Russian delegation who could speak Chinese or Manchu. The need of learning these languages was clearly realized by the Russian court and that was the reason why the Russian Ecclesiastic Mission in Peking included a number of students, who were sent to China to study the Manchu and Chinese languages. They also had a task to report back to St. Petersburg on political, economic, and ideological situation in the Qing Empire. The famous Russian sinologist and bibliographer Piotr I. Skachkov in his "Sketches on the history of Russian sinology" mentioned that "in fact, the Manchu studies played a big role in the development of sinology on its first stage".[2]

The whole history of the Manchu studies in Russia could be divided into five periods:

1. beginning of the 18th c.— 1844. The studies of the Manchu language by the members of the Russian ecclesiastic mission in Peking and on their return to Russia.

2. 1844–1899. The Manchu studies at the Universities of Kazan and Saint-Petersburg.

3. 1899–1920. The Manchu studies at the Oriental Institute in Vladivostok.

---

[1] *Tatiana A. Pang*. The Manchu Language as a Tool of Western-Chinese Cultural Relations in the 17th and 18th Centuries // Eastwards. Western Views on East Asian Culture. Frank Kraushaar (Ed.). Bern, 2010. P. 89–99 (Euro-Sinica. Hrsg von Adrian Hxia. Bd. 13).

[2] *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения (Sketches on the history of Russian sinology). Moscow, 1977. P. 285.

4. 1920–1950es. Revival of the Manchu studies in Leningrad[3] at the State University and the Institute of peoples of Asia, Russian Academy of Sciences[4] (now Institute of Oriental manuscripts, RAS).

5. 1960 — till nowadays. The research is carried on in the Institute of Oriental manuscripts, RAS.

The present paper will be limited to the first two periods of the history of Manchu studies which were the most fruitful time in collecting materials.[5] What is common to both of them is that the specialists were prepared at the Russian Ecclesiastical mission in Peking and on their return worked at the Ministry of Foreign affairs (during the first period), and taught at the universities after 1844. Their work was highly praised by their successors and historians, so that Ivan Zakharov called the members of the mission "the great experts in the

[3] Since 1712 the capital of Russia was Saint-Petersburg. The name of the city changed several times: in 1914 it was renamed Petrograd, in 1924 — Leningrad, in 1991 — the original name Saint-Petersburg was returned to the city.

[4] The oldest Oriental studies institution in Saint-Petersburg was the Asiatic museum which was established in 1818. In 1930 on its basis was organized the Institute of Oriental studies, USSR Academy of Sciences. In 1951 the Institute was partly transferred to Moscow (in 1960–1970 it was called the Institute of the peoples of Asia), leaving its department in Leningrad In 2007 the Institute of Oriental studies was reorganized and the Saint-Petersburg department was turned into the independent institution — the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences.

[5] About the later periods of the development of Manchu studies in Russia see: *Pang T.A.* A Historical Sketch of the Study and Teaching of the Manchu Language in Russia (First part: up to 1920) // Central Asiatic Journal. Vol. 35, N. 1–2. P. 123–137; *Пан Т.А.* Преподавание маньчжуроведения в России (Teaching of Manchu studies in Russia) // Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск-Железногорск, 14–16 марта 2007 г. (Teaching of Asian countries' history and culture in middle and high school in Russia: historical experience and modern problems. Materials of over-Russian scholarly-practical conference with international participants. Krasnoiarsk-Zheleznogorsk, March 14–16, 2007). Вып. 2. Красноярск-Железногорск, 2007. P. 132–145.

Manchu language", and S. Couling said that "the Russians were the first Europeans to study the language seriously".[6]

The scholarly activities of those first Orientalists were aimed to introduce the knowledge about the Qing China to the Russian audience, thus the first periods of the Manchu studies are characterized by a great number of translations done from the Manchu language versions of Chinese historical and ideological texts, as well as teaching of the Manchu language and Chinese language. During their stay in Peking the missionaries collected many precious Manchu manuscripts and blockprints which later formed unique Oriental collections in Saint-Petersburg and other cities of Russia.

The most outstanding figures of the early period of the Mission were its students I. Rassokhin, S. Lipovcov, P. Kamensky, A. Leontiev, G. Rozov, V. Gorsky, I. Voicekhovsky, V. Vasiliev, I. Zakharov and many others.

Who were they and what was their way to the Manchu and Chinese studies?

The first Mission arrived to Peking in 1717[7] and among the priests was *Osip Diakonov* who was the first to master the Manchu language, and very soon he was on the service of the Qing court to translate Russian documents into Manchu. There is an opinion that in 1725 he started teaching Russian at the school of the Qing Grand Secretariat.[8] But the Mission definitely needed professional interpreters, since from the very beginning till the Tianjing Treaty of 1858 it performed religious and diplomatic duties. The Kyakhta treaty of 1727 had a special paragraph concerning the students of the Mission, saying that four Russian boys chosen by the ambassador for training would stay at the Missionary house and get the Tzars stypend. After they finish

[6] *Couling S.* The Encyclopedia Sinica. Shanghai, 1917. P. 324.

[7] *Пан Т.* Архимандрит Иларион (Лежайский) и первая Пекинская Духовная Миссия (1717–1729 гг.) (Archimandrite Illarion Lezhaisky and the First Peking Ecclesiastical Mission. 1717–1729) // Исторический вестник (Historical herald). 2000. № 2(6). С. 196–202.

[8] *Скачков П.Е.* Очерки…, с. 37

studies, they might return back.[9] Among the first students was *Illarion Rossokhin* 拉里婉 (1717–1761). At the age of 9, he started learning Mongolian at the monastery school in Irkutsk, and three years later was sent to China together with the Second Mission. He remained in Peking for 12 years and returned to Russia only in 1741. His knowledge of Mongolian helped him to learn quickly Manchu through which he later mastered Chinese. Being 18 years old, in 1735, he was already on service as an interpreter at the Board of Colonial Affairs Lifanyuan 理藩院 and a teacher of Russian language at the bannermen School (after Diakonov). With the help of the Manchus Fulehe and Mača the teaching activity inspired Rossokhin to compile "The Russian language grammar" (俄羅斯繙譯捷要全書 "*Eluosi fanyi jieyao quanshu*, *Oroslame ubaliyambuha oionggo babe tucibuhe ioni bithe*"), which was based on "The Grammar of the Church Slavonic" by Meletius Smotrytsky (c. 1577–1633). This unique manuscript is now kept in Saint-Petersburg in the collection of the Institute of Oriental manuscripts.[10] After his return to Russia, Rossokhin was appointed on service at the Academy of Sciences in Saint-Petersburg, and there he opened a school of the Manchu and Chinese languages which he conducted for ten years from 1741 till 1751. Actually, he was the first to start teaching those languages in Russia and in all Europe. In his teaching Rossokhin used the Shou Ping's 壽平 Manchu grammar "Qingwen qimeng" 清文啟蒙 which was published in Peking in 1730 during his stay in China. The

[9] Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы (Russian-Chinese relations, 1689–1916. Official documents). Москва, 1958. С. 19–20.

[10] *Волкова М.П.* Первый учебник русского языка для китайских учащихся (The first Manchu language manual for the Chinese students) // Краткие сообщения Института народов Азии. (Brief reports of the Institute of the Peoples of Asia). Вып. LXI. Москва, 1963. P. 154–157; *Попова И.Ф.* Становление лексикографии китайского языка в России (The formative period of the lexicography of the Chinese language in Russia) // Страны и народы Востока. Вып XXXV. Коллекции, тексты и их биографии (Countries and peoples of the East. Vol. XXXV. Collections, texts and their «biographies»). Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. Москва, 2014. С. 292–294.

manual of Shou Ping was the first and essential Manchu grammar which has been used both by the Chinese and Europeans for almost two centuries, and Rossokhin's translation was the first one done into the European language.[11]

Illarion Rossokhin started an important period of translation work from Manchu and Chinese. He had translated various texts including histories of Chinese dynasties, geographical works, moral Confucian texts, teaching materials, but none of them he saw published.[12] In China he started translation of the dynastic history *Zizhi tongjian gangmu* 資治通鑑綱目, which remains in manuscript. In 1756 the Russian State Senate ordered the translators of the Academy of Sciences to make a translation of the 16 volumes of the "History of Eight Banners" *Baqi tongzhi* 八旗通誌, an important source for military organization of the Manchus, which was published in Peking in 1739. This big task was given to Rossokhin, who asked for help Alexei Leontiev 阿列克寫 — the translator from the Ministry of Foreign Affairs. Rossokhin managed to translate six volumes before he died on February 10, 1761. This grandiose work was finished by Leontiev and published in Saint-Petersburg in 1784 under the title "*Obstoiatelnoe opisanie proiskhozhdeniia i sostoianiia mandzhurskogo naroda i voiska, v osmi znamenakh sostoiashchego*" — "A Detailed Description of the Origin and State of the Manchu People and Army, Consisting of Eight Banners".[13]

Alexei Leontiev (1716–1786) had his first Manchu classes at the Ministry of Foreign Affairs in Moscow starting from 1739, which he

[11] Its English translation appeared much later, see: *Wylie A.* Translation of the T'sing wan ke mung, a Chinese grammar of Manchu Tartar language. Shanghai, 1855.

[12] История отечественного востоковедения до середины XIX века (The history of domestic [Russian] Oriental studies till the middle of the 19th century). Москва, 1990. С. 78–84.

[13] [*Леонтьев А.*] Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего. Иждивением императорской Академии Наук в 16 томах (A Detailed Description of the Origin and State of the Manchu People and Army, Consisting of Eight Banners. Published by the Imperial Academy of Sciences in 16 volumes). Санкт-Петербург, 1784.

continued in 1742–1754 as a student at the Third and Fourth Ecclesiastical mission in Peking. In China he compiled the Russian-Manchu-Chinese phrase-book which is now kept in the Archives of the Institute of Oriental manuscripts. On return to Saint-Petersburg he was assigned as a translator to the Ministry of Foreign Affairs. In 1762 he opened a school of the Chinese and Manchu languages, but soon, in 1767 was sent to Kiakhta for two years to solve Russian-Chinese border questions. Leontiev is famous for his first Russian translations of Confucian classics *Da xue* 大學, *Zhong yong* 中庸, *Yi jing* 易經 (partly) and *Meng zi* 孟子. All translations were made from Manchu, but were checked with the original Chinese text — and that was always commented in the title. His collection "The Chinese Thoughts"[14] is a translation of emperor's teachings concerning the state rule. There we find interesting comments of the Yongzheng emperor concerning equal rights of Manchus and Chinese on state service, what was essential after hundred years of the Qing rule in China. In that book Leontiev included the first translations from the military treatise "Sun zi" 孫子. In 1778–1779 Leontiev published an abridged translation of "Chinese Laws" *Dai Qing huidian* from Manchu, but the Russian Tzarina Catherin the Great and her court were not satisfied with the short version, and he was commissioned to make a full translation of the Manchu "*Daicing gurun-i uheri kooli*". Three volumes of the translation were published in 1781–1783 under the title "The Laws and Decrees of the Chinese [now Manchu] Government".[15]

[14] [*Леонтьев А.*] Китайские мысли (The Chinese Thoughts). Санкт-Петербург, 1772; Гэ янь, т.е. умные речи (Ge yan, i.e. Clever Talks). СПб., 1776; *Да сюэ, то есть Учение великое* (Da xue, i.e. Great Learning), Санкт-Петербург, 1780; Джун юн, т.е. закон неприложный. Из преданий китайского философа Кун Дзы (Zhong yong, i.e. Unalterable Law. From the stories of the Chinese philosopher Kung Zi). Санкт-Петербург, 1784.

[15] Тайцин гурунь-и ухэри коли, т.е. все законы и установления китайского (а ныне манджурского) правительства, перевел с манджурского на русский язык Алексей Леонтьев (The Laws and Decrees of the Chinese [now Manchu] Government, translated from Manchu into Russian by Alexei Leontiev). Санкт-Петербург, 1781–1783».

This text contains state, military and criminal laws, description of the Qing administration and other information which was needed for the Russian government to regulate its relations with the Qing dynasty. The translations by Leontiev greatly influenced on ideological life of the Russian society in the second half of the 18th century. His work could be compared with the influence of translations from Manchu on European life done by the Jesuit fathers at that time. For example, Leontiev's translation of Yongzheng's "Sacred teachings"[16] presented the Russian court recommendations how to maintain state prosperity: he saw it in mutual help and respect between relatives which would provide family peace, modest way of life, thirst for learning, respect of laws. The passages on how to rule the state given in Confucian "Zhong yong" very much co-echoed the ideas of the enlightened absolute monarchy: "For eternal governing the emperor uses nine rules: to correct himself, to respect educated people, to be kind to relatives, to respect high courtiers, to judge the administrators kindly, to care own people like own children, to give way to artists and painters, to meet foreign people kindly, to keep an eye on foreigners".[17] That was the reason why Leontiev's translations were excepted and reprinted by Catherine the Great who presented herself as the enlightened ruler. The Russian bibliographer P. Ye Skachkov called Alexei Leontiev the greatest sinologist of the 18th c. adding that "the value of the Leontiev's works is not only in the vast and multilateral variety of translations, but also in the attempts in his notes and comments to think over many phenomena of Chinese reality; all this shows his great knowledge of the Chinese literature and different sides of the Chinese life during the Qing period".[18] His works were important not only for the Russian science, but for the whole European sinology. For example, his "Chinese thoughts" were immediately translated from Russian into

[16] [*Леонтьев А.*] Китайские поучения, изданные от хана Юнджэна для воинов и простого народа во 2 году царствования, в 1724 (Chinese teachings, published by the emperor Yongzheng for soldiers and common people during the 2nd year of his rule, in 1724). Санкт-Петербург, 1778.

[17] Джун юн… С. 110.

[18] *Скачков П.Е.* Очерки… С. 75–76.

German and later into French.[19] But, unfortunately, very soon after his death Leontiev's works were shadowed by later Russian leading sinologists like Iakinf Bichurin 乙阿欽特, 雅經 and V. Vasiliev 王西里.

Anton Vladykin (1757–1812) was from a Kalmyk who lost his family during their transfer to Jungaria in 1771. The boy was put into an orphan house in Astrakhan and baptized there. In 1775 he entered the theological seminary near Moscow, and in 1780 was sent to China as a student of the 7th Mission to study Manchu and Chinese. On his return in 1794 he was appointed a translator at the Ministry of Foreign Affairs, where in 1798 he opened a school for translators and focused on the Manchu language teaching. By 1804 he compiled *The Manchu Language Grammar*[20] and for all his life was working intensively as a lexicographer, having left after him five lexicons of Manchu language. In 1798–1808, he compiled "The Manchu-Chinese-Russian Lexicon"[21] sorted according to the Russian alphabet. The handwritten copy of the Lexicon, kept in the Archives of Orientalists IOM RAS has notes and translation of some words into French made possibly by Julius Heinrich Klaproth (1783–1835) during their joint trip to Siberia as members of the diplomatic mission headed by Yu. A. Golovkin (1762–1846) in 1805. The Archives keep his Manchu grammar manuals (Fond 88, unit 1) which were actually the first Manchu grammar explanations done in Russian language.

The translation work from Manchu was continued by *Pavel Ivanovich Kamensky* (monk name — Piotr, 1765–1845). He was the son of a priest and studied Latin, Greek, philosophy, geography and mathematics at the Theological seminary in Nizhnij Novgorod. Then he entered the

[19] Chinesische Gedanken nach der von Alexei Leontieff aus der mandschurisschen Sprache verfertigen russischen Uebersetzung. Ins Deutsche ubersetzt. Weimar, 1778; Pensées morales des divers auteurs chinois recueilies de traduit du latin et du russe (de Leontieff) par Levesque. Dresden, 1807.

[20] Манджурская грамматика. Для российского юношества сочиненная Антоном Владыкиным 1804 года в Санкт-Петербурге [Manchu Language Grammar. For the Russian Youths Compiled by Anton Vladykin in 1804 in St. Petersburg] // Russian National Library, Manuscript Department.

[21] Манджурско-китайско-русский словарь (Manchu-Chinese-Russian Dictionary) // Archives of the Orientalists IOM RAS. F. 88, unit 1, 373ff.

Imperial university in Moscow where he learned logic, general history and law. He was in China twice. The first time he went there in 1794 with the 8th Mission (1794–1807), the second time he was sent to Peking as a head of the 10th Mission (1821–1831). In between he worked at the Asiatic department of the Ministry of Foreign Affairs, and that was the most fruitful period of his scholarly activity. He knew the Manchu language better than Chinese, and concentrated on translation of Chinese historical materials in their Manchu versions. Like his many other colleagues, he was mainly interested in general history of China, the history of Mongols and Manchus. He translated "Zizhi tongjian gangmu" 資治通鑑綱目 (the period till the Ming dynasty), a part from "Yuan shi" 元史. But almost everything was buried in the Archives for two centuries. It sounds strange since his translations were highly honored in his time: for this work in 1819 he was elected a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, a member of the French Societé Asiatique, Kopenhagen Society of Northern Antiqueties. During his work in Saint-Petersburg at the Asiatic department he compiled a Chinese-Russian-Latin dictionary, which was not published since the author was sent for the second time to China. Only the first page was printed, and judging from it, Kamensky wanted to compile a dictionary according to the system of Chinese topic dictionaries.

Being the head of the Mission, he paid much attention to the revival of Orthodox religion among local Russians and their descendants, as well as baptizing new believers, translating Christian texts into Chinese and Manchu. He collected a great number of Manchu and Chinese books which he sent to Saint-Petersburg libraries. He had permanent contacts with the Jesuit missionaries in Peking and owing to that we have a full copy of Bible in Manchu, translated by Father Poirot (1735–1814) in Peking and copied under supervision of Kamensky in 1825.[22] Kamensky also introduced "scholarly duties-obidience" to the members of the Mission, that was the study of China, its languages, history and religions. And as a result, later many missionary students

[22] *Pang T.A.* Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Issue.2. Wiesbaden, 2001, N. 369. The other copy is kept in Japan in Toyō Bunkō Library.

became prominent manchurists and sinologies. He used to say: "Peking is a great school for a missionary scholar and a torture for a lazy bone". He returned to Russia in 1830 at the age of 65 and settled in the monastery in the town Gorodets where he died in 1845.

Kamensky left a great number of manuscripts which are kept in Saint-Petersburg in the National Library and the Archives of the Orientalists in the IOS RAS. Only two articles were published during his lifetime. The analysis of his works shows that he was one of the first in Russia to compare Christianity and Confucianism. This is proved by his translations of Confucian texts into Latin and Russian, as well as comments that the Chinese had high morals like the Christians. Kamensky made the translation of "Yuan shi" earlier than Bichurin, but did not publish it because of his departure for the Peking Mission.

In Russian sinology for many years the image of Kamensky was rather negative. The Russian specialist Ye. Kychanov explains that situation: "Behind the scholarly activity of Kamensky there is either a chain of unlucky circumstances, or an unknown mystery. There was a rumor that he did not know Chinese well. But this is only a rumor, and not only because Kamensky lived in China longer than the others, but because he has left a Russian-Chinese dictionary and manuals. The Mission of Kamensky has prepared the greatest number of students who on their return from China were prepared to work with the languages <…>. Only one reason is clear in the tragedy of Kamensky. Being a contemporary of N. Ya. Bichurin, he returned from his Mission to China at the time, when Bichurin had already gloriously entered not only Russian, but the world sinology. Bichurin shadowed not only Kamensky, but his other two contemporaries — S. V. Lipovtsov and Z. F. Leontievsky <…> Something in the fate of Kamensky could be also explained by the document that Kamensky had written about Bichurin as a head of the 9th Mission (1807–1821), and it was used for Bichurin's critics and exile".[23]

[23] История отечественного востоковедения…, p. 270. About Kamensky see also: *Шаталов О.В.* Архимандрит Пётр (Каменский) и десятая Российская Православная миссия в Пекине (Archimandrite Piotr Kamensky and the 10th Russian Ecclesiastical mission in Peking) // Исторический вестник (Historical herald). 2000. № 2(6). С. 203–218.

For many decades Kamensky's manuscript translation of "Yuan shi" has been kept in the Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental manuscripts. And only recently, in 2011, it was published in Novosibirsk under the editorship of the academician V. Ye. Larichev. In the preface the editor writes that when the publishers started the work, "they have been very much disappointed not only by the draft character of the translation, but of the working style which dominated at the end of the 18th and beginning of the 19th cc., when it was allowed to make not an exact translation of the history into Russian (as it is obvious and necessary today), but actually to retell it with many omissions."[24] This is the reason why in this publication the translation of the first three chapters is edited and revised by Liudmila Tiuriumina, while the other three chapters are given in Kamensky's original translation with her detailed comments. The publication of this manuscript is the first presentation of the Manchu version of the Mongolian history "Yuan shi", which much differs from the Chinese version used by Iakinf Bichurin.[25]

Among the students of the 8th Mission was *Stepan Lipovtsov* (1770–1841) who together with Kamensky devoted himself to the translations of historical texts from Manchu, but his translation of the Ming history was not published and is kept in the Archives of the Academy of Sciences (division II, op. 1, no. 39, 41). He was very fortunate with his translation of "Regulations of the Board of Colonial Affairs" *Lifanyuan zeli* 理藩院則例, which he printed in 1828.[26] In his preface Lipovtsov explained

[24] История Небесной империи. Т. 1. История первых пяти ханов из дома Чингисова (The History of the Celestrial Empire. Vol. 1. The History of the First Five Khans from Generation of Jengis). Под ред. В. Е. Ларичева. Новосибирск, 2011. С. 17.

[25] История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. (The history of the four khans from Chingis clan. Translated from Chinese by the monk Iakinf). Санкт-Петербург, 1829.

[26] Уложение китайской палаты внешних сношений. Перевел с маньчжурского Степан Липовцов (The Code of the Chinese Board of Colonial Affairs. Translated from Manchu by Stepan Lipovtsov). 2 т. Санкт-Петербург, 1828.

the necessity of the translation of this collection of Qing dynasty regulations for Border areas, which was published in Manchu in 1818. He wrote that Russians more than other European peoples need precise information about the Central Asia and Mongolia: "close boarder, mutual trade, relations with various tribes that inhabit this vast territory of the country which we do not know — all this makes the translation essential".[27] Lipovtsov arranged the material according to his own plan, giving Civilian code, Military code, Post regulations, Criminal code, Regulations about Lama religion, Regulations with Tibet and Russia. This document was a precious source on traditional Chinese law and presented the principles of the Qing regulations of the outer territories.

The name of Lipovtsov is connected with the translations of the New Testament into Manchu. This question was discussed by the Russian Bible Society already in 1816, but only in 1821 the Society hired Stepan Lipovtsov, the interpreter of Manchu and Chinese languages at the Asiatic Department of the Ministry of Foreign Affairs, member of the Russian Academy of Sciences. The first printed edition of St. Matthew's Gospel was published in St. Petersburg in 1822 under the title "*Musei ejen Isus Heristos-i tutabuha ice hese*" — "A new decree left by our Lord Jesus Christ". This enterprise was possible owing to the efforts of Schilling von Konstadt who in 1816 organized lithographical printing in Saint-Petersburg at the Ministry of Foreign affairs, and in 1817 ordered a lithographer Hass to cut big size Manchu and Mongolian shrifts. In 1819 in Leipzig a German lithographer Schelter cut small size Manchu letters which were used for printing of the New Testament of Lipovtsov in 1822. In 1834 George Borrow, as an agent of the British Bible Society, received permission from the Russian government to print the whole New Testament under Lipovcov's supervision and censorship. The work took ten months to complete, and an edition of one thousand copies was sent to London in 1836. St. Matthew and St. Mark were republished in Shanghai in 1859 under the supervision of Alexander Wylie.

There are several editions of the New Testament which are based on Lipovtsov's and Borrow's Manchu translation: 1. Lipovtsov's translation

[27] Уложение китайской палаты… С. IV–V.

of St. Matthew, St. Petersburg, 1822 (500 copies); 2. Lipovtsov-Borrow's translation of the New Testament. St. Petersburg, 1835 (1000 copies).[28]

Another contemporary of Kamensky was *Zakhar Leontievsky* (1799–1874) who being mathematician voluntarily joined the 10th Mission of Kamensky. In China he mastered Manchu and Chinese so perfectly well that was able to translate into Chinese "The History of Russian State" by Karamzin. For that work he was awarded a title *guo shi* 国师 — "a state adviser" by the Manchu emperor. Leontievsky is famous for his "Chinese-Manchu-Latin-Russian dictionary" which is compiled according to the Chinese key-system — a system later used for many Chinese-European dictionaries. The dictionary is based on explanatory Chinese-Manchu and Chinese-Manchu-Mongolian dictionaries. This great work like many other dictionaries was not published. One of the reasons was printing difficulty, the other — a narrow circle of those who might need them.

The Manchu versions of the dynasty histories attracted attention of the members of the following Missions either. One of the almost forgotten names is *Grigory Rozov* (1808–1853). He was born in Novgorod in 1808 in a poor family. At the age of 21 he graduated a theological seminary and agreed to join the 11th Mission (1830–1840) as a psalm-reader. But before going to China, he stayed a while in Saint-Petersburg and enthusiastically took lessons of Chinese from Iakinf Bichurin. That greatly influenced his future carrier, since in Peking he asked for changing his position of psalm-reader to a civilian position of a student. Thus he could easily and deeply study the languages and history of the Qing China. From 1835 he concentrated on the Manchu language, which he studies under the guidance of the Manchu official Se in choosing a big historical text for translation, at the same time he was compiling a Manchu-Russian dictionary and a Manchu grammar. He was so impressed by the translations of Bichurin, that he started working with the texts in Bichurin's way of detailed translation. Rozov made a full translation of the "History of

[28] For details see: *Walravens H.* Christian Literature in Manchu. Some Bibliographical Notes // Monumenta Serica. Journal of Oriental Studies. Vol. XLIII, 2000. Sankt Augustin, 2000. P. 445–469; *Stary G.* Christian Literature in Manchu // Central Asiatic Journal, 2000, vol. 44/2. P. 305–316.

the Jin Dynasty" — *Aisin guruni suduri* from its Manchu version, following the tradition of Bichurin and Kamensky introducing the history of the Chinese empire to the Russian reader. For more than hundred years the manuscript was kept in the Archives, and published only in 1998 by the Novosibirk scholars.[29] In comparison with the translation of Kamensky of the "History of the Yuan dynasty", the translation of Rozov strictly follows the original text. That is why it was published without any editor's changes and is a valuable source for the history of the Jurchen dynasty.

The other important Manchu text was retold by the student of the next 12th Mission (1840–1849) *Vladimir Gorsky*, who was born in Kostroma in 1819 and died in Peking in 1847. Before going to China, he, like Grigory Rozov, started his sinological studies with Iakinf Bichurin in Saint-Petersburg, but in Peking he learned Manchu and Tibetan. His interest in Manchu studies lied in the early history of the Manchus, thus appeared his fundamental works based on the Chinese version of the Manchu history *Huang Qing kaiguo fanglüe*: "Beginning and the First Deeds of the Manchu house" and "On the origin of the Founder of the Ruling Dynasty Qing in China and the name of the Manchu".[30] Actually, that was a close-to-text retelling and the first introduction of this source into European language. Interesting to note, that when E. Hauer translated *Kai guo fang lüe* into German, he used the Russian text of V. Gorsky[31] and repeated Gorsky's mistake in calling the second

[29] История золотой империи. Отв. ред. В.Е. Ларичев (The History of the Golden Empire) Под ред. В.Е. Ларичева. Новосибирск, 1998. Translation by G. Rozov is published on pp. 87–232.

[30] *Горский В.В.* О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу (On the origin of the Founder of the Ruling Dynasty Qing in China and the name of the Manchu) // Труды Пекинской духовной миссии (Works of the Peking Ecclesiastical Mission). Санкт-Петербург, 1852. Т. 1. P. 1–187; *Горский В.В.* Начало и первые дела маньчжурского дома (Beginning and the First Deeds of the Manchu house) // Ibid. P. 189–244.

[31] *Hauer E.* Das mandschurische Kaiserhaus, sein Name, sein Herkunfft und Sein Stammbaum // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Ostasiatische Studien. Bd. 29. Berlin, 1926. S. 1–39.

Manchu emperor Hong Taiji as "Abahai". This historiographical casus was convincingly explained by Prof. Giovanni Stary.[32] Because of the popularity of Russian and German translations of this Manchu history this mistake was introduced into European (and Russian) historical science, including the famous "Eminent Chinese of the Qing period (1644–1911)" by A. Hummel.[33]

The translations of main Chinese historical texts from their Manchu versions, as well as Qing dynastic documents done by Lipovtsov, Leontiev, Kamensky, Rozov and Gorsky in the 18th — middle 19th cc. have acquainted Russian and European audience with laws and geography, culture and ideology of the Qing Empire.[34] Starting with the works of Iakinf Bichurin, the Manchu sources lost their importance for the Russian sinology. Iakinf Bichurin was convinced that the main literature was written in Chinese, and Manchu versions are only translations.[35] That is the reason, why staying in Peking he neglected his Manchu studies.

Still among the students of the 12th Mission (1840–1849) there were V. Vasiliev and I. Zakharov, who started academic studies of the Manchu language itself.

Vasilij Vasiliev (1818–1900) was a graduate of the Kazan University Philological faculty, and after defending his thesis in 1839 on Mongolian

[32] *Stary G.* The Manchu Emperor «Abahai»: Analysis of the Historiograhpic Mistake // Central Asiatic Journal. 1984, vol. 28, no. 3–4. P. 296–299; *Stary.* The Problem «Abahai» — Hong Taiji: A Definitive Answer to an Old Question? // Central Asiatic Journal, 1999, vol. 43, no. 2. P. 259–265.

[33] *Hummel A.* Eminent Chinese of the Qing period (1644–1911). Taipei, reprint 1991, vol. 1. P. 1–3.

[34] *Пан Т.А.* Переводы на русский язык с маньчжурского языка, выполненные членами Пекинской духовной миссии (Russian translations from the Manchu language be the members of the Orthodox mission in Peking) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии (Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy). 2021. № 2(7). С. 77–89.

[35] Now the manchurists have proved that this statement is incorrect, since the Manchu texts were revised and edited variants of their Chinese originals.

Buddhism he was sent to China as a student of the 12th Mission. His teacher Prof. Kovalevsly gave him a task to study Nothern variant of Buddhism in China, Tibet and Mongolia, as well as the languages of the peoples of China (Chinese, Manchu, Mongolian, Tibetan), their literature, ethnography, religion and economy. That he did with great success. On his return to Kazan in 1849 he could not continue his Tibetological and Buddological studies, though had collected a valuable material.[36] He was appointed a teacher of the Chinese and Manchu languages at the Oriental faculty of the Kazan University[37] where he worked till the faculty was transferred to Saint-Petersburg. The Oriental Faculty of the Saint-Petersburg University opened seperate Chinese and Manchu departments in 1855, which were united in 1863. Vasiliev had to work out a teaching program and select teaching material. As the result, he compiled the "Manchu reader"[38] and the Manchu-Russian dictionary[39] which were used later by many professors in their classes. Actually, his Manchu reader was the first Manchu language textbook published in Russia. It contained various texts, training language styles, like spoken language dialogues from "Tanggû meyen" ("The hundred chapters"), didactic phrases, abstracts from official Qing documents and diplomatic correspondence. His Manchu-Russian dictionary was

[36] История отечественного востоковедения… С. 305–317.

[37] The first department of the Chinese language was opened in Russia in 1837 at the Kazan University. In 1844 it was rearranged into Chinese-Manchu department. Its first professors were the former members of the Peking Ecclesiastical Mission archimandrite Daniil Sivillov (1788–?) and Osip Voitsekhovsky (1793–1850). About Voitsekhovsky see: *Pang T.A.* A Historical Sketch of the Study and Teaching of the Manchu Language in Russia (First part: up to 1900) // Central Asiatic Journal, 1991, vol. 35, n. 1–2. P. 128; *Skachkov P. Ye.* Ocherki… P. 419; *Скачков П.Е.* Русские врачи при Российской Духовной миссии (Russian doctors at the Russian Ecclesiastical mission) // Советское китаеведение (Soviet sinology), 1958, № 4. С. 136–148.

[38] *Васильев В.П.* Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания (The Manchu reader for primary teaching). Санкт-Петербург, 1863.

[39] *Васильев В.П.* Маньчжурско-русский словарь (Manchu-Russian dictionary). Санкт-Петербург, 1866.

printed in lithographical way, thus was easily spread among students and interested scholars. The key words were arranged according to Russian alphabetical order, but inside lexical group the words were put according to Manchu alphabet. In the opinion of the Russian specialist in the Manchu language Dr. Boris Pashkov, Vasiliev's dictionary "contains the most friquently used words of Manchu lexicon, gives exact meanings of the words and thanks to this is much better than a three-volume Manchu-French dictionary by Amiot (Dictionaire Tartare-Mantchou-François. Paris, 1789–1790), which gives vague meanings and could be hardly used."[40] Vasiliev taught Manchu at the University for 12 years, and opened a period of academic studies of the Manchu language.[41] In 1869 he was changed on this position by another outstanding Russian scholar, his former classmate in Peking — I. Zakharov.

Ivan Zakharov (1814–1885) was the student of the 12th Russian Ecclesiastical Mission in Peking and specialized in the Chinese and Manchu languages. After his return to Saint-Petersburg he worked at the Ministry of Foreign Affairs. In 1851 he was an interpreter during Russian-Chinese interrogations and then was sent to Kuldzha as a Russian consul till 1864. Coming back to Russia, for several years he continued working at the Ministry of Foreign Affair.[42] In January 1869

[40] *Пашков Б.К.* Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности (The contribution of Russian scholars into the studies of the Manchu language and script) // Краткие сообщения Института востоковедения. XVIII. Языкознание (Short papers of the Institute of Oriental studies. XVIII. Linguistics). Москва, 1956. С. 9.

[41] See more about *V.P. Vasiliev* in: Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань–Пекин–Санкт-Петербург (очерки и материалы). Посвящается 200-летию со дня рождения В. П. Васильева. (Academician-orientalist V. P. Vasilyev: Kazan–Beijing–Saint-Petersburg (Essays and materials). Dedicated to the 200th anniversary of V. P. Vasilyev) Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский / Сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021.

[42] See more about Zakharov in: Ivan Il'ič Zacharov (1817–1885). Russischer Diplomat und Sinologue. Eine bibliographische Skizze von H. Walravens. Hamburg, 1982.

he was invited to teach Manchu at the Chinese-Manchu department of the Saint-Petersburg Oriental faculty. His teaching course was divided into three years: he started reading texts from Vasiliev's "The Manchu reader", turned to oral translations from Russian into Manchu, and finished with original Manchu novels, dynastic histories and translation of diplomatic documents. He had published two grandiose works which made his name world famous — "The Complete Manchu-Russian Dictionary"[43] and "The Grammar of the Manchu language".[44]

Zakharov's dictionary is based on various Manchu texts, main Manchu language dictionaries which were published in China, as well as on contemporary European works. The key words are arranged according to the Manchu alphabetical order; they are written in Manchu and supplied with Russian transliteration, translation and sometimes explanation. The Dictionary got the highest evaluation by the Russian academicians and specialists, and the author was awarded the Medal of Konstantine — the highest award of the Imperial Russian Geographic Society. In 1877 V. Vasiliev and I. Minaev wrote: "Mr. Zakharov's dictionary could be used by everyone, because the Manchu text is added with the Russian transcription; it is much better in its completeness than the European lexicons (by Amyot and Gabelentz); and one could guarantee that neither Manchu word nor its meaning with all its shades is missing. The characteristics of the words are exact, and when it is necessary full descriptions of the unknown subject are given, as well as the explanations of the history, traditions and habits of the people. These last feachers make the dictionary a precious treasure not only for the linguist, but for the ethnographer and an archiologist either <...> A great and long lasted work of Mr. Zakharov is of first importance both for political and scholarly acquaintance with the Manchu language and the study of everyday life of the Manchu people. It leaves far behind all foreign attempts in this field, and surely leads to new and important scientific discoveries,

[43] *Захаров И.И.* Полный маньчжурско-русский словарь (Complete Manchu-Russian dictionary). Санкт-Петербург, 1875.

[44] *Захаров И.И.* Грамматика маньчжурского языка (The Grammar of the Manchu language). Санкт-Петербург, 1879.

thus giving a great honour to the Russian science".[45] Indeed, till today the Manchu-Russian dictionary by I. Zakharov is the only printed dictionary in use for the translations from Manchu into Russian. It was obviously used by the later compilors of European dictionaries like E. Hauer[46] and J. Norman.[47]

The other important work by Ivan Zakharov, which is still being used by Russian scholars, is his "Grammar of the Manchu language". It is based on the main Manchu-Chinese manuals, contemporary European grammars and three Russian grammars compiled by his predecessors — grammar manuals by A. Vladykin, G. Rozov and A. Orlov. The first two were available in manuscript form, but the grammar by A. Orlov was printed in 1873.[48] Orlov specialized in Mongolian and described the Manchu language in terms of Mongolian grammar, that fact made it difficult for the use of ordinary Russian reader and made it useful for comparative Manchu-Mongolian studies. Zakharov was traditional in describing Manchu in terms of the Latin grammar. In his preface he explains his choice as follows: "I used the order and terminology of the old Latin grammar. But some terms of this grammar do not always coincide with the forms of the Manchu language, like the names of cases, etc. But comparative philology has not yet invented new terms which will be relevant to the needs of many, if not all languages. The old terminology fits to the Manchu language, so it is easier for the student to understand how the Manchu particle or suffix corresponds to Russian language. <…> I tried to give Russian translations as close to the original as possible, so that the students may get trained in analyzing Manchu

[45] Отчеты императорского Русского географического общества за 1877 г. (Reports of the Imperial Russian Geographic Society for 1877). Санкт-Петербург, 1878. Prilozhenie I, p. 40 and p. 15

[46] *Hauer E.* Handwörterbuch der Mandschusprache. Tokyo-Hamburg-Wiesbaden, 1952–1955. See also: *Hauer E.* Handwörterbuch der Mandschusprache 2, durchgesehene und erweiterte Auflage herausgegeben von Oliver Corff. Wiesbaden, 2007.

[47] *Norman J.* Concise Manchu-English Lexicon. Seattle-London, 1978

[48] *Орлов А.* Грамматика маньчжурского языка (The grammar of the Manchu language). Санкт-Петербург, 1873.

phrases and sentences. Only with this practice it will be possible that a seemingly difficult expression will turn out to be not difficult, but even very simple".[49]

Zakharov had been teaching the Manchu language for 16 years, till 1885. After his death on September 1885 the Oriental faculty of the Saint-Petersburg University asked its graduate *Alexei Ivanovsky* (1863–1903) to lecture there. Ivanovsky taught Manchu for 15 years, except 2 years of his trip to China when he collected a great number of the Manchu, Solon and Daghur materials.[50] Many of those texts were included into his "Manchu reader", published in 1893 and reprinted in 1895. Unlike Vasiliev's "Reader", the work by Ivanovsky included texts in Manchu, Chinese and transliteration. It has bigger variety of the texts, not only official documents, but classics, novels and private letters, probably previously offered to the students by his teacher Ivan Zakharov.

After the death of V. Vasiliev (in 1900) and A. Ivanovsky (in 1903) the academic teaching of the Manchu language at the Oriental faculty of the Saint-Petersburg University was stopped. After that the center of Manchu studies was transfered to the Far East — to Vladivostok, with which we consider the beginning of the third period of the Manchu studies.

The first and the second period of the development of Manchu studies in Russia are characterised by collecting Manchu materials, their translation and introduction of Chinese culture to the European world. The process in Russia was similar to that in Europe. V.P. Vasiliev wrote: "In Europe and here [in Russia. — *T.P*] because of its easiness the Manchu language is seen as a tool for the preliminary study of the Chinese language. It is for sure that a list of European sinologists would be rather short if they had not the Manchu texts with their translations sent by the missionaries to the Bibliothéque de Roi".[51]

Indeed, the first Manchu and Chinese books were brought to Saint-Petersburg by Lorenz Lang after his third trip to China in

[49] *Захаров И.И.* Грамматика… P. VIII.

[50] About Ivanovsky see: *Walravens H.* Aleksej Osipovič Ivanovskij. A little known Russian orientalist. A biographical sketch. Hamburg, 1982.

[51] История Небесной империи… P. 16

1727–1730. The origin of the Manchu and Chinese collection of the Library of Academy of Sciences is connected with the name of Illarion Rossokhin, who on his return to Russia in 1741 was affiliated to the Academy of Sciences and presented it several books. The rest of his collection was given by his widow in 1761. In 1747 there was a big fire in the building of Kunstkamera, where the Oriental collection was kept. Rossokhin made a list of survived books which *should not be bought* in China by the academic doctor Franz Yelachich. The list included 124 titles, 40 of which were in Manchu. Actually, this list was the first catalogue of Chinese and Manchu books of the Academy of Sciences in Russia. Those books and new ones brought by Yelachich to Saint-Petersburg were counted in a manuscript catalogue done by Leontiev in 1766.[52]

Julius Klaproth worked in the Imperial Academy of Sciences in the beginning of the 19th c. and in 1810 compiled its catalogue of Chinese and Manchu books under the title "Verzeichniss der Chinesischen und Mandschurischen Bücher und Handschriften in der Bibliothek der Kaiserlichen Academie der Wissenschften. Verfasst auf Befehl Sr. Excellenz des Hern Grafen Alexis von Rasumovski. 1810. Im August". This catalogue is kept in the National Library in Paris, but its copy made by S. Julien was presented to the Russian Academy of Sciences in 1841.[53]

The academic museum Kunstkamera was reorganized in the beginning of the 19th c. and the Asiatic museum was formed in 1818. The books from the Library of the Academy were given to the new Asiatic Museum, and the list of Chinese and Japanese books was made by

[52] Реестр китайским и маньчжурским книгам, находящимся в библиотеке Академии наук, собранным Коллегии иностранных дел секретарем Алексеем Леонтьевым (Register of Chinese and Manchu books kept in the Library of the Academy of Sciences, collected by Alexei Leontiev, secretary of the Ministry of Foreign Affairs) // Archives of the Orientalists, Fond 153, opis' 2, N9.

[53] This catalogue was published by H. Walravens: Katalog der chinesischen und manjurischen Bücher der Bibliothek der Academie ser Wissenschaften in St. Petersburg von Julius Klaproth. Zum ersten mal aus dem Manuscript herausgegeben von H. Walravens. Berlin, 1988.

Piotr Kamensky and Stepan Lipovtsov.[54] The Manchu-Chinese bilingual editions were also included there. All the titles were given in Russian transcription and were supplied with short annotations.

The most complete catalogue of the Far-Eastern collection was compiled by M. I. Brosset "Catalogue des livres et manuscrits Chinois, Mandchous, polyglottes, Japonais et Coréen, de la bibliothèque du Museé Asiatique, de l'Académie Impèriale des Sciences, rédigé par M. Brosset, 1840". But the first separate Manchu books catalogue was made only in 1847 by Dorji Banzarov, who had listed 126 Manchu titles.[55] For a very long time, till the middle of the 20th c. the Catalogue by Brosset was the only working catalogue of the Oriental collection of the Institute of Oriental Manuscripts.[56]

---

[54] Каталог китайским и Японским книгам, по поручению Господина Президента оной Академии, Сергия Семеновича Уварова, вновь сделанный Государственной Коллегии иностранных дел Переводчиками, Коллежскими Асессорами: Павлом Каменским и Степаном Липовцовым (The catalogue of Chinese and Japanese books, compiled by the order of Mister President of the Academy Sergei Semenovich Uvarov, once again done by the Collegiums assessors, translators of the State Collegiums of Foreign Affairs Pavel Kamensky and Stepan Lipovtsov). Санкт-Петербург, 1818.

[55] Каталог книгам и рукописям на маньчжурском языке, находящимся в Азиатском музее Академии наук, составленный Д. Банзаровым (Catalogue of books and manuscripts in the Manchu language kept in the Asiatic museum of the Academy of Sciences, compiled by D. Banzarov) // Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie des Sciences de Saint Pétersbourg. 5,4. 1848. P. 83–92.

[56] The whole collection of the Institute of Oriental manuscripts RAS is described in three catalogues, which were compiled gradually by Maia Volkova and Tatiana Pang: *Волкова М. П.* Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии и Африки АН СССР (Description of Manchu manuscripts kept in the Institute of the Peoples of Asia and Africa, USSR Academy of Sciences). Москва, 1965; *Волкова М. П.* Описание маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Вып. 1. (Description of Manchu blockprints kept in the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences. Issue 1). Москва, 1988; *Pang T. A.* Descriptive catalogue of Manchu manuscripts and blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Issue 2. Wiesbaden, 2001 (Aetas Manjurica, 9)

The other big Manchu collections in Saint-Petersburg are kept at the Oriental faculty of the Saint-Petersburg State University and the National library. They were also formed by the members of the Ecclesiastic mission in Peking during the 18th-19th cc.[57] It is sufficed to note, that the collections were based on similar materials like the main European collections, which were the same time sent to the European libraries by the Jesuit fathers.[58] That shows the great interest of ruling courts in ideology and culture of the Qing Empire. But the Russian manchurists of that time have translated into Russian almost all important Qing dynasty official regulations and ideological texts, which were later often translated into the European languages. Scholarly results of the missionaries were characterized by Maia Volkova in 1972 as follows: "the work on the first translations from Manchu into Russian, compilation of the first multi-lingual dictionaries and grammars for studying Manchu — all that was going along with the detailed working out of political, administrative and linguistic terms of that language. At that time, the scholars prepared all necessary sources for the future scholarly research".[59]

Thus, we may state that Western-Chinese cultural exchange was first started in Manchu, and switched to the Chinese language only in the beginning of the 19th c. During the first stage of the development of sinological studies they were inseparably linked with the Manchu

[57] *Яхонтов К.С.* Маньчжурские рукописи и ксилографы Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Систематический каталог (Manchu manuscripts and blockprints in the State public library named after M. Ye. Saltykov-Schedrin. Systematical catalogue). Ленинград, 1991; *Jachontov K.S.* Katalog mandjurischer Handschriften und Blockdrucke in den Sammlungen der Bibliothek der Orientalischen Fakultät der Sankt-Petersburger Universität. Übersetzt und hrsg von H. Walravens. Wiesbaden, 2001 (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen. Bd. 14).

[58] About French collections see: *Pang T.A.* A Catalogue of Manchu Materials in Paris. Wiesbaden, 1998. P. III–XVII.

[59] *Волкова М.П.* Маньчжуроведение (The Manchu studies) // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (Asiatic museum — Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences). Москва, 1972. С. 143.

studies, and even more — the Manchu studies played a leading role in introduction of Chinese materials to Europe through their translations from Manchu versions. In the first half of the 19th c. Russian studies of China turned to the Chinese originals under the influence of the famous Iakinf Bichurin, who is considered to be "the father of Russian sinology". The Manchu texts were neglected, and the Manchu studies slowly declined. The other reason for neglecting the Manchu studies at the end of the 19th — beginning of the 20th c. was a negative attitude of Chinese themselves to the Manchus and their culture. All this explains the reason why many Russian translations from the Manchu language done by the members of the Ecclesiastic mission in Peking remained kept in the Archives. Only now they are slowly opened to scholars, and become sources for Oriental studies themselves, especially for the studies of the colloquial Manchu and Chinese languages of the 18th–19th cc.

Т. А. Пан

Маньчжуроведение в России в XVIII–XIX вв.

Аннотация. В свой начальный период китаеведение в России было не только тесно связано с маньчжуроведением, но и развивалось благодаря переводам с маньчжурского языка китайских текстов. Научная деятельность востоковедов заключалась в распространении информации об империи Цин, поэтому первые периоды развития маньчжуроведения характеризуются большим количеством переводов с маньчжурского языка китайских исторических и идеологических текстов, а также преподаванием маньчжурского и китайского языков. Члены Духовной миссии в Пекине собрали большое количество маньчжурских рукописей и ксилографов, составивших основу уникальных восточных коллекций Санкт-Петербурга и других городов России. В XVIII–XIX вв. наиболее выдающимися маньчжуроведами были члены и студенты Миссии: И. Рассохин, С. Липовцов, П. Каменский, А. Леонтьев, Г. Розов, В. Горский, И. Войцеховский, В. Васильев, И. Захаров и другие, которые хорошо известны в истории востоковедения как китаисты. В настоящей статье рассматривается вклад этих ученых в развитие маньчжуроведения, их переводы с маньчжурского языка на русский, а также их преподавательская деятельность.

Ю. Г. Благодер
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет»

DOI: 10.48612/IVRRAN/9u88-r1n9-rd2x

Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)

Аннотация. В статье представлены фрагменты истории изучения Китая в Российской империи в XIX — начале XX вв. Автор называет первые образовательные учреждения и научно-просветительские организации, которые сыграли существенную роль в разработке методики преподавания китайского языка, распространении знаний об истории и культуре народов, проживавших на территории империи Цин. Обобщен практический опыт научной работы преподавателей, студентов, слушателей Восточного института в г. Владивосток, их деятельности по сбору и систематизации разнообразных характеристик жизни отдельных регионов Китая, повлиявшей на развитие российско-китайских социально-экономических отношений. Отмечен выдающийся вклад российских ученых в развитие китаеведения, пропаганду современных научных достижений отечественного востоковедения. Особое внимание уделено научной и просветительской деятельности Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, Н. В. Кюнера. Основное содержание исследования составляет анализ опубликованной в XIX — начале XX в. в России научной литературы (отечественной и переводной: с европейских языков), отечественных печатных периодических изданий, в которых содержалась информация о Китае. Выделены различные направления социально-политической мысли, представители которых давали диаметрально противоположные характеристики центральных проблем социального развития государств Востока и формировали в сознании общественности два принципиально различных образа Китая. Большое внимание уделено характеристике российской публицистики, в которой нашли отражение размышления представителей российской исторической науки, религиозно-философской

мысли о принципах развития западной и восточной цивилизации, месте России в мировом сообществе. Дана оценка факторам, влиявшим на формирование и трансформацию образа Китая в сознании российского дореволюционного общества.

В конце XIX — начале XX вв. китаеведение привлекает внимание не только специалистов узких научных направлений. Оно находит своих сторонников в сфере дворянской и разночинной интеллигенции и получает все большую поддержку общественных просветительских объединений (Императорское Русское географическое общество, Императорское Русское археологическое общество, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом, этнографическом отношении, Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, Императорское Русское общество востоковедов и др.), научных организаций (Императорская Академия наук) и образовательных учреждений (восточные отделения и курсы в университетах, специальные классы восточных языков в институтах, провинциальные школы переводчиков), а также Министерства иностранных дел.

Специфику развития государственности, политических традиций и учений России во многом определяло ее «срединное» положение между двумя основными цивилизациями: Западной («либеральной») и Восточной («традиционной»). Проблемы отношения государства к Европе и Азии занимали важное место в российской гуманитарной науке. Неудивительно, что поиск внутренних нравственных начал в цивилизационных основах Запада и Востока был характерен для общественной мысли конца XIX — начала XX вв. В работах представителей русской религиозно-философской мысли В. С. Соловьева, И. В. Киреевского, Л. П. Карсавина, П. А. Флоренского находим «размышления о множественности и несходстве культур, о Западе и Востоке, а также о вопросах общественной справедливости и внутреннего достоинства человека, которые, по-разному варьируясь в разных культурах, образуют, тем не менее,

основной духовный стержень всечеловеческой истории»[1]. В связи с этим проблематика отечественной публицистики становилась немаловажной предпосылкой для осмысления восточных цивилизаций. Через познание истории других стран, в том числе и Китая, определялись роль и место России в мировом сообществе. К обсуждению этих тем подключались и далекие от научного китаеведения представители историко-философского направления.

Поляризация мнений российских китаеведов внесла раскол в среду философов и общественных деятелей. В конце XIX в. появились различные направления политической мысли, представители которых давали диаметрально противоположные характеристики центральных проблем социального развития и формировали в сознании общественности два принципиально различных образа Китая. Одни ужасались отсталости политического и военного развития дальневосточного соседа, оценивая его достижения с позиции европоцентризма[2], другие восхищались величием империи, силой ее неординарных традиций и предвещали знаменательные перемены. Олицетворением первого, «имперского» подхода стал географ Н. М. Пржевальский, а иного — востоковед Э. Э. Ухтомский. Их противоположные по многим параметрам взгляды имели глубокие корни в отечественной культуре.

Не последнюю роль в формировании представлений о восточном образе жизни играли складывавшиеся не одно десятилетие, и потому уже ставшие привычными, эмоционально

---

[1] *Рашковский Е. Б.* Запад, Россия, Восток: востоковедные темы в трудах русских религиозных философов // Азия и Африка сегодня. 1990. № 9. С. 57.

[2] Подробнее см: *Венюков М. И.* Китайские военные учреждения в Тяньцзине // Русский инвалид. 1872. № 250; *Венюков М. И.* О вооруженных силах Японии и Китая // Военный сборник. 1876. № 5. С. 79–100; *Венюков М. И.* Китайский военный флот // Восточное обозрение. 1883. № 22. С. 1–15; К-ов. Китай, его силы и политика // Колосья. 1884. № 2; *Михайловский Н.* Китайские дела // Русское богатство. 1900. № 7; *Недзвицкий В.* Военное положение Китая // Военный сборник. 1900. № 8.

окрашенные предвзятые установки. «С китайством... у нас невольно связывается понятие о чем-то закоснелом и неподвижном. А между тем деятельная и подвижная жизнь, без сомнения, кипела и в этом народе в продолжении многих веков, прежде чем он достиг той степени развития, на которой окаменел»[3]. Утверждения, подобные этому, присутствовали во множестве литературных и учебных изданий, предназначенных разновозрастной читательской аудитории: «с этим убеждением мы вступаем в жизнь и в нем укрепляемся путем чтения книг, разговоров с людьми, нас окружающих», поэтому формулу «Китай — царство застоя» всякий принимает как неоспоримую»[4]. По мнению С.М. Георгиевского, слепое доверие к словам некоторых ученых, снискавших известность своими специальными трудами в области синологии, привело к закреплению негативной оценки принципов жизни страны. Большинство обывателей даже не стремятся понять, почему Китай считают царством «застоя».

Российской академической наукой не приветствовался односторонний подход некоторых западных коллег, трактующих самобытные традиции и ценностные установки других народов исключительно в патриархально-религиозном духе. Н.Я. Данилевский критиковал «европоцентризм» в анализе азиатских культур, наложивший печать «застоя» и «косности» на восприятие восточного образа жизни. Философ отмечал, что Китай многие столетия демонстрировал небывалые достижения в различных сферах жизнедеятельности: «технологические способы в легкой промышленности, окрашивание тканей, лаковые изделия, фарфор, секреты земледелия, ландшафтное садоводство, порох, книгопечатание, компас, писчая бумага, фармацевтика, в области духовной — космология, этика, фи-

[3] *Кольб Г.Ф.* История человеческой культуры с очерком форм государственного правления, политики, развития свободы и благосостояния народов / Под. ред. А.А. Рейнольда. Киев: Южно-русское издательство Ф.А. Иогансона. 1897. С. 73.

[4] *Георгиевский С.* Важность изучения Китая. СПб.: Тип. Скороходова, 1890. С. 1.

лософия. Многое из всего этого было перенято европейскими народами, и они успешно пользовались этими плодами китайской цивилизации». В культурном существовании народов присутствует преемственность, которая «придает истории более прогрессивный вид на Западе, чем на Востоке, а не какое-либо особенное свойство духа, которое давало бы западным народам монополию исторического движения»[5]. Следовательно, как прогресс, так и замедление темпа развития могут заявлять о себе в различных цивилизационных системах.

В первой половине XIX столетия отечественное востоковедение добилось значительных успехов, но политические и социальные преобразования в самой России вносили свои коррективы в деятельность ученых и педагогов. Консервативные изменения, затронувшие российское общество в конце XIX в., сказались и на развитии науки. Китаеведная система образования развивалась медленно. Несмотря на это, сотрудниками высших учебных заведений практиковалось чтение публичных лекций по истории китайской цивилизации и отдельным направлениям восточной культуры. Результаты исследований публиковались как отдельными изданиями, так и на страницах периодической печати. Последние были нацелены на широкий круг читателей и давали возможность удовлетворить любознательность, расширить область знания о Востоке и национальном характере его жителей.

Продолжал педагогическую китаеведную практику Санкт-Петербургский университет. Сдержанно оценивал подготовку китаеведов во второй половине XIX в. выпускник этого учебного заведения по китайско-маньчжурско-монгольскому отделению П. П. Шмидт. «Все языковеды-профессоры побывали в Азии и хорошо знали азиатские народы, — писал он, — но среди них не было ни одного настоящего языковеда, также как и этнографа»[6].

---

[5] *Фунтусов В. С.* Восточные интенции русской религиозно-философской мысли: в поисках чаемого единства. URL: www.sophos.wl.dvgu.ru / files/ library/ 22/5. Doc (дата обращения 18.10.2013).

[6] *Стабурова Е. Ю.* Китаеведение в «Моей биографии» П. П. Шмидта // Кюнеровские чтения (1998–2000 гг.): краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 203.

Критикуя наставников[7], исследователь отмечал, что главным недостатком учебного процесса было освоение языка без глубокого изучения культуры и бытового уклада его носителей. Все же, по мнению большинства китаеведов того времени, ярким исключением можно считать профессора В.П. Васильева, научные интересы которого были широки и многогранны. Знание китайского, маньчжурского, тибетского, монгольского языков позволило не только изучать первоисточники, но и во время путешествия по Китаю общаться с местными жителями. Он оставил значительный след в изучении распространенных в Китае религиозных форм, китайской и маньчжурской литературы, истории Срединной империи и ее взаимодействия с другими государствами[8]. В.П. Васильев был искренне обеспокоен скудостью

[7] Профессор В.П. Васильев «китайскому языку учил безо всякой системы и не давал хода ни одной статье про китайскую грамматику». Профессор китайского языка С.М. Георгиевский «учил абсолютно по своему разумению. Он был убежден в том, что все ему известные языки находятся во временном родстве», а Китай представляет собой идеальное государство (*Стабурова Е.Ю.* Китаеведение в «Моей биографии» П.П. Шмидта // Кюнеровские чтения (1998–2000 гг.): краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 204).

[8] Подробнее см: СПбФ АРАН. Ф. 775. Васильев В.П., академик, филолог, китаевед, буддолог. Оп. 1. Рукописи трудов, дневники, черновики писем В.П. Васильева, письма к нему. № 6. Этюды по буддийской догматике. Переписано А.О. Ивановским. Л. 1–449; № 7. Переводы с китайского и тибетского позднейших философско-догматических трактатов Бо-Лунь. Л. 1–204; № 32. О значении Востока и Китая в особенности. Вступительная лекция, читанная 1 декабря 1850 г. Л. 1–46; № 102. О сношениях России с Китаем. Л. 1–8; № 122. Взаимные посольства и переписка (XVI–XVIII вв.). Л. 1–33; № 150. Кульджа (из путевых заметок). Л. 1–2; № 176. Материалы по китаеведным работам. Л. 1–47; № 212. Пекинские дневники 1840–1850 гг. Пребывание в Пекине. Условия и ход его научной работы. Черновики писем к разным лицам. Л. 1–196; № 213. Различные записи о Китае (выписки из газет, краткие конспекты отдельных работ). Л. 1–28; № 217. Записки по разнообразным вопросам: «Общинное устройство, вопросы о Китае, о науке, преподавании». Заметки публицистического характера. Тетрадь. Л. 1–31.

представлений россиян о Китае, недоступностью для широких слоев населения информации, накопленной отечественными китаеведами. Различными средствами (преподавательской деятельностью в Санкт-Петербургском университете, публикациями монографий и статей, выступлениями на международных конгрессах и заседаниях российских научно-просветительских организаций, проведением благотворительных публичных лекций) он пытался донести до сознания общественности те знания о Китае, которые были получены в ходе многолетней упорной работы.

Профессор Московского университета, признанный специалист по всеобщей истории Т. Н. Грановский, изучая Китай, использовал достижения российских китаеведов Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, С. М. Георгиевского и труды западноевропейских философов. Не стоит забывать о том, что путешественники, посетившие Китай, в большей или меньшей степени впитывали красоту и своеобразие его мира и описывали увиденное, поддавшись эмоциям и личным переживаниям. Не имевшие счастливой возможности личного восприятия иной цивилизации историки опирались лишь на доводы рассудка, давая объяснение фактам и деталям, подмеченным другими. Недостаток информации зачастую приводил к произвольному толкованию китайских реалий. Разработанный Т. Н. Грановским курс всеобщей истории (первая глава посвящена Китаю) формировал представление о Китае как о государстве, изолированном, отстающем в социальном, политическом и экономическом развитии от ведущих европейских держав[9]. Профессор включил страноведческий и бытовой материал, выделил такие черты характера китайского народа как трудолюбие, любовь к родному очагу и преобладающее стремление к материальным целям, объясняя это природными условиями

[9] Постоянно говоря о застое в развитии монархического Китая, ученый приводит примеры последствий этого явления: «китайцы изобрели порох, книгопечатание, компас, бумагу, но это крайне слабо отразилось на жизни китайского народа, в то время как завезенные в Европу, они привели к значительному изменению хода истории» (*Грановский Т. Н.* Сочинения. СПб., 1900. С. 354).

проживания. Т.Н. Грановский использовал исторические сюжеты о формировании удельной раздробленности, последующем объединении земель, установлении в Китае единовластия для сравнения с подобными явлениями, имевшими место в Европе и России. Это опровергало распространенное в XVIII–XIX вв. мнение об отсутствии единства процессов развития всемирной истории. Историк пишет о владычестве ученых в Китае, местных религиозных и этических учениях, служащих прославлению справедливости, добродетели, доброго согласия между людьми и заботы о ближнем. В рамках научной и педагогической деятельности, занимаясь изучением Китая в рамках всеобщей истории, исследователь распространял сведения о нем и в определенной степени формировал мнение своих соотечественников в либеральном ключе. Исторический материал об императорском Китае прозрачно, но вполне различимо, указывал и на проблемы Российской империи, а критика, направленная на дальневосточного соседа, во многом предназначалась для России.

Как и было ранее, территориальная близость к Цинской империи провоцировала оживление научной деятельности, а удаленность — в определенной степени ослабляла творческий интерес. Подтверждение тому находим в сравнительной характеристике различных регионов. Активизация дальневосточной политики в конце XIX — начале XX вв. повлекла за собой позитивные перемены: «в 1899 г. был создан Восточный институт в г. Владивосток, где изучались география, история, основы права, товароведение, счетоводство, а также английский, французский, китайский и профильный (в зависимости от отделения японский, корейский, монгольский, маньчжурский) языки. В 1900 г. Восточный институт открыл вечерние курсы по предметам, входящим в состав основного преподавания. Целью было «сообщение систематических знаний по английскому и китайскому языкам, географии и этнографии Китая с общим обзором политического устройства и религиозного быта, политической экономии»[10]. Исследователи

[10] Справочная книжка по Восточному институту в г. Владивостоке на 1909 г. Владивосток, 1909. С. 17.

Владивостока серьезно подходили к изучению Китая. В библиотеке Восточного института в 1901 г. насчитывалось более 500 изданий на русском и европейских языках, среди которых можно найти исторические, географические, этнографические труды, атласы и карты. Это образовательное учреждение было в более выгодном положении, чем столичный университет и московский Лазаревский институт, так как рядом проживали носители китайского языка, истории и культуры. В Восточном институте в 1902–1903 гг. преподавал выдающийся востоковед, доктор исторических наук, профессор Н.В. Кюнер. Внимание ученого было сосредоточено на самых разнообразных аспектах жизни китайцев. Он являлся автором серьезных этнографических, культурологических и исторических исследований Китая, составителем описаний бытового уклада различных народов, проживающих на территории Цинской империи[11], этических, эстетических и религиозных основ их духовной культуры[12], очерков истории местной политической и образовательной системы[13]. Позже материалы прочитанных им лекций по экономической географии Китая, а также другие труды вышли отдельными изданиями[14].

Журнал «Известия Восточного института» знакомил читателя с основами китайского языка и образцами маньчжурской

---

[11] Архив МАЭ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. «Китайцы». Статья. Л. 1–153; Д. 26. О народностях Китая. [1904–1927]. Л. 1–4.

[12] Архив МАЭ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. О конфуцианстве в Китае в историческом развитии [1901–1933]. Л. 1–96; Д. 23. «Краткая история китайского искусства». [1909–1934]. Л. 1–42; Д. 25. «Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке». С текста 1910 г. Лекции. Л. 1–206; Д. 57. О сектантстве и религиозных преследованиях в Китае. [1904–1927]. Л. 1–13.

[13] Архив МАЭ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 79. О политической истории Китая. [1916–1921]. Л. 1–26; Д. 17. Об истории китайского образования [1901–1924]. Л. 1–24; Д. 81. Об истории народного образования в Китае. [1917–1921]. Л. 1–38.

[14] *Кюнер Н.В.* Экономическая география Китая. Лекции, читанные в Восточном институте в 1902–1903 гг. Владивосток, 1903.

литературы[15]. Наряду с незатейливыми по содержанию познавательными статьями, рассчитанными на широкую читательскую аудиторию, в этом периодическом издании можно встретить и серьезные аналитические материалы. К ним следует отнести серию научных работ, делающих попытку осмыслить обстоятельства, побудившие тысячи китайцев принять путь радикальных изменений, как единственно возможный для искоренения в кратчайший промежуток времени злоупотреблений и преобразования всех структур административной системы.

Благодаря содержащемуся в каждом выпуске «Известий Восточного института» разделу «Современная летопись Дальнего Востока», российский читатель мог следить за текущими событиями, ходом военных действий, предпринимаемых цинским правительством против армий иностранных держав, деятельностью христианских миссионеров, чиновников и членов императорской семьи. Здесь освещались наиболее яркие и значимые события, происходившие в отдельных провинциях Китая, а также сопредельных государствах (Японии, Монголии). Не только познавательную, но и научную ценность данному журналу придавали опубликованные в нем тексты договоров (дипломатических и коммерческих) между правительствами Цинской империи, европейскими державами и Россией, а также комментарии к статьям китайского уголовного права.

Издательская коллегия давала возможность начинающим молодым исследователям вынести на суд общественности свои изыскания. К примеру, слушатель второго курса Восточного института В. Надаров представил материалы по изучению географического положения, климата, истории порта Ханькоу,

[15] *Шмидт П.П.* Начальные чтения по китайскому языку // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1, 1902. Т. 3. Вып. 2, 1902. Т. 3. Вып. 3; *Позднеев А.* Монголо-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1; *Позднеев А.* Опыт собрания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1; 1902. Т. 3. Вып. 2; 1902. Т. 3. Вып. 3; 1902. Т. 3. Вып. 4; 1902. Т. 3. Вып. 5; 1903. Т. 4; 1903; Т. 5; 1903. Т. 7; 1903. Т. 9.

расположенного в центре пересечения важных торговых путей на востоке Центрального Китая. Студент А. Церерин опубликовал результаты своей поездки по Хуланьчэнскому округу, отразив не только личные впечатления, но и наблюдения европейских миссионеров. Его очерк наполнен фактами, свидетельствующими о том, что в новое столетие Китай вступил с грузом неразрешенных проблем, в той или иной степени затронувших жизнь всех его провинций. Хуланьчэнский округ тяжело переживал последствия экономической нестабильности: монополизация фирмами хлебной торговли провоцировала рост цен и голод, мирные жители подвергались тяжелому налоговому гнету и нападениям многочисленных групп хунхузов. Многие крестьяне выживали лишь за счет средств от продажи опиума. Автор знакомил читателя и с переводами китайской литературы, рассказывающей о славной истории заселения и развития этих земель, контрастирующей с мрачными картинами современности.

Студент К. Дмитриев, в отличие от многих своих сокурсников, описывал красоты китайских пещер и храмов, рассказывал легенды о древних городах, развалины которых скрывали многовековые тайны. Тем не менее, в его отчете Китай представал не загадочным восточным миром, а серьезным экономическим партнером, торговые отношения с которым могли бы принести немало выгод. Азиатские купцы желали развернуть широкий торг, выставив на продажу как хорошо известные россиянам зерновые и бобовые культуры, так и редкие товары: индиго, шелк, табак, женьшень, бумагу из бамбука, местные фрукты, морскую соль и т.д. Представленные в отчете тарифы таможни на предметы ввоза и вывоза за 1900–1902 гг. были не только показателем экономического развития китайского региона, но и подсказкой сметливому российскому купечеству.

Студент П. Сивяков знакомил российского читателя с Шаньдунской провинцией и портовым городом Чифу, где царила строгая иерархия административных структур управления. Мужское население отличалось высоким уровнем грамотности, особенно выделялись представители местной интеллигенции: чиновники, ученые, мандарины. Несмотря на успешно развивавшиеся сель-

ское хозяйство и промышленность, многие жители по-прежнему занимались традиционными ремеслами. В стремительно растущих городах наиболее востребован был труд столяров, кузнецов, каменщиков, портных и ювелиров. Плотность населения здесь невероятно высока. На многолюдных улицах Чифу помимо спешащих по служебным делам или за покупками горожан можно было встретить купцов и разносчиков товаров, лоцманов и солдат, художников и артистов, а также просящих подаяние нищих. Удобное расположение китайских прибрежных поселений привлекало иноземцев. В гавани рядом со множеством китайских джонок и лодок находили место иностранные пароходы. Район оказывался в эпицентре всех важных событий, происходивших в империи. Это происходило благодаря системе шлюзов императорского канала (главной государственной водной артерии), а также еще большему усилению европейской торговлей деловой активности в коренных жителях. Если студент П. Сивяков видел в характере последних услужливость и трудолюбие, хитрость и лукавство, коварство и злопамятность, то слушатель курсов Восточного института штабс-капитан К. Теренин-Рыбников упрекал местных чиновников в корыстолюбии и подчеркивал в характере торговцев честность, добросовестность и предупредительность. В глазах начинающих российских исследователей архитектурная красота и утонченное внутреннее убранство культовых сооружений, их многочисленность не являлись подтверждением того, что духовная составляющая играла большую роль в жизни общества. Оба автора выразили единодушие в оценке прагматичности мировоззрения китайцев и маньчжур.

Любопытное бытописание Цицикарской провинции (провинция Хэйлунцзян в северо-восточной части Китая, часть территории Маньчжурии) представляет собой очерк слушателя П. В. Шкуркина. За три месяца, проведенных в Хуланчэне, исследователь неоднократно слышал рассказы о происхождении правящей династии Цин и ее связи с северными землями империи. Несмотря на ухудшение экономического положения, рабства здесь нет, а среди населения много людей среднего достатка, занимающихся заселением и обработкой пустынных

земель, ремесленным производством и торговлей. Маньчжуры до такой степени слились с китайцами, что с первого взгляда их ничем нельзя отличить, но «стоит подольше прожить среди них, — отмечает автор, — приглядеться к их обстановке, быту, как разница между двумя народностями выступает довольно рельефно»[16]. Маньчжурский язык во многих поселениях почти забыт, а сами маньчжуры, в отличие от китайцев, малограмотны. Отношения между народами не отличаются дружелюбием. В ряде случаев поводом к конфронтации выступало поведение маньчжур, которые, пользуясь привилегиями, притесняли китайцев. Впрочем, большую часть населения объединяли социально-экономические проблемы и ненависть к правительству. Быт двух народов северных земель Цинской империи был одинаково прост, и лишь небольшие причудливые садики отличали китайские дома от маньчжурских. В религиозных представлениях царил синкретизм: даосские, буддийские, конфуцианские кумирни мирно соседствовали друг с другом. Отношение к русским было настолько доброжелательным, что в разговорах обывателей нередко можно было услышать пожелания вступить в российское подданство.

«Иной» Китай увидел на рудниках в Цзя-пи-гоу (так в тексте. — *Ю.Б.*) П. Тишенко. Он описал тяжелую жизнь золотоискателей, среди которых было много грубого и озлобленного «бродячего беспокойного люда»[17]. Здесь укрывались беглые преступники, сюда в поисках заработка стекались отчаявшиеся крестьяне, потерявшие по какой-либо причине дом и семью. Никогда ранее на страницах периодической печати образ Китая не наполнялся столь отталкивающими чертами примеров проявления жестокосердия и злобы.

Итак, отчетные работы студентов и слушателей Восточного института явились уникальными научными источниками информации о Китае, оказавшей серьезное влияние на формирование

---

[16] *Шкуркин П.В.* Хулань-чэн // Известия Восточного института. 1902. Т. 3. Вып. 4. С. 28.

[17] *Тишенко П.* Поездка в Цзя-пи-гоу // Известия Восточного института. 1903. Т. 6. С. 1–36.

представлений россиян об этой стране. Исследования были нацелены на сбор и систематизацию разнообразных характеристик жизни отдельных регионов Цинской империи. В результате, сформировалась богатая коллекция обзоров, выполняющих не только информационную функцию, но и имеющая прикладной характер в развитии российско-китайских социально-экономических отношений.

«Известия Восточного института» с успехом удовлетворяли вкусы любознательного читателя с помощью эссе культурологического характера. Член американского миссионерского общества в Китае А. Смит на страницах этого издания пытался раскрыть секрет волшебной притягательности китайской культуры и своеобразного китайского характера. Автор рисовал образ местных жителей, особо отмечая среди их качеств чувство собственного достоинства, желание и необходимость в любой ситуации «сохранять лицо», простоту и скромность в расходах. Не раскрывая объективных причин, влияющих на поведение китайцев, исследователь приводил примеры проявления различных качеств, к примеру, бережливости, в их характерах. По его наблюдениям, внимание торговцев было всегда сосредоточено на самых ничтожных предметах: «любой старьевщик мог указать точное число спичек в каждой коробке всех сортов»[18]. Ни один клочок бумаги из старых китайских счетных книг не пропадал даром: ими оклеивали окна, из них изготавливали фонари. Труды А. Смита, наполненные язвительными замечаниями в адрес местных жителей, не были исключительными. Приверженцы западной культуры часто акцентировали внимание на неординарных сторонах жизни Китая, не замечая при этом, что их собственные умозаключения порой бывали весьма причудливы. Так, видя, насколько в китайцах велика страсть к театру, американский миссионер высказал нелепое предположение, что китаец «думает театральными терминами». Как бы то ни было, публикации миссионера были весьма популярны в Европе.

[18] *Смит А.* Характеристики Китая // Известия Восточного института. Владивосток. 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 34–40.

О том, какое влияние оказали консерватизм китайской политической элиты, восстание ихэтуаней, вооруженные столкновения китайских войск с корпусом западных держав на образ жизни китайцев, можно судить как по статьям, специально освещающим политику государства, так и по очеркам, по содержанию далеким от указанной тематики. Этнограф А. Рудаков, описывая командировку профессора П. Шмидта и Н. Кюнера со студентами в Маньчжурию для ознакомления с библиотечным собранием, отмечал запустение и удручающее состояние самого дорогого сокровища китайской нации — книги. Более тридцати тысяч уникальных экземпляров[19], «заботливо сокрыты вековой пылью, заволакивающей все своим однообразным серым покровом. Некоторые ящики рассохлись, книги вывалились и явились приютом сороконожек и скорпионов»[20]. Памятники старины невозвратно гибнут, дворцы превращаются в развалины[21], но «фаланги чиновников продолжают существовать и до сего дня, обирая народ и казну»[22]. Под этим «позорным бременем, а также вследствие интриг правительства Сына Неба, — делает вывод автор, — стонет целый Китай, раздираемый в потоках крови европейскими армиями»[23]. Это объясняет желание китайцев «изгнать все иностранные товары из Китая и возвратить империю в ее первоначальное состояние замкнутости и самобытности»[24].

---

[19] *Рудаков А.* Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке // Известия Восточного института. 1901. Т. 3. Вып. 1.

[20] *Рудаков А.* Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. Владивосток. 1901. Т. 3. Вып. 1. С. 18.

[21] Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 37. «Охрана памятников старины в Китае». Статья. Л. 1–20.

[22] *Рудаков А.* Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. Владивосток. 1901. Т. 3. Вып. 1. С. 20.

[23] *Рудаков А.* Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. Владивосток. 1901. Т. 3. Вып. 1. С. 21.

[24] Ассоциация кулаков // Известия Восточного института. 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 17–27.

Глубокое китаеведное образование в специализированных учреждениях в масштабах страны получали единицы, для более широких кругов российской общества были доступны общие сведения о Китае в рамках программы учебных заведений, которые, впрочем, ощущали сильное влияние государственной идеологической системы. Автор активно тиражируемого исследования о принципах развития всеобщей истории Г. Ф. Кольб считал, что наука в Китае не дает ничего нового и ограничивается изучением и истолкованием старины, а «изобретения, вызванные потребностью в высшей культуре, остались в том виде, как они были сделаны»[25]. В череду представленных им завлекательных подробностей попадали и субъективные характеристики, отражающие реальность или не в полной мере, или же в искаженном виде. К примеру, отмечалось, что «для китайца идеалы и планы будущего, как бы они ни были чудесны, не существуют». Жизнь китайского общества малопривлекательна: «рабство тяготит все слои населения, …поэзия изгнана, многоженство. Лишенный высоких, благородных стремлений народ демонстрирует высокомерную уверенность в том, что он составляет средоточие Вселенной, центральную нацию земли»[26].

Европоцентристский подход к характеристике исторических событий в Китае наиболее рельефно выделялся в работе Э. Лависса и А. Рамбо «Всеобщая история»[27]. Уникальная культура династии Мин получила освещение лишь в контексте изучения деятельности европейцев в Китае. Не оставлены без внимания успехи португальцев (в частности, завладение ими Макао), распространение влияния голландских предпринимателей,

[25] *Кольб Г. Ф.* История человеческой культуры с очерком форм государственного правления, политики, развития свободы и благосостояния народов. Киев, 1897. С. 73.

[26] *Кольб Г. Ф.* История человеческой культуры с очерком форм государственного правления, политики, развития свободы и благосостояния народов. Киев, 1897. С. 73.

[27] *Лависс Э.* Всеобщая история / Э. Лависс, А. Рамбо. Т. 5. М.: Типография В. Рихтера, 1899. 880 с.

английских и французских христианских миссионеров. Авторы подчеркивали, что становление этой династии «сопровождалось уничтожением христианских миссий, разорением европейских поселений. Китай снова стал придерживаться своих старых традиций: отдалил себя от остального мира такой преградой, которую разрушить могли только войны нашего столетия»[28]. Традиционные религиозные устои оценены неоднозначно. Вызывающие уважение у местного населения конфуцианское, даосское и буддийское учения европейцы упрекали в излишней зависимости от суеверий и предрассудков. В основе принципов общественного устройства в первую очередь выделялась сыновняя преданность. Нравственные основы и личностное самосовершенствование являлись единственно возможным путем карьерного роста, так как лишь «трудом, искусством и терпением можно достигнуть высших должностей»[29]. Познание иноземных культур требовало длительного и тесного общения, поэтому не вызывает удивление попытка многих авторов проследить истоки и основные вехи российско-китайских отношений: в учебных пособиях упоминались имена Ф. Байкова, С. Аблина, И. Идеса, а также воспроизводились тексты первых договоров.

Во втором томе «История человечества: Всемирная история»[30], вышедшем в свет в 1904 г., один из разделов посвящен Китаю. Начиная рассказ об этом государстве с кратких характеристик географических параметров, авторы-составители, делая ссылку на труды по геологии и физической географии Срединной империи известного немецкого исследователя Ф. Рихтгофена, заостряют внимание на вопросе о происхождении китайского народа. Текст наполнен историческими фрагментами и характеристиками

---

[28] *Лависс Э.* Всеобщая история / Э. Лависс, А. Рамбо. Т. 5. М.: Типография В. Рихтера, 1899. С. 814.

[29] *Лависс Э.* Всеобщая история / Э. Лависс, А. Рамбо. Т. 5. М.: Типография В. Рихтера, 1899. С. 819.

[30] История человечества: Всемирная история. Т. 2. Восточная Азия и Океания / Под ред. дра Г. Гельмольта. СПб.: Книгоиздат. Тво «Просвещение», 1904. 618 с.

культурной традиции древних китайцев, легендами и жизнеописаниями великих философов (к примеру, Конфуция, Лао-цзы и других). Изучая данную работу, читатель мог представить путь постепенного становления Китайской империи: исторические данные преподнесены здесь в системе династической хронологии. Здесь получает освещение не только специфика разнообразных религиозных направлений, но и степень влияния каждого из них на культуру общества. Особо выделяются строки, повествующие об истории распространения христианства (несторианское, римско-католической вероисповедание): периоды активизации миссионерской деятельности, последующего упадка и нового «возрождения». В текст включены личностные характеристики не только легендарных людей прошлого, но и, что наиболее важно, влиятельных современников[31]. Благодаря этому информация воспринимается более свободно и позволяет в сознании читателей сформировать образ не только легендарного древнего, но и неокрашенного мифическим вымыслом современного Китая. Полнота и достоверность представленных картин китайской жизни с успехом достигалась введением картографического и иллюстративного материала[32].

Несмотря на увиденные в тексте недостатки и преувеличения, Г.Е. Грумм-Гржимайло рекомендовал приобрести библиотекам средних учебных заведений книги Э. Гессе-Вартега[33]. По мнению российского путешественника-географа, его труд «Китай и китайцы» позволит создать яркую картину жизни азиатского государства.

---

[31] Например, министра иностранных дел, а в будущем и регента И Синя; посланника, выполнявшего дипломатические миссии в европейских странах, Хун Хоу; посланника при российском, английском и французском дворах Ю Юна; генерал-губернатора, а позже великого канцлера империи Ли Хунчжана.

[32] Авторы включили в свою работу хромолитографии с изображением известных лиц китайской истории, выполненные по оригинальным китайским картинам на шелковой бумаге, с пояснительными листами.

[33] Китай и китайцы // Мир Божий. 1901. № 5. С. 112–114.

На полках книжных магазинов можно было увидеть не только сочинения российских востоковедов (В. П. Васильева, С. М. Георгиевского и др.), изданных несколькими десятилетиями ранее, но и новые поступления[34]. Наряду с литературой, пропагандирующей мощь Западного мира, можно встретить труды сугубо научного характера. К примеру, не подвержены идеологическому влиянию работы Н. В. Кюнера по картографии Дальнего Востока[35] и очерк о Китае, включенный В. Сиверсом в сборник «Всемирная география. Азия»[36]. Последний наполнен беспристрастными характеристиками как географических, биологических параметров, так и социально-экономических условий быта китайцев. Перелистывая страницы издания, читатели могли почерпнуть много интересного из жизни местных народов. Для обывателя могли оказаться небезынтересными этнографические описания (элементы костюма, интерьер домов, обряды). Специалисты не оставляли без внимания «Хозяйственную карту Китая» в приложении указанного выше издания, позволяющую увидеть особенности экономического развития отдельных районов и внутригосударственные торговые связи.

Историческое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете занималось не только исследованием научных вопросов русской и всеобщей истории, разработкой принципов исторической науки, но и популяризацией резуль-

---

[34] К примеру: *Васильев В. П.* Буддизм и его принципы. СПб., 1891; *Георгиевский С. М.* Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб., 1892; *Коростовец И.* Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898; *Глаголев С. С.* Религии Китая. М., 1901; *Мюллер М.* Религии Китая. СПб., 1901; *Котляр Д. И.* Срединное царство. СПб., 1903; *Столповская А.* Выдающиеся стороны национальной жизни и национального характера китайцев. М., 1903; *Щербатский Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. СПб., 1903–1909.

[35] Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Картография Дальнего Востока. «К истории географической карты Китая» [1899–1915]. Л. 1–12.

[36] *Сиверс В.* Всемирная география. Азия / Под ред. А. Н. Краснов. СПб.: типография акционерного общества «Самообразование», 1896. 452 с.

татов своей теоретической работы. С этой целью для научных сообщений устраивались публичные собрания. В «Историческом обозрении», издаваемом членами общества, писали о России и Европе, Восток же представлен не был. Впрочем, единственная статья Н.И. Веселовского о научном творчестве С.М. Георгиевского весьма любопытна. Автор призывал читателя обратить внимание на непростой путь развития отечественного китаеведения. Пропагандой необходимости глубокого изучения Китая, выделением явлений, обусловливающих многовековую жизнеспособность его устоев, ознакомлением публики с религиозными верованиями, философскими системами и строем жизни китайцев были отмечены все труды выдающегося ученого. И.И. Толстой, Н.М. Пржевальский и другие упрекали С.М. Георгиевского в излишнем увлечении Китаем, отмечая, что «книжная мораль и отражение ее в жизни не одно и то же»[37]. Не умаляя заслуг своих соотечественников и западных коллег, которые, несмотря на свою тенденциозность, много сделали для изучения Поднебесной, китаевед горячо отстаивал свою позицию на страницах «Вестника Европы», «Нового времени»[38] и иных изданий.

Подводя итог, следует отметить, что краткий обзор содержания вышедших в свет в Российской империи отдельных печатных изданий XIX — начала XX в., содержащих информацию о Китае, не передает масштаба научной и публицистической деятельности ученых, общественных деятелей, педагогов, литераторов, но позволяет выявить тенденции в подборе и изложении фактов, оценке исторических событий. Между тем, издававшиеся в России журналы и книги, которые использовались, в том числе и в образовательных учреждениях, внесли существенный вклад в распространение знаний о Китае и формирование в сознании соотечественников образа этого государства.

---

[37] *Веселовский Н.И. С.М. Георгиевский* // Историческое обозрение. Т. 7.

[38] «Вестник Европы» (август 1887, декабрь 1888), «Новое время» (14 октября, № 4176, 1887; 19 октября, № 4176, 1887).

Yu. G. Blagoder

The Role of Russian Printed Publications in the Dissemination of Knowledge about China (the 19th — early 20th Centuries)

Summary. The article presents fragments of the history of the study of China in the Russian Empire in the 19th — early 20th cc. The author names the first educational institutions and scientific and educational organizations that played a significant role in the development of methods for teaching the Chinese language, disseminating knowledge about the history and culture of the peoples living in the Qing Empire. The article summarizes practical experience of the scientific work of teachers, students from the Oriental Institute in Vladivostok, their activities in collecting and systematizing various characteristics of life in China regions, which influenced the development of Russian-Chinese socio-economic relations. The outstanding contribution of Russian scholars to the development of sinology, promotion of modern scientific achievements of Russian Oriental studies is noted. Particular attention is paid to the scientific and educational activities of N. Ya. Bichurin, V.P. Vasiliev, S.M. Georgievskij, N.V. Kiuner. Much attention is paid to the analysis of the Russian scientific literature (domestic and translated: from European languages) published in the 19th — early 20th cc., domestic printed periodicals, which contained information about China. Various trends of socio-political thought are highlighted: their representatives gave diametrically opposite characteristics to the central problems of social development in Oriental countries, and that formed two fundamentally different images of China in the public consciousness. Much attention is paid to the characteristics of Russian journalism, which reflected the ideas of Russian historical science, religious and philosophical thought about the principles of development of Western and Eastern civilization, the place of Russia in the world community. An assessment is given to the factors that influenced the formation and transformation of the image of China in the consciousness of Russian pre-revolutionary society.

И. В. Кульганек
Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/fkzn-akv8-3f58

Три труда О. М. Ковалевского по монгольской филологии

Аннотация. В статье говорится о трех главных трудах по монгольской филологии выдающегося российского и польского востоковеда-монголоведа, историка, антиковеда, одного из основоположников научного монголоведения в России и Европе, ординарного профессора монгольской словесности Императорского Казанского университета, декана и ректора Казанского университета, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, члена Парижского Королевского Азиатского общества, Московского Императорского общества истории и русских древностей, кавалера орденов Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 2-й степени Осипа Михайловича Ковалевского. Его «Краткая грамматика монгольского книжного языка» (1835), «Монгольская хрестоматия» (1836–1837), «Монгольско-русско-французский словарь» (1844–1849) подняли монголоведение на новую ступень развития, ввели ее в круг мировой ориенталистики, стали основополагающими для будущих поколений исследователей. Эти первые учебные пособия по монгольскому языку и литературе, написанные на русском языке, явились продолжением большой подготовительной работы, проделанной российскими знатоками монгольского языка на местах — в Бурятии и Иркутске.

О. М. Ковалевский является автором первых учебных пособий по монгольскому языку и литературе, написанных на русском языке с учётом достижений европейской лингвистики и литературоведения.

Его «Краткая грамматика монгольского книжного языка» (Казань, 1835), «Монгольская хрестоматия» (Казань. Т. 1. 1836; Т. 2. 1837), «Монгольско-русско-французский словарь» (Казань. Т. 1–3. 1844–1849) подняли монголоведение на новую ступень

развития, ввели эту науку в круг мировой ориенталистики, стали для неё основополагающими. Теоретический уровень этих трудов определяется общефилологической и исторической подготовкой О.М. Ковалевского, его глубоким знанием монгольского языка и литературы. Известно, что, приступая к изучению монгольского языка, Ковалевский знал латинский, греческий, французский, немецкий, татарский, персидский языки, античную философию, историю тюркских народов[1].

Почти пять лет, проведённые в Бурятии, Монголии, Китае, дали блестящие результаты: Ковалевский вернулся из командировки знатоком монгольского языка, литературы, истории монгольских народов. Учеба была сопряжена с существенными объективными сложностями, в частности, с отсутствием учебников и пособий. Первым учителем Ковалевского в Бурятии был А.В. Игумнов[2], прекрасный знаток разговорного и книжного монгольского языка. Однако знания А.В. Игумнова были эмпирическими, отсутствовал научный подход, он не мог дать объяснения процессам, происходившем в языке, и законам самого языка. А.В. Игумнов был представителем того исторического периода, когда изучение монгольского языка диктовалось прежде всего практическими целями: он был нужен для пограничных сношений и для упрочнения позиции России в присоединенных краях Сибири. А.В. Игумнов был одним из исполнителей первого распоряжения русского правительства об обучении русских людей восточным языкам — Указа Петра I от 18.06.1700 г., по которому надлежало отправить в Китай «добрых и ученых не престарелых

---

[1] *Шамов Г.Ф.* Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. С. 8, 17, 21.

[2] Об А.В. Игумнове см.: Выдающиеся бурятские деятели XVIII — начала XX в. / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов. Вып. 1. Улан-Удэ, 1994. С. 12; *Полянская О.Н.* Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). Улан-Удэ, 2001. С. 10–28, 33–34; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Игумнов А.В. // Российские монголоведы (XVIII — начала XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 5–9; *Пучковский А.С.* Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) // Очерки истории русского востоковедения. М., 1960. Сб. 3. С. 166–195.

иноков двух или трех человек, которые бы смогли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научитись»[3]. Они должны были употребить свои знания для содействия политическим и торговым интересам России, заняться изучением религии китайцев и монголов, распространением среди них православия.

А.В. Игумнов открыл в Иркутске школу монгольского языка, которая, к сожалению, просуществовала, недолго. В 1822 г. был открыт класс монгольского языка в Иркутской Духовной семинарии. В памяти народа остались имена первых бурятских учителей. Это Федор Санжихаев из Народного училища в Иркутске и позже — в Троицкосавске; Донжин Доржиев, титулярный советник; Якоб Болдонов; Николай Алексеев; Федор Хуриханов[4]. Предпринимались попытки создания учебных пособий. Известно, что Н.С. Болдонов, сын Якоба Болдонова, создал русско-бурятский словарь из 6000 слов. В середине XVIII в. был написан бурятский словарь на кириллице[5].

О.М. Ковалевский с этими работами был знаком, других работ он, очевидно, не знал. Именно это дало ему основание написать, что «грамматик же до XVIII в. вообще не существовало… О грамматике никто не думал; ибо краткие замечания о монгольском правописании не заменят стройной науки, которая номадам показалась бы излишним предметом роскоши, не соответствующей местной нужде»[6].

О.М. Ковалевский использовал в своей «Грамматике» Азбуку Игумнова, состоящую из двенадцати глав. Несомненную помощь оказали ему английские миссионеры Юилль, Сталлибрасс и Сван, находившиеся в Селенгинске с 1819 г. по направлению английского Библейского общества с целью перевода Ветхого Завета на

---

[3] Цит. по: *В. Бартольд.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в Университете и в Ленинградском Институте живых восточных языков. Л., 1925. С. 196–197.

[4] Выдающиеся бурятские деятели XVIII — начала XX в. … С. 18–25.

[5] Там же. С. 26.

[6] *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь: В 3 т. Казань, 1844–1849. Т. I. С. IV.

бурятский язык[7]. Использовал О.М. Ковалевский и пособия по монгольскому языку, которые он приобрел в Монголии в 1828 г.

Ученый работал над «Грамматикой» на протяжении всего своего пребывания в Бурятии, Монголии, Китае, т.е. почти пять лет. Учебник появился в 1825 г. и вплоть до выхода в свет «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А.А. Бобровникова[8] оставался основным пособием по изучению монгольского языка. «Грамматика» О.М. Ковалевского указала путь к изучению монгольского языка, исторической фонетики, исторической морфологии, исследованию взаимовлияния монгольского, тюркского, персидского, арабского языков.

Объем «Грамматики» — 202 страницы. Она имеет Вступление, которое содержит 29 параграфов. В нем даются отдельные фонетические особенности произношения монгольских слов, которые объясняются посредством аналогии с произношением русских слов, дается написание монгольских букв. Понятия выражаются описательно или «подходящими», «обиходными» словами, например, редукция определяется понятием «произносится сжато»; падежный аффикс — «частицы падежей»; заднеязычные звуки — «гортанные звуки»; дифтонги — «двугласные буквы»; сравнительная степень прилагательных — «увеличительная форма», «уменьшительная форма»; усилительные числительные — «частицы для усиления значения». В «Грамматике» есть элементы сравнительного языкознания: дается различие южномонгольского и северомонгольского произношения звуков, которые на письме изображаются одними и теми же знаками (северные народы произносят эти звуки как «ц», «дз», южные — как «ч», «дж»). В Учебнике имеются упражнения в чтении, представляющие собой связные словосочетания или краткие предложения из оригинальных монгольских рукописей Улигерун ном, Чингисова яса). Грамматика построена по принци-

[7] О встречах О.М. Ковалевского с английскими миссионерами см.: *Шамов Г.Ф.* Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. С. 39.

[8] *Бобровников А.А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

пу европейских грамматик. Автор выделяет шесть падежей, три склонения, нередко указывает на параллели, существующие между монгольским и турецким языками. Особые главы посвящены глаголу, имени прилагательному, причастию, деепричастию, находит в монгольском языке небольшое количество союзов. Вторая часть посвящена синтаксису — «словосочинению», по терминологии О.М. Ковалевского. Овладев материалом «Грамматики» можно читать исторические, буддийские, фольклорные, деловые тексты. Все эти тексты были собраны в «Монгольской хрестоматии», также ставшей одним из важнейших пособий по изучению монгольского языка, литературы, культуры монгольских народов.

Появление «Монгольской хрестоматии» стало большим событием в монголоведении. Материалы к ней он также собирал на протяжении всего периода учебы и путешествия по Забайкалью и Бурятии.

В ней впервые был собран интереснейший материал по истории, культуре, политике, философии монгольского народа, выводящий учащегося на более высокий уровень знаний. «Хрестоматия не только оказывала помощь при изучении монгольского языка, но по своему значению далеко выходила за рамки обычных учебных пособий. Это был первый объемный труд (рукопись состояла из четырех томов), в котором материал был собран по четкой методике. Работа получила, как и «Грамматика», высочайшую оценку специалистов. «Грамматика» и «Монгольская хрестоматия» О.М. Ковалевского становятся известными всему миру: ими интересуются французские ориенталисты Е. Бюрнуф, С. Жульен, немецкий ученый А. Гумбольт. Король Пруссии вручает Ковалевскому медаль за его «Монгольскую хрестоматию».[9]

О чувстве глубокой ответственности, с которой Ковалевский подходил к своей работе, и о благодарности за ее высокую оценку можно судить по его письму попечителю М.Н. Мусину-Пушкину от 8 сентября 1835 г., когда «Хрестоматия» уже была готова к изданию.[10]

---

[9] *Улымжиев Д.Б.* Ковалевский О.М. // Российские монголоведы. С. 37.

[10] АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 4.

Ковалевский подходил к составлению «Хрестоматии» как высокопрофессиональный преподаватель, справедливо полагая, что необходимым залогом успеха и пользы пособия является постепенность, последовательность и регулярность занятий, и понимая, что большое значение имеет интерес к усваиваемому материалу: чтение должно увлекать, вызывать ассоциации, пробуждать у студентов стремление к новым исследовательским поискам. Он понимал также, что только чтение разножанровых произведений поможет овладеть различными стилями языка.

Нам известны два тома «Хрестоматии». В предисловии к первому тому Ковалевский дает краткий курс в историю и литературу монгольского народа, характеризует нынешнее состояние жизни. Он пишет: «К числу азиатских языков, занимающих любознательного европейца, присоединился недавно язык народа, который некогда, разлившись бурным потоком, затопил было все три части света и уже грозил всеобщим разрушением, а ныне, пребывая на рубежах двух великих держав как бы сторожевой охраной, спокойно под сению их продолжает свое номадное существование»[11].

Он полагал, что «самая большая часть монгольской литературы заключается в переводах с иностранных языков и преимущественно с тибетского, который также сначала питался единственно переводами с санскритского, а потом уже обогатился и собственными произведениями»[12].

Говоря о влиянии буддизма на все сферы жизни монгольского народа и о том, что большинство просветителей и распространителей буддизма происходили из царственных династий, он пишет: «Все делается при благословении и преподносится как вдохновение свыше… все сочинения их носят на себе отпечаток религии. Во всех этих произведениях, проникнутых религиозным началом, сокрыта для объяснения история образования азиатских народов, драгоценные материалы, могущие служить дополнением тех сведений, какие нам переданы китайскими

[11] Монгольская хрестоматия. С. III.

[12] Там же. С. V.

и другими летописцами. Буддизм есть их душа и мощная жизнь, бьющаяся ровно по всем жилам»[13].

В предисловии Ковалевский касается истории сохранения литературного наследия. Он отмечает, что монгольский язык не только не растворился в тибетском и санскритском, но, вобрав в себя все лучшее из других языков, развился далее и «поныне употребляется лучшими авторами», и сейчас «этот язык обыкновенно называется языком священных книг (номун хэлэ)»[14]. Большую положительную роль в создании собственного литературного языка он отводит буддистским ламам.

Говоря о влиянии маньчжурского двора на монгольский язык, автор пишет об изменениях, происшедших в монгольском языке. В него стали проникать усеченные формы слов, свойственных просторечию, а также обороты и выражения, составленные по образцу маньчжурских.

Высказывает ученый свое мнение также о ксилографическом методе печатания книг, считая, что этот способ ввиду трудоемкости процесса и больших затрат времени на изготовление матриц «весьма препятствует скорому распространению новых сочинений[15]. В композиции учебного пособия проявился педагогический талант ученого и преподавателя, блестяще владевшего методикой подачи материала студентам. Первые четыре повести «Хрестоматии» взяты из сборника «Улигерун далай» — наиболее распространенного памятника монгольской литературы Средневековья. Незадолго до выхода «Хрестоматии» повести появились в «Ученых записках Казанского университета». Ковалевский дает характеристику сборника, определяет его место в монгольской литературе (указывает, например, что сборник входит в каноническое сочинение «Ганджур», состоящее из 108 томов), говорит о составе и объеме сборника. Иногда его примечания содержат второй ряд примечаний, которые можно назвать «примечаниями к примечаниям». К ним относится, например, характеристика

[13] Там же. С. V.

[14] Там же. С. VII.

[15] Там же. С. IX.

«Ганджура», где автор перечисляет его разделы, дает краткую историю его перевода с тибетского языка на монгольский. Каждая повесть снабжена кратким изложением ее содержания.

Во второй том включены главным образом отрывки из сочинений буддийского содержания (это тексты по истории распространения буддизма в Тибете, Монголии, Китае, легенды о жизни Будды и бодхисатв, о прежних перерождениях Будды, фрагменты из философских трудов, иконографические сочинения). Второй том также имеет пространные примечания. Наибольшее по объему примечание касается личности Будды, оно занимает несколько страниц: имеется биографическая справка о жизни Будды, приводятся легенды, дается список литературы.

Таким образом, Ковалевский в «Монгольской хрестоматии» в полной мере реализовал свое искреннее желание помочь желающим изучить культуру монгольского народа и язык, который считал средством к приобретению полезных знаний.

Издание Трехтомного «Монгольско-русско-французского словаря», вышедшего в Казани в 1844–1849 гг., «составленного ординарным профессором монгольской словесности в Императорском Казанском университете, членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, членом общества Королевского Азиатского в Париже, Императорского истории и древностей русских в Москве, Королевства северных антикваров в Копенгагене и пр. и орденов Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 2-й степени кавалером Осипом Ковалевским»[16] стало большим событием в научной жизни отечественных ориенталистов. Вплоть до настоящего времени он является «непревзойденным как по качеству выполнения, так и по количеству охваченного материала»[17]. Это сочинение ученого было удостоено Демидовской премии.[18]

---

[16] *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1. Казань 1844; Т. II. Казань, 1846; Т. III. Казань, 1849.

[17] *Санжеев Г.Д.* Изучение монгольского языка и литературы // Труды Московского института востоковедения. Сб. 5. М., 1947. С. 297.

[18] *Улымжиев Д.Б.* Ковалевский О.М. // Российские монголоведы. С. 38.

О.М. Ковалевский понимал, что первым условием создания хорошего «лексикона» для любого языка является «полнота и точность», что достижение такого совершенства требует многих специальных словарей по науке, искусству и образу жизни народа и продолжительных и добросовестных усилий не одного лица. Будучи прекрасно филологически образованным, он был знаком со многими европейскими словарями, знал, например, что латинские словари как словари языка, который считался мертвым, не изменялись, не прирастали новыми словами, выражениями. Перед О.М. Ковалевским стояла задача более трудная, чем перед учеными-латинистами: во-первых, монгольский язык был язык живой, на нем говорили многочисленные монгольские племена, во-вторых, до сих пор не существовало ни одного подобного словаря, в который входили бы лексика разговорного языка и слова и выражения из средневековой монгольской литературы.

Мысль о необходимости составления словаря возникла у О.М. Ковалевского в первый год его пребывания в Бурятии, когда он, попав в Иркутск начал заниматься монгольским языком с А.В. Игумновым. Тот составлял монгольско-русский словарь, но, не зная основ лексикографии, разработанных к тому времени мировой наукой, делал это по своей схеме — выстраивал слова не по алфавиту, а по темам. Пользоваться этим словарем было неудобно. Он был обнаружен биографом и исследователем творчества О.М. Ковалевского Г.Ф. Шамовым в Центральном государственном архиве Республики Татарстан.[19] Учитель отдал О.М. Ковалевскому свои наработки, и они пригодились ученику при составлении трехтомника, облегчив тяжелый труд, который добровольно возложил на себя О.М. Ковалевский на ближайшие 15 лет. Для получения новых материалов он использовал любые возможности. Он писал: «Под окоптелыми юртами забайкальских инородцев, в безбрежной Гоби и в шумной столице горделивого богдохана, тщательно вникал я в живой язык монгольских племен, подслушивал у них пословицы, сказки, песни, легенды, храня-

[19] ЦГА РТ, ф. 977, д. 5059, л. 29. Цит. по: *Шамов Г.Ф.* профессор О.М. Ковалевский. С. 32.

щиеся в народной памяти. При чтении различного содержания книг извлекал слова и выражения для моего словника. Руководствовался по мере надобности изданными уже словарями и несколькими остающимися еще в рукописи»[20]. Кроме неизданного рукописного словаря Игумнова, он использовал словарь Василия Новоселова; словарь начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Петра Каменского; «Французско-китайско-маньчжурский словарь». В каждом из них он находил необходимые данные для своей работы.

Ковалевский проделал громадную научную работу, приведя в большом количестве случаев параллели монгольских слов в маньчжурском, китайском, тибетском, тюркских языках и на санскрите. Это давало материал для сравнительного изучения языков, что явилось первым шагом в сравнительной монголоведной лингвистике. Предпочтение отдано по понятным причинам тибетскому языку: на протяжении многих столетий он являлся для монгольской культуры тем, чем был для европейца латинский. Почти для каждого слова указано сочинение, явившееся источником. Слова и их формы точно соответствовали тем, что были зафиксированы в источниках. Иногда они отличались от тех слов и форм, какие были внесены в известные словари, однако О.М. Ковалевский решил сохранить их, а не менять на известные, так как считал, что любая форма отражает явление на данном этапе его развития. Однако самыми богатыми источниками для него служили монгольские и тибетские рукописи: словари, летописи, своды законов, бурятские исторические хроники, сборники монгольского фольклора.

Но, даже используя такой обширный материал, Ковалевский понимал, что нельзя было рассчитывать на абсолютную полноту своего словаря. Многое осталось вне поля зрения, некоторые памятники остались недоступны, кроме того, он совершенно справедливо полагал, что язык — живое явление, постоянно пополняющееся новыми словами, формами, фразеологизмами, терминами.

[20] *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско… С. IV.

«Монгольско-русско-французский словарь» остается вплоть до настоящего времени наиболее полным и совершенным сводом монгольских слов и выражений, он используется современными специалистами при чтении средневековой монгольской литературы, изучении монгольского языка, истории, культуры, философии монгольских народов.

Все учебные пособия О.М. Ковалевского являются высокопрофессиональными трудами. Они сыграли важную роль на начальном этапе развития монголоведения в России. До настоящего времени они служат ученым-востоковедам в качестве авторитетных справочников и пособий, вызывают доверие и уважение за высокий уровень исполнения и полноту представленного материала.

Не оказались напрасными те почти пять лет, которые провел Осип Ковалевский в Забайкалье, Монголии, Китае. Справедливы слова о нем Б. Дашибалова: «Бурятия стала для него новой родиной. Здесь он сложился как ученый монголовед. Обривши голову, в монгольском халате, питаясь кирпичным чаем с бараньим салом и молоком, а в богатых юртах и куском жирной баранины, ночуя в задымленных юртах, а в холода обвязывая шею дареными хадаками, Ковалевский непрерывно работал. Изучал язык, собирал предания, переписывал рукописи, ездил на обряды и буддийские праздники и везде добывал что-то полезное для изучения культуры монголов и бурят». Уже позже из Казани Ковалевский вел переписку со своими бурятскими друзьями. И буряты в своих письмах называли его «цветком лотоса с сердцем, украшенном мудростью и ученостью»[21].

Irina V. Kulganek
Three Works by O.M. Kovalevsky on Mongolian Philology

Summary. The article is devoted to three main works on Mongolian philology by an outstanding Russian and Polish orientalist, a Mongolian scholar, historian, and antiquarian, one of the founders of scientific Mon-

[21] Газ. Аргументы и факты в Бурятии. 2001. № 5. С. 9.

golian studies in Russia and Europe, an ordinary professor of Mongolian literature at the Imperial Kazan University, dean and rector of Kazan University, corresponding member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, Recipient of the Orders of St. Anna, 3rd degree, St. Stanislav, 2nd Degree, Osip Mikhailovich Kovalevsky. His «Brief Grammar of the Mongolian written language» (1835), «Mongolian Anthology» (1836–1837), «Mongolian-Russian-French Dictionary» (1844–1849) raised Mongolian studies to a new stage of development, introduced it into the circle of world Oriental studies, and became fundamental for future generations of researchers. These first textbooks on the Mongolian language and literature, written in Russian, were a continuation of the extensive preparatory work done by Russian experts on the Mongolian language from Buryatia and Irkutsk.

В. Л. Успенский
Санкт-Петербургский государственный университет

DOI: 10.48612/IVRRAN/ddzu-gdkk-155r

О. М. Ковалевский о католичестве в Китае

Аннотация. Статья представляет собой публикацию письма О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину, которое посвящено истории и современному состоянию католичества в Китае. Сам Ковалевский был католиком, и во время своего пребывания в Пекине в 1830–1831 гг. много занимался изучением истории католической миссии в Китае. Он также общался с последним католическим епископом португальцем Гаэтано Пиресом Перейрой. Все материалы Ковалевского сохранились только в его дневниковых записях. Письмо Мусину-Пушкину, фактически, является небольшой статьей, посвященной католичеству в Китае.

Во время своего пребывания в Пекине с ноября 1830 по июль 1831 г. О. М. Ковалевский много времени уделил изучению истории католичества в Китае. Этот интерес был не только научный, но и личный: ведь он сам был католиком и активным членом католической общины Казани[1]. Эти годы были временем тяжелых гонений на католиков в Китае. В Пекине под покровительством Российской Православной Миссии проживал католический епископ Гаэтано Пирес Перейра (Gaetano Pirès Pereira; 1763–1838), с которым Ковалевский неоднократно встречался и беседовал. Ковалевский собрал и вывез в Россию богатые материалы, относящиеся к истории католической миссии в Китае: как книги, так и рукописи. По некоторым сведениям, он написал книгу «История католичества в Китае», рукопись которой погибла в 1864 г. во время пожара в его доме при подавлении польского восстания.

Тем не менее, сохранившиеся дневники Ковалевского содержат немало материалов: выписки из книг и документов, записи

[1] Татарстан: Иллюстрированная Энциклопедия. Гл. ред. А. М. Мазгаров. Казань: ГУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ», 2013. С. 388.

бесед с епископом Перейрой, описание иезуитских кладбищ. Часть из них была опубликована в оригинале и английском переводе[2].

Письмо Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину (1795–1862), которое датировано 30 апреля 1832 г., является единственным полным и «связным» текстом, посвященным истории и современному состоянию католичества в Китае. Это не оригинал, а копия письма, которая была отправлена в Казань, переписанная самим Ковалевским в его «Дневник занятий» с несколькими заметками «для себя»[3].

В публикации по возможности сохраняются особенности орфографии оригинала, хотя пунктуация приближена к современной[4].

Текст письма О.М. Ковалевского М.Н. Мусину-Пушкину

[1] 30 апреля за № 148.

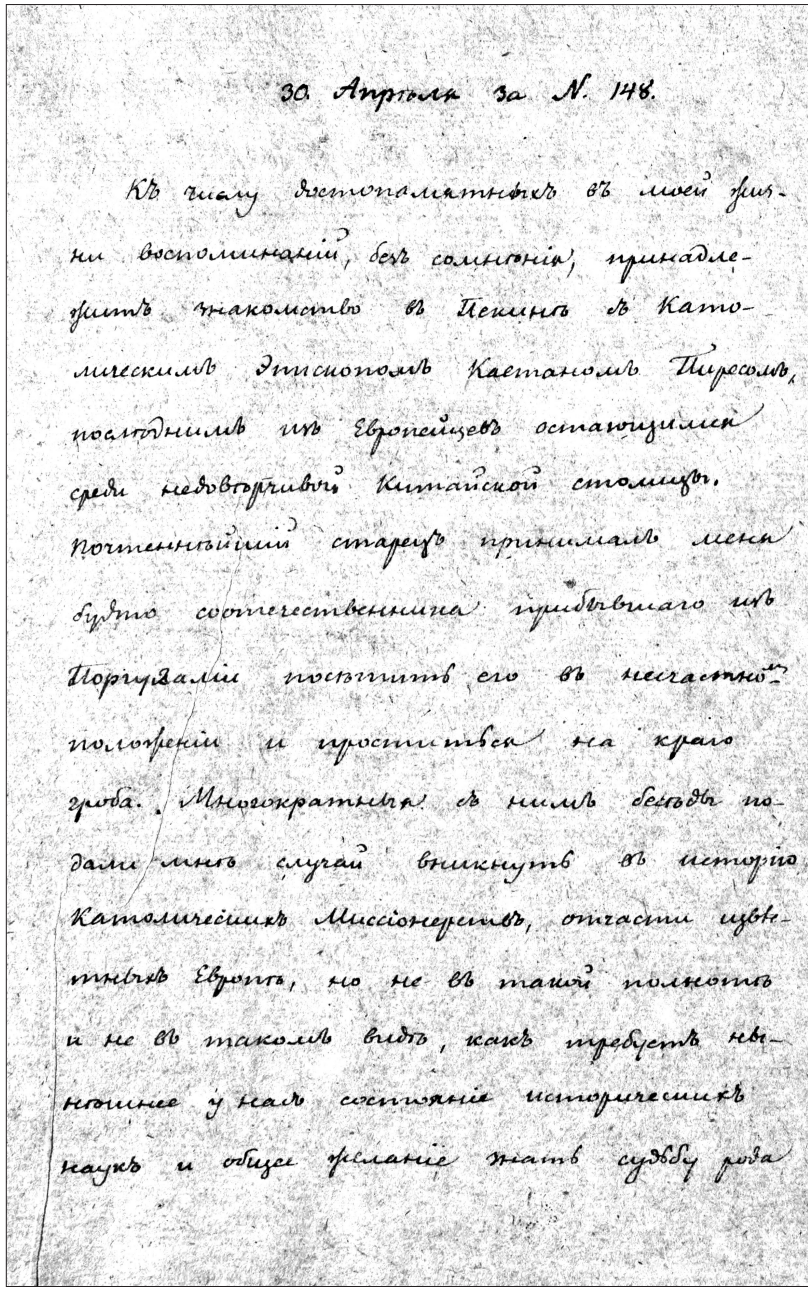
К числу достопамятных в моей жизни воспоминаний, без сомнения, принадлежит знакомство в Пекине с католическим епископом Каетаном Пиресом, последним из европейцев, остающимся среди недоверчивой китайской столицы. Почтеннейший старец принимал меня будто соотечественника, прибывшего

---

[2] *Uspensky, Vladimir.* Józef Kowalewski's Studies on the History of Catholicism in China // Rocznik orientalistyczny 2019. Vol. 72, fasc. 2. P. 134–151; *Валеев Р.М., Жуков В.Ю., Кульганек И.В., Мартынов Д.Е., Полянская О.Н.* Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов). СПб.; Казань: Петербургское Востоковедение, 2020. С. 305–306, 308, 310, 314

[3] *Ковалевский О.М.* Дневник занятий в 1832 году. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 5, инв. номер 843. Копия письма Мусину-Пушкину находится на с. 354–378 согласно собственной пагинации Ковалевского, или на лл. 145–157 согласно архивной пагинации.

[4] Кроме того, необходимо учитывать, что родным языком Ковалевского был польский. Поэтому полонизмы и даже слова и фразы на польском постоянно встречаются в его бумагах, в т.ч. в этом письме Мусину-Пушкину. Например, он пишет «олтарь» (пол. ołtarz) вместо «алтарь». Не всегда написания единообразны, например: «эпископ» и «епископ».



30 Апреля за № 148.

Къ числу достопамятныхъ въ моей жизни воспоминаній, безъ сомнѣнія, принадлежитъ знакомство въ Пекинѣ съ Католическимъ Епископомъ Кастаномъ Пирсомъ, послѣднимъ изъ Европейцевъ остающимися среди недоброжелательной Китайской столицы. Почтенный старецъ принималъ меня будто соотечественника прибывшаго изъ Парижа желая поскорѣе его въ несчастномъ положеніи и проститься на краю гроба. Многократныя съ нимъ бесѣды подали мнѣ случай вникнуть въ исторію Католическихъ Миссіонеровъ, отчасти извѣстныхъ Европѣ, но не въ такой полнотѣ и не въ такомъ видѣ, какъ требуетъ нынѣшнее у насъ состояніе историческихъ наукъ и общее желаніе знать судьбу рода

из Португалии посетить его в несчастном положении и проститься на краю гроба. Многократные с ним беседы подали мне случай вникнуть в историю католических миссионеров, отчасти известных Европе, но не в такой полноте и не в таком виде, как требует нынешнее у нас состояние исторических наук и общее желание знать судьбу рода [2] человеческого со всеми подробностями. А как дела миссий занимали не только католиков и Пекинский двор, но главу Римской церкви и всех богословов европейских; были причиною издания противуречащих булл папских и различных мнений в народе, издания многих книг и распространения духа партий в католическом христианстве: то нынешнему историку предстоит труд собирать современные документы и книги, со светильником строжайшей критики рассматривать все обстоятельства, начало оных, течение и последствия, и вооружившись совершенным беспристрастием и хладнокровием изложить в стройной целости сей подвиг христианского благочестия на юге Азии, связанной со спором Езуитов [3] и Доминиканцев, раскрывший пред лицом Европы много сведений о Китае и возбудивший общее внимание и любопытство. Я могу похвастать, что по особенному расположению Его Преосвященства имел случай рассмотреть значительную часть Библиотеки французских миссионеров, живших в Пекине, находящуюся на кладбище Джэн-фу-сы[5], в нескольких верстах от столицы, и остатки Библиотеки португальцев, хранящейся при храме Тянь-джу-тан[6] или просто Нан-тан[7], где и епископ имеет пребывание. Сделано много, очень много любопытных выписок для истории миссионерств, а Пирес снабдил меня книгами и рукописями необходимыми для сего предмета занятий.

[4] Неудивительно, что житель отдаленнейшей части Азии с благоговением преклонил колена пред скромным, некорыстолюбивым другом человечества, знатоком изящных искусств и полезных наук, представившим плоды изобретательности ума

[5] Чжэнфу-сы (Zhengfu si 正福寺).

[6] Тяньчжу-тан (Tianzhu tang 天主堂).

[7] Нань-тан (Nan tang 南堂).

течением многих столетий образованного, научающим взвешивать воздух, определять степень теплоты и холода, предсказывать затмения солнца и луны на тысячи лет, возвращающим здоровье великому императору посредством коры, вывезенной из другого мира. Такими были Езуиты, которые сперва в костюме китайского духовенства, а потом по причине испытанного презрения в платье ученых под различными предлогами с неимоверным трудом [5] и опасностию пробирались с юга до чертогов китайского царя. Первая цель их состояла в том, чтобы по своей учености сделаться необходимыми для Пекинского двора, между тем занять важнейшие места в империи и, приобрев сильное влияние, употребить оное в пользу христианства. Вначале успели вырвать из рук мусульман астрономическую коллегию; не заботились о чистоте обрядов проповедываемой веры, допускали местные обыкновения; богатели силою и деньгами; но встретили врагов в лице прибывших Доминиканцев, которые сперва из частных выгод, а потом из честолюбия восставали против их. [*Примечание на полях*: * см. ниже] По происшествии блеска изо всех частей [6] света выгоняют Езуитов: не есть ли это доказательство их гордости, возмутившей умы других, возбуявших соревнование соперников? Кань-си[8] упрекал письменно Езуитов, что они столь ревностно занимаются миром, для которого уже более не существуют. Наслаждайтесь настоящим! — увещевал их. Многие Езуиты достигли звания чиновников, которому завидовали китайцы, а еще более другие из Европы прибывшие веропроповедники. Монахи добились первых почестей в империи: Папа посылал епископов в Китай, разделив оный на епархии, без ведома императора. Миссионеры, приехавшие проповедовать [7] слово истины, разделились на противные партии, упрекающие себя в самой непростительной лжи. В 1724 г. в правление Юнь-джен[9] изгнаны проповедники. Что бы вы сказали, говорил император, если б я отправил полчища хэшанов и лам в ваше отечество проповедовать свою веру?.. Дурная вера, если она под

[8] Канси (Kangxi 康熙; годы правления 1662–1722).

[9] Юнчжэн (Yongzheng 康熙; годы правления 1722–1735).

предлогом научать добродетели, подстрекает раздоры и бунты. (Напр., революция в Японии 1638 г., где погибло до 30/т народа)[10]. Вы желаете, чтобы все китайцы приняли христианство: это мне известно: тогда что мы будем значить? подданные вашим царям как остров Манилия. Отец мой чрез вас потерял [8] пред учеными, слишком вам доверяя. Вы обманули моего отца, не надейтесь подобным образом успеть и со мною» — после сих слов император отправил миссионеров, снабдив их серебром, провиантом и защитниками. Оставил только 2-х или 3-х математиков при дворе, как людей, не занимающимися богословскими прениями.

Не буду утруждать В[аше] П[ревосходительство] воспоминаниями о гонении на католиков в 1805 г. Для описания сего происшествия везу очень богатые материалы в рукописях. Тогда были перехвачены письма миссионеров и карта подробная Китая, отправленные в Европу. Тогда-то прибыл в Пекин Эпископ Пирес. Около того же времени прибыл в Кантон миссионер Сальветти,[11] но в следующий день был [9] узнан и решением произведенного над ним суда посажен в тюрьму, откуда по истечении положенного времени отправлен в Макао с тем, чтоб возвратился навсегда в Европу. Но Сальветти при удобном случае на корабле переселился в Фу-дзянь, а оттуда в Шень-си, не примеченный китайцами. Назначенный Епископом, приезжал в 1816 г. в Пекин, где и получил освящение от Пиреса и опять возвратился в Шень-си распространять христианство. Это одно малейшее доказательство неустрашимости веропроповедников и слабости китайской полиции! [10]

Нельзя равнодушно воспоминать горячность первоначальных в Китае христианских проповедников, которые большею частию посвящали себя на всегдашние услуги китайцам, отрекшись от родины и всех почестей в своем отечестве, искали услаждения и наград среди иностранцев [Сочинения их о вере поражали слогом, силою красноречия, ученостию, глубоким и многообразным

[10] Имеется в виду крестьянское восстание в Симабаре (島原) в 1637–1638 гг. Большинство повстанцев были христианами.

[11] Джоакино Сальветти (Gioacchino Salvetti; 1769–1843).

знанием местных мнений, склонностей и духа народного. Самые резкие выражения против господствующей религии побеждали душу китайца и снискивали многочисленные толпы приверженцев. Из одного донесения, представленного О. Проспером Инторцеттой Езуитом[12] Папе видно, что с 1581–1650 г. явилось 150/т крещеных в Китае, с 1650–1664 прибыло еще 104,980, к коим присоединив 1900 крещеных Езуитами на острове Гайнань[13] в с 1650–1664, 3400 крещеных Доминиканцами с 1650–1664; наконец 3500 крещеных Францисканцами с 1633–1660, составит всех христиан в Китае 263,780 католиков]. После начальных недоумений, подкрепляемых потом упрямством и гордостию, затруднения в переписке с главою Церкви, отдаленность места и нерешительность начальства были источником дальнейших раздоров между католическими, разных орденов и из разных государств вызванными миссионерами. Богословские их прения заняли и Европу на долгое время. Вкравшиеся злоупотребления не могли быть искоренены [11] никакою властью. Папские буллы и визитаторы[14] потеряли уважение в отдаленной стране. Езуиты, окружавшие Кансия, искали в нем защиты против Доминиканцев и Папы. Глас китайского императора не в состоянии был примирить расторженные сердца европейцев, утишить велеречивых богословов; покровительствовал он Езуитов, коих считал надежным орудием к простиранию своей славы и могущества; противился мнениям Доминиканцев и Пап. [*Вставка на полях*: Здесь не показано еще число обращенных Доминиканцами с 1631–1650. В продолжение того же времени Езуиты напечатали на кит[айском] языке о богословских предметах 131 сочинение, о физике и нравственности 55, математических 100. Доминиканцы издали о вере 3 книги, а Францисканцы одно сочинение в 3-х томах!]

[12] Проспер Инторцетта (Prospero Intorcetta; 1625–1696) — католический миссионер, находился в Китае с 1659 г. до своей кончины.

[13] Хайнань 海南.

[14] Визитатор — духовное лицо, уполномоченное на проведения надзора над церковными учреждениями.

В эпохе величия проповедников посеяны были семена внутренних раздоров, от коих и миссионеры пострадали, и взволнованные умы не могли [12] утишиться. Небольшая туча на китайском горизонте в правление Кань-си произвела сильные громы под его наследниками, потрясшие до основания храм Божий, веру и христиан. После торжественных восклицаний водворилась убийственная тишина!

Почти наверно утверждать можно, что если были здесь запретительные указы, то они имели основанием незаконные действия миссионеров, возбуждавшие подозрения у здешнего правительства. Чиновники же, коим поручено было тщательно исследовать христ[ианскую] веру и ее почитателей, не имели в виду истинного желания истребить христианство в Китае, но более будучи подстрекаемы ненасытным корыстолюбием, [13] напрягали все свои силы, чтобы захватить католиков в уголовную палату (Син-бу),[15] строгими пытками вынуть деньги. Той же системою руководствуются они и поныне: сперва просят у Епископов взаймы денег, а в случае отказа начинают гнать католиков. Во время перемирия полиция сквозь пальцы смотрит на толпы католиков, собирающихся явно в храмы, на священников, разъезжающих за духовными требами, на катихизаторов, состязающихся с неверными о чистоте и истине христианизма.

Оставшиеся же немногие миссионеры, слишком надеясь на богатства, накопленные предшественниками, выкупали дорогими подарками сотоварищей своих [14] от мучений и верных последователей из несчастного заточения. Между тем несогласия не умолкали, честолюбие выходило из пределов. Одни чрезмерно доверяли крещеным китайцам и старались сравнять их с европейскими проповедниками; другие, напротив, желали деспотически оными управлять и требовали беспрекословного повиновения. От таких неудовольствий уехал из Пекина Ламиот[16],

[15] Министерство уголовных дел (xingbu 刑部).

[16] Ламиот (Louis Lamiot; 1767–1831) прибыл в Китай в 1794 г. и был изгнан в 1819 г.

потом Серра[17], который за себя и своих товарищей занимался должностию астронома в коллегии. [*Вставка на полях*: Serra was a Missionary of the College of San Jose de Macao, and the assistant in the Imperial Observatory, who resided in Peking from 1804 till 1827. Wypiski z jego dziennika w Trans[actions] of the Roy[al] Asiati[ic] Society of the Great Britain and Ireland III p. 131–138.[18]] Людей ученых оставалось очень мало, так что уже не было человека искусного, могущего занять место убылого астронома. Вычисления на много лет, сделанные прежними миссионерами, показались достаточными некоторым [15] маньчжурам, чтобы без помощи европейцев издавать календарь и объявления о солнечных и лунных затмениях. Серра миссионер в неудовольствии хотел привести в замешательство гордых врагов своих, и всеподданейшим докладом просил у Государя о дозволении удалиться в Европу для принесения помощи от почтительного сына престарелой родительнице, обещая чрез несколько времени с новыми учениками возвратиться в Пекин для продолжения службы в Астрономической коллегии. Ошибся в своих расчетах! Враги испросили Высочайшее повеление, дозволяющее ему уехать в Европу с тем, чтобы никогда не возвращаться. Узнав о сем, другой миссионер [16] португальский Рибейра с досады и огорчения скоропостижно умер* [Примечание на полях: * 1826. в октяб.], оставляя одного уже только Эпископа Пиреса. Немедленно сделан доклад, чтобы и сего последнего вместе с Серра выслать в Европу. Но он успел получить дозволение, под предлогом опасной болезни, жить в Пекине до совершенного выздоровления. Серра уехал. Пирес приготовил для себя гроб, вырыл могилу и поставил на кладбище могильный камень с надписью своего имени, оставив место для означения дня своей кончины. Запрещены ему выезды; но

[17] Серра (Verissimo Monteiro da Serra; ум. 1852) был пекинским епископом в 1818–1826 гг.

[18] «Серра был миссионером в Семинарии Сан Хосе в Макао и сотрудником Императорской обсерватории, жил в Пекине с 1804 по 1827 гг. Выписки из его дневника [опубликованы] в «Трудах Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, III, с. 131–138». Имеется в виду статья Серра «Notices of China».

он выезжает секретно на загородные кладбища. Никогда он не является в главном храме и совершает божественную службу в домашней церкви. Был слух, что ему китайские [17] чиновники за значительную сумму обещали исходатайствовать указ, дозволяющий миссионерам европейским по-прежнему пребывать в Пекине. В продажном царстве и это возможно!

Без сомнения, с выездом или кончиною Эпископа будет разрушен южный храм, (как сделано с франц[узским], итал[ьянским] и другим португальским храмами) единственное в Пекине здание по великолепию архитектуры и живописи; рассеются священники из крещеных китайцев поставленные, и столичные католики упадут духом и ослабят усердие в вере. Одна только перемена в правлении или удаление президента астрономической коллегии, Дзин чена, по словам Эпископа, может сохранить в целости Церковь и католиков.

Здесь гонение начинается от малозначащих причин. Напр[имер,] в 1826 г. в апреле [18] один цирюльник христианин завел драку с язычником того же сословия и откусил ему палец. Язычник же, проломив голову христианину в отмщение, донес полиции, что его противник есть христианин. Первый из них со своими учениками был схвачен, при допросе не отрекся от веры, за что и принужден к вечной ссылке; ученики же его под пытками сделались доносчиками на христиан. Гонение кончилось получением денег с Эпископа и богатых католиков[19].

В наше пребывание в Пекине 1831 г. около Пасхи один бездельник китаец, именующийся христианином, неоднократно ходил вокруг южного католического храма, ругал всех священников [19] и христиан, называя их возмутителями общего спокойствия. Народ беспрестанно толпился на улицах, и христиане ожидали нового гонения. Различные увещевания не могли усовестить клеветника. Чрез несколько дней явился 70-летний старец, который назвал его своим сыном, умолял присутствующих помочь наказать неблагодарного и непочтительного. Напрасно бездель-

[19] Эта история имеется также в дневнике Ковалевского. См. *Валеев Р.М.* и др. С. 314.

ник уверял свидетелей, что он не есть сын сего старца. Чернь приняв сторону отца, жестоко наказала клеветника, которому старец и погрозил, что впредь за подобное преступление будет препровождать в уголовную палату для поступления по [20] всей строгости законов. Настала прежняя тишина. Кто этот старец? спрашивал я у Епископа. Persona ficta[20], отвечал. Подобные происшествия могут иметь место в одном только Китае!

Среди обстоятельств, не благоприятствующих распространению католицизма, полагать можно, что число христиан не увеличивается ныне, и что остальные в унынии оставляют веру, не видя прямых выгод для себя и поминутно ожидая новых притязаний со стороны полиции. Но на самом деле видим мы совершенно противное. Преследуемые еще более укрепляются в вере и всеми мерами распространяют христианское учение. Уличенные в исповедовании [21] Иисуса Христа наказываются ссылкою в дальние провинции; но там они проповедью слова Божия умножают число христиан. Священники из крещеных китайцев прежде подвергались ссылке, а ныне смертной казни. Между тем, число семинаристов совсем не уменьшилось, и рвение проповедников не ослабело. Являются беспрестанно охотники с просьбами к Епископам, чтобы отправить их в качестве миссионеров в Корею даже, где смерть неминуема. Полиция истребила уже огромное количество типографий, но тайно в Пекине и во всех провинциях печатаются христианские сочинения и безденежно раздаются китайцам. [22]

Но деятельнейшими сподвижниками должны считаться катихизаторы, которые с глубоким познанием языческой и христианской литературы соединяют в себе редкий дар красноречия, побеждающий умы противников и изливающий на них свет веры. Женский пол со своей стороны с удивительным успехом подвизается на поприще обращения неверных, особенно малолетних китайцев. Сими средствами Католицизм приобрел чрезвычайно много последователей, так что число крещеных, по словам Пиреса, должно ныне простираться до 60 миллионов, из

[20] Вымышленный человек (лат.).

коих в самом Пекине до 40.000 (разумеется, обоего пола). Во время Пасхи имел я [23] случай видеть в южном храме до 2000 мущин.* [*Примечание на полях*: * Женщины с некоторого времени в храме не бывают.] Сверх того, в домах католиков находятся устроенные алтари, где в назначенное время священники совершают литургию. Я с крайним удивлением взирал на благоговение здешней паствы, на христианское их рвение и горячность.

В Китайской империи считается ныне 5 Епископов, из коих нанкинский (что ныне в Пекине, португалец Пирес) и кантонский утверждены Папою, а прочие Фудзяньский, шаньсийский и макаоский викарные; 6-й назначен уже в губернию Шань-дун, также викарный. В самом Пекине живут 4 священника, из коих Павел Сун из губ[ернии] Хэ-нань говорит отлично на латинск[ом] и французском языках, отличный проповедник,* [*Примечание на полях*: * Он здесь скрывался от гонения на юге, но при мне опять со своими учениками отправился в Хэ-нань для проповеди.] и 5 семинаристов, которые [24] обучаются здесь латинскому языку, церковному порядку, началам богословия, для окончания коего впоследствии будут отправлены в Макао, где и получат власть священнодействия. В Макао же считается около 4.000 католиков и 13 храмов под управлением Доминиканцев, Францисканцев и Августиан. [*Карандашная заметка на полях*: cf. Всеобщ[ее] путешеств[ие] III часть] Там же содержится в духовной семинарии 12 учеников, кои по окончании курса наук отправляются проповедниками в разные страны китайской империи. Священнодействие совершается здесь беспрепятственно, так что бывают даже церковные ходы по улицам.

Но вообще жалуются здешние католики, что ныне чрезвычайно мало приезжает миссионеров, без сомнения, по [25] причине упадка религиозного духа в самой Европе и постепенного ослабления ревности к распространению христианства в дальних странах Азии. Поэтому Епископы устремили теперь все свои силы на то, чтобы приготовлением священников из крещеных китайцев споспешествовать успехам христианства, и когда Европа, волнуемая духом времени, мало-помалу забывает различие исповеданий, католический Китай придерживается старых постановлений.

V.L. Uspensky
Saint Petersburg State University

J. Kowalewski about the Catholicism in China

Summary. This article is a commented letter by J. Kowalewski which is addressed to the administrator of the Kazan Department of Education M.N. Moussine-Pouchkine. The letter deals with the history and the contemporary state of Roman Catholics in China. Kowalewski himself was a Roman Catholic, and during his stay in Beijing in 1830–1831 he assiduously studied the history of the Roman Catholic mission in China. In addition, he was in constant contact with Gaetano Pirès Pereira, the last Bishop of Beijing. All the materials collected by Kowalewski are found only in his manuscript diaries. His letter to Moussine-Pouchkine is a small summary of the history of Roman Catholicism in China.

Д. А. Носов
Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/ef9t-xzv9-mn9n

Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.

Аннотация. Путешествия, совершенные выдающимся русским исследователем Н. М. Пржевальским в 1871–1885 гг., стали эталоном «научной рекогносцировки» Центральной Азии. Они не только изменили методику естественных и гуманитарных наук, но и оказали значительное влияние на культурную жизнь России. Подготовленные путешественником очерки предназначались для широкого круга образованных читателей и достигли своей цели — привили множеству молодых людей искренний интерес к изучению Центральной Азии в целом и Монголии в частности. Так появились научные кадры, ставшие основой одной из крупнейших дисциплин русского и советского востоковедения XX в. — монголоведения. В конце 1920-х гг. научная рекогносцировка Монголии завершилась и началось всестороннее исследование страны. Хотя Н. М. Пржевальский оказал определяющее влияние на этот процесс, а большинство отечественных монголоведов называют его в числе своих учителей, научная рекогносцировка Монголии началась за полвека до знаменитых центральноазиатских экспедиций. В 1828 г. свет увидел труд «Записки о Монголии», составленный о. Иакинфом (Никитой Яковлевичем Бичуриным). В том же году выпускник и преподаватель Казанского университета А. В. Попов и О. М. Ковалевский отправились в Иркутск с целью подготовки учебных программ для будущей кафедры монгольской словесности. Благодаря энтузиазму и неутомимому труду Р. М. Валеева, сумевшему собрать огромный коллектив ученых из разных стран, сегодня нам доступна полная картина этого путешествия, продлившегося пять лет и ставшего первым шагом по пути академического изучения Монголии.

«Как нам известно, за последние полстолетия, Русскими и Иностранными учеными путешественниками сделаны большие работы в области изучения Монголии, а экономическими деятелями практическое ознакомление с Монголией.

Тем не менее, все эти работы за немногими исключениями, можно отнести к разряду рекогносцировочно-разведывательных…»[1]. Такими словами начиналось «Обращение ко всем сочувствующим монголоведению», опубликованное 20 октября 1924 г. в Хатхыле[2]. Данный документ стал манифестом вновь основанного Кружка содействия монголоведению, председателем которого был избран выдающийся русский монголовед Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943).

Одна из главных целей Кружка состояла в том, чтобы объединить постоянно работавших в Монголии иностранных граждан, вне зависимости от их национальности, для проведения всестороннего изучения страны. Таким образом, фиксировался переход от исследований «специальными, дорогостоящими научными экспедициями»[3], но носившими нерегулярный характер к работе сети заинтересованных лиц, собиравших необходимые данные в ежедневном режиме. Это стало важным дополнением к деятельности по всестороннему изучению Монголии, организованной Академией наук СССР, в тесном контакте с которой действовал Кружок[4].

---

[1] Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее — АВ ИВР РАН), Ф. 63, Оп. 1, Ед. хр. 17. Л. 1.

[2] Хатхыл — принятая в начале XX в. передача монгольского топонима *Хатгал*. Это поселок, административно относящийся к современному сомону Алаг-Эрдэнэ, Хубсугульского аймака Монголии. Поселок расположен на южном побережье озера Хубсугул, у истока реки Эгийн-гол. Благодаря удобному географическому положению, в начале XX в. Хатгал стал крупным центром торговли России с империей Цин, прежде всего — с Внешней Монголией, получившей в этот период автономию. К тому времени здесь сформировалась небольшая русская община, главным образом из представителей купеческого сословия, которая дала отечественной науке ряд видных монголоведов.

[3] АВ ИВР РАН, Ф. 63, Оп. 1, Ед. хр. 17. Л. 1.

[4] См.: *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018.

В Обращении названы имена выдающихся русских путешественников — Николая Михайлович Пржевальского (1839–1888) и Петра Кузьмича Козлова (1863–1935). Учитывая упомянутый в начале Обращения срок — полстолетия, мы можем предположить, что члены Кружка считали за отправную точку «рекогносцировочно-разведывательных работ» по изучению Монголии экспедиции, организованные и проведенные Н. М. Пржевальским. Тем более, что термин «научная рекогносцировка» использовал и сам выдающийся русский путешественник. С 1870 по 1888 гг. он совершил пять экспедиций в Центральную Азию, давших ценнейшие сведения о природе и культуре региона, населенного, в том числе и монгольскими народами[5].

Описание первого Центральноазиатского путешествия Н. М. Пржевальского, опубликованное в 1875–1876 гг. зафиксировало стандарт отечественных очерков о путешествиях по Монголии — текст, часто занимавший несколько томов, делился на главы, каждая из которых сопровождалась предварительным описанием содержания. Впоследствии, данной схеме следовали Михаил Васильевич Певцов (1843–1902)[6], Григорий Николаевич Потанин (1835–1920)[7], Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920)[8] и П. К. Козлов[9].

---

[5] *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. СПб., 1875; *Пржевальский Н.М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. СПб., 1878; *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883; *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.

[6] *Певцов М.В.* Путевые очерки Чжунгарии. Омск, 1879; *Певцов М.В.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883; *Певцов М.В.* Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 годах. СПб., 1895.

[7] *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. В четырех томах. Санкт-Петербург, 1881–1883; *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г. Н. Потанина: 1884–1886. Т. 1–2. СПб., 1893.

Но первый обширный очерк путешествия по Монголии, составленный по аналогичной схеме, появился почти за полвека до публикаций Н.М. Пржевальского об экспедициях в Центральную Азию. Это труд «Записки о Монголии», опубликованные о. Иакинфом (Никитой Яковлевичем Бичуриным; 1777–1853) в 1828 г.[10].

Хотя само путешествие было совершено Н.Я. Бичуриным в 1808–1821 гг., именно 1828 мы предлагаем считать первым годом русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии. Дело в том, что в этом году началось еще одно путешествие, которое затронуло значительную часть региона проживания монгольских народов — от Иркутска до Пекина. Оно продлилось пять лет и в ходе него была не просто сформирована коллекция образцов устной и письменной литературы монгольских народов, но и заложена основа значимого направления отечественной гуманитарной науки — науки о Монголии.

26 мая 1828 г. из Казани в Сибирь отправились действительный студент (выпускник университета без отличия) Александр Васильевич Попов (1808–1865) и преподаватель университета Осип Михайлович (Józef Szczepan) Ковалевский (1800/1801–1878). Путешественникам была поставлена задача изучить монгольский язык и приобрести литературу для организации научной и учебной работы на кафедре монгольской словесности, которую, впервые в Европе, планировали создать в Казанском университете под руководством его ректора — выдающегося математика Николая Ивановича Лобачевского (1792–1856). Через пять лет — 25 июля 1833 г. в Казанском университете была учреждена кафедра монгольского языка, а 11 сентября начались занятия по монгольскому языку со студентами. Так окончательно оформилась новая область европейской гуманитарной науки — монголоведения, отцом-основателем которой принято считать О.М. Ковалевского — русского ученого белорусско-польского происхождения.

---

[8] *Позднеев А.М.* Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1–2. СПб., 1896.

[9] *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Петроград, 1923.

[10] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом: С прил. карты Монголии и разных костюмов. Т. 1–2. СПб.: тип. К. Крайя, 1828.

15 июля 1828 г. О.М. Ковалевский вместе с А.В. Поповым прибыли в Иркутск, который стал базой их экспедиционной деятельности. Здесь они проходили подготовку по монгольскому языку у знаменитого востоковеда-переводчика Александра Васильевича Игумнова (1761–1834). Он же стал проводником исследователей в поездках по бурятским дацанам, где, среди прочего, они встретились с миссионером Лондонского библейского общества Робертом Юиллем, составителем грамматики монгольского языка.

Одновременно с пребыванием в Забайкалье О.М. Ковалевского в Сибири работала (1830–1832) экспедиция П.Л. Шиллинга фон Канштадта (1786–1837). Упомянутый выше о. Иакинф (Н.Я. Бичурин), бывший участником этой экспедиции, принял активное участие в формировании научных взглядов будущего выдающегося монголоведа.

За время нахождения в Забайкалье О.М. Ковалевский успел совершить два выезда за пределы Российской империи — один — в Ургу[11], и один — в Пекин.

14 марта 1833 г. О.М. Ковалевский вернулся в Казань, получив всестороннюю подготовку по языку, истории и культуре монгольских народов, тибетскому, маньчжурскому языкам и санскриту, особое внимание уделил основам буддизма. Также он привез обширные этнографические коллекции, собрание монгольских, тибетских и китайских рукописных и старопечатных книг, записи произведений устного народного творчества, заготовки научных работ и учебных программ. Значительная часть собранных О.М. Ковалевским монгольских рукописей и ксилографов впоследствии вошла в состав монгольской коллекции Азиатского музея (ныне — Институт восточных рукописей РАН).

По-настоящему работа пятилетней Забайкальской экспедиции О.М. Ковалевского и А.В. Попова завершилась в Петербурге, где состоялась научная беседа ее участников с академиком, буддологом Яковом Ивановичем Шмидтом (1779–1847). Результаты, достигнутые в ходе экспедиции, удовлетворили академика, тем самым закрепив преемственность Казанской, а затем и Петер-

[11] Урга — общеупотребительное в русской и европейской литературе XIX–XX вв. название столицы Внешней Монголии.

бургской школы монголоведения от немецкой академической традиции, господствовавшей в России на протяжении XVIII в.

Именно путешествие О.М. Ковалевского и А.В. Попова в Восточную Сибири, состоявшееся в 1828–1833 гг. мы можем считать первой полноценной «рекогносцировочно-разведывательной» научной работой. Она была организована академическим учреждением с целью подготовки научно-педагогических кадров. Но до недавнего времени её результаты имели характер «россыпи», т.е. были распределены между множеством учреждений нескольких государств и уже в 1924 г. ученые не имели к ним доступа. Лишь благодаря энтузиазму и неутомимому труду Р.М. Валеева, объединившего множество исследователей, удалось составить представление о том колоссальном объеме данных, что был собран за пять лет О.М. Ковалевским и А.В. Поповым в Китае, Монголии и Восточной Сибири[12]. Этот материал теперь начинает включаться в научный оборот.

Такой же характер россыпи носит и наследие одной из знаковых экспедиций, завершающих период «рекогносцировочно-разведывательных» работ по Монголии. Речь идет о материалах, собранных в 1923–1925 гг. монголоведом Владимиром Александровичем Казакевичем (1896–1937).

Будучи студентом Ленинградского восточного института[13] В.А. Казакевич, происходивший, как и О.М. Ковалевский, из

[12] Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Сост. Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская; Отв. и науч. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское Востоковедение, 2020.

[13] Высшее учебное заведение, созданное в 1920 г. с целью подготовки кадров для работы в странах Востока. Будучи ориентированным в первую очередь на решение актуальных проблем советской внешней политики, Институт использовал профессорско-преподавательский состав расформированного в 1919 г. Факультета восточных языков Петроградского университета. Первоначально этот ВУЗ носил название — Центральный Институт Живых Восточных Языков, с 1922 г. — Петроградский Институт Живых Восточных Языков, с 1924 г. — Ленинградский Институт Живых Восточных Языков, с 1927 г. и до расформирования в 1938 г. — Ленинградский Восточный Институт.

польских дворян, отправился на стажировку в Монголию. Здесь он, по совету выдающегося русского ученого и монгольского государственного деятеля Цыбена Жамцарановича Жамцарано (1881–1942), поступил на службу в Ученый Комитет[14]. Навыки топографа сделали молодого монголоведа ценным сотрудником УчКома. Ему было поручено определить линию южной границы Монгольской Народной Республики и провести административное размежевание в северо-восточном регионе страны. Для решения этой задачи В. А. Казакевич с 12 августа 1923 г. по 14 июля 1925 г. совершил пять экспедиционных выездов, о которых составил подробные отчеты и информационные сообщения.

Информационные сообщения были опубликованы в труднодоступном ведомственном издании НКИД[15] — «Информационный бюллетень Полпредства СССР в Монголии», а машинописные экземпляры и автографы отчетов находятся в архивах Улан-Батора, Санкт-Петербурга и Кракова. Хотя задачи, поставленные перед В. А. Казакевичем УчКомом были прикладными, сам исследователь собирал сведения обо всех областях жизни Монголии. Как и О. М. Ковалевский, он даже составил небольшую коллекцию рукописей, которую впоследствии передал в Азиатский музей.

Одновременно со стажировкой В. А. Казакевича в стране работала Монголо-тибетская (1923–1926) экспедиция П. К. Козлова. Молодой ученый тесно взаимодействовал с ее участниками — Сергеем Александровичем Кондратьевым (1896–1970), Андреем Дмитриевичем Симуковым (1902–1942) и Николаем Васильевичем Павловым (1893–1973). Наиболее емкую характеристику этого периода в истории отечественного монголоведения дал

---

[14] Ученый Комитет Монголии (монг.: *Судар бичгийн хүрээлэн*) — основанное в 1921 г. правительственное учреждение независимой Монголии, отвечавшее за развитие научных исследований. В 1931 г. преобразован в Комитет наук. В 1961 г. на его базе была создана Монгольская Академия наук. Далее — УчКом.

[15] НКИД — Народный Комиссариат по иностранным делам (с 1936 г. — Иностранных дел) — образованный в 1923 г. государственный орган, ответственный за проведение внешней политики СССР. В 1946 г. преобразован в Министерство иностранных дел СССР.

выдающийся тюрколог, директор Института востоковедения АН Александр Николаевич Самойлович (1880–1938). В служебной записке, составленной 31 декабря 1934 г. он писал следующее:

«Институт Востоковедения Академии наук СССР доводит до сведения Монгольской Комиссии, что организация в 1935 г. историко-археологического отряда для изучения Монгольской Народной Республики представляется чрезвычайно желательной, т.[ак] к.[ак] многолетний перерыв этого исследования нарушил ход весьма плодотворных работ, которые советские ученые вели в МНР с 1923 по 1927 г.»[16].

Если отправной точкой «рекогносцировочно-разведывательных работ» по изучению Монголии можно считать 1828 — год публикации «Записок о Монголии» Н.Я. Бичурина, то символическое завершение «научной рекогносцировки» состоялось в 1928 г., когда упомянутый выше участник Монголо-тибетской экспедиции, ботаник Н.В. Павлов подготовил очерки о своих поездках по стране[17]. Эта книга была опубликована два года спустя Дальневосточным книжным издательством в Благовещенске, напечатана небольшим для того времени тиражом 3000 экземпляров и быстро стала библиографической редкостью. Она состоит из 18 глав, снабженных, подобно классическим книгам русских путешественников, кратким содержанием. Очерки рассказывают о всех аспектах жизни молодой республики, а основной своей задачей автор видел возобновление у молодежи интереса к «несравненным описаниям Н.М. Пржевальского»[18].

За столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии (1828–1928) сформировался обширный корпус текстов, который включает в себя опубликованные очерки путешествий, предназначенных для широкого читателя, экспедиционные отчеты, подготовленные для различных учреждений,

[16] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 152. Оп. 1а, Ед. хр. 367. Л. 86а.

[17] *Павлов Н.В.* По Монголии: очерк экспедиции 1923–1924 и 1926 гг. Хабаровск: Книжное дело, 1930. 340 с.

[18] Там же. С. 6.

полевые дневниковые записи исследователей[19]. Отдельным типом источников по истории и культуре монгольских народов можно считать учебные материалы и коллекции, составленные в ходе почти сотни экспедиций[20].

Начиная с эпохи формирования современного русского литературного языка (1814–1837) и до оформления системы академических научно-исследовательских институтов в 1920–1930-е гг. русские путешественники-энтузиасты непрерывно исследовали Монголию. Находясь в постоянном синхроническом (коллегиальном) и диахроническом (учитель-ученик) взаимодействии между собой, они составили объемное описание переломного столетия в истории соседней страны. Столетия, в ходе которого Монголия сформировалась как национальное государство.

D.A. Nosov

A Century of Russian Academic Reconnaissance in Mongolia: 1828–1928

Summary. The expeditions of the outstanding Russian explorer Nikolai M. Przhevalsky in 1871–1885 became the standard of «academic reconnaissance» of Central Asia. They not only changed the methodology of the

[19] См., например: Петр Кузьмич Козлов. Дневники монголо-тибетской экспедиции, 1923–1926. Ред.-сост. Т.И. Юсупова; Сост. А.И. Андреев; Отв. ред. А.В. Постников. СПб.: Наука, 2003; Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Подгот. текста, предисл., введ., коммент. и указ. Кульганек И.В., Жуков В. Ю; Науч. ред. Е.И. Кычанов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006; *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова; Сост. Т.Ю. Гнатюк; Отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2015; Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оного Н.Ф. Катановым». Казань; Абакан: Артифакт, 2017.

[20] *Почекаев Р.Ю.* Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в. М.: Высшая школа экономики, 2019. С. 218–228.

sciences and humanities, but also had a significant impact on the cultural life of Russia. The essays prepared by the traveler were aimed for a wide range of educated readers and achieved their goal — they instilled in many young people a sincere interest in the study of Central Asia in general and Mongolia in particular. This is how scientific personnel appeared, which became the basis of one of the largest disciplines of Russian and Soviet Oriental studies of the 20th c. — the Mongolian studies. In the late 1920s, scientific reconnaissance of Mongolia was completed and a comprehensive study of the country began. Although N.M. Przhevalsky had a decisive influence on this process, and most Russian Mongolian scholars name him among their teachers; the scientific reconnaissance of Mongolia began half a century before the famous Central Asian expeditions. In 1828, the book «Notes on Mongolia» compiled by Fr. Iakinf (Nikita Yakovlevich Bichurin) was published. In the same year, graduate and teacher of Kazan University A.V. Popov and O.M. Kovalevsky went to Irkutsk to prepare curricula for the future Chair of Mongolian Language and Literature. Thanks to the enthusiasm and tireless work of Dr. Ramil M. Valeev, who managed to gather a huge team of researchers from different countries, today we have access to a complete picture of Kovalevsky and Popov journey, which lasted five years and became the first step on the path of academic study of Mongolia.

Гульджан Иналджик
Университет Мармара, Институт Тюркологических исследований

Окан Ешилот
Университет Мармара, Институт Тюркологических исследований

DOI: 10.48612/IVRRAN/8^{b}62-bde2-tkfd

Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)

Аннотация. Николай Федорович Катанов (1862–1922), российский ученый турецкого (хакасского) происхождения, — крупный тюрколог, работавший в различных областях по изучению тюркских народов Сибири и Туркестана. Его работы внесли особенно большой вклад в развитие исследований по этнографии и культуре тюркских народов Южной Сибири. Н. Ф. Катанов, после окончания Санкт-Петербургского университета был направлен в Сибирь и Восточный Туркестан для сбора данных о различных тюркских народах Российской Академией Наук и Русским Географическим Обществом, по предложению и при поддержке В. В. Радлова. Во время своего четырехлетнего путешествия с 1888 по 1892 г. Катанов побывал в Сибири, Монголии, Туркестане и Китае и вел записи об обычаях и традициях, быте, языках, культуре, этнографии и устном народном творчестве живущих там различных тюркских народов. В 1894 г. он был назначен преподавателем Императорского Казанского университета и избран секретарем Общества Археологии, Истории и Этнографии. Несмотря на интенсивную работу в Казани, Катанов продолжил полевые исследования и в 1896 г. совершил поездку в Минусинский округ Енисейской губернии для изучения диалектов и культурной жизни минусинских татар (ныне хакасов). Ежедневные записи, которые он вел во время поездки, он опубликовал в работе под названием «Отчет о поездке совершенной с 15 Мая по 1 Сент. 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии». Исследование основано на полевых материалах по диалекту, этнографии и фольклору, собранных на территории проживания минусинских татар в конце XIX в. В данной работе в соответствии с информацией, содержащейся в работе Катанова, будут представле-

ны сведения о географии, обычаях и традициях, формах правления, повседневной жизни, этнической и демографической структуре минусинских татар. Работа Катанова, созданная им на основе данных, собранных в полевых условиях около 130 лет назад, сохраняет свою ценность и сегодня в плане анализа культурной жизни хакасов.

Николай Федорович Катанов (1862–1922), крупный ученый, работавший в различных областях по изучению тюркских народов Сибири и Восточного Туркестана. После окончания Петербургского университета в 1888 г. Катанов по предложению и при поддержке своего научного руководителя Василия Васильевича Радлова был командирован Российской академией наук и Русским географическим обществом в Сибирь и Восточный Туркестан для сбора сведений о различных тюркских народах. Во время своей первой научной поездки в 1888–1892 гг. он совершил путешествие по Сибири, Монголии, Туркестану и приграничным районам Китая, вел записи об обычаях и традициях, быте, языке, культуре, этнографии и устной народной литературе различных проживающих там тюркских народов. Путевые отчеты Катанова, составленные им в полевых условиях сто лет назад и содержащие образцы устного народного творчества, различные исторические, политические и экономические сведения, являются основным справочным источником для исследований по языкам, культуре, этнографии и истории тюркских народов Южной Сибири, особенно проводимым в Турции. Работы Катанова «Поездка к Карагасам в 1890 году», «Среди тюркских племен», «Очерки из Урянхайской Земли» и «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам Тюркского корня» являются первоисточниками, содержащими важные сведения о культурной жизни хакасов, тувинцев и тофаларов в конце XIX в.

В 1894 г. Катанов был назначен преподавателем Казанского университета. В том же году он был избран секретарем Общества археологии, истории и этнографии[1]. Катанов, продолжавший

[1] *Кокова И.* Николай Фёдорович Катанов. // Абакан: Хакасское Книжное Издательство, 2012. С. 43.

полевые исследования, несмотря на интенсивную работу в Казани, в 1896 г. совершил поездку в Минусинский округ Енисейской губернии с целью изучения диалектов и культурного быта минусинских татар (бельтиров, сагайцев, койбалов, качинцев, кызыльцев), ныне известных как хакасы[2].

Хакасы — один из древнейших тюркских народов, проживающих в Южной Сибири. В царской России, как и большинство других тюркских народов, хакасов называли «татарами» и часто именовали ачинскими, минусинскими или абаканскими татарами. В своих работах Катанов также использовал для обозначения этой этнической группы термин «минусинские татары». Термин «хакасы» был официально принят в начале советской власти для обозначения коренного населения Хакасско-Минусинской котловины. Первые сведения о хакасах получены из китайских источников. Название «хакас» также заимствовано из китайских источников: в китайских источниках IX и X вв. енисейские кыргызы упоминаются как «хягас». С принятием этнического названия население долины Среднего Енисея стало отождествляться с кыргызами, что способствовало политическому возрождению хакасов. В XVII и XVIII вв. в русских источниках Хакасия называлась Кыргызской землей, или Хонгораем. В 1930 г. Хакасия получила статус автономной области в составе Советского Союза, и начался заметный процесс русификации и христианизации, особенно после Октябрьской революции. Хакасский язык относится к уйгуро-огузской языковой группе тюркских языков. Географическое положение Хакасско-Минусинской котловины, окруженной Саянскими горами и северной частью тюркского мира, способствовало изоляции хакасского языка от сильного влияния южных соседей и сохранению его лексики[3].

Свои записи, сделанные во время экспедиции, Катанов опубликовал в работе «Отчет о поездке, совершенной с 15 Мая по

[2] Там же. С. 57.

[3] *Butanayev V.; Butanayeva İ.* Yenisey Kırgızları-Folklor ve Tarih. Kırgızcadan Akt.: Yaşar Gümüş, İstanbul, Ötüken Neşriyat, 2007. С. 9–14; *Бутанаев В.Б.* Хакасы (Этнографический Очерк) // М.: ИНСАН, 1995. С. 5–6.

1 Сент. 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии». Работа была издана в виде книги в 1897 г. в типографии Императорского Казанского университета при поддержке историко-филологического факультета. Кроме того, в 1897 г. работа была опубликована в двух частях в регулярном издании Казанского университета «Ученые записки»[4]. Анализируемая работа представляет собой печатное произведение, написанное на русском языке, общим объемом 104 страницы.

В своей работе Катанов сообщил о результатах лингво-этнографической поездки, проведенной им в период с 15 мая по 1 сентября 1896 г. по поручению историко-филологического факультета Казанского университета среди койбальских, бельтирских, сагайских, качинских тюркских племен минусинских татар, ведущих кочевой образ жизни в Минусинском округе Енисейской губернии, окруженном на западе Кузнецкими горами, а на юге — Саянским хребтом. В работе представлены сведения о повседневной жизни этих племен, обрядах посвящения, народных поверьях и преданиях, толковании снов, традиционных праздниках и народных методах лечения. Поскольку тексты состоят из записей, сделанных в форме дневников, в работе нет полного единства тематики. Большую часть информации Катанов собрал у жителей региона. Он подробно указал имена рассказчиков, их возраст, принадлежность к племени или роду, состав семьи.

Во время своей поездки в Минусинский округ Катанов сначала посетил Абаканскую и Аскысскую Инородную Управы и изучил архивные документы в этих учреждениях. В результате этого исследования на основе архивных документов он привел данные о населенных пунктах и населении региона в XIX в. По сведению Катанова, в конце XIX в. койбалы, бельтиры, сагайцы и качинцы, составлявшие минусинских татар, говорили на турецком языке и вели одинаковый образ жизни. Эти четыре тюркских племени

[4] *Катанов Н.Ф.* Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Учен. зап. Казан. ун-та. 1897. Т. 64. Кн. III. С. 1–50;.

были христианами, однако традиции шаманизма продолжали существовать в их повседневной жизни[5]. Качинцы кочуют по левому берегу Абакана и состоят в ведомстве Абаканской Инородной Управы в селе Усть-Абаканском; койбалы, белтиры и сагайцы подведомственны Аскысской Инородней Управе, находящейся в селе Аскысском[6]. По данным 1896 г., общая численность мужского и женского населения составляла 4 384 человека в у Бельтирского рода, 943 человека у Койбальского рода и 2 767 человек у Сагайского рода[7]. Каждое племя состоит из разных родов. Хотя абаканских татар называются «кочующими», они ведут кочевой образ жизни по-разному. В конце XIX в. минусинские татары полгода — с сентября до конца марта или половины апреля — жили в зимниках, где стояли их бревенчатые избы и прочные дворы для скота, а с марта или апреля до сентября — в летниках в виде берестяных или войлочный юрт. В основном они занимались животноводством, земледелием и охотой. По словам Катанова, многие минусинские татары, особенно жившие вблизи русских сел и деревень, вели оседлый образ жизни и занимались хлебопашеством, а также скотоводством. Минусинские татары стали заниматься земледелием после крупных эпидемий 70–80-х годов XIX в.[8] От русских они научились таким профессиям как кузнечное, столярное, плотничное, шорное и сапожное дело. Таким образом, в их язык вошло много русских слов[9].

В работе описаны различные традиции повседневной жизни четырех тюркских племен. Катанов утверждает, что обычаи всех племен, входящих в состав минусинских татар, почти одинаковы, а шаманские молитвы минусинских татар при жертвоприноше-

---

[5] *Катанов Н.Ф.* Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Казань: Типо-лит. Импер. Унив., 1897. С. 1.

[6] Там же. С. 3.

[7] Там же. С. 6–7.

[8] Там же. С. 8.

[9] Там же. С. 8; *Катанов Н.Ф.* Среди Тюркских Племен // Известия Русс. Геог. Общ. Том XXIX. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. С. 57.

нии духам огня, гор, воды и неба были составлены во время его поездки в 1890–1892 гг.[10].

По сведениям Катанова, в конце XIX в. минусинские татары жили в палатках, называемых *юрт*ами. Интерьер юрт обычно оформлялся следующим образом: дверь выходит на восток; в переднем углу юрты, на юго-западной стороне, стоят иконы; северную и северо-восточную стороны занимает посуда на полках; на южной и юго-западной сторонах юрты стоят сундуки, под которыми находятся вещи, а над ними — шкатулки; на западной стороне — постель; на юго-восточной — сбруя; на юго-западной стороне (близ икон) висит ружье. Юрты с дверями, открывающимися на восток, встречаются и у уйгуров — древнетюркского племени[11].

Некоторые из традиций и обычаев минусинских татар, приводимые Катановым, сводятся к следующему;

Минусинские татары называют русские праздники Масленицы желтым маслом (жёлтое масло), Пасхи — красным яйцом (красное яйцо), Рождества — Иисуса Христа — колядой (коляда)[12].

Минусинские татары определяют приход весны, когда загремит гром. Услышав и увидев первую грозу, они три раза обходят юрту по кругу, а затем ударяют по стенкам юрты ведром. Бельтирские женщины с ведром в руках делают три круга вокруг юрты, затем вешают ведро на верхнюю часть двери и бросают ковшик на землю. Если ковшик упадет отверстием вверх (т.е. на дно), то будет счастье и скот даст много молока[13].

В верованиях минусинских татар существует традиция жертвоприношения духам неба освященных животных, называемых *ызык*. Весной или летом члены племен собираются для массового жертвоприношения. Согласно этой традиции, к хвосту

[10] *Катанов Н. Ф.* Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Казань: Типо-лит. Импер. Унив., 1897. С. 22.

[11] Там же. С. 23.

[12] Там же. С. 20.

[13] Там же. С. 52.

и гриве всех священных животных, которых принесут в жертву, привязываются белые, синие и красные куски ткани. Шаман благословляет животное только в новолуние весной или летом. Сначала шаман окуривает жертвенное животное можжевельником, а затем обливает его вином и молоком. В роли шамана при освящении животного может выступать и женщина. В жертву могли приносить коров и овец[14]. Кроме того, у минусинских татар каждое племя может выделять коней определенного цвета в качестве *ызык*. Например, у кызыльцев и сагайцев в качестве жертвы выбирались коней серой масти. Считается, что жертвоприношение коней определенного цвета предохраняет человека от болезней живота и груди; жертвоприношение соловых коней с цветными хвостами — от ревматизма; жертвоприношение гнедых лошадей — от болезней груди и чахотки[15].

Интересны также приводимые Катановым толкования снов, народных поверий и примет у минусинских татар. Например, у бельтиров видеть во сне шамана — к неблагополучию; видеть человека, которого давно не видел, — к его скорому приезду; видеть икону — к болезни; найти кольцо или серьги — к счастью, терять их — к несчастью[16]. В Койбале увидеть во сне недавно умершего человека — к несчастью[17]. Согласно народному поверью, «если нож упадет острием вверх, то будет пропадать скот; чтобы скот не пропадал, нужно ударить концом острия его по земле 3 раза»[18]. Если свистит огонь, то приедет и будет разговаривать гость. Бельтиры верят, что если свистеть ночью, то дьявол принесет несчастье людям[19]; койбалы верят, что при свисте в комнате,

[14] Там же. С. 48–49.

[15] *Катанов Н. Ф.* Среди Тюркских Племен. // Известия Русс. Геог. Общ. Том XXIX. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. С. 21.

[16] *Катанов Н. Ф.* Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Казань: Типо-лит. Импер. Унив., 1897. С. 50–51.

[17] Там же. С. 74.

[18] Там же. С. 54.

[19] Там же. С. 59–60.

будет ветер[20]. У сагайцев, чтобы ураган не причинил вреда, необходимо 3 раза подуть на духа урагана. Качинцы считают, что «землетрясение происходит от того, что шевелится какое-нибудь большое существо, живущее в подземном море»[21].

Согласно верованиям минусинских татар, Бог живет в огромной юрте на небе, а Эрлик-хан (дьявол) — под землей. Хотя все минусинские татары — христиане, шаманов они уважают больше, чем священников. Они верят, что молния бьет, потому что Бог стреляет в Эрлик-хана, а гром — это крик Бога. По верованиям минусинских татар, лунные и солнечные затмения означают смерть небесных тел, похищенных колдунами или перехваченных Челбигеном. Чтобы «спасти» луну и солнце, их бьют железными предметами, заставляя детей кричать: «Луна умерла, солнце умерло!»[22].

Катанов также предоставил информацию о болезнях и методах лечения у минусинских татар. Оспа, корь и горячка, которые абаканские татары называли «гостями», обычно лечились шаманами. Например, у бельтиров человек, укушенный бешеной собакой, сначала «должен посетить 40 юрт, и очаг каждой юрты обойти 3 раза по течению солнца (восток–юг–запад–север); затем он должен обойти в этом же направлении 40 тополей, обходя каждый по 3 раза»[23]. Кроме того, этот человек должен питаться и поддерживаться подаянием в течение 40 дней[24]. У качинцев при кровотечении из руки на рану кладётся трут и таким образом останавливают кровь[25].

Когда кто-то умирает у минусинских татар, умершего кладут в юрту головой к двери (восток), а ногами к изголовью (запад).

---

[20] Там же. С. 75.

[21] Там же. С. 101.

[22] Там же. С. 59–61.

[23] *Катанов Н. Ф.* Среди Тюркских Племен. // Известия Русс. Геог. Общ. Том XXIX. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. С. 18.

[24] *Катанов Н. Ф.* Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Казань: Типо-лит. Импер. Унив., 1897. С. 62.

[25] Там же. С. 97.

Покойного хоронят через день. Гроб изготавливается на кладбище. «Гроб делают из тополевого дерева посредством раскалывания тополя надвое и выдалбливания его». Умерший человек укладывается в гроб людьми и хоронится вместе с одеждой и вещами[26].

У минусинских татар также существовали определенные правила заключения брака. Например, детям родных братьев и сестер не разрешалось жениться друг на друге. Кроме того, поскольку они считались родственниками, не допускался брак с девушкой из одной семьи/рода или племени. «Кроме того, (невеста) и родственница, но другой кости, т.е. имеет другую только фамилию, жениться на ней можно»[27]. Катанов привел пример койбальского подрода Чода и Канг и подчеркнул запрет на выбор жены. В песне койбальской молодежи говорится следующее:

Если бы голени мои не были с шерстью,
То я женился бы на дочерях Чода,
Если бы глаза мои не были красные,
То я женился бы на дочерях Канг![28]

Среди минусинских татар также существует песенный конкурс перед свадьбой. Катанов отметил, что сагайские и койбальские юноши и девушки, играя вместе, поют друг другу следующие стихи:

Койбальские парни:
Сагайцы… у сагайцев ума нет,
Как у соловой кобылы нет молока[29].

Сагайские девицы отвечают следующим образом:

Койбалы… у койбалов страсти нет,
Как у мужа нет силы[30].

[26] Там же. С. 69.

[27] Там же. С. 57.

[28] Там же. С. 61.

[29] Там же. С. 62.

[30] Там же.

По словам Катанова, после этого обещания койбальские мужчины стали жениться на сагайских девицах, чтобы доказать их способность быть мужьями[31].

В результате, очевидно, что работа Катанова «Отчет о поездке совершенной с 15 Мая по 1 Сент. 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии» основана на полевых этнографических и фольклорных материалах, собранных в районе проживания минусинских татар в конце XIX в. Этот труд, созданный ученым на основе данных, собранных в полевых условиях около 130 лет назад, имеет большое значение для тюркского мира и тюркологических исследований благодаря использованному научному методу и точности изложения материала. Созданная в конце XIX в., он и сегодня сохраняет свою ценность в плане анализа культурной жизни и этнографической структуры племен, входящих в состав хакасов.

Inalcik Gulcan, Yeşilot Okan

Travel Diary of Nikolai Fedorovich Katanov of His Expedition to Minusinsk (1896)

Summary. Nikolai Fedorovich Katanov (1862–1922), a Russian scientist of Turkish (Khakassian) origin, was a major Turkologist who studied the Turkic peoples of Siberia and Turkestan. He made a particularly great contribution to the research of ethnography and culture of the Turkic peoples of the Southern Siberia. After graduating St. Petersburg University at the suggestion and with the support of V.V. Radlov N.F. Katanov was sent by the Russian Academy of Sciences and the Russian Geographical Society to Siberia and East Turkestan to collect data on various Turkic peoples. During his four-year travel from 1888 to 1892, Katanov visited Siberia, Mongolia, Turkestan and China and kept records on the customs and traditions, life, languages, culture, ethnography and oral folk art. In 1894 he was appointed a lecturer at the Imperial Kazan University and was elected a secretary of the Society of Archaeology, History and Ethnography. Despite his

[31] Там же. С. 61–62.

intensive work in Kazan, Katanov continued his field research and in 1896 travelled to Minusinsk district of Yenisei province to study the dialects and cultural life of the Minusinsk Tatars (now Khakasses). His daily notes were published in a work entitled «Report on a trip made from May 15 to September 1, 1896 to the Minusinsky district of the Yenisei province». The research is based on field materials collected in the territory of Minusinsk Tatars at the end of 19th c. This paper will present information on the geography, customs and traditions, forms of government, everyday life, ethnic and demographic structure of the Minusinsk Tatars in accordance with the information contained in Katanov's work. Katanov's work, written on the basis of data collected in the field some 130 years ago, retains its value today in terms of analyzing the cultural life of the Khakasses.

Hartmut Walravens
Staatsbibliothek zu Berlin, Free University of Berlin (ret.)

DOI: 10.48612/IVRRAN/z2pf-1h72-d1zd

Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klaproth (1782–1835)

Summary. Julius Klaproth, one of the founders of modern East Asian Studies and member (adjunct) of the Russian Academy of Sciences, entertained contacts with many contemporary Orientalists. Only a small part of his correspondence has been preserved; especially noteworthy is a collection held by the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Klaproth papers, Fond 783). Among the little known correspondents was Samuel Butler (1774–1839), a British clergyman and educator of renown (Fond 738, Op. 2, No. 14). Their common interest seems to have been the development and history of scripts and writing; possibly Baron Merian, of the Russian Foreign Service, may have forged the acquaintance. The introduction dwells on Klaproth's role as a scholar in St. Petersburg and the reasons for his leaving the Academy.

In recent years, a series of letters from and to the orientalist Julius Klaproth have come to light[1], which allow a more accurate assessment of his personality. There are also a number of biographical sketches, so only a few things need be repeated here.

[1] H. Walravens. *Julius Klaproths (1783–1835) Briefe an den Orientalisten und Erfinder Paul Ludwig Schilling von Canstadt (1786–1837).* Samt Schreiben an den Sinologus Berolinensis sowie Ergänzungen zum Schriftenverzeichnis Klaproths. Norderstedt: BoD2020. 100 pp. Stanislas Julien (1797–1873): *Wissenschaftliche Korrespondenz* ü*ber China mit Schilling von Canstadt, Klaproth, Endlicher, Gabelentz, und A. von Humboldt.* Norderstedt: BoD2021. 110 pp. *Briefe an den Orientalisten Julius Klaproth (1783–1835) von britischen Gelehrten: George Thomas Staunton, Viscount Kingsborough und William Huttmann.* Norderstedt: BoD2021. 95 pp. *Gelehrtenbriefe an J.P.A. Rémusat und J. Klaproth.* Aus der Geschichte der Orientalistik am Anfang des 19. Jh. Herausgegeben und übersetzt. Norderstedt: BoD2022. 154 pp. Briefe des Indologen Graves C. Haughton (1788–1849) an den Orientalisten Julius Klaproth, 1825–1833. *Orientierungen* 33.2021–22, pp. 103–138. Philipp Franz von Siebold and Julius Klaproth — their relationship and cooperation. *ZDMG* 2022, pp. 199–225.

Julius Klaproth[2] came from a privileged Berlin family — his father, the apothecary Zum Weißen Schwan, Martin Heinrich Klaproth (1743–1817) was a respected scientist and member of the Prussian Academy of Sciences, who discovered several chemical elements, including uranium in 1789. Naturally, young Klaproth was supposed to become a scientist as well, but he vigorously opposed these plans: while still at school, he studied the Chinese manuscripts in the Royal Library and was remarkably successful at it. He attracted the attention of Count Jan Potocki (1761–1815), who became known as an explorer and historian, and who recommended him as a lecturer in Chinese for an Oriental Academy planned for 1804 in Vilnius. Instead, Klaproth accompanied the (unsuccessful) 1805 embassy of Count Jurij Aleksandrovič Golovkin (1762–1846) to China, which had to be broken off in Urga.[3] Klaproth used the return journey from Irkutsk for research along the Russian-Chinese border. Subsequently, in 1807–1808, the Petersburg Academy, of which he had become an adjunct, sent him on a journey to explore the Caucasus, which he described in a two-volume work.[4] His next project was to catalogue the Chinese and Manchu books in the library of the Petersburg Academy; the catalogue was to be printed, but no Chinese fonts were available. So Klaproth was sent to Berlin to have them engraved. A sample sheet of the wooden types has been preserved.[5] So far, the events are known and understandable. We do

[2] *Julius Klaproth (1783–1835). Leben und Werk.* Wiesbaden: Harrassowitz 1999. X, 230 S. (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen 3.)

[3] Władysław Kotwicz: *Die russische Gesandtschaftsreise nach China 1805.* Zu Leben und Werk des Grafen Jan Potocki [1761–1815]. Nebst Ergänzungen aus russischen und chinesischen Quellen. Berlin: Bell 1991. 119 pp. 4to (Han-pao tung-Ya shu-chi mu-lu 44.)

[4] Julius Klaproth: *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1807, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, enthaltend eine vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und ihrer Bewohner.* Halle and Berlin: Buchhandlung des Hallischen Waisenhauses 1812–1814. XVI, 740; XVIII, 626 S. — S. 403–480 of vol. 2 contain: Remarks on the Sino-Russian border. Collected on a journey in 1806.

[5] *Specimen characterum sinicorum jussu Alexandri primi ligno excisorum.* Cura Julii de Klaproth, Cons. aulic. et academ. Petrop. Soc. Berlin, Febr. 1811.

not know Klaproth's reasons for not returning to St. Petersburg. His mentor, Count Sergei Semenovich Uvarov (1786–1855), accused him of ingratitude, and in 1817 Klaproth was stripped of his Russian academic honours. The reasons for these measures were never made public; it is only said that a «rude letter» to the Academy [i.e. Uvarov] was one of the final impetuses. After Klaproth's death (1835), it became apparent that the estate included books from the Academy library that Klaproth had not returned. Some of these were eventually returned to St. Petersburg through negotiations with the heiress (Klaproth's landlady) by the director of the Asian Museum, Bernhard Dorn (1805–1881), including manuscripts by the translator Johann Jaehrig (1747–1795), which have only recently been published[6].

The reasons for the rift between Klaproth and Uvarov have yet to be clarified. It would be desirable if the relevant material were to be looked for in Russian archives. Two reasons seem obvious: Klaproth did not have the impression that he could achieve his own ambitious research goals in St. Petersburg — for that, he had already identified Paris as the centre of Oriental studies, both in terms of the researchers present there and the materials (books and manuscripts). Secondly, the relationship of trust between Uvarov and Klaproth was permanently damaged, with personal vanities in particular likely to have been affected. This would also explain why the true reasons for the rift have not been uncovered to this day. In more recent accounts, the only thing emphasised is the «book theft», which hardly does justice to reality. The fact that Klaproth also took books from the Academy with him on his business trip to Berlin

2 S. 4°. *Katalog der chinesischen und mandjurischen Bücher der Bibliothek der Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg von* Julius Klaproth. Zum ersten Mal aus dem Manuskript herausgegeben. Berlin: C. Bell 1988. V, 45 S. 4°

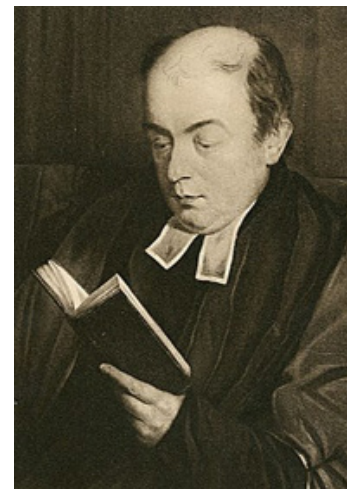
[6] Jährig was originally a member of the Herrnhut settlement in Sarepta and spent a lot of time with the Kalmyks, from whom he learned Kalmyk and Tibetan. He was then an assistant to the explorer Peter Simon Pallas. See H. Walravens, Alla Sizova: The *Tibetan Basics* of the Translator Johann Jährig (1793). *ZAS*47.2018, pp. 29–102. The «Anfangs-Gründe der Mongolischen und Öhletschen Schrift- und Sprach-Lehre» by Johann Jährig (1747–1795). *ZAS*48. 2020, pp. 7–103. Johannes Jährig: Mongolische Lese-Übungen und Oiratisches [Jährig III]. *ZAS49*. 2021, pp. 281–358.

could be motivated by both official and private research. The offence lies in the fact that he *did not return* the relevant books after the relationship was severed. He was by no means a bibliomaniac book thief like Aloys Pichler (1833–1874), who later became the curator of the St. Petersburg Academy Library and who, in 1871, stole several thousand volumes for resale in a book bag specially inserted into his coat.

It is also possible that Uvarov had counted on Klaproth for his *Projet d'une académie asiatique* (St. Petersburg 1810; *Ideen zu einer Asiatischen Akademie*. St. Petersburg 1811) (Klaproth had also worked on the preparation) and now felt abandoned…

As for his later life, it may be sufficient to say here that Klaproth was one of the most important scholars and feared critics of his time. His list of publications includes over 300 works, as well as numerous hand-drawn geographical maps.

The author of some surviving letters to Klaproth, Samuel Butler (1774–1839), was a clergyman, classical scholar, headmaster of Shrewsbury School and Bishop of Lichfield from 1836 to 1839.[7] He is well known as one of the best headmasters of the 19th century, not as a scholar, let alone as an orientalist. So the question arises as to how he came into contact with Klaproth, who, it seems, even visited him at Shrewsbury. One common area of interest was probably the development of writing and writing materials, which Butler mentions in a letter. However, it was probably their mutual friend, Baron Merian[8], who introduced them.



(wikimedia commons)

[7] *Oxford Dictionary of National Biography*, Volume 8.2004. (J.H.C. Leach). cf. https://doi.org/10.1093/ ref: odnb/4205

[8] Baron Andreas Adolf von Merian (1772–1828) was in the service of the Russian Foreign Ministry. Linguistics was his hobby. Cf. *Biographie universelle* (Michaud) 28 (2nd ed.n.d.), 33–34 (Eyriès)

1

J'arrivais ici dimanche au son avec mon fils, & je vous ai envoyé mon adresse hier mais je suis oubli vous dire que je partirai Jeudi au grand matin–

Je vous prie donc, cher Mr. Klaproth, si je n'ai pas le bonheur de vous rencontre, d'accepter les assurances de mon plus grande amitié et respect.

Je reste
Votre très fidèle Serviteur
S. Butler
Hotel Meurice
juillet 28

A Monsieur
Mons. Klaproth
5 Rue d'Amboise
à Paris

2

Cher M. Klaproth,

Je m'amuse à garnir une tabatière des pierres, pas précieuses, mais très intéressantes, c'est a dire de petits morceaux de montagnes les plus célèbres. Si vous avez un morceau du Caf[9] ou de mont Elbours, vous me ferez grand plaisir en ayant la bonté d'enrichir mon trésor d'un don si important. Adieu, cher M. Klaproth. Agréez les assurances de mon amitié et respect. Je suis

Votre très humble Serviteur
S. Butler
Shrewsbury
ce 10 Juin 1831

3

London Jan 10 1832

Accept my best thanks, my dear M. Klaproth, for your kind wishes, and my reciprocal expression of the same towards you. —

[9] Qāf, the world-encircling mountain range in Iranian mythology; the name of the Caucasus range, Qafqaz, is derived from it. See Daniel G. Prior: Travels of Mount Qāf: From legend to 42°0'N79°51'E. *Oriente Moderno, N.S.* 89. 2009: 2, pp. 425–444.

I address you in English, because you are an author in that language, & I therefore spare myself the labour of writing, & you the pain of reading much bad French — I duly received two volumes on the Geology of Asia. I have read the first with great interest — the second I have not yet looked into, owing to incessant engagement & long absence from home —

Whatever comes from your pen cannot but be interesting to me, but I hardly know a more interesting subject than the origin of writing — I shall be very thankful for it — I suppose stones afforded the first materials — I have recently purchased a considerable collection of Egyptian MSS which are now in the hands of a skilful artist to unroll — Two on linen, are in Greek — one is on leather — seven on papyrus, of which three are decidedly in the enctional character. I suspect that one, if not two of the others, will turn out to be Greek, but they are the most difficult to unroll, and I have been afraid to touch them myself — on re-inspection I think they are Coptic.

I have not seen Sir Wm Ouseley[10] since I have been in London — in fact I have been ill with inflammation on the chest — and I must leave town in 3 or 4 days — Probably Sir Wm and I may have speaking of different works — he would have nothing from my remarks respecting your great unpublished one.

My advice with regard to caution in communicating any part of your important work arose principally from your own observations on the subject, joined also to a desire of preventing any person from unworthily anticipating or impeding your labours. But as my only object was to promote your welfare and reputation, I conceive that your communicating a few chapters to Lord Kingsborough[11] with whom you are already in active correspondence, would rather

[10] Sir William Ouseley (1767–1842), a British orientalist who specialised in Persian.

[11] The patron Edward King, Lord Kingsborough (1795–1837) made a particular contribution to Mexican archaeology with the publication of the magnificent work Antiquities of Mexico (London 1830–1848), to which he sacrificed his fortune. See *Dictionary of national biography 11*.1921/22, pp. 130–131. See H. Walravens: *Briefe an den Orientalisten Julius Klaproth*

serve than impede your interests, but I think you should request his Lordship to consider the communication be confidential between yourselves and not to be generally known at present. When your work is so far in progress as to be ready for the press less reserve will be necessary.

I shall get the Asiatic Journal you allude to — The Sketch of Chinese Antiquity[12] will be most interesting — I am anxious to see whether you reduce years to days, which I believe has been done in the Indian Antiquities.

The articles on which I have specimens of ancient writing are stone — lead — wood — bronze — leather — linen cloth — bark — leaves — papyrus — vellum — charta bombycina — then in more recent ages comes paper — your history of writing will be extremely interesting. I understand that both in China & on the Eastern coast of the red sea there are specimens of writing on the living rock, or rather of engraving in it — I presume the characters which Herodotus tell Themistocles employed on the rocks in order to remind the Ionians of their Athenian descent were merely painted for the purpose, just as walls are now-a-days scribbled with the effusions of popular feeling on political occasions — Wishing you much enjoyment of health & happiness and all the success you can desire in your important & interesting literary pursuits I remain with very great respect & regard, Dear Mr. Klaproth,

Your very faithful and attached friend
S. Butler

A Mons.
Monsieur Klaproth
5 Rue d'Amboise
Paris

(1783–1835) von britischen Gelehrten: George Thomas Staunton, Viscount Kingsborough und William Huttmann. Norderstedt: BoD2021. 95 pp.

[12] Sketch of Chinese antiquity — presumably: A sketch of the early history of China. Condensed from M. Klaproth's «Asia polyglotta» and the 1st no. of his «Tableaux historiques de l'Asie depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours.» *Asiatic Journal* 18. 1824, pp. 556–560.

4

Shrewsbury Feb. 3, 1835

Dear Mr. Klaproth

Your most obliging letter found me, near 3 weeks ago, on a journey, & on my return here four days ago I receive the pithy apophthegma of a dear & lamented friend and your interesting edition of Mr. Titsingh's translation of the annals of the emperors of Japan[13].

With regard to the former of these, they present an interesting picture of the mind of a man whom I shall always revere & love, the latter place me in a new position, by giving me information about a country which is almost unknown here.

I am sorry to hear you have been so great an invalid, though I trust your health is now reestablished I have suffered myself very severely, both in my eyes & general health, through nearly the whole of last year — In consequence I have done nothing besides undertaking the discharge of my official duties, which are in themselves sufficiently onerous, and I am by no means equal at present to greater exertion.

Permit me to ask what countries you suppose to be meant by that passage in Kings XVII.6 יְדֵ֣י יִרְעֶ֔וּ וְזֹ֖וג רֹהֵ֑נִי רוּבְחָבֻ֥ר חֲלַֽהֲבּ

That it must be somewhere in the North is evident from Jeremiah Ch. III & XXXI. I have two countries in view whose etymologies I seem to trace in those quoted in the Hebrew, but I wish to have your judgment unbiassed by any preconceived opinion, & therefore I am silent till I hear from you.[14]

---

[13] *Nipon o dai itsi ran, ou Annales des empereurs du Japon,* traduites par M. Isaac Titsingh avec l'aide de plusieurs interprètes attachés au comptoir hollandais de Nangasaki; ouvrage revu, complété et corrigé sur l'original japonais-chinois, accompagné des notes, et précédé d'un aperçu de l'histoire du Japon par M. J. Klaproth. Paris: Printed for the Oriental Translation Fund; sold by Parberry, Allen & Co., London. 1834. VIII, XXXVI, 460 pp. 4°.

[14] Cf. *Die Bibel: Altes und Neues Testament. Einheits*ü*bersetzung.* Freiburg, Basel, Wien: Herder (1980): II Könige XVII,6: «Im neunten Jahr Hoscheas eroberte er [der König von Assur] die Stadt, verschleppte die Israeliten nach Assur und siedelte sie in Halach, am Habor, einem Fluß von Gosan, und in den Städten der Meder an.» [In the ninth year of Hoshea he [the king of Assyria] captured the city, deported the Israelites to Assyria and settled

I have no literary news to send you, and therefore you must excuse a very short & stupid letter. Believe me to be, with the greatest regard, Dear M. Klaproth,

Your much obliged & faithful friend & Servt.
S. Butler

A Monsieur
Monsieur Klaproth
5 Rue d'Amboise
Paris

Письма Самуэля Батлера (1774–1839) Юлиусу Клапроту (1782–1835)

Аннотация. Юлиус Клапрот, один из основателей современных исследований Востока и член (адъюкт) Российской Академии наук, поддерживал связи со многими востоковедами. Сохранилась только небольшая часть его эпистолярного наследия; наиболее полно оно представлено в Российской Академии наук (дела Клапрота, фонд 783). Среди наименее известных корреспондентов Клапрота был Самуэль Батлер (1774–1839), известный британский священник и просветитель (Фонд 738, опись 2, № 14). Видимо, их общим интересом была история развития шрифтов и письменности. Их познакомил барон Мериан из Российского Министерства внешних сношений. Поводом для знакомства было представление Клапрота как видного ученого из Петербурга и причины его выхода из Академии наук.

them in Halach, on the Habor, a river of Gozan, and in the cities of the Medes]. — Note: Samaria was conquered in the late autumn of 722 BC. The deportation of the population did not take place until 720 under Sargon. The areas mentioned are in northern Mesopotamia. Media is the mountainous region south-west of the Caspian Sea.

И. Ф. Попова
Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/kabg-8b18-1hmb

Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания

Аннотация. В статье представлен обзор неопубликованного сборника «Восточный Китай» из фондов Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. Сборник был составлен в 1941 г., в него вошло 15 статей, написанных ведущими отечественными китаеведами того времени. Содержание статей было гораздо шире, чем это обозначено в названии книги, адресованной достаточно широкой читающей аудитории. Статьи сборника отражают уровень китаеведения 1930-х годов и содержат материал, который позволяет судить о состоянии китайского общества и культуры в период начала второй мировой войны.

Тема истории отечественного востоковедения, архивоведения на всем жизненном научном пути Рамиля Миргасимовича Валеева остается главной. Поэтому в день его юбилея нам кажется важным представить его вниманию обзор одного неопубликованного дела из Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. Оно хранится в Разряде 1 (Китай), опись 1, ед. хр. 147 (машинопись, 119 лл.) и называется «Сборник статей «Восточный Китай (18 провинций)»». Сборник датирован 1941 г. В этот период интерес к Китаю в Советском Союзе носил особый характер, борьба китайского народа с агрессией милитаристской Японии вступала в решающую стадию, росло влияние Коммунистической партии Китая (не без поддержки СССР), поэтому в стороне от внутренних процессов китайского общества наша страна оставаться не хотела, и актуальной не только научной, но и политической задачей стало изучение Китая, включая его историю, географию, религию, вопросы семьи и повседневности. В 1940 г. Институтом востоковедения АН СССР был опубликован ставший сейчас библиографической редкостью сборник-

справочник «Китай»[1], куда были включены разделы, написанные исследователями-китаеведами, составлявшими цвет советского востоковедения. Неопубликованный сборник «Восточный Китай», очевидно, был задуман как дополнение к нему[2]. Статей к этому сборнику было подготовлено восемнадцать, их содержание гораздо шире, чем это обозначено в названии книги, и адресованы они явно были достаточно широкой читающей аудитории. В число авторов вошли академик Василий Михайлович Алексеев (1881–1951), профессор Г. Ф. Смыкалов[3], В. М. Штейн[4], Л. И. Думан[5],

[1] Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. ст. под ред. акад. В. М. Алексеева, Л. И. Думана, А. А. Петрова. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1940.

[2] Отсылка к сборнику «Китай» имеется в статье Н. А. Петрова, вошедшей в сборник «Восточный Китай» (л. 98).

[3] Смыкалов Георгий Феофанович (1877–1955) — китаевед широкого профиля, преподаватель-методист. По окончании Факультета восточных языков Петербургского университета (1902) был направлен в Китай, где трудился на КВЖД (1903–1907). С 1908 г. преподавал в ряде высших учебных заведений Ленинграда, в 1938–1955 гг. в ЛГУ, профессор (1947), заведующий кафедрой китайской филологии (1950–1955). Сотрудник Института востоковедения АН СССР (1938–1952).

[4] Штейн Виктор Морицович (1890–1964) — экономист, китаевед. В 1913 г. окончил Экономический факультет Петербургского политехнического университета, в 1915 г. — экономический факультет Петроградского университета (экстерном). Доктор экономических наук (1936), профессор (1945). Финансовый советник при правительстве Чан Кай-ши (1926–1927), вел преподавательскую работу в ряде высших учебных заведений Ленинграда, профессор ЛГУ (1934–1949), сотрудник Института востоковедения АН СССР (1935–1949, 1955–1964). Автор перевода трактата «Гуань-цзы» на русский язык (1959).

[5] Думан Лазарь Исаевич (1907–1979) — китаевед-историк. В 1930 г. окончил Факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ. Кандидат исторических наук (1935), доктор исторических наук (1965). В 1930–1950-е гг. преподавал в высших учебных заведениях Ленинграда и Москвы. Сотрудник Института востоковедения (1935–1940, 1952–1956, 1962–1979) и Института китаеведения (1956–1961). Служил в Советской Армии.

Л. Н. Рудов[6], Н. А. Петров[7], Ю. В. Бунаков[8]. Их авторство было обозначено подписью-автографом в конце каждой статьи.

Начинался сборник со статьи «Физико-географический обзор» (лл. 1–13), в которой была дана краткая характеристика природно-территориальных особенностей Восточного Китая и Великой Китайской равнины. Статья поделена на разделы: 1. Северо-западная окраина Восточного Китая; 2. Великая Китайская низменность; 3. Шаньдунский массив; 4. Система гор Циньлиншаня; 5. Юго-западная область плато и гор; 6. Нижнее течение р. Янцзы и прилегающие горы; 7. Области южного побережья. Этим территориям был дан физико-географический добротный обзор. Подпись автора неразборчива, зато четко читается дата 7/VII-41.

Статья «Административное деление» (лл. 14–17) была подписана именем Г. Ф. Смыкалова. Рассматривая территорию Китая, «поделенную на 25 провинций», автор пишет о многоуровневом местном управлении: «Еще совершенно недавно кит[айские] провинции делились на 府 *фу* — префектуры или департаменты, 州 *чжоу* — области, 縣 *сянь* — уезды и 廳 *тин* — приставства. <…>

[6] Рудов Леонид Николаевич (1888–1941) — китаевед-историк, один из пионеров киданеведения и чжурчжэневедения. В 1912 г. окончил Факультет восточных языков Петербургского университета, а также коммерческий разряд китайского отделения Практической восточной академии. В течение 25 лет служил в Обществе взаимного кредита (1912–1937). Сотрудник Института востоковедения (1937–1941). Погиб во время Блокады Ленинграда.

[7] Петров Николай Александрович (1908–1973?) — китаевед-филолог. В молодые годы трудился как рабочий, комсомольский работник. В 1933 г. окончил Ленинградский восточный институт. Кандидат филологических наук (1955). В 1935–1937 гг. работал в Китае. Сотрудник Института востоковедения (1938–1940, 1961–1965).

[8] Бунаков Юрий Владимирович (1908–1942) — китаевед-лингвист, первый в России исследователь коллекций иньских гадательных костей. В 1931 г. окончил Ленинградский восточный институт. Сотрудник Института языка и мышления АН СССР (1931–1938); сотрудник Института востоковедения (1938–1942). Погиб во время Блокады Ленинграда.

Ныне провинции делят на уезды (их количество в отдельных провинциях сильно колеблется) и округа 區 *цюй*. Населенные пункты могут быть подразделены на столичные города, прочие уездные города-*чэн* (城 стена, крупные города в большинстве случаев обнесены стенами), посады — 鎮 *чжэнь*, села — 鄉 *сян*, деревни — 村 *цунь*, 屯 *тунь*, хутора — *чжуан* 莊 или 庄; на картах кроме того встречаются еще следующие наиболее употребительные определители, указывающие на характер населенного пункта: колодец — 井 *цзин* (для добывания соли), крепость — 堡 *пу*, порт — 阜 *фу*, переправа — 津 *цзинь*, речной затон — 浦 *пу* и др. Кроме того, необходимо иметь ввиду, что крупные города имели всегда два названия — древнее и современное, и в настоящее время для многих городов официально употребляется только древнее название, под которым они значатся на географических картах» (л. 14). В разделе данной статьи «Важнейшие пути сообщения» отмечено, что «в последние годы, в особенности с развитием военных действий со стороны Японии, китайское правительство за короткое время создало много благоустроенных шоссейных дорог, пригодных даже для автомобильного сообщения, с общим протяжением свыше 100 тыс. клм». (л. 15). Далее приводится статистические данные о протяженности ряда железных дорог Китая и водной коммуникационной сети (лл. 16–17).

Статьи сборника «Промышленные районы и центры» (лл. 18–23) и «Аграрные районы» (лл. 24–26) были написаны китаеведом-экономистом В.М. Штейном. Обе статьи отражают экономическую ситуацию в Китае 1930-х гг., в них отмечено большое значение для страны сельского хозяйства при неуклонном росте числа промышленных центров. Отмечается, что развитие промышленности определялось не только внутренними экономическими потребностями страны, но и нуждами обороны, с чем было связано появление новых центров в южных и юго-западных провинциях Китая (л. 18). Особую роль в развитии промышленности продолжал играть крупнейший морской порт Шанхай, через который проходило около половины всего внешнего товарооборота Китая (л. 19). За годы пребывания гоминьдановского правительства значительно укрепилась роль

Нанкина как одного из «наиболее мощных» речных портов Китая (л. 19). Неизменно большое значение продолжал играть северный регион с Тяньцзинем и Бэйпином (Пекином) (л. 20). Проанализировано в статье и значение второстепенных промышленных центров — городов Циндао, Уханя, Кантона (Гуанчжоу), Чунцина, Куньмина (лл. 21–23). Аграрные регионы внутри Китая выделялись традиционно в связи с распространением в них определенных сельскохозяйственных культур — риса (юг), сочетанием риса и пшеницы (Цзянсу, Аньхой и Хубэй), зерновых (север) (лл. 24–26).

На одной страничке уместилась рукописная аннотация ненаписанной статьи «Религиозные центры» академика В. М. Алексеева: «Религиозные центры Китая расположены в разных его частях, но привлекают большое количество паломников. Так, влезть на вершину Тай-шаня (в Шаньдуне) и там возжечь курительные свечи за упокой родной души и за благополучие семьи (одно с другим тесно связано) или пробраться на вершину Мяофэн-шань (близ Пекина) помолиться детям тамошней богини (Нян-Нян); совершить паломничество в другие знаменитые горы: Утай-шань, Тянь-тай-шань, Тэ-мэй-шань и т.д. <…> Центрами паломничества ученых служат: храм Конфуция и Мэн-цзы (в Шаньдуне), места проповеди ученых Чжу-цзы, Чэн-цзя и других. Во всех этих местах поставлено большое количество каменных плит с выгравированными на них надписями в честь духа или ученого» (л. 27).

Статья «Размещение национальностей» В. М. Штейна (лл. 28–34) представляет обзор состояния народонаселения Китая на 1930-е гг. Статья содержит ценные статистические данные, которые в сравнении с современными могут дать представление о динамике развития численности этносов Китая. Статья приведена в приложении к настоящему обзору сборника «Восточный Китай».

Статьи «Название и самоназвание» (лл. 35–37) и «Героическая борьба и революционные традиции китайского народа» (лл. 38–42) написаны Л. И. Думаном. В первой из этих статей рассмотрены как самоназвания китайцев, начиная с древних

времен, так и варианты названия Китая в европейских языках; в разделе об этногенезе, особо подчеркнуто, что на протяжении своей 4000-летней истории, китайцы впитали в себя элементы культур многих других соседних с ними племен (л. 37). В статье о революционных традициях приводятся исторические факты о противостоянии Китая иноземным завоевателям. Это были и народы, удерживавшие север Великой Китайской равнины в III–VI вв., и кидани, и чжурчжэни в X–XII вв. Отмечено, что «монголам для завоевания всего Китая потребовалось свыше 50-ти лет, и даже после того, как они подчинили всю страну, борьба китайского народа с завоевателями не прекращалась, она приняла форму партизанского движения» (л. 38). Говорится и о крестьянских восстаниях, о войне тайпинов (лл. 39–40). В конце упоминается Синьхайская революция, приведшая к свержению маньчжурской династии Цин.

«Наружность китайцев» авторства Л.Н. Рудова (л. 43) — также короткая аннотация к, возможно, ненаписанной статье содержит самые общие сведения о ханьском этносе (цвет кожи, волос, глаз; форма носа и скул).

Статья «Сельский быт» (лл. 44–48), написанная В.М. Штейном, начинается фразой, которая в наши дни может свидетельствовать о мощи китайского этноса, к началу XXI в. достигшего численности почти полумиллиарда человек: «Из всей массы населения Китая, определяемой в 475–480 млн чел., 16–20% проживает в городах. Это означает, что деревенское население Китая должно составлять цифру, приближающуюся к 400 млн человек» (л. 44). Вопрос о причинах большой численности населения Китая вызывал интерес всего остального мира на протяжении десятилетий, и автор статьи делает попытку дать на него ответ, анализируя систему традиционного сельского хозяйства страны. В Китае на большей части территории процветало мелкое и среднее помещичье земледелие, которое порождало развитие в значительных масштабах арендного землепользования, а, следовательно, необходимость в большом количестве рабочих рук. Эта система хозяйствования сохранялась в Китае довольно долго, она существовала и в 1930-е гг., что привело, помимо сохранения

традиционного культа семьи, к вполне рациональным причинам роста народонаселения.

В статье Г.Ф. Смыкалова и В.М. Штейна «Хозяйственная деятельность» (лл. 49–61) приведены интересные сведения по этнографии китайцев. В частности, в начале названы основные орудия сельского хозяйства: «Для распашки полей служит простой плуг 犁 *ли*, на который могут насаждаться разной формы лемехи (круглый 鏵 *хуа*, выпуклый 鑱 *чань*) и отвалы 僻 *би* (последний служит также для разрезания корней растений). Поверхностный слой земли снимается при помощи особого скребка 剷 *чань*, также прикрепляемого к плугу. Плугом можно пользоваться или вручную, или при помощи ярма с лямкой, или же, наконец, силою животного. Для вскапывания отвердевшей земли пользуются заступами: 鋒 *фэн* (лопата с менее заостренным концом и с поперечиной на ручке) и 長 鑱 *чан чань* (лопата с искривленной ручкой и весьма острым концом лемеха). Новь обычно предварительно подготовляют или ручной мотыгой *цзюн*, зубчатым заступом 鐵搭 *те да* или же дернорезом 麗刀 *ли дао* вроде короткой косы. Весеннее, как и осеннее боронование полей, производится разными видами борон. 1) Деревянная борона из двух видов брусьев с 18 деревянными зубьями — 耙 *ба*. 2) Железная борона с железными зубьями 人耙 *жэнь ба*. 3) Беззубая борона —勞 *лао*, употребляется при бороновании как весной, так и осенью. 4) Каменный или деревянный каток для разрыхления комьев — 磟碡 *лу чжоу*. Для сеяния хлебов употребляют двурядный плуг с полыми ножками, куда насыпается посевное семя — 樓車 *лоу чэ*. Существует также богатый ассортимент различных орудий, употребляемых для прополки полей и их окучивания. В Китае в больших размерах применяется искусственное механизированное орошение, для каковой цели служат следующие приспособления: а) Горизонтальный конвейер с черпаками, приводимый во вращательное движение ногами человека — 翻車 *фань чэ*. б) Вертикальное колесо с черпаками, приводимое во вращательное движение силой течения воды — 水轉翻車 *шуй чжуань фань чэ*. в) Водоподъемное колесо (при помощи другого колеса, играющего роль шестерни) приводится в движение волом — 牛轉翻車 *ню чжуань фань чэ*» (л. 49, двойной).

Статья Н.А. Петрова «Вопросы материального быта» (лл. 62–69) начинается с описания обустройства старых китайских городов, их улиц и строений. Далее следует описание деревни, построек крестьян, упоминаются деревенские колодцы, регулирование выдачи воды из них, особенно в период эпидемий. Рассматривается внутреннее устройство дворов и домов, мебель, наличие в домах утвари, ремесленных орудий труда. Завершается статья кратким описанием традиционной одежды мужчин и женщин. Подчеркнуто, что «неотъемлемой принадлежностью каждого китайца является веер самых разнообразных форм и расцветок от бумажных до шелковых и деревянных и широкий зонтик» (л. 69).

В статье «Вопросы семьи» Ю.В. Бунакова (лл. 70–85) уделяется внимание семейному культу предков, обычаю проживания сыновей с женами и нарождающимся потомством в доме отца. «Большая семья такого типа является естественным порождением <…> специфических особенностей китайского земледелия… Раздел семьи может происходить только после смерти отца, причем отцовский дом с алтарем предков и прилегающими к нему угодьями остается в распоряжении старшего сына» (л. 72). Говорится и о неравноправном положении женщин в семье, о традиции «трех подчинений» (三從 *сань цун* — до замужества женщина подчинена отцу, в браке мужу, во вдовстве — старшему сыну), об обычае бинтования ног в старом Китае с целью приобретения ими т.н. формы «золотых лотосов» (金蓮 *цзинь лянь*) (лл. 72–74). Упоминается, что в начале XX в. под руководством протестантских миссионеров возникло получившее широкое распространение Общество борьбы с бинтованием ног (天足會 *Тянь цзу хуэй*) (лл. 74–75). Отмечена большая роль властей Советских (Пограничных) районов Китая в повышении социального статуса женщин, значение принятого Первым Всекитайским съездом Советов в 1931 г. законов об избирательном праве женщин, закона об охране труда женщин и детей, 8-недельном отпуске по беременности и т.д. (л. 77). Не обойдено вниманием автора статьи и «одно из важнейших событий в жизни человека и семьи — брак (紅事 *хун ши* «красное торжество», по господ-

ствующему в брачной церемонии красному цвету) (л. 77–78). Говорится и о статусе наложниц, практике усыновления, разводов, культуре деторождения, присвоения имени, похорон, соблюдения траура.

В статье Н. А. Петрова «Вопросы духовного быта» (лл. 86–94) кратко рассказано и о элитарной культуре, и о верованиях простых китайцев, эклектичности их религиозного сознания «трех религий» (三教 *сань цзяо*), устройстве праздников, постройке храмов (кумирен) в честь богов местности. К данной статье примыкает еще одна небольшая статья Н. А. Петрова о жизни китайской деревни (названия нет, лл. 95–100). «Китайская деревня представляет в значительной степени маленькое независимое государство, живущее своими ограниченными интересами», — с этих слов начинается эта статья (л. 95). Далее говорится об управлении деревней, функциях старост (старшин), о тяготении крестьян к самоорганизации, создании разного рода народных обществ (религиозных, производственных, кредитных и т.д.). «Основами жизни любой китайской деревни являются три момента: привязанность к земле, подчинение семейным порядкам и уважение к старине» (л. 96). Продажа земли осуждалась в китайском обществе, а детей воспитывали так, чтобы они в точности следовали традициям их отцов и дедов. В Китае в больших деревнях имели распространение начальные школы для детей (из зажиточных семей), хотя общий уровень грамотности оставался низким. При этом простому человеку в Китае всегда было свойственно тяготение к культуре народного театра, труппы приглашались на праздники и свадьбы, на ярмарках при кумирнях выступали циркачи и фокусники. Несмотря на официальные запреты имели распространение азартные игры и зрелища (бои сверчков, петухов или перепелов) (л. 100).

Статья «Народное искусство» написана Л. Н. Рудовым (лл. 101–112). В ней показан прежде всего яркий эклектизм китайской культуры, в том виде, каком она существовала в восприятии простого народа, небогатых людей. Традиционная музыка, а также декор, пусть и самый простой, при сооружении жилищ, изготовлении ремесленных изделий, «символические орнаменты» были

важнейшими составляющими китайского народного искусства (лл. 101–102). Любимейшим развлечением всех слоев общества был театр. «Репертуар театральных пьес может быть разделен на три главных рода: пьесы исторические, бытовые и в последнее время антияпонские. Зрители театральных представлений ведут себя, как правило, совершенно непринужденно, они свободно разговаривают между собою, шумят, едят сласти и пр.» (л. 103). Упоминается в статье и искусство лубочной картины (л. 104), и вредные привычки, имеющие распространение в Китае, такие как курение опиума и табака (л. 105), говорится о значении повседневного этикета, основанного на традиционной китайской морали (лл. 106–108). Не оставлены без внимания астрология, геомантия (*фэн шуй*) и физиогномистика, имеющие влияние на повседневную жизнь каждого китайца (л. 110). Завершается статья разделом о китайской медицине, где приводится классификация китайских медицинских средств, «которые могут быть разделены на восемь главных видов, включающих до 1400 разновидностей. 1) Корни: напр[имер], корни имбиря, корни пиона и др. 2) Кожица кардамона, апельсиновая корка и др. 3) Листья валерианы, мяты и др. 4) Цветы хризантемы, лотоса и др. 5) Семена: камфарного дерева, горчичное семя. 6) Травы: одуванчики, лимонная трава и т.д. 7) Насекомые: скорпионы, земляной червь и др. 8) Разные сушёные жабы, змеи и др.» (л. 112).

В статье Г.Ф. Смыкалова «Городской быт» (лл. 113–119) описано обустройство городов современного автору Китая, где уже имеются принадлежащие европейцам концессии, представляющие собой «как бы перенесенный на азиатскую почву европейский город, в котором сочетаются черты того и другого быта. Лучшим из таких городов является Шанхай…» (л. 113). Этот город представляет собой «государство в государстве», он управляется Международным муниципальным советом независимо от китайского правительства, европейцы чувствуют себя здесь полными хозяевами, имеют собственную полицию, состоящую из индусов-сингхов, к китайскому населению относятся пренебрежительно (л. 113). Отмечается, что после Синьхайской революции новое правительство произвело ряд изменений относительно

благоустройства города (были разбиты новые скверы и парки, улучшены дороги, развиты системы водопровода и канализации, в крупных городах появилось трамвайное движение). При этом, китайские города живут по тем же принципам, что были заложены в древности: сохраняются торговые и цеховые кварталы, выходцы из какой-либо провинции стараются селиться в чужом городе вблизи своих земляков, обособленно живет мусульманское население (лл. 113–114). С большим сочувствием рассказано о вербовке рабочих и их быте в неблагоустроенных кварталах-общежитиях, распространение которых связано с появлением фабрик и заводов (лл. 115–117).

Статья «Особенности быта эксплуататорских классов» Г. Ф. Смыкалова (лл. 118–119) является продолжением его предыдущей статьи. Она завершает сборник и содержит классификацию социальных слоев населения Китая в соответствии с господствовавшим тогда в отечественной науке идеологическим подходом: «Эксплуататорская группа весьма многочисленна и разнообразна. В нее следует включить представителей высшей бюрократии, крупных земельных владельцев и спекулянтов, коммерсантов, заводчиков, фабрикантов, банкиров, компрадоров, ростовщиков, содержателей игорных и публичных домов. Вся деятельность этой группы устремлена к жестокой эксплуатации населения, к беззастенчивой наживе» (л. 118).

На последней странице имеется подпись «Бригадир Ю. Бунаков» и дата «8/VII 41».

Приложение

(/ л. 28) Размещение национальностей.

Население Катая, определявшееся до начала войны с Японией в I937 г. в 475–480 млн чел. (переписей населения в подлинном смысле слова в Китае никогда не было), размещалось по территории страны крайне неравномерно. В восточных приморских провинциях плотность населения доходила до 300 чел. на кв. клм., напр[имер], в Цзянсу (дельта р. Янцзы) или 200–230 в Хэбэе и Шаньдуне (крайний северо-восток собств[енно] Китая), тогда как в высокогорных западных частях страны она падала до таких

цифр, как 0,83 в Тибете, 1,64 в Синине[9], б[ывшем] Цинхае. Война вызвала резкий отлив населения с востока на запад, и теперь эти крайности отчасти сгладились. Считается, что всего переселилось в процессе этой колоссальной массовой миграции не менее 50–60 млн чел., причем, наибольший прилив населения можно отметить в Сычуани, Юньнани, Гуйчжоу, Шэньси, Гуанси и отчасти даже на крайнем юго-западе Китая (Сикан[10], Тибет).

Преобладающая масса населения состоит из китайцев. Официальная китайская статистика регистрирует национальные меньшинства под именем «народов, говорящих не на китайском языке», и определяет их число примерно в 25–27 млн чел. В действительности их численность должна быть несколько выше. Упомянутая статистика отмечает наличие сравнительно многочисленных национальных меньшинств в следующих провинциях: (/ л. 29) Юньнань — 8.600.000 чел.; Гуанси — 4.470.000; Гуйчжоу — 4.300.000; Синьцзян — 2.280.000; Сычуань — 745.000.

Из этих данных видно, что национальные меньшинства преобладают на юге и на западе страны.

Представители национальных меньшинств по общему правилу резко отличаются от китайского населения и по уровню материальной и духовной культуры, и по способам ведения хозяйства. Китайские крестьяне в подавляющем большинстве занимаются оседлым земледелием, причем их хозяйство характеризуется преобладанием садово-грядковой культуры. Товарность сельскохозяйственных культур в среднем едва ли ниже 30%, а в наиболее развитых районах поднимается до 50% и выше, в связи с чем товарно-денежные отношения в экономике Китая достигли довольно высокой степени развитая. Наоборот, среди национальных меньшинств до сих пор широко распространено экстенсивное пастбищное животноводство, а земледелие играет

[9] Синин 西寧 — городской округ и административный центр пров. Цинхай.

[10] Сикан 西康 — с 1939 г. провинция Китая; в 1955 г. восточная ее часть была присоединена к провинции Сычуань, западная вошла в Тибетский автономный район.

второстепенную роль. Хозяйство имеет преимущественно натуральный характер. Существенные различия существуют и в социально-экономической структуре. Если в китайской деревне преобладают феодальные пережитки с довольно значительным удельным весом капиталистических отношений в отдельных районах, то у многих некитайских племен и народностей, живущих на территории Катая, феодальные отношения только складываются и существуют несомненные остатки племенного родового быта. От этой общей характеристики перейдем (/ л. 30) к конкретным племенам и провинциям, ограничившись теми 5 из их числа, которые имеют наиболее значительное некитайское население и уже упомянуты выше. Сверх того, придется вкратце коснуться о. Хайнань и большого Тибета.

В южный национальный район входят провинции: Зап. Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу и Гуанси. В самой Сычуани граница между китайскими и национальными территориями проходит по р. Минь (приток Янцзы): китайцы живут на восток от этого естественного рубежа. Во всем указанном национальном районе к категории национальных меньшинств принадлежит не менее 15 млн чел. Одна из важнейших народностей — «носу» (в китайской националистической литературе их называют «лоло»)[11]. Значительная часть «носу» сохранила известную независимость от китайской администрации. Центр этих полунезависимых поселений «носу» находится в горной стране Даляньшань, между долинами Цзяньчан и Янцзы в Сычуани. Феодальная организация «носу» представляется в следующем виде. Феодальная верхушка состоит из наследственных князей («тусы» или «туму»), опирающихся на класс дворян, именуемых «черными носу». Следующую ступень занимает полукрепостное население («белые носу»), за которыми следуют рабы.

Феодально-помещичья собственность у «носу» часто достигает размеров настоящих латифундий. Некоторые князья имеют по несколько тысяч арендаторов и еще гораздо больше

[11] Носу или *лоло* 倮倮族 — названия народности *ицзу* 彝族, проживающей на юге и юго-западе Китая. В настоящее время их численность на территории Китая составляет более 8 млн человек.

субарендаторов, Крепостное население обязано барщиной и несет натуральные повинности. Остатки родового (/ л. 31) [строя] заключаются в сохранении деления на кланы, имеющие своих вождей и обязанных в случае войны поставлять известное число бойцов.

Своих городов у «носу» нет. «Носу» занимаются пастбищным животноводством и богарным земледелием при решительном преобладании натурального хозяйства. По некоторым данным численность «носу» доходит до 2 млн чел. В этнографическом отношении они приближаются к зап. тибетцам и значительно отличаются от китайцев. Они имеют свой язык, письменность (иероглифическую), национальный костюм, законы и обычаи.

Народность «мон» (у китайцев они называются «мяо»[12]) на протяжении ряда веков продвигались из северного в южный Китай и даже за его пределы, во Французский Индокитай. Больше всего «мон» сосредоточено в Гуйчжоу. Они оттеснены китайцами в горы и там, где это возможно, занимаются богарным земледелием, высевая кукурузу, просо, овес, ячмень, рис, а в худших условиях вынуждены вести подсечно-переложное хозяйство. Иногда «мон» арендуют землю у «носу», так что по 40–50 деревень «мон» расположены на земле одного князя «носу». Однако, значительная часть «мон» еще не знает феодальных отношений и остается на стадии патриархально-родового быта. Угнетение «мон» китайцами вызывает среди них частые восстания, для борьбы с которыми китайскими властями созданы на всей территории, населенной «мон», военные станции на расстоянии I½ клм. одна от другой. Численность «мон» определяется в 2 млн чел.

(/ л. 32) «Таи», составляя основное этнографическое ядро государства того же имени (прежний Сиам), вместе с тем, представляют довольно многочисленную прослойку во всей юго-восточной Азии а, в частности, в Китае, где их всего насчитывается почти 7 млн чел. (преимущественно в Юньнани, Гуанси и Гуйчжоу). В Юньнани китайцы предоставили в распоряжение «таи»

[12] Народ *мяо* 苗 — одна из наиболее многочисленных групп национальных меньшинств Китая. В настоящее время их проживает в КНР около 9 млн человек.

лишь малярийные и болотистые участки по долинам рек, сами же китайцы селятся не ниже 1,2 км над уровнем моря. «Таи» в преобладающей своей часта состоят из оседлых земледельцев, занимающихся поливным рисовым хозяйством. Феодальные отношения у них отличаются гораздо большей степенью развития к зрелости, чем у «носу» и «мон». Среди «таи» чрезвычайно распространена буддийская религия. Уровень грамотности довольно высок.

В сев.-зап. части Гуандуна в горах обитает довольно большое количество «яоцзы» [瑶族], из которых часть почти ассимилировалась с китайцами, но другая часть сохраняет существенные особенности быта и хозяйства. Горцы обычно ходят босыми и носят длинные, иногда спадающие на плечи волосы. В древности они жили преимущественно охотой и войной, теперь же перешли главным образом к земледелию. Обрывистые скалы гор засеваются кукурузой, просом, гаоляном, сладким картофелем или бобами, причем господствует мотыжный труд. Обработка земли — преимущественно общинная. «Яоцзы» — прекрасные охотники и рыболовы. Эта народность управляется старостами, являющимися одновременно кулаками-ростовщиками, располагающими большими денежными и продовольственными фондами, а также судьями, врачами, жрецами.

(/ л. 33) Весьма пестрым в национальном отношении составом населения отличается крупнейший остров Китая Хайнань, расположенный на крайнем юго-востоке страны и служивший прежде местом ссылки. Основная этнографическая группа острова — это китайцы «хокло»[13] на северо-востоке Хайнаня и почти по всему побережью. Их всего около 1½ млн. «Таи» населяют сев.-зап. угол острова. Центральная гористая часть Хайнаня занята аборигенами племени «ли»[14], сохранившими примитивный общественный уклад и до сих пор отчасти прибегающими к татуировке (искл[ючительно] женщины). Остальные категории численно невелики. Один из миссионеров, объездивший остров в 1928 г. сообщил, что сев.-вост. район Хайнаня, населенный «хо-

[13] Народ хакка (客家 *кэцзя*).

[14] Народ ли (黎族 *лицзу*) или лай — таиязычные аборигены о. Хайнань.

кло», является «рассадником большевизма», что, несомненно, свидетельствует об особой остроте эксплуатации в этой части территории острова.

Крайняя сев.-зап. провинция Китая Синьцзян имеет весьма смешанное население, среди которого китайцы составляют ничтожное меньшинство (не более 10%). Преобладают уйгуры (около 2/3 населения), народ тюркского происхождения, занимающийся оседлым земледелием. Главная масса уйгуров состоит из крестьян, в городах преобладают уйгуры-ремесленники, рабочие и купцы. Таранчинами[15] называются уйгуры, переселившиеся в Джунгарию, особенно в район Кульджи. В их руках находится значительная часть гужевого транспорта Зап. Джунгарии. Из числа других этнографических групп следует назвать киргизов, монголов, дунган, казахов (киреев), чахаров, дуланей, лоблыков и др.

Большой Тибет, состоящий из собственно Тибета, а также провинций Сикан и Синин, также имеет разноплеменное население, (/ л. 34) в котором можно выделить следующие этнографические группы: тибетцев (тангутов, камба), монголов, смешанные монгольско-тибетские народности, саларов, дунган, носу, лису, луцзы, мелам и др. Феодализм в этом районе принимает главным образом форму теократии. Феодалы и монастыри выколачивают у подвластного населения ренту (обычно в натуральной форме), подвергают его торгово-ростовщической эксплуатации, сохраняют за собой разработку недр, добычу драгоценных металлов. Сверх того, тяжелым бременем па крестьянство падают налоги, взимаемые китайской администрацией.

В заключение настоящего раздела следует отметить, что в Китае мусульманство является не только религией, но чаще всего выделяется и в качестве национальной группы. Достаточно, например, сказать, что некитайское население Синьцзяна в преобладающей части принадлежит к мусульманам. По миссионерским данным, в Китае мусульман от 5 до 10 млн чел., которые по провинциям распределяются следующим образом (приводятся

[15] Таранчины, таранчи — устаревшее название этнографической группы уйгуров илийцев или кульджинцев.

только провинции с наиболее многочисленным мусульманским населением, доходящим до I млн и выше): Ганьсу — 2–3½ млн.; Синьцзян — 1–2½; Хэбэй — ½–1; Юньнань — 0,3–1.

В. М. Штейн

Irina F. Popova

Unpublished Collection of Articles «Eastern China». Review of Content

Summary. The paper presents review of the unpublished collection of articles «Eastern China», kept in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The collection was compiled in 1941 and includes 15 papers, written by the leading Sinologists of the country of that time. The content of the articles was much wider that it was highlighted the title of the book, addressed to the general readers. The papers of the collection reflect the level of the Chinese studies of 1930^{s} and present material, which give impression about the state of the Chinese society and culture at the beginning of the World War II.

Н. А. Самойлов
Восточный факультет СПбГУ

DOI: 10.48612/IVRRAN/4tgb-ftg6-zfak

Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.

Аннотация. Статья посвящена истории русской почтовой службы на территории Китая и Османской империи в конце XIX — начале XX в. История почты в указанный период неразрывно связана с процессами социокультурного взаимодействия и коммуникаций между народами и культурами, что определяет актуальность изучения таких тем. Работа русской почты в Китае и Османской империи способствовала распространению знаний и взаимных представлений народов друг о друге.

История почтовой связи между Россией и Китаем насчитывает столетия. Вопросы своевременной доставки корреспонденции затрагивались в соответствующих статьях Нерчинского (1689 г.) и Кяхтинского (1727 г.) русско-китайских договоров, а в Тяньцзиньском трактате 1858 г. появилась специальная 11-я статья, в которой было сказано:

«Для правильных сношений между российским и китайским правительствами, равно как и для потребностей Пекинской духовной миссии, учреждается ежемесячное легкое почтовое сообщение между Кяхтой и Пекином. Китайский курьер будет отправляться в определенное число каждого месяца из Пекина и из Кяхты и должен не более как чрез пятнадцать дней доставлять посланные с ним бумаги и письма в одно из означенных мест.

Сверх того чрез каждые три месяца или четыре раза в год будет отправляться тяжелая почта с посылками и вещами, как из Кяхты в Пекин, так и обратно, и для следования оной определяется месячный срок.

Все издержки по отправлению как легких, так и тяжелых почт будут поровну уплачиваться русским и китайским правительствами»[1].

[1] Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 68.

Постоянно действовавшая русская почтовая служба на территории Цинской империи была организована 23 марта (4 апреля) 1870 г. в соответствии с решением Государственного Совета[2]. Она была учреждена как «частное предприятие, состоящее под покровительством Русского правительства»[3], которое назначало уполномоченных им должностных лиц (со званием Управляющих почтовыми конторами) в Ургe, Калгане (Чжанцзякоу), Пекине и Тяньцзине. Посольство Российской империи и консульства в Урге и Тяньцзине были должны оказывать этим почтовым чиновникам свое содействие. На расходы по содержанию почтового сообщения между Кяхтой и Тяньцзинем отпускалось ежегодно по 17 600 рублей серебром.

В созданных в соответствии с этим решением почтовых конторах принималась и отправлялась почтовая корреспонденция, адресованная во все города России и за ее пределы. В течение месяца русская почта по китайской территории из Тяньцзиня до Кяхты проходила по восемь раз (по три легких почты и по одной тяжелой в каждую сторону). Легкая почта из Кяхты в Тяньцзинь могла дойти летом за 11 суток, а тяжелая за 27 суток, зимой на несколько дней дольше. Легкой почтой отправлялась казенная корреспонденция, включая важные документы и пакеты, частные заказные и простые письма, деньги в ассигнациях, золотой и серебряной монете и даже ценные вещи, а также периодические издания (газеты и журналы) в тюках весом до одного пуда. Тяжелой почтой пересылались казенные и частные тюки и посылки большого веса и крупных габаритов, золотые и серебряные монеты в значительном количестве, книги, произведения искусства и т.д. По территории Монголии почту

---

[2] 1870. Марта 23. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. — *Об окончательном устройстве временного существующего почтового сообщения между Кяхтою и Тянь-Цзином.* № 48168 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. (в 55 томах + тома дополнений и указателей). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885. Т. XLV. Ч. 1. С. 307–308.

[3] Там же.

перевозили в тюках на лошадях и верблюдах, а по территории собственно Китая — на мулах и ослах, запряженных в телеги. Между Пекином и Тяньцзинем почта обычно перемещалась водным путем — по реке Байхэ.

Создание русской почтовой службы за пределами Российской империи было вполне обычным для того времени явлением. Россия, подобно другим западным державам, таким как Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, стремилась создать разветвленную сеть почтовых контор в различных частях земного шара. Число русских почтовых отделений за границей даже превосходило количество британских[4].

В 1897 г. русские почтовые отделения были открыты в Шанхае и Чифу (Яньтае), а в дальнейшем — в Ханькоу, Харбине, Мукдене, Порт-Артуре, Дальнем, Урумчи и т.д.[5] Кроме того, во время и после Восстания ихэтуаней по всей Маньчжурии работало множество российских военно-полевых почтовых отделений, где также часто принималась и гражданская почта. На большинстве крупных станций Китайско-Восточной железной дороги были открыты русские почтовые отделения, а в таких важных городах, как Харбин, было несколько таких почтовых контор. Кроме того, на КВЖД работали передвижные почтовые отделения. К 1912 г. в Китае насчитывалось 30 российских почтовых контор и отделений[6].

К периоду Синьхайской революции в Китае, помимо российских почтовых контор, активно работали почтовые службы нескольких государств: Германии, Великобритании, Франции, Японии. По оценкам российских журналистов, в то время наиболее преуспевала немецкая почта, которая из года в год расши-

[4] *Владинец Н.И.* Филателистическая география. Советский Союз. М.: Радио и Связь, 1982. С. 22.

[5] Там же. С. 23.

[6] Русская почта в Империи, в Турции, в Китае и почта в Царстве Польском. Подробный справочник для собирающих почтовые марки, цельные вещи и почтовые штемпели / сост. С.В. Пригара, почетный член русского общества филателистов «Россика». Нью-Йорк: Изд. автора, 1941. С. 175. (Далее — Пригара С.В. Указ. соч.)

ряла свою деятельность, «приноравливаясь к условиям местной жизни» и стараясь учитывать не только интересы иностранцев, но и местного населения[7].

Корреспондент «Почтово-телеграфного вестника» приводил любопытные примеры, которые можно прочитать в издании «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» за 1913 г. Поскольку в то время Китай не являлся членом Всемирного почтового союза[8], китайская почта для отправки посылок в другие страны должна была пользоваться поддержкой иностранных почтовых служб. Однако русская почтовая контора в Тяньцзине по формальным причинам отказывала в содействии с отправкой китайских почтовых отправлений через Сибирь, из-за чего китайцам приходилось прибегать к посредничеству немецкой почты и наклеивать на посылки не только китайские, но и германские марки. Это вызывало лишние хлопоты, но поступать иначе не представлялось возможным, так как в распоряжениях российского почтового начальства говорилось «только о немецких, французских и английских посылках»[9]. Другой пример — возвращение русской почтой в Харбине отправителю его посылки с бутылкой льняного масла из-за «непроставления в декларации стоимости отправления».

В этой связи необходимо отметить, что на рубеже XIX и XX вв. стало постепенно развиваться современное почтовое дело и в самом Китае. В 1865 г. англичанин Роберт Харт, главный начальник морских таможен Китая, создал почтовую службу для Императорской морской таможни. Вначале она занималась перевозкой консульской почты в договорные порты и из них. На ее основе 1 мая 1878 г. была организована общегосударственная почта, услуги которой стали доступны китайцам. 20 марта 1896 г. был обнародован императорский указ, согласно которому, Харту было предписано преобразовать Таможенную почту в Императорскую китайскую почту.

---

[7] Иностранные почты в Китае // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1913. № 25. С. 3.

[8] Китай смог присоединиться к Всемирному почтовому союзу 1 марта 1915 г., хотя его первое обращение по этому поводу относится к 1897 г.

[9] Там же. С. 4.

Серьезная реформа китайской почты была осуществлена после Синьхайской революции. Центральным органом почтового ведомства стало Главное управление почт в Пекине, которое возглавлял гражданин Франции Александр Теофиль Пири (1851–1918) — протеже Роберта Харта, назначенный еще при Цинской династии в 1901 г. секретарем почтового ведомства и продолжившим свою работу в качестве генерал-почтмейстера китайской почты в мае 1911 г. Данную должность он занимал и в период Китайской республики вплоть до выхода на пенсию в 1917 г.[10] В этот период в Китае начала активно развиваться современная система организации почтового дела, отмечались четкая и аккуратная работа почтовых отделений и дешевизна тарифов. Начальниками почтовых округов, их помощниками и во многих случаях заведующими почтовых контор были иностранцы, в том числе и несколько русских.

К 1915 г. в Китае насчитывалось 7808 почтовых отделений через которые прошло 629 миллионов отправлений (за прошедшие 10 лет их число увеличилось в 9 раз). Из этого количества 40,4% приходилось на долю Северного Китая, 26,4% — на Шанхай и тяготеющие к нему районы (провинции Цзянсу, Аньхуй и Чжэцзян), 17,5% — на Юг Китая и 15,7% — на Центральный Китай (провинции Сычуань, Хубэй, Хунань, Гуйчжоу и Цзянси)[11].

Для отправки почтовой корреспонденции требовались почтовые марки. Первая марка для оплаты почтовых сборов («Большой дракон») была выпущена в цинском Китае в 1878 г. (*рис. 1*) На марке, помимо надписи на китайском языке: 大清, имелся и текст на английском: *China*. Номиналы были указаны в *кандаринах* (candarins)[12].

Иностранные государства для оплаты почтовой корреспонденции, отправлявшейся из Китая поначалу использовали свои собственные почтовые марки, но постепенно перешли к надпечаткам и специальным выпускам. Так, например, германская почта, открывшая свое первое отделение на территории Китая

[10] О его работе в Китае см.: Д. Почтовое дело в Китае // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1915. № 20. С. 3.

[11] Там же. С. 4.

[12] Candarin — английское название фэня = 1/100 ляна.

Рис. 1. Марка «Большой дракон»

в 1886 г., использовала свои обычные почтовые марки с надпечаткой «China», однако затем появились специальные выпуски для «арендованной территории» Цзяочжоу (Киао-Чао). С 1894 г. все отделения германской почты в Китае являлись членами Всемирного почтового союза.

Что касается русской почтовой службы в Китае, то первоначально для оплаты почтовых услуг использовались стандартные марки Российской империи. Однако с 1899 г. на марках России стала производиться диагональная типографская надпечатка на русском языке «*КИТАЙ*» синего, красного (карминового) или черного цвета. Впервые это было определено циркуляром Начальника Главного управления почт и телеграфов от 15 апреля 1899 г. для оплаты писем и бандерольных отправлений в российских почтовых учреждениях Шанхая, Чифу и Ханькоу[13]. Таким способом были введены в обращение русские почтовые марки, выпущенные в 1889 г., с диагональной надпечаткой «*КИТАЙ*». Эти марки были действительны при подаче корреспонденции исключительно в трех указанных отделениях.

Так как в то время курсы китайской и российской валют были примерно равными, номиналы почтовых марок указывались в рублях и копейках. При продаже марок почтовые отделения принимали оплату в китайской валюте по курсу 1 «китайский цент» (*фэнь*) за 1 русскую копейку. Этому способствовала денежная реформа, проведенная в цинском Китае в 1889 г., в результате которой в стране отказались от использования бронзовой монеты

[13] *Пригара С.В.* Указ. соч. С. 175–176.

Рис. 2. Почтовые марки с надпечатками «*КИТАЙ*»

с квадратным отверстием (*цянь*), а на смену литью пришла чеканка с помощью европейских машин. Главным содержанием этой реформы стало принятие новой монетной системы на основе «мексиканского доллара» (песо): 1 «доллар» (*юань*) = 100 «центам» (*фэнь*), а 10 фэней составляли *1 цзяо*[14].

Последующие выпуски почтовых марок с надпечатками стали использоваться во всех отделениях русской почты в Китае (*рис. 2*). И хотя, как было сказано выше, надпечатки должны были делаться только с использованием трех цветов краски, известны марки с надпечаткой «*КИТАЙ*» фиолетового цвета, сделанной ручным способом в Амурском округе.

В 1917 г. в связи с падением курса рубля были выпущены марки с надпечатками в китайской валюте латинским шрифтом

[14] *Быков А.А.* Монеты Китая. Л.: Советский художник. 1969. С. 37.

Рис. 3. Почтовые марки с надпечатками «*Dollar, cents*»

(*Dollar, cents* — все они были сделаны черным цветом), при этом надпечатывались они в России и оттуда доставлялись в Китай. На марке номиналом 1 коп. была сделана диагональная надпечатка «*1 cent*», на марке номиналом 2 коп.— «*2 cents*», на марке номиналом 1 руб.— «*1 DOLLAR*» (*рис. 3*). С 1917 г. выпуск с черной типографской диагональной надпечаткой новых номиналов поступил в русские почтовые конторы Китая и был дополнен в 1920 г. Интересно, что использовался он вместе с продолжившими хождение марками прежних выпусков.

В связи с тем, что в период Гражданской войны пополнить расход почтовых марок не представлялось возможным, в октябре 1920 г. был осуществлен последний выпуск марок русской почты в Китае. Типографские горизонтальные надпечатки нового но-

минала красного и черного цвета были выполнены в Харбине, отсюда и произошло его название: «*Харбинский выпуск*».

С появлением в 1870 г. русских почтовых контор в Китае там для гашения почтовых марок на корреспонденции стали использоваться почтовые штемпеля. И хотя с 12 апреля 1860 г. в России были ведены единообразные штемпеля круглой формы, на территории Китая еще долгое время пользовались старыми — прямоугольными. В 1880–1890-х годах кое-где в отделениях русской почты в Китае применялись штемпеля овальной формы. Круглые штемпеля появились лишь в конце 1890-х. Обычно текст на них писался по-русски: «Шанхай. Загран. П.К.», «Харбинъ», «Урга в Монголии» и т.д., однако известны шанхайские штемпеля с надписью на французском: «Shanghai Poste Russe»[15].

Еще одна разветвленная система русской почтовой службы существовала в конце XIX — начале XX в. в Османской империи.

В 1860-х годах доставка корреспонденции из России в Османскую империю была передана государством в ведение Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), основанного в 1856 г. и в дальнейшем превратившегося в крупнейшую пароходную компанию Черноморско-Средиземноморского бассейна, имевшую к концу XX в. в своем распоряжении 77 пароходов. В 1857 г. Общество получило от российского правительства разрешение на перевозку своими судами почты по Черному морю и в водах Османской империи, а также право производить во всех портах прием и выдачу корреспонденции. Плата за перевозку всей корреспонденции, следовавшей из России в страны Востока, поступала полностью в Государственную казну, а Обществу отдавалась плата за корреспонденцию, отправлявшуюся в Россию. На основании Высочайшего повеления от 9 апреля 1867 г. отделения РОПиТ получили статус, аналогичный обычным российским почтовым отделениям, и просуществовали в таком качестве до 1914 г., когда в связи с началом Первой мировой войны все русские почтовые отделения на территории Османской империи были закрыты.

[15] *Пригара С.В.* Указ. соч. С. 180–181.

Начиная с 1 января 1863 г. корабли, принадлежавшие РОПиТ, перевозили почту в следующие порты: Батум, Трапезунд (Трабзон), Митилена (Митилини), Смирна, Мерсин, Александретта (Искендерун), Бейрут, Яффа, Александрия, Афон и Салоники[16]. В 1865–1868 гг. РОПиТ исключительно для своей корреспонденции, отправляемой пароходами Общества в восточные порты, выпустило две специальные почтовые марки без зубцов и без обозначения на них стоимости, которые печатались литографским способом в Одессе. Затем появились марки номиналом в 2 и 20 копеек обычного размера, выпущенные в 1865 г., на которых наряду с государственным гербом можно увидеть изображение парохода и надпись: «*РОПиТ*». Марки аналогичного рисунка, но в лучшем исполнении увидели свет в 1866 г.

С 1868 г. РОПиТ перешло на рисунок с большой цифрой номинала в центре и надписью: «*Восточная корреспонденция*». Эти марки переиздавались вплоть до 1890 г.

Распоряжением Начальника Главного управления почт и телеграфов от 6 ноября 1899 г. оплату корреспонденции, принимаемой почтовыми отделениями РОПиТ в Константинополе и других городах Османской империи, начиная с 1900 г., стали производить общероссийскими марками, но с надпечатками на них стоимости в местной турецкой валюте — *пара* и *пиастры* (1 пиастр = 40 пара)[17].

В 1909 г. к 50-летию Российского общества пароходства и торговли была выпущена серия памятных почтовых марок, на которых вместо императорского двуглавого орла был изображен логотип РОПиТ (пароход) и обозначены юбилейные даты (1887–1907). Номиналы на марках были указаны в русской валюте с надпечаткой номинала в пиастрах и пара *(рис. 4)*.

В 1909–1910 гг. эти марки вышли с надпечатками названий городов и мест, где находились русские почтовые отделения, сделанными на французском языке: «*Constantinople*» — Константинополь, «*Smyrne*» — Смирна, «*Trebizonde*» — Трабзон, «*Jaffa*» — Яффа, «*Ierusalem*» — Иерусалим, «*Salonique*» — Салоники, «*Mont-Athos*» — гора Афон и др. (*рис. 5*).

[16] Там же. С. 158.

[17] Там же. С. 164–165.

Рис. 4. Почтовые марки с надпечаткой номинала в пиастрах и пара

Рис. 5. Почтовые марки с надпечаткой географических названий

В 1913 г. была изготовлена уникальная коммеморативная серия почтовых марок путем нанесения надпечаток номинала в турецкой валюте на популярные в то время юбилейные марки Российской империи, посвященные 300-летию Дома Романовых (*рис. 6*). Русская почта продолжала очень активно работать на территории Османской империи вплоть до Первой мировой войны, когда были закрыты все российские почтовые отделения.

Русская почтовая служба на территории Китая окончательно прекратила свою деятельность в 1920 г.

Рис. 6. Почтовые марки с надпечаткой номинала турецкой валюте

Nikolay Samoylov

Russian Postal Service in China and the Ottoman Empire in the Late 19th — Early 20th Century

Summary. The article is about the history of the Russian postal service in China and the Ottoman Empire in the late 19th — early 20th cc. The history of the post in this period is inextricably linked with the processes of socio-cultural interaction and communication between peoples and cultures, which determines the relevance of studying such topics. The work of the Russian post in China and the Ottoman Empire contributed to the dissemination of knowledge and mutual images of the peoples about each other.

М. А. Козинцев
Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/494u-h88e-epb2

К оценке научного наследия И. Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б. М. Данцига

Аннотация. Наследие видного российского востоковеда И. Н. Березина (1818–1896) давно сделалось объектом исследовательского внимания. Начиная с 20-х годов XX в. вплоть до современности отечественными учеными предпринимаются попытки проанализировать и описать достижения Березина в отдельных областях востоковедной науки. Так, его путешествия по Ближнему Востоку подробно охарактеризованы Б. М. Данцигом (1896–1973). В статье вводится в научный оборот неопубликованный очерк Данцига, текст которого хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН. В очерке представлен обзор поездки Березина по территории Османской империи и даны оценки его взглядов на историю и культуру региона с позиций советской науки. Очерк обладает также справочной ценностью, поскольку содержит сведения о множестве статей Березина, опубликованных в русских периодических изданиях XIX в.

Выдающийся русский ученый, педагог и просветитель XIX в., один из основоположников отечественного университетского востоковедения профессор Илья Николаевич Березин (1818–1896) внес существенный вклад в расширение знаний об истории и культуре народов Ближнего и Среднего Востока. Его обширное и разнообразное научное наследие включает широкий спектр работ по истории, языкознанию и литературоведению, источниковедению, эпиграфике, дипломатике и нумизматике. Большую известность среди современников получили очерки о совершенных И. Н. Березиным на заре его научной карьеры путешествиях по мусульманскому Востоку, изобилующие как богатой фактологией, так и живыми яркими описаниями этнографических реалий. Не менее знаменит издававшийся И. Н. Березиным, уже маститым ученым, «Русский

энциклопедический словарь» (в 16 томах, 1873–1879). Выпускник (1837), а впоследствии профессор (1854) и почетный член (1890) Казанского университета, профессор (1855), декан факультета восточных языков (1870–1873) Санкт-Петербургского университета И.Н. Березин практически всю жизнь посвятил изучению и преподаванию восточной словесности, добившись на этом поприще больших профессиональных и карьерных высот.

Результаты его работы получили заслуженное признание как современников, так и потомков. Отдельные труды И.Н. Березина сохранили научную ценность и остаются востребованными в наши дни. Вместе с тем, нельзя сказать, что наследие этого выдающегося ученого осмыслено в полной мере[1]. Об этом говорит хотя бы тот факт, что полное собрание его сочинений до сих пор не издано, причем некоторые из опубликованных работ остаются по причине их труднодоступности фактически неизвестными даже специалистам.

Попытки описать достижения Березина в отдельных направлениях востоковедной науки предпринимались неоднократно. Примером служит ряд очерков, опубликованных в середине 1920-х годов по случаю 100-летия со дня его рождения классиками отечественного востоковедения: С.Ф. Ольденбургом[2], В.В. Бартольдом[3], А.Н. Самойловичем[4], И.Ю. Крачковским[5], Б.Я. Владимирцовым[6].

---

[1] *Валеев Р.М., Валеева Р.З.* Востоковед-энциклопедист И.Н. Березин и его вклад в изучение тюрко-монгольского мира: к 205-летию со дня рождения // Mongolica. Т. XXVI. 2023. № 3. С. 39.

[2] *Ольденбург С.И.* Н. Березин как путешественник и исследователь иранских наречий // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. I. Л., 1925. С. 173–176.

[3] *Бартольд В.И.* Н. Березин как историк // Там же. Т. II. Л., 1927. С. 51–72.

[4] *Самойлович А.И.* Н. Березин как турколог // Там же. Т. I. Л., 1925. С. 161–172.

[5] *Крачковский И.Ю.* Мелочи для характеристики И.Н. Березина // Там же. Т. I. Л., 1925. С. 177–191.

[6] *Владимирцов Б.И.* Н. Березин — монголист // Там же. Т. I. Л., 1925. С. 192–194.

Интерес ученых к личности и наследию Березина не угас и в дальнейшем. В частности, В. А. Крачковской был упомянут его вклад в изучение арабской эпиграфики: «Главные линии исследований И. Н. Березина составляли история Востока и лингвистика, но он не уклонился от нумизматики и палеографии, хотя и обратился к ним несколько позднее»[7].

Традиция вычленения и изолированного рассмотрения отдельных направлений в научной биографии Березина продолжилась до наших дней. В середине XX в. ряды исследователей его творчества пополнил московский дипломат и ученый Борис Моисеевич Данциг (1896–1973), специалист по экономике Турции, известный своими работами об изучении русскими Турции в XVII–XX вв.[8] В 1956 г. в соавторстве с Н. А. Кузнецовой Б. М. Данциг опубликовал в «Кратких сообщениях Института востоковедения» очерк о путешествиях Березина по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку[9].

Основой вышеназванной работы отчасти послужил очерк Б. М. Данцига о Березине, оставшийся неопубликованным. Его машинописный текст, отложившийся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН)[10], впервые

---

[7] *Крачковская В. А.* Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг. // Советское востоковедение. Вып. VI. М.; Л., 1949. С. 296.

[8] Подробнее о нем см.: Данциг Борис Моисеевич // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 316; *Петросян Ю. А.* Российская историография Османской империи. XVIII–XX вв. СПб., 2012. С. 214–215.

[9] *Кузнецова Н. А., Данциг Б. М.* И. Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку // Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. XXII. М., 1956. С. 92–100. Это одна из самых ярких страниц жизни Березина, которая и сейчас пользуется вниманием исследователей. См., например: *Ладыгина О.* В поисках Соломоновой печати: как Илья Берёзин изучал Восток // Официальный сайт Русского географического общества: https://rgo.ru/activity/redaction/articles/v-poiskakh-solomonovoy-pechati-kak-ilya-beryezin-izuchal-vostok/ (дата обращения: 27.03.2025).

[10] Архив востоведов ИВР РАН. Р. I. Оп. 7. Ед. хр. 47. Данциг Б. Профессор И. Н. Березин — путешественник и исследователь Турции. 25 л.

публикуется[11] в качестве приложения к настоящей статье. Документ не датирован, однако по содержанию первых строк на л. 3 можно с большой долей уверенности предположить, что текст был составлен в 1949 г., к 200-летию со дня рождения Березина.

Здесь стоит сказать о связанном с этим вопросом исследовательском казусе. В уже упоминавшейся статье Н.А. Кузнецовой и Б.М. Данцига в «Кратких сообщениях ИВ АН», в качестве даты рождения Березина указан не 1818, а 1819 год, причем авторами дано по этому поводу специальное пояснение. Они предполагают, что в издании книги И.Ю. Крачковского «Очерки по истории русской арабистики»[12] имела место опечатка, затем перенесенная во второе издание «Большой Советской энциклопедии»[13] и другие публикации, и в подтверждение своей точки зрения констатируют: «Во всех предыдущих изданиях указан 1819 год»[14]. Позднее Б.М. Данциг уточнил сведения, по-видимому, обратившись к опубликованной автобиографии ученого[15], и в третьем издании «Большой Советской энциклопедии», для которой он

---

[11] В литературе никаких упоминаний об этом тексте не встречается. Ср.: Список основных научных работ доктоа исторических наук Б.М. Данцига // Народы Азии и Африки. 1966. № 2. С. 225–228.

[12] *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 127.

[13] Березин Илья Николаевич // БСЭ. 2-е изд. Т. 4. М., 1950. С. 638.

[14] *Кузнецова Н.А., Данциг Б.М.* И.Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку // Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. XXII. М., 1956. С. 92. Это последнее утверждение, однако, не вполне корректно. Действительно, в дореволюционных изданиях 1819 г. как дата рождения Березина встречается (см.: Березин, Илья Николаевич // НЭСБЕ. Т. 6. СПб., б/г. С. 77). Примечательно, что эту дату порой можно обнаружить и в современных публикациях. Ср.: Березин Илья Николаевич // Биографика СПбГУ: https://bioslovhist.spbu.ru/person/18-berezin-il-ya-nikolayevich.html (дата обращения: 28.01.2025).

[15] Согласно автобиографии, Березин родился 19 июля 1818 г. (ст. ст.) (Березин, Илья Николаевич // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. III. СПб., 1892. С. 67).

совместно с Г.А. Давыдовой написал статью о Березине, дата была исправлена: 19(31).07.1818–22.03(03.04).1896[16].

В тексте очерка из АВ ИВР РАН точная дата рождения ученого не приведена, однако присутствует косвенное указание: «В 1842 г. двадцатичетырехлетний магистр… И.Н. Березин был командирован на три года на Восток», из этого указания следует, что годом рождения Березина должен быть 1818.

С опорой на широкий круг публикаций Б.М. Данциг стремится подробно проанализировать значение этой долгой учебной командировки для науки и просвещения. Отталкиваясь от наиболее значительных травелогов ученого: «Обзора трехлетнего путешествия по Востоку», «Путешествия по Дагестану и Закавказью», «Путешествия по Северной Персии», он переходит к упоминанию менее известных статей, опубликованных в различных периодических изданиях, сделавшихся ныне библиографической редкостью. Среди них журналы: «Библиотека для чтения», «Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Москвитянин» и др. Справочной ценности очерку добавляет тот факт, что многие статьи Березина посвящены регионам бывшей Османской империи, ныне входящим в состав других государств Ближнего Востока[17]. По этой причине упомянутые статьи не были включены в изданную на рубеже 1950–1960-х годов под редакцией Б.М. Данцига «Библиографию Турции»[18].

В очерке дана высокая оценка источниковой ценности статей Березина. Критика взглядов ученого подана весьма сдержанно.

---

[16] *Данциг Б.М., Давыдова Г.А.* Березин Илья Николаевич // БСЭ. 3-е изд. Т. 3. М., 1970. С. 220. Сегодня эту дату в общем можно считать общепризнанной. Ср.: *Валеев Р.М., Темирбеков М-Н.А.* Илья Николаевич Березин, 1818–1896. Казань, 2003; Березин Илья Николаевич // Большая российская энциклопедия. Т. 3. М., 2005. С. 355.

[17] Выходные данные работ Березина, на которые ссылается Б.М. Данциг, приведены в приложении № 2.

[18] Библиография Турции (1917–1958) / Сост.: А.К. Сверчевская, Т.П. Черман. Отв. ред. Б.М. Данциг. М.: ИВЛ, 1959; Библиография Турции (1713–1917) / Сост.: А.К. Сверчевская и Т.П. Черман. Отв. ред. Б.М. Данциг. М.: ИВЛ, 1961.

Она состоит главным образом в том, что Б.М. Данциг решительно отвергает мнение Березина (наиболее подробно изложенное в статье «Мусульманская религия в отношении к образованности») об исламе как тормозе общественного развития.

Данный очерк, как и другие, более ранние работы о Березине позволяет полнее представить себе масштаб его личности как востоковеда вообще и османиста в частности. Сам по себе этот текст является источником по истории отечественной науки конца 1940–1950-х годов, отражающим взгляд на российское востоковедение XIX в. с позиций марксистско-ленинской методологии.

Приложение № 1

Б. ДАНЦИГ

Профессор И.Н. Березин — Путешественник и исследователь Турции[19]

Имя профессора Ильи Николаевича Березина — ориенталиста-тюрколога, лингвиста и историка, издателя Русского Энциклопедического Словаря, путешественника по Дагестану и Персии, широко известно в кругах советских востоковедов, как известно оно было и дореволюционной ориенталистике.

---

[19] Архив востоковедов ИВР РАН. Р.I. Оп. 7. Ед. хр. 47. 25 л. Машинописный текст очерка, который на первый взгляд представляется чистовым вариантом, содержит, однако, немало огрехов технического характера. Зачастую Б.М. Данциг неточно цитирует работы Березина: пропускает либо сокращает текст, порой весьма вольно обходится с орфографией. Нередко в тексте встречаются опечатки, в том числе ошибки в выходных данных и текстах цитируемых работ. Это видно уже по первой сноске. Ср.: *Dugat G.* Histoire des orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siècle. Tome second. Paris, 1870. Для того, чтобы не перегружать публикацию избыточным количеством примечаний, было принято решение отказаться от уточнения цитат, ограничившись исправлением (без специальных пояснений) очевидных опечаток и приведением пунктуации, где необходимо, к современной норме. Лишь в тех случаях, когда источник цитаты сложно определить по тексту, мною даны пояснения в сносках. Сокращения, за исключением общепринятых, раскрыты в тексте в квадратных скобках. — *М.К.*

Однако и в дореволюционное время, и в нашу эпоху малоизвестными являются для многих, занимающихся изучением Турции середины прошлого столетия, многочисленные работы И.Н. Березина, связанные с его путешествием по Османской империи. Объясняется это обстоятельство, очевидно, тем, что, за малым исключением, работы, относящиеся к его путешествию по Турции и дальнейшему изучению этой страны, на протяжении полутора десятков лет печатались в различных периодических изданиях и мало доступны широкой читающей публике и, в частности, нашей студенческой молодежи. Между тем они представляют и ныне значительный интерес для изучения Турции середины прошлого столетия и, понятно, еще большее значение имели для современников И.Н. Березина. «Березин в своих многочисленных путешествиях собрал новые факты об азиатских народах: его книги позволяют нам лучше узнать Восток»[20].

«Типичный представитель "героического" периода нашего востоковедения, когда можно было объединять специальные знания по меньшей мере в трех областях — тюркологии, арабистики, /*л. 2*/ иранистики, а частично и монголоведения»[21], — он был не только лингвистом и во время своего путешествия живо интересовался и географией, и прошлым страны, отчасти топографией и археологией.

Не случайно поэтому, что с первых лет деятельности Русского Географического общества, т.е. с 1845 г. он принял в нем участие, являясь его старейшим членом.

П.П. Семенов (Тян-Шанский) отмечает, что ряд основателей Географического общества вышел из кружка, состоявшего с 1844 г. из немногочисленных деятелей русской науки. «Около этого, исключительно русского, кружка по преимуществу и группировались более молодые, истинно русские деятели, не вошедшие в состав членов-учредителей, но или игравшие с самых первых

[20] *Dugat.* Histoire des orientalistes de l'Europe. Paris. 1878. Vol. II. P. 20.

[21] *И.Ю. Крачковский.* Очерки из истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 127.

лет существования Общества видную роль в его деятельности, или оказавшие впоследствии (в обширном цикле деятельности Географического Общества) выдающиеся услуги России»[22]. В числе этих русских ученых был и И.Н. Березин.

«Сам Березин был яркою, определенною личностью, которую со всеми ее достоинствами и недостатками мы видим на страницах его книг, повествующих о странствованиях русского ученого на Востоке. ...путешествия Березина мы читаем с удовольствием и пользою еще и теперь, через 70 лет: в них и материалы для /*л. 3*/ нас ценные, и страницы из истории русского востоковедения», — писал в 1919 г. академик С. Ольденбург[23].

И спустя тридцать лет мы можем сказать то же самое.

Акад[емик] И.Ю. Крачковский подчеркивает, что И.Н. Березин оставил большой след и в области литературы, и в области популяризации научного востоковедения[24].

* * *

В 1842 г. двадцатичетырехлетний магистр восточной словесности Казанского Университета И.Н. Березин был командирован на три года на Восток.

В инструкции, составленной профессором А.К. Казембеком, перед И.Н. Березиным и командированным вместе с ним магистром В.Ф. Диттелем[25] была поставлена главная задача — изучение арабского, персидского и турецкого языков. Наряду с этим инструкция требовала изучения «литературы, современной жизни, в том числе “обычаев жителей, их религий и расколов”, истории и памятников прошлого нескольких восточных стран,

---

[22] *П.П. Семенов.* История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1896. С. 3.

[23] Записки Коллегии востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук. Л., 1925. Т. I. С. 176.

[24] Op. cit. С. 128.

[25] Обзор о командировке В.Ф. Диттеля (1816–1848), как и о командировке Березина, был опубликован в «Журнале министерства народного просвещения» (1847. Ч. LV. Отд. IV. С. 25–30). — *Прим. ред.*

от Персии до Египта и на возвратном пути от Египта до Крыма включительно»[26].

«…я снабжен был в трехлетнее странствование по Востоку довольно подробным планом, составленным опытною рукою известного ориенталиста, профессора Мирзы А.К. Казем-Бека. В этом /*л. 4*/ плане… указаны все места, которые должен был я посетить с несомненною пользою для Науки, определены сроки переездов и для остановок в больших городах и, наконец, означены предметы моих занятий»[27], — писал И.Н. Березин.

Говоря об этом плане, И.Н. Березин отметил: «В моем странствовании я имел большую выгоду пред другими путешественниками. Мне не нужно было блуждать на удачу и ощупью отыскивать предметы, на которые преимущественно должно обратить внимание: во всем руководствовал меня данный мне план»[28].

Проведенное по широкому плану самоотверженное трехлетнее путешествие по Ближнему Востоку (Персия, Месопотамия, Сирия, Палестина, Египет) рано доставило молодому ученому европейскую известность в кругах специалистов.

Путешествие И.Н. Березина уже в свое время привлекло внимание современников. В статье «Обозрение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848-й год» отмечалось это путешествие: «Из Персии он обратился в Бассору, куда прибыл в средине 1843 года, потом изучил Месопотамию, Сирию и Палестину с достопримечательными их городами и развалинами; а в начале 1844, отправясь в Египет, посвятил несколько месяцев на обозрение этого края, в половине того же года прибыл в Константинополь, где почти целый год занимался усовершенствованием себя в языках Востока… Главною его задачею было изучить арабский, турецкий

---

[26] Записки Коллегии востоковедов… Т. II. Л., 1927, статья В.В. Бартольда. С. 53.

[27] Обзор трехлетнего путешествия по Востоку магистра Казанского Университета И.Н. Березина. — Из журнала Мин[истерства] Нар[одного] Просвещения. 1847. № 7.

[28] Журнал Мин[истерства] Нар[одного] Просвещения. 1845. Т. 46, июнь. С. 23.

и персидский языки… Кроме того, он добыл богатые, частию совсем новые материалы /*л. 5*/ об истории и географии Востока, снял множество древних надписей, до 40 планов и 300 рисунков и собрал много сведений о нравах, обычаях и поверьях жителей Востока. Можно ожидать, что описание этого путешествия, принадлежащего к самым плодовитым путешествиям из России в чужие края, скоро появится на свет»[29].

И.Н. Березин выехал из Астрахани 24 июля 1842 г. Пробыв некоторое время в Дагестане и Закавказье (Азербайджане), он выехал в Иран, где провел около 8 месяцев (с октября 1842 г. по июнь 1843 г.)[30] и затем через Бендер-Бушир выехал в Басру. На территорию Османской империи он вступил 2 июня 1843 г. В течение всех трех лет своего путешествия он «вел постоянный дневник, в котором помещались все замечания и о виденном и слышанном»[31]. Дневник-то и лег в основу его многочисленных очерков и статей. Не останавливаясь на специальной книге Березина, посвященной Дагестану и Персии[32], переходим к его работам, посвященным путешествию по Турции, Бендер-Буширу и путешествию по Персидскому заливу и Шатт-эль-Арабу до Басры, отнявшему около месяца,— <*им*> посвящены статьи «Иной мир» (Русский вестник, 1857, том 9-й) и «Персидский Залив и остров Харк» (Московские ведомости, 1854, № 51[33]). В описании Бендер-Бушира заслуживает внимания характеристика английского резидентства, обнесенного стеной… «в случае надобности резидент/*л. 6*/ство может выдержать осаду, тем более, что здесь есть и пушки. Без всякого спора, резидентство со своими воен-

---

[29] Вестник Русского Географического Общества на 1851 год, ч. I, кн. I, отд. III. С. 116–117.

[30] Маршрут: Астрахань–Дербент–Баку–Ленкорань–Ардебиль–Тавриз–Тегеран–Исфагань–Шираз– Бендер-Бушир.

[31] Обзор трехлетнего путешествия… С. 24.

[32] Имеется в виду работа «Путешествие по Востоку» (Т. I. Ч. 1–2. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850; Т. II. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852). — *Прим. ред.*

[33] Здесь допущена опечатка, д.б.: № 59. — *Прим. ред.*

ными кораблями составляет настоящую цитадель, господствующую над городом»[34].

Обратил внимание путешественник и на рынок невольников в Бендер-Бушире: «Обыкновенная девушка-негритянка около 14 лет стоит до тридцати и более туманов (300 руб[лей] ассигнациями). Впрочем, цены изменяются по молодости и красоте невольников и отсюда купцы развозят своих рабов по разным городам Ирана и там цена их увеличивается».

По Шатт-эль-Арабу (Березин называет его Евфрат) на том же плоскодонном судне — без палубы, на котором он выехал из Бендер-Бушира, Березин поднялся до Басры. Этот этап пути нашел свое отражение в статье «Очерки Востока. Сцены на Евфрате»: «От самого устья этой царственной реки до Басры тянется по правому берегу почти непрерывный пальмовый лес, а левый берег оживлен живописными развалинами покинутых деревень и пальмовыми рощами… Стоит только выйти на берег и вы очутитесь в цветущем саду: над головой вашей висят кисти фиников и винограда, персики, сливы, винные ягоды, лимоны, померанцы, почти все наши нежные фрукты. Произведения теплого климата смешиваются здесь с продуктами умеренных стран, все это растет здесь быстро и в ужасающем изобилии». Но это богатство природы не застилает Березину глаза: «Как привольно и легко было бы здесь жить человеку, а между тем эти цветущие леса пусты: человек только кочует в них, он бежит турецкого деспотизма. Если и есть деревни, то они лежат далеко от берега; изредка встречаются небольшие лачужки, в которых живут полунагие караульщики-арабы; постоянных жителей здесь нет, потому что бедуины предпочитают степь /*л. 7*/ роскошному саду, волю — турецкому владычеству. При лучшем положении эта страна могла бы питать миллионы».

Привлекают внимание И.Н. Березина и вопросы хозяйственного порядка — он отмечает изобилие рыбы в Шатт-эль-Арабе и способы ее ловли. Его интересуют обороты Басрийской таможни и номенклатура торговли; он отмечает наличие большой кон-

[34] Эта и след. цитаты — из статьи «Иной мир». — *Прим. ред.*

трабандной торговли — и особо подчеркивает, что «на большую сумму привозятся невольники»[35].

Внимание Березина привлекает особенно проблема отношений между шиитами и суннитами, и он отмечает царившую на судне рознь между ними и, особенно между арабами и турками. Уже при первом знакомстве с арабами он отмечает ненависть арабов к туркам-завоевателям, случайно встреченный им в пальмовом лесу араб Мухаммед Крепкие Мышцы говорит ему: «Не вечно здесь будут царствовать османы. Земля эта наша. Никогда мы не знавали ничьей власти. Разве проклятый Османлу может повелевать пустынным ветром? Османлу заняли нашу землю, берут с нас оброк, живут без всякого труда нашим трудом в богатых городах… Гнусные Османлу прогнали нас с коренной нашей земли»[36].

В Басре Березин пробыл июнь 1843 г. Басру он характеризует как один из нездоровейших городов, что объясняется в первую очередь «наличием нечистот в каналах и отсутствием каких-либо мероприятий со стороны турецкого правительства»[37].

Из Басры на английском пароходе Березин поднялся до Багдада по Тигру. Этому плаванию посвящена статья «Сцены в пустыне. Между Басрой и Багдадом». Березин дает описание тран/*л. 8*/спортных связей между Басрой и Багдадом: «Сверху по Тигру товары сплавляются на плотах из бурдюков, а снизу наверх идут тяжелейшие плоскодонные досчаники. Сухопутного сообщения нет: степи и бедуины — плохие проводники каких бы то ни было сообщений. Начальство двух городов ограничивается пересылкой пеших скороходов, совершающих свои переходы, с почтовой сумкой и мешочком сухих фиников, в семь или восемь дней». Впрочем, не только сухопутный, но и речной путь не безопасен, — ибо на реке хозяйничают пираты. «У речных пиратов бывают даже ружья, но большей частью они разъезжают

---

[35] Современник, 1848 г., сентябрь.

[36] Русский вестник, 1856. Том V. Сцены в пустыне. [II. В пальмовом лесу. С. 640].

[37] Русский вестник, 1858. Том VIII, № 1–2.
Цитата дана вольно. Номер тома указан неверно, д.б.: XIII. — *Прим. ред.*

верхом на кожаных мешках, наполненных воздухом, с копьем в руке. Их называют морской конницей»[38].

Интересно отметить, что с палубы парохода Березин видел льва: ныне, как известно, львы вывелись в Ираке. В Багдаде Березин, поселившийся у английского резидента Мейера[39], провел два месяца; помимо изучения месопотамского народного диалекта, он посетил развалины Ктесифона и Вавилона и города Хилла, Каземин и Кербелу. Этому путешествию посвящен ряд очерков, дающих и зарисовки пустыни, и каравансараев, и отдельных бытовых сценок.

«Те, которые знают пустыню по описаниям путешественников или по картинам… восхищаются поэзией степей… Бог с ней, с этой поэзией пустыни: она сушит мозг и превращает нервы в грубые веревки. Посмотрите на бедуина, вечного скитальца пустыни: разве это не скелет, вырвавшийся из анатомического театра?»[40]

А вот описание каравансарая: «Если бы меня спросили, /*л. 9*/ какая разница в каравансарае между комнатами и конюшнями, то, по чистой совести, я пришел бы в затруднение и не знал бы, что отвечать: в конюшнях точно так же темно и нечисто, как и в комнатах… В каравансарае… лошадям помещение так же хорошо, как и людям, или, правильнее сказать, где людям так же дурно, как и лошадям».

В этот переезд по пустыне, при встречах с арабами в каравансараях, Березин снова имеет возможность выявить их отношение к туркам. На вопрос, заданный им арабу, как можно жить в пустыне, где слишком жарко и где существует постоянная угроза

---

[38] По-видимому, это вольная цитата из статьи «Очерки Востока. Сцены на Евфрате». — *Прим. ред.*

[39] Б.М. Данцигом допущена ошибка. Имеется в виду подполковник Роберт Тейлор (1788–1852), английский консул в Багдаде в 1821–1843 гг. — *Прим. ред.*

[40] Русский вестник, 1860. Т. 26, февраль, март. Сцены в пустыне. В каравансарае.
В тексте не указано, к какой именно цитате должна относиться эта сноска. Она соотнесена мною. — *Прим. ред.*

ограбления, он получает ответ: «В городе живут турки, которые грабят хуже каждого араба и очень притесняют, а зачем мне прохлада без воли?»

Шейх племени Зобейд говорит Березину: «А чья это земля? Разве эта земля не принадлежит нам, детям арабским? Разве мы приглашали сюда турок? Они пришли сюда насильно, захватили города на земле арабской. Турки никогда не покоряли нашего края; они только завладели городами, из которых и повелевают всей страной… турки только потому и сильны, что между детьми арабскими идут все раздоры…».

Одна из встреч в караван-сарае дает возможность Березину услышать интересный рассказ о Давуд-паше[41], правившем Ираком с 1817 по 1831 год. Араб рассказывает Березину: «Посмотрели бы в прежнее время на Багдад, когда здесь еще не было наводнения, чумы и голода, которые разом уничтожили полгорода. Что здесь было за тентене (гул), что за гульгульле (гам), что за вельвеле (гик). В Стамбуле никогда ничего подобного не видели. Всей этой страной владел Дауд-паша, как настоящий падишах… Когда принимал иностранных гостей или послов Дауд-/*л. 10*/паша, такая пышность и богатство виделись всюду, что и вообразить себе нельзя. По всем дворам, — а их во дворце паши было много, — стояла гвардия по обеим сторонам, все настоящие пехливаны, у которых оружие блестело серебром. Перед входом в главный покой, где сидел сам паша, стояли на лестнице, вплоть до самого пашинского трона, молодые грузины, будет человек с тысячу, и все одеты по разному манеру, так что у зрителя рябило в глазах и голова кружилась. Те, что стояли ближе к паше, с ног до головы залиты были в золото и драгоценные каменья; на кинжалах, на чалмах везде блестели бриллиянты, яхонты, рубины и жемчуг. Приемный покой выходил окнами на Тигр… Посредине стоял трон… На троне сидел сам Дауд-паша. Чалма паши была убрана драгоценными каменьями, величиной с куриное яйцо… Бывало,

[41] Давуд-паша Багдадский (ум. 1851) — османский государственный деятель грузинского происхождения. Известен также как поэт и педагог. — *Прим. ред.*

Дауд-паша вздумает отправиться в лагерь: целый день везут по мосту через Тигр пашинский багаж»[42].

Кербеле и вопросам паломничества к «святым местам» шиитов или пелерикату, как его называет И.Н. Березин, он уделял специальное внимание. Изучая это явление, он, между прочим, один из первых обратил внимание на один из весьма важных мотивов паломничества отнюдь не религиозного характера, заключающийся в том, что персидское правительство освобождало от уплаты таможенных пошлин товары, привозимые из Месопотамии паломниками.

Кербеле Березин посвятил несколько очерков[43]. В Кербелу /*л. 11*/ он прибыл весной 1943 г., предварительно посетив Хилле и развалины Вавилона. Он прибыл в город через несколько месяцев после кровавого усмирения восстания, поднятого против турок, в результате которого было перебито несколько тысяч шиитов — как местных жителей, так и живущих здесь персов.

Березин дает детальное описание города и его населения, отмечая: «Народонаселение в Кербеле состоит из персиян, поселившихся здесь издавна, арабов-шиитов и османлу; господствующее население есть персидское и потому Кербеля имеет характер преимущественно персидский». Особое внимание уделено описанию шиитских святынь — мечетям Хусейна (Святилище господина Хусейна — Хидоят Хусейн) и Аббаса.

Характеризуя паломничество к шиитским святыням, Березин указывает, что «“шиитский пелерикат» не имеет величия, сложности и торжественности обрядов, знаменующих хождение

---

[42] Цитируется текст из второй части статьи «Сцены в пустыне. В караван-сарае». — *Прим. ред.*

[43] «Кербела». См. 1) Магазин землеведения и Путешествий. Географический сборник Николая Фролова. Т. V. М., 1858. См. также 2) «Переправа через Евфрат» (из очерков Востока). Современник, 1848, IX (сентябрь); 3) Пелерикат в Кербелу.

Под последним заглавием, по-видимому, имеется в виду статья «Кербеля», помещенная в V томе «Магазина землеведения и путешествий»; из этой статьи приведены далее цитаты о пелеринаже. — *Прим. ред.*

мусульман в Мекку, с которым шиитский пелеринаж не имеет ничего общего». Он отмечает, что общее количество паломников достигает ежегодно 50 тыс. человек, что ежегодно в Месопотамию провозится для захоронения вблизи «святых» мест до 3000 трупов из Ирана и Индии («В редком персидском караване нет покойника, отправляемого в Кербеля, и мне самому не раз доводилось ездить с такими пассажирами»). Подчеркивая, что пелеринаж обходится довольно дорого, он вместе с тем отмечает, что горькая доля рискующего быть ограбленным паломника-перса облегчается тем, что у него «есть неприкосновенность имущества в персидских таможнях, и на этом-то освобождении от таможенных пошлин богомолец (завар) отчасти выручает расходы по богомолью. Пользуясь сим правом, большая часть богомольцев накупает разных товаров в Багдаде и, если только эти покупки ми/*л. 12*/нуют рук грабителей — арабов, курдов, то наверное богомолец зашибет копейку из них и при благоприятных обстоятельствах может из богомолья сделать выгодную спекуляцию».

Вернувшись из Кербелы в Багдад, Березин из Багдада через Киркук направился в Мосул. Путешествие это, равно как и пребывание в Мосуле и его окрестностях, живо освещены в нескольких специальных очерках. В своем обзоре Березин пишет: «…я прибыл в Мосуль, осмотрев замечательные места по дороге. В течение месяца я занимался в Мосуле изучением курдистанского наречия, одного из новых персидских диалектов и арабским народным языком; обозрел примечательности города и его окрестностей. Исследовал барельефы и клинообразные надписи, открытые г[осподином] Боттою[44], и другие ниневийские древности, посетил Шейх-Гади, место пелеринажа иезидов, и другие места»[45].

О Мосуле он пишет: «У Мосула есть своя… особенность, как есть она у Багдада, Алеппо и Дамаска: он весь серый, потому что все дома и здания построены из серого камня с прибавлением местного мрамора, также сероватого цвета. …в самом населении

[44] Поль-Эмиль Ботта (1802–1870) — французский дипломат, ученый и путешественник. — *Прим. ред.*

[45] Обзор трехлетнего путешествия… С. 6.

Мосула есть свои черты: где вы найдете это разноцветное столкновение турков-османов, курдов, несториан, езидов, арнаутов, армян, евреев и других колен?»[46] «Массу населения составляют здесь арабы-горожане, отличные от пустынных “бедави”; османы — по обыкновению только чиновники и отчасти войско... значительную часть населения составляют курды, а потом христиане — халдеи-якобинцы и несториане... турецкий язык. Смешению племен придает некоторое единство /*л. 13*/ арабский язык, на котором изъясняются все городские жители... турецкий язык здесь чужеземец; вместо него многие горожане говорят по-курдски...»

Березин дает любопытную характеристику мосульскому правителю: «Молулем и его “эялетом”... управлял в мое время Мухаммед-паша[47], личность очень замечательная. Это турок старого покроя, суровый мусульманин, непощадный обиратель вверенного ему эялета... умеет держать свой пашалык в страхе, набивает себе карман и в то же время поддерживает о себе высокое мнение Порты... Для убеждения Порты в том, что Мухаммед-паша необходим краю, он по временам поджигает курдов и арабов к восстаниям и потом усердно усмиряет их».

Во время пребывания в Мосуле Березину первому из европейских путешественников удалось посетить место пелеринажа иезидов — Шейх-Ади. Иезидам посвящен очерк «Езиды», представляющий и ныне серьезный интерес[48] своей научностью и отсутствием какой-либо предвзятости. «Шейх-Ади (гробница шейха Ади)[49] — настоящая затворническая обитель, в которой

[46] «Мосуль», Библиотека для чтения. 1855, октябрь.

[47] Вероятно, имеется в виду Мехмед Байракдар-паша. Находился на посту губернатора Мосула с середины 1830-х примерно до 1845 г. — *Прим. ред.*

[48] Магазин Землеведения и Путешествий. Геогр[афический] Сборник, издаваемый Н. Фроловым. М., 1854. Т. III.

[49] В 70-ти верстах от Мосула.
Ади б. Мусафир (ум. 1162) — религиозный деятель арабского происхождения, основатель суфийского братства Адавиййа; особо почитается езидами. — *Прим. ред.*

около главного храма расположено множество разной величины отдельных зданий и подземных проходов… многочисленные здания старинной архитектуры…»

Шейх-Ади, по мнению Березина, очевидно, не был основа/*л. 14*/телем этой секты, но привел в некоторую систему это вероучение, возникшее «не позже XIV и не ранее X века по Р. Хр.» Характеризуя учение иезидов как дуалистическое, сочетающее добро и зло, представляющее собой сочетание трех мировых религий, — находящее свое отражение и в обрядах (крещение и обрезание), Березин считает ни на чем не основанным утверждение о поклонении иезидов «духу тьмы». Березин отмечает наличие огромной розни, существующей между иезидами и их соседями: «соседи иезидов питают к ним непримиримую ненависть, так что в Мосульском и Алеппском пашалыках нет презрительнее брани: “Я ибн-Езиди!” — “О Езидов сын!”…» «Езиды, — отмечает Березин, — обитали в горах к с[еверо]-в[остоку] от Мосуля, около Синджара, Джуламерка, Амадин, Захо, Джезире…»

О встрече с главой секты — ее главным шейхом — Березин, нарисовавший его портрет, приложенный к упомянутому очерку, писал: «…мнимо-страшный глава мнимо-страшной секты оказался добродушным старцем».

Из Мосула через Нусайбин и Мердин Березин направился в Диарбекир и далее, через [*лакуна*] и Урфу — в Алеппо. Этому переходу посвящен очерк «Опасный путь» (из путешествия по Востоку)[50]. Встреча вблизи Урфы с курдами, гнавшими баранов на продажу из-под Карса в Дамаск, остановка в нескольких курдских деревнях дают Березину материал для зарисовки быта курдских племен, для рассказа о нападении кочевых курдов и бедуинов на караваны, для характеристики существующего в степи разбоя и воровства, которые «считаются законным молодеческим занятием. Название “харами” — разбойник, вор, здесь не считается нисколько позорным, а /*л. 15*/ напротив, свидетельствует о признанной удали и доставляет известный почет молодому кочевнику». Лучшим средством обезопасить караван от грабежа

[50] Библиотека для чтения, 1858. Т. 152, ноябрь.

является, — указывает Березин, — охрана, а еще лучше договориться с шейхом племени о приобретении права прохода через определенную территорию за известную плату. «Эта плата за пропуск через свою землю, так возмущавшая нас в Азии, — говорит Березин, — разве чем отличается от portaticos, pontaticos, pulveraticos, navigaticos и других поборов, которыми обкладывали проезжий товар средневековые бароны?»

«В Алеппо я начал изучение арабского народного диалекта Сирии, и, осмотрев древности города, около половины ноября выехал в Антиохию. Ознакомившись с остатками прежних времен, сохранившимися поныне в этом городе, я прибыл в Бейрут в начале декабря через Лаодикею и Триполи, продолжая изучение арабского народного диалекта в Сирии, и знакомство с Византийскими остатками, рассеянными по берегу Средиземного моря. Переезд из Антиохии в Бейрут есть один из труднейших в моем путешествии: выступившие из берегов реки, постоянные дожди, горная испорченная дорога ежедневно представляли тяжелые препятствия моему странствованию.

Собрав в Бейруте точные сведения о путешествии по Сирии и о переезде из Сирии в Египет, я нашелся вынужденным совершить круговой объезд на Иерусалим в Дамаск, с тем, чтоб возвратиться опять в Бейрут и уже из этого города отправиться в Египет. …из Бейрута я продолжал путь по берегу Средиземного моря чрез Сидон, Тир, Акру и Яффу в Иерусалим, где провел Рождество Христово, а отсюда, чрез Назарет и пусты/*л. 16*/ню, прибыл в Дамаск, постоянно обращая внимание на арабский народный язык Сирии и на многочисленные и разнообразные древности этой страны. Из Дамаска, ознакомясь с достопримечательностями города, я поспешил через Баальбек, знаменитый своим храмом солнца, в Бейрут… Таким образом путешествие мое по Месопотамии и Сирии, со времени вступления в турецкие пределы и до выезда в Египет, продолжалось восемь месяцев (с июня 1843 по февраль 1844 года), вместо предположенных по плану четырех. Несмотря на такую разницу чисел, я должен заметить, что этот переезд совершен мною очень скоро, потому что в странствовании моем я принужден был ограничиваться

одним караванным сообщением, а известно, что караванный переезд в день не превышает сорока верст»[51].

Путешествию по Сирии и Палестине (Алеппо–Антиохия, Лаодикея–Триполи–Бейрут–Сидон–Тир–Акра–Яффа–Иерусалим–Назарет–Дамаск–Баальбек–Бейрут) — посвящено несколько очерков, в т.ч. «Зима на переезд по Сирии»[52], «Христианская деревушка в Сирии»[53]. В этих очерках Березин много внимания уделяет, помимо описания природных условий, быту местного, особенно христианского, населения и огромным распрям между отдельными христианскими общинами — православными и католическими. «Пусть лучше владеют нами турки, заявил Березину православный священник, чем дать волю католикам». Встреча с одним из представителей секты ансариев[54] дает основание Березину оха/*л. 17*/рактеризовать эту секту и ее религию «странной смеси магизма, христианства, магометанства… ансари тщательно скрывают свое исповедание и внешних обрядов в присутствии других не совершают».

Остановившись в маленькой бедной деревушке, населенной греками, вблизи речки Нахр-эль-Маркиэ, Березин описывает чудовищную нищету населения, дома без окон, получающие свет через дверь, полное отсутствие какой бы то ни было утвари в них. Отмечая, что почва является хотя и каменистой, но довольно плодородной, Березин приводит жалобы крестьян: «в неурожай пробиться еще как-нибудь можно — главное несчастье заключается в том, что у нас нет никакой защиты, что мусульмане делают с нами, что хотят и суда нет. Пускай бы обижали хоть

---

[51] Библиотека для чтения. 1859. Том 157, ноябрь.
Источник указан ошибочно: эта обширная цитата взята из «Обзора трехлетнего путешествия…». — *Прим. ред.*

[52] Библиотека для чтения. 1859. Том 157, ноябрь.

[53] —″— —″— —″— 1860 —″— декабрь.

[54] Ансарии — арабизированное сирийское племя, населяющее район Джебель-ансарие — продолжение Ливанского горного хребта. Религия — смесь мусульманства с древними религиозными обрядами сирийского поклонения природе, с иезидами.

одни турки, которые сидят по городам: так нет! даже здешние мужики мусульманских селений и те немало делают нам ущербу… А уж хуже всего нам эти хайты (иррегулярные солдаты), навалятся на деревню, как туча саранчи, ничего после себя не оставят целого. Мы уж так делаем обыкновенно: едва завидим, что в деревню идет отряд хайт, как всякий мужик схватывает что есть лучшего в доме и бежит с семьей куда попало. Горькая наша участь, горьче, чем вся вода в море».

Как бы резюмируя свои впечатления о Сирии, Березин пишет: «Теперь невежество, разрушение и дикий фанатизм широкой лавой легли на эту несчастную страну: номинальная власть Турции служит только к увеличению зла, которое уже само по себе не знает предела. Населяющие эту страну племена живут только для того, чтобы истреблять друг друга, а турецкое пра/*л. 18*/вительство поставило себе бесчеловечную задачу, всеми мерами поддерживать и поощрять это взаимное истребление. Целые жатвы гибнут в несколько мгновений; деревни пустеют в несколько часов; развалины с каждым новым месяцем умножаются, и в конце каждого года оказывается значительный недочет народонаселения, погибшего в междоусобных распрях. Нет ни малейшей общественной безопасности: в стенах города, так же как и в дебрях пустынных, безнаказанно происходят убийства; труд решительно ничем не обеспечен, о преуспеянии же, в каком бы то ни было смысле, нечего и думать»[55].

В конце февраля 1844 Березин прибыл в Александрию, «и в короткое время ознакомившись с древностями этого славного города, поспешил, через дельту, сухим путем, в центр арабской учености, — в Каир. Здесь, в продолжение двух с половиной месяцев я занимался преимущественно изучением книжного арабского языка, и народного арабского наречия, употребляемого в Египте; знакомство с многочисленными и разнообразными достопримечательностями города и его окрестностей (древние мечети, дворцы, пирамиды и проч.) не было забыто мной.

[55] Библиотека для чтения. 1859, ноябрь. Статья «Зимний переезд по Сирии».

Кроме того видел я здесь празднование рождения пророка Мухаммеда. Месяц июнь употреблен мной на переезд из Каира по Нилу и потом по Средиземному морю и Архипелагу в Смирну, включая в это число пятнадцатидневный карантин на острове Сире. Путешествия в Верхний Египет я не мог предпринять по причине позднего прибытия в Каир и притом изу/*л. 19*/чением мусульманских народов я не мог жертвовать поверхностному знакомству с египетскими древностями»[56].

На переезд из Сирии, пребывание в Египте и переезд из Египта в Смирну было затрачено 4 месяца (с марта по июль 1844 г.). Этот этап путешествия, насколько нам известно, не ознаменован ни одним специальным очерком.

Не останавливаясь долго в Смирне и отказавшись от намеченной по плану поездки по Малой Азии, И.Н. Березин из Смирны отправился в Стамбул, где провел почти целый год (с июля 1844 по июнь 1845). Он пишет: «…я занимался изучением османского диалекта книжного и разговорного и, продолжая занятия арабским и персидским языком, ознакомился с достопримечательностями оттоманской столицы (мечетями, дворцами, библиотеками и учебными заведениями) и с нравами османской науки, видел исполнение мусульманского поста в рамазане и торжество различных мусульманских праздников и в июне 1845 оставил лучший из виденных мной восточных городов»[57].

К пребыванию в Стамбуле относится специальная книга «Посещение цареградских достопримечательностей» и очерки «Рамазан в Стамбуле»[58] и «Рамазан в султанском дворце и Бейрам»[59]. Приезд в Турцию в 1845 г. сына Николая I — великого князя Константина Николаевича позволил Березину в свите великого князя осмотреть ряд достопримечательностей, обычно не/*л. 20*/

[56] Обзор трехлетнего путешествия… С. 8.

[57] СПб., 1854.

Здесь Б.М. Данциг также ссылается на «Обзор трехлетнего путешествия…». — *Прим. ред.*

[58] Русский вестник, 1856. Т. I.

[59] То же. Т. II.

доступных тогда для осмотра, в частности, Эюбскую мечеть, в которой короновались султаны[60], а также, в отсутствие султана и его жен, — помещение гарема в старом дворце. Это последнее заслуживает того, чтобы привести его: «Те, которые не имели случая ознакомиться с Востоком на месте, представляют себе, конечно, харем чем-то обольстительным, выше всякого воображения; но я имел возможность осмотреть султанский харем (разумеется, только покои) в старом дворце и нашел, что харем в сущности представляет очень непривлекательную картину: он состоит из длинного коридора, по обеим сторонам которого расположены комнаты кадынь или "хассеки" (султанских госпож) и "гедикли" или одалык, как будто нумера для приезжающих в гостиницах».

Описание комнаты главной кадыни: «Это — комната с выбеленными стенами, в которых устроены "тахчи" ниши, и на одной висит лубочный турецкий рисунок идущего парохода; посредине комнаты стоит огромный диван, кое-как сколоченный из грубых, нестроганых досок, на котором валяются дырявые тюфяки, набитые хлопчатой бумагой. Неопрятность соединяется здесь с дурным воздухом, и таковы все остальные нумера, за исключением особенного отделения главной султанской кадыни, состоящего из комнаты и бани»[61].

В натуралистическом описании султанского гарема есть нескрываемая насмешка над гаремной экзотикой, столь свойст/*л. 21*/венной западноевропейским писателям, представлявшим его в своих сусальных описаниях «чем-то обольстительным».

Помимо многочисленных очерков, отмеченных выше и посвященных отдельным этапам длительного путешествия по Турции, результатом этого же путешествия и дальнейшего уже в России ее изучения явилось и несколько статей. Из этих статей надлежит

[60] Березин был первым христианином, посетившим эту мечеть, вблизи которой христианам даже проходить близко запрещалось.

[61] Отечеств[енные] Записки, 1856. CIV (104). Ст[атья] Березина «Современная Турция», январь. С. 48.
Ссылка перенесена из основного текста вниз мною. — *Прим. ред.*

отметить статьи «Православные и другие христианские церкви в Турции»[62], «Христиане в Месопотамии и Сирии»[63] и заслуживающую особенного внимания статью, как бы подытоживающую политические выводы Березина о Турции, под названием «Современная Турция»[64]. Она отражает достаточно полно взгляды автора на положение в Турции. Написанная в конце 1855 г., через 17 лет после издания гюльханейского хатти-шерифа, за несколько месяцев до издания хатти-хумаюна 1856 — она позволяет Березину высказать свое отношение к первому этапу Танзимата. Еще за два года до опубликования этой статьи, впрочем, И.Н. Березин писал: «…Гюль-Ханейский указ (3 ноября 1832[65] г.), произведший в Европе такое сильное впечатление, но только в Европе, потому что в самой Турции Гюль-Ханейский "хатти-шериф" остался почти без действия и без последствий, по крайней мере, для христиан. …Вот уже скоро исполняется 15 лет со времени издания этого закона, но ни одна из предложенных в нем реформ не приведена в действие»[66].

/*л. 22*/ Эту свою оценку И.Н. Березин в еще более резкой форме повторяет спустя два года:[67] «Пока раздавались в Европе возгласы только журналистов и путешественников французских о благосостоянии Турции, просвещении турков и баснословном "танзимате" …мы были довольно равнодушны: люди, знающие дело, понимали всю тщету громких фраз и вздутых цифр… Но вот к нам доходят слухи, правдивые или ложные — все равно, о громкой фразе Людовика Филиппа[68], обещающего Турции даже

---

[62] Журнал «Библиотека для чтения», 1855. Т. 133, сентябрь, и отдельное издание: СПб., 1855.

[63] Москвитянин, 1854. № 15/16; 17/18.

[64] Отечественные Записки, 1856. Т. CIV (104), январь–февраль.

[65] При цитировании допущена опечатка, д.б.: 1839 г. — *Прим. ред.*

[66] Москвитянин, 1854. № 17/18. Статья «Христиане Месопотамии и Сирии».

[67] Отечественные Записки, 1856. Т. CIV (104), январь, февраль. Статья «Современная Турция».

[68] При цитировании допущена ошибка, вместо «Людовика Филиппа» д.б.: «Лудовика Наполеона». — *Прим. ред.*

величие. …эта неумеренная выходка заслуживает внимания и разбора: пора отнять ходули, на которые поставили Турцию французские публицисты». В этой связи И.Н. Березин подвергает жестокой критике хорошо известную и до сих пор используемую и служащую «основой основ» для изучения Турции в прошлом веке — используемую без должной критики книгу Убичини[69] «Lettres sur la Turquie», вышедшую в 1850 г. в Париже. Березин жестоко критикует и подвергает сомнению, порой опровергает приводимые Убичини цифры и указывает: «…никто столько не способствовал распространению ложных понятий о Турции представлением небывалых светлых сторон ее, как г[осподин] Убичини, который рассказы свои подкреплял обольстительной обстановкой цифр, будто бы не подлежащих сомнению». Свое собственное отношение к Танзимату И.Н. Березин высказывает определенно — и точно характеризует истинное положение вещей: «…все великолепные обещания гюльханейского фирмана остаются лишь обещаниями… Конечно, в таком государстве, как Турция, учреждение областных депутатств и смешанных судилищ, создание сводов уголовного и торгового, организация армии и рекрутст/*л. 23*/ва составляют великие события: но во всех этих учреждениях находится больше наружного блеска, нежели существенной пользы: бóльшая часть положений не приведена в действие. …Это доказывает только одну истину, что на старых началах нельзя возводить нового порядка».

Конечно, было бы неправильно думать, что сто лет тому назад И.Н. Березин мог правильно проанализировать причины, помешавшие на старых началах, т.е. на основе феодального порядка руками феодалов возвести новый порядок, т.е. создать буржуазную Турцию.

Он считал, что препятствием к проведению реформ является мусульманская религия, что «религия мусульманская в точном ее развитии несовместима с истинным образованием», что

[69] Жан-Анри-Абдолоним Убичини (1818–1884) — французский историк и журналист. Наиболее известен своим сочинением «Письма о Турции». — *Прим. ред.*

«ни религия, ни национальность османская не подчиняются условиям просвещения и, разрушая реформой постановления ислама, отражают глубоко и самую национальность османскую». Березин повторяет здесь свои положения, высказанные в статье «Мусульманская религия в отношении к образованности»[70], с которыми мы никак согласиться не можем. Оставляя в стороне эти чуждые нам объяснения И.Н. Березина, мы не можем не признать правильности утверждения автора, что, «хотя Турецкая империя содержит в себе превосходные источники народного богатства», «но для успешного развития всех условий процветания недостает Турции очень немногого — соучастия властей и подчиненных... недостает всего того, что зависит от самого человека, а не от природы». По сути дела, Березин говорит о том, что лишь изменение политических и социальных условий может изменить /*л. 24*/ положение в стране, — подчеркивая, «что турки подвергли большую часть покоренной ими страны запустению и бедности».

Двухлетнее пребывание в Турции открыло Березину все язвы строя — «провинциальные деспоты, ценой золота купившие себе места, угнетают население... причем поборы падают преимущественно на райев... а отчасти и на мусульман, когда капитал иноверческого населения остается недостаточным».

Яркими красками характеризуя бесправное положение угнетенных национальностей, Березин подчеркивает, что «столетия рабства не могли подавить славянское племя в Турции», что турецкое господство повсюду в империи держится лишь силой — как на Балканах, так и в Сирии и Курдистане — и что «стоит только удалиться из этих мест турецким войскам, чтобы рушился весь общественный порядок». Он подчеркивает, что курды и арабы очень далеки от турецкого владычества и доказывают это постоянными попытками свергнуть с себя османское иго.

В Танзимате Березин правильно усматривает также попытку усилить подчинение туркам многочисленных национальностей,

[70] Отечественные Записки, 1855, январь и февраль.

ассимилировать их окончательно: «В Турции существует партия, желающая реформ на основе Алкурана и османомании»[71].

Резюмируя свою характеристику Танзимата, Березин пишет: «Знаменитый нынешний танзимат до сих пор есть не что иное, как наружная реформа чинов и чинопочитания, не идущая далее этого. И действительно, все существенные части государственного устройства изменили лишь свои названия, но природа их осталась прежняя».

/*л. 25*/ Далеко не все в суждениях И.Н. Березина можем мы признать правильным, не все нам понятно, многое — чуждо и совершенно неприемлемо, но для любого советского ученого, исследователя и вообще для каждого, изучающего историю Турции в средине прошлого столетия, яркие картины, нарисованные им, «действительно воссоздают перед нашими глазами то, что он описывает»[72].

Б. Данциг

Приложение № 2

Список трудов И.Н. Березина, использованных в очерке Б.М. Данцига

1. Езиды // Магазин землеведения и путешествий. Т. III. М., 1854. С. 428–454.
2. Зимний переезд по Сирии // Библиотека для чтения. XXVI год. Ноябрь. Т. CLVII. СПб., 1859. С. 1–50.
3. Извлечение из годичного отчета путешествующего по Востоку магистра И. Березина // Журнал Министерства народного просвещения. Часть XLVI. СПб., 1845. Отд. IV. С. 23–50.
4. Иной мир // Русский вестник. Том IX. М., 1857. С. 201–231.
5. Кербеля // Магазин землеведения и путешествий. Т. V. М., 1858. С. 206–230.

[71] Статья «Современная Турция». С. 51.

[72] Из статьи академика С. Ольденбурга «Записки коллегии востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии наук». Т. I. Л., 1925. С. 174.

6. Мосуль. (Из путешествия по Востоку) // Библиотека для чтения. XXII год. Т. CXXXIII. СПб., 1855. Отд. III–IV. С. 170–190.
7. Мусульманская религия в отношении к образованности. Статья первая // Отечественные записки. 1855. Год XVII. Январь. Т. XCVIII. Кн. 1. Отд. II. С. 1–40.
8. Мусульманская религия в отношении к образованности. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. 1855. Год XVII. Февраль. Т. XCVIII. Кн. 2. Отд. II. С. 81–108.
9. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку магистра Казанского университета И. Березина // Журнал Министерства народного просвещения. Часть LV. СПб., 1847. Отд. IV. С. 1–24.
10. Опасный путь. (Из путешествия по Востоку) // Библиотека для чтения. XXV год. Ноябрь. Т. CLII. СПб., 1858. Отд. I. С. 1–50.
11. Очерки Востока // Современник. Том XI. № 9. Сентябрь. СПб., 1848. Отд. II. С. 39–52.
12. Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе Его Императорского Высочества Великого князя Константина Николаевича в 1845 году // Журнал Министерства народного просвещения. Часть LXXXII. СПб., 1854. Апрель. Отд. II. С. 1–42. Май. Отд. II. С. 79–127.
13. Православные и другие христианские церкви в Турции // Библиотека для чтения. Т. CXXXIII. 1855. Сентябрь. Отд. III. С. 1–70.
14. Рамазан в Стамбуле // Русский вестник. Т. I. М., 1856. С. 682–704.
15. Рамазан в султанском дворце и бейрам // Русский вестник. Т. II. М., 1856. С. 138–148.
16. Современная Турция. Статья первая // Отечественные записки. Год XVIII. Январь. Т. CIV. Кн. 1. СПб., 1856. С. 29–58.
17. Современная Турция. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. Год XVIII. Февраль. Т. CIV. Кн. 2. СПб., 1856. С. 397–424.
18. Сцены в пустыне. I. Под пальмою // Русский вестник. Т. III. М., 1856. С. 258–285.
19. Сцены в пустыне. II. В пальмовом лесу // Русский вестник. Т. V. М., 1856. С. 607–644.
20. Сцены в пустыне. Между Басрой и Багдадом // Русский вестник. Т. XIII. М., 1858. С. 322–348.

21. Сцены в пустыне. В каравансарае // Русский вестник. Т. XXV. 1860. Февраль: кн. 2. С. 689–723.
22. Сцены в пустыне. В каравансарае. (Окончание) // Русский вестник. Т. XXVI. 1860. Март: кн. 1. С. 49–90.
23. *[Березин И.]* Христиане в Месопотамии и Сирии // Москвитянин. 1854. № 16. Август. Кн. 2. Отд. II. С. 129–156.
24. Христиане в Месопотамии и Сирии // Москвитянин. 1854. Т. V. Отд. II. С. 1–28.
25. Христианская деревушка в Сирии // Библиотека для чтения. XXVII год. Ноябрь. Т. CLXII. СПб., 1860. С. 1–30.

Mark A. Kozintcev
Institute of Oriental Manuscripts, RAS

On Evaluation of the Heritage of Ilya N. Berezin in Soviet Oriental Studies: An Essay by Boris M. Dantsyg

Abstract. The legacy of the prominent Russian Orientalist Ilya N. Berezin (1818–1896) has long been the object of researchers» attention. Since the 1920^{s} and up to present time, the Russian scholars have been trying to analyze and describe Berezin's achievements in certain areas of Oriental studies. Particularly, his study trips in the Middle East are described in detail by Boris M. Dantsyg (1896–1973). The article introduces the text of Dantsyg's unpublished essay, kept at the Archives of Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts, RAS. The essay provides an overview of Berezin's trip through the territory of the Ottoman Empire. His views on the history and culture of the region are analyzed by Dantsyg from the perspective of Soviet school of Oriental studies. The essay is also of reference value, as it contains information about many of Berezin's articles published in Russian periodicals of the 19th century.

Д. Е. Мартынов
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Высшая школа востоковедения «Восточный разряд»

DOI: 10.48612/IVRRAN/6fzg-bvz5–96mf

Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия

Аннотация. В статье с разных позиций рассматривается последняя монография нидерландского синолога и литературоведа Доуве Фоккема *Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West*, опубликованная в 2011 г. Это первая обобщающая работа, в которой профессиональный литературовед и культуролог, синолог, исследующий идеологию, рассматривает целостный комплекс утопических текстов, вне зависимости от их культурной принадлежности. Д. Фоккема оговаривал, что концепция утопии в Китае специфична, и находится под воздействием идей об устройстве вселенной и специфики управления. Несмотря на то, что литературоцентрическая картина мира чужда для западной культуры, Д. Фоккема провозглашал право литературы и литературоведения самостоятельно рассуждать о проблемах современности. Тем не менее, аналитического исследования огромного материала не получилось, хотя достоинства монографии как справочника подчеркивали все рецензенты. Не слишком убедительной оказалась попытка сравнительного исследования европейской и китайской утопических традиций, что связано как с недоверием к левым идеологиям, так и постулируемой противоположности исторических контекстов возникновения утопического сознания на Западе и в Китае. При этом доминанту утопического сознания — «стремление к лучшему миру» — Д. Фоккема провозглашал антропологической универсалией. Не слишком проявляется и постмодернистская парадигма, в которой исследователь работал на материале европейской литературы. В китайской историографии предпринимаются попытки проследить использование Д. Фоккемой марксистских методов, однако в монографии *Perfect Worlds* марксистские проекты провозглашены утопическими, а с точки

зрения ученого, когда утопическое обетование выходит за пределы культуры, оно тут же превращается в свою противоположность. Утопический жанр тесно связан с критикой социальной и политической действительности своего времени. Утопия — это нарратив о кризисе общества, выраженного в своей литературной традиции.

В связи с тем, что творчество замечательного нидерландского исследователя Доуве Весселя Фоккемы (*Douwe Wessel Fokkema*, 1931–2011)[1] довольно скудно и односторонне представлено на русском языке[2], обзор его последней работы, вышедшей в свет менее чем за полгода до кончины, представляется уместным, хотя бы и появившись со значительным опозданием. В таком положении есть известное преимущество, поскольку в нашем

[1] По-китайски фамилия передаётся точной транскрипцией 佛克马 (Fókèmǎ), имя совпадает с фамилией Дж. Дьюи 杜威 (Dùwēi), что было сознательным выбором Д. Фоккемы. Китайский ученый Ван Нин утверждал, что фамилия состояла из иероглифов, отсылающих к Будде, Конфуцию (по созвучию) и Марксу. См.: 王宁. 杜威•佛克马与世界文学研究 = Douwe Fokkema and World Literature Studies // International Comparative Literature. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 20.

[2] На русском языке нам известна единственная его публикация, переведённая почти четверть века назад: *Фоккема Д.* Проблемы сравнительного изучения литератур / Пер. с англ. А.С. Мулярчика // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1989. Т. 48. С. 460–463. Кроме того, в 1997 г. вышел реферат польского перевода одной из монографий ученого: *Баранов А.И.* 97.01.007. *Фоккема Д.В.* История литературы, модернизм и постмодернизм = Fokkema W.D. Historia literatury: modernizm i postmodernizm // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 1997. № 1. С. 22–25. Соответственно, в отечественной гуманитарии Д. Фоккема известен почти исключительно как литературовед и исследователь постмодернизма, что отразилось в «Новейшем философском словаре» (3-е изд. Минск, 2003. С. 702–703) и ряде публикаций, последовавших после 2006 г. Характерно, однако, что в «Новой философской энциклопедии» (2010) и в фундаментальной энциклопедии «Духовная культура Китая» (2006–2010) Д. Фоккема не упомянут вовсе.

распоряжении появились обстоятельные отзывы специалистов — своего рода «масштабная линейка» и пробирный камень исследователя-гуманитария.

Д. Фоккема родился 4 мая 1931 г. в Утрехте[3]. В 1949–1961 гг. обучался в Амстердамском и Лейденском университетах, получив степени по нидерландской литературе и современному китайскому языку. В 1963–1964 гг., получив стипендию фонда Харкнесса, работал над докторской диссертацией в Центре китайских исследований Калифорнийского университета (Беркли). В 1965 г. под руководством известного синолога Антони Хюльсеве[4] в Лейдене Фоккема защитил докторскую диссертацию (она была посвящена советскому влиянию на китайский литературный процесс в 1956–1960 гг.). В 1966 г. Д. Фоккема был назначен секретарем, а затем временным поверенным в делах нидерландского посольства в Пекине, где находился до февраля 1969 г. — застав самый острый период Культурной революции. Параллельно, с 1968 г. Доуве Фоккема был назначен старшим научным сотрудником

---

[3] Биографические сведения приводим по: *Bertens H.* Douwe Wessel Fokkema. Utrecht 4 mei 1931 – Amstelveen 23 augustus 2011 // Jaarboek van de Maatschappij der Nederlandse Letterkunde, 2013–2014. Leiden: Maatschappij der Nederlandse Letterkunde, 2015. P. 47–60. Ханс Бертенс — ученик Д. Фоккемы.

[4] *Anthony François Paulus Hulsewé* (1910–1993) — нидерландский синолог, специализировавший по древнекитайскому праву. Происходил из семейства священников из Гронингена, родился в Берлине, и был привезён на родину только в 1919 г. Окончил Лейденский университет на средства Ост-Индской стипендии под руководством Яна Дёйвендака (1889–1954). В 1931 г. Хюльсеве продолжил обучение в Пекине под руководством Лян Цисюна (梁启雄, 1900–1965) — младшего брата знаменитого философа и историка Лян Цичао (梁启超, 1873–1929), в 1934 г. продолжил обучение в Японии. С 1935 г. работал в Голландском бюро по делам Восточной Азии в Батавии (Джакарта) как аналитик. В 1939 г. защитил диссертацию по проблемам Танского кодекса. В 1942–1945 гг. находился в японском Сингапурском лагере для военнопленных. С 1946 г. преподавал в Лейденском ун-те, переключившись на право эпохи Хань, в 1956 г. избран профессором (до 1975). После отставки переехал в Швейцарию.

Института литературных исследований Утрехтского университета. Полученный в Китае опыт отразился в книге воспоминаний[5], исследовании «китайской альтернативы» в идеологии и литературе[6] и сборнике статей[7] под редакцией Эрика Цюрхера[8], выпущенных в период 1970–1973 гг.[9] В дальнейшем Д. Фоккема и Э. Цюрхер в период 1973–1983 гг. выпускали серию исследований и переводов «Китайская библиотека», и исследователь никогда не оставлял китайской проблематики. Как отмечал Ханс Бертенс, углублённые синологические штудии привели Фоккему к убеждению, что компаративистика, на которой основано серьёзное исследование другой культуры, является незаменимым инструментом познания собственной культуры — в его случае европейской[10]. В дальнейшем, под влиянием своей супруги Элруд Ибш[11] исследователь

---

[5] *Fokkema D.W.* Standplaats Peking: Verslag van de culturele revolutie. Amsterdam: De Arbeiderspers, 1970.

[6] Het Chinese alternatief in literatuur en ideologie / [Door] D.W. Fokkema. Amsterdam: De Arbeiderspers, 1972.

[7] China nu, balans van de culturele revolutie / Samengesteld door E. Zürcher en D.W. Fokkema. Amsterdam: De Arbeiderspers, 1973.

[8] *Erik Zürcher* (1928–2008) — нидерландский синолог. Получал образование в Лейденском и Парижском университетах, специализируясь на китайском религиоведении. Докторская диссертация (1958) посвящена проникновению буддизма в Китай. В 1962–1993 гг. избирался профессором истории Восточной Азии в Лейденском ун-те. Член Королевской Нидерландской академии искусств и наук и ассоциированный член Академии надписей и изящной словесности Института Франции. Кавалер Ордена Оранского дома и рыцарь Ордена Нидерландского льва. Сын — Эрик-Ян Цюрхер — тюрколог.

[9] *Bertens H.* Указ. соч. P. 50.

[10] Там же. P. 51.

[11] *Elrud Ibsch* (1935–2013) — нидерландский литературовед, первый профессор общего литературоведения Амстердамского свободного университета. Родилась в Ганновере (Германия), получала образование в Майнце и Париже (как музыкант-виолончелист), в 1961 г. приняла нидерландское гражданство, изучая литературу в Утрехте. С 1968 г. работала в Утрехтском ун-те, защитила докторскую диссер-

перешел на позиции формализма и структурализма, требующих «логической чистоты исследования»; оценочные суждения Фоккема выносил за пределы литературоведения, считая их задачей литературной критики[12].

Уйдя в отставку с дипломатической службы, Д. Фоккема в 1971 г. перешел на кафедру сравнительной литературы Лейденского университета, прочитав инаугурационную лекцию «Культурный релятивизм и сравнительное литературоведение» (текст ее вошел в монографию 1972 г.). В дальнейшем он специализировался на компаративном сравнении западных и незападных литератур, а в 1980 г. был избран профессором сравнительного литературоведения, в значительной степени отойдя от китаеведения. В 1973 г. вышла его первая статья о европейском модернизме, который Фоккема рассматривал, преимущественно, как метод, опираясь на подходы Ю. М. Лотмана. Неудивительно, что в 1974–1976 гг. вышли в свет работы о семиотических и структуралистских исследованиях в СССР и Чехословакии, вошедшие в монографию «Теории литературы в XX веке: структурализм, марксизм, эстетика восприятия, семиотика» (1978, 4-е изд. 1995)[13].

В 1981–1996 гг. Д. Фоккема возглавлял в университете кафедру сравнительного литературоведения. Начиная с 1980-х гг. неоднократно приглашался для чтения лекций за пределами Нидерландов: в Гарварде, Гёттингене, Принстоне, Пекине, Чэнду и Гонконге, и др. В 1975–1981 гг. профессор Фоккема возглавлял Нидерландскую ассоциацию общего и сравнительного литературоведения,

тацию «Роль Ницше в развитии современного литературоведения» (1972), публиковала также исследования о Т. Манне. В 1976 г. возглавила кафедру Амстердамского свободного университета, где читала обязательный курс «Введение в литературоведение» и ввела преподавание теоретической поэтики. В 1977 г. в соавторстве с супругом Д. Фоккемой (для обоих это был второй брак) опубликовала исследование «Теории литературы в XX в.», основанное на базе поппероского критического рационализма. Удостоена исследовательской стипендии Александра фон Гумбольдта (1996). В отставке с 2000 г.

[12] Там же. P. 52.

[13] Там же. P. 53–55.

а в 1985–1988 гг. избирался президентом Международной ассоциации сравнительного литературоведения, с 1988 г. — её почётный президент. В 1987–1994 гг. возглавлял новый Исследовательский институт истории и культуры Утрехтского университета, в котором основал исследовательскую программу «Голландская культура в европейском контексте» (последняя монография в этой серии вышла в 2001 г.). Заслуги Фоккемы отмечены Медалью Сартона Гентского университета (Бельгия), и Орденом Оранж-Нассау Нидерландского королевства. Скончался ученый 31 августа 2011 г. в Амстелвене — пригороде Амстердама[14].

В научном мире Д. Фоккема создал себе репутацию исследованиями исторической эволюции теории литературы на европейском и китайском материале. Неудивительно, что его фундаментальный труд «Совершенные миры: утопическая литература в Китае и на Западе»[15], опубликованный университетским издательством Амстердама в 2011 г., явился достойным завершением его научной карьеры.

Монография «Совершенные миры» — отнюдь не первая работа, в которой комплексно рассматривается феномен китайской утопии. Среди предшественников проф. Фоккемы следует назвать известного немецкого синолога В. Бауэра, который в 1971 г. опубликовал монографию «China und die Hoffnung auf Glück»[16]. Примечательно, что Бауэр не рассматривал утопию

---

[14] Там же. P. 58–59.

[15] *Fokkema D.* Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West. Amsterdam University Press, 2011.

[16] Наиболее известен её перевод на английский язык, выполненный в 1976 г. М. Шоу (*Bauer W.* China and the Search for Happiness: Recurring Themes in Four Thousand Years of Chinese Cultural History / Tr. from the German by M. Shaw. N.Y.: Deabury Press, 1976). Именно этот перевод вызвал множество рецензий, в том числе эмигрировавшего в Израиль В. А. Рубина (*Rubin, Vitali.* The End of Confucianism? // T'oung Pao. 1973. Vol. 59. No. 1/5. P. 68–78), с английского перевода осуществлен перевод на китайский язык (*Бао Уган* 鲍吾刚 = *W. Bauer.* Чжунго жэньдэ синьфу гуань 中国人的幸福观/严蓓雯, 韩雪临, 吴德祖译 (Пер. с англ.: Янь Бэйвэнь, Хань Сюэлинь, У Дэцзу). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2004.

в Китае ради неё самой; это произошло из-за отсутствия границ исследуемого предмета. Взяв за основу «надежду на счастье», он поставил задачу комплексного рассмотрения духовной жизни китайской цивилизации от её возникновения до Культурной революции (причём предложил тогда весьма оригинальную трактовку заплыва Мао Цзэдуна на Янцзы в 1966 г.). В отечественной историографии данная тема была фундаментально обобщена в сборнике статей «Китайские социальные утопии», опубликованного под редакцией Л. П. Делюсина и Л. Н. Борох в 1987 г. Данный труд примечателен тем, что сочетает обзорные статьи с теоретической разработкой проблем утопии в Китае, проделанной А. И. Кобзевым и А. С. Мартыновым[17].

Замысел монографии Фоккемы весьма амбициозен. Это первая обобщающая работа, в которой профессиональный литературовед и культуролог, синолог, исследующий идеологию, рассматривает целостный комплекс утопических текстов, вне зависимости от их культурной принадлежности. Избрав литературоведческий метод, он, однако, заявляет в предисловии, что коренится утопия в антропологической стихии, утверждая, что «желание» было бы лучшим термином для её определения (P. 15)[18].

На основе весьма широкого эмпирического материала автор рассмотрел четыре основные гипотезы, которые можно использовать в качестве руководящих, обращаясь к исследованию утопии:

1. Утопии создаются в кризисные моменты развития общества, когда господствующая идеология больше не в состоянии соответствовать повестке дня (P. 16). Таким образом, изображение совершенного общества — в восприятии его автора — всегда представляет собою критику социальной и политической действительности, современной автору. Следовательно, утопии есть нарратив о кризисе общества, выраженный в данной литературной традиции.

---

[17] Китайские социальные утопии: Сб. ст. / Отв. ред. Л. П. Делюсин, Л. Н. Борох. М.: Наука, 1987.

[18] Здесь и далее по тексту в скобках ссылки на страницы издания: *Fokkema D.* Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West.

2. Утопии — продукт секуляризации, к утопиям обращаются авторы, которые освободились от религиозного сознания, что в первую очередь относится к европейской литературной традиции (P. 19). Это подтверждает взгляды английского социолога К. Кумара[19], высказанные ещё в 1980-е гг. Указанное не означает, что утопии не могут быть религиозными, но побудительным импульсом к их созданию является желание построить рай на этой земле под небесами, здесь и сейчас, а не ожидать царства небесного (P. 22). Китайская конфуцианская традиция, естественно, сильно отличалась от европейской средневековой, и породила свою модель светской культуры, совершенно отличной от западной христианской или ближневосточной мусульманской. Ни одна религия Китая не была в состоянии оспорить тотальное доминирование политической власти и, таким образом, светская культура образовала питательную среду для появления утопических идей в китайской литературе.

3. Реализованная утопия обращается в свою противоположность (P. 21). Этот тезис позволяет провести весьма любопытное сравнение китайского и западного материала, причём Д. Фокема заявляет, что логика развития утопического мышления прямо противоположна друг другу: Китай ассимилирует «прагматический материализм западного капитализма», Запад быстро релятивизирует свои экономические достижения, заимствуя категории, свойственные азиатским традициям — внимание к природной среде и нематериальным благам (P. 25).

4. Китайская и европейская утопии проросли из противоположных исторических предпосылок (P. 26). Одна из таких точек возмущения — противостояние коллективного и индивидуального блаженства, причём в китайской утопии различие между индивидуальным и коллективным не столь ярко выражено (P. 27–28)

---

[19] *Kumar K.* Aspects of the Western Utopian Tradition // Thinking Utopia: Steps into Other Worlds / Ed. by Jörn Rüsen et al. N.Y.: Berghahn Books, 2005. P. 17–31.

Методологически Фоккема основывался на концепциях Чжана Лунси[20] и В. Бауэра, которые доказывали существование автохтонной традиции утопизма в Китае и универсальность феномена утопии. Однако доктор Фоккема вынужден оговориться, что концепция утопии в Китае специфична, и находится как под воздействием идей об устройстве вселенной, так и специфики управления. Так, «Персиковый источник» (桃花源记) Тао Юаньмина (陶渊明, 365–427) в функциональном смысле признаётся аналогом «Утопии» Т. Мора — как основополагающий для традиции текст (P. 24). Вообще для методики Д. Фоккемы характерны смелые сопоставления, так, например, «Беседы и суждения» (论语) Конфуция могут рассматриваться как однопорядковый текст с «Опытами» Монтеня. 12-я глава монографии именуется «Оксидентализм: ностальгия по утопическому прошлому даёт путь идее прогресса» (P. 271–287)[21]. Здесь рассмотрены взгляды представителей китайской элиты между началом вторжения западных держав в Китай в 1840-е годы до «Движения 4 мая 1919 г.» и антияпонской войны сопротивления 1937–1945 гг. Особое место занимают в изложении Д. Фоккема тайпинское восстание и деятельность Кан Ювэя. Особенностью тайпинской идеологии признаётся «курьёзный» синтез христианства с кон-

[20] Чжан Лунси (张隆溪, p. 1947) — китайский специалист по компаративистике и кросс-культурным связям. Окончил Пекинский ун-т (магистр английской литературы, 1981). В 1989 г. в Гарвардском ун-те защитил докторскую диссертацию по сравнительному литературоведению. С 1998 г. профессор Гонконгского ун-та, иностранный член Королевской шведской академии искусств, истории и археологии (2009), Европейской академии (2013), Международной ассоциации сравнительного литературоведения (2016).

[21] Термин *Occidentalism* введён как инверсия понятия «ориентализм» в монографиях *Bonnett A.* The Idea of the West: Culture, Politics and History. N.Y., 2004 и *Chen Xiaomei.* Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China (издавалась в 1995 и 2002 гг.). В отечественной науке данными вопросами последовательно занимается Е. Штейнер. См.: Ориентализм / оксидентализм: языки культур и языки их описания = Orientalism / occidentalism: languages of cultures vs. languages of description: сб. ст. / Ред.-сост. Е.М. Штейнер. М.: Совпадение, 2012.

фуцианством, отринувший, однако, конфуцианскую иерархию между старшими и младшими[22]; описание тайпинской идеологии даётся по В. Бауэру (P. 273). Несколько подробнее дано описание деятельности Кан Ювэя (康有为, 1858–1927), который, вслед за Лян Цичао, в изложении Дж. Левенсона, характеризуется как «Мартин Лютер конфуцианства» (P. 276). Его важнейшей заслугой провозглашается то, что благодаря работам Кан Ювэя «рухнул фатализм, проистекающий из концепции истории как более или менее циклического движения от подъёма к упадку» (P. 276. Рассматривая содержание «Книги о Великом Единении», Д. Фоккема пишет, что «Кан Ювэй эклектически заимствует западную физику, эволюционную теорию Дарвина, марксизм и даже, по-видимому, “Государство” Платона и “Через сто лет” Э. Беллами[23], однако не даёт точных ссылок, позволяющих это подтвердить» (P. 278). Изложение *Да тун шу* 大同书 («Книги о Великом единении») даётся Фоккемой по переводу Л. Томпсона и анализу Фэн Юланя (冯友兰, 1895–1990).

В общем, книга Фоккема столь же оптимистична по духу, как и большинство разбираемых и упоминаемых им текстов. Он сравнивает утопию с «солнцем в тумане» и настаивает, что утопия будет надёжным проводником и обетованием для человечества, задающей позитивные цели и лучший мир, чем тот, который мы застали.

---

[22] Характерно, что А.В. Ломанов, рассматривая догматические особенности «христианства» Хун Сюцюаня, пришёл к прямо противоположным выводам: отношения лиц Пресвятой Троицы рассматривались тайпинами через призму традиционной китайской семейной этики. Следовательно, сыновство Иисуса Христа по отношению к Богу-отцу не означало отсутствия у Него божественности, но не делало Христа равным Богу-отцу. См.: *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. С. 364–367.

[23] Мы используем название перевода Ф. Зинина (1891) переизданного в 2018 г.: *Беллами Э.* Через сто лет: Роман / Пер. Ф. Зинина // Собр. соч. в 2 т. Т. 1. М.: Терра; Книж. клуб «Книговек», 2018. С. 5–198. В дореволюционной России роман Беллами выходил, как минимум, в трех разных переводах под названиями «Будущий век», «Золотой век» и «В 2000 году».

Обратимся и к другим отзывам на интеллектуальное наследие нидерландского исследователя. В первую очередь, рассмотрим статью профессора шанхайского университета Цзяотун Ван Нина[24], опубликованную в 2023 г. Наиболее ценным в наследии Д. Фоккемы Ван Нин называл то, что нидерландский исследователь, помимо основных европейских языков, владел также русским и китайским, что делало возможным использование не только источников, но и последних теоретических достижений, и это накладывалось на подлинно «космополитический ум»[25]. Ван Нин переписывался с Фоккемой с 1989 г., пытаясь убедить своего голландского коллегу, что постмодернизм приобрел большую популярность в Китае, что привело к существенному изменению взглядов Фоккемы и стало толчком к принятию в Нидерландах ряда исследовательских программ в области гуманитарной компаративистики[26].

Андреа Бахнер, профессор Университета штата Пенсильвания (США) помещала «Совершенные миры» в контекст больших нарративов Э. Ауэрбаха или Р. Курциуса, и метафорически обозначала исследование как «узорчатый гобелен», обеспечивающий читателю диахронический охват и межкультурный масштаб; изложение при этом вполне доступно и для неспециалиста. Издаваемые на Западе работы по сравнительному литературоведению далеки от формата монографии Д. Фоккемы, «как по концептуальным, так и по прагматическим причинам». В частности, выбор предмета исследования — утопического жанра — «смелый жест», как в политическом, так и научном отношении, так как литература о совершенном обществе неизбежно синтезирует политический трактат, аксиологическую и этическую проблематику, и собственно беллетристику как инверсию реального мира. Согласно мнению А. Бахнер, Фок-

[24] 王宁. 杜威 • 佛克马与世界文学研究 = *Wang Ning*. Douwe Fokkema and World Literature Studies // International Comparative Literature. 2023. Vol. 6, No. 1. P. 7–22. DOI: 10.19857/j.cnki.ICL.20236101.

[25] Там же. P. 9.

[26] Там же. P. 15.

кема подтверждал право литературы и литературоведения самостоятельно рассуждать о проблемах современности, ибо литературоцентризм чужд Европе и США, где изящной словесности отведена роль развлечения, а её исследователей воспринимают как «узников башни из слоновой кости». Утопическая литература двулика, включая описания идеального общества (эвтопия) или наихудшего варианта развития человечества (дистопия)[27] и является одной из точек пересечения литературы и реальности, где происходит их взаимодействие (в терминологии А. Бахнер «суггестивное и проблемное»). Таким образом, через всю монографию Д. Фоккемы красной нитью проходит доказательство синтетического или гибридного статуса литературных утопий. Ключевые характеристики жанра завязаны на социально-политический контекст возникновения того или иного текста. Поэтому Д. Фоккема прослеживает исторический и интеллектуальный контекст каждого из разбираемых текстов, активно применяя диахронический подход. Ученый принимает индивидуальный диалектический взгляд: то, что для одного читателя и исследователя является эвтопией, предстаёт для другого антиутопией (дистопией), что сильно зависит от соотношения степени индивидуальной свободы и общественного принуждения в каждый конкретный исторический момент. Утопическая фантастика существует в обширном интертекстуальном поле, которое диагностирует (иногда явно, иногда потаённо) определенные общественные и литературные традиции. Однако связать западные и восточные литературы удается далеко не в одинаковой степени. В XVIII–XX вв. литературы европейских стран, США и России существовали в едином смысловом и культурном поле, тогда как выход за пределы этого пространства иллюстрирует примеры ориентализма и оксидентализма и заставляет обращаться к иным стратегиям нарратива. Поэтому Д. Фоккема, как и любой другой оказавшийся на его

[27] О терминологии: *Клеес Г.* Утопия и утопизм: история осмысления понятий / Пер. с англ. Т. Приходько // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. № 3. С. 148–160.

месте исследователь, вынужден расширять границы предмета. Можно ли рассматривать конфуцианский идеал благородного мужа 君子 (*цзюньцзы*) частью утопического дискурса? Или является ли роман Ван Шо «Пожалуйста не называйте меня человеком» (千万别把我当人, 1989)[28] сатирой или антиутопией и где границы между этими понятиями? Подобные вопросы как нельзя лучше иллюстрируют сложность взваленных на себя исследователем задач. С одной стороны, он настаивает на универсальности утопий, наличия утопического сознания во всех культурах и литературах, что не отменяет радикальных различий утопий Запада и Китая, характеризуемых до начала XX в. ориентациями, соответственно, на будущее и идеализированное прошлое[29].

Доцент Орегонского университета Рой Чан (специалист по сравнительным литературам России и Китая) на первое место выносил всеохватную лингвистическую и литературную эрудицию Д. Фоккемы, и даже утверждал, что сама по себе литературная компаративистика «по-своему реализует глобальный утопический импульс». Однако, в конечном счете, по мысли Р. Чана, исследователя постигла неудача — слишком широкий охват привёл к тому, что вместо аналитики, значительная часть семнадцати глав состоит из сюжетных резюме. Это нисколько не снижает справочной ценности «Совершенных миров», причем книга является и опорной точкой для более глубокого анализа отдельных произведений. Рецензент отметил, что между строк исследования можно прочитать как очевидное увлечение Д. Фоккемы утопической мыслью, так и неприятие любых попыток реализации утопических проектов в политической практике. Для ученого, становление которого пришлось на годы Холодной войны, и который стал свидетелем Культурной революции

[28] См. *Бекмеметьева Р.С.* Язык современной китайской литературы на примере творчества Ван Шо // Global and Regional Research. 2019. Т. 1. № 1. С. 153–156.

[29] *Bachner A.* Review: [Douwe Fokkema. Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West] // The Comparatist. 2013. Vol. 37, May. P. 319–321. DOI: 10.1353/com.2013.0029.

в Китае, совершенно неудивительно «уничтожающее презрение к левым идеям, и в частности к марксизму»[30], который он отвергает как утопическую идеологию (P. 207–209). Между тем собственные политические ориентиры исследователя достаточно размыты, тогда как данная позиция важна при создании рабочего определения, «что составляет утопию». Включение китайских текстов в домен аналитического исследования утопических идей является достоинством монографии, позволяя проводить убедительное сопоставление китайской и западных утопических традиций. Здесь Р. Чан отметил, что утверждение «секуляризма» конфуцианства в сравнении с «утопической ограниченностью» христианства может показаться назойливым и навязчивым: реальное культурное поле «сопротивляется» бинарной категоризации «религиозного/светского». Напротив, именно новозаветный образ Града на холме предоставил культуре весьма существенные «поэтические ресурсы», и является мотивирующим для англо-американской политики в XXI в. Более того, Фоккема завершил свое исследование панегириком либеральной демократии, Европейскому Союзу, единому рынку и единой валюте евро, параллельно «демонстрируя возможность того, что мы существуем в кризисной эпохе, которая может подстегнуть рождение новых утопий» (P. 399–400)[31].

Ханнес Бергталер, профессор Чжунсинского университета на Тайване, вводил «Совершенные миры» в более широкий контекст. Фоккема поставил чрезвычайно амбициозную задачу — оформить концептуальную основу, достаточно широкую, чтобы получить инструмент изучения всех проявлений утопической литературы безотносительно ее культурного происхож-

[30] В этом контексте весьма примечательны суждения Ван Нина, демонстрировавшего, что Фоккема активно использовал опыт марксистской методологии, с которой не конфликтовал его постмодернизм. См.: *Wang Ning*. Douwe Fokkema and World Literature Studies. P. 8, 11, 14, 20–21.

[31] *Chan R.* Book Review: [Perfect Worlds: Utopian Fiction in the China and the West by Douwe Fokkema] // Comparative Literature Studies. 2014. Vol. 51. No. 4. P. 695–698.

дения. Утопическое сознание — «стремление к лучшему миру» (P. 15), Д. Фоккема полагал антропологической универсалией, выстраивая на этом допущении четыре гипотезы, которые мы охарактеризовали выше. При этом исследователь не прилагал усилий, чтобы систематически разработать и каким-либо образом обосновать высказанные тезисы; они служат одновременно реперами и отправными точками для ориентирования в грандиозном пространстве китайской, голландской, английской, французской, немецкой, итальянской и русской литературы. Х. Бергталер находил некоторые несообразности в отобранном материале: в частности, Фоккема подробно рассматривал «Книгу Марко Поло» или «Доброго человека из Сезуана» Б. Брехта только для того, чтобы отвергнуть их утопическую природу. При этом, по мысли критика, наиболее интересными оказывались именно те главы, где автор отклонялся от генеральной темы своего исследования, например, рассматривая Китай в европейских утопических фантазиях, или излагая ход дискуссий о нигилизме в России XIX в. Ханнес Бергталер решительно отверг проводимое Фоккемой объединение «стремления к лучшему миру» европейского утопизма и классической китайской литературы в едином родовом понятии («различия перевешивают сходства»). Как мы уже упоминали выше, «Персиковый источник» Тао Юаньмина Фоккема объявлял китайским эквивалентом «Утопии» Томаса Мора, т.е. прототипом, устанавливающим традицию утопического нарратива. Слабым местом этого утверждения является то, что в «Персиковом источнике» не содержится существенных политических и экономических подробностей описываемого гармонического общества и это противоречит собственному рабочему определению утопии, предложенном и используемом Д. Фоккемой. «Персиковый источник» имеет больше сходства с античными и барочными буколическими идиллиями, или даже квазирелигиозными аллегориями. Х. Бергталер полагал более продуктивным акцент на самобытность западной и китайской традиций, что позволит гораздо яснее понять тонкие процессы межкультурного восприятия. Напротив, одними из самых удачных у Фоккемы названо описание того, как Лао Шэ успешно син-

тезировал условности западного утопического жанра в «Записках о кошачьем городе». Второй существенной слабостью позиции Д. Фоккемы Х. Бергталер объявил «концепцию секуляризации». На протяжении всей книги гипотеза о связи утопии и секуляризации остаётся неопределенной, а ее применение к китайской культуре прямо названо сомнительным. Тезис о связи западного утопического сознания с секуляризацией неоспорим, ибо связан с объективными историческими процессами — Реформацией, когда в сознании гуманистов впервые появилась вера в возможность улучшения социальных условий на рациональной основе. Фоккема проводил аналогии между ренессансным гуманизмом и конфуцианством на том основании, что конфуцианское учение сосредоточено на благосостоянии человека в подлунном мире и избегает сверхъестественных явлений[32]. Однако Х. Бергталер полагает, что «это равносильно упущению именно тех форм западного секуляризма, которые сделали его… исторической силой». Более того: конфуцианский идеал нравственного совершенствования неотделим от учения об управлении, сообразном Дао, в котором правитель следует вселенским процессам, а не пытается наводить общественный порядок силой. В этом плане конфуцианский общественный идеал недалеко отошёл от даосского «недеяния» 无为 (*увэй*). Активный характер государственная власть приобрела в доктрине легистов, однако о ней Д. Фоккема не упоминал, а конфуцианские и даосские теоретики равно негативно относились к любым волюнтаристским попыткам переустройства социума, т.е. именно того волевого начала, которое лежит в основе западного утопизма[33].

---

[32] О параллелях в идеологии ренессансного гуманизма и китайского мандарината см.: *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002. С. 28–32. См. также: *Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.* Рецензия: [Maissen T., Mittler B. Why China did not have a renaissance — and what that matters: an interdisciplinary dialogue] // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2, № 5. С. 132–137.

[33] *Bergthaller H.* Review: [Fokkema, Douwe: Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West] // Arcadia. 2012. Vol. 47, iss. 2. P. 500–503. DOI: 10.1515/arcadia-2012–0030.

Литературовед Рудольфус Теюэн (Национальный университет Сунь Ятсена, Гаосюн, Тайвань) также начинал свой обзор «Совершенных миров» с перечисления четырех тезисов Д. Фоккемы, акцентируя внимание на то, что изложение гораздо менее догматично, нежели заставляет предполагать введение. Более того, гипотезы, положенные в основу монографии вновь появляются только в заключении к работе в целом, в сущности, не могли быть подвергнуты фальсификации (в контексте методологии К. Поппера). Р. Теюэн отметил, что глубинной целью Д. Фоккемы являлась демонстрация, что взаимоосознание европейской и китайской культур происходило по мере их перекрестного развития во взаимовлиянии. В сколько-нибудь заметных масштабах данный процесс фиксируется не ранее XVII в. и продолжается до сих пор. «Книга о Великом единении» Кан Ювэя характеризуется Р. Теюэном как «один из главных примеров китайского западничества XIX в.». В целом Д. Фоккема представил убедительную картину источников китайского антиутопизма двадцатого века, «щедро приправленную постмодернизмом». Свой обзор Р. Теюэн завершает метафорически: в свое время теолог Исаак Казобон (1559–1614) рассматривал мифологию как совокупность знаний, представленных в виде «фрагментов мозаики», требующих лишь преобразования посредством «Ключа ко всем мифологиям»[34]. В XXI в. Доуве Фоккема представил некое подобие «Ключа ко всем утопиям»[35].

Заключение

Историю утопических учений автор этих строк считает весьма сложной для классификации дисциплиной, которая находится на пересечении исследовательских доменов интеллектуальной

[34] Р. Теюэн не разъяснял метафоры «мифологического ключа Казобона»; заимствуем объяснение из следующего источника: *Tang M.* The end(s) of Myth in Middlemarch: The Poetics and Politics of Literary Experience // Lectures et écritures du mythe / édité par Pascale Renaud-Grosbras et Sophie Marret. Presses universitaires de Rennes, 2006. URL: https://books.openedition.org/pur/37975.

[35] *Teeuwen R.* Review: [Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West by Douwe Fokkema] // Utopian Studies. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 260–264.

истории, философии, литературоведения, отчасти, социологии и психологии, и собственно художественной литературы. Востоковедческие исследования утопической мысли до сих пор остаются единичными, несмотря на колоссальный объем источников, введенных в научный оборот за последние полтора века и бурное развитие практически всех отраслей востоковедения. Одним из примечательных объяснений такого парадокса является невозможность одновременного декларирования отказа от европоцентризма и признания западного генезиса современного научного знания. Более того, в историографии существует фундированное обоснование искусственности любых культурных универсалий, что, в частности, объясняет отсутствие точных аналогов утопических проектов в истории восточных культур до их активного взаимодействия с Западом после начала колониальной и империалистической агрессии. В практическом плане для востоковедов это означает не умаление базового компаративного метода, а усложнение задачи поиска потенциально сравниваемых культурных явлений и объектов. В этом плане парадоксально востоковеды не могут отказаться от позитивистского подхода — накопления и коллекционирования фактов и увеличения числа доступных источников, ибо это непрестанно повышает надежность сравнения и позволяет до известной степени «примирить» внешне похожие, но принципиально разные по генезису феномены. Формула же «Понять — значит упростить» в научном знании подчас является фатальной, что и продемонстрировали критики героя настоящей публикации.

D.E. Martynov
Douwe Fokkema: Postmodernism and Chinese Utopia

Summary. The article examines the last monograph by Dutch Chinese studies and literary scholar Douwe Fokkema, *Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West*, published in 2011, from different perspectives. This is the first comprehensive work in which a professional literary scholar and cultural scientist, a Chinese studies scholar who studies ideology, examines a comprehensive set of utopian texts, regardless of their cultural

affiliation. D. Fokkema stipulated that the concept of utopia in China is specific and is influenced by ideas about the structure of the universe and the specifics of governance. Despite the fact that the literature-centric picture of the world is alien to Western culture, D. Fokkema proclaimed the right of literature and literary criticism to independently discuss the problems of modernity. Nevertheless, an analytical study of the enormous amount of material did not work out, although the merits of the monograph as a reference book were emphasized by all reviewers. An attempt to compare the European and Chinese utopian traditions turned out to be not very convincing, which is connected both with mistrust of leftist ideologies and with the postulated opposition of historical contexts of the emergence of utopian consciousness in the West and in China. At the same time, D. Fokkema proclaimed the dominant feature of utopian consciousness — «the desire for a better world» — to be an anthropological universal. The postmodern paradigm, in which the researcher worked on the material of European literature, is not very evident either. In Chinese historiography, attempts are made to trace D. Fokkema's use of Marxist methods, however, in the monograph *Perfect Worlds*, Marxist projects are proclaimed utopian, and from the scholar's point of view, when a utopian promise goes beyond the boundaries of culture, it immediately turns into its opposite. The utopian genre is closely connected with criticism of the social and political reality of its time. Utopia is a narrative about the crisis of society, expressed in its literary tradition.

Л. А. Сыченкова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

DOI: 10.48612/IVRRAN/e9a5-g39z-dudz

Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б. А. Денике

Аннотация. В статье осуществлена историографическая реконструкция малоизвестной страницы творческого наследия и биографии историка искусства, востоковеда Бориса Петровича Денике (1885–1941). Б. П. Денике удалось определить типологические особенности крымско-татарской архитектуры, раскрыть ее синтетический характер крымско-татарской архитектуры, взаимосвязь с архитектурными стилями других эпох и народов. Синтез стилей архитектурных стилей Востока и Запада сформировал неповторимый облик «культовым» и «гражданским» сооружениям крымских татар. Примененная в статье методика сопоставления содержания публикации Б. П. Денике с дневниковыми записями ученого позволяет доказать, что описание памятников, сделанное в очерке Б. П. Денике, является результатом не только переосмысления известного к тому времени корпуса исследований по крымско-татарской архитектуре. Анализ крымско-татарской архитектуры Б. Денике опирается на

Борис Петрович Денике в студенческие годы. Фото // ГАРТ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 977. Оп. л/д. Д. 34673. Л. 22.

его личные впечатления от памятников, полученные при посещении Крыма с 1905 по 1937 гг. Прочтение биографии Б.П. Денике в контексте последовательного освоения темы крымско-татарской культуры, позволило одновременно выявить список неожиданных связей, переплетение судеб археолога Б.Н. Засыпкина, археолога и этнографа Н.Л. Эрнста, искусствоведа Я.А. Тугендхольда, тюрколога, крымоведа Я.М. Кемаля, музейного деятеля Г.Я. Росселевича. Значимость возвращения в научный оборот забытой статьи Б.П. Денике в настоящее время возрастает, поскольку отдельные из описанных ученым памятников культурного наследия крымских татар в настоящее время не сохранились. Статья Б.П. Денике позволяет добавить и восполнить еще один пробел в истории крымоведения.

Статья Б.П. Денике «Зодчество крымских татар» 1937 г.[1] оказалась забытой, как и другие его публикации в «Архитектурной газете»[2]. Хотя жизненный путь искусствоведа Б.П. Денике достаточно подробно описан его учениками и последователями[3], однако в его творческой биографии остаются непроясненные моменты. Одним из таких неясных моментов является неожиданное обращение ученого в 1937 г., к истории крымско-татарской архитектуры. К этому времени Б. Денике выпустил книги по истории мусульманского искусства, искусства Ирана, и подготовил альбомы по искусству Индии, Турции, Китая и Японии. Труды

[1] *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар // Архтектурная газета. 1937. № 66(210) от 23 сентября. С. 4.

[2] *Денике Б.П.* Искусство Грузии // Архтектурная газета, 1937, № 2 от 2 января; *он же*. Памятники Татарии // Архтектурная газета. 1937. № 16 от 18 марта; *он же*. Народное искусство Узбекистана // Архтектурная газета. 1937. № 29 от 1 мая.

[3] *Веймарн Б.В.* Б.П. Денике — историк искусства Востока // Народы Азии и Африки. 1976. № 1. С. 218–226; *Алпаткина Т.Г.* Предисловие // «Он никогда никому не сделал зла…» = «He wronger no one…» (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. С. 3–16.

АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА № 66 (210), 23 СЕНТЯБРЯ 1937 г.

ПО СТАРЫМ ОБРАЗЦАМ

На дискуссии в харьковском Доме архитектора

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). Материалы харьковского Горпроекта за декабрьское время просмотренных четыре больших стадиальных проекта. Что в них плюсов, характерного для проектировщиков 1937 г.?

На единодушному мнению творческой секции харьковского отделения союза советских архитекторов, — начнет Архитектурный не должна ни в стилистическом, ни в конструктивном отношении быть копией старых образцов. Вот почему забежка обычно в Харьков-строй-проект, рассмотренный на заключительном этапе по его творческой трактовке, вызвала часть принципиальных замечаний. Это — арх. Б. К. Трофимов. Проект его жилой площади прекрасен. Глубокие лоджии гармонично вплетут жилье в городской квартал. Существенный недостаток — не единообразие по форме и размерам жилищных предложенных квартир.

Неоспоримую привлекательность достигает запроектирован для дома Главлесбу угловой квартиры. Но для массовой обычной в Харькове застройки это — роскошь. Не менее роскошны и запроектированные угловые квартиры. Вестибюль планировки квартир разработан по весьма удачному варианту 1932—1935 гг.

Наличие экономичных решений дал арх. Антонов (группа материалы, руководитель — арх. Б. К. Трофимов).

ученого получили мировое признание. На III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде в 1935 г. Б.П. Денике был выбран в члены Международной ассоциации по изучению иранского искусства и археологии[4]. Он работал директором музея народов Востока в Москве (1925–1929 гг.), профессором Московского университета, принимал участие в многочисленных экспедициях в Средней Азии и на Кавказе.

В 1937 г. Б.П. Денике опубликовал статью о крымско-татарском зодчестве. Обращение ученого к этой теме было «неожиданным» только на первый взгляд. На самом деле Б.П. Денике давно увлекался культурным наследием крымских татар. С 1905 г. и на протяжении последующих двадцати с лишним лет он периодически приезжал в Крым, где знакомился с историей крымско-татарской культуры. Мотивы написания краткого очерка для «Архитектурной газеты», вероятно, были связаны со стремлением Б.П. Денике привлечь внимание общественности к проблеме сохранения памятников культурного наследия одного из крымских этносов. Записи из дневника Б.П. Денике, опубликованные в 2006 г., являются основным источником для реконструкции «научной лаборатории» Б.П. Денике, они помогают, в том числе, понять мотивы его обращения к теме крымско-татарской архитектуры[5].

Статья Б.П. Денике совпала с программой систематического изучения культурного наследия крымских татар, разработанной советскими учеными[6]. Эта программа значительно расширила дореволюционную традицию преимущественного изучения античных памятников Крыма. Статья Б.П. Денике вышла через десят лет после публикации фундаментальной статьи его друга

---

[4] Выборы происходили на заключительном заседании конгресса в Москве. От СССР были выбраны академик Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) и профессор Камилла Васильевна Тревер (1892–1974).

[5] К сожалению, публикаторам дневника удалось идентифицировать не все фигуры, упоминаемые Б.П. Денике без инициалов, и прокомментировать все факты и события.

[6] *Бороздин И.Н.* Археологические памятники юга СССР и Керченская археологическая конференция // Новый Восток. 1926. № 15. С. 18–204.

и коллеги Б.Н. Засыпкина[7] «Памятники архитектуры крымских татар»[8] в журналах «Крым»[9] и «Новый Восток»[10]. Современными историками статья Б.П. Засыпкина называется «классикой научного крымоведения»[11]. Однако в историографии по истории архитектуры крымских татар статья Б.П. Денике даже не упоминается.

Б.П. Денике посчитал нужным сделать краткую публикацию на эту тему через десять лет после выхода статьи Б.Н. Засыпкина, поскольку за прошедшее время многое изменилось. Во-первых, были проведены новые археологические экспедиции по изучению архитектурного наследия Крыма, выявлены ранее неизвестные памятники. Во-вторых, сами памятники, которые описывал Б.П. Засыпкин, сильно пострадали и фактически были разрушены после крымского землетрясения летом и осенью 1927 г.[12] В-третьих, Б.П. Денике расширил хронологические рамки рассмотрения архитектурного наследия крымских татар до XVII в. В-четвертых, статья Б.П. Денике была предназначена для более широкого круга читателей, видимо, с целью привлечения внимания общественности к проблеме сохранения крымско-татар-

[7] Засыпкин Борс Николаевич (1891–1955) архитектор, художник, реставратор. В конце 1920-х годов работал в Крыму. В 1934 г. Б.Н. Засыпкин был арестован и сослан. С 1937 г. жил и работал архитектором в Узбекистане в управлении охраны памятников. Умер в Ташкенте в 1955 г.

[8] *Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 111–168.

[9] Общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым», выпускало « в 1925–1929 гг. Московское отделение «Общество изучения Крыма».

[10] *Засыпкин Б.Н.* Обследование памятников архитектуры Крыма // Новый Восток. 1927. № 18. С. 277–278.

[11] *Непомнящий А.А.* Новые материалы к биографии Б.Н. Засыпкина // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022. Вып. XXVII. С. 723.

[12] Землетрясения на Крымском полуострове произошли 26 июня и в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г.

ского наследия[13]. Статья Б.П. Засыпкина оставалась в 1920-е годы известна только узкому кругу специалистов.

Историк искусства Востока Б.П. Денике (1885–1941) — уникальная личность. Он вырос и учился в Казани, воспитывался в русско-немецкой семье. Поликонфессиональность и полиэтничность городской среды, окружавшей Б.П. Денике в детстве и молодости, не могли не повлиять на возникновение у него раннего интереса к Востоку. Уже в 9–10 лет «Боба», как его звали в семье, начал изучать арабский язык[14], мечтал о поступлении в Лазаревский институт восточных языков в Москве[15]. По собственной инициативе Б.П. Денике продолжил изучать арабский язык в Императорском Казанском университете. Он записался на курс арабского языка к известному профессору-востоковеду Н.Ф. Катанову, обучаясь в университете первоначально на физико-математическом факультете[16]. Курс не входил в перечень обязательных дисциплин этого отделения, следовательно, это был его личный выбор. К сожалению, других свидетельств о контактах Б.П. Денике и профессора Н.Ф. Катанова не обнаружено.

Содержание статьи Б. Денике «Зодчество крымских татар» интересно рассмотреть в контексте биографии ученого. Тема Востока не сразу стала доминирующей в его творчестве. Первоначально Б. Денике писал статьи об античной и русской культуре. Но еще в раннем творчестве ученого можно проследить поступательное погружение в тему художественной культуры Востока.

---

[13] Тираж «Архитектурной газеты» почти в 20 раз превышал тираж специального журнала «Крым». В 1925–26 гг. тираж журнала «Крым» составлял 5 тысяч экземпляров, а в 1927–1928 гг. — всего 1 тысяча экземпляров, а в последний год издания еще уменьшился до 800 экземпляров. За годы существования журнала вышло в свет 10 номеров. Тираж «Архтектурной газеты», выходившей с 1937 по 1939 гг., варьировался от 13 500 до 20 000 экземпляров.

[14] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 32–33.

[15] *Корнилов П.Е.* Светлой пямяти друга и учителя — Бориса Петровича Денике // «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 116–136.

[16] Государственный архив Республики Тататрстан (ГАРТ). Ф. 977. Оп. л/д. Д. 3473. Л. 12об.

Так, в 1922 г. Борис Петрович выступил с докладом на научной ассоциации востоковедения[17] по теме: «Современное состояние и задачи изучения искусства Востока»[18]. В этом же году он прочел доклад «О миниатюрах древнейших мусульманских рукописей публичной библиотеки и Азиатского музея в Санкт-Петербурге» в Институте искусствознания[19].

На протяжении всей творческой жизни Б.П. Денике несколько раз обращался к теме тюрко-татарской культуры разных регионов России. Раньше всего ученый проявил интерес к наследию булгаро-татарской и золотоордынской культуры Казанской губернии. Затем он изучал художественное наследие касимовских татар[20]. 5 января 1928 г. Б. Денике сделал доклад на тему: «Художественные памятники касимовских татар» в Историко-Этнологическом отделе Всесоюзной ассоциации востоковедения (ВНАВ)[21].

В дневниковых записях Б. Денике есть упоминания о посещении Крыма в 1905 г., и многократно — с 1928 по 1941 гг.[22] В разные периоды жизни Б. Денике изучал музеи и памятники культуры крымских татар. Борис Денике увлекся искусством крымских татар еще студентом Императорского Казанского университета. В 1905 г. он впервые побывал на полуострове. С са-

[17] Всероссийская научная ассоциация востоковедения была создана Декретом ВЦИК от 13 декабря 1921 года при Наркомнаце. В организации работали два постоянных отдела: историко-этнологический и политико-экономический. Ассоциация издавала журнал «Новый Восток» (1922–1930). В 1930 г. подвергалась критике за буржуазность, и членство в ней немарксистских востоковедов старой школы. С 1930 г. ассоциация востоковедения вошла в состав Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

[18] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 63.

[19] Вероятно, имеется в виду Российский институт истории искусств (РИИИ, впоследствии — ГИИИ) в Петрограде, соданный еще в 1913 г. графом В.П. Зубовым.

[20] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 63.

[21] *Зайцев И.В.* Неизвестные касимовские эпитафии из Нового Иерусалима // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 304–311.

[22] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 63.

мого начала Б. Денике в Крыму заинтересовали именно крымско-татарские памятники[23]. В дневнике Борис Денике записал: «10 марта 1905 года вместе с Митей Демперовым[24] уехал в Крым <…> Памятна поездка в Бахчисарай и Чуфут-Кале»[25].

Яркие личные впечатления от посещения Чуфут-Кале в 1905 г. позволили Б.П. Денике написать словесный портрет древнего города. В 1926 г., через двадцать один год после первого пребывания в Крыму, Б.П. Денике в предисловии к книге офортов Павла Шиллинговского[26] создал художественно-литературный образ Чуфут-Кале с кратким экскурсом в его историю. «Среди выжженной солнцем равнины возвышается величаво и одиноко на бесплодной, голой, каменной горе мертвый город Крыма — Чуфут-Кале. Толща скалы зияет темными впадинами пещер, громоздятся каменные стены обширного покинутого города. Большие ворота (Буюк–Капу) ведут в город. …Входишь в безлюдный город, идешь по каменный плитам мостовой, так гулко отдаются шаги в пустом городе. …Остатки улиц, площадей, груды развалин, порой бесформенных и хаотичных… А когда-то здесь была своя жизнь, город был оживленным торговым центром!»[27]. П. Корнилов назвал этот опус Б. Денике «прозой в стихах»[28].

Б.П. Денике самостоятельно выстраивал свою жизненную стратегию, планомерно дрейфуя в сторону изучения культуры Востока. Знакомясь с биографией Б.П. Денике, поражаешься ко-

---

[23] Там же. С. 26.

[24] Дмитрий Демперов (1883–1954) — двоюродный брат Бориса Денике. Дмитрий Демперов в 1919–1921 гг. ассистент кафедры геологии Казанского университета. С 1921 г. в Ленинградском горном институте. Профессор (1941).

[25] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 26.

[26] Шиллинговский Павел Александрович (1881–1942), гравёр, живописец, педагог.

[27] Чуфут Кале: офорты П.А. Шиллинговского / Вступ. ст. Б.П. Денике и П.Е. Корнилова. Казань, 1926. С. 11–13.

[28] *Корнилов П.Е.* Светлой пямяти друга и учителя — Бориса Петровича Денике // «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 134.

лоссальному объему специальной литературы и источников по искусству Востока, освоенных им за короткий период времени. Путь Б.П. Денике по осмыслению художественного наследия Востока не был простым, поскольку в советское время Б.П. Денике не имел возможности выезжать за границу, и знакомиться с памятниками Востока, которые он описывал. Ученому не удалось побывать в Иране, Индии, Китае, Турции, Японии, хотя, вероятно, он об этом мечтал. Б.П. Денике, как любой ученый, стремился к международным контактам. Ему крайне редко удавалось встречаться с зарубежными специалистами по искусству Востока в советское время. Точно известно, что Б.П. Денике был лично знаком американским иранистом Артуром Поупом[29], и высоко ценил его как специалиста.

Но еще в ранней молодости Б.П. Денике побывал в Европе, в рамках подготовки к профессорскому званию. В дневнике четко обозначены даты его заграничной командировки: с 25 мая 1913 по 22 марта 1914 гг.[30] Б.П. Денике оказался в Европе перед первой мировой войной, когда начиналось массовое увлечение культурой Востока. Позднее, в книге 1923 г. он отмечал, что еще в 1910 г. в «Мюнхене и Берлине с большим успехом прошла выставка мусульманского искусства, в 1912 году состоялась выставка миниатюры в Musée des Arts décoratifs в Париже»[31]. Известно, что в Берлине, Риме и Париже Б.П. Денике имел возможность слушать лекции ведущих французских, немецких и итальянских искусствоведов. В автобиографическом очерке ученый отмечал, что кроме занятий в музеях и библиотеках Германии, Франция и Италии, он «слушал эпизодически лекции по истории искусств в Париже, Берлине, Риме»[32]. В Париже Б.П. Денике занимался

[29] Поуп Артур Апэм (1881–1969) американский учёный, историк искусства и историк архитектуры. Он был экспертом по персидскому искусству, редактором «Обзора персидского искусства» (1939).

[30] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 30–31.

[31] *Денике Б.П.* Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства. Казань, 1923. С. 176.

[32] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 30–31

в «École des Hautes d'Études[33] по истории искусств»[34]. Но, к сожалению, Б.П. Денике не назвал имен профессоров, лекции которых ему удалось прослушать. Остается только догадываться о том, курсы каких профессоров он посетил. Это вполне могли быть лекции по искусству Востока. Значение командировки Европу в становлении Б.П. Денике, как востоковеда, еще недостаточно осмысленно. Возможно, именно тогда молодой ученый познакомился с ведущими европейскими историками искусства, в том числе и специалистами в области искусства и архитектуры Востока. Огромное впечатление на Б.П. Денике произвело знакомство в Берлине с результатами экспедиции А. Лекока в Восточный Туркестан[35]. По возвращении в Россию он опубликовал брошюру «О памятниках культуры и искусства Турфана»[36].

Накопленные в 1910-е годы знания по восточной художественной культуре Б.П. Денике изложил в книге «Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства»[37], которая вышла в Казани. В первой монографии Б.П. Денике представил оригинальную концепцию реконструкции истории художественной культуры в исламских странах, обозначил перспективы ее дальнейшего изучения.

Уже в книге 1923 г. Б.П. Денике продемонстрировал блестящее знание зарубежной литературы по многим разделам художественной культуры мусульманских стран: миниатюре, зодчеству,

---

[33] École pratique des hautes etudes — французское государственное учреждение высшего образования, находящееся в подчинении Министерства высшего образования и научных исследований Франции.

[34] *Ходжаш С.И.* Борис Петрович Денике // Памятники и люди: ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2003. С. 279–280.

[35] Восточный Туркестан — субрегион Центральной Азии, охватывающий Таримский бассейн и территорию от Тянь-Шаня до Монгольского Алтая.. Восточный Туркестан — это родина тюркоязычных народов Центральной Азии.

[36] *Денике Б.П.* О памятниках культуры и искусства Турфана: (Результаты экспедиции А. Лекока в Кит. Туркестан). Казань, 1915.

[37] *Денике Б.П.* Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства. Казань, 1923.

прикладному искусству и т.д.[38]. В очерке по мусульманской архитектуре Б. Денике рассматривал книгу французского историка архитектуры Анри Саладина[39] «Руководство по мусульманскому искусству»[40], монографию «Исламское искусство» Эрнста Дица[41], альбом «Старый Константинополь: снимки города и его памятников архитектуры и искусства» Эрнста Дица и Генриха Глюка[42], монографии «Искусство османов» Г. Глюка[43] и «Культовые сооружения ислама» Отто Хёвера[44], а также книгу «Мусульманская архитектура: ее истоки и развитие» Джованни Ривуара[45] и другие исследования[46]. Б. Денике был прекрасно осведомлен в новейшей российской историографии по искусству Востока. Он ссылался на труды В.В. Бартольда[47], М.Я. Гинзбурга[48]. Это была самая новейшая литература на тот момент. Следовательно, Б. Денике приступил к осмыслению крымско-татарской архитектуры в 1937 г. уже достаточно подготовленным специалистом по истории архитектуры и по истории мусульманской культуры.

Книга «Искусство Востока» 1923 г. косвенным образом связала Б.П. Денике с первыми советскими крымоведами. Дело в том, что

---

[38] Там же. С. 238–239.

[39] Саладин Анри (Saladin, Henri, 1851–1923) — французский архитектор, историк архитекуры, археолог.

[40] *Saladin H.* Manuel d'art musulman. I L'architecture. V. 2. Paris, 1907.

[41] *Dietz E.* Die Kunst der islamischen Völker. Berlin, 1915.

[42] *Dietz E.* kommenteerija, Glück H, (sissejuhatuse autor.) Alt-Konstantinopol: Aufnahmen der Stadt und ihrer Bau- und Kunst-Denkmäler. München-Pasing, 1922.

[43] *Glück H.* Die Kunst der Osmanen. Leipzig, 1922.

[44] *Hover O.* Kultbauten des Islam / von Otto Hover. Wilhelm Goldmann, Verlag, 1922.

[45] *Rivoira G.* Architectura musuimano. Milano, 1915.

[46] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 246–247.

[47] *Бартольд В.В.* Культура мусульманства: Общий очерк. Пг., 1918.

[48] *Гинзбург М.Я.* Татарское искусство в Крыму // Среди коллекционеров. 1921. № 11–12. С. 29–40; *он же.* Татарское искусство в Крыму // Среди коллекционеров. 1922. № 3. С. 18–26.

первый отклик дал Я. А. Тугендхольд[49] , который к этому времени приобрел известность как специалист по западноевропейкому искусству. Почти забытый эпизод в биографии московского искусствоведа Я. А. Тугендхольд связан с пребыванием в Крыму. С 1919 по 1922 гг. он работал в Крыму, заведовал отделом искусств Крымского наробраза[50]. Я. А. Тугендхольд сумел оценить значение художественного наследия полуострова[51], и выступал в защиту памятников культуры на страницах газет[52].

В рецензии на книгу Б. П. Денике московский искусствовед поддержал интерес автора к Востоку, поскольку тема, по его мнению, отвечала духу времени: «усиленного интереса народов России к судьбам народов Востока»[53]. Я. А. Тугендхольд отметил, что Казань стала «гнездом по выпуску “отличных книг по искусству”», но выразил справедливое сожаление о том, что «автор не сделал конечных выводов»[54]. Мнение и поддержка Я. А. Тугендхольда были важны для Б. Денике, поскольку рецензия была напечатана в журнале «Красная нива», главным редактором которого был влиятельный нарком просвещения А. В. Луначарский.

Таким образом, можно заключить, что уже в середине 1920-х годов Б. П. Денике зарекомендовал себя в качестве ведущего специалиста по художественной культуре Востока, демонстрируя в своих трудах блестящее знание новейшей литературатуры, мастерство в интепретации изобразительных источников, владение ориенталистской лексикой описания архитектурных памятников.

---

[49] Краткую заметку на книгу Б. Денике напечатал Я. А. Тугендхольд под одним из своих псевдонимов — «Я. Тд.».

[50] *Филимонов С.* Неизвестный Тугендхольд // Наша Держава 29 октября 2013. Режим доступа: crimeatime.blogspot.com/2013/10/blog-post_29.html.

[51] Татарское искусство в Крыму // Среди коллекционеров. 1922. № 3. С. 18–26.

[52] *Тугендхольд Я. А.* Художественные задачи советской власти в Крыму // Красный Крым. 1920. J3 20, 15 декабря.

[53] *Тугендхольд А. Я.* Новые книги по искусству // Красная Нива. № 39 от 30 сентября 1923. С. 30.

[54] Там же.

Знакомство Б. Денике с культурным наследием Крыма: поездки 1928–1937 гг.

В советское время Б.П. Денике приезжал в Крым несколько раз: в 1928 г., затем в 1934, 1936 и 1937, 1940 гг. В каждый приезд Б.П. Денике открывал для себя в Крыму новые памятники, музеи, заводил знакомства с местными краеведами, посещал с археологические раскопки. Комплексная научная программа[55] стимулировала начало процесса музеефикации крымско-татарского наследия: создание Восточного музея в Ялте (1920) и Музея культуры крымских татар в Бахчисарае с крымско-татарской комнатой (1917). Планировалось масштабное изучение культуры и истории крымских татар археологами, этнографами, архивоведами и архивистами[56].

Борис Денике не был кабинетным ученым, поэтому изучение источников и литературы в библиотеках, музеях он совмещал с постоянными поездками и экспедициями в Крым, на Кавказ, в Среднюю Азию. Между первым и вторым (1905 и 1928) посещением Крыма Б.П. Денике прошло почти 23 года. К 1928 г. — второму посещению Крыма Б.П. Денике был уже состоявшимся ученым, получившим признание в области востоковедения.

В 1928 г. Б.П. Денике посетил Восточный и Краеведческий музеи в Ялте[57], познакомился с директором восточного музея, тюркологом Якубом Кемалем[58]. В 1928 г. «28.VI. приехал в Ялту,

---

[55] *Бороздин И.Н.* Археологические памятники юга СССР и Керченская археологическая конференция // Новый Восток. 1926. № 15. С. 18–204.

[56] *Бороздин И.Н.* Некоторые очредные задачи изучения татарской культуры в Крыму // Крым. 1927. № 2(4). С. 109–112.

[57] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 67–68.

[58] Кемал Якуб Магомедович (1885–1938) — востоковед, турколог, получил образование в Стамбуле, обучался у академика А. Крымского в 1913–1914 гг. в спецклассах Лазаревского института восточных языков в Москве. Я.М. Кемаль был знатоком арабского языка и мусульманского права.

остановился в Егииль-Айда. 9.VII. Восточный музей[59]. Директор Якуб Магомедович Кемаль. Наверху три зала: татарский, японо-китайский и прикладное искусство татар; зала внизу: арабский (декорация стен бухарских мастеров 90-х гг. 19 века), персидский (несколько хороших персидских ковров, поздняя бронза). 2 — персидский, тюрков Кавказа и Анатолии (хорошие ковры, один датирован 1247 годом Хиджиры). 11 июля посетил музей краеведения в Ялте, 1928 год зав. Росселевич[60]»[61].

В автобиографических записках Б.П. Денике 1928 г. зафиксировано: «12.VII. отъезд на автомобиле через Алушту в Симферополь. В 4 ч. отъезд из Симферополя с Засыпкиным в Евпаторию. Известно, что летом 1928–1929 гг. Бахчисарайским музеем проводилась экспедиция по изучению развалин и останков мечети 14 в. Чуфут-Кале»[62]. Среди членов экспедиции был сотрудник московского МВК Б.Н. Засыпкин. Топографическую съемку вели стажеры Б.В. Веймарн и В.Н. Чепелев[63]. Никто из людей, упомянутых в этом отрывке из дневника, не были случайными в жизни Б.П. Денике. Так, искусствовед Борис Вемарн[64] был учеником Б. Денике. Искусствовед В.Н. Чепелев (1906–1942) был автором книги «Искусство советского Узбекистана»[65]. Научные

---

[59] Восточный музей в Ялте располагался в здании, конфискованном у эмира Бухарского, построенном в восточном стиле. Музей был основан в 1921 г. В 1930 г. Восточный музей был объединен с Ялтинским музеем краеведения, впоследствии переименован в Ялтинский историко-литературный музей.

[60] Россилевич Григорий Яковлевич — крымский краевед, директор картинной галереи И.К. Айвазовского в Феодосии, Ялте. Даты жизни установить не удалось.

[61] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 67–68.

[62] Там же.

[63] Там же.

[64] Веймарн Борис Владимирович (1909–1990), советский историк искусства, востоковед. Доктор искусствоведения. Действительный член Акажемии Художеств СССР (1973).

[65] *Чепелев В.Н.* Искусство Советского Узбекистана. Л., 1935.

интересы В.Н. Чепелева и Б.П. Денике пересекались, поскольку в 1930-е гг. Б.П. Денике готовил монографию «Архитектурный орнамент Средней Азии»[66], которую защитил как докторскую диссертацию в 1941 г.

О дружбе Б.П. Денике и Н.П. Засыпкина следует сказать особо. Б.П. Денике несколько раз упоминал Н.П. Засыпкина[67]. Первый раз фамилия Н. Засыпкина встречается в записях 1924 г.: «23.III. У Б.Н. Засыпкина смотрели акварели, снимки и чертежи самаркандских памятников»[68]. В 1924 г. Б.П. Денике и Н.П. Засыпкин были в составе экспедиции в Ташкент по заданию Узкомстариса[69]. В 1927 г. Б.П. Денике подготовил рецезию на статью «Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация»[70] М.Е. Массона и Б.Н. Засыпкина, опубликованную в журнале «Новый Восток»[71]. В воспоминаниях П.В. Корнилова о Б.П. Денике также несколько раз упоминается Б.Н. Засыпкин[72]. Все эти факты свидетельствуют о том, что Б.П. Денике и Н.П. Засыпкин были друзьями и делились результатами своих исследований.

В 1929 г. Б.П. Денике кратко сообщает о себе: «5.II. ушел из музея восточных культур. 20.II. Сдал дела»[73]. Никаких эмоций

---

66 *Денике Б.П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л., 1939.

67 «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 42, 47, 67–71, 73, 126, 129–130, 133, 149–150.

68 Там же. С. 42.

69 Там же. С. 47.

70 *Массон М.Е., Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация // Вопросы реставрации. Изд. Реставрационных мастерских, 1926. С. 137–178.

71 *Деннике Б.П.* [Рец.]. *Массон М.Е., Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Вопросы реставрации. Изд. Реставрационных мастерских, М., 1926. С. 139–178 // Новый Восток. 1928. № 16–17. С. 233–239.

72 *Корнилов П.Е.* Светлой пямяти друга и учителя — Бориса Петровича Денике // «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 126, 129–130, 133.

73 «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 71.

и комментариев о переживаниях, рефлексий по поводу утраты должности директора в музее. Дальше в автобиографических записях Б.П. Денике идет фиксация научных событий, встреч, планов исследований.

Насыщен событиями в жизни Б. Денике был 1929 г. За этот год ученый несколько раз побывал в Крыму, осмотрел новые для себя памятники, в том числе и крымско-татарские: «18.VIII. Выехал в Феодосию. Осматривал Феодосию. Интересны фрески 14 в. в ц[еркви]. Стефана в Карантине, рельефы и портал украшенный орнаментом интересны в мечети Узбека — рама и крупная плетенка сельджукского типа в церкви Ионна Предтечи в Карантине. <…> В Синагоге портал с орнаментом сельджукского типа. В Музее особенно интересны татаро-турецкие и армянские памятники. 22.5. ездил в Старый Крым по шоссе. Не доезжая 7 км до Старого Крыма, в селении Кара-Гёз[74], видна старинная мечеть с минаретом. В Старом Крыму осмотрел мечеть Узбека с медресе. Если мысленно восстановить внутреннее белокаменное убранство с колоннами и порталами, то ясно, что это была замечательная постройка (Уж не здание ли это построенное Байбарсом?[75]). Осмотрел также руины неподалеку, а также руину в бывшем владении Айвазовского. В хранилище древностей (1 комната и 40 №№) отмечу рубчатую колонну, двугорие надгробия, часть цоколя эллинистического, византийского типа, базу колонны)»[76].

---

[74] Мечеть в Кара-гёзе находилась на северо-восточной окраине села, у пруда на правом восточном берегу реки Чурук Су. Ныне — село Первомайское, Кировского района Крыма. В 1903 г. о плачевном состоянии мечети докладывали на Таврической Ученой Архивной комиссии. См.: Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной комиссии: 10 февраля, 23 мая, 5 сентября, 17 ноября 1903 г. // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т. 35. 1903. С. 41–67. Окончательно памятник был разрушен в годы советской власти.

[75] Предположительно мечеть Узбека возвели в 1287–1288 гг. Деньги на её строительство выделил султан Египта Бейбар I. Руины этой мечети сохранились по сей день в г. Старый Крым.

[76] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 74.

В конце августа состоялась поездка Б.П. Денике в Судак. «27–28.VIII. утром пешком в Новый Свет с сыном Полканова[77]. Поражает мощь Генуэзской крепости[78]. Мечеть теперь, согласно Януковскому[79], датируется 1222 годом. Отмечу интересный для мусульманского искусства орнамент в Судаке, снимки которого надо иметь: 1) Орнамент вроде Ибн-Тулум внутри консульской башни (не видал). 2) Плита башни Паскавали-Джудиче[80] (рис. у Лапина) 3) Плита Торселло[81] (рисунок у Полканова), 4. Сельджукский орнамент на плетенке и побеги — на фронтоне против ворот крепости; 5–8 в мечети: две капители, михраб, обрамление окна.

13. II. Евпатория гостиница "Дюльбер"[82]. Осмотр: ханская мечеть, медресе, киносы, 3 караимских домика, Музей. В музее великолепное собрание тканей (занавес из кераимской кеносы[83]), до 1000, есть турецкие и персидские 17 в. 14 июля проездом из Евпатории. Осмотрел и симферопольские музеи (в одном интересные татарские вышивки[84]), в другом — большой зал внизу,

[77] Полканов Александр Иванович (1884–1971) — крымский краевед, историк, археолог, искусствовед. Организатор «Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта» в 1921–1927 гг.

[78] Храм с аркадой (храм апостола Матфея, Падишах-Джами) — культовое сооружение XIII в. в Судаке, в комплексе Генуэзской крепости.

[79] Личность Януковского установить не удалось.

[80] Паскуале Джудиче — боевая генуэзкая крепость в Судаке.

[81] Плита с гербами Генуи и рода Торселло с орнаментами расположена северной стене башни над окном второго яруса.

[82] «Дюльбер», в переводе с арабского означает «красивый», «прекрасный», «великолепный». Гостиница отличалась особой роскошью, была открыта 10 июня 1911 г.

[83] Кенасы — молитвенный дом крымских караимов. По-караимски «кенасса» означает «молитвенный дом».

[84] Техники вышивки назывались: «татар ишлеме», «мыклама», вышивка блестками — «пул». Кстати, татарские вышивки сохранились до настоящего времени в Центральном музее Тавриды в Симферополе.

посвященный археологии (Солхар, каменные Бабы). Днем в Бахчисарае, осмотр дворца. Анна Н. Боданинская[85]. В Бахчисарае. Поездка в Чуфут-Кале. Раскопка мечети 14 в., резные каменные фрагменты в дворцовом доме»[86].

С 1928 по 1932 гг. в жизни Б. Денике произошли печальные события. В 1932 г. он получил выговор от нового директора Государственных центральных реставрационных мастерских (ГЦРМ) Г.Я. Лидака[87] за то, что в 1927 г. он привез из города Касимова два могильных камня в Музей Восточных Культур[88]. Г.Я. Лидак в своем доносе 1932 г. отмечал, что привезенные камни «не отличаются художественной ценностью и абсолютно не нужны Музею для работы. Привоз этих камней, обошедшийся в общей сложности в 300 руб., является головотяпством б.[ывшего] буржуазного руководства». И постановил: «Музей просит Сектор Науки одновременно со списыванием этих камней с инвентаря, взыскать с быв.[шего] директора стоимость перевозки этих камней из Касимова в Москву»[89].

Это событие никак не отмечено в дневнике Б.П. Денике. Он вообще не касался своих личных проблем и социо-политического контекста времени. В дневнике Б.П. Денике никому не давал негативных оценок, ни на кого не жаловался, только лаконично констатировал факты своей жизни.

Б. Денике продолжал расширять свои теоретические познания в области истории архитектуры. В начале 1930-х годов Б.П. Денике

---

[85] По версии публикаторов дневника Анна Н. Боданинская могла быть супругой художника, директора Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае в 1917–1934 гг. Усеина Абдурефиевича (1877–1938) (Денике 2006: 68).

[86] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 67–68.

[87] Лидак Ян Геннович, бывший красный латышский стрелок, человек, далекий от искусства. В феврале 1932 г. он возглавил ЦГРМ.

[88] 17 декабря 1927 г. Б.П. Денике сделал доклад в РАНИОН под названием «Художественные памятники касимовских татар», в котором использовал памятники, привезенные из Касимова.

[89] *Зайцев И.В.* Неизвестные касимовские эпитафии из Нового Иерусалима // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 310.

был привлечен к подготовке перевода и издания на русском языке фундаментального труда «История архитектуры»[90] признанного классика истории архитектуры, французского искусствоведа Огюста Шуази[91]. Труд был опубликован в 1935 г.[92] Б.П. Денике основательно погрузился в изучение истории архитектуры Китая[93] и Японии[94].

В 1934 г. Б.П. Денике побывал в Севастополе, Херсонесе, Фаросе, Месхиоре, Бати-Лимане, Гаспре[95]. В 1936 г. Б.П. Денике вновь приехал в Крым. 28.VII. посетил Ялту, Алушту. Отметил в дневнике, наверное, не без грусти: «Гурзуфской мечети[96] уже нет»[97].

В начале 1937 г. Б.П. Денике вновь в Крыму. «Обнаружил на кладбище деревни Мисхор мусульманское надгробие (XVII в.) по надписям, 4–5 августе побывал в Бахчисарае (директор музея Зияддинов[98]). Посмотрел Евпаторийский коран XIV в., бахисарайские ковры и пр.»[99].

Вторая половина 1930-х гг. в биографии Б.П. Деннике — это сложное время, он был морально подавлен, его подводило здоро-

---

[90] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 91–92.

[91] Шуази Огюст (1841–1909) — французский инженер, историк архитектуры.

[92] *Шуази О.* История архитектуры. В 2-х т. История архитектуры = Histoire de l'architecture / Пер., доп. и коммент. В.Д. Блаватского, Б.П. Денике, В.В. Павлова, А.С. Стрелкова / Под общ. ред. А.А. Сидорова. М., 1935–1937. Т. 1. 1935; Т. 2. 1937.

[93] *Денике Б.П.* Згура: Китай. Альбом по архитектуре. М., 1935.

[94] *Денике Б.П.* Япония. Альбом по архитектуре. М., 1935.

[95] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 91–92.

[96] Гурзуфская мечеть — Мечеть Айя-София, построенная в 80-у гг. XIX в. на средства русского купца Петра Губонина на месте старой мечети, сохранилась только на редких фотографиях. В 1927 г. гурзуфская мечеть пострадала в результате крымского землетрясения… Сегодня от нее осталась только одна стена.

[97] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 95.

[98] Личность Зияддинова установить не удалось.

[99] «Он никогда никому не сделал зла…» М., 2006. С. 98.

вье[100]. В письме П. Корнилову от 30.III. 1937 г. Б.П. Денике признавался: «Сильно занят, утомляюсь», от 17.IX. того же года: «Пропадаю от обилия всякой хлопотни, и чувствую, что слабею, просто не хватает сил справиться с идущими со всех сторон предложениями»[101].

Архитектура крымских татар

К моменту обращения к архитектурному наследию крымских татар Б. Денике был признанным специалистом в области истории мусульманской архитектуры, имел личные впечатления от описываемых памятников, обладал знаниями в области материальной культуры татар, мог читать надписи на арабском языке, владел информацией о предварительных результатах экспедиций советских археологов в Крыму 1920–1930-х гг.

В статье Б. Денике дает краткую историческую справку о культурной истории полуострова, и о народах, оставивших след на территории Крыма: тавры, греки, готты, гунны, хазары, печенеги, половцы, потом генуэзцы, венецианцы и др. Особое внимание Б.П. Денике уделял крымским татарам, пришедшим на полуостров. «В XIII веке в Крыму появляются татары. Чье государство просуществовало до конца XVIII века»[102]. Б.П. Денике подразделял археологическую историю татар в Крыму на два периода: «золотоордынский — XIII–XV века, и крымско-татарский в собственном смысле (с конца XV до конца XVIII века)»[103].

В статье П.Б. Денике упоминает старинную мечеть Узбека, которую он впервые увидел еще во время посещения Крыма в 1929 г. В статье ученый обратил внимание на рельефы и портал мечети. «К XIV веку относится в г. Старом Крыму мечеть Узбека[104], впоследствии перестроенная. Портал мечети, украшенный

[100] Там же.

[101] Там же. С. 14.

[102] *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар // Архтектурная газета. № 66(210) от 23 сентября 1937. С. 4.

[103] Там же.

[104] Мечеть Узбека была построена по повелению Мухаммеда Узбек-хана строителем Абдул-Азизом ибн Ибраим эль-Эрбели родом из Ирака.

пышной, орнаментальной резьбой, сохранился в неприкосновенности и имеет дату… 1314 год»[105] Ломакина[106] и Кирилко[107].

Б.П. Денике добавлял новые сведения о памятниках татарского зодчества, добытые в результате первых советских экспедиций в Крыму 1925 и 1928 гг. «Удалось обнаружить еще два интересных памятника XIV века. В Старом Крыму — медрессе с уцелевшими фрагментами величественного белокаменного портала. В 1928 году в Чуфут-Кале были открыты руины мечети, которая датированна 1346 годом. "Анализ плана мечети и найденных архитектурных и орнаментальных фрагментов, позволил делать вывод, что памятник представляет исключительную ценность для изучения строительного искусства крымских татар"[108].

Рассматривая памятники, Б.П. Денике делает вывод о том, что зодчество крымских татар золотоордынского периода (XIII–XV вв.) связано с архитектурой эпохи турок-сельджуков Малой Азии и архитектурой Армении. К памятникам XV в. Крыма относятся: мавзолей (дюбре[109]) Нинекеджан Ханын (для Джанике-Ханым) в Чуфут-Кале и Эска-Дюбре в Бахчисарае.

В XV в. когда полуостров находился под вассальной завсимостью от Турецкой империи, на протяжении трех веков (вплоть до завоевания Крымского ханства царской Россией). В этот период зодчество крымских татар развивалось под влиянием традиций турецко-османской архитектуры.

Обращает на себя внимание использование Б.П. Денике искусствоведческой лексики 1930-х гг., непривычной в современном

---

[105] *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4.

[106] *Ломакина М.А.* Комплекс мечети хана Узбека — медресе и караван-сарай в Старом Крыму в работах К.Ф. Богаевского // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. 22. С. 552–567.

[107] *Кирилко В.П.* Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань–Симферополь–Кишинёв. 2015. С. 509–558.

[108] *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4.

[109] «Дюрбе» у татар — мавзолей, усыпальница, где хоронили знатных, влиятельных людей, а также их любимых жен.

историко-культурном знании. Так, в этой статье он разделял памятники архитектуры крымских татар на сооружения: «культового зодчества» (мечети, медрессе, дюбре) и «гражданской архитектуры» (дворцы, частные дома, караван-сараи, бани)[110]. Однако, в одной из более ранних работ 1923 г. в описании памятников архитектуры народов, исповедовавших ислам, у П.Б. Денике можно встретить использование термина «светские постройки»[111]. Дифференциация памятников на «светские» и «религиозные» больше соответствует современной историко-культурной лексике. Возможно, в условиях усиливавшегося идеологического контроля Б. Денике был вынужден употреблять более деликатные термины — «культовая» и «гражданская архитектура», чтобы смягчить религиозный компанент крымско-татарского наследия[112].

От XVI в. в Крыму сохранились два памятника из архитектурного наследия крымских татар — Салахчике близ Бахчисарая[113] и дюбре хана Хаджи Гирея[114], портал которого имеет килевидную арку и богато орнаментирован (1500 г.) и медрессе (духовная школа) Зынджирлды (1501 г.)[115]. Дюрбе, или гробница хана Хаджи

---

[110] *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4.

[111] *Денике Б.П.* Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства. Казань, 1923. С. 240. *Kançal-Ferrari N.* Han Camii // Islam Ansiklopedisi. 1997. S. 518.

[112] Надо сказать, что Борис Денике не подвергался гонениям за название книги «Искусство Востока. Очерки мусульманского искусства» — весьма «опасное» в рамках атеистической компании 1920-х гг. Вероятно, потому, что к тому времени советская власть еще не определилась в своем отношении к исламу. Но после 1923 г. в названии трудов ученого больше не делался акцент на религиозную тематику.

[113] Салачик — исторический квартал Бахчисарая, а в XIV веке — первая столица Крымского ханства. После 1945 г. Салачик стал частью Бахчисарая.

[114] Историко-археологический комплекс XV века «Салачик». Малоизвестный музей, Архитектурный ансамбль, состоит из пяти комплексов: Зынджирлы-медресе, дюрбе Хаджи-Гирея, руин хамама и музея «Ларишес».

[115] *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4.

Герая, построенная его сыном Менгли Гераем в 1501 г., в годы советской власти была единственной многокупольной мечетью на территории европейской части СССР.

Б.П. Денике отмечал, что основным материалом построек крымских татар был серый камень местной породы, главным образом, известняк[116]. Цвет и фактура камня определяли облик местной архитектуры. Н.П. Засыпкин более определенно высказывался о материале крымско-татарских памятников: «Татары, как кочевники, не владели искусством обработки камня и приготовления кирпича, и поэтому, как в первые столетия, так и последующие, они были вынуждены для своих построек и украшения их брать мастеров из других народов и даже иноземцев из других стран»[117].

К памятникам раннего периода крымско-татарского зодчества Б.П. Денике относил развалины мечети Куршун Джами (Свинцовая мечеть). «Из базиличных мечетей Крыма наиболее интересная Ешиль-Джами[118]. Этот памятник позднего периода развития крымско-татарского зодчества построен в 1764 году, в духе турецкого рококо, возникшего в XVIII веке под влиянием французского искусства. Внутри мечеть украшена росписью того же стиля, работы художника Омера»[119]. Имя турецкого художника Омера сохранилось в истории культуры Крыма благодаря надписи на мечети: «работал Омер, года 1178 …». Мечеть была разрушена в результате бури еще в 1854 году[120]. Попытки ее реставрации предпринимались еще при царском правительстве,

---

116 Там же.

117 *Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 111–168.

118 Ешиль-Джами (Зелёная мечеть) — мечеть, которая была построена в 1764 г. в Бахчисарае, по приказу хана Герая. После убийства муллы была закрыта, служила монастырем дервишей и татарской школой. Сейчас не сохранилось даже следов от этого строения.

119 *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4

120 *Гинзбург М.Я.* Омер: придворный живописец и декоратор крымских ханов Селамет и Крым–Гиреев // Среди коллекционеров. 1924. № 1–2. С. 22–27.

но не увенчались успехом[121]. Здание пострадало еще сильнее во время воны — в 1941–1944 гг. Мечеть была окончательно разрушена в 1946 г.[122]

Самым значительным крымско-татарским памятником гражданской архитектуры Б. Денике назвал Ханский дворец в Бахчисарае, построенный в XVI в.[123]. Одна из частей дворца имеет точную дату — 1503 год. Это, так называемые, Демир Капу («Железные двери»). Действительно, это — каменный портал, построенный согласно надписи, ханом Менгли-Гереем. Это, видимо, древнейшая, уцелевшая часть первоначального дворца[124].

Б.П. Денике считал малоубедительной гипотезу одного из корифеев российской византинистики Н.П. Кондакова (1844–1925) о перенесении этого портала из какого-либо другого дворца. Гипотеза Н.П. Кондакова о происхождении портала возникла в 1870–1890-х гг., когда он входил в комиссию по составлению проекта реставрации дворца в Бахчисарае и занимался археологическими раскопками памятников Крыма[125]. Б. Денике настаивал на том, что по своему «стилю Демир Капу является характерным произведением итальянского Ренессанса (кроме надписей и некоторых восточных орнаментальных мотивов)»[126]. Поскольку статья Б. Денике была опубликована не в научном, а в популярном издании, автор счел возможным не называть имени автора «малоубедительной», на его взгляд, гипотезы. Причины умолчания имени Н.П. Кондакова, могли быть связа-

---

121 *Котляр Е.Р., Эмирасанова Р.М.* Становление крымско-татарского народного декоративно-прикладного искусства // Гуманитарная парадигма. 2017. № 2. С. 28–32.

122 *Османов Э.Э.* Мечеть «Ешиль-Джами» в Бахчисарае» // Учёные записки Таврического нацио нального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2013. Т. 26(65). № 1. С. 76–84.

123 В настоящее время памятник находится на реставрации.

124 *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4.

125 *Кондаков Н.П.* 1899. О Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность, № 6, 1899. С. 435–452.

126 *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4.

ны с тем обстоятельством, что византинист оказался в эти годы в эмиграции. Упоминание о нем в 1937 г. было небезопасным для Б.П. Денике. К этому времени многие друзья из окружения ученого уже подверглись репрессиям.

Б.П. Денике считал более правдоподобной гипотезу Н.Л. Эрнста[127], о том, что «этот портал возведен итальянским зодчим, строителем московского Архангельского собора, Алевизом Новым»[128]. В 1503–1504 г. итальянский архитектор Алевиз Новый[129] находился в Крыму вместе с другими мастерами, ехавшими в Москву, но задержанными ханом Мингли Гереем[130]. Современные искусствоведы и крымоведы придерживаются гипотезы Н.Л. Эрнста об участии итальянского архитектора Алевиза в строительстве Демир-Капу.

«Остальная группа более старых частей дворца декорирована в стиле Османского Барокко. <…>Дворец представляет собой сложный комплекс, включаший постороки с террасами, фонтанами, и пространства, занятые садами. И в современном его состоянии дворец дает яркое представление о характерном для Востока сочетании архитектуры с садовым искусством»[131].

Значение

Дневниковые записи историка искусства Востока Б.П. Денике о посещении Крыма на потяжении 1905–1937 гг. помогают проследить этапы его осмысления татарского архитектурного наследия

---

[127] Эрнст Николай Львович (1889–1956) — археолог, специалист по истории Крымского ханства, этнографии и фольклора крымских татар.

[128] *Эрнст Н.Л.* Бахчисарайский Ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III Фрязин Алевиз Новый // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», Т. Н(59), 1928. С. 42.

[129] Алеви́з Новый (Алевиз Фрязин) — итальянский архитектор, работавший в России в начале XV в. Автор проекта Архангельского собора в Москве и др.

[130] *Денике Б.П.* Зодчество крымских татар… С. 4.

[131] Там же.

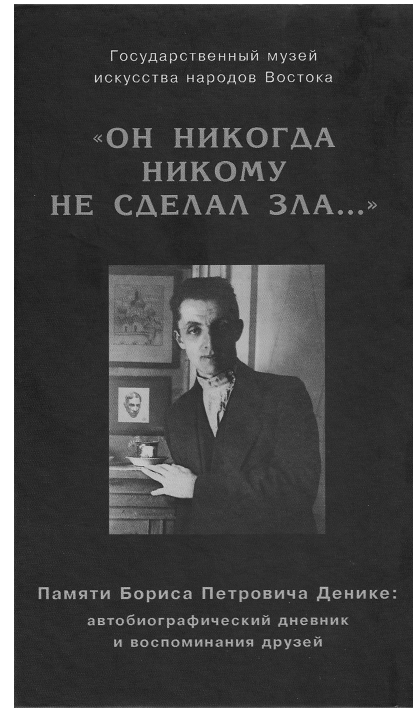
Крыма. Значительная часть информации из опубликованного дневника — это еще неразгаданный ребус. «Расшифровка» инициалов людей, упоминаемых Б.П. Денике, позволяет реконструировать круг научных и личных контактов, добавляет новые детали в его научной биографии. Однако остается еще ряд вопросов, ответы на которые могут содержаться в еще невыявленных документах.

В основу статьи Б.П. Денике о зодчестве крымских татар легли, как личные впечатления от посещения Крыма разных лет, так и исследования российских археологов и историков культуры того времени. В статье Б. Денике подвел некоторые итоги своих наблюдений и резюмировал отчеты о крымских экспедициях коллег. Б.П. Денике входил в круг первых советских крымоведов, включавший В.В. Бартольда, У.Е. Боданинского, Н.П. Засыпкина, М.Я. Гинзбурга, Н.Л. Эрнста, А.И. Полканова, Я.А. Тугендхольда. Записи Б. Денике одновременно позволяют восстановить малоизвестные страницы истории музейного дела в Крыму, связанного с культурной историей крымских татар, персоналиями, директоров музеев. Фигуры некоторых из них уже возвращены в историографию крымско-татарской культуры (Я.М. Кемаль, У.Е. Боданинский), а имена других еще остаются в забвении (Я.М. Зияддинов, Г.Я. Россилевич).

Теоретические знания Б.П. Денике и приобретенные навыки по методике искусствоведческого анализа, позволили ему самостоятельно провести типологические обобщения, и показать специфику и значение архитектурного наследия крымских татар. Б.П. Денике выявил несколько архитектурных стилей, повлиявших на облик крымско-татарских построек, сочетавших в себе традиции зодчества не только арабского Востока, но и Кавказа, Турции, Византии, и даже с Западной Европы — Ренессанса и Рококо. Неповторимый облик сооружениям «культовой» и «гражданской» архитектуры крымских татар, сформировалась, по мнению Б.П. Денике, благодаря синтезу многих стилей. Уникальность памятникам придавали резные надписи и немногочисленные восточные орнаментальные мотивы.

Б.П. Денике отметил персональные заслуги конкретных архитекторов, принимавших участие в строительстве татарских

памятников Крыма турецкого зодчего Синана, крымского архитектора, армянского происхождения Омара, итальянца Алевиза Нового (Фрязина). Статья Б.П. Денике 1937 г. стала дополнением комплексного и системного осмысления темы мусульманской культуры на территории СССР. К сожалению, имени искусствоведа, питомца Казанского университета Бориса Петровича Денике не встречается в современной российской историографии крымско-татарского зодчества[132]. Вклад Б.П. Денике в отечественное крымоведение не определен.



Обложка книги с портретом. «Он никогда никому не сделал зла...» = "He wronger no one..." (Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей). Москва: Государственный музей искусства народов Востока, 2006.

Основной пафос статьи Б.П. Денике — призыв к сохранению архитектурного наследия крымских татар в экстремальных условиях идеологического террора, установившейся практики уничтожения памятников культовой архитектуры, падение интереса научной общественности к этнокультурному компаненту истории Крыма. Значение публикации Б.П. Денике в настоящее время приобретает еще большую значимость в связи с тем, что отдельные, из описанных памятников культурного наследия,

[132] *Халит Н.* Архитектура Крымского ханства // Крымское историческое обозрение / Crimean Historical Review. 2014. № 2. С. 243–281.

крымских татар не сохранились. Они пострадали после землятресения 1928 г., были разрушены в годы подъема атеистической компании в 1930-е гг., а другие были утрачены во время немецкой окупации Крыма в 1941–1944 гг., и позднее. К сожалению, ничего не известно о том, какой общественный резонас и научный отклик имела эта статья Б.П. Денике. Практика показала, что даже такому авторитетному специалисту, как Б.П. Денике не удалось остановить уничтожение крымско-татарского архитектурного наследия.

И хотя, Б.П. Денике удалось сделать ряд важных обобщений о месте крымско-татарских памятников в истории архитектуры, следует признать, что ученый не успел осуществить все свои замыслы в этом направлении. Нам представляется, что более тщательное изучение деталей биографии Б.П. Денике, связанных с осмыслением крымско-татарской культуры, выявление комплекса новых документов может привести к уточнению существующих знаний по истории крымоведения.

L.A. Sychenkova
Typological Features of the Crimean Tatar Architecture in the Legacy of the Russian Orientalist B.A. Denike

Summary. The article presents a historiographic reconstruction of the not-well-known page of the creative heritage and biography of the art historian, orientalist Boris Petrovich Denike (1885–1941). B.P. Denike analyzed the typological features of the Crimean Tatar architecture and revealed its synthetic character, its relation with architectural styles of other epochs and peoples. The mixture of Eastern and Western styles of architecture formed a unique image of «cult» and «civil» buildings of the Crimean Tatars. The comparison of B.P. Denike's publication with his diary proves that the description of the monuments made in B.P. Denike's essay is not only the result of rethinking the known at that time research on the Crimean Tatar architecture. B.P. Denike's analysis is based on his personal impressions of the monuments obtained during his visits to Crimea from 1905 to 1937. The reading of B.P. Denike's biography in the context of consistent development of the theme of the Crimean Tatar culture, allowed

to reveal simultaneously a list of unexpected connections with the fates of archaeologist B.N. Zasypkin, archaeologist and ethnographer N.L. Ernst, art historian Y.A. Tugenhold, Turkologist, Crimean scholar Y.M. Kemal, museum worker G.Y. Rossselevich. The importance of returning the forgotten article by B.P. Denike to the scientific turnover is currently increasing, since some of the monuments of the Crimean Tatars» cultural heritage described by the scholar have not been preserved. The article by B.P. Denike allows to fill in the other gap in the history of Crimean studies.

И. В. Герасимов
Восточный факультет СПбГУ

DOI: 10.48612/IVRRAN/pevr-ux61–5kmf

Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН

Аннотация. Одним из выдающихся собирателей сведений о известных мусульманских деятелях в Российской империи был Ризаэтдин Фахретдинов, оставивший после себя многотомный биографический словарь «Асар». В текстах биографий, приведенных в этом словаре, встречаются сведения, хотя и весьма краткие, о суфиях. При подготовке «Асар» Р. Фахретдинов собирал информацию о «людях веры», причем тексты о своих родственниках, учителях, наставниках люди присылали ему в виде писем, вырезок из газет, выдержек из текстов богословов, причем отдельные документы были не только на татарском, русском, но и на арабском языках. Часть рукописных фрагментов, связанных с деятельностью мусульманских богословов и суфиев, хранится в архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. В статье рассмотрены и приводятся переводы двух рукописных фрагментов на арабском языке. Один из них посвящен передаче прав на преподавание для суфийских учеников (*иджаза*), а в поле зрения второго попадают совершавшиеся шейхом-наставником «чудеса» (*карамат*). Оба текста позволяют лучше уяснить природу суфизма в России в период конца XIX — начала XX в.

Суфийский ислам играл важную роль в духовной и идейной жизни мусульман в предреволюционной Российской империи. Суфийские братства и их ответвления включали в орбиту своего влияния многих представителей мусульманского духовенства и простых верующих. Роль наставника, владевшего комплексом знаний, включавших арабский язык, Коран, произведения учителей-суфиев, была очень важной. За ними шли ученики и к ним прислушивались рядовые члены братств и именитые теологи и богословы. Нередко их влияние выходило за рамки

братств и сказывалось на идейном состоянии всего мусульманского общества. Наиболее успешные в получении знаний последователи, которые демонстрировали праведность в делах и помыслах могли рассчитывать на получение разрешения (*иджаза*) от своего учителя начать собственное преподавание. В случае его получения очень важным было подтвердить и продемонстрировать авторитетность предшественников для чего создавались письменные свидетельства с указаниями имен и титулов шейхов — наставников, передававших знания от одного другому. Такая цепочка могла прослеживаться на несколько поколений.

Важным аспектом суфийской жизни были чудеса (*карамат*).

Способность совершать чудеса в суфийской среде была частью образа наставника и праведника. Сведения о сотворенных чудесах собирались и помещались в биографии наиболее влиятельных шейхов и праведников. За такими учителями шли люди и их деяния фиксировались авторами-учеными. В данной статье представлены образцы текстов на арабском языке, относящихся к двум вышеуказанным аспектам суфийской жизни (*иджаза, карамат*), которые хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН и связаны с личностью Ризаэтдина Фахретдинова (1859–1936) — неутомимого ученого, работавшего на рубеже XIX–XX вв., собирателя и систематизатора биографических сведений о выдающихся мусульманах России.

Он является автором знаменитого объемного труда «Асар» («Следы»), в котором ему удалось собрать биографии наиболее известных людей из мусульман Российской империи. Жизненный путь этого незаурядного человека объясняет причины раннего увлечения им исламским учением и возникновения у него желания донести до своих современников и новых поколений сведения об оставивших глубокий след в деле распространения знаний об исламе, людях.

Р. Фахретдинов появился на свет в деревне Кичучатово Бугульминского района Самарской области 4 января 1859 г. в семье набожных людей, ведь его дед и отец были местными имамами-хатибами. Мальчика рано отдали в школу, где он имел возможность изучать Коран и арабский язык, а также получать знания исламских наук.

Далее Ризаэтдин Фахретдинов продолжил учебу в медресе города Чистополя, а в период 1869–1889 гг. уже сам пытался совмещать учебу и преподавание. В это же время молодой человек впервые познакомился с газетами, обращавшимися к мусульманской аудитории, в частности, с издаваемым Исмаилом Гаспринским (1851–1914) изданием «Терджиман» («Переводчик»)[1]. Он начал активно читать материалы издания и размышлять над их содержанием. В последние годы учебы и после ее завершения будущий ученый и публицист увлекся наследием татарских мыслителей А. Курсави (1776–1812)[2], Ш. Марджани (1818–1889)[3]. Большой интерес вызвали у него также идеи таких крупных богословов-реформаторов, как Джамал ад-Дин ал-Афгани (1839–1897) и Мухаммад Абдо (1849–1905)[4].

В 1887 г. он издал свою первую книгу, которая была посвящена арабскому языку. В 1891 г. Р. Фахретдинов переехал в Уфу, где работал судьей-кадием и в том же году он получил звание ахуна. В течение последнего десятилетия XIX в. ему посчастливилось познакомиться с поэтом Мифтахаддином Акмуллой (1831–1895), преподавателем и общественным деятелем Зайнуллой Расулевым (1833–1917), который также, как и Р. Фахретдинов происходил из семьи религиозных деятелей и своими взглядами увлек молодого богослова. Впоследствии Р. Фахретдинов очень тепло отзывался об этом ученом, педагоге и суфии в своих трудах. Судьба свела его также с Арминием Вамбери (1832–1913), известным венгерским путешественником и крупным специалистом по тюркским языкам, который путешествовал по башкирскому краю в 1895 г.

В 1905–1906 гг. Р. Фахретдинов переехал в Оренбург, где стал помощником редактора газеты «Вакыт» («Время» 1906–1918), из-

[1] Газета «Терджиман» («Переводчик») выходила с 1883 по 1918 г. в Бахчисарае.

[2] Абуннасыр Курсави-татарский богослов и просветитель.

[3] Шигабутдин Марджани — мусульманский татарский просветитель и ученый.

[4] Джамал ад-Дин ал-Афгани и Мухаммад Абдо — мусульманские ученые-реформаторы.

дававшейся на татарском языке, а в 1908–1917 гг. сам редактировал журнал «Шуро» («Совет» 1908–1917), принадлежавший золотопромышленнику Закиру Рамееву (1859–1921). В этом журнале у него вышло 179 статей о деятелях татарской культуры и религии. В 1917 г. активно включился в общественную жизнь башкирского края.

В 1922 г. его избрали муфтием Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири.

В 1926 г. участвовал в I Всемирном мусульманском конгрессе как руководитель делегации советских мусульман. Тогда же он совершил хадж.

Это было важное для СССР мероприятие, позволявшее установить прямые контакты с духовными лидерами исламского мира в те очень сложные и тревожные годы и обозначить готовность к укреплению прочных связей с мусульманскими странами, как в духовно-религиозной плоскости, так и в политической. Всего на Всемусульманский конгресс из Советского Союза отправилось семь делегатов[5].

Закончил свой творческий и жизненный путь Р. Фахретдинов на посту муфтия России и Сибири в Уфе в 1936 г. Там же на мусульманском кладбище он был похоронен.

Главным печатным трудом Р. Фахретдинова является «Асар»[6]. Это большой труд из нескольких томов, которые выходили пе-

---

[5] На этом представительном форуме, проходившем в Мекке с 7 июня по 5 июля участвовали: муфтий Р. Фахретдинов, его заместитель кади К. Тарджемани, астраханский имам Г. Гомери, имам Т. Ильяси, крымский муфтий Х. Мусляхеддинов, имам из Казахстана М. Магкулов, имам из Туркестана А. Кариев и московский имам М. Бигиев. См. *Фархшатов М.Н.* Дипломатическая миссия советской делегации на Всемирном конгрессе мусульман 1926 г. // Проблемы Востоковедения. 2019. № (86) С. 19–26.

[6] Фахруддин, Ризаэтдин. Асар. Книга о биографиях, датах рождения и смерти, о других событиях из жизни мусульманских ученых нашего государства. 1 т. Казань Типо-литография Императорского университета Оренбург. 1901–1904 г., т. 2 Оренбург. Типография М. Ф. Г. Каримова 1904–1909 гг., 3–4 т.б.г.б.м. «Асар» в переводе с арабского языка означает «следы, памятники».

чати в течение ряда лет с 1900 по 1909 гг. По жанру его, скорее всего, можно отнести к биографическим словарям.

Собиранием материалов к своему сочинению Р. Фахретдинов занимался на протяжении ряда десятилетий. Помимо личной работы по сбору необходимых для подготовки этого огромного труда материалов, он обращался ко всем своим коллегам, друзьям, знакомым, прихожанам мечетей в тех населенных пунктах, где ему приходилось бывать, с просьбой предоставить хранящиеся в домашних архивах письменные свидетельства, мемуары, другие тексты с биографиями мусульманских ученых-теологов, имамов, учителей, судей. Многие откликнулись и прислали ему генеалогические древы своих выдающихся родственников, небольшие сведения об их пребывании в хадже, общественной деятельности. Среди полученных материалов встречаются тексты переписки между имамами, богословами и суфиями, тексты по суфизму.

В Институте восточных рукописей РАН содержится значительное число документов, относящихся к деятельности Р. Фахретдинова по подготовке его знаменитого произведения «Асар». Они хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН: Фонд 131, Опись 1.

Среди документов, которые были обнаружены в фонде, наряду с текстами на русском и татарском языках встречаются документы только на арабском языке, а также на арабском и татарском языках. При этом, текстов только на арабском насчитывается 30 единиц, а на арабском и татарском — 22 единицы.

Тематика текстов различна. Среди них есть тексты, которые связаны с суфийской традицией передачи *иджазы* — разрешения на ведение преподавания с указанием имен учителей-наставников. Приведем перевод одного из них:

Во имя Аллаха Всемилостивого Всемилосердного!

Это — документ (*санад*) достойного ученого шейха, *котба* среди шейхов в братстве накшбандийа, преподавателя чтецам [Корана] и хафизам муллы Абд ал-Уаххаба б. Али ал-Хадж Тархани, да будет милостив Аллах — творец к ним двоим![7] Он сказал

[7] Имеются в виду Абд ал-Уаххаб и его отец Али ал-Хадж Тархани.

по поводу своей *иджазы*, дающей право на обучение некоторым из своих учеников, что предоставил ее (*иджазу — И.Г.*): «Также как дал мне *иджазу* мой наставник и мой шейх, совершенный в знаниях, ученый, совершивший хадж к двум святыням Абд ар-Рахим Эфенди ал-Булгари. А он получил *иджазу* от своего шейха наставника для чтецов (Корана) в Египте, от знавшего Писание наизусть, Мустафы-Эфенди ал-Мисри, а он в свою очередь получил *иджазу* от своего шейха Сайида Усмана ал-Мисри, а тот от ал-Мадани, а тот уже от ученого совершенного шейха Ахмада Шарифа б. Сулаймана наставника чтецов Тантауи».

Затем, его сообщение, подкрепленное достоверными документами (*санадами*), прослеживается вплоть до рассказа Хафса, о котором нам сообщил Абу-л-Хасан Тахир б. Галандан — чтец (Корана), а он сказал следующее: «Сообщил нам Абул-Хасан Али б. Мухаммад б. Салих ал-Хашими слепой чтец в городе Басра (ал-Басра), который сказал, что нам рассказал Абул-Аббас Ахмад б. Сахл ал-Ашнани, и он сказал: "Я учился у Абу Мухаммада Убайда б. ас-Сабаха", и тот сказал: "Я учился у Хафса", и он сказал: "Я учился у Асима и читал там (в Басре) Коран полностью у нашего шейха Абул-Хасана". И сказал: "Я учился там у ал-Хашими", и сказал: "Я учился у ал-Ашнани, а он у Убайда, а он у Хафса, а он у Асима, да будет милостив к ним Аллах Всевышний; а также [учился и у последователей] Асима — у Абу Абд ар-Рахмана Абдаллаха б. Хабиба ас-Салими и Абу Марийам Зарра б. Хубайша. И усвоил Абу Абд ар-Рахман [знания] от Усмана, и от Али б. Аби Талиба, и от Аби б. Кааба, и от Зайда б. Сабита, и от Абдаллаха б. Сауда, да будет доволен ими Аллах, и от Пророка, да благословит его Аллах, и да приветствует, и Зарр получил [знания] от Усмана, а Ибн Масуд от Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!" И благословит Аллах Господина нашего Мухаммада и род его, и всех братьев его из числа пророков и посланников и всех его *асхабов*[8] и тех, кто следуют за ним, и семерых чтецов,

[8] Асхабы (в арабском языке сахаба) сподвижники пророка Мухаммада. К ним относились те, кто виделись с Мухаммадом при его жизни и уверовали в него, как пророка, т.е. стали мусульманами.

и всех передатчиков преданий, и нас вместе с ними. С милостью от самого милостивого из милостивых.

Амин

Наиболее интересным суфийским текстом, сочетающим биографические сведения о шейхе-наставнике и совершенных им чудесах (*карамат*) является «Разъяснение по поводу достоинств ал-имама аш-шейха ал-камила» (имама, шейха за которым следует идти). В нем сообщается о жизни и чудодейственных деяниях Абд ал-Латифа б. Субханкула б. Рамкула. (Fī bayān manāqib ʻal-ʻimām ʻal-shaiḫ ʻal-kāmil). Данный текст представляет собой подробное описание чудесных деяний шейха Абд ал-Латифа. Он написан хорошим литературным арабским языком и помещен на трех листах бумаги. Авторство текста неизвестно. Описания чудес весьма красочны и по характеру изложения напоминают аналогичные по духу и стилю тексты, встречающиеся, например, на суданском материале в произведении «Табакат» Ибн Дайфаллаха, где, они включены в основной текст биографий праведников[9].

Разъяснение по поводу достоинств ал-имама аш-шейха ал-камила (имама совершенного шейха)

Абд ал-Латиф б. Субханкул б. Рамкул. Ал-Касака место его рождения, а ал-Кардж — его родовое гнездо. Там возникла деревня Касака йалги. Это — маленькая деревня в нахийе[10] Шахарбекбай. Он изучал науки в деревне Адай на пути в Арачи, воспитываясь у Муллы Амирхана б. Каучака, да будет милостив к нему Всевышний.

Мне сообщил его сын, а он узнал это из его записей, да будет милостив к нему Аллах!, из комментария к его книге. И сообщил

---

[9] *Герасимов И.В.* История и культура Судана XVI–XIX вв. СПб.: Галерея Печати, 2018.
С. 294–296, 331, 349, 351, 366.

[10] *Нахийа* — территориально-административная единица, соответствующая волости.

мне его сын Мухаммад ас-Садик со слов своей матери, а она [узнала] от своего мужа — упомянутого Шейха, что он в дни учебы посещал могилу Шейха Баба, который был похоронен на кладбище этой деревни Адай. Он получил от него *бараку*[11] с радостью и любовью к нему Всевышнего. А он был человеком, владевшим чтением и у него, когда он читал, был красивый голос. Страсть добраться до Каабы вселилась в его сердце, и он отправился туда. Он добрался до Каира в Египте. Там он встретился с шейхами ал-Азхара и показал им владение сурами и айатами, которые знал наизусть, перед учеными, занимавшимися искусством чтения в этой стране. Он прочитал нараспев, и ему дали *иджазу*[12] за то, что он продемонстрировал перед ними.

Затем он добрался до цели своего путешествия и совершил *таваф*[13] вокруг Каабы, целовал Черный камень и вернулся невредимым, не поддавшись порокам. Затем он отправился в благочестивую Бухару, намереваясь пойти по Пути [Праведников — *И.Г.*]. Он сопровождал шейха известного, как Туркоман, да будет доволен Аллах ими обоими! «Как и подобает, — сказал шейх Абд ал-Латиф, — я увидел шейха Туркомана, да будет доволен Аллах ими обоими!, а он был с сияющим и свежим лицом. Всякий раз, при встрече со мной он приговаривал: *ишаим ишаим*, и меня смущали его слова, и я не знал, что он хочет ими сказать».

Однажды я сопровождал его, и мы были вдвоем. Я воспринял от него *вирды*[14] и деяния, которые я не мог исполнить за то время, что было выделено для совершения этих деяний. Я так углубился в это, что мысли о деяниях чуть ли не целиком охватили мой разум. Тогда я отправился к шейху Даулатшаху, а он стал шейхом в *нахийе* Урабнур в деревне ал-Маникал, а в то время находился в Бухаре.

---

[11] *Барака* — в переводе с арабского языка означает «благословение», «благодать».

[12] *Иджаза* — признание научных достижений и разрешение на преподавание соответствующих аспектов.

[13] *Таваф* — обход вокруг Каабы во время хаджа.

[14] *Вирд* — краткая молитва.

Он получал *иджазу* от этого же шейха [имеется ввиду шейх Туркоман. — *И.Г.*] и воспитание. Он пошел со мной и сказал: «Я учился у него и совершил все деяния за то время, в которое приказал мне их совершить». Тогда я понял, что исполнить [порученное — *И.Г.*] можно самому.

Я второй раз сопроводил шейха, оставаясь наедине с ним, и он дал мне *иджазу* на преподавание и подписал письмо-наставления. Я узнал, что то, что произошло со мной, произошло в могиле Шейха Баба. А я не знал этого. И прояснилась тайна начала речи Шейха. И сообщил мне тот, да будет милостив к нему Аллах!

И когда он возвратился в деревню, в которой вырос, а это Касака Йалги, то читал людям проповеди и следил, чтобы они не совершали ничего греховного. Но они не приняли его. Он уехал от них, утешаясь словами: «Посланник Великодушный, да благословит его Аллах и Род его, и да, приветствует!». «Тот, кто убегает с верой в Аллаха из одной земли в другую хотя бы на одну пядь…». [А это текст из] хадиса. И он прибыл в деревню Карадж, и ее жители приняли его с любовью и послушанием. Он стал в ней шейхом.

Он добился высот в почете, проявленном многими мужчинами и многими женщинами, которые благодаря ему добивались совершенства. Он давал «*бараку*» тем, кто шел за ним, осваивая науку.

И он, да будет милостив к нему Аллах!, совершал чудесные деяния *карамат*[15]. А из них то, что к нему относились с уважением. Если он садился со знающими учеными людьми, то никто не осмеливался говорить кроме него. Всякий раз, когда он хотел произнести речь, он заставлял восхищаться собой, благодаря, в том числе, прекрасному необычному голосу.

И даже, если кто-либо испытывал голод и нужду, и был загружен мирскими делами в этой ближайшей жизни, но садился с ним в *маджлис*[16] во время его чтения, то забывал о том, что про-

[15] *Карамат* -чудотворения в исламе. Чаще всего совершение *карамат* относилось к праведным и почитаемым за их благочестие суфийским шейхам. Источником *карамат* считают Всевышнего.

[16] *Маджлис* -место, чаще всего внутри помещения, где шейхи принимали гостей, обсуждали вопросы, совершали совместные чтения молитв.

исходит с ним и тосковал по его чтению и не ощущал в своей душе тяжести и усталости, даже, когда шейх читал длинную суру. Однажды он, да будет милостив к нему Аллах!, следил за тем, чтобы не совершалось греховное и проявлялась жалость к находившемуся в беде, сказал присутствовавшим: «Я приказал вам совершать добро и запретил вам зло, а Вы не выполнили, так что выпали все зубы мои». И когда он открыл рот, люди не увидели в нем ни одного зуба.

«Из его чудесных деяний то, что однажды он сидел в тени мечети и смотрел на гору, расположенную по близости от деревни, и сказал: «Если вы выроете яму в горе в этом месте, то, возможно, что там забьет ключ». А в то время там не было воды. Когда в указанном им месте было вырыто небольшое углубление, то из середины горы полился мощный поток. С того времени источник существует, и из него пьют жители деревни ал-Карадж. Благодаря этой воде происходит излечение недугов. С того времени он известен как Йачшим Хазрат Иишан».

Из его чудесных деяний и то, что он однажды сказал своим последователям: «Мне привиделось будто мой конь, белой масти, упал замертво, — и он спросил, — как дела у шейха ат-Туркоман в Бухаре, не умер ли он?» По моим же сведениям, [следовало, что] он умер. И вдруг шейх Туркоман явился перед своими последователями на своих ногах. Затем он и его спутники совершили молитву страха после закатной молитвы.

И из его чудесных деяний то, что у него был мюрид[17], который очень хотел сделаться совершенным от взгляда, которым бы шейх посмотрел на него. И однажды Шейх взглянул на него, а [мюрид. — *И.Г.*] испугался и упал на землю. Мюрид сказал: «Мой разум — здравый, но у меня нет сил, чтобы двигаться, и я [оказался] посреди дороги в месте, где ходят мужчины. И всякий раз, как мимо меня проходил мужчина, он произносил: «А этот из пьяниц, который достиг крайней степени опьянения». Очень скоро пришел шейх и сказал: «Вставай!» Я поднялся целым и невредимым. Шейх

[17] *Мюрид-* в суфийском исламе последователь, ученик суфийского шейха. Аналогом может служить слово *факир*.

сказал: «Я смотрю на вас взглядом красоты, а если я посмотрю взглядом величия, то вы не сможете справиться с ним».

А еще из его чудес было то, что у него был мюрид, которого звали Сулайман в нахийе Уфа в деревне Тирмакалмаш. И он прозвал Сулаймана халифой с тем, чтобы тот когда-нибудь совершил посещение (*зийара*). И этот [мюрид] рассказал: «Я хотел провести ночь в долине с обильной водой, с большим количеством деревьев и пастбищем. Я дал волю моему коню и помолился вечерней молитвой (*салат ал-магриб*). И вот я услышал звук, сопровождавший увеселение и звуки, похожие на человеческие: кто-то декламировал стихи, кто-то бил в барабан, кто-то играл на лютне, кто-то кричал громким голосом. И когда я взглянул на самую высокую точку долины, то увидел много мужчин, которые приближались ко мне. Некоторые были над горой, некоторые над деревьями, и я догадался, что они — джинны. Я отправился [прочь] от этого места, а они не последовали за мной и остались. По пути я размышлял о том, что когда я доберусь [до шейха], то расскажу о том, что произошло со мной. Когда я прибыл, то поздоровался с ним за руку, а он улыбнулся и спросил: «Как твои дела?» Я ответил: «Я увидел такое...!» Когда я начал говорить, он сказал мне: «Если бы у тебя не было того, кто наблюдает [за тобой. — *И.Г.*], готового спасти тебя, то они бы убили тебя, привязав к ветвям деревьев».

Это все, что я услышал от моего отца, да будет милостив к нему Аллах! Чудодейственных деяний и достоинств множество. Я воздержусь от продолжения и мир <...> Мир нашему брату по вере, подавляющему ересь в пользу достоверного знания, вернейшему из судей, столпу страждущих мулле Рида ад-Дину.

И я почти прекратил писать тебе и собирался порицать тебя, и заслужил бы, чтобы говорили обо мне: «Он медленнее, чем Фанад»[18]. И нет у меня опоры и был бы я прав, сказав, но я не нашел верного носителя, и загрустил.

---

[18] Фанад — слуга Аиши дочери Саада б. Аби Уаккаса, которого отправили за огнем, а он вернулся с ним только год спустя. Является символом медлительности и неспешности.

[Текст не ясен]

И я извинился, а прощение твое желаемо, а молитва твоя о благе наполнена добром, и за тебя моя молитва, благодарность и мир.

От раба, взывающего о помощи Господина Всепрощающего.

Это разъяснение дано сыном Хаджи муллы Исы ал-Камала в начале месяца Зул-Хиджа 1312 исламского коранического года по Хиджре [соответствует лету 1895 г. — *И.Г.*]

Заключение

Благодаря инициативе и трудам Р. Фахретдинова до нас дошли тексты, содержащие интересные сведения о российских суфиях, наставниках и учителях.

Сюжеты, связанные с чудесными деяниями, во многом напоминают или даже совпадают с аналогичными суфийскими текстами в других мусульманских странах. Ризаетдин Фахретдинов был, безусловно, знаком с текстом о «чудесах», однако он не включил его в основной свод произведения «Асар».

Рассмотренные тексты расширяют наши представления о суфийской жизни той поры, отношениях суфийских шейхов со своими последователями, о передаче знаний и разрешений для достигших определенного уровня знаний учениках от своих наставников. Причем важно, чтобы эти учителя имели авторитетных и известных наставников. Это хорошо прослеживается в первом из рассмотренных текстов. Второй текст позволяет лучше понять те качества, которыми должен обладать подлинный праведник, даже если часть из них была приписана ему и носила сверхъестественный характер. Важным является то, что в сюжетах, связанных с чудесами, совершаемыми праведниками прослеживается определенная идейная близость и взаимовлияние суфийских братств друг на друга. Кроме того, представленные тексты демонстрируют сохранение знаний о выдающихся праведниках — последователях определенного братства, в данном случае накшбандийи.

В настоящее время шейхи накшбандийи продолжают вести проповедническую и наставническую деятельность, сохраняя

традиции, заложенные ранее, что находит отражение в работах современных богословов суфиев[19].

I. V. Gerasimov

Two Arabic manuscripts from the Heritage of Rizaetdin Fakhretdinov in the Archives of the Orientalists, IOM RAS.

Summary. One of the outstanding collectors of information about the famous Muslim figures of the Russian Empire was Rizaetdin Fakhretdinov, who had compiled a multi-volume biographical dictionary «Asar». People sent R. Fakhretdinov various texts about «people of faith» concerning their relatives, teachers, and mentors in the form of letters, newspaper clippings, as well as excerpts from texts by theologians, with individual documents not only in the Tatar, Russian, but also in the Arabic languages. Some of the handwritten fragments related to the activities of Muslim theologians and Sufis are kept in the Archive of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. The article discusses and provides translations of two handwritten fragments in Arabic. One of them is dedicated to the transfer of teaching rights for Sufi students (*ijaza*), and the second one focuses on the «miracles» performed by the sheikh mentor (*karamat*). Both texts provide a better understanding of the nature of Sufism in Russia during the late 19th and early 20th cc.

[19] Свет истины шейхов Золотой цепи Накшбандийского тариката. Уфа, 2023. 80 с.

А. А. Арсланова, Н. Б. Пазина
Казанский (Приволжский) федеральный университет

DOI: 10.48612/IVRRAN/7xve-n25d-m9th

Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)

Аннотация. Объектом данной статьи являются материалы по описанию персидских рукописей из коллекции Казанского Императорского университета, обнаруженные в черновиках профессора И. Ф. Готвальда и хранящиеся в фонде его имени в ОРРК К(П)ФУ. И. Ф. Готвальд (1813–1897), чей жизненный и творческий путь был тесно связан с Санкт-Петербургом (1838/1840–1849 гг.) и Казанью (1849–1897 гг.), внес значительный вклад в российскую и европейскую ориенталистику. В своей известной работе «Описание арабских рукописей Казанского Императорского университета» (1855), И. Ф. Готвальд утверждает, что им было сделано описание всех мусульманских рукописей, но так как они были отправлены в Санкт-Петербургский университет после присоединения к нему Восточного разряда в 1855 г. пришлось ограничиться публикацией только арабских рукописей. Из слов И. Ф. Готвальда следует, что на тот момент описание всех мусульманских рукописей было им фактически завершено, но их пересылка отсрочила издание каталога. К сожалению, пока остается неизвестной дальнейшая судьба текстов (если на них намекает И. Ф. Готвальд) этих неизданных описаний. В его черновиках нами обнаружены краткие описания (с указанием номера, названия сочинения, даты переписки, количества листов, формата и почерка переписчика) на отдельных карточках, кроме арабских и тюркских, 156 списков персоязычных сочинений, а также в нескольких отдельных тетрадях гораздо более пространные описания 68 списков, в основном поступивших от А. Казем-Бека, И. Н. Березина и В. Ф. Диттеля. Сверяясь с номерами генерального «Документального каталога Императорского Казанского универси-

тета», в который до 1855 г. было внесено всего 168 названий персидских рукописей, зарегистрированных в инвентаре с момента его основания, И.Ф. Готвальд старался давать по отдельным разделам возможно более полную информацию об авторах, переписчиках, дате и месте переписки, о содержании сочинений (иногда с довольно большими выдержками из текстов сочинений); указывал сведения о самих рукописях (количество листов, формат, почерк переписчика), о наличии других списков сочинения в данной коллекции, в других каталогах и публикациях, приводил начало рукописи или, если имелся, ее колофон и т.д. Весьма вероятно, именно эти материалы планировались ученым к дальнейшей более тщательной работе над изданием в виде специального каталога. Однако значительной трудностью при изучении данных материалов является то, что описания в основном выполнены довольно сложно читаемым мелким курсивным готическим почерком на немецком языке, что требует соответствующей значительной подготовки и навыков чтения. Иногда встречаются и более доступные описания на русском и французском языках.

Важное место в истории российского и европейского востоковедения имели ученые немецкого происхождения, которые окончили университеты в Германии, но связали свою судьбу с Россией и стали основоположниками российского востоковедения в таких ключевых центрах ориенталистики, какими были Казанский университет, Санкт-Петербургский университет, Азиатский музей и др. Именно в России они получили прекрасную возможность расширить свой кругозор, опираясь на богатый потенциал материальных и письменных памятников, сумели реализовать свои способности и прославиться в науке. Многие из них принимали российское подданство, становясь «горячими приверженцами» нашей страны.

Фигура профессора И.Ф. Готвальда (настоящее его имя Йозеф-Максимиллиан-Эрнст) является яркой и значительной в плеяде учёных — выходцев из Германии. Он оказал большое влияние на развитие востоковедения в Казанском университете, его научные труды приобрели достойное признание не только

в России, но и в Европе. Творческая, педагогическая и административная деятельность И. Ф. Готвальда также была разнообразной и отличалась широтой научных интересов, сочетая в себе различные направления — арабистику, иранистику, тюркологию, историю, источниковедение, нумизматику, эпиграфику, манускриптологию, филологию, литературу, юриспруденцию и т.д. Он также исполнял должности цензора восточных книг и начальника типографии Казанского университета.

Он родился в 1813 г. в Ратиборге в Прусской Силезии (Германия), в семье чиновника, по матери был славянином (она была дочерью моравского дворянина Ситко (Sitko) и даже был едва ли не славянином по отцу), как он сам сообщил в личной беседе известному казанскому краеведу, библиографу, редактору-издателю «Камско-Волжской газеты» Н. Я. Агафонову. В 1836 г. окончил отделение восточных языков и словесности философского факультета Бреславльского университета и получил степень доктора философии и магистра свободных искусств. Знал латинский, греческий, немецкий, французский, английский, древнееврейский, русский и испанский языки. Впоследствии в Казани изучал у Каюма Насыри также и татарский язык. И. Ф. Готвальд сообщил Н. Я. Агафонову, что около того времени в Силезии, в свите принца Евгения Виртембергского, находился адъютантом казанский дворянин, воспитанник Казанского университета Владимир Порфирьевич Молоствов, впоследствии попечитель Казанского учебного округа. Оценив очевидные способности и образование молодого человека, тот нанял И. Ф. Готвальда в гувернеры своим детям и увез в 1838 г. в Казань. Два года жил И. Ф. Готвальд у Молоствова, приготовляя его сыновей Вадима и Германа в артиллерийское училище и затем отвез их в С. Петербург[1]. Дальнейшая судьба сложилась так, что жизненный и творческий путь замечательного ориенталиста был тесно связан именно с Санкт-Петербургом (1838/1840–1849) и Казанью (1849–1897).

[1] Отдел рукописей и редких книг (ОРРК). Архив Н. Я. Агафонова. Ед. хр. № 216. С. 1374–1375.

Перед отъездом в Санкт-Петербург в своем письме известному ориенталисту, академику Императорской Академии наук Х.Д. Френу (1782–1851)[2] от 28 мая 1840 г. Мирза А.К. Казем-Бек[3] так рекомендовал его: «Податель сего письма, г-н Готвальд, довольно хороший знаток арабского языка, перед отъездом в Петербург обратился ко мне с просьбой дать ему рекомендательное письмо к Вашему превосходительству. Я не мог отказать ему, поскольку он способный молодой человек и, вообще имеет склонность к наукам. Надеюсь, Ваше превосходительство будет довольно им и любезно примет его… Он получил степень доктора в академии Братиславы после защиты диссертации под названием Hamsae Ispahanensis Annalium caput quartum. Более того, он, кажется, хорошо знает латынь и греческий и недурно говорит по-английски»[4].

Х.Д. Френ заинтересовался И.Ф. Готвальдом и его публикациями. Сопроводив его собственным письмом и рекомендациями, предложил директору Императорской Публичной библиотеки А.Н. Оленину (1763–1843) принять на службу ученого, подающего серьезные надежды. Благодаря протекции Х.Д. Френа, в 1841 г. Готвальд был принят на службу в Восточное отделение императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге в качестве библиотекаря и проработал здесь восемь лет. Его

---

[2] В 1807 г. он был назначен на должность ординарного профессора восточной словесности Казанского университета и 10 лет возглавлял кафедру восточной словесности. С 1818 г. стал основателем, хранителем и директором Азиатского музея Петербургской Академии наук.

[3] Профессор А.К. Казем-Бек (1802–1870) — выдающийся ориенталист-энциклопедист, один из основателей классического российского востоковедения. В 1826–1849 гг. преподавал в Казанском университете на кафедрах турецко-татарской и арабо-персидской словесности.

[4] Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-бека академику Х.Д. Френу (1831–1846) // Отв. ред. Р.М. Валеев, пер. с англ. Т.И. Зяппарова, М.В. Поникаровской, подгот. к изд., введ., коммент. Р.В. Валеева, Т.И. Зяппарова, Т.В. Костиной, О.А. Кириковой; вступит. ст. И.Ф. Поповой, И.В. Тункиной, предисл. Н.Н. Дьякова. Казань: Изд-во «Артифакт», 2015. С. 105–106.

деятельность была тесно связана со сбором, систематизацией и изучением книг и рукописей на различных восточных языках. В 1849 г. он был приглашен в Казанский университет на место уехавшего в Санкт-Петербург А.К. Казем-Бека (1802–1870) в должности ординарного профессора кафедры арабской и персидской словесности, а в 1850 г. назначен на место библиотекаря университета и, таким образом, пять лет совмещал эти две должности.

Сложившаяся впоследствии ситуация, однако, внесла кардинальные перемены как в судьбу казанской школы востоковедения, так и в личную профессиональную судьбу И.Ф. Готвальда. Как известно, в 50-х годах XIX в. произошли серьезные преобразования в системе российского востоковедного образования, направленные на создание единого центра ориенталистики в Санкт-Петербурге, что неминуемо привело к ликвидации имевшихся провинциальных востоковедных учреждений. В Санкт-Петербургский университет из Казани перевели весь профессорско-преподавательский состав и студентов (19 восточников, из них 16 из университета, 3 — из гимназии). Туда же были переданы восточные книги и рукописи. Библиотека Казанского университета лишилась собрания восточных рукописей, соответственно работа в этой области на долгое время прекратилась. Рукописный же фонд С.-Петербургского университета пополнился 379-ю единицами хранения арабографических рукописей. Надо заметить, к этому времени в 1855 г. в результате интенсивной работы И.Ф. Готвальд успел опубликовать «Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке Императорского Казанского университета»[5] (178 единиц), который, по словам академика И.Ю. Крачковского «был второй в нашей стране опыт после дорновского каталога рукописей Публичной библиотеки, составленный с учетом всех требований своего времени. Рукописи как раз в эти годы перешли

[5] *Готвальд И.Ф.* Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке Императорского Казанского университета. Казань: В университетской типографии, 1855.

в библиотеку Петербургского университета, которая благодаря работе Готвальда располагает теперь полным каталогом самой крупной части своего старого фонда, но до сих пор не имеет к нему продолжения»[6]. Весьма подробная и важная информация о формировании коллекции Казанского университета (№ 42–421) приведена И. Ф. Готвальдом в приложении к его «Описанию арабских рукописей, принадлежавших библиотеке Императорского Казанского университета». Причем интересно, что в предисловии речь в основном идет о рукописях на персидском языке. Он, кстати, там писал: «Первоначальная цель при составлении этого “Описания” состояла в том, чтобы по случаю истекшего 50-летнего существования Императорского Казанского университета представить список **всех рукописей с кратким описанием их**. Между тем по воле покойного Императора Николая Павловича Восточный факультет Казанского университета был переведен в Санкт-Петербург, и по министерскому распоряжению все находившиеся здесь восточные рукописи, как мусульманские, так и буддийские, были отправлены в столицу, как новое местопребывание факультета. **Хотя ныне описание всех мусульманских рукописей и приведено к окончанию**, но тем не менее, в следствие отсылки оных, первоначальный план должно было изменить и ограничиться печатанием одних арабских рукописей»[7]. Из этого следует, что на тот момент фактически им было завершено описание всех мусульманских рукописей, но их пересылка отсрочила издание каталога, и в свет вышло только описание арабских. К сожалению, пока остается неизвестной дальнейшая судьба текстов (если на них намекает И. Ф. Готвальд) этих неизданных описаний.

С целью поиска данных материалов мы обратились к той части его архива в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, которая в каталоге Н. Ф. Катанова обозначена как «Черновики разных сочинений

[6] *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 123–124.

[7] *Готвальд И.Ф.* Указ. соч. С. I.

І. Ф. Готвальда и др. лиц на языках араб., персидском, турецк., татар., киргиз. и еврейском. 3 связки»[8]. Насколько известно, пока они не были предметом отдельного пристального исследования. Среди множества разрозненных материалов и черновиков на отдельных карточках были обнаружены краткие описания списков (с указанием номера, названия сочинения, даты переписки, количества листов, формата рукописи и почерка переписчика), кроме арабских и тюркских, **156** персоязычных сочинений, которые, видимо, он намеревался и частично использовал для дальнейшей более полной и развёрнутой работы над описанием рукописей. Кроме того, в семи отдельных тетрадях общим объемом в 90 листов, разбросанных в разных частях черновых записей, нами обнаружены и собраны воедино гораздо более пространные описания **68** списков, включая сборники (в основном рукописей, поступивших в коллекцию от А. К. Казем-Бека, которых подавляющее количество, а также от И. Н. Березина и В. Ф. Диттеля[9]. Описания рукописей распределены по следующим четырем отдельным разделам:

1. «**Теология**» [с. 557] с подразделами «**Христианская теология**» (*остался незаполненным*):

I. جواب رساله حاج ملا رضا

2. «**Мусульманская теология**» [22 сочинения, с. 557об.–590] охватывает 23 списка. (*Нумерация И. Ф. Готвальда*):

II. جواهر التفسير لتحفت الامير
III. المواهب العلية
IV. تفسير مغلقات
V. كتاب كعب الاخبار
VI. سير معينى المسمى بمعراج النبوة
VII. حق اليقين
VIII. عين الحيوة

[8] *Катанов Н. Ф.* Императорского Казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Федорович Готвальд. Казань, 1900. С. 239.

[9] ОРРК. «Черновики разных сочинений І. Ф. Готвальда и др. лиц на языках араб., персидском, турецк., татар., киргиз. и еврейском». Связки II–III.

IX. a.شرح مختصر الوقاية
b. شرح فقه الكيدانى
X. جا م جهان نماى عباسى
X. كتاب گلثوم نامه ننه
XI. كيمياء السعادة
XII.شرح التعرف لمذهب التصوف
XIII.مكتوبات شاه پير محمد
XIV. مجموع در تصوف
XV.رشحات عين الحيوط
XVI. a. (Агиографическое сочинение без названия).
b. نسمات القدس من حدايق التنس
d. مرج البحرين و جامع الطريقين
XVII.فردوس الواعظين
XVIII.اخلاق ناصرى
XIX.لوامع الاشراق فى مكارم الاخلاق
XX.در المجالس
XXI.بهار دانش
XXII.تحفة السلاطين

3. «**История**» [33 исторических сочинения, с. 592–794] (*в четырех случаях при декларированных названиях описания отсутствуют*):

XXIII. نذهة القلوب القزوينى
XXIV.ترجمه مسالک و ممالک
XXV.كتاب مسالک و ممالک
XXVI. a. كتاب مناقب مزارات بخارا شريف
b. انيس الطالبين و عدة السالكين
XXVII.ترجمه كتاب فتوح ابن اعثم كوفى
XXVIII.تاريخ كزيده
XXIX.روضة اولى الالباب فى معرفة تاريخ و الانساب
XXIX. (*Так у И.Ф. Готвальда!*) روضة الصفا فى سيرة الانبيا و الملوک و خلفا
XXX.حبيب السير
XXXI.نكارستان
XXXII.زينة المجالس
XXXIII.تاريخ جهانكشاى
XXXIV.تزوكات تيمورى
XXXV.ظفر نامه لعلى يزدى

XXXVI.تاریخ وصاف
XXXVII.مطلع السعدین و مجمع البحرین
XXXVIII.تاریخ رشیدی
XXXIX.تاریخ معجم
XL.لب التواریخ
XLI.تاریخ عالم آرای عباسی
XLII.تاریخ مقیم خانی
XLIII.تاریخ طبرستان (*лакуна*)
XLIV. «Путевыя собственноручныя записки Насреддина Мирзы, двоюродного брата Господина Бухаріи, во время его бегства в Турцію, Персію и Россію. № 22155» (*лакуна*).
XLV.تاریخ نادری
XLVI.دره نادری
XLVII.مراسلات (*лакуна*)
XLVIII. خلاصت تاریخ عجم
XLIX.کلشن محمود
L. مرقع البدائع (*лакуна*)
LI.مرآت اسکندری
LII.تاریخ اکبری
LIII.شاهجهان نامه

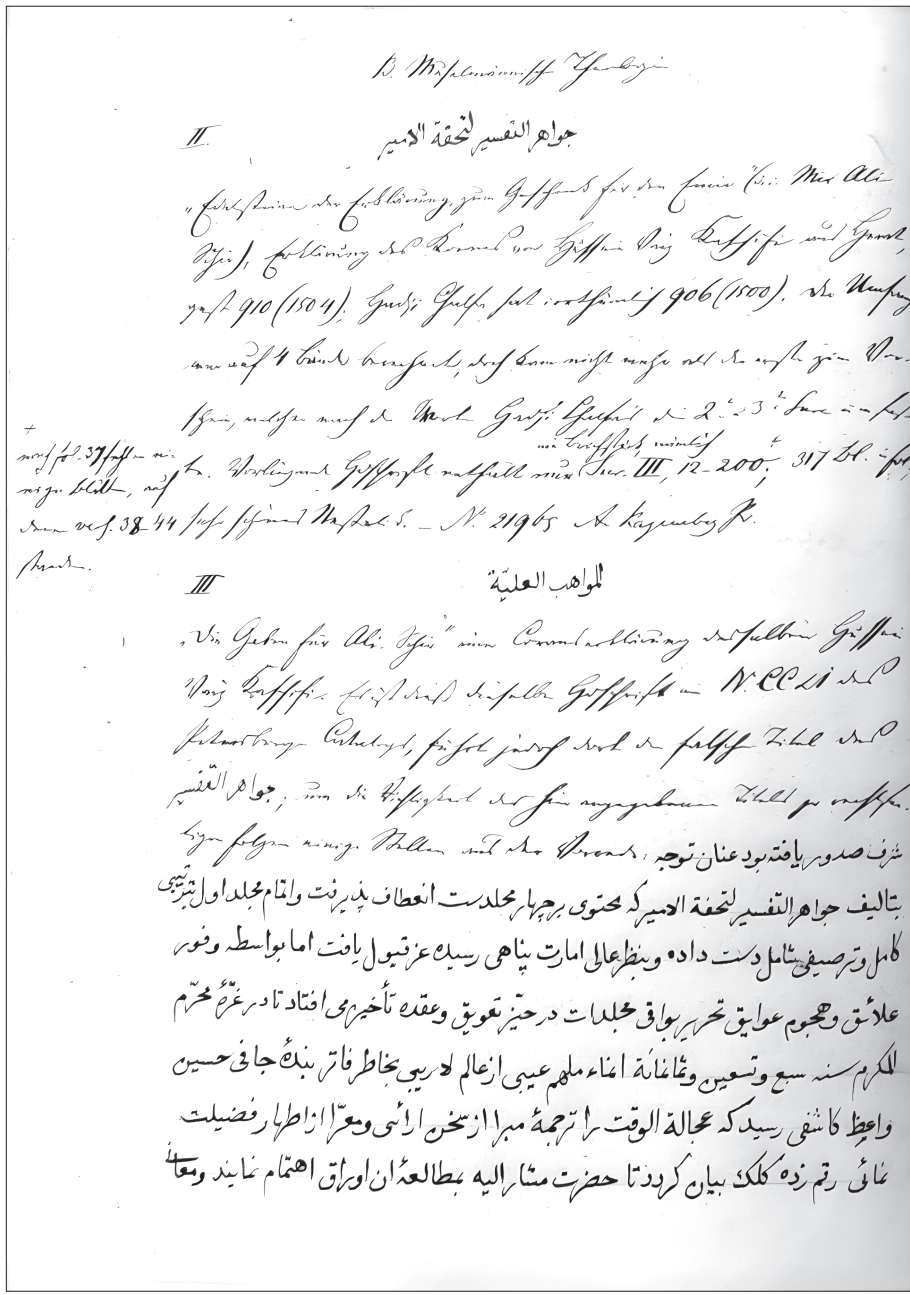
4. «**Поэзия**»**:** 14 сочинений [с. 794–797].

LIV.تذکرة الشعرآ
LIV. (*перечеркнуто*). شاه نامه فردوسی (*лакуна*)
LVI.خمسه نظامی
LVII.تحفة العترقین الخاقانی
LVIII.منطقه الطیر لفرید الدین عطار
LIX. دیوان کمال الدین
LX.مثنوی جلال الدین رومی
LXI.کلستان سعدی
LXII.شرح کلستان السروری
LXIII. شرح کلستان الشمعی
LXIV.بوستان سعدی
LXV.دیوان سهدی
LXVI.کلیات خسرو دهلوی
LXVII. خوجو کرمانی
LXVIII. دیوان خواجه حافظ شیرازی

Число описаний, последовательно пронумерованных римскими цифрами, намного увеличивается, если принять во внимание наличие сборных рукописей. Так, например, только сборник по суфизму под № XIV (лл. 562–573) включает в себя 29 сочинений (лл. 574–585). В сборниках сочинения нумеруются маленькими латинскими буквами. Сверяясь с номерами генерального «Документального каталога Императорского Казанского университета», в который, как нами также было ранее выявлено, до 1855 г. было внесено всего **168** названий персидских рукописей, зарегистрированных в инвентаре с момента его основания, И. Ф. Готвальд, аналогично схеме с опубликованными арабскими рукописями, старался давать возможно более полную информацию об авторах, переписчиках, дате и месте переписки, о содержании сочинений (часто очень подробно), иногда с довольно большими выдержками из текстов сочинений; указывал сведения о самих списках (отмечая количество листов, формат, почерк переписчика), дает также сведения о наличии других списков сочинения в данной коллекции, а также в других известных на тот момент каталогах и публикациях (кстати, встречаются ссылки на каталог Б. А. Дорна 1852 г.), приводит начало рукописи или, если имелся, ее колофон и т.д. Возможно, или весьма вероятно, именно эти материалы планировались ученым к дальнейшей более полной и развернутой работе над изданием в виде специального каталога. Эти материалы, несомненно, требуют более серьезного и вдумчивого анализа и публикации. Однако мы столкнулись со значительной трудностью при попытке их изучения, так как описания в основном выполнены довольно сложно читаемым мелким курсивным готическим почерком на немецком языке, который, кроме знания языка, требует для фактически его расшифровки соответствующей значительной специальной подготовки и навыков чтения. К счастью, иногда в карточках встречаются и более читаемые описания на русском и французском языках.

На данный момент удалось прочитать и перевести небольшой начальный фрагмент из раздела «Мусульманское богословие».

«Б. Мусульманское богословие. II. “Драгоценности толкования в подарок эмиру” (т.е. Мир Али Ширу), толкование Корана



II. جواهر التفسير لتحفة الامير

III. المواهب العلية

558

کلمات قرانی را بنظر استحصار ملحوظ فرمایند وخاطر را پیش از رسیدن ان ثمرات ریاض قرانی بدین نوباوه
حدائق معانی که نسبت باسم سامی انحضرت به مواهب علیه اتسام یافته محظوظ گردانند امیدواری
انحضرت باری جل شانه وعز سلطانه چنانست که عن قریب نسیم توفیق نقاب خفا از چهرهٔ شاهد مقصود
برگشاید وعرایس مجلدات ثلثه بر منصهٔ ظهور بجلوه درآید شعر وارجو من الله نیل المواهب و ربی لما
یبتغی العبد واهب ودرین ترجمه بعد از ملاحظهٔ حذف واضمار وتخصیص وتعمیم وحقیقه ومجاز
واضح آیة بروجهی که شامل بعضی از وجوه تفسیری باشد مذکور خواهد شد واز اسباب نزول
وقصص انبیاء آنچه اصح واشهرست بطریق خیر الکلام تمت ذکر خواهد یافت ''

Illegible

ما کان ابراهیم نبود ابراهیم علیه السلام یهودیا جهود ولا نصرانیا ونه ترسا ولیکن (ولکن وما) کان ولیکن
بود حنیفا پاک وموحد وبامل ازعقاید رویه مسلما مخلص وتسلیم کننده نزد بعضی آنست که مقصود
ازسلم که ابراهیم برملت اسلام بوده باشد بلکه مطیع ومستسلم حق بود وجمعی برانند که برملت اسلام بوده
وبا هم برملت اوئیم کما قال ملت ابیکم ابراهیم ودر تفسیر کبیر آورده اگر کسی پرسد که اگر میگویند ابراهیم
بردین اسلام بود ومراد موافقتست در اصول یا در فروع اگر در اصول فرض کنیم این مختص بدین
اسلام نیست بلکه برین تقدیر تواگفت که ابراهیم بردین یهود بود یا بردین نصاری چه انبیا مخالف
یکدیگر نیستند واگر فروع مراد ست پس لازم آید که حضرت مصطفی صلی الله علیه وسلم صاحب
شریعت نباشد بلکه مقرر بود به شریعت دیگری وبالضرورة معلومست که بعد بقران در
زمان ابراهیم نبود مثلا تلاوة قرآن در نماز ما مشروعست ودر نماز ابراهیم نبود جواب گوئیم

Хусейна Ваиза Кашифи из Герата, умер в 910 г. (1504 г.); у Хаджи Халфы ошибочно указано 906 (1500). Объем был рассчитан на четыре тома, но появился только первый, в который, по словам Хаджи Халфы, входили вторая и третья суры. Настоящая рукопись содержит только Суру III, 12–200; 317 л. в формате фолио; очень красивый Несталик.— № 21965 А. Казембека». (Перевод Н.Б. Пазиной).

Таким образом, в связи с объективными обстоятельствами начатая И.Ф. Готвальдом тщательная и скрупулезная работа по описанию, к сожалению, не была доведена до своего логического конца, поскольку необходимый рукописный материал уже не был в его непосредственной доступности. Конечно, можно только сожалеть об этой печальной реальности… Однако, несомненно, рассмотренные здесь архивные материалы не только сами по себе весьма любопытны и интересны как исторический факт его творческой научной лаборатории, они, на наш взгляд, не утратили своего практического значения на современном этапе и очень полезны при работе по каталогизации и всестороннему изучению означенных рукописей. Понятно, что это черновой и довольно сырой предварительный материал, но, во всяком случае, он, несомненно, полезен и в какой-то мере должен учитываться при последующих штудиях этого рода письменных источников.

Нужно также подчеркнуть известный факт, что именно И.Ф. Готвальду было поручено сопровождать ценный груз из 58 ящиков в 466 пудов восточных книг и рукописей из Казанского университета в Петербургский после решения переместить туда знаменитый Восточный разряд. 22 августа 1855 г. груз, содержащий ценные рукописи, книги и монеты был им доставлен по назначению. Однако, сам он не остался в Санкт-Петербурге, как его коллеги, а предпочел вернуться в Казанский университет в качестве профессора «за штатом» и 47 лет возглавлял его библиотеку до самой своей кончины в 1897 г. В течение жизни он собрал прекрасную коллекцию восточных книг и рукописей, а в 1894 г. передал наиболее ценные экземпляры университету —

111 ценнейших списков XIII–XVIII вв. После смерти Готвальда его старшая дочь Жозефина Иосифовна Крелленберг, по воле отца, передала университету оставшуюся часть библиотеки в десяти больших ящиках. Таким образом, в библиотеку поступило 157 единиц хранения восточных рукописей. В отчете Казанского университета за 1894 г. было сказано, что в библиотеку поступил весьма важный и ценный вклад от библиотекаря И. Ф. Готвальда. Совет университета, с благодарностью приняв этот дар, попросил профессора Н. Ф. Катанова составить опись рукописей и книг. В марте 1895 г. Н. Ф. Катанов доложил Совету о составленном списке рукописей (111 названий), о ценности коллекции (это были в основном памятники XV–XVI вв. на арабском, персидском, турецком и других языках. Каталог Н. Ф. Катанова, который предваряла биографическая справка о владельце, вышел из печати в 1900 г. Собственно, с этого роскошного дара профессора И. Ф. Готвальда и началось формирование нового собрания восточных рукописей библиотеки Казанского университета, которое на сегодня насчитывает свыше 15 тысяч единиц хранения на арабском, персидском и тюркских языках, из которых 1149 единиц хранения на фарси.

После публикации Н. Ф. Катанова арабографическая часть данного фонда, который до настоящего времени сохранился как отдельное единое собрание, к сожалению, не подвергалась подробному археографическому исследованию. При грантовой поддержке Фонда Ибн Сины А. А. Арслановой завершена работа по краткому каталогизированию персоязычной части коллекции И. Ф. Готвальда, которая интересна весьма ценными сочинениями различных исторических эпох и жанров. Из общего числа единиц хранения арабоязычных рукописей этого фонда выявлен 41 список, включая один сборник сочинений по художественной литературе (19 ед.хр.). Имеются рукописи по фикху (2), жизнеописание Мухаммада (1), по суфизму (1), этике (2), агиографии (2), лексикографии (1), грамматике (5), истории (4), космографии (1), тафсиры (2), письмо (1), документ (1), календарь (1). В своем большинстве эти списки содержат известные в научной литературе сочинения, хотя далеко не все они в равной степени изучены

и использованы исследователями. В целом списки датируются широкими хронологическими рамками — с XIV до конца XIX в. География их, с указанием места переписки, простирается от Казани до Бухары.

Таким образом, для Казанского университета И. Ф. Готвальд является поистине знаковой и фундаментальной фигурой. В 1870 г. он был избран членом-корреспондентом историко-филологического отделения Императорской Академии наук по разряду восточной словесности, а в 1895 г. по рекомендации профессора Н. Ф. Катанова заслуженно избран почетным членом Императорского Казанского университета. Совет университета постановил навечно установить его портрет в помещении Отдела рукописей и редких книг, где он находится и доныне, как бы незримо продолжая свою просветительскую и научную деятельность.

A. A. Arslanova, N. B. Pazina

Materials for the unrealized Catalogue of Persian-Manuscripts in the Collection of Kazan Imperial University (before 1855) based on drafts by Professor I. F. Gottwald (1813–1897)

Summary. The article describes Persian manuscripts from the collection of the Kazan Imperial University, discovered in the drafts of Professor I. F. Gottwald and stored in the Foundation named after him. I. F. Gottwald (1813–1897). His life and activities were closely connected with St. Petersburg (1838/1840–1849) and Kazan (1849–1897), and he had made a significant contribution to Russian and European orientalism. In his famous work «Description of Arabic Manuscripts at the Kazan Imperial University» (1855), I. F. Gottwald claims that he made a description of all Muslim manuscripts. Since almost all the manuscripts were sent to St. Petersburg University (to the Oriental Faculty), he had to limit himself to publishing only Arabic manuscripts. From the words of I. F. Gottwald, it follows that by that time he had completed the description of all Muslim manuscripts, but their transfer delayed the publication of the catalogue. Unfortunately, the fate of the texts (if hinted at by I. F. Gottwald) of these

unpublished descriptions remains unknown. In his drafts on separate cards, we find brief descriptions (indicating the number, title of the work, date of writing, number of sheets, format and handwriting of the scribe) except for Arabic and Turkic, of 156 copies of Persian-manuscripts, as well as in several separate notebooks much more extensive descriptions of 68 copies mostly received from A. Kazem-Bek, I.N. Berezin and V.F. Dittel. Checking the numbers of the general «Documentary Catalogue of the Imperial Kazan University», which until 1855 included 168 titles of Persian Manuscripts registered in the inventory since its foundation, I.F. Gottwald tried to give in separate sections comprehensive information about the authors, scribes, date and place of writing, and the content of the texts (sometimes with rather large excerpts from the works); he indicated information about the manuscripts themselves (number of sheets, format, handwriting of the scribe), the presence of other copies of works in this collection, in other catalogues and publications, gave the beginning of the manuscript or, if available, its colophon, etc. It is very likely that the scholar planned these materials for further more thorough work on the publication in the form of a special catalogue. However, a significant difficulty in the study of these materials is that the descriptions are mostly made in German in a rather difficult-to-read small cursive Gothic handwriting, which requires considerable training and reading skills. Sometimes there are more accessible descriptions in Russian and French.

Ю. И. Елихина
Государственный Эрмитаж

DOI: 10.48612/IVRRAN/ahzh-x4ng-ffnm

К вопросу о датировке и атрибуции тибетской буддийской скульптуры из коллекции Государственного Эрмитажа

Аннотация: Статья посвящена вопросам датировки и атрибуции тибетской скульптуры в коллекции Государственного Эрмитажа. Данное собрание Эрмитажа было сформировано в конце 1930-х годов. В его основу входят коллекции Э. Э. Ухтомского. П. К. Козлова и А. К. Фаберже. Вопросы атрибуции и датировки были и остаются одними из главных при изучении музейных коллекций. Буддийское искусство является анонимным, не существовало традиции указывать имя автора, создателя того или иного произведения. В основном об авторстве можно судить при наличии определенных характерных стилистических особенностей. Скульптуры редко являются подписными. Иногда встречаются датировки на китайской бронзовой пластике. В Тибете чаще бытовали посвятительные надписи со словами почтения к тому или иному учителю или просьбы к божеству. Попытка датировки по составу сплава является интересным подходом, но, к сожалению, не всегда верным. Поэтому искусствоведческий анализ на сегодняшний день считается единственным способом датировки.

Тибетская коллекция в собрании Государственной Эрмитажа является одной из самых значительных в России. Она насчитывает около трех тысяч шестисот экспонатов. Из них тысяча пятьсот восемьдесят пять составляет скульптура.

Знакомство России и Европы с тибетским искусством относится к концу XIX в. — началу XX в. Увлечение Востоком было в моде в русском обществе в это время. В 1891 г. цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, совершил путешествие на Восток. Его сопровождал камергер Эспер Эсперович Ухтомский (1841–1921), который собрал огромную

коллекцию буддийской скульптуры и живописи. Публикация собрания Э. Э. Ухтомского, «Мифология буддизма в Тибете и Монголии», подготовленная А. Грюнведелем, была первой в России, посвященной искусству тибетского буддизма. На Всемирной выставке 1900 г. в Париже эта коллекция получила большую золотую медаль и привлекла внимание всего европейского мира к искусству Тибета.

Коллекция Э. Э. Ухтомского, непревзойденного знатока Востока, легла в основу собрания Государственного Эрмитажа. Наряду с Э. Э. Ухтомским, можно назвать имена и других коллекционеров.

Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) — выдающийся русский путешественник, исследователь Центральной Азии, участник и руководитель многих экспедиций. Благодаря его экспедициям коллекции Эрмитажа пополнились находками из курганов Ноин-Улы в северной Монголии (две тысячи экспонатов), Хара-Хото (три с половиной тысячи) и тибето-монгольской коллекцией (триста двадцать восемь предметов), преимущественно буддийской скульптурой.

Агафон Карлович Фаберже (1876–1951), второй сын Карла Густавовича Фаберже, знаменитого российского ювелира, был известным собирателем восточного искусства. Его коллекция буддийской скульптуры, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, насчитывает восемьдесят девять произведений бронзовой пластики. Она была конфискована уполномоченными представителями советской власти и поступила в Эрмитаж в 1920 г.

Проблемы атрибуции скульптуры, прежде всего ее иконографические аспекты, были затронуты еще в работах А. Грюнведеля[1]. Нужно отметить, что буддийский пантеон может насчитывать до десяти тысяч изображений, разнообразных форм у каждого божества тоже немало. Например, у Авалокитешвары, бодхисат-

[1] *Grünwedel A.* Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolie. Führer durch die Sammlung des Fürsten E. Uchtomskij. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1900; *Грюнведель А.* Обзор собрания предметов ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго. Часть I Текст. Часть II. Рисунки. СПб.: Типография Императорской Академии наук, Bibliotheca Buddhica–VI. 1905.

твы милосердия, имеется 108 иконографических образов[2]. Датировать тибетскую скульптуру начали позже, только с середины XX в., после бегства Далай-ламы XIV из Тибета в 1959 г., в начале 1960-х годов тибетцы начали организовывать и проводить выставки в Индии, Европе и Америке. Тибетское искусство является интернациональным, так как оно получило распространение у китайцев, непальцев, тангутов, монголов, бурят, калмыков, тувинцев, бутанцев, жителей Сиккима, Мустанга и Ладакха. Все эти народы исповедовали тибетский буддизм и использовали одинаковую литейную технику и общую иконографию божеств.

В советские времена коллекцию Государственного Эрмитажа изучали практически заново. Нужно помнить, что тогда существовали определенные сложности при исследовании любого религиозного искусства. С середины 1970-х годов хранителем тибетского собрания был Г.А. Леонов. Он написал ряд статей, связанных с атрибуцией скульптуры, составил из отдельных статуэток мандалу Будды врачевания, рассматривал ритуал освящения и сами вложения, им были подготовлены каталожные описания предметов из коллекции Эрмитажа для выставки «Мудрость и сострадание: сакральное искусство Тибета»[3], проходившей уже в 1990-е годы в Америке, Англии, Германии, Испании и Японии.

Г.А. Леонов активно сотрудничал с А.Ф. Дубровиным, который изучал технологию и состав сплавов, на основании этих исследований пытался датировать скульптуру. В 1989 г. А.Ф. Дубровин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Буддийская металлическая скульптура Тибета: атрибуция и датировки по материалам химико-технологических исследований». Для этого труда было проанализировано значительное количество бронзовой пластики из коллекции Государственного Музея Востока и Государственного Эрмитажа. Кроме того, им были написаны коллективные монографии-каталоги с Э.В. Ганевской и Е.Д. Огне-

[2] Bhattacharya B. The Indian Buddhist Iconography. New Delhi Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay, 1968. P. 401–427.

[3] *Thurman R., Rhie M.* Wisdom and Compassion: The sacred art of Tibet. N.Y.: Harry N. Abrams, Inc., 1991.

вой «Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ» (2004), с Е. В. Ивановой «108 образов Будды. Исследование коллекции № 5942 из Собрания Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН» (2014). Изучение древних и средневековых металлургических производств является важным для понимания истории материальной культуры и искусства.

К сожалению, этот метод не всегда применим для датировки. Так, например, авторы датируют по сплаву I–II вв.н.э. одну скульптуру, не приняв во внимание иконографию персонажа[4]. Мелкая пластика в данном случае изображает Падмасамбхаву, основателя школы ньингмапа, мага и мистика, жившего в VIII в.

В 1981 г. в Гонконге была издана фундаментальная монография У. Шредера «Индо-тибетские бронзы»[5], в ней описаны и места добычи различных компонентов, входивших в состав сплавов, и технологии изготовления скульптуры на основе тибетских текстов, и основные стилистические особенности буддийской скульптуры. Этот труд послужил основой для дальнейших исследований бронзовой пластики в разных странах мира. А. Ф. Дубровин был первым в России, кто написал о технике и технологии при изготовлении скульптуры и исследовал состав сплавов конкретных предметов[6]. Он следовал той же традиции распределения скульптуры на отдельные группы, относящиеся к разным стилям. Для изготовления бронзовой пластики использовались два способа: 1. «замещенного воска» и 2. выколотки. Позднее для массового производства скульптуры стали применять литейные формы.

Техника «замещенного» или «утраченного воска» представляет собой следующий процесс: из восковой мастики делали изобра-

[4] *Иванова Е. В., Дубровин А. Ф.* 108 образов Будды. Исследования коллекции № 5942 из собрания Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 40–41.

[5] *Schroeder U.* Indo-Tibetan Bronzes. Hong Kong: Visual Dharma Publication, 1981. P. 47–51.

[6] *Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д.* Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма из собрания ГМВ. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 23–32.

жение, затем соответственно просушивая, наносили несколько слоев жидкой глины. Чтобы придать образу плотность, его покрывали слоем густой глины. После просушки форму нагревали, вытапливая из нее воск, а в образовавшуюся полость заливали расплавленный металл. После затвердения металла форму разбивали, а скульптуру дорабатывали — шлифовали, полировали, чеканили поверхность, прорабатывали орнамент. Каждая, сделанная в этой технике, скульптура уникальна, т.к. восковая модель расплавлялась, а для следующей скульптуры нужно было делать новую. Таким способом изготавливали скульптуры без полости внутри. Для получения полых скульптур сначала делали глиняную сердцевину, затем покрывали ее слоем воска. От толщины воскового слоя зависела толщина стенок скульптуры. Для того чтобы сердцевина не провалилась после вытапливания воска, ее крепили металлическими или деревянными шипами к наружной глиняной стенке. Деревянные шипы сгорали при заливке сплава, а металлические снаружи срезали, но внутри они могли сохраняться. В некоторых случаях обнаруживаются остатки таких шипов. Для того чтобы отлить все части скульптуры существовали системы литников и выпаров, по которым металл получал доступ ко всем частям скульптуры. В ряде случаев литники не удалялись, а составляли часть декора готовой скульптуры.

Не всегда скульптуру изготовляли целиком. Достаточно часто встречаются изготовленные отдельно части фигуры божества, чаще всего руки и атрибуты. Способы крепления были самые разные: части спаивали, зажимали, приклепывали. Интересен способ крепления фигуры к подставке, именуемый доливкой. Готовую фигуру с остатками литников на ногах (скульптуру отливали со стороны ног) скрепляли с моделью подставки (ее могли делать и по восковой модели и отливать в разборную форму) и заливали в нее расплавленный металл. За счет разогрева литников подставка прочно скреплялась со скульптурой. В тибето-китайской традиции скульптуры отливали по частям и не пытались закреплять части, поэтому многие произведения бронзовой пластики легко вынимаются из подставок, на которых держатся при помощи шипов. Также изготавливали и сложные

по иконографии парные изображения божеств. Фигура праджни, женской ипостаси божества, часто тоже бывает съемной и имеет более толстый шип для фиксации.

Для тибето-китайской буддийской скульптуры в XV в. была характерна еще и пайка. Подобные работы уже близки по своему уровню к ювелирным шедеврам. Хотя уже в это время китайские мастера начали использовать литейные формы для изготовления бронзовой скульптуры. О чем свидетельствуют, например, образы четырехрукого Манджушри, имеющиеся в коллекции Эрмитаж[7], Музея Востока (Москва)[8] и Метрополитена (Нью-Йорк)[9]. Бодхисаттва мудрости Манджушри (рис. 1. инв. № У834, выс. 25,5 см, Китай, 1403–1424) держит главные атрибуты в двух основных руках: в правой — меч, рассекающий тьму невежества, и в левой — стебель лотоса, на котором находится книга «Праджняпарамита-сутра». Во второй левой руке бодхисаттва держит лук, стрела из второй правой руки утрачена. Стрела и лук являются традиционными символами оружия медитации и мудрости,

Рис. 1. Бодхисаттва мудрости Манджушри, инв. № У-834, выс. 25,5 см, Китай (1403–1424).

[7] *Thurman R., Rhie M.* Wisdom and Compassion: The sacred art of Tibet. N.Y.: Harry N. Abrams, Inc., 1991. P. 139, n. 30.

[8] *Ганевская Э.В., Дубровин А.Ф., Огнева Е.Д.* Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма из собрания ГМВ. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 129.

[9] *Watt J., Leidy D.* Defining Yongle. Imperial Art in Early Fifteenth-Century China. N.Y.: Yale University Press, 2005. P. 70–71.

они направлены против зла и эгоизма. Восседает бодхисаттва в алмазной позе (ваджрасана).

Китайская надпись на престоле гласит: «Да мин юнлэ нянь ши» «Сделано (пожертвовано) в годы правления императора под девизом Юнлэ династии Великая Мин», что еще раз подтверждает датировку произведения.

Такая иконография наиболее характерна для ранней скульптуры, в более поздней традиции Манджушри изображается с двумя руками. Скульптуру характеризует высочайший художественный уровень литейного искусства.

Начиная с XVII в. мастера отливали восковую модель по частям в форму, и, работая с такими частями, собирали фигуры различных божеств из наборов частей тела и атрибутов. Мастера практиковали еще способ изготовления скульптуры в технике выколотки. Чаще всего полностью в технике выколотки делали только очень крупную скульптуру. Более мелкую пластику изготавливали в смешанной технике выколотки и литья: крупные части скульптуры выколачивались по заранее заготовленной форме, а мелкие отливались. Таким образом, скульптура делалась по частям, которые соединялись пайкой. Места соединения прикрывались многочисленными украшениями и лентами[10].

При всем разнообразии технологии древних мастеров многие приемы встречались повсеместно в тех странах, где исповедовали тибетский буддизм.

Техника выколотки, например, получила наиболее широкое распространение в Долонноре (Внутренняя Монголия) с начала XVIII в. Кроме того, некоторые элементы более крупной скульптуры в такой технике изготавливали и в Непале, Тибете и Китае. Эту же технику применяли и мастера в Бурятии[11]. В коллекции Эрмитажа представлено тридцать семь скульптур, выполненных

[10] *Елихина Ю.И.* Буддийские дары дому Романовых из Галереи Драгоценностей // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. С. 14–20.

[11] *Васильева И.Г.* К истории Цугольского дацана на Ононе // Альманах «Orient». Буддизм и Россия. Посвящается 250-летию Буддизма в России. Вып. 1, СПб., 1992. С. 121–132.

в долоннорском стиле. Одной из наиболее интересных является скульптура Майтреи (рис. 2, инв. № У1211, выс. 28,5 см, Монголия XIX в.). Он восседает на престоле со спущенными ногами в «европейской» позе (бхадрасана), опираясь на небольшую полукруглую подставку. Его руки расположены перед грудью в жесте поворота колеса учения (дхармачакра-мудра). Атрибуты расположены на лотосах на уровне плеч: чакра (утрачена) и сосуд-кундика. Скульптура инкрустирована бирюзой, кораллом, жемчугом и стеклом. Мастера Долоннора часто повторяли спинки ажурных тронов в традиции Пала-Сена. Основание спинки трона декорировано изображениями скалистых гор треугольной формы. Верх трона венчает образ Гаруды и нагов, ниже показаны — драконы, якши верхом на ланях, хотя по иконографии должны быть козлы, львы и слоны. Скульптура отличается тончайшей проработкой деталей, несвойственной для Долоннора, и обильной гравировкой.

Рис. 2. Майтрея, инв. № У-1211, выс. 28,5 см, Монголия XIX в.

В коллекции Государственного Эрмитажа представлены единичные произведения индийской и кашмирской работы, непальская пластика IX–XI вв., сравнительно много тибетской скульптуры XI–XIII вв. в разных стилях, художественная школа западного Тибета, более поздние образцы из Тибета и Непала XV–XIX вв., XVII — начала XX вв. из Монголии, но основная часть собрания датируется XVII–XIX вв. и относится к тибето-китайскому стилю[12].

[12] *Елихина Ю. И. Самосюк К. Ф.* Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. С. 21.

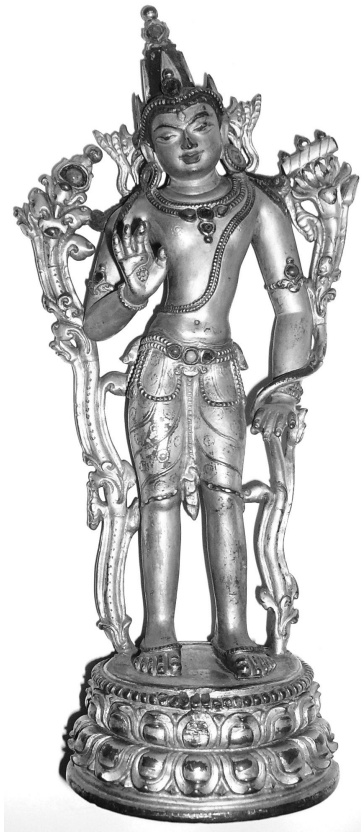


Рис. 3. Манджушри, инв. № У-819, выс. 23 см, Тибет XII–XIII вв.

Для иллюстрации всего сказанного приведем некоторые образы из коллекции Эрмитажа. Наиболее ранней тибетской работой является скульптура Манджушри (рис. 3, инв. № У819, выс. 23 см, Тибет XII–XIII вв.). Он изображен стоящим в позе с Sобразным изгибом тела (трибханга) на двойном лотосовом престоле. Правая рука расположена в жесте поучения (витарка-мудра), в левой руке, опущенной вдоль тела, он держит стебель лотоса, на цветке находится книга.

В Тибете подражание стилю Пала получило широкое распространение в XII–XIII вв. Этот стиль оказал значительное влияние на формирование тибетской бронзовой пластики. Прямых аналогий представленной скульптуре нет; У. Шредер опубликовал близкий по стилю образ сидящего Авалокитешвары, где корона бодхисаттвы имеет такие же маленькие острые одиночные зубцы, аналогичные украшения и гравировку на дхоти в виде мелких розеток[13].

Скульптура является единственной в коллекции Государственного Эрмитажа, выполненной в таком стиле.

Еще один образ — Белой Тары — женского божества, спасительницы, дарующей долголетие (рис. 4, инв. № У928, выс. 29 см, Тибет XIII в.). Она изображена сидящей в алмазной позе

[13] *Schroeder U.* Buddhist sculpture of Tibet: Tibet and China. Hong Kong: Visual Dharma Publication, vol. 2, 2001. P. 942, il. 222B.

(ваджрасана) на двойном лотосовом престоле, ее правая рука находится в жесте, дающем благо (варада-мудра), в левой она держит стебель лотоса.

Белая Тара также символизирует чистоту и трансцендентную мудрость. Посвященная ей «Тара-тантра» входит в систему крия-тантры. Практика Белой Тары способствует духовному росту и продлению жизни. Отличительной особенностью Белой Тары являются семь глаз, три из которых расположены на лбу, а еще четыре — на ладонях и ступнях. Эти глаза позволяют ей видеть всех живых существ в каждой локе (измерении бытия) с проницательной мудростью и состраданием.

Рис. 4. Белая Тара, инв. № У-928, выс. 29 см, Тибет XIII в.

Земными воплощениями Белой Тары считались китайская принцесса Вэньчэн, жена тибетского царя Сонцэн Гампо (604–650), а также российская императрица Екатерина II и затем все жены последующих российских императоров.

Внимание привлекают украшения Белой Тары. Они явно выдержаны в традиции Пала-Сена: массивные круглые серьги с отверстием в центре, корона с высокими зубцами, ожерелья и браслеты особой формы. С большим мастерством переданы орнаменты на дхоти, детально проработаны цветы в руках богини: один представляет собой лотос, а другой — изящный побег. Лепестки лотосового престола крупные, слегка округлые.

Статуэтка характеризуется хорошей работой, ей присущи все признаки тибетской скульптуры школы незолоченой бронзы.

Состав сплавов весьма значим для определения места изготовления буддийской бронзовой пластики. Как правило,

Рис. 5. Авалокитешвара, инв. № У-774, выс. 19 см, Китай, XVII–XVIII вв.

сплавы были многокомпонентные. В них присутствовали в качестве основы медь, а так же олово, свинец, цинк, бериллий, серебро, сурьма, мышьяк, железо, никель, кобальт и золото[14]. Так, например, если в сплаве присутствует в значительном количестве олово и цинк, то понятно, что скульптура представляет собой китайскую работу, т.к. олово не добывали в Непале или Тибете. С другой стороны использование меди для изготовления скульптуры характерно для Непала, где имеются ее месторождения в больших количествах. В таком случае скульптура имеет характерный красноватый цвет. Большое количество цинка в сплаве дает светлый оттенок бронзы, а сплав меди и никеля имеет белый цвет, имитирующий серебро. Подобные произведения иногда изготавливали в XIX в. в Китае и в Долонноре.

Больше всего скульптуры высокого художественного уровня было отлито в Китае в XVII–XVIII вв. Одним из примеров может служить образ Авалокитешвары, имеющего четыре руки (рис. 5, инв. № У774, выс. 19 см., Китай, XVII–XVIII вв.), основные находятся в жесте поднесения драгоценности (анджали-мудра), атрибуты в других руках — лотос и четки. Четыре руки бодхи-

[14] *Schroeder U.* Indo-Tibetan Bronzes. Hong Kong: Visual Dharma Publication, 1981. P. 47–52.

саттвы символизируют пожелания любви, сочувствия, радости и равностности для всех живых существ. Прическа бодхисаттвы украшена головой Будды Амитабхи. Цветок лотоса из левой руки утрачен.

Скульптура покрыта яркой горячей позолотой, инкрустирована бирюзой, кораллом и малахитом, характеризуется монументальностью, пропорциональностью и высоким уровнем литья. Подобные произведения являются блестящими образцами тибето-китайского стиля.

С датировками скульптуры вопрос обстоит несколько сложнее, т.к. при разрушении старой скульптуры ее обломки использовали при вторичной и последующей переплавках, и состав сплавов мог значительно варьироваться. Иногда даже части скульптуры имеют разный состав сплавов[15]. Поэтому искусствоведческая традиция обычно основывается на стилистических признаках, уже достаточно хорошо изученных для основных типов тибетской скульптуры.

Тем не менее, любое исследование в области тибетского искусства представляет определенный интерес, т.к. по сравнению с всесторонне изученными европейскими произведениями, оно еще остается, особенно в России, достаточно малоизвестным и для специалистов, и для широкой публики.

С октября 2015 по середину января 2016 г. в Эрмитаже, в Зимнем дворце, проходила большая буддийская выставка «Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма», на которой было представлено около пятисот экспонатов. Датировка бронзовой пластики тибетской коллекции Государственного Эрмитажа охватывает период с VII по середину XX вв. К выставке был издан каталог. В настоящее время тибетская коллекция Эрмитажа в целом датирована и аттрибутирована. В 2025 г. готовится новая выставка «Драгоценность в лотосе», а к ней и каталог, не повторяющий предметы из предыдущего издания.

---

[15] *Ганевская Э.В., Дубровин А.Ф., Огнева Е.Д.* Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма из собрания ГМВ. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 183, 188, 195, 203, 249, 250, 259–261.

Yu. I. Elikhina

On the Dating and Attribution of Tibetan Buddhist Sculpture in the Collection of the State Hermitage Museum

Summary. The article is focused on the dating and attribution of Tibetan sculpture in the collection of the State Hermitage Museum. This Hermitage collection was formed in the late 1930[s] and is based on the collections of E. E. Ukhtomsky. P. K. Kozlov and A. K. Fabergé. The issues of attribution and dating have been and remain among the main ones when studying museum collections. Buddhist art is anonymous, there was no tradition to indicate the name of the author, the creator of a particular work. Basically, authorship can be judged by the presence of certain characteristic stylistic features. Sculptures are rarely signed. Sometimes there are dates on Chinese bronze plastic. In Tibet, there were more often dedicatory inscriptions with words of reverence for a particular teacher or requests to a deity. An attempt to date by the composition of the alloy is an interesting approach, but, unfortunately, not always correct. Therefore, art historical analysis is currently considered to be the only way of dating.

Ю. И. Дробышев
Институт востоковедения РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/8pbk-x9nd-tmz3

Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина

Аннотация. В статье анализируется образ Чингис-хана, запечатленный в одном из важнейших источников по истории Монгольской империи — «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Несмотря на то, что это произведение было создано спустя несколько десятилетий после смерти великого хана, содержащиеся в нем сведения, в целом, заслуживают доверия, так как они были почерпнуты из более ранних источников, а также из рассказов авторитетных знатоков монгольской старины. Состоя на службе ильханов, автор предсказуемо не избежал преувеличений заслуг и умалчиваний недостатков своего героя, и создал его несколько идеализированный образ, но при этом он сумел изобразить Чингис-хана, к тому времени уже превратившегося в легенду, как реальную, сильную, целеустремленную личность. Рашид ад-Дин подчеркивает поддержку Высших сил, которая оказывалась Чингис-хану на протяжении всей его жизни, и убеждает своего читателя в том, что его победы были предопределены, а поражение врагов было неизбежным, причем наделяет его целым рядом положительных качеств, а противников изображает незаконными узурпаторами. По-видимому, характеристики Чингис-хана в «Сборнике летописей» близки к истине. Они перекликаются со сведениями из других источников. Историк также приводит поучения хана, из которых явствуют его взгляды на власть, и много других материалов, касающихся различных сторон жизни и деятельности Чингис-хана от его рождения до смерти.

Знаменитый персидский историк и политический деятель Фазлуллах Рашид ад-Дин Хамадани (1247–1318) оставил среди своего творческого наследия самый информативный источник сведений о Монгольской империи — «Сборник летописей», над которым он работал в годы правления ильханов Газана (1295–1304)

и его брата Олджейту (1304–1316). Помимо богатейшей информации о предыстории и истории империи, он зафиксировал многочисленные рассказы и легенды о ее основателе — Тэмучжине/Чингис-хане[1]. Из своих источников он называет, в частности, некий «Золотой свиток» («Алтан дафтар»), хранившийся в ханской сокровищнице[2], под которым исследователи иногда понимают дошедшее до нас в китайском переводе произведение «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Описание личных походов священновоинственного [императора Чингиса]»), видимо, основанное на «Сокровенном сказании монголов». Кроме того, автор имел в своем распоряжении целый ряд других сочинений, в том числе «Историю завоевателя мира» Ата-Мелика Джувейни (1226–1283) и «Полный свод истории» Ибн ал-Асира (1160–1234), а также монгольских информантов — прекрасных знатоков своей истории. Разумеется, критические выпады против Чингис-хана, которые мог себе позволить, например, другой известный персидский историк, Сирадж ад-Дин ал-Джузджани (1193 — после 1260), у Рашид ад-Дина отсутствуют, вместо чего вполне закономерно его текст изобилует славословиями в его честь. Попробуем разобраться, насколько созданный Рашид ад-Дином образ великого кочевника реалистичен, а в какой мере он трафаретно изображает идеального восточного монарха и, следовательно, можно ли доверять полученному в результате словесному портрету Чингис-хана. Мы основываемся на русском академическом переводе «Сборника летописей».

Рашид ад-Дин датирует рождение Чингис-хана 1155-м годом, в чем он расходится с датой, принятой в китайской историографии,— 1162 г.; год смерти тот же, т.е. 1227-й. Широко распространенное мнение, что Чингис-хан был светловолос

[1] Ниже он именуется только Чингис-ханом независимо от того, обрел ли он к тому времени это прозвище или еще нет. В цитатах из «Сборника летописей» мы сохраняем написание «Чингиз-хан».

[2] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 180; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.I. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 16, 21.

и имел синие глаза, основывается, в том числе, и на свидетельстве Рашид ад-Дина, что кият-борджигины, из которых происходил отец Чингис-хана Есугэй-бахадур, отличались этими чертами — «знаком царской власти детей Алан-Гоа»[3]. Уже при рождении «на скрижали его чела [были] явными знаки завоевания вселенной и миродержавия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества», а в ладошке он держал сгусток крови[4] — знамение того, что он станет великим завоевателем». Об этом сгустке говорит и «Сокровенное сказание монголов»[5].

По-видимому, стереотипный эпитет Чингис-хана «Завоеватель мира» Рашид ад-Дин заимствовал у Джувейни, у которого он также взял мощный пласт информации о Западном походе монголов в 1219–1224 гг. Собственно говоря, этот поход и его дальние последствия, вылившиеся в установление монгольской власти в Иране, Ираке, Закавказье и Малой Азии, для мусульманских историков той эпохи были равнозначны покорению монголами «всего мира», тем более, что они имели довольно хорошее представление об их колоссальных военных успехах также на Дальнем Востоке, в Дешт-и Кипчаке и Восточной Европе. Поэтому названный эпитет оказался вполне уместным. Но какая личность скрывается за ним? Каким выглядел Чингис-хан в глазах тех, кто никак не мог лицезреть его лично?

Как перед любым придворным историком, перед Рашид ад-Дином стояла задача продемонстрировать полную и неоспоримую легитимность правления своих покровителей — ильханов, сообразно чему он обязан был показать абсолютную законность претензий на власть их предка — Чингис-хана, все

[3] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 48. Когда в 1215 г. родился Хубилай — будущий основатель монгольской династии Юань в Китае (1272–1368), Чингис-хан якобы произнес: «Все наши дети рыжие, а этот мальчик черномазый» (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 153).

[4] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 75.

[5] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. § 59.

военные предприятия которого, конечно же, были совершенно справедливыми. Во введении к «Сборнику летописей» он изображает Чингис-хана как борца с беззаконными, гордыми, нечестивыми врагами, которых сравнивает с известными отрицательными персонажами Корана и иранской мифологии: «Он истребил и уничтожил [своим] могуществом большинство непокорных, по природе [равных жестокому] фараону, а образом жизни — [нечестивому] Заххаку, из коих каждый, дыша ветром гордыни, думал [о себе]: “лишь один я и нет никого другого, [кроме меня]!”. Он сделал мир одним [государством], а сердца [его обитателей] единомышленными; очистив яйцо территории государств от власти тиранов-узурпаторов и от жестокости наглых захватчиков, он оставил их своему именитому роду и [своим] великим преемникам. Благоприятное влияние небес заключило с ними вечный союз и бесконечно нерушимый договор»[6]. Да и могло ли быть иначе у того, чьи предки произошли от небесного посланца, являвшегося Алан-Гоа: «Он [творец] сделал чистое чрево Алан-Гоа раковиной драгоценной жемчужины существования Чингиз-хана и создал в ней сущность его особы из чистого света»[7]!

Масштабы разрушений и человеческих жертв, сопровождавших походы Чингис-хана и его сыновей, не могли быть секретом для Рашид ад-Дина. Он не только достаточно подробно рассказывает о поголовной резне целых городов, но и вполне справедливо резюмирует: «Путем исследования летописей и путем сравнения постигнутого разумом не остается скрыто, что никогда страны не были более опустошены, чем в эти годы, особенно те места, куда приходило монгольское войско, ибо со времени появления человека, ни одному государю не удалось покорить столько владений, сколько завоевал Чингиз-хан и его род, и столько народа, сколько они поубивали, никто не убил»[8].

[6] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 65.

[7] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 13.

[8] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 308.

Несмотря на то, что в целом ряде случаев он показывает монголов как агрессивных и безжалостных, виноватыми в их агрессии неизменно оказываются их противники, а в роли мстителя и восстановления нарушенного порядка выступает Чингис-хан. Ретроспективно его деяния преподносятся Рашид ад-Дином так, чтобы у читателя не возникало и тени сомнения в высшей справедливости, воплощенной в этом человеке, уже при жизни фактически превратившемся в легенду.

В принятой автором системе нравственных координат противником Чингис-хана не может оказаться благородный правитель, поэтому все разбитые им враги сами виноваты в своей гибели, следовательно, покорение им чужих земель и подчинение (и даже уничтожение) прежних господствовавших династий всецело оправданно. Чингис-хан несет в мир не разорение, а порядок: он «замиряет», «устраняет смуту», «обуздывает гордых» и т.п.[9] Поэтому всякий, кто претендует на независимость, автоматически становится смутьяном и узурпатором, и должен быть наказан. По сути, персидский историк воспроизводит идеологические устои Монгольской империи, согласно которым в мире лишь одно оно является законным государством[10]. И хотя ко времени составления «Сборника летописей» среди Чингисидов давно уже не было единства, они продолжали держать крепкую власть над огромными просторами Евразии, причем юаньские хаганы — Хубилай (1260–1294) и Тэмур (1294–1307) показаны в качестве старших по отношению к правителям как Ильханата, как и Улуса Джучи.

Сформулированная Рашид ад-Дином чингисидская политическая программа подается читателям как навеки одобренная Свыше, и в этом она ничем не отличается от убеждений самих монгольских хаганов, как это известно из различных источников. Де-факто произошедшая силой оружия легитимация монгольской власти подкрепляется религиозной легитима-

[9] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 61.

[10] *Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // Byzantion. Vol. XV. Boston, 1941. P. 378–413.

цией, причем до Рашид ад-Дина это сделал уже Джувейни[11], а в «Сокровенном сказании» неоднократно утверждается устами самого Чингис-хана, что он спасался от врагов и добивался побед с помощью небесной силы[12]. Этот взгляд принят и Рашид ад-Дином, обычно именующим монгольское Вечное Небо «всевышней истиной» или «всевышним богом», неуклонно помогающим своему избраннику[13]. И даже трудности были ниспосланы Чингис-хану неспроста — они закаляли характер будущего вселенского властелина: «Положение Чингиз-хана неоднократно становилось плохим, несколько раз племена тайджиут использовали благоприятный случай [напасть] на него и заключали его в оковы, а всевышняя истина спасала его [из этих положений]. Так как извечно воля всевышнего бога была такова, чтобы он [Чингиз] стал государем вселенной, он мало-помалу развивался, дабы быть в состоянии одолеть путем выдерживания тягот и перенесения трудностей тяжкие дела, а когда достигнет сладости царствования и спокойствия, познал бы меру того великого благодеяния и выполнил бы условия проявления благодарности [творцу]»[14].

Вне всякого сомнения, Чингис-хан в «Сборнике летописей» — мудрый создатель государства из клубка без конца враждовавших племен, который все свои силы прилагает для расширения и укрепления подвластных ему территорий. Этой цели подчинены его внешне- и внутриполитические шаги, а ограбление соседних народов и массовые убийства, в т.ч. женщин и детей, разрушение городов, осквернение храмов и тому подобное — лишь неизбежные побочные эффекты его справедливых войн. Приписываемая ему фраза «Врагу госу-

[11] *Juvaini, Ata-Malik*. The History of the World-Conqueror / Trans. by J. A. Boyle. Vol. I–II. Manchester: Manchester University Press, 1958. P. 4–19.

[12] *Козин С.А.* Указ. соч. § 80, 113, 125, 187, 199, 208, 256, 265, 267.

[13] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т.I. Кн. 1. С. 126; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т.I. Кн. 2. С. 22, 64, 86.

[14] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т.I. Кн. 2. С. 65.

дарства нет лучшего места, чем могила!»[15] как нельзя лучше характеризует его прагматичный подход к укреплению своей власти, хотя, разумеется, мы никогда не сможем доказать ее подлинность. Он показан как великий правитель даже тогда, когда его власть еще не была прочной. В то же время нельзя сказать, что Рашид ад-Дин нарисовал образ фанатичного завоевателя, каким нередко предстает в средневековой литературе Тамерлан (1336–1405). Он не приводит каких-либо высказываний, якобы произнесенных Чингис-ханом, о его желании покорить всю вселенную, о возложенной на него небесной миссии объединить все человечество или о том, что его сыновья обязаны продолжить захват всех известных стран и народов. Вместо этого персидский историк сообщает о Тэб-Тэнгри (Кокэчу), скандальном персонаже «Сокровенного сказания», возможно обладавшем какими-то шаманскими способностями, который от имени Вечного Неба внушал Чингис-хану идеи всемирного господства: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!»[16]

Великое будущее Чингис-хана предвидел не только Тэб-Тэнгри. Если верить нашему автору, названный отец Чингиса, Соркан из племени баяут, однажды изрек: «Лица, которые стремятся к государевой власти: один — Улак-Удур из племени татар, другой — Сэчэ-беки из племени кият-юркин и [третий] — Джамукэ-сэчэн из племени джаджират. Эти люди предъявляют великое притязание и стремятся к царской власти, но, в конце концов, во главе станет Тэмуджин и за ним, по единодушию племен, утвердится царство, ибо способностью и достоинством для этого дела обладает он и на его челе явны и очевидны признаки небесного вспомоществования и царственной доблести!»[17] Надо признать, однако, что, судя по контексту, здесь речь могла идти только о власти над кочевыми племенами Монголии. Ни о чем большем в ту пору нельзя было даже мечтать, в связи с чем и к словам Тэб-Тэнгри, прозвучавшим (если прозвучавшим) еще

[15] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 116.

[16] Там же. С. 167.

[17] Там же. С. 177; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 119.

до *курултая* 1206 г., следует относиться критически, ибо понятие о пределах «всего мира» у этого номада и у писавшего о нем спустя век ильханского визиря было, надо полагать, очень разным.

Исходя из универсального принципа «любой сосед по большей части бывает врагом и завистником»[18], Рашид ад-Дин оправдывает агрессию Чингис-хана по отношению к его соседям: государствам чжурчжэней («Хитай») (1115–1234) и тангутов («Кашин», «Тангут») (1038–1227), и облекает ее в форму законной мести, совершающейся, конечно же, с небесного благословения: «В то время, когда Чингиз-хан двинулся на Хитай и выступил на войну с Алтан-ханом, он вознес к престолу господнему покорную мольбу и сказал: “Так как государи Хитая убили Хамбакай-каана, Укин-Баркака и Кадан-бахадура, которые были моими старшими родичами, и учинили над ними жестокость, я иду отомстить за них и прошу у тебя, великий господь, помощи и божественной поддержки!”. После этого он сел на коня и отправился»[19]. Более того, чжурчжэньский император якобы «вел себя заносчиво… ждал от Чингиз-хана покорности и повиновения»[20]; впрочем, он имел на то все основания, поскольку монголы были тогда его данниками, и именно Чингис-хан положил этому предел. Нет ничего неожиданного и в том, что Чингис-хан «воспылал гневом», узнав, что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад (1200–1220) прибрал к рукам все туркестанские владения наймана Кучлука (?–1218) вплоть до Отрара после того, как монголы ликвидировали этого давнего врага[21]. Поэтому совершенно закономерно виновником монголо-хорезмской войны выставлен хорезмшах[22], и определенная доля истины в этом, по-видимому, есть.

Однако недостаточно иметь некий полученный от Неба «карт-бланш» и гарантию поддержки. Важны и личные каче-

[18] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 66.

[19] Там же. С. 42.

[20] Там же. С. 66.

[21] Там же. С. 67.

[22] Там же. С. 188–190.

ства. По-видимому, Чингис-хана нельзя назвать превосходящим других своей отвагой, о чем писал еще Л. Н. Гумилев[23]. Произведение Рашид ад-Дина также не дает таких оснований, но в нем акцентируются другие черты характера, необходимые степному вождю, прежде всего щедрость: «Благодаря [его] щедрости и тороватости, слава и молва о нем распространилась по окрестностям и в сердцах [людей] зародилась любовь к нему»[24]. О нем якобы шла молва в степях: «Он государь, пекущийся о [своих] подданных и заботящийся о войске!»[25]; «Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезает с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус!»[26] Как убедительно показал Н. Н. Крадин, это качество имело принципиальное значение для консолидации кочевой элиты вокруг лидера[27].

Чингис-хан в нарративе Рашид ад-Дина «эпичен», «монументален». В то же время, то здесь, то там он показан как живой человек, а не легендарный предок, превратившийся в абстрактный символ высшей власти. По-видимому, в значительной степени это произошло благодаря стилю нашего автора, избегавшего перегрузки текста украшениями речи, столь характерными для средневековой персидской историографии, примером чего может послужить сочинение младшего современника Рашид ад-Дина — Шихаб ад-Дина Абдаллаха ибн Фазлаллаха Ширази, более известного как Вассаф (1265–1329). Между тем, сам Чингис-хан, насколько мы можем судить на основании совокупности источников, напи-

---

[23] *Гумилев Л. Н.* «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 490–491.

[24] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 65.

[25] Там же. С. 89.

[26] Там же. С. 90.

[27] *Крадин Н. Н.* Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.). Доклады российской делегации. М.: Гуманитарий, 2002. С. 72–78.

санных в разных частях Евразии, отличался простотой характера. Всякого рода церемонии, драгоценности и роскошные одеяния были ему чужды, в чем он походил на своего не менее знаменитого предшественника — вождя гуннов Аттилу (ок. 395–453), равнодушному к богатству и роскоши[28]. В письме знаменитому даосу Чан-чуню (1148–1227) Чингис-хан подчеркивает свою скромность и непритязательность, которые, несомненно, получили небесное одобрение и помогли ему справиться с сильными, но развращенными врагами: «Небо отвергло Китай [империю Цзинь. — *Ю.Д.*] за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях и то же ем, что коровы и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна…»[29]. «Этот человек мужествен, решителен, выдержан, снисходителен ко всем, почитает Небо и Землю, ценит доверие и справедливость», — сообщает о нем, правда с чужих слов, южно-сунский дипломат Чжао Хун[30].

[28] «Для других варваров и для нас были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах; а перед Аттилою ничего более не было кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносимы были чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая, и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, каменьями, или чем-либо драгоценным, как водится у других скифов» (Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С. Дестуниса // Отдельный оттиск из VI-й книги Ученых Записок, издаваемых Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1860. С. 67).

[29] Си ю цзи, или описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на запад / Пер. П. Кафарова // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. С. 370.

[30] Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. С. 49.

Из качеств личности Чингис-хана, о которых мы можем более или менее уверенно говорить на основании данных как Рашид ад-Дина, так и других средневековых авторов, следует назвать уверенность в себе, осторожность, умение разбираться в людях, щедрость, благодарность, интернационализм. Был ли он таковым на самом деле или это всего лишь восхваления, неизбежные в историческом нарративе? Видимо, следует все-таки признать справедливость такого рода оценок, поскольку, не обладай Чингис-хан этими качествами, он едва ли смог бы подняться от изгоя до лидера практически всего кочевого мира.

В «Сборнике летописей» образ Чингис-хана напитан царственной харизмой — тем специфическим свойством отмеченных Небом людей, которым суждено возглавлять государства и вершить великие подвиги. Этот важнейший аспект представлений средневековых монголов о личности «хана всех ханов» подробно рассматривается в трудах Т. Д. Скрынниковой[31], поэтому мы не будем обсуждать его здесь. Слова Рашид ад-Дина подтверждают выводы исследовательницы о солнечной природе харизмы правителя: «От сияния солнца счастья Чингиз-хана враги рассеялись, словно пылинки в воздушном пространстве»[32].

Рашид ад-Дин показывает на многих примерах, как Небо («всевышняя истина») хранило Чингис-хана и помогало ему достигать поставленных задач, какими бы сложными они ни казались. При этом историк иногда смело приписывает своему герою победы, которых на самом деле не было. Например, в 1207 г. Чингис-хан вовсе не «покорил всю» страну тангутов, как заявляет Рашид ад-Дин[33]; более того, есть подозрение, что именно тогда он попал к тангутам в плен, но был отпущен, а позже страшно отомстил за этот позор[34]. Чингис якобы сам однажды изрек:

---

[31] *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997. 214 с. (Изд. 2-е: СПб.: Евразия, 2013. 382 с.).

[32] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 88.

[33] Там же. С. 253.

[34] *Дробышев Ю. И.* Тангутский плен Чингис-хана // Ориенталистика. 2021. Т. 4. № 2. С. 380–405.

«Поскольку всевышний господь указует [нам] путь, это [нам] легко удается»[35]. Однако, говоря о ранних его годах, историк проявляет объективность и не замалчивает трудные ситуации, в которых тот нередко оказывался.

Чингис-хан не показан как рвущийся к власти. Вместо этого дважды излагается история о том, как хонхотанский Тэб-Тэнгри, о котором мы уже обмолвились выше, внушал ему мысль о даровании ему Вечным Небом владычества над всем миром: «Обычай его [Тэб-Тэнгри. — *Ю.Д.*] был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: “Бог со мною беседует, и я посещаю небо!”. Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: “Бог повелел, чтобы ты был государем мира!”. И чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: “Повелением бога имя твое таково должно быть!”»[36]. По словам Рашид ад-Дина, к этому моменту у Чингиса «уже явились наиполнейшие сила и мощь и он стал причисленным к царствованию над миром»[37]. Впрочем, надо заметить, что Чингис-хан уничтожал или подчинял своих кочевых врагов в монгольских степях не ради последующего мирового господства и всемирной славы, а просто чтобы позволить выжить себе самому и своей семье, и лишь после того, как удача явно стала к нему благосклонна, можно было задуматься о чем-то большем.

В известном эпизоде с «проповедью» Чингис-хана в захваченной им Бухаре он уже сам берет на себя ответственность вещать от имени Неба: «О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи [бузург] — предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я — кара господня. Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!»[38]. Факт произнесения

[35] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.I. Кн. 2. С. 261.

[36] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.I. Кн. 1. С. 167. Ср.: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.I. Кн. 2. С. 253.

[37] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т.I. Кн. 2. С. 253.

[38] Там же. С. 205.

этих слов не бесспорен, но они в полной мере соответствуют представлениям монголов XIII в. о самих себе и своей небесной миссии, насколько это становится явным из анализа различных, независимых друг от друга источников. В данном случае у нас есть основания поверить в реальность произнесенных Чингисом слов, так как, по-видимому, именно в Бухару было доставлено имущество его каравана, разграбленного в начале 1218 г. в Отраре наместником хорезмшаха.

Из более поздней монгольской литературы известно, что в народном сознании Чингис-хан со временем приобрел свойства демиурга, но можно уверенно предположить, что эта традиция была заложена еще в имперскую эпоху, что не ускользнуло от внимания Рашид ад-Дина. Чингис-хан в его повествовании творит упорядоченный мир из социального хаоса, в котором, по его собственным словам, до него пребывали народы: сыновья не слушали наставлений отцов, жены не следовали повелениям мужей, сильные не покровительствовали слабым, все пренебрегали законами, а «воры, лжецы, враги и [всякие] мошенники затмевали солнце»[39]. «Вот такие неупорядоченные и безрассудные народы, — пишет Рашид ад-Дин, — как только взошло счастье Чингиз-хана, подчинились ему, и его чрезвычайно строгая яса водворила у них порядок [джамиши]: тех, кто были мудрыми и храбрыми, он сделал эмирами войска, а тех, кого он нашел проворным и ловким, поручив им стан [угрук], сделал заведующими табунами [галлабан], невежд же, дав им плети, послал пасти скот. По этой причине дело его изо дня в день растет, словно молодой месяц, и с неба силою всевышнего господа нисходит к нему божья помощь, а на земле с его помощью появляется благоденствие»[40]. Трудно поспорить, что обрисованная здесь «кадровая политика» являлась одним из краеугольных камней империи. Чингис-хан вряд ли добился бы успеха, если бы ставил на ключевые посты своих родственников и друзей невзирая на их реальные достоинства — или отсутствие таковых. Вместо

[39] Там же. С. 259.

[40] Там же.

этого, как известно, в его ближний круг попадали совершенно чужие, порой безродные люди, но зато сумевшие доказать ему не только свою безусловную преданность, а также и наличие военных или административных талантов.

Как и подобает основателю могучего государства, Чингис-хан «упорядочил и собрал воедино правила и законы государевы и предпослал обычаи распространения справедливости и попечения о подданных»[41]. Речь здесь идет о так называемой *Великой Ясе*. Однако образ Чингис-хана, как законодателя, больше напоминает библейского пророка. В «Сборнике летописей» *Яса* выглядит не как сборник светских законов, а как свод неких сакральных правил, которых не видел никто, кроме потомков Чингис-хана, но которым все обязаны безоговорочно следовать. Неоднократно подчеркивается, что *Яса* не подлежит какому-либо изменению, «переиначиванию», и этим она напоминает ветхозаветные заповеди, моральные императивы, данные Чингис-ханом на века. Не случайно сам он предостерег своих потомков, что если они будут пренебрегать ими, созданное его усилиями государство придет в упадок, и тогда «будут страстно искать Чингиз-хана, но не найдут»[42]. Эта тема стала злободневной в последующие века, когда единства не было даже на монгольских землях, которые к тому же постепенно попадали в зависимость от маньчжуров. Хотя для Рашид ад-Дина Чингис-хан — все-таки не главный персонаж его исторического труда, и частота его упоминаний снижается в частях книги, посвященных его потомкам, его наследие демонстрируется настолько актуальным, что создает иллюзию «вечно живого» Чингис-хана. Постоянные упоминания *Ясы*, в согласии с которой должны были жить и действовать все подданные Монгольской империи, но в первую очередь — сами Чингисиды, усиливают это ощущение.

Помимо *Ясы*, Чингис-хану приписывают мудрые изречения — *билики*, целую подборку которых можно видеть и в книге

[41] Там же. С. 61.

[42] Там же. С. 260.

Рашид ад-Дина[43]. Они затрагивают разные вопросы, в основном, государственного управления, и, возможно, по большей части действительно принадлежат Чингис-хану. Упомянем некоторые из них, характеризующие его как государственного деятеля. Заслуживает внимания следующий *билик*, который, правда, производит впечатление апокрифического: «Однажды в молодые годы Чингиз-хан встал на рассвете, а в его чубе [какул] уже побелело несколько волосков. Приближенные задали [ему] вопрос: "О, счастливый государь, возраст твой не достиг еще порога старости, почему же в твоем чубе появилась седина?!" В ответ он сказал: "Так как всевышний господь пожелал сделать меня главою и старейшиною туманов и тысяч и водрузить бунчук [тук] моего благоденствия, то он проявил на мне знак старости, который является знаком старшинства [михтари]"»[44].

Акцентируется необходимость регулярного выслушивания этих поучений кадровым составом монгольской армии: «Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, [и] тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников!»[45] К этому примыкает по смыслу следующее высказывание великого хана: «Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и [целое] владение [мулк]; каждый, кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек,

[43] Современные монгольские историки подготовили два сборника изречений Чингис-хана, извлеченных из различных источников: *Нацагдорж Ц.* Чингис хааны сургаалын товчоон. Чингис хааны зарлигийн товчоон. Боть 1–2. Улаанбаатар: Адмон, 2006; *Чоймаа Ш.* Чингис хааны билиг сургаал. Улаанбаатар: Болор судар, 2023. Естественно, не каждое высказывание великого хана можно относить к жанру поучений.

[44] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 265.

[45] Там же. С. 260.

достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман: он сможет выстроить их к бою»[46]. Воины удостоились отдельного наставления: «Среди [мирного] населения будьте смирны, как малый теленок, а во время войны кидайтесь в бой, как голодный ястреб, бросающийся на дичину»[47]. Надо заметить, что дисциплина в монгольской армии была строжайшей, и если где-то чинилось насилие над мирными жителями, то только с разрешения военачальников, которые следовали заранее разработанной стратегии, вносившей ясность в вопрос, где и когда следует устраивать кровавую баню, а где необходимо воздерживаться от такого рода эксцессов.

Наконец, один из *биликов* характеризует самого Чингиса весьма негативно, как грубого варвара, но зато уравновешивает панегирическую тональность изложения и как бы низводит хана с небес. Как-то раз Чингис-хан спросил у своих приближенных, в чем состоит «высшая радость и наслаждение» настоящего мужчины. Не согласившись с высказанными мнениями, он якобы изрек: «Вы не хорошо сказали! [Величайшее] наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, [в том, чтобы] сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, [в том, чтобы] превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды [“унаб] сосать!”[48]. Возможно, несколько шокированный собственным рассказом, персидский историк заключает его красноречивым восклицанием: “Да будет мир над людьми мира!”[49]

Рашид ад-Дин повторяет мысль, высказанную до него Джувейни: благодаря согласию и единодушию Чингис-хан и его

[46] Там же.

[47] Там же. С. 261.

[48] Там же. С. 265.

[49] Там же.

род смогли покорить большинство государств, причем цитирует заповедь самого Чингиса сыновьям: “Пока вы будете в согласии друг с другом, вам будет сопутствовать счастье и враг не одержит [над вами] победы”[50]. Вообще, тема единства получила в монгольской литературе большое развитие, она воспроизводится во многих летописях и дидактических сочинениях XVII — начала XX вв., и нередко связывается именно с поучениями Чингис-хана.

Рашид ад-Дин также приводит важнейшие сведения об обстоятельствах смерти и погребения Чингис-хана, получившие в современной науке большое признание. Среди обилия легенд, затмивших реальность и очень осложнивших поиски его могилы, эти сведения выглядят довольно правдоподобно и указывают на гору Бурхан-Халдун в горной системе Хэнтэя, где, скорее всего, и были скрыты ханские останки. Интересно, что Чингис-хан якобы сам распорядился похоронить его в том месте, где однажды во время охоты под одиночно стоявшим деревом он обрел “некую отраду”[51], которую в свете центрально-азиатских религиозных представлений можно трактовать как снисхождение небесной силы на избранника Неба посредством “мировой оси”, которой здесь является как сама гора (видимо, родовая), так и стоящее на ней одиночное дерево.

Итак, мы имеем основание заключить, что, несмотря на ясно выраженную тенденцию к мифологизации образа Чингис-хана и порой его определенную шаблонность, Рашид ад-Дин изобразил его в своем труде как реальную, цельную, сильную личность, а приписываемые ему высказывания, по-видимому, в значительной части близки к тому, что на самом деле могло слететь с его уст. Несмотря на неизбежную тенденциозность, “Сборник летописей” давно и заслуженно признан научным сообществом как ценнейший и во многом объективный источник. Это же можно сказать и о тех сведениях, которые его автор сообщает о Чингис-хане.

---

[50] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 139.

[51] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 234.

Yu. I. Drobyshev

The Image of Chingis-Khan in the "Collection of Chronicles" by Rashid al-Din

Summary. The article analyzes the image of Chingis-khan, captured in one of the most important sources on the history of the Mongol Empire — the "Collection of Chronicles" by Rashid al-Din. Despite the fact that this work was created several decades after the death of the great khan, information contained in it is generally trustworthy, as it was gleaned from the earlier sources, as well as from the stories of reputable experts on Mongolian antiquity. Being in the service of the Ilkhans, the author predictably did not avoid exaggerating the merits and omitting the shortcomings of his hero. Rashid al-Din created his somewhat idealized image, but at the same time he managed to portray Chingis-khan, who by that time had already turned into a legend, as a real, strong, purposeful personality. Rashid al-Din emphasizes the support of the Higher Powers which Chingis-khan received throughout his life, and convinces his reader that the victories were predicted and the defeat of his enemies was inevitable. The author endows his hero with a number of positive qualities, while portraying his opponents as illegal usurpers. Apparently, the characteristics of Chingis-khan in the "Collection of Chronicles" are close to the truth. They echo information from other sources. The historian also cites the khan's teachings, which reveal his views on power, and many other materials concerning various aspects of Chingis-khan's life and activities from his birth to his death.

А. Ш. Кадырбаев
Институт востоковедения РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/kukt-tv8e-6gkt

Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия

Аннотация. В ряде источников содержатся сведения о внешнеполитических связях кыпчаков и канглы в конце XII — начале XIII в. География этих связей была обширна, так как кыпчаки и канглы занимали огромные территории от Дуная на западе до Алтая на востоке, от лесостепной полосы Южной Сибири на севере до границ Хорезма на юге. В трудах китайских, персо-арабоязычных и тюркоязычных авторов, русских летописях, византийских, европейских, грузинских, армянских источниках приводится большое количество данных, характеризующих внешнеполитические связи кыпчаков и канглы с Грузией, Византией, Хорезмом, Центральной Европой, Центральной и Восточной Азией.

«От Никопсы до Дербента». Кыпчаки в Грузии XII–XIII вв.

На протяжении своей истории Грузия имела весьма тесные связи с различными тюркскими племенами и народами, в том числе с кыпчаками. Впервые кыпчаки упоминаются в сочинении грузинского историка Леонтия Мровели «История грузинских царей первых отцов и родственников» не позднее 60-х годов XI в. Кыпчаки упоминаются также в сочинении историка конца XI в. Джуаншера «Жизнь Вахтанга Горгасала». В 1118 г. грузинский царь Давид IV Строитель, прославленный объединитель, возглавивший борьбу христианских народов Закавказья против нашествия туркмен-сельджуков, создавших великую империю раннего средневековья Сельджукский султанат, (чьи пределы раскинулись от Центральной Азии и Индии на востоке, до Малой Азии, Месопотамии, Сирии и Египта на западе ставшего главной

силой мусульманского Востока против крестоносцев Запада, рвавшихся несколько веков к «Гробу Господню» в Иерусалиме) отправил своих послов повелителю кыпчаков предкавказских степей хану Атраку с предложением переселиться его подданым в Грузию и служить грузинскому престолу. Согласно сведениям грузинских источников с Атраком пришло 40 тысяч кыпчаков, в том числе 5 тысяч отборных воинов. Грузинские ученые полагают, что в грузинской летописи указано только число кыпчакских воинов, вместе же с семьями их было 230–240 тысяч. Давид Строитель наделил их землями для поселения на восточных и юго-восточных рубежах страны. Эти территории по своим природным условиям были пригодны для ведения кочевого хозяйства, а кроме того, они образовывали своеобразный барьер для прикрытия от врага подступов к центральным районам грузинского государства в наиболее уязвимых местах. 5 тысяч отборных кыпчакских воинов сформировали личную гвардию грузинского государя[1].

Начиная с этого времени, кыпчаки стали играть важную роль в военной организации Грузинского царства, во всяком случае, ни один поход в последующие годы жизни Давида IV не обходился без их участия. Кыпчаки громили туркмен-сельджуков в Дидгорских горах в 1123 г., где из 56 тысяч войск Давида IV, кыпчаков насчитывалось 15 тысяч; участвовали во взятии Тбилиси в 1122 г. и походе на Ширван в 1123 г. Как и все умные и деятельные правители, Давид Строитель использовал военную силу кыпчаков не только в борьбе с внешними врагами, но и внутренними — грузинскими владетелями, выступавшими против политики централизации. Хан Атрак стал влиятельной особой при дворе Давида IV. Его влияние опиралось не только на силу кыпчакских воинов, но и на родственные отношения с грузинским царем. Последний выдал за него свою дочь Гурандухт. Кыпчаки были скорее союзниками, нежели вассалами грузинского царя. После смерти Давида Строителя в 1125 г. значительная часть кыпчаков

[1] *Анчабадзе З.В.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. / Сб. МНсПБКН. Нальчик, 1960. С. 115–117, 125.

во главе с Атраком вернулась в родные степи. Летопись сохранила поэтический рассказ о возвращении Атрака и последовавшими за этим событиями. Брат Атрака Сырчан отправил своего любимого степного певца-импровизатора Орева и просил брата вернуться в родные степи: «Воротится, брате, поиде в землю свою». Не исключая, что Атрак может и не захотеть «своей земли», Сырчан приказал Ореву: «Пои же песнь половецки… дни ему поухати зелья имени евшан (жусан, вид степной травы)». Песни должны были напомнить Атраку о воинской славе, а евшан — запах детства и юности, прошедших в богатых степных просторах. И в самом деле, Атраку, несмотря на ностальгию после прослушанных песен, все же не хотелось уезжать от роскошной жизни в ореоле воинской славы при грузинском дворе. Он колебался и отказывался. И только тогда передал ему Орев траву евшан, понюхав которую, Атрак воскликнул: «Лучше есть на своей земле костью лечи, нали на чуже славу быти!».

Так случилось, и в конце 20-х годов XII в. Атрак вновь откочевал в родные степи, на земли предков. Думается, не все кыпчаки вернулись с ним. Факт, что много кыпчаков осталось в Грузии, подтверждается сообщением грузинских летописей. Грузино-кыпчакские связи не ослабевали и при преемниках Давида IV. Переселение кыпчаков в Грузию продолжалось. В годы правления Георгия III (1156–1184 гг.) были переселены десятки тысяч кыпчаков. Интересно отметить, что в период правления царицы Тамары (1184–1213 гг.), самой знаменитой и почитаемой из царей и цариц за все время грузинской истории, раздвинувшей владения своего государства «от Никопсы до Дербента», в Грузии существовал термин «новые кыпчаки». Так называли новых пришельцев из Дешти-Кыпчака в отличие от потомков, переселившихся при Давиде IV кыпчакских воинов, «многие из которых уже именовались “на-кипчакара”», т.е. «бывшие кыпчаки». Грузинская летопись сообщает о брате «кыпчакского царя» на службе у царицы Тамары. Это был, несомненно, один из членов семьи Атрака, возможно, судя по возрасту, его сын. Есть данные грузинских источников о многочисленных кыпчакских отрядах в войсках Георгия III и Тамары. К тому же супругой Георгия III

и матерью Тамары была рано умершая красавица Бурдухан, дочь половецкого хана. Во время Георгия III одним из ближайших доверенных лиц царя был кыпчак Кубасар, назначенный на пост амирспасалара — главнокомандующего войсками Грузинского царства. Кубасар сохранял свое положение и при царице Тамаре в начале ее царствования, но затем был смещен из-за интриг при грузинском дворе[2].

И в начале XIII в. в эпоху монгольского нашествия кыпчаки находились на грузинской службе. В 20-х годах XIII в., последний хорезмшах Джалал-ад-Дин Манкбурны, преследуемый полководцами Чингиз-хана, после долгих скитаний направился в Грузию. Это обеспокоило правителей Грузии, Армении, государства сельджуков в Сирии, опасавшихся, что хорезмшах проникнет и в пределы их государства. Тогда они заключили союз, чтобы разбить хорезмийцев совместными усилиями. Основная тяжесть этой войны пала на Грузинское царство, в войсках которого служили и кыпчаки. Персидский историк XIII в. Рашид-ад-Дин пишет, что перед сражением Джалал-ад-Дин решил взглянуть на войска врагов. Он «выехал на холм и увидел знамена кыпчаков с 20 тысячами людей». Джалал-ад-Дин отправил своего сподвижника, возможно кыпчака, Кушкара с подарками к предводителю кыпчаков с целью уговорить их покинуть поле боя и не проливать кровь своих соплеменников, составлявших значительную часть армии хорезмшаха. Этот маневр увенчался успехом, кыпчаки отошли в сторону и войска грузин и их союзников, принявшие бой с Джалал-ад-Дином, были разгромлены[3].

В XII–XIII вв. грузины и кыпчаки встречались на полях сражений не только как союзники, но и как враги. Так, много кыпчаков служило в войсках воевавших с Грузией атабеков Южного Азербайджана, Гянджи, эмиров Дербента. Об этом красноречиво свидетельствует армянский историк XIII в. Киракос Гацдзакеци: «Когда минуло некоторое время, поднялись другие войска из

[2] Полное собрание сочинений русских летописей. М., 1962. С. 716; *Можейко И.В.* 1185 год. М., 1989. С. 283–290.

[3] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2, М.; Л., 1952. С. 28.

гуннов, которых называют кыпчаками, и явились в Грузию к царю Лаша (Георгию) и азарапету Иванэ, чтобы последние выделили им место для поселения, а они (кыпчаки) служили бы им верою. Но они (царь и Иванэ) не согласились дать им пристанище.

Тогда они ушли (оттуда) и обратились к жителям города Ганздак (Гянджа). Те охотно приняли их, ибо их очень притесняли грузинские войска, разорявшие их страну к угонявшие в плен людей и скот. Предоставили им место для поселения в окрестностях города, помогли им продовольствием и питьем, надеясь с их помощью противостоять царству грузинскому. А войско гуннов обосновалось там и обрело покой.

Тогда Иванэ собрал войско, и кичась, выступил против них, он спесиво грозился стереть их город с лица земли и полагался на силу своего войска, а не на бога, который дарует победу, кому желает. Когда они сошлись, варвары спокойно вышли из своего логова и предали мечу усталое и отчаявшееся грузинское войско; многие были взяты и плен, остальные обратились в бегство. В этот день христианское войско понесло великое поражение, и бог покинул их, доходило до того, что какой-нибудь никудышный человек гнал перед собой множество храбрых и прославившихся в боях мужей, подобно пастуху, погоняющему стадо, ибо господь отказался покровительствовать их оружию и отрекся от них в бою. (Кыпчаки) приводили знатных мужей и обменивали их на пустячную одежду и съестные припасы…»[4].

В XI — начале XIII в. кыпчаки проживали и на территории современного Азербайджана, где они, видимо, появились и в качестве пленных, из которых правители туркмен-сельджуков формировали гвардию гулямов, воинов-рабов. К их числу относился Шамс-ад-Дин Ильдигиз, кыпчак по происхождению, основатель династия Ильдигизидов в Азербайджане. Ильдигиз служил в гвардии гулямов правителей султаната Сельджукидов. Он привлек внимание сельджукской знати своей необычайной храбростью и был взят на службу ко дворцу хана Масуда, у которого пользовался большим доверием. В 1146 г. Ильдигиз

[4] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. М., 1976. С. 139.

становится сельджукским наместником в Иране в Азербайджане, провинциях, находившихся тогда под властью Сельджукидов. Спустя полвека, после падения династии Сельджукидов в Иране, потомки Ильдигиза — сын Джахан Пехлеван и внук Узбек сохранили эти земли в своем владении. Династия Ильдигизидов в Азербайджане просуществовала до 1225 г., столицей их был город Тебриз[5]. У великого поэта мусульманского Востока того времени, уроженца средневекового Азербайджана Низами из города Гянджи, творившего в основном на языке фарси, а также на тюркском, мать была кыпчачкой и звали ее Аппак или Афак.

В 1222 г. Закавказье подверглось нападению кыпчаков, вытесненных из степей Дешти-Кыпчака монгольскими завоевателями. Кочевники опустошили Ширван и пограничные области Грузии. Вместе с тем, существовали поселения кыпчаков и в Армении, где они жили с местным армянским населением. До нашего времени сохранились армяно-кыпчакские письменные памятники, где тексты написаны по-кыпчакски армянским письмом.

Данные грузинских летописей показывают, что кыпчаки, проникавшие в Грузию в XII–XIII в., сохраняли свою этническую индивидуальность до начала XIV в. После этого кыпчаки больше не упоминаются в грузинских источниках, так как, по-видимому, они этнически смешались с грузинами и другими народами Закавказья. Память о кыпчаках сохранилась в топонимии и в грузинских народных преданиях[6].

Кыпчаки и «Второй Рим»

Кыпчаки были не первыми тюрками-кочевниками, сыгравшими заметную роль в истории Византии. Начиная с VI в. в Византийской империи появляются немногочисленные тюрки — в торговых колониях, посольствах, отрядах военных наем-

[5] *Д'Оссон. К.* История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. I. Иркутск, 1837. С. 187.

[6] *Анчабадзе Г.З.* Кыпчаки в Грузии. Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976. С. 13–14.

ников — булгары, сувары. В VII–IX вв. у византийских императоров служили хазары, византийские императоры часто женились на хазарских принцессах, которых обычно сопровождали свиты из Хазарского каганата. В своей «De ceremoniis aulae byzantinae» Константин Багрянородный упоминает хазар в составе элиты византийской императорской гвардии в Константинополе. Но к X в. волны тюркских кочевников сотрясают до основания «второй Рим», ставя под вопрос само его существование. Тюркоязычные огузские племена — печенегов, торков-узов, сельджуков с северо-запада и с востока тревожили византийские города. Казалось, из степей Центральной Азии, из коренных огузских степей Приаралья на территории современного Казахстана, протянулись две огромные клешни на севере в лице печенегов и торков, на востоке — сельджуков, которые грозили, сомкнувшись, раздавить Византию.

И новая волна тюркских кочевников, на этот раз кыпчаков или команов, куманов византийские хроник, поднимает эту опасность на более высокую ступень. Кыпчаки показались византийцам ничуть не лучше их тюркских предшественников, византийские авторы не скупились на эпитеты, когда писали о кыпчаках, как о северных варварах. Евстафий Солунский, автор XII в. вставил в свою речь, обращенную к императору Византии Исааку Ангелу, такую характеристику кыпчаков: «Это летучие люди и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство. Не таковы даже коршуны, плотоядный род и всем ненавистный, таковы разве грифы, но которых благодетельная природа удалила в места необитаемы. Волчьи обычаи воспитали таких людей: дерзкий и прожорливый волк легко обращается в бегство, когда появится кто-нибудь страшнее. Точно также и этот народ». Но, несмотря на столь нелестную оценку, обратиться за спасением от гибели в лице печенегов византийским императорам пришлось к кыпчакам. Помощь, которую предложили императору Алексею Комнину кыпчакские ханы причерноморских степей, была нежданной и поначалу, задабривая кыпчакских послов щедрыми подарками, заверил их, что пока нет нужды в помощи,

но как только такая необходимость возникнет, он будет иметь в виду это предложение[7].

В 1090 г. Византийская империя попала в особенно тяжелое положение. В Малой Азии угрожали сельджуки, на северных границах печенеги. Алексею пришлось все-таки обратиться за помощью к кыпчакам. Он послал посольство в их кочевья, опасаясь, что кыпчаки сговорятся с печенегами против Византии.

Одновременно Алексей обратился к римскому папе и западноевропейскому рыцарству. Он звал их спасти Византию от «неверных и поганых варваров». «Пусть лучше Константинополь достанется вам, чем тюркам и печенегам». Но кыпчакские ханы опередили крестоносцев и первыми появились на Босфоре. Это были герои многих древнерусских летописей — «шелудивый», «поганый», «неверный» Боняк и «свирепый, хищный» Тугорхан, он же Тугарин Змеевич русских былин и сказаний.

Этих ханов, которые не признавали ничего более благородного и приятного, чем суровый кочевой образ жизни, и не стремились постичь тонкий придворный этикет византийского двора, Алексею Комнину пришлось потчевать в своих роскошных покоях, дарить им золото и пурпурные одежды, льстить и угождать им, целовать их в жирные от конского и бараньего мяса губы. С щедростью, свойственной широкой натуре кочевника, предложили они византийцам половину будущей добычи. Алексей отказался от доли в трофеях, но оттягивал развязку, боясь решительного боя с печенегами. Лишь когда кыпчаки заявили: «Знай, что мы не будем ждать более. Завтра с восходом солнца мы будем есть либо волчье мясо, либо баранье», — Алексей решился. Эта изысканная фраза означала, что кыпчаки решили вступить в бой если не с печенегами, то с византийцами.

Фортуна изменила печенегам, бой был выигран кыпчаками и византийцами. Много печенегов попало в плен, и в ночь после боя 20 апреля 1201 г. византийцы устроили резню безоружных

[7] *Федоров-Давыдов Г.Ф.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 47–48; Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989.

пленных, вызвав возмущение своих союзников-кыпчаков. Вскоре кыпчаки вновь пришли на Балканы, но уже как враги Алексея Комнина, поддержав самозванца, некоего Лжедиогена, претендента на византийский трон. Алексей с большим трудом отразил эту новую опасность и отогнал кыпчаков[8].

Но не все печенеги и кыпчаки ушли, некоторые оставались на византийской службе и после всех этих событий. Немало было на службе византийских императоров и туркмен-сельджуков. Тюркская иммиграция возрастает со второй половины XI в. (засвидетельствовано трое высокопоставленных лиц из их среды при византийском дворе) и становится особо активной при Комнинах. Со времени Алексея I ведут свой род Татикии и Камицы, кроме того на службе у императора было не менее трех полководцев — выходцев из туркмен-сельджуков. Верными слугами и ближайшими императора Алексея I именуются его фавориты, среди которых называют и тюрка Евстафия Камица. По-видимому, и при императоре Иоанне II Евстафий Камиц принадлежал к числу его наиболее приближенных особ и был включен после смерти в поминальный список Пондократорова монастыря. Девять представителей семьи Камицев были носителями высших титулов византийской элиты, они считались представителями военной знати. Социальное лицо Татикиев проступает не более определенно. Основатель семьи — сын невольника, слуга Алексея I, ставший придворным и военачальником. В дальнейшем Татикии встречаются на гражданской службе, например, Константин Татикий, и на военной, Татикии относятся к той части византийской знати иноземного происхождения, представители которой поднялись с низших ступеней социальной лестницы к вершинам власти. К их числу относятся булгары Канчу и Травл, возможно тюркского происхождения.

На царствование Иоанна II падает возвышение выходцев из туркмен-сельджуков Аксухов, и возможно, начало Самухов. Некоторые из Самухов достигли высоких постов в иерархии

[8] *Федоров-Давыдов Г.Ф.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 49–52; Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.

византийской православной церкви. При Мануиле I, помимо семьи Просухов, известно не менее 4–5 тюрок военачальников. Интересно отметить, что хотя тюрки в основном были воинами и, казалось бы, далеки от интеллектуального труда, тем не менее, среди них известны поэты. Так, например, Никифору Просуху принадлежат стихи в честь Марии Египетской, но время жизни поэта неизвестно. В конце XII в. засвидетельствовано 3 или 4 тюрок, выходцев из сельджуков, но это либо эпизодические, либо сравнительно мало заметные фигуры. Описывая переселение туркмен-сельджуков под покровительство Византии, панегирист Мануила I Евстафий Солунский отмечает в их среде простой народ и тех, кто выделяется по родовитости и славится мужеством. Мануил I был особенно благосклонен к приближенным, выходцам из других стран, «варварам», говорившим на других языках, в частности, к тюркам, считая чужеземцев самыми преданными слугами.

Влияние выходцев из тюрок усиливали их родственные связи с императорской династией. В византийском общественном сознании с конца XI в. сложилось представление, что родственники императорской семьи составляли особую общественную категорию. В родстве с Комнинами, например, состояли Аксухи, Камицы, Татикии. Камицы сохраняли родство и с влиятельными семьями византийской аристократии и были крупнейшими землевладельцами. Камицы и Аксухи были активными участниками в борьбе за власть при византийском дворе во второй половине XII в. Просухи в конце XII в. активно поддержали императора Андроника в его претензиях на византийский престол.

Степняки — печенеги, торки, кыпчаки — находились в довольно большом числе на византийской службе в середине XI в. при Алексее I. К их числу можно отнести известного полководца, печенега Кегена. Затем их следы исчезают, и только в конце XII в. мы встречаем в византийских войсках кыпчакского полководца Альпамиша. Две семьи, печенеги или кыпчаки, появившиеся до середины XI в., не пережили царствования Алексея I, Караджи и Алакасеи, и только третья семья Циты (тоже неясно — печенеги или кыпчаки), начинающая свой путь

при этом государе, занимала высокое положение до XIII в. Эта семья представлена полководцем при Алексее I Михаилом Цитом. При Мануиле I и Алексее II один из Цитов был придворным, а в начале XII в. двое Цитов — высокопоставленные чиновники. Большинство тюрок-степняков относилось к военной служилой знати. Византийский источник от 1181 г. упоминает кыпчакского военачальника на византийской службе Масута Арменопула[9].

Около 10 тысяч кыпчаков переселилось в пределы Византийской империи. Хорошо зная мятежный нрав кочевников и опасаясь их усиления, император отвел им места поселения в различных частях империи. Значительная группа кыпчаков была поселена в Македонии, некоторая часть отправилась в Малую Азию и бассейны рек Меандры и Фракии. В византийских войсках кыпчаки использовались в качестве легкой кавалерии или для гарнизонной службы.

Иноземная знать на византийской службе воспринималась как особая общественная группа. Византийцы часто противопоставляли себя пришлому элементу. Проблема отношения к иностранцам вызывала споры и в XII в. Никита Хониат — видный общественный деятель, возмущался засильем «полуварваров» в империи, а Солунский напротив восхвалял Мануила I за привлечение людей из многих стран на службу Византии. Так, в одном послании Хониат перечисляет в окружении императора Андроника знатных родом, и «верных императору», «вооруженных секирами полуварваров». Иноземная знать составляла важный элемент господствующего класса Византии, около четверти общего числа знатных родов империи — свыше 80 фамилий. Из этих 80 фамилий — восемь были тюркского происхождения, в том числе кыпчакского, печенежского, сельджукского. Еще пять знатных фамилий — Хасаны, Кацамунды, Казаны, Хамтуны, Халуфы могут быть тюркскими или арабскими. Иноземная по происхождению византийская знать разнилась по своим соци-

[9] *Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 148, 163, 165, 201–202, 215, 217, 244, 261–262.

альным функциям. Одни — наемники, чьи обязанности ограничивались известным сроком, а права исчерпывались получением жалованья. Эпизодичность службы типична, прежде всего, для скандинавов и славян, для аланов и выходцев с Кавказа и для многих западноевропейцев.

Другие иноземцы, становясь советниками императоров, командирами императорской гвардии, константинопольскими вельможами, прочнее оседали в Византии, принимали православную христианскую веру, вступали в родственные связи с византийской знатью, в том числе и с царствующим домом, и постепенно становились «своими» в византийской правящей элите. К ним относятся упомянутые выше потомки выходцев из тюркских племен, в том числе и кыпчаков. Но все же, тюркам, как и выходцам из других стран — кавказцам, славянам, арабам, западноевропейцам принадлежала наиболее заметная роль в формировании военной знати Византии, хотя они были представлены и на гражданском поприще, где доминировали собственно представители византийской знати — выходцы из греческих провинций империи. Уже к середине XII в. византийские военачальники — выходцы из тюрок постепенно оттесняют от военного командования латинян-западноевропейцев. Тюрки неплохо служили империи. Отрядами печенегов и кыпчаков время от времени пользовался Алексей I и его преемники, чтобы обуздывать наемников-крестоносцев. В 1205 г. кыпчаки в союзе с Болгарским царством наголову разгромили западноевропейских крестоносцев у Андрионополя и взяли в плен их предводителя императора Балдуина, который в 1204 г. захватил и разграбил столицу Византии Константинополь[10]. В 1242 г. кыпчаки участвовали в осаде византийцами Фессалоник, где после ее взятия, в 1252 г. византийский император Феодор II

[10] *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958, № 62; *Киракос Гандзакеци.* История Армении. М., 1976. С. 139; Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 23; *Ахинжанов С.А.* Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма. Археологические исследования в Казахстане. С. 64–70.

разместил 300 кыпчаков для гарнизонной службы. В 1259 г. 2000 воинов легкой кыпчакской кавалерии сражались за Византию в ее очередной войне, а в 1261 г. 800 кыпчаков в составе войск Алексея Стратегопулоса захватили Константинополь. В 1263–1264, 1270–1272 и 1275 гг. значительные кыпчакские контингенты участвовали в европейских походах императора Михаила VIII. Последнее упоминание в византийских источниках о кыпчаках в Византии относится к 1292 г. в связи с военной кампанией Византии против Эпира, где главной силой в лице 14000 конников были тюрки и кыпчаки. Согласно сербским источникам в 1312 г. две тысячи кыпчаков из Сербии прибыли на византийскую службу. В 1327 г. их направили на острова в Эгейском море. Активное участие приняли кыпчаки в борьбе за византийский трон между императорами Андроником II и его внуком будущим императором Андроником III, когда зять Андроника II сербский король Стефан Урош II (Милутин) послал своему тестю на помощь две тысячи подчиненных ему кыпчакских воинов. Эти кыпчаки остались на византийской службе и не вернулись в Сербию. Хотя из источников неясно, когда эти две тысячи кыпчаков прибыли на византийскую службу, известно, что в 1312 или 1313 г. сербский король Милутин послал на помощь старому Андронику двухтысячный конный отряд. Эти две тысячи кыпчаков находились по командованием сына старого императора Андроника, его соправителя Михаила IX, в Далмации. Позднее эти кыпчаки были поселены на островах Лемнос, Тасос и Лесбос. После смерти императора Михаила IX, правившего совместно с отцом Андроником II, среди основных врагов старого государя находился некий Сергианнес, потомок знатного кыпчакского рода, появление которого зафиксировано в Византии в 1220–1254 гг. В 1315 г. он стал наместником в Македонии, в 1320 во Фракии. В итоге он запутался в придворных интригах, бежал в Сербию и был убит там агентами Византии.

Тюрки-кочевники и Византия большая и интересная тема, и она еще ждет всестороннего исследования, в данном случае лишь предпринята попытка обозначить ее контуры.

Кыпчаки и канглы в улусах киреитов и найманов, в уйгурском Турфанском княжестве, империи Цзинь

Что касается взаимоотношений кыпчаков и канглы со своими восточными соседями — народами Центральной Азии и Дальнего Востока, то сведения об этом в основном содержатся в китайских источниках. «Юань-ши», например, свидетельствует о наличии политических и территориальных связей канглы с одним из наиболее крупных государственных образований Центральной Азии того времени — улусом киреитов, занимавшим земли в долине реки Толы, в районе среднего течения реки Орхон и бассейна реки Онгин в Северной Монголии, о службе представителей знати канглы у правителя киреитов Тоорила Ван-хана: «Бухуму… Его предки из поколения в поколение были знатными людьми племени канглы. Хайланьбо (Кайранбай — дед Бухуму) служил у киреитского Ван-хана. Когда Ван-хан был уничтожен (монголами), то Хайланьбо (Кайранбай) бросил семью и, в сопровождении нескольких тысяч всадников, умчался в северо-западном направлении. Тайцзу (Чингиз-хан) направил посла и призвал его прибыть к нему (т.е. покориться). Ответ следовал такой: “В прошлом у Ван-хана служили я и император (Чингиз-хан). Сейчас Ван-хан умер, я не могу изменить тому, кому служил”. И после этого скрылся в неизвестном направлении. Все его десять сыновей были взяты в плен (Чингиз-ханом). Самым младшим в возрасте шести лет был Яньчжэнь (Алчин). Император (Чингиз-хан) отдал его императрице Чжуаншэн (императрица Чжуаншэн, жена сына Чингиз-хана — Толуя, мать великих ханов Мункэ и Хубилая, была киреиткой по происхождению). Императрица пожалела его и воспитала, а затем направила его служить к своему сыну Шицзу (Хубилаю). Когда он вырос, сопровождал его (Хубилая) в походах. Имел заслуги»[11].

Наличие тесных связей между канглы и киреитами подтверждаются и данными ряда других китайских источников,

[11] «Юань-ши» («История династии Юань») — в серии Соинь-бона-бэнь, 24 династийные истории, Пекин–Шанхай, 1958. Цз. 130. С. /1502/27454.

в которых имеется и более определенная традиция, сходная с традицией сообщаемой Рашид-ад-Дином и указывающая на генетические связи между этими народностями. В подтверждение этого сообщается, что семейство канглы Бухуму происходит от киреитов[12]. А в сведениях другого китайского источника «Мэнуэр-шицзи» еще более определенный текст: «Киреиты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, восточные киреитами»[13]. С киреитами были связаны и аргыны, о чем свидетельствует биография киреита Хасанна в «Юань-ши», который многие годы возглавлял отряд аргынов в составе армии монголов. Таким образом, можно предположить бытование стойкой генеалогической традиции у кочевников Центральной Азии, причисляющей киреитов к тюркскому кругу племен.

Как отмечает В.В. Бартольд, кыпчаки и канглы жили во владениях другого крупного государственного образования центральноазиатских кочевников — улуса найманов[14]. Рашид-ад-Дин пишет: «Эти племена найманов были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые в равнинах. Места, на которых они сидели… Большой Алтай… горы: Элуй-Сирас и Кок-Ирдыш (Синий Иртыш) — в этих пределах обитало также племя канглы, — Иртыш-мурэн, который есть река Иртыш…»[15]. Согласно сведениям Махмуда Кашгарского, «в междуречье Иртыша и Оби жили и кыпчакские племена каи или уран, к которым относились некоторые известные кыпчакские ханы»[16].

«Юань-ши» приводит данные, свидетельствующие о тесных родственных связях между знатью канглы и найманов. Так в биографии наймана Чаоса (Шаосы) записано: «Шаос из найманов. Его прадед Тайянь (Даян) был правителем найманского племени.

---

[12] ?*gel B.* Sino-Turcica, Taipei, 1964. P. 86.

[13] Ту Цзи. Мэнуэр-шицзи (Исторические записки о монголах), (б.м.), 1934. Цз. 20. С. 1а.

[14] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V. С. 6.

[15] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. С. 136–137.

[16] *Кашгарский М.* Девону лугат ат-турк. Т. I, Тошкент, 1960–1963, М., 1969. С. 6.

Его дед Цюйшулай (Кучлук)… Тайцзу (Чингиз-хан) разгромил племя (Кучлука)… Последний бежал к кара-китаям, оставив своего сына… Бэдэинь (Беде) — сын Шаосы (Чаоса). В то время, когда Шаосы умиротворял Цзинь, Бэдэинь жил с бабушкой по матери, которая была родом из племени канглы…»[17]. К этому можно добавить, что ранее во второй половине XII в. на родство найманов с канглы указывали также уйгурские путешественники. Рассказывая о виденном и услышанном по пути следования, они сообщили, что на Алтае обитают племена Нянь-ба-энь (найманов) и кангли (канглы)[18].

Таким образом, источники свидетельствуют, что в предмонгольское время в XI–XII вв. в улусах найманов и киреитов часть населения составляли тюркоязычные кыпчаки и канглы. Следовательно, разнообразное тюркоязычное население, этническое происхождение которого не вызывает споров и не является предметом дискуссии, продолжало обитать в Монголии и после крушений Тюркских и Уйгурского каганатов, как и доказывалось в ряде исследований ранее. Факты, отмеченные в «Юань-ши», еще раз подтверждают, что упрощенно-прямолинейная схема, до сих пор бытующая в некоторых работах, где утверждается, что после падений Уйгурского каганата все тюрки ушли из Монголии и в X–XII вв. ее опустевшие степи заняли монголы, может быть поставлена под сомнение. Она покоится на переходящей ошибке, которая состоит в том, что утрата правящей элитой своих доминирующих позиций отождествляется с гибелью этноса. Реальная же ситуация в степях Центральной Азии была намного сложней и многообразней.

Кыпчаки и канглы поддерживали отношения с улусом монголоязычных меркитов, кочевья которых располагались к северу от улуса киреитов на реке Селенге. Рашид-ад-Дин указывал, что правитель меркитов по имени Куду был убит в то время, когда покинул сражение с монголами и направился к кыпчакам. Много раз меркиты сражались с Чингиз-ханом[19]. Другой персидский

[17] «Юань-ши». Цз. 121. С. /1433/27375.

[18] «Цзинь-ши». Цз. 121.

[19] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. С. 124.

историк Джувейни также свидетельствует о том, что в 1218 г. в стране кыпчаков и канглы появились изгнанные Чингиз-ханом из Монголии меркиты, которых преследовали монгольские войска. Перед этим меркиты в своем движении на запад, вынуждены были идти через земли уйгуров, уже ставших союзниками монголов и напавшими на меркитов[20]. Сведения «Юань-ши», содержащиеся в биографии кыпчака Тутуха, подтверждают и дополняют сказанное Рашид-ад-Дином и Джувейни: «…Тайцзу (Чингиз-хан) совершил поход на меркитов. Их правитель Ходу (Куду) бежал к кыпчакам. Инассу (правитель кыпчаков) принял его. Тайцзу (Чингиз-хан) направил посла сказать: "Ты зачем спрятал изюбра, в которого я хотел пустить стрелу? Немедленно верни его. Не согласишься — принесешь себе беду". Инассу ответил: "Для воробья, бегущего от ястреба, даже заросли сомкнутся, чтобы он мог остаться в живых. Неужели я хуже травы и деревьев?" Тайцзу (Чингиз-хан) тогда приказал пойти походом и покарать его. Инассу уже состарился. В государстве (кыпчаков) не было единства. Сын Инассу по имени Хулусумань послал посла с изъявлением покорности Тайцзу. Но Сяньцзун (Мункэ-хан) получил приказ двинуть войска и уже стучался в их (кыпчаков) границы…»[21]. Другое сообщение «Юань-ши», которое приводится в биографии монгольского полководца Субудая, связывает преследование меркитов с его именем, а не с Мунхэ-ханом: «…Сразившись с меркитами (Субудай) разбил их в одном бою и пленил двух предводителей… Их (меркитов) правитель Ходу бежал к кыпчакам, Субудай преследовал его. Сразившись с кыпчаками, разбил их…»[22]. Наконец, аналогичные известия содержатся в монгольском источнике «Юань-чао-биши» («Тайная история монголов»): «Кучлук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к меркитскому Тохтоа… Подойдя к ним, Чингиз-хан завязал бой… Найманы и меркиты обратились

[20] *Bretschneider E.* Mediaeval researches from Asiatic sources. London, 1910. Vol. 2. P. 73.

[21] «Юань-ши». Цз. 128. С. /1486/27438.

[22] «Юань-ши». Цз. 121. С. /1413/27365–/1414/27366.

в бегство. При переправе через Эрдыш (Иртыш) они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу… найманы и меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее, разными дорогами…». Хотя вышеизложенные сведения разных историков сходятся не во всех деталях, в главном, а именно в бегстве меркитов к кыпчакам и канглы они совпадают. «Меркитские Тохтаевы сыновья, как и все прочие меркиты взяли направление в сторону канлинцев…»[23]. Факт бегства меркитов к кыпчакам и канглы также является одним из свидетельств связей кыпчакских племен с народами, обитавшими восточнее их. Подтверждением монголо-кыпчакских связей, а также предположения о том, что кыпчаки жили среди монголов, являются данные в биографии Есенхуду, о котором «Юань-ши» упоминает как о выходце «из монгольского кыпчакского рода»[24]. Первое же реальное письменное свидетельство о канглы появляется между 1161 и 1190 гг. в связи с описанием путешествия уйгурских купцов из Гуз-ордо (на реке Чу) в ставку императора чжурчжэней.

Канглы также поддерживали отношения и с империей чжурчжэней Цзинь, занимавшей территорию современной Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также Северного Китая. В китайских источниках, например, канглы под названием кан-ли также упоминаются в XII в. (1161–1189 гг.) в связи с посольством канглы и найманов ко двору Цзиньского императора[25].

Кыпчаки и канглы в Хорезме

Кыпчакские династии стояли во главе государств в Средней Азии. Особенно была заметна их роль в Хорезме. Государство хорезмшахов объединяло большую часть Средней Азии, весь нынешний Афганистан, Иран (кроме Хузистана), часть Южного

---

[23] *Козин С.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1951. С. 210.

[24] «Юань-ши». Цз. 121. С. /2159/28111.

[25] «Цзинь-ши» («История династии Цзинь») — в серии Соинь-бона-бэнь, 24 династийные истории, Пекин–Шанхай, 1958. Цз. 121. С. 1100. Цз. 130. С. /1502/27454.

Казахстана. Оно простиралось от Аральского моря и низовьев Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге, и от Памира и Сулеймановых гор на востоке до гор Загроса на западе. Это был конгломерат стран и народов, объединенных завоеванием вокруг Хорезма — очень богатой области старинной земледельческой ирригационной культуры. Экономическое (с X в.) и политическое (с XII в.) значение Хорезма сильно выросло благодаря тому, что столица его Гургендж (Ургенч) стала узлом караванных путей, соединявших Иран и Среднюю Азию со странами Восточной Европы, со степными тюркскими племенами современного Казахстана — восточным Дешти-Кыпчаком и с Китаем (через Монголию и Восточный Туркестан), он стал складочным местом и биржей транзитной караванной торговли. Но, вместе с тем, государство хорезмшахов как великая держава было образованием недолгим: Хорасан был завоеван в 80-х годах XII в., Западный Иран в 1194 г., Заамударье (Мавераннахр) в 1210 г., Афганистан в 1210 г. Этнический состав населения был пестрым, охватывая много разных народов и племен, оседлых и кочевых, преимущественно иранских и тюркских. Вражда между оседлыми иранцами и кочевыми тюрками временами принимала острые формы. Насилия и ограбления податного сословия — оседлых земледельцев и горожан, представителей иранских народов со стороны хорезмской, военной знати, состоявшей из предводителей тюркских кочевых племен — кыпчаков и канглы, а также огузов — туркмен, высокие налоги, введенные хорезмшахами, произвол их сборщиков податей, были обычным делом.

Мать хорезмшаха Теркен-хатун, происходившая из кыпчаков или канглы, и оспаривавшая влияние на дела государства у своего венценосного сына, покровительствовала тюркской военной знати. О них говорит Джувейни: «Сострадание и милосердие было далеко от их сердец, где бы им ни случалось проходить, та область оказывалась разоренной, и райаты (оседлое податное сельское население) искали убежища в крепостях».

Державу хорезмшахов сильно ослабляли и противоречия в среде смешанного в этническом отношении господствующего

класса, в котором доминировали выходцы из тюрок-кочевников[26]. Что касается происхождения и этнической принадлежности хорезмшахов, то об этом в источниках данные противоречивы. Джузджани пишет, что основатель последней династии «Малик Кутб-ад-Дин Мухаммед Айбек Тюрк двинулся со своими племенами и родственниками в сторону Дженда и Хорезма со стороны степи, где обитали кыпчаки и канглы…» В другом месте он еще более определенно указывает, что сын основателя этой династии хорезмшахов «Тадж-ад-Дин Мухаммад имел брата, который был моложе его, на него он возложил правление над племенем канглы и кыпчаков, от которых произошел их собственный род». Тем не менее, необходимы дополнительные данные, свидетельствующие о кыпчакском происхождении династии шахов Хорезма. Как бы то ни было, по мнению В.В. Бартольда «в последние годы XI века здесь (в Хорезме) утвердилась наследственная династия хорезмшахов, представители которой носили почти все турецкие (тюркские) имена». Находясь в непосредственной близости от Дешти-Кыпчака, государство хорезмшахов втягивало его обитателей — кыпчаков в орбиту своих внешнеполитических и внутриполитических связей настолько сильно, что, вполне вероятно, из кыпчакских предводителей и вышла эта последняя, самая знаменитая династия хорезмшахов.

Но, став владетелями Хорезма, выходцы из Дешти-Кыпчака — хорезмшахи начали борьбу со своими кочевыми соплеменниками, используя в то же время силы и самих кыпчаков. Для этой цели они действовали разными путями и средствами. Одних привлекали на свою сторону мирным путем, предоставляя им пастбища, распространяя среди них ислам, используя старые и вводя новые связи с кочевой знатью Дешти-Кыпчака, привлекая его на хорезмскую службу и раздавая государственные и военные посты. Других же кыпчаков, сохранивших независимость и боровшихся против них, хорезмшахи старались подчинить силой, организуя военные походы в Дешти-Кыпчак.

---

[26] *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия. В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 101–103.

Если первый представитель кыпчакской династии хорезмшахов Кутб-ад-Дин Мухаммад находился в положении обороняющегося, то его сын и преемник на троне Атсыз переходит в наступление на степь. Атсыз, по мнению В. В. Бартольда «был истинным основателем могущества династии хорезмшахов», хотя номинально он оставался вассалом султана Санджара — правителя державы Сельджукидов. В 1133 и 1152 гг. совершил успешные походы к северу от Аральского моря и подчинил обширную территорию, населенную кыпчаками на землях современного Казахстана. Наследник Атсыза, его сын хорезмшах Иль-Арслан (1156–1172 гг.) вел более сдержанную политику в отношении Дешти-Кыпчака, предпочитая действовать дипломатическими средствами. Согласно Джузджани Иль-Арслан заключил «союз с ханом кыпчаков», чтобы «охранять границы своего государства всеми силами, на что он был способен». Наиболее успешную политику по отношению к кыпчакам проводили последние представители державы хорезмшахов — Текеш и его сын Мухаммад. Именно в их правление Хорезм достиг наивысшего могущества в своей истории. Текеш нашел нужным вступить в родство с предводителями кыпчакской степи и тем самым заключить союз с кыпчаками. Известно, что согласно установившимся традициям, правители Хорезма брали жен из ханских родов Дешти-Кыпчака. А начало этой традиции, видимо, было положено Текешем, который вошел в союз с ханом кыпчаков по имени Икран (или Акран) и женился на дочери этого правителя, «т.е. на женщине по имени Теркен-хатун, матери будущего хорезмшаха Мухаммада. Упомянутая была из племени баят (байяут), а это одно из ветвей племени емек (йемек). Когда возвысилось его дело, она получила лакаб (титул)… “властительница мира”. Она была дочерью хана… одного из тюркских государей. Таким (Текеш) — сын Иль-Арслана, женился на ней, как женятся государи на дочерях государей…» — свидетельствует летописец этого времени Ан-Насави. На женщине из племени, к которому принадлежала Теркен-хатун, был женат сын Мухаммада последний шах Хорезма Джалал-ад-Дин. На дочери крупного предводителя племени канглы был женат сын Джалал-ад-Дина.

Текеш и Мухаммад пытались проводить политику централизации, направленную на подавление сепаратистских тенденций хорезмской знати, опираясь на гвардию, сформированную из кыпчаков, огузов-туркмен, предводители которых были наделены за службу военными ленами (икта). Но тюркская знать, столь влиятельная при дворе хорезмшахов, раскололась на два противоборствующих лагеря — сторонников самого хорезмшаха Мухаммада, главной опорой которого были туркменские племена, и приверженцев враждовавшей с ним его матери Теркен-хатун, уделом ее был Хорезм, а опорой кыпчаки и канглы. Теркен-хатун была больше, чем соправительницей Хорезма. Как сообщает Ан-Насави: «Когда власть перешла султану Мухаммаду по наследству от его отца Такиша (Текеша), к нему примкнули племена еще и соседние с ними (кыпчаки и канглы). Благодаря им умножились силы (султана), а он возвысил их положение. По этой причине Теркен-хатун и хозяйничала в государстве, и как только султан захватывал какую-либо страну, обязательно выделял там для ее приближенных (кыпчаков) важную область»[27]. Как видно из слов современника этой эпохи влияние Теркен-хатун было обусловлено поддержкой ее соплеменников — кыпчаков. У нее был собственный аппарат управления, мощная поддержка кыпчакской гвардии хорезмшахов, предводители кыпчаков в первую очередь подчинялись ей, а не хорезмшаху. Теркен-хатун была мстительна и ревнива. Джузджани рассказывает, как Теркен-хатун пришла в ярость из-за того, что ее муж султан Текеш проводил время в бассейне, купаясь с невольницами, и однажды заперла дверь бассейна. Текеш едва не задохнулся от жары и только придворные спасли его от гибели.

Пользуясь поддержкой своих могущественных сородичей, Теркен-хатун создала сильную оппозицию центральной власти в лице хорезмшаха Мухаммада. Персидские историки XIII века сообщают о ее зловещей роли в интригах при хорезмском дворе.

---

[27] *Шихаб-ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал-ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973. С. 87; *Буниятов З.М.* Государство хорезмшахов Ануштегинидов. 1097–1231. М., 1986.

Особенно резкой стала конфронтация Мухаммада с матерью накануне нашествия Чингиз-хана. Вследствие интриг Теркен-хатун и ее окружения Мухаммад вынужден был сменить наследника трона, лишив права на наследование своего сына Джалал-ад-Дина. Очевидно, в пику своему венценосному сыну Теркен-хатун настояла на назначении своего соплеменника кыпчака Инал-чика Гайир-хана губернатором важнейшей крепости, города Отрара, где он в 1218 г. истребил караван купцов, прибывших от Чингиз-хана, что явилось поводом к монгольскому вторжению.

Таким образом, данные источников свидетельствуют о том, что тюркские кочевники Дешт-и-Кыпчака — кыпчаки и канглы поддерживали в эпоху, предшествовавшую монгольскому завоеванию, активные политические экономические и культурные связи с народами Малой Азии и Кавказа, со своими восточными соседями — народами Центральной Азии и Дальнего Востока, а также являлись заметным внутриполитическим фактором в Грузии, Византии, Хорезме.

Sh. Kadyrbaev

Turkics of Desht-i-Qipshaq and their relations with neighbouring peoples before Mongolian invasion.

Summary. The historical role of Turkic Qipchaqs was determinated in XI–XIII centuries. The geography of their ties very vast. The Qipchaq's dynasties in various regions of the Central Asia, for example, in the state of Khwarezm-shahs were ruling. The Qipchaqs were very important internal and external factors in the policy of such states as Georgia, Byzantine, Balkan Bulgaria, Hungary, Russia and Seldjook sultanat. The Chinese sources had evidenced that there were close relations between Qipchaqs, peoples and civilizations of Inner Asia and Far East.

Б. Л. Хамидуллин
Академия наук Республики Татарстан

DOI: 10.48612/IVRRAN/prgx-dk4v-z9gp

Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.

Аннотация. Казанское ханство (1438/1445–1552/1556), являясь территориально крупным, политически и экономически развитым государством, системообразующим элементом для всего Волго-Уральского региона, имело богатую историю, играло серьезную роль в этнополитической жизни Восточной Европы и Западной Сибири, внесло существенный вклад в историю народов Центральной Евразии. Изучение этнокультурного и социально-экономического развития населения Казанского ханства привело автора к заключению, что оно было прогрессивным. Народы Казанского государства осознавали положительные плоды своей принадлежности к единому общественно-политическому и этнокультурному пространству, о чем свидетельствует их (в тот период времени — вполне логичное) активное многолетнее стремление сохранить его целостность. В результате событий 1552–1556 гг. Среднее Поволжье явилось первым крупным полиэтничным регионом, включенным в состав Московского царства, отныне и навсегда превратившейся в Россию со своим уникальным многонациональным и поликультурным обликом.

Этносоциальная история Казанского ханства (1438/1445–1552/1556) — государства, в свое время названного М. Г. Худяковым (1894–1936) «лишь небольшим эпизодом в многовековой жизни казанских татар»[1], а Ш. Ф. Мухамедьяровым (1923–2005) — «го-

[1] *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства / Подг. к изд. Б. Л. Хамидуллин. Казань, 2004. С. 40.

сударственным образованием народов Среднего Поволжья»[2], уже была подвергнута мной скрупулезному исследованию[3]. Со времени написания и издания монографии «Народы Казанского ханства» (2002) прошло более 20 лет — а для современной науки это срок очень немалый — и многие ее положения требуют как точечного фактологического уточнения, так и масштабного концептуального переосмысления. Сделать последнее, на мой взгляд, архисложно, что напрямую зависит от крайней скудости и противоречивости источникового материала[4], позволяющего более-менее адекватно понять лишь часть истории Казанского ханства (в основном — политических взаимоотношений с Московским княжеством[5]), базирующуюся, в первую очередь, на сведениях идеологически ангажированных летописных источников. В результате в историографии по этносоциальной истории Сред-

---

[2] *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.) / Дисс. … к.и.н. М., 1950. С. 5.

[3] *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. 335 с.; *Хамидуллин Б.Л.* Этносоциальная история Казанского ханства / Дисс. … к.и.н. Казань, 2004. 218 с.

[4] *Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. М., 1973. № 4. С. 113–122; Источники по истории Татарстана / Сост. С.Х. Алишев и Р.Г. Фахрутдинов. Казань, 1993. С. 8–69; *Хамидуллин Б.Л.* Источники по истории Казанского ханства // Идель. Казань, 1998. № 6. С. 62–65; *Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л.* Нарративные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. Казань, 2012. № 3. С. 114–129.

[5] *Алишев С.Х.* Казань и Москва. Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 160 с.; *Хамидуллин Б.Л.* Становление и развитие Казанского ханства // Аргамак. Набережные Челны, 1995. № 12. С. 154–165; *Котляров Д.А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. 314 с.; *Bakhtin A., Khamidullin B.* Political history of the Kazan Khanate // The history of the Tatars since ancient times: In Seven Volumes. Vol. 4. Tatar States (15–18th Centuries). Kazan, 2017. S. 288–358; *Бахтин А.Г.* Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб., 2022. 528 с.

него Поволжья и Западного Приуралья середины XV — середины XVI вв. существуют десятки концепций, нередко взаимоисключающие друг друга, сформулированные и пропагандируемые адептами разных исторических научных школ[6].

Точные границы Казанского государства, причем явно неодинаковые в разные периоды его существования, до сих пор неизвестны. На юге они доходили до Самарской Луки, до владений Ногайской Орды; на западе проходили в бассейне западных притоков Суры и Ветлуги, а на севере — где-то севернее рек Пижмы и Чепцы, соприкасаясь с владениями Великого княжества Московского; на востоке — где-то на территории современного восточного Башкортостана, соприкасаясь с границами Тюменского/Сибирского ханства и Ногайской Орды. Вся эта территория Казанского ханства по этносоциальному и географическому принципам делилась на 4 условно западные «стороны» (Арскую, Горную, Луговую и Побережную) и 6 условно восточных «земель» (Башкирскую, Беловоложскую, Вотякскую, Камскую, Костятскую [Иштякскую?] и Сыплинскую), а административно-политически — на центральный ханский домен и как минимум 5 «даруг» (Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и Ногайскую), в ярлыке хана Сахиб-Гирея от 1 января 1523 г. в совокупности названных «казанскими вилайетами и богохранимыми пределами»[7]. В орбите политического влияния казанских ханов и нередко в даннических отношениях к ханству находились Великая Пермь и Вятская земля, о чем свидетельствуют, например, письма казанского хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I. Примерно с 1468 по 1477 гг. Вятской землей правил наместник хана Ибрагима. Такую сложную схему и иерархию земель Казанского ханства можно объяснить лишь предшествующей историей администрирования

[6] См., например: *Хамидуллин Б.Л.* «…Окаянная дщерь Златой орды…»: очерки и историографические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства. Казань, 2018. С. 72–289.

[7] Тарханный подтвердительный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1) // История татар Западного Приуралья. Казань, 2016. Т. I. С. 399.

этих территорий в разные периоды развития Золотой Орды, его Булгарского и иных северных улусов и местных «княжеств»[8], и предшествующими традициями именования определенных территорий вне зависимости от их реального политико-административного, документально утвержденного названия, а также тем, что пределы самого Казанского ханства, безусловно, были разными в разные периоды его существования — одними при хане Махмуде в середине XV в. и совершенно иными при хане Абдул-Латыфе на стыке XV–XVI вв. и при хане Ядыгар-Мухаммаде в середине XVI в.[9].

Население Казанского ханства, кроме государствообразующей высшей социальной страты татар[10] и имеющего широкую географию расселения и доминирующего во всех областях жизни страны формирующегося этносоциума казанских татар (в источниках XV–XVI вв. именуемого «казанцы», «казанский народ», «казанские татары», «татары» и т.д.), составляли добровольно подчинившиеся власти Джучидов[11] и просившие их быть «заступниками» «от насилия и воевания русскаго» и «царству строителями»[12] некоторая часть мордвы (мокши

---

[8] См., например: *Хамидуллин Б.Л.* Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 96–116.

[9] *Khamidullin B.L.* The Golden Horde and Its Historical Heritage: Essays in History of Ulus Juchi and the Kazan Khanate. Kazan, 2022. P. 212–213.

[10] *Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — сер. XVI вв.) // Панорама-форум. Казань, 1995. № 3. С. 95–107; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Содружество постзолотоордынских татарских исламских государств // Очерки истории исламской цивилизации. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 119–122.

[11] См., например: *Хамидуллин Б.Л.* Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. М., 1999. № 4. С. 82–93.

[12] Казанская история / Подг. текста и пер. Т.Ф. Волковой; комм. Т.Ф. Волковой и И.А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. М., 1985. С. 326.

и эрзи) и удмуртов, некоторая часть формирующихся этносоциальных групп башкир, а также формирующиеся этносоциальные группы марийцев и чувашей (в источниках XV–XVI вв. именуемых «мордвой», «мо(у)кшей», «арами», «казанских мест вотяками», «отяками», «черемисами, зовемыми отяками», «башкирами», «башкирдою», «башкирцами», «татарами, называемыми черемисами», «черемисами», «горными черемисами», «луговыми черемисами», «черемешами», «чю(у)вашами» и т.д.) общей численностью (в середине XVI в.) около 400 тыс., максимум 500 тыс. человек. Русский князь А.М. Курбский, участник т.н. «казанских походов» до 1552 г., взятия Казани в октябре 1552 г. и подавления восстаний населения Казанского ханства в 1552–1556 гг., четко указывал, что «кроме татарска языка, в том царстве пять различных языков: мордовский, чювашский, черемиский, воитецкий або арски, пятый башкирский»; анонимный русский публицист середины XVI в., автор «Казанской истории», кроме татар, жителями «всея земли Казанской» называл «и чювашу и черемису и отяков и мордву и тархан и можар», а многие западноевропейские письменные источники и картографические документы XV–XVII вв. нередко упоминали периферийные области Казанского государства (в разных вариациях написания) «Башкирию», «Мокшию», «Страну Вачин», «Страну Мордву», «Страну Черемисию», «Чувашию» и т.д.[13].

В Казанском ханстве при активном использовании местных обычаев и юридической практики главенствовал ханафитский мазхаб суннитского ислама[14]. Именно мусульманское духовенство, наряду с ханами-Чингизидами и татарами, определяло обще-

[13] *Khamidullin B.L.* Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodel historycznych od XV do XVII wieku // Życie Tatarskie. Grabowka, 2016. № 43(120). 5–17 s.; *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства в «Хронике европейской Сарматии» Александра Гваньини // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 2024. № 3. С. 116–125.

[14] Подробнее см.: *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство как имманентная часть исламской цивилизации. Казань, 2023. 39 с.

ственно-политическую жизнь государства[15]. Мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государственной системе Казанского ханства, а предводитель этого духовенства (верховный сейид, потомок пророка Мухаммада) возглавлял государственный совет (диван) и, нередко, — собрание «всей земли Казанской» (курултай), активно участвовал в ключевых процессах внутренней и внешней политики страны. Структура духовенства была четкой и разветвленной — в источниках есть информация о верховных и меньших сейидах и сейидовых сынах, шейхах и шейх-задэ, муллах и мулла-задэ, имамах, дервишах, суфиях, хафизах, казыях (кадиях), абызах, мавали и данишмендах, осуществлявших богослужение, судопроизводство, миссионерскую, дипломатическую, канцелярскую, преподавательскую и даже военную деятельность, и чьи конкретные «должностные» и «мирские» обязанности (функции), к сожалению, не всегда четко отражены в дошедших до нас исторических материалах. Особо отметим наличие среди мусульман Казанского ханства представителей суфийского тариката Ясавийа и постепенное внедрение в их среду учения тариката Накшбандийа, позднее явивших миру так называемый «татарский суфизм»[16].

Местные ханы-Чингизиды ясно осознавали свою принадлежность к исламской умме и мировой мусульманской цивилизации. Об этом говорится во многих татарских преданиях, в которых часто упоминаются «мусульманские ханы Казани», об этом свидетельствуют ханские ярлыки со строками из Корана и погребения казанских ханов на территории Казанского кремля, об этом информируют русские письменные источники. Ярким свидетельством этого является появление у казанских ханов Сахиб-Гирея (казанский хан

---

[15] *Худяков М.Г.* Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922. 21 с.; *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства / Подг. к изд. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2004. С. 178–201; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Казанское ханство // Очерки истории исламской цивилизации. В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 123–127.

[16] *Бородовская Л.З.* Развитие татарской суфийской культуры в эпоху Казанского ханства // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань, 2018. № 2. С. 35–41.

в 1521–1524, крымский хан в 1532–1551 гг.) и Сафа-Гирея (казанский хан в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 гг.) почетного титула «гази», обозначающего «борца за веру», «мусульманина, участвующего в войне за веру», «героя, победителя неверных»[17]. Татарская знать, что следует из данных многих письменных, археологических и фольклорных источников, также была мусульманской[18].

Хотя в составе государства имелось и многочисленное языческое население (мордва-мокша, предки современных башкир, марийцев, удмуртов, чувашей и т.д.), основная масса населения Казанского вилайята также была исламизированной и именовалась, например, в русских источниках, «Казаньскими Срацынами», придерживающимися «безсерменьской их веры». Многочисленные мусульманские кладбища и отдельные погребения («святые места») с надмогильными памятниками с цитатами из Корана на территории Заказанья, Предволжья, Нижнего Предкамья и т.д. ясно свидетельствуют о преобладании исламской веры в среде местного населения. По-видимому, из 400–500 тысяч человек, проживавших в Казанском государстве в середине XVI века, как минимум 200–250 тысяч человек являлись мусульманами[19]. Ислам проник во все сферы жизнедеятельности населения Казанского царства, оказал огромное влияние на его идеологию, духовное развитие, экономику, быт, международные связи. Развитие мусульманского вероисповедания на территории Среднего Поволжья имело свои особенности, выражающиеся, прежде всего, в конфессиональной толерантности его носителей[20]…

---

[17] *Хамидуллин Б.Л.* Сафа-Гирей // Большая российская энциклопедия. М., 2015. Т. 29. С. 475.

[18] *Хамидуллин Б.Л.* Функционирование ислама в Казанском ханстве // Научный Татарстан. Казань, 2022. № 2. С. 5–10.

[19] *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 12. С. 402–405; *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство // Интернет-портал «Большая российская энциклопедия»: https://bigenc.ru/c/kazanskoe-khanstvo-83f288 (дата обращения: 11.03.2025).

[20] *Khamidullin B.L.* Islam and «Paganism»: Multilingualism and Multiculturalism in the Kazan khanate // Zolotoordynskoe obozrenie — Golden Horde Review. Kazan, 2025. Vol. 13. № 1. P. 196–206.

Рассмотрим же Казанское государство как цельную этнополитическую общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья на примере нахождения в его составе южных удмуртов.

В середине XV в. южная группа удмуртов — окончательно сформированного уже к рубежу X–XI вв. этноса[21] (самоназвание *удморт*, *удмурт*, *укморт*, *уртмурт*, мн. *удмуртъес*[22]; экзоэтнонимы: мар. «одо», «одо-марий», рус. «арины/аряне», «арские люди», «воть», «вотяки», тат. «ар/арлар», «чирмеш/чирмешлэр», чув. «ар/арсем» и т.д.) — оказалась в составе Казанского государства[23], в ее Арской[24] и отчасти Зюрейской даругах. Первый казанский хан Махмуд (сын основателя династии казанских ханов Улуг-Мухаммада) нашел в регионе поддержку среди местной родовой верхушки, видевшей в его приходе возможность усиления центральной власти, ослабления междоусобиц, активного противодействия экспансии на свою территорию новгородских и вятских

---

[21] *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.; *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. …к.и.н. Ижевск, 2001. С. 111; *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. 420 с.; *Чураков В.С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2007. № 2. С. 80, 86–87; *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Удмурты: Историко-этнографический очерк. Ижевск, 2008. 248 с.

[22] См., например: *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. 262 с.; *Белых С.К., Напольских В.В.* Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // Linguistica Uralica. Tallinn, 1994. Т. XXX (4). С. 278–288.

[23] *Трефилов А.Ф.* Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Ученые записки НИИ истории, языка, литературы и филологии при СМ УАССР. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 78–101.

[24] По-удм. *Арима*, по-тат. *Арча ягы*, по-рус. *Арская сторона*, *Арская земля*. Это современное Заказанье — 12 районов Республики Татарстан, а также часть Мари-Турекского, Моркинского и Параньгинского районов Марий Эл, Вятскополянского и Малмыжского районов Кировской области.

ушкуйников, галичских, московских и иных русских князей[25]. Как правильно писал в 1998 г. А.Г. Бахтин, «в условиях, когда Среднее Поволжье периодично подвергалось опустошительным набегам ушкуйников, вторжениям русских князей и отдельных татарских отрядов из степей, прибытие сильного войска и хана могло вызвать у местного населения надежду на стабилизацию политического положения в регионе и защиту. В сильной центральной власти были заинтересованы практически все, как булгарское население, так и марийцы, удмурты и чуваши»[26].

Арская даруга (*Арская земля*, *Арская сторона*, *Арская четверть*) была одним из наиболее густонаселенных административно-политических уделов государства со смешанным этносоциальным составом[27]. Удмуртские поселения, входившие в состав Казанского ханства, обычно располагались по берегам рек, озер и вблизи родников. В настоящее время определенное количество сторонников имеет концепция удмуртского происхождения города Арска, якобы основанного в XI в. (упоминаемая арабами «Арса»/«Арта», главный город «Арсании»/«Артании»)[28]

---

[25] О фактах этой экспансии см.: *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 37–39.

[26] *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 40.

[27] См., например: *Генинг В.Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 271–278; *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272–291; *Мустафина Д.А.* Арская даруга // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань, 2002. Т. 1. С. 183; *Мустафина Д.А.* «Арские люди» // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань, 2002. Т. 1. С. 183–184; *Руденко К.А.* Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология. Казань, 2002–2003. № 1/2. С. 100–136.

[28] *Шутова Н.И.* К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 121. С предложенной Н.И. Шутовой датой начала функционирования Арска (конец I тыс.н.э.) согласны

и якобы существовавшего в качестве центра самостоятельного южно-удмуртского княжества в XII–XV вв.[29] и удельного удмуртского княжества в составе Казанского ханства в XV–XVI вв.[30], и в действительности многократно упоминаемого в разных русских летописях в связи с политическими событиями на территории Казанского ханства[31]. Серьезной основой этому мнению служат удмуртский фольклор[32], в частности — информация, что «в Арске восседал удмуртский царь (эксэй)»[33], и наличие в названии города компонента «ар», однозначно трактуемого некоторыми исследователями как указание на удмуртов[34]. Од-

многие ижевские археологи, поддержал это мнение и В. С. Чураков: *Чураков В. С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 78–79.

[29] *Сысоева М. В.* Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 297–302.

[30] *Худяков М. Г.* Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1920. Т. XXX. Вып. 3. С. 346–347.

[31] *Ситдиков А. Г., Хузин Ф. Ш., Шакиров З. Г.* К ранней истории Арска // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань, 2010. С. 5–15; *Бахтин А. Г., Хамидуллин Б. Л.* Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2014. Т. 4. С. 289–358.

[32] См., например: *Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. С. 80–81, 84; *Атаманов М. Г.* Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. Казань, 2003–2004. № 1. С. 59–60.

[33] *Атаманов М. Г.* Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. Казань, 2003–2004. № 1. С. 60–61, 65.

[34] Историографию вопроса см., например: *Белых С. К.* Еще раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. № 3. С. 85–92; *Чураков В. С.* О значении этнонима *ар* // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 4. С. 5–14; *Чураков В. С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. С. 89–104.

нако, эта концепция не раз ставилась под сомнение[35] и уже не единожды серьезно критиковалась, в первую очередь ижевскими исследователями[36]. Имеется также обширная историческая литература, рассматривающая возникновение города Арска в XII в. как результат булгаро-чувашского заселения бассейна рек Казанки, Вятки и Чепцы. В этой концепции Арск считается изначально чувашским городом, население которого позднее было ассимилировано татарами. В концепциях же, обосновывающих булгаро-татарское происхождение Арска, возникновение города видится как результат процесса политико-экономического закрепления территории будущей Арской земли в рамках Волжской Булгарии в XI — первой половине XIII в.[37] либо как результат стремления золотоордынских татар «удержать за собой эту страну»[38], а последующее развитие города неразрывно связывается с этнополитической историей татар Волго-Вятского региона. Как правильно указали Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков и З.Г. Шакиров, «решение актуальных проблем ранней истории Арска возможно только при комплексном рассмотрении всех имеющихся источников и анализа результатов научных

---

[35] См., например: *Смирнов И.Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890. С. 53.

[36] См., например: *Белых С.К.* История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2005. С. 10–16.

[37] См., например, статьи А.А. Бурханова, в 1996 г. проведшего первые стационарные археологические раскопки на территории Арска: *Бурханов А.А.* Средневековое городище Арск–Арча (некоторые итоги историко-археологического изучения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик–Омск, 2001. С. 78–79; *Бурханов А.А.* Средневековый татарский город Арча–Арск (по материалам историко-археологических исследований) // Родной край — Туган жир. Казань, 2018. № 1. С. 92–107.

[38] *Второв Н.И.* Памятники древности в Казанской губернии // Журнал МВД. СПб., 1840. Вып. XXXVII. № 8. С. 214–215.

исследований»[39], «историко-культурное наследие Арска и его округи — это наследие всех проживающих здесь народов, созданное усилиями многих поколений их предков и требующее кропотливого изучения и бережного сохранения»[40].

Количество удмуртского населения, входившего в Казанское государство (т.н. южные и/или арские удмурты; в русских письменных источниках — «черемиса, зовемая отяки»[41], ибо «две бо черемисы в Казанской области, а языка их три»[42]; «казанские люди вотяки», «казанских мест вотяки», «вотяки из казанских мест»[43]), было невелико — на мой взгляд, не более 50 тыс. человек[44]. Видимо, в ханстве проживали представители следующих удмуртских родов (удм. *выжы*): Зумъя/Юмъя (члены этого большого рода часто занимали главенствующее положение среди удмуртов Арской земли), Дурга, Затча, Кибъя, Кöпка, Куарса, Лöзя, Можга, Нöръя, Омга, Пельга, Поколь, Пышъя, Салья, Туръя, Уля, Уча, Чабъя, Чипъя, Чола, Шудъя, Ырга и др.[45]. Пребывание удмуртов камского правобережья в составе Казанского ханства оставило

---

[39] *Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* К ранней истории Арска // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань, 2010. С. 3.

[40] Там же. С. 5–15.

[41] Казанская история // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. М., 1985. С. 316.

[42] Там же. С. 388.

[43] *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 145–146 (текст жалованной «опасной» и бережельной грамоты Ивана IV каринским князьям от 6 мая 1542 г.; здесь же северные удмурты названы «вятцкими каринскими вотяками»).

[44] *Хамидуллин Б.Л.* Южные удмурты в составе Казанского ханства (1445–1552 гг.) // Финно-угорский мир. Саранск, 2016. № 3. С. 76–81.

[45] *Атаманов М.Г.* Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Finno-Ugrica. Казань, 2003–2004. № 1. С. 58–67; *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. …к.и.н. Ижевск, 2001. С. 203–204; *Чураков В.С.* Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. Tallinn, 2005. T. XLI (1). С. 43–57.

следы на многих сторонах их жизни. Исследователи отмечают сильное татарско-ногайское и марийское влияние на этнокультурный облик южных удмуртов; определенное этнокультурное воздействие на них оказали также башкиры и коми[46]. Многие наименования предметов и понятия, в частности — социальные термины, привнесены в среду удмуртов именно в период Казанского ханства местными тюрками[47].

Очень непродолжительное время, около 10 лет, примерно с 1468 г. по 1477 г., когда в городе Хлынове — центре Вятской земли правил наместник хана Ибрагима, в состав Казанского ханства входили также северные удмурты и часть коми. Столь кратковременное пребывание северных удмуртов в вассальной зависимости от казанского хана, естественно, не отразилось на их этносоциальной истории. Очень правильно по этому поводу писал В.С. Чураков: «...Были случаи, когда обе группы удмуртов оказывались в составе одного государства, как это, к примеру, происходило в годы правления казанского хана Ибрагима, которому в 1468 и 1478 гг. удавалось распространить свою власть на Вятскую землю. Однако подобные объединения носили временный характер и не приводили к существенным изменениям в социально-политической истории северных и южных удмуртов, ориентированных на разные политико-культурные центры. Первые, соответственно, испытывали сильное влияние русских христианских княжеств и земель, а вторые тяготели к тюркскому, преимущественно мусульманскому миру. Причем в отличие от северных, южные удмурты прошли через длительный синтез культур и социально-политических институтов земледельцев и кочевников. Лишь после включения территории Казанского ханства в состав Русского царства обе

[46] *Владыкин В.Е.* Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.) / Дисс. ...к.и.н. М., 1969. 386 с.; *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. Ижевск, 2001. 296 с.

[47] Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 36; *Кельмаков В.Е.* Удмуртский язык // Языки мира: уральские языки. М., 1993. С. 239–255.

локальные группы оказались в составе одного социального организма, более чем четырехсотлетнее пребывание в котором тем не менее не смогло до конца сгладить унаследованные от предыдущих эпох особенности материальной и духовной культуры южных и северных удмуртов»[48].

В условиях лесного Прикамья древнейшими хозяйственными занятиями удмуртов были охота, рыболовство, бортничество и собирательство. По мере развития производительных сил удмурты постепенно переходят к производящим формам хозяйства — животноводству и земледелию. Однако в XV–XVI вв. эти виды хозяйства удмуртов оставались еще малопродуктивными. Присваивающие типы хозяйства (охота, рыболовство, собирательство, бортничество) были более органично и непосредственно связаны с природно-географической средой обитания удмуртов и фактически полностью определялись ею.

Из ремесел наибольшее развитие у южных удмуртов периода Казанского ханства получили кожевенное, косторезное, деревообделочное и ткацкое, имевшие вид кустарного производства, появляется также кузнечное дело. Продукция ремесла в основном шла на удовлетворение спроса местного населения, торговля имела обменный локальный характер. Предметами же вывоза из Арской земли являлись пушнина, мед и олово[49].

В этот период в культуре южных удмуртов прослеживается активное смешение традиций местных финно-угорских и тюркских народов. Исследователи отмечают близость культуры удмуртов к культуре коми и луговых марийцев, а также сильное тюркское влияние на материальную и духовную культуру удмуртов[50]. Именно этим влиянием В. Е. Владыкин объясняет появление в Прикамье этнографической группы *бесермян*, которых

---

[48] *Чураков В. С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. …к.и.н. Ижевск, 2001. С. 3.

[49] *Хамидуллин Б. Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 218.

[50] *Владыкин В. Е.* Удмурты // Вопросы истории. М., 1969. № 11. С. 214–220.

он считает частью южно-удмуртского населения, испытавшую значительную тюркизацию и исламизацию[51].

Этноним «бесермян» распознается относительно легко — это искаженное от тюрк. *busurman*, восходящее к перс. *mosalman*, произошедшего от араб. *moslem(un)*[52]. В русских письменных источниках XIII–XVI вв. термином «бесермены» именуются мусульмане, какая-то часть волжско-камских булгар, а также татары[53]. Не забудем также и сообщение Сигизмунда Герберштейна первой трети XVI в. о том, что «название же “бесермены” их [татар] радует»[54], что косвенно свидетельствует о достаточно широком распространении этого термина в Поволжье. На сегодняшний день практически все исследователи единодушны с географическими (Арская земля) и хронологическими (период Казанского ханства) рамками этногенеза бесермян. Однако с этническими компонентами и элементами их этногенеза, а также с пропорциями этих компонентов и элементов до сих пор не все ясно[55], т.к. в русских письменных источниках XVI–

---

[51] *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества / АДД. М., 1991. С. 24, 28.

[52] *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 52–53; *Белых С.К.* К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. Киров, 2005. С. 132.

[53] *Напольских В.В.* «Бисермины» // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 50–54; *Рудаков В.Н.* О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII–XVI вв. // Вестник славянских культур. М., 2013. № 3. С. 19–24.

[54] Из глубины столетий / Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2000. С. 238.

[55] Историографию вопроса и мнения исследователей см., например: *Корепанов Д.И.* Бесермяне // На удмуртские темы / Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. М., 1931. Вып. 2. С. 99–106; *Трефилов Г.Н.* Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 310–318; *Тепляшина Т.И.* О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки НИИ при СМ Чуваш-

XVII вв. они именуются «чувашами/чювашами/чавашами» либо «чавашами арьскими»[56], в документах XVII в. — и «чувашами», и «бесермянами»[57] (лишь с конца XVII в. они начинают именоваться только лишь «бесермянами», аналогично тому как «ясачные чуваши» Казанского уезда — представители крестьянского сословия, платившего ясак — начинают име-

ской АССР. Чебоксары, 1968. Вып. 40. С. 177–187; *Тепляшина Т.И.* Язык бесермян. М., 1970. С. 5–22; *Владыкин В.Е.* Происхождение бесермян // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований: Тез. докл. Тбилиси, 1971. С. 56–57; *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынско-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 19–37; *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 25–27; *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 90–94; *Кельмаков В.К.* Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. докл. Устинов, 1987. Т. 1. С. 113–115; *Напольских В.В.* «Бисермины» // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 50–54; *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 52–53; *Белых С.К.* К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. Киров, 2005. С. 130–135. В последней из указанных статей очень интересно рассматривается и проблема термина «чуваши» для периода Казанского ханства. См. также: *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 60–75 (выводы автора о происхождении бесермян см. на с. 67).

[56] *Луппов П.Н.* О бесермянах // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 22–23; *Белых С.К.* К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. Киров, 2005. С. 130–135.

[57] *Луппов П.Н.* О бесермянах // О бесермянах: сб. ст. / Под ред. Г.К. Шкляева. Ижевск, 1997. С. 23; *Тепляшина Т.И.* О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1968. Вып. 40. С. 177–187.

новаться «ясачными татарами»[58]), но при этом сами про себя даже спустя сотни лет говорили и говорят: «мы прежде были татарами»[59], «мы из татар, а сейчас удмурты»[60], т.е. очень конкретно подчеркивают свое татарское происхождение и отмечают ассимилированность в угро-финноязычной среде[61]. Отсутствие у бесермян *воршудов* (у удмуртов — духов-покровителей того или иного *выжы* — рода[62]), также, по мнению К.И. Козловой,

---

[58] См., например: *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 176; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: управление Казанским краем. Казань, 1982. С. 67; *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. М., 1988. № 5. С. 140–146; *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 80–102. См. также материалы Круглого стола «Понятия «чюваш» и «ясачная чюваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.) в сборнике: Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2014. Вып. 4. С. 207–242. Ср., например: *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. — 1861 г.) // Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1978. Вып. 86. С. 84, 94; *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 90–94.

[59] *Сорокин П.М.* Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1896. С. 90.

[60] *Владыкин В.Е.* К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. М., 1970. № 3. С. 43.

[61] Однако В.В. Напольских в 1997 г. отмечал, что современные бесермяне «очень четко отделяют себя (точнее — в известной степени дистанцируются) от окружающих народов — удмуртов и татар» (*Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 52–53).

[62] *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ...к.и.н. — Ижевск, 2001.

ставит под сомнение гипотезу о южно-удмуртском происхождении бесермян[63].

Основная часть южных удмуртов (как и северных) исповедовала языческую религию. Система язычества удмуртов, имевшая много общего с верованиями других финно-угорских народов региона, характеризовалась значительной сложностью и развитостью. Об этом свидетельствуют многочисленный пантеон божеств, авторитет служителей культа, наличие особых мест молений, святилища, детально разработанные ритуалы с обрядами жертвоприношений и т.д. — все это было призвано идеологически обеспечить функционирование схемы «человек-общество-природа»[64]. В этом месте важно отметить, что в ханстве, при главенстве ислама и росте его влияния на все сферы жизни государства[65], существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями Хазарского каганата, Волжско-Камской

С. 125–126; *Чураков В.С.* К критике воршудной теории // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2003. № 2. С. 4; *Чураков В.С.* Об удмуртском роде «выжы» и его сакральном покровителе «воршуде» // Вордскем кыл. Ижевск, 2004. № 2. С. 55–60; *Чураков В.С.* Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. Tallinn, 2005. Т. XLI(1). С. 43–57. См. также: *Бушмакин С.К.* Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. М., 1970. С. 168–176; *Зеленин Д.К.* Что такое воршуд? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимике. Ижевск, 1980. С. 118–132; *Атаманов М.Г.* По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001. 215 с.

[63] *Козлова К.И.* Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993 [рецензия на книгу] // Этнографическое обозрение. М., 1994. № 3. С. 168–170.

[64] *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества / АДД. М., 1991. 34 с.; *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Удмурты: Историко-этнографический очерк. Ижевск, 2008. 248 с.

[65] *Хамидуллин Б.Л.* Функционирование ислама в Казанском ханстве // Научный Татарстан. Казань, 2022. № 2. С. 5–10.

Булгарии, Монгольской империи и Золотой Орды[66]. В Казани находилась армянская церковь, около половины населения государства свободно исповедовало разные виды язычества. По свидетельству многих источников, ислам в иноконфессиональной среде распространялся ненасильственно — в результате усиления этнокультурных контактов[67].

Издавна включенные в тесные межэтнические политические, экономические и культурные связи в составе Волжской Булгарии и Золотой Орды южные удмурты Казанского ханства достигли более высокого уровня развития производительных сил, и социальная дифференциация у них была выражена ярче, чем в тот же период истории у северных удмуртов[68].

Главой соседской общины на собрании общинников *кенеше* (тюрк. «совет») избирался *тюро* (тюрк. «руководитель») и его помощники, которые при посредничестве *эльйыр*ов/*калыкйыр*ов (сотных князей; от тюрк. «страна», «народ») регулировали взаимоотношения удмуртского податного населения с арскими князьями. Постепенно, при поддержке татарских мирз, которые нередко были кровно связаны с удмуртской знатью[69], установи-

---

[66] См., например: *Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л.* Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. Philology and culture. Казань, 2013. № 1(31). С. 214–221; *Khamidullin B.L.* Pax Khazarica: a View from the XXI century // Studia et documenta turcologica. 2015–2016. Cluj-Napoca, 2016. № 3/4. 117–129 p.; *Хамидуллин Б.Л.* Золотоордынская цивилизация и ее наследие // «Ұлы Дала». IV-ші халықаралық гуманитарлық ғылымдар форумының материалдары (Екінші бөлім). Нұр-Сұлтан, 2019. Ч. II. 452–463б.; *Хамидуллин Б.Л., Белов С.Г.* Эволюция религиозных представлений древних болгар и принятие ислама в 922 г. в Волжской Болгарии // Научный Татарстан. Казань, 2023. № 2. С. 5–19.

[67] *Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство как имманентная часть исламской цивилизации. Казань, 2023. 39 с.

[68] 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России (1558–1983). Ижевск, 1983. С. 19.

[69] *Трефилов А.Ф.* Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Ученые записки НИИ исто-

лась несменяемость тюро (*байев/узыров* — богачей), и они стали сосредоточивать в своих руках значительную власть и обогащаться за счет простых общинников (*калык, кара-калык, начар-калык, куанер* — черные люди, бедняки). Со временем они становятся мелкими землевладельцами. Укрепление власти тюро было выгодно казанским феодалам, т.к. обеспечивало бесперебойность поступления ясака в правительственную казну, в то же время значительно снижая возможность возникновения этносоциального напряжения в регионе.

В социальной структуре южно-удмуртского общества периода Казанского ханства заметное место занимали и служители языческого культа. Должность жреца среди удмуртов не наследовалась персонально, а закреплялась за определенной родственной (семейной) группой — «родом жреца». Жреческая группа не была единой, а строилась по иерархическому принципу: низшим божествам служили низшие жрецы, верховным — главные жрецы[70].

Южные удмурты подчинялись татарским феодалам, называемым в русских летописях «Арьскими князьми»[71], чьи дворцы, по мнению русского полководца А.М. Курбского, были «зело прекрасны и воистину удивления достойны»[72]. Арские князья (по мнению многих казанских и ижевских историков — потомки кыпчаков султана Бачмана, татарские князья из клана Кыпчак[73], по мнению

рии, языка, литературы и филологии при СМ УАССР. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 97; *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 127.

[70] *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 220–221.

[71] См., например: Казанская история. М. — Л., 1954. С. 132; *Галлям Р.Г.* Летописные «Арские князья» XIV–XVII вв.: политический, этимологический и этнический аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2010. Вып. 2. С. 141–143.

[72] *Курбский А.* Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 21.

[73] См., например: *Исхаков Д.М.* О происхождении «арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Материалы конференции 1995 г. Казань, 1995. С. 95–98; *Чураков В.С.* Южные удмурты в X — середине XVI века

некоторых ижевских исследователей — представители отатаренной южноудмуртской племенной знати[74]) имели свои резиденции в городе Арске (центре Арской даруги) и в крупном населенном пункте Нукрате (ныне — село Карино Слободского района Кировской области; по-удм. — Карагурт), расположенном на реке Чепце[75]. Как единодушно отмечают многие исследователи, арские князья играли выдающуюся роль в политической и социально-экономической жизни Казанского ханства, что, например, подтверждают события лета 1496 г. (мятеж арских князей и изгнание хана Мамука)[76], июля 1530 г. (бегство Сафа-Гирея из Казани в Арск)[77], сентября 1552 г. (бои на территории Арской даруги)[78], а также восстания 1552–1556 гг.[79].

(проблемы социально-политической истории) / Дисс. …к.и.н. Ижевск, 2001. С. 233, 243; *Владыкин В.Е.* Удмуртский этнос на перекрестке цивилизаций // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Sapporo, 2003. С. 270; *Белых С.К.* История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2005. С. 10–16; *Исхаков Д.М.* К вопросу о средневековой истории татар Вятского края // Национальная история татар: Теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 233–238. На сегодняшний день наиболее подробно вопрос рассмотрен в работе: *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. 224 с.

[74] См., например: *Гришкина М.В.* Арские князья в истории удмуртов // Гришкина М.В. Этюды из истории удмуртов IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 49–66; *Гришкина М.В.* Удмуртия в конце XV — первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 25, 34.

[75] *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. 224 с.

[76] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XII. С. 343; Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 166, 467.

[77] Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М. – Л., 1959. С. 314.

[78] См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 415–420.

[79] *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 143–156.

Летом 1489 г. город Хлынов и Вятская земля были завоеваны войсками московского великого князя Ивана III[80]. М.В. Гришкина, оценивая данное событие, отмечала: «…в 1489 г. вместе с русским населением Вятской земли к Московскому государству были присоединены северные удмурты. Великокняжеская власть не нуждалась в выражении волеизъявления какой-либо группы населения, тем более удмуртов. Военная сила была решающим аргументом при присоединении той или иной территории к Московскому великому княжеству в процессе его разрастания и превращения в Российское государство»[81]. Окончательное же присоединение Вятской земли к Московии, по всей видимости, произошло лишь во второй половине 1540-х гг.[82], о чем свидетельствует информация письма казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I[83].

16 июня 1552 г. многотысячная русская рать[84], в составе которой были касимовские татары с ханом Шах-Али и городецкие служилые татары под руководством Ак-сеита Черевсеева, тем-

---

[80] Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 239; Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Л., 1982. С. 97.

[81] *Гришкина М.В.* Удмуртия в конце XV — первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 31.

[82] *Чураков В.С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. Ижевск, 2007. № 2. С. 79.

[83] *Мустафина Д.А.* Послание царя казанского // Гасырлар авазы — Эхо веков. Казань, 1997. № 1/2. С. 32.

[84] По мнению советского военного историка Е.А. Разина, «русская рать [в 1552 г. под Казанью] максимально могла насчитывать 50 тыс. человек». См.: *Разин Е.А.* История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 355. На сегодняшний день наиболее обстоятельно количество русской рати рассмотрено в публикациях: *Белов Н.В.* «Казанское взятие» 1552 г.: количественное измерение (источниковедческие заметки) // Словесность и история. СПб., 2022. № 2. С. 32–54; *Белов Н.В.* «И сочтоша во всех полках 150 тысяч»: Сколько воинов не было в армии Ивана Грозного под Казанью в 1552 году? // Parabellum novum: Военно-исторический журнал. СПб., 2023. № 20(53). С. 80–106.

никовская мордва во главе с князем Еникеем, а также чуваши и горные марийцы[85], под единым командованием царя Ивана IV выступила в поход «х Казани». 4 августа она достигла границы — реки Суры, а 23 августа стала лагерем на Царском лугу под Казанью. Обороняющееся казанское войско было разделено на 3 основных подразделения. Самое внушительное из них защищало столицу ханства и, по свидетельству А.М. Курбского, насчитывало 30 тыс. «избранных» воинов[86]. Вторая группировка, численностью 15–30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак мурзой и арским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск и, находясь в непосредственной близости от Казани, должна была наносить удары по царским войскам со стороны Арского поля. Кроме татар, удмуртов и марийцев, в его составе находилось 2700 ногайцев[87]. Многочисленное же марийское ополчение действовало самостоятельно на территории Галицкой даруги. Взаимодействуя друг с другом, все 3 подразделения казанского войска с первых же дней битвы за Казань стали наносить ощутимый урон войскам Ивана IV.

Однако вскоре царские войска достигли серьезного успеха, разгромив арскую группировку ханских войск. Во время удачного наступления они заняли Арск «и повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали»[88]. «Война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму, села повыжгли и скот их побили»[89]. Анонимный летописец так описывал победоносное шествие русских войск по Казанской земле: «И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы; и покрышася ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли той, и воеваху, и пленяху

[85] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 199–200, 210.

[86] Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. С. 24.

[87] Казанская история. М.; Л., 1954. С. 131–133.

[88] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 211.

[89] Там же.

Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми полияся варварьская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемискими костми»[90].

После разгрома Арской земли Казань оказалась в плотном окружении русской армии. В конце сентября Иван IV приступил к методичному штурму города, и 2 октября 1552 г. столица ханства пала, а хан Ядыгар-Мухаммад сдался на милость царю[91].

В первые же дни после взятия Казани, возможно, уже 3 октября, состоялся «совет» с целью организации системы управления завоеванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. На нем присутствовали царь, воеводы и священнослужители. Если первый вопрос решили единодушно, то при определении курса в отношении народов Поволжья обнаружились принципиальные расхождения. Большая часть воевод, по определению А.М. Курбского, «все мудрые и разумные», и сам князь советовали царю задержаться в Казани до весны для того, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на веки»[92]. Противоположная точка зрения была у братьев царицы Анастасии Данилы и Никиты Романовичей Захарьиных, еще нескольких воевод и священников. Они предлагали воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск из завоеванного ханства и решать все вопросы мирным путем на переговорах с местным населением. Умеренный подход ориентировал правительство на сочетание мирных и карательных мер с целью интеграции завоеванных народов в систему Русского государства. Вопреки мнению большинства, царь принял вторую точку зрения, т.к. более-менее мирное подчинение края избавляло его от дорогостоящей и кровопролитной войны, а также отвечало фискальным интересам государства.

---

[90] Казанская история. М.; Л., 1954. С. 127.

[91] *Хәмидуллин Б.Л.* 1552 ел фаҗигасе тарих битләрендә // Казан утлары. Казан, 2002. № 9. 152–164б.

[92] Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. С. 47.

По улусам ко всем черным людям были разосланы «жаловалные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует»[93]. «И прислали ко государю арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына бояръского, хто бы им сказал царево жалованное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежалися, и они бы, учиня государю правду, дав шерть, поехали ко государю»[94]. Вскоре «с Луговой стороны такоже черемиса приехала ко государю бити челом, и государь их пожаловал»[95]. По приказу царя по улусам были направлены сын боярский Никита Казаринов и служилый татарский мурза Камай. 10 октября они возвратились в Казань вместе со многими арскими людьми. Одновременно и «луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали»[96]. Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают»[97].

В ознаменование наступившего мира был устроен пир, на котором присутствовали как русские воины и их союзники из числа различных поволжских народов, так и прибывшие на переговоры представители татар, луговых марийцев и удмуртов. После пира царь приказал «дасть им семена земныя, и коня, и волы на орание, инем же и одеяние дасть и сребрениц понемногу» и «отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажют воем своим не обидети их ничим же»[98].

Таким образом, 10 октября 1552 г. весь край юридически покорился русскому царю. Необходимо отметить, что за несколько

[93] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 221.

[94] Там же.

[95] Там же.

[96] Там же.

[97] Там же.

[98] Казанская история. М.; Л., 1954. С. 161.

дней в Казань не могли, из-за опасения и удаленности, приехать многие представители отдельных родов. Следует учесть и то, что население пошло на признание подданства в обстановке реальной угрозы возможного наступления высвободившихся после взятия Казани войск. Поэтому челобитье 10 октября не во всем адекватно отражало настроения местного населения. Да и царские подарки вряд ли произвели сильное впечатление на удмуртов, татар и марийцев, ведь они всего лишь получили назад часть разграбленного у них же имущества. Однако царь, уверенный в успехе своей политики, уже поторопился объявить, что «из всех Казанских предел, вси земскии люди, арскиа и луговыа, нам добили челом и обещалися нам до века дань давати»[99].

Спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского ханства, в котором активное участие приняли все народы края[100]. Одним из центров восстания стала Арская земля, где отряды повстанцев состояли в основном из татар, удмуртов и марийцев[101]. Вот, к примеру, границы карательной экспедиции русских войск в 1554 г.: «А война их была от Казани и по Каму, а от Волги за Ошит и за Оржум и на Илит и под Вятьскые волости, и от Казани вверх по Каме пол-300 верст, а от Волги к Вятке поперег 200 верст»[102].

Только подавление восстания 1552–1556 гг. приводит к тому, что вся основная территория проживания удмуртов (и северных, и южных) полностью и окончательно входит в состав Московского государства. Как результат, Среднее Поволжье и Западное Приу-

[99] Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 113.

[100] *Бахтин А.Г.* Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб., 2022. С. 396–417.

[101] Подробнее см.: *Гришкина М.В.* Удмуртия в конце XV — первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 46–49.

[102] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 239.

ралье явились первыми крупными полиэтничными регионами, включенными в состав Московского царства, отныне превратившейся в Россию со своим уникальным многонациональным и поликультурным обликом[103].

Казанское ханство имело богатую историю. Являясь крупным и экономически развитым государством, структурообразующим элементом для всего Волго-Уральского региона и одной из колыбелей наиболее многочисленной этнотерриториальной группы татар — татар Поволжья и Приуралья, оно играло серьезную роль в политической жизни и внесло существенный вклад в этносоциальную историю Центральной Евразии. Изучение этнокультурного и социально-экономического развития населения Казанского ханства привело меня к заключению, что оно было исторически прогрессивным. Народы Казанского государства реально ощущали и осознавали положительные плоды своей принадлежности к единому общественно-политическому и этнокультурному пространству, о чем свидетельствует их активное многолетнее стремление сохранить его суверенитет. И только взвешенная оценка падения средневековой ханской Казани в октябре 1552 г. и глубокий анализ предпосылок и причин «присоединения» всей территории татарского государства к Московскому царству в начале 1556 г. с сугубо объективных научных позиций будет способствовать росту интереса к общей истории народов Российской Федерации и, несомненно, будет полезной на любом этапе развития межнациональных отношений в многоэтничной и поликонфессиональной огромной стране…

---

[103] 400 лет вместе с русским народом. Ижевск, 1958. 103 с.; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. 422 с.; *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX вв. М., 1990. 269 с.; *Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л.* Казанское ханство в панораме веков // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань, 2003. С. 263–290; *Котляров Д.А.* От Золотой Орды к Московскому царству: Вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017. 352 с.

B. L. Khamidullin

The Kazan State as an Integral Ethnopolitical Community of the Peoples of the Middle Volga Region and the Western Urals in the 15th–16th centuries

Summary. The Kazan Khanate (1438/1445–1552/1556), being a geographically large, politically and economically developed state, as well as a system-forming element for the entire Volga-Ural region, had a rich history. It played a serious role in the ethnopolitical life of Eastern Europe and Western Siberia, and made a significant contribution to the history of the peoples of Central Eurasia. The study of ethnocultural and socio-economic development of the population of the Kazan Khanate led the author to the conclusion that it was progressive. The peoples of the Kazan state realized positive fruits of their belonging to a single socio-political and ethnocultural space, as evidenced by their (at that time — quite logical) active long-term desire to preserve its integrity. As a result of the events of 1552–1556 the Middle Volga region was the first large multi-ethnic region incorporated into the Muscovite Kingdom, which has now and forever been transformed into Russia with its unique multi-national and multi-cultural appearance.

И. Л. Кызласов
Институт археологии РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/uu3t-mk6h-npkk

Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)

Редко какой иной университет так ясно помнит, столь глубоко воспринимает и справедливо превозносит былые труды своих выдающихся основоположников, как это делает ныне Казанский университет. В области гуманитарных наук он во многом обязан этому трудам своего профессора Рамиля Миргасимовича Валеева.

Занимаясь сибирскими древностями, думается, уместно почтить юбилей Рамиля Миргасимовича статьёй о том, когда и на каких землях основывались раннесредневековые учебные заведения тюркоязычных народов задолго до прихода к ним европейских университетов, в далекую эпоху рунического письма[1]. Твердо датированные ее памятники ныне известны с VIII по рубеж XI и XII вв.

Аннотация. Всякая письменность родилась внутри религии и сохранялась обученным жречеством, т.е. были школы. Неизвестно, какая религия изначально владела руническим письмом, но такая древняя религия была. Неведома вера, давшая орхонское письмо II Тюркскому и Уйгурскому каганатам VIII в. Но на Енисее манихейство применило местные енисейские руны, а они соединили книжность городских храмов с эпиграфикой горных культов. Слияние дало северное, сибирско-тюркское манихейство, широко разошедшееся с Енисея. В Южной Сибири и Центральной Азии енисейские руны в IX–X вв. образуют две зоны: одну — на Среднем и Верхнем Ени-

[1] Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

сее, другую — на Алтае и в Монголии, т.е. письмена выявляют два крупных образовательных центра. Видимо, один был в открытом археологами в Хакасии Уйбатском храмово-монастырском городе, второй действовал в Северо-Западной Монголии. Из этих «руническ-ких университетов» миссионеры разносили енисейскую грамотность. В эпитафии из Суджи (Е 47), вероучитель назван манихейским тер-мином *мар*, подтверждая бытность самого манихейства и его госу-дарственный статус. Речь идет о закладке князем монастыря на 100 человек. Во 2-ой пол. 1950-х гг. группировка видов тамг на енисейских эпитафиях Тувы показала их изменчивость по поколениям и лич-но-семейную принадлежность. Выделились 6 фамильных уделов, бывших во власти 6–7 поколений прямых потомков. Прототипы тамг происходили из Хакасии. Расклад тамошних лично-семейных тамг IX–X вв. также показал 6 наследственных наделов. Уйбатский город был в одном из них, лежавшем от тайги до самого Енисея. Но стел, подобных тюркским и уйгурским владыкам, не было создано в честь Кыргыз-кагана. Енисейские тамги не позволяют установить, в чьих землях возник и четыре-пять веков существовал Уйбатский храмовый центр. Все же манихейские монастыри и храмы, бывшие вкруг них поселки и города, различались по статусу. Хотя княжеские и государственные владения именовались общим словом *эль*, их положение отличалось. Надпись из Суджи говорит, что земли под монастыри отводились безвозмездно.

Образование в эпоху рунического письма

Хорошо известно, что для любого древнего и средневекового общества письменность была даром божьим, доступным лишь посвящённым, т.е. сферой религиозной жизни. Всякая пись-менность родилась внутри религии и существовала благодаря осознанной культовой деятельности специально обученного жречества. Науке пока неизвестно, какая религия издревле владела руническим письмом (а значит, имела Писание). Но такая древняя религия в Южной Сибири была. Именно сфера ее исконного обрядового применения, надписи поминального культа, сохранили наиболее архаичные формы письменных

документов, нашедшие отражения в облике енисейских эпитафийных стел[2].

Распространение грамотности среди мирян — аристократов и простолюдинов, — наблюдаемое в эпоху рунического письма[3], проводилось не ради светской образованности и праздного использования, а в целях объединения духовенства и паствы единой религиозностью, общностью верований и обрядов.

Вполне понятно, что письменности не бывает без школ, и что в Древности и в Средневековье эти школы были присущи религиозной сфере общества. Религиозная принадлежность раннего орхонского письма Второго Тюркского и Уйгурского каганатов начала и середины VIII в. остается неизвестной. Иная историко-культурная ситуация отличает обширную область енисейской руники. Достигнув Енисея, манихейство включило в свою религиозную практику уже существовавшую к тому времени местную руническую письменность[4]. Вместе с нею был естественным образом воспринят весь основной комплекс традиционного мировосприятия, тесно связанного с почитанием памятников седой старины — будь то писаницы на скалах или стоявшие в долинах изваяния и менгиры. Енисейские руны соединили книжную природу городских храмов с культовой эпиграфикой горных культов. Именно взаимопроникновение

---

[2] *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 1. С. 75–83 (далее: *Кызласов И.Л.* МРИТ–II); *он же.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 2 (далее: *Кызласов И.Л.* МРИТ–III).

[3] *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999. № 4 (далее: *Кызласов И.Л.* МРИТ–IV).

[4] *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М.: Изд. центр ИСАА МГУ, 1999; *он же.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура М.: Вост. лит. РАН, 2001.

новой философской доктрины и традиционных местных верований сформировало новое религиозное направление — северное, сибирско-тюркское манихейство, широко распространившееся как в Центральной, так и в Средней Азии и Казахстане.

Манихейская книжность несла не только мировоззренческую доктрину, но и историю собственного вероучения, начиная с биографии и деяний пророка Мани. Руническая енисейская письменность также отражала (не могла не отражать) свою концепцию постижения мира, выраженную в присущих ей еще доманихейских сакральных текстах. Это была философия понимания и объяснения окружающего мира, включавшая непротиворечивое восприятие как природных ландшафтных, так и всех древних рукотворных памятников, ставших деталью местного обитаемого пространства. Иными словами в древнехакасском обществе до прихода манихейства уже существовала собственная сакральная история. Основные черты этой сакральной истории, были восприняты пришлой философией, и привели к включению местных древностей в сохраняемое ею наследие[5].

Многочисленные примеры показывают исключительно молитвенное или религиозно назидательное содержание таких лаконичных наскальных начертаний. В надписях постоянно присутствует мотив греховности писавшего, его самоуничижения перед богом[6]. Тюркоязычные манихеи, молившиеся у скал и оставившие в знак этого краткие камнеписные строки, нередко указывали не только свои титулованные, но и простонародные имена[7]. В этом проявлялось осознание равенства людей перед богом. По этой причине и столь же часто приверженцы религии Света оставались в своих надписях безымянными. Вероятно, существовала уверенность, что бог знает каждого, кто к нему обращается.

---

[5] *Кызласов И.Л.* Енисейская руническая письменность и своеобразие северного, сибирско-тюркского манихейства // РТ. 2022. № 3–4.

[6] *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири…; *он же.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М.: Гуманитарий, 2003.

[7] *Кызласов И.Л.* МРИТ-IV. С. 100–103.

Палеографическая работа ныне выделяет в Южной Сибири и Центральной Азии[8] две большие зоны тюркоязычной манихейской культуры, с середины VIII в. признавшей своим священным письмом енисейские руны. В IX–X вв. одна из них, занимая земли Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин, была связана с классической енисейской письменностью, автохтонной для долины Среднего Енисея. Другая включала в свой состав Горный Алтай, Северо-Западную и Центральную Монголию. В ней на почве вытесняемого младшего орхонского письма сложился алтайский вариант енисейской письменности. Тем самым, эпиграфические памятники выявляют былое существование двух крупных образовательных центров, обучавших енисейскому руническому письму, изводы которого несколько отличались друг от друга. Надо думать, что первый из них, связанный с применением классической енисейской письменности, находился в открытом археологами Уйбатском храмово-монастырском городе, несколько веков существовавшем на землях современной Хакасии[9]. Область алтайского варианта енисейского рунического письма, наследовала уйгурскому манихейскому центру, ранее применявшему младшее орхонское письмо и действующему в Северо-Западной Монголии, точное местонахождение которого остается неизвестным полевой археологии.

Возведенные из сырцового кирпича монументальные храмы и монастырские постройки отличали религиозный комплекс на Среднем Енисее. Былые монастыри Горного Алтая, не имеющие ныне внешних признаков, т.е. возведенные из более легких и тленных, вероятно, древесных материалов, обнаруживаются по

[8] Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

[9] *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8. История. 1998. № 3; *Кызласов И.Л.* Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов VIII — начала XIII вв. // КСИА. 2019. Вып. 256.

скоплениям характерно начертанных наскальных молитвенных надписей[10].

На протяжении четырех–пяти веков (по крайней мере, со второй половины VIII по XI в. включительно), т.е. при жизни 16–18 поколений, непрерывно получаемое в подобных центрах руническое образование было довольно высоким. Особенности правописания, своеобразно нарушающие самобытные рунические нормы, указывают на то, что нередко древнетюркским литературным языком и руническим письмом овладевали уже грамотные люди, первоначально усвоившие орфографию письменности иной природы. О том свидетельствуют не только относительно поздние учебные алфавитные записи младшего орхонского письма уйгурского извода, обнаруженные в пещерных монастырях урочища Тойок в Турфанском оазисе, в которых значение рун поясняли пометки манихейской письменностью[11]. Такое вторичное миссионерское образование проявляют сопровождающие классическую орфографию два иных типа енисейского правописания — полногласная и псевдоруническая орфография[12].

Из двух таких «рунических университетов» и порождаемых ими манихейских монастырей расходились в IX–X вв. и, вероятно, позднее миссионеры. Они разносили енисейскую грамотность не только по близлежащим и дальним урочищам Южной Сибири

---

[10] *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I…; *он же.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. М.: Русаки, 2004; *он же.* Наскальные надписи на Чарыше // РТ. 2023. № 1–2.

[11] *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит. РАН, 1994. С. 105–142.

[12] *Кызласов И.Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. М.: Языки русской культуры, 1996; *он же.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1997. T. L., fasc. 1–3; *он же.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М.: Изд. центр ИСАА МГУ, 1999.

и Центральной Азии[13], но и по далеким землям современного Кыргызстана, южного и западного Казахстана. Сибирские руны и их обрядовое применение оказали сильное воздействие на местную письменную культуру. Палеографические, содержательные и орфографические особенности камнеписных строк региона позволяют определить даже те манихейские церковно-административные епархии, в которых писавшими было ранее получено руническое образование. Так, формульные и палеографические особенности енисейских надписей Средней Азии дают основание связывать его с долинами Среднего и Верхнего Енисея. Таласские письмена, с точки зрения палеографии, можно формально считать локальным вариантом енисейского письма, как это делается для его алтайского и тувинского вариантов, сохранивших в составе алфавита местные письменные знаки предшествующего времени. Орфография же таласских памятников прямо отражает новый этап той характерной традиции разделения слов, которая проявляется в енисейских наскальных надписях только Горного Алтая и Северо-Западной Монголии[14]. Как и сугубо археологические данные, последнее обстоятельство не позволяет относить таласское письмо ко времени ранее X в.

Основание манихейских монастырей князьями

В исторической науке существуют специальные исследования как об условиях раннего формирования монашеских общин в Древней Руси, основателями которых обычно выступали князья и бояре, так и о вопросе, передавались ли монастырям личные земельные владения князей-Рюриковичей и времени появления

[13] *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж: Воронежский гос. университет, 2001.

[14] *Кызласов И.Л.* Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов Междунар. научно-практического семинара. Алматы: Service Press, 2012.

церковной земельной собственности[15]. Енисейские рунические надписи Южной Сибири и Центральной Азии теперь и нам позволяют приступить к рассмотрению подобной проблематики в отношении Древнехакасского государства.

Енисейская эпитафия из Суджи (E 47), в которой вероучитель дважды, в строках 7 и 9, назван характерным манихейстским термином 𐰃𐰆𐰼 *мар*[16], является важнейшим письменным подтверждением существования самого манихейства и его официального статуса в государстве, возглавлявшимся династийным родом Кыргыз. Но ныне эта стела не единственный источник, исходящий изнутри самого общества, каким она была от начала XX в. до обнаружения манихейских храмов и разбора молитвенных наскальных надписей. Известные сегодня материалы позволяют по-новому понять содержание 7-ой строки енисейской надгробной стелы из Суджи (E 47), водруженной в конце IX в. в нынешней Монголии в честь нового властителя земель Уйгурского каганата, захваченных в середине того века древними хакасами. Из всего совокупного множества памятников енисейского рунического письма лишь в этой единственной эпитафии упомянута ее принадлежность «сыну Кыргыза» (𐰴𐰇𐰃𐰍𐰴:𐰃𐰇𐰃𐰇 qïrqïz oγlï, стк. 2)[17], поскольку аристократизм этого правящего древне-

[15] См., например: *Гардзанити М.* Основание Киево-Печерской лавры и формирование монашеского и городского пространства на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3; *Артамонов Ю.А.* К вопросу о монастырском землевладении Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1.

[16] *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. XXX, fasc. 3. Helsinki, 1913. S. 7, 9; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 76, 77, 399; *он же.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 84, 108; *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века / Библиотека историка. М.: Высшая школа, 1984. С. 146; *он же.* Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2. С. 200.

[17] *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische runeninschriften in der Nord-Mongolei… S. 4, 5, 7, 9; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности… С. 76, 77; *он же.* Енисейская письменность тюрков… С. 84, 85.

хакасского рода противопоставлен здесь поверженному в 840 г. династийному уйгурскому роду Яглакар[18].

В названной части надписи речь от первого лица идет о закладке на принадлежавших вельможному князю землях монастыря для сотни подвижников: m(a)r(ï)ma: jüz (e)r: turuγ: b(e)[r]t(i)m «Моему вероучителю (~ мару, наставнику в вере) я даровал прибежище на сто человек»[19]. Среди ряда предположений провидческую мысль об этом высказал еще Г.Й. Рамстедт[20]: «…дал своему "учителю" или "религиозному

[18] В ранней истории тюркских народов была исключительно велика роль аристократического рода. В каганатах народа тюрков (551–745 гг.) правителями были лишь представители рода Ашина, у древних уйгуров (745–840 гг.) — лишь рода Яглакар, в Древнехакасском государстве (VI в. — 1293 г.) — только рода Кыргыз. Институт одного аристократического рода принципиально отличался от пофамильно сменяемой династийной традиции Запада и Востока, и потому не понимался ни китайскими учеными древности, ни современной европейской и российской наукой. Между тем, он был широко известен и Восточной Европе: в IX–XII вв. власть на Руси передавалась внутри одного-единственного аристократического рода — в каждом городе правил лишь князь из Рюриковичей. В жизни народного имени выделяются три последовательных этапа: древний этноним — политоним — новый этноним. На стадии политонима (в условиях многоплеменного государства, называемого по имени правящего народа) бывший этноним нередко становится наименованием другого народа, с иным историческим прошлым, а часто — и с другим языком. Перестав быть наименованием народности со времен гуннского нашествия на Саяно-Алтай и смешения пришлых кыргызов-гяньгуней с аборигенами-динлинами, имя кыргызов превратилось в политоним (*Кызласов Л.Р.* Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII вв. // Народы Азии и Африки. 1968. № 4; *он же.* История Южной Сибири в средние века… С. 52–68), перешло на ряд других народов (например, кыргызов Тянь-Шаня), стало символом степной аристократии и для многих средневековых авторов, включая отписки царских воевод XVII в., было обозначением всей сибирской страны.

[19] *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири… С. 244.

[20] *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische runeninschriften… S. 7.

настоятелю" <…> сто мужчин и место проживания <…>, чтобы устроить общую или церковную школу…».

Во всем ясная фраза Суджинской надписи позволяет понять: манихейские монастыри в конце IX в. возникали на княжеских землях.

Удельная система землепользования

Во второй половине 1950-х гг. постижение графических основ всех типов тамговых знаков, высеченных при енисейских эпитафиях середины IX — конца X вв. на Верхнем Енисее, и выявление законов их графической изменчивости по поколениям привели к пониманию лично-семейной принадлежности местных аристократических символов[21] (рис. 1). Этим были заложены основы как для относительной датировки конкретных письменных памятников, связанных с известными событиями местной политической истории, так и начала построения енисейской палеографии.

Картографирование материала позволило выделить шесть крупных княжеских владений Тувинской котловины (рис. 2, 3).

Тем самым, был ясно показан приход на эти земли удельного централизованного правления, который произошел в IX в. в результате освобождения этой территории от Уйгурского каганата и включения ее в Древнехакасское государство. В середине XX в. выделение в Туве шести уделов (𐰉𐰇 *баг* енисейских надписей) породило мнение, что «каждый баг был передан хакасским каганом в качестве феодального надела во владение семье одного из хакасских военачальников-бегов, очевидно, из числа наиболее отличившихся в многолетней войне с уйгурами. <…> Стоявшие во главе бага крупные феодалы имели различные титулы, определявшиеся их должностным положением в системе каганата. Все шесть багов были объединены и названы в надписях "народом

[21] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3; *он же.* О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979.

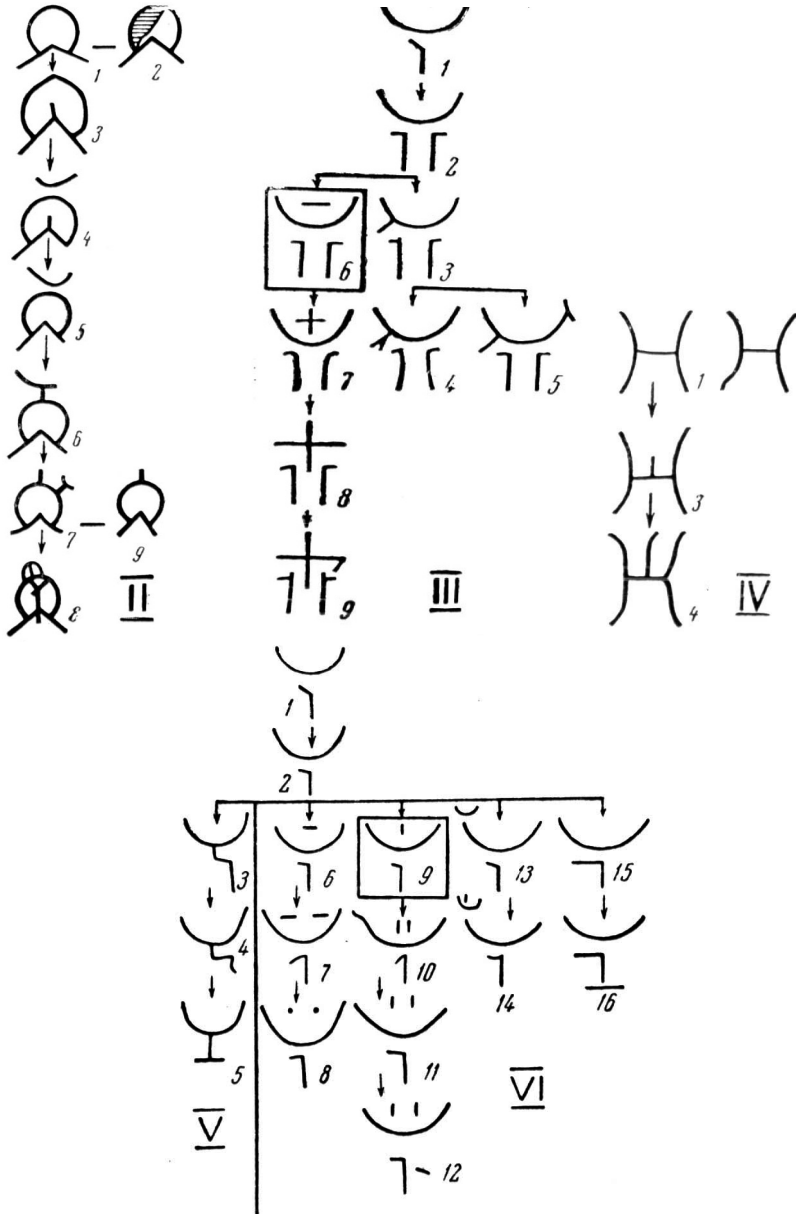


Рис. 1. Тувинская котловина. Таблицы древнехакасских лично-семейных тамг IX–X вв. II–V групп (по Л.Р. Кызласов 1965)

шести багов”»[22], а вся Тувинская котловина именовалась тогда 𐰋𐰇𐰃 𐰉𐰆 𐰃𐰏𐰣 altï baγ kešdim «шестиудельной (страной) Кешдим»[23].

Судя по совокупности эпиграфических данных, во всех этих фамильных уделах на протяжении 6–7 поколений властвовали прямые потомки получивших их князей[24] (рис. 1–3). Верхушка общества высоко ставила личную наследственную принадлежность к правящей знати, удостоверявшуюся обладанием личносемейными тамговыми знаками. Тем самым, существование в Древнехакасском государстве наследственного княжеского землевладения установлено со всей определенностью и сомнения вызывать не может.

К тамгам так называемой I группы принадлежал и не так давно выявленный герб Суджинской надписи в Монголии. В твердо выполнявшейся на енисейских эпитафиях последовательности крупно начертанная у основания тамга была выбита прежде самой надписи[25] и затем целиком покрыта плотными строками рунического текста. Так она стала незаметной для многочисленных исследователей, поначалу не знавших, а потом не учитывавших закономерностей енисейской эпитафийной традиции[26]

---

[22] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности… С. 114, 117; *он же.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во Московского университета, 1969. С. 123.

[23] *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков… С. 44, Е 25, 5; *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей… С. 194.

[24] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности…; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности…; *он же.* История Тувы в средние века… С. 122, 123.

[25] *Кызласов И.Л.* Порядок создания енисейских эпитафий // КСИА. 2023. Вып. 273.

[26] Другой случай перекрывания тамги одной из строк текста также зафиксирован лишь в прорисовке археологов: см. Элегест III (Тува, Е 53) и остался незамеченным рунологами, историками и филологами, даже после публикации рисунка Л.А. Евтюховой (*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 68, 72, рис. 21), неоднократного указания

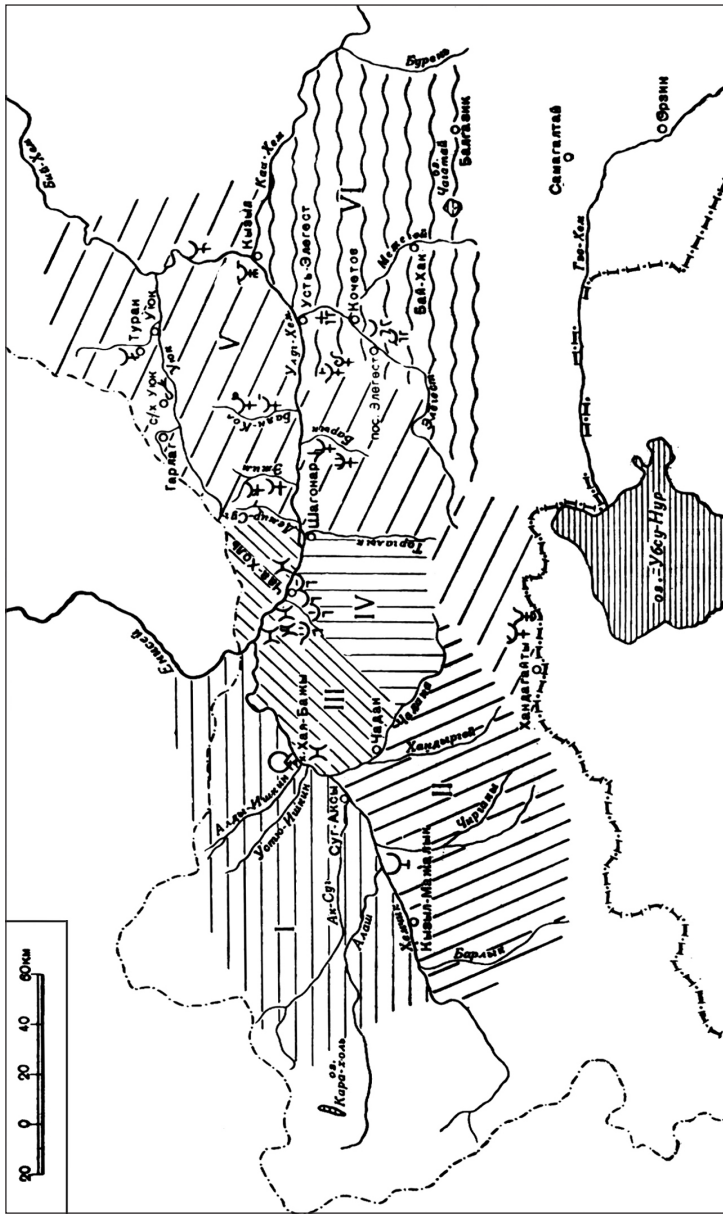
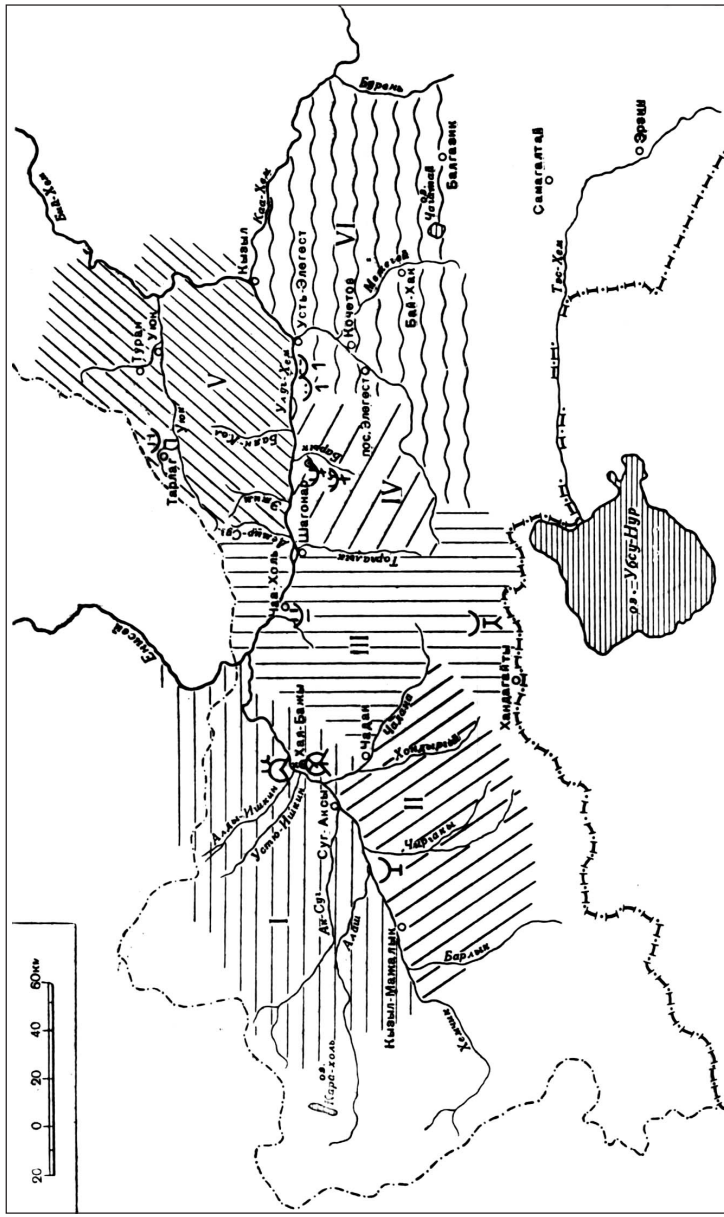


Рис. 2. Карта местонахождения тамг в Туве (середина IX – середина X в.).
Примерные территории шести багов (по Л.Р. Кызласов 1960)


Кызыл
Кем-Хем
Усть-Элегест
Кочетов
Бай-Хаак
Балгазын
Эрзин
Самагалтай
Тес-Хем
оз. Убсу-Нур
Шагонар
Чадан
Кызыл-Мажалык
Барлык
Хандагайты
Чаа-Холь
Тоора-Хем
Сыстыг-Хем
Ак-Суг
Алаш
Чыраа-Бажы
Хамсара
Чазылар
Чаданак
Хемчик
Бурен
Тарлаг
Туран
Уюк
Ийме
Ак-Хем
Ий-Хем
Элегест
Ак-Суг
Алаш-Ишкин
Улуг-Ишкин
Хараа-Хол
Хемчик
Чаданак
Хамсара
Барлык
Кызыл-Мажалык
Хандагайты
Чаа-Холь
Тоора-Хем
Сыстыг-Хем
Ак-Суг
Алаш
Чыраа-Бажы

(рис. 4). Эту тамгу на изданной фотографии, открывшего памятник Г.Й. Рамстедта[27], заметил лишь Л.Р. Кызласов. Произошло это уже к марту 1997 г., поскольку тогда нашло отображение в рукописи статьи, изданной в 1999 г. в академическом журнале[28]. Перед этим в личном рабочем экземпляре ранее вышедшей статьи[29] исследователь дополнил изображением тамги Суджинской стелы одно из некогда выстроенных им древ аристократических семей середины IX — конца X в. (рис. 5, *19*). С учетом видоизменения фамильных знаков по поколениям там же им была указана и дата создания Суджинской стелы — конец IX в. Эти наблюдения были обнародованы Л.Р. Кызласовым четверть века назад. К сожалению, тюркологи не следят за работой археологов, имеющей прямое отношение к основам историко-культурного понимания памятников рунического письма тюркских народов.

Именно стела «сына Кыргыза» отныне достоверно указывает на принадлежность всей I группы знаков, а, следовательно, и всех

в графических таблицах (*Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности… С. 103, 120, рис. 8, *9*; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности… Рис. 3, *4*; *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. 1970. М.: Вост. лит., 1970. Табл. 1, № 53). Ср., например, (*Аманжолов А.С.* К истории тюркского рунического алфавита // Қазақ тілі мен әдебиеті. 5-шығуы. Алматы: КазГУ, 1975. С. 103, Е 53, рис.; *он же.* История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003. С. 136; *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, Ленингр. отделение. 1983. С. 19, 52, 70; *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. С. 270, 279, 303; *он же.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. С. 144, вклейка, Е 53), однако, текст и фото Н. Базылхана (Қазақстан тарихы туралы деректемелері. II том. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 199б, 123ж.).

[27] *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische runeninschriften… Вклейка.

[28] *Кызласов Л.Р.* Манихейский храм в котловине Сорга… С. 200. Рукопись 1997 г. хранится в личном архиве исследователя.

[29] *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности… Рис. 1.

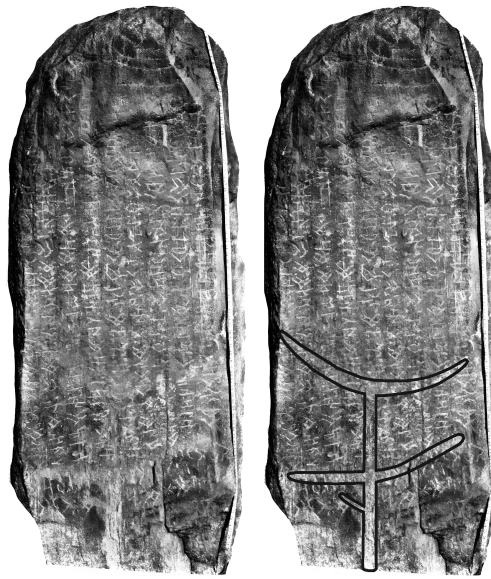


Рис. 4. Стела из Суджи (Е 47). *1* — фото Г. Й. Рамстедта (Ramstedt 1913), *2* — прорисовка тамги (по Л. Р. Кызласову)

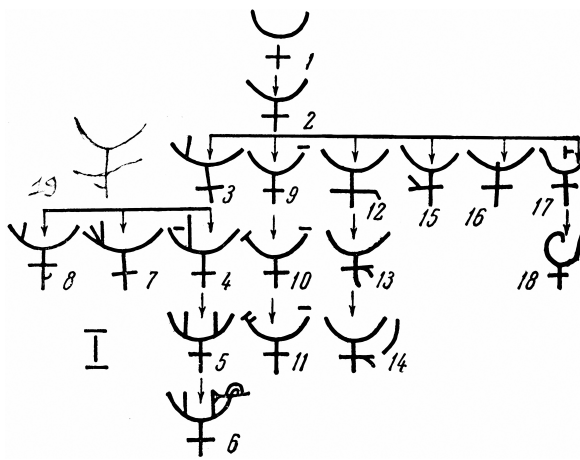


Рис. 5. Тувинская котловина. Таблица тамг I группы, дополненная Л. Р. Кызласовым знаком Суджинской стелы (№ 19) в домашнем экземпляре статьи 1965 г. с указанием даты: «конец IX [в.]»

остальных пяти групп «шестиудельной» Тувинской котловины, правящему роду Кыргыз Древнехакасского государства[30]. Хотя, как мы видели, это важнейшее обстоятельство было правильно понято, исходя из известных историко-политических свидетельств, впервые полученных для Тувы археологических и цельно проанализированных эпиграфических данных уже к 1960 г.[31].

Уже при систематизации тамг Верхнего Енисея были показаны их лично-семейные прототипы и аналогии в долинах Среднего Енисея. Происходящими из Хакасии оказались владельцы всех геральдических символов — групп I–VI[32]. Тогда же по материалам

[30] *Кызласов И.Л.* Порядок создания енисейских эпитафий… С. 275. Рис. 5.

[31] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности…; *он же.* Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. Серия IX. История. 1964. № 4.

[32] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности… С. 111–114; рис. 14, *1, 2, 9, 18*; рис. 14, *3, 4, 6–8*; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности… С. 44, 45, рис. 1, *13, 14*, 2, *1, 2, 9*, 3, *7*, 4, *3*. Из сказанного очевидна внеисторичность и потому полная искусственность членения и истолкования эпитафийных тамговых знаков Тувы, предложенные в конце XX в. лингвистом в отрыве и даже в противопоставлении их лично-семейным символам Хакасско-Минусинской котловины (*Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования… С. 6, 7, 11–17; *он же.* Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета, 2004. С. 175, 182; *он же.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология… С. 29 и др.). Рунологами часто не учитывается также, что речевые особенности резчика текста, лишь по обрядовому канону написанного от первого лица, не следует отождествлять с языковыми характеристиками самого умершего. Так, палеография девяти надписей Тувы свидетельствует о том, что памятники пришлым из-за Саян правителям были созданы местными грамотеями (*Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей… С. 93–98, 117–124; *он же.* МРИТ–II. С. 76, рис. 1; *он же.* К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // Alkïš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 199–200), судя по написанному, местной спецификой выделяется и фонетика ряда тувинских рунических памятников (*Кызласов И.Л.* К выделению автохтонных рунических памятников Тувы… С. 202–204). Отличают их также и собственные тамги, и содержание эпитафий, и правила размещения надписей на стелах

А.В. Адрианова 1904 г.[33] было показано типологическое многообразие тамг Среднего Енисея IX–X вв.[34]. Позднее вслед за древнехакасскими тамгами Тувы, были систематизированы и картографированы лично-семейные символы IX–X вв. в Хакасско-Минусинской котловине. В ту эпоху земли Среднего Енисея также оказались разделены между шестью наследственными наделами высокородной служилой знати и, согласно тамговым знакам, передавались внутри одной семьи в течение 6–7 поколений[35] (рис. 6).

Поиск основателя храмово-монастырского города

Указание Суджинской надписи на выделение древнехакасским вельможей IX в. особого участка местности для создания монастырской обители побуждает выяснить, не предоставлялись ли княжеские земли и под монументальные храмовые комплексы, обнаруженные в Хакасии. Догадку подтверждает аристократический тамговый знак в виде омеги, нанесенный на сырцовый блок большого уйбатского храма (Здание II) во втором строительном ярусе его существования (рис. 7). Судя по аналогии, встреченной в той же степи на парадной «кыргызской вазе» (рис. 8) (Абаканский чаатас, курган 1), эта тамга принадлежит к поздней поре культуры чаатас, т.е. к началу — первой половине IX в.[36].

(*Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей… С. 182, 183, 228, 230, рис. 15, 37; *он же.* МРИТ–II. С. 68–72, рис. 2–4; *он же.* К выделению автохтонных рунических памятников Тувы… С. 197–204, рис. 2–5).

[33] *Адрианов А.В.* Писаницы (Отчеты за 1904 год), 1904. Рукопись // Архив Музея археологии и этнографии Сибири при Томском гос. университете. Инв. № 55. 191 л. Машинописная копия, личный архив Л.Р. Кызласова.

[34] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности… Рис. 7, 8.

[35] *Кызласов И.Л.* Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 170–173, рис. 22.

[36] *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит.,

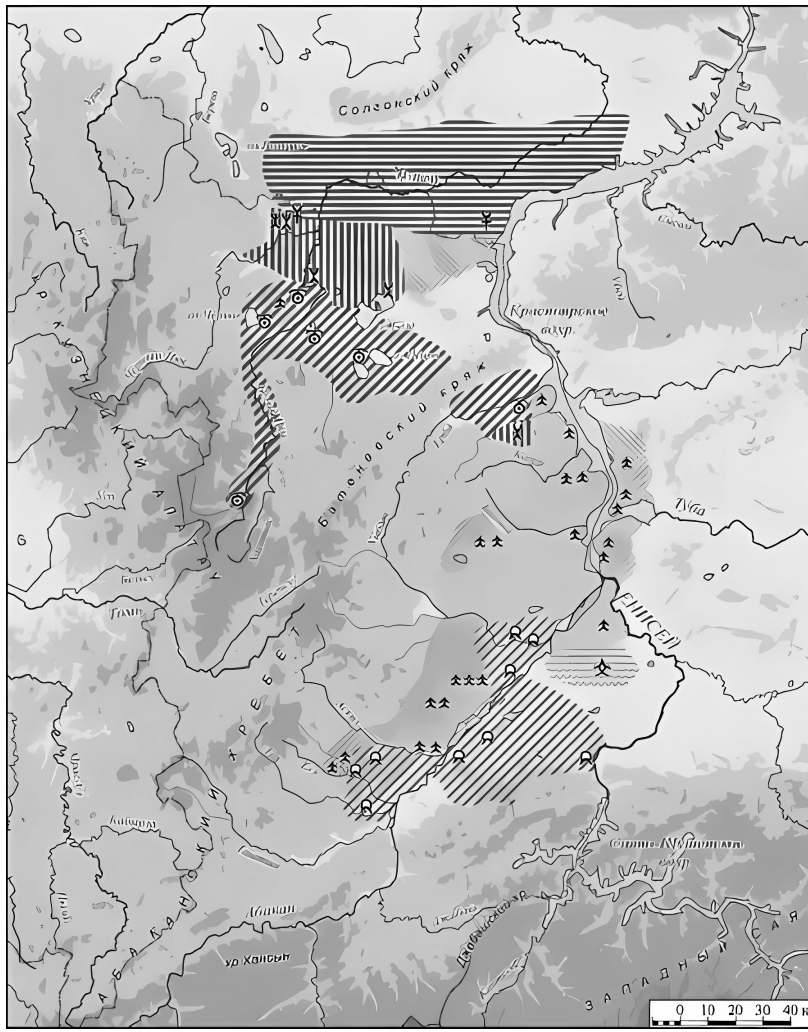


Рис. 6. Карта местонахождения тамг IX–X вв. в Хакасско-Минусинской котловине. Примерные территории владений (по И.Л. Кызласов 2019)

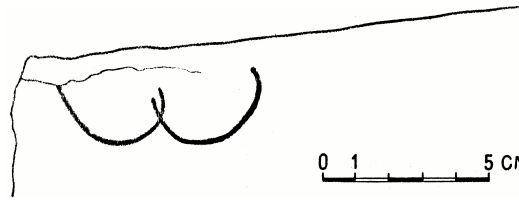


Рис. 7. Уйбатский город. Тамга на сырцовом блоке второго строительного яруса манихейского храма (Объект II, раскопки 1978 г.) (по И. Л. Кызласов 2021)

Длительно существовавший Уйбатский храмово-монастырский комплекс стал градообразующим центром, вслед за сакральной частью вызвавшим появление и регулярной жилой застройки[37]. Следовательно, далее речь следует вести о статусе земель, на которых возникали имевшие храмы города[38].

В середине IX — начале XI в. Уйбатский город располагался в пределах одного из шести наследственных уделов, выделяемых в Хакасско-Минусинской котловине по выработанной для Тувы методике: сплошного фиксирования, группировке и картографированию лично-семейных аристократических тамг (рис. 6, 9, *5*). Помимо низовьев Уйбата ему принадлежали земли на обоих берегах среднего течения р. Абакан — от таёжной р. Еси до р. Аскиза и на большей части противолежащей Койбальской степи: от р. Уты до самого Енисея (рис. 9, *3, 4, 6–11*)[39]. Фамильный

1990. Табл. 10, рис. 3; *Кызласов И. Л.* Храмовый городской центр на Уйбате (вторая половина VIII — начало XIII в., Хакасия) // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 203, рис. 1, *1, 2*.

[37] *Кызласов И. Л.* Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов VIII — начала XIII вв. // КСИА. 2019. Вып. 256.

[38] Исследования Л. Р. Кызласова вывели холмы оваловавшихся храмов в поисковые археологические признаки средневековых городов Хакасии, не имевших укреплений.

[39] *Кызласов И. Л.* Археологические признаки государственного межевания… Рис. 22. Оставляем в стороне знак, далеко оторвавшийся на север и посетительские отметки на общей для древних хакасов святыне — горе Тепсей у переправы через р. Упса (Туба) (рис. 9, *1, 2*).

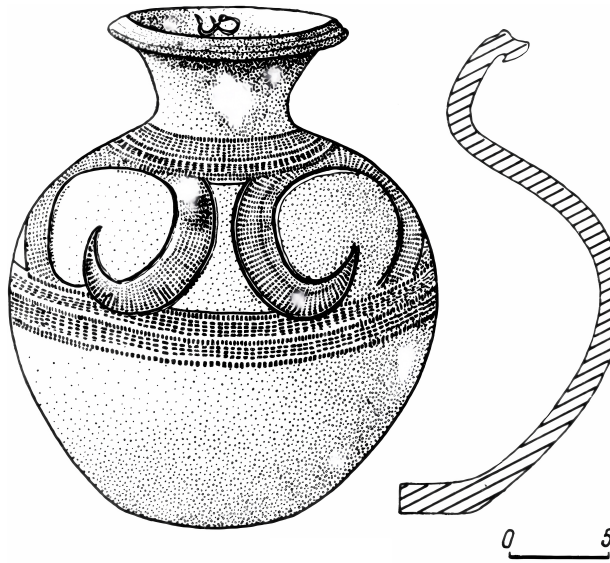


Рис. 8. Абаканский чаатас, курган 1. Тамга на «кыргызской вазе» (раскопки 1974 г.) (по Кызласов, Король 1990)

герб, отличавший это владение, имел вид окружности, прерванной вторгающимся снизу углом. Кроме Хакасии, после захвата Тувы в 840 г. он был также отмечен там как знак одного из шести багов (тамги группы II)[40]. Обладатели этого, изменявшегося по поколениям семейного символа занимали высокое положение. В двух сохранившихся эпитафиях Хакасии — Означенная I (E 25) и Абаканский памятник (E 48) — оба умерших носили титул правителя-тутука (𐰇𐰆𐰚𐰆/𐰃𐰆𐰚𐰆tutuq)[41], а на почитавшейся тувинской скале на р. Хемчик внутри самой такой тамги указан

[40] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности… С. 111, 112, рис. 8, *1–6*, 16, I; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности… Рис. 2.

[41] *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков… С. 45–47, 93–96, рис. 8; *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования… С. 33–40, 44–60; *он же.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология… С. 114, 115, 138–140. Две подчеркнутых буквы передают один рунический знак оригинала.

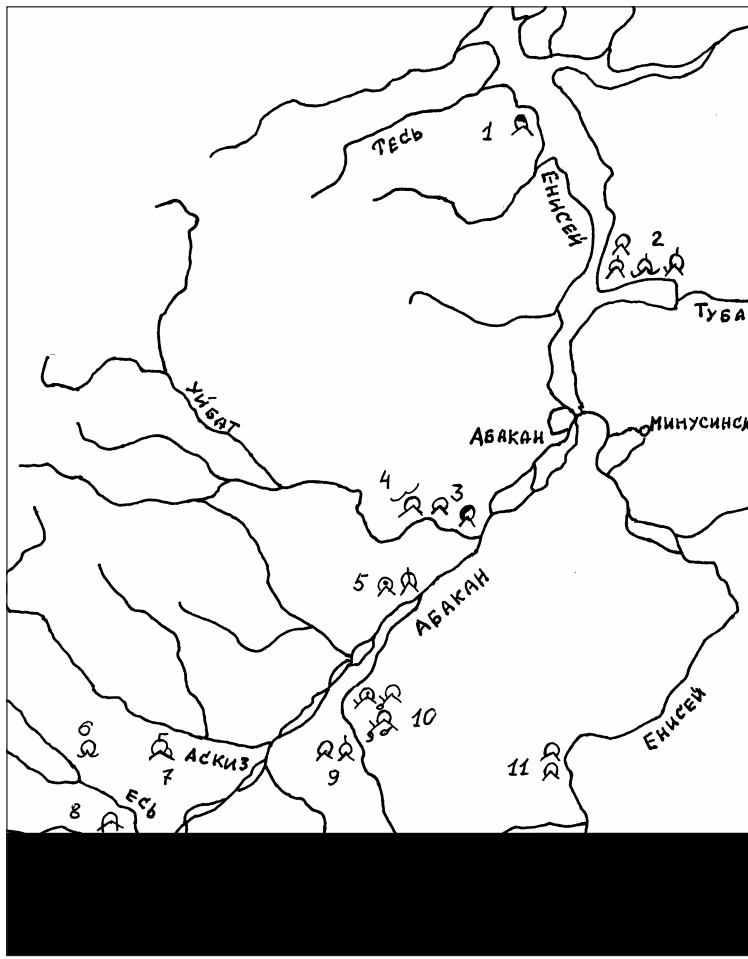


Рис. 9. Хакасско-Минусинская котловина. Карта местонахождения тамг IX–X в. Территория эля, в землях которого стоял храмовый Уйбатский город (пункт 3). *1*– Абаканская писаница близ пос. Абакано-Перевоз; *2* — гора Тепсей; *3* — Абаканский памятник (Е 48); курган близ пос. Оросительный; *4* — курган к юго-востоку от пос. Оросительный; *5* — курганы близ пос. Тутатчикова и Абаканского чаатаса; *6* — скала Кёк-хая; *7* — скала Хара-хая; *8* — курган на р. Есь; 9 — курганы на р. Уты близ пос. Койбалы; *10* — Куйбышевский чаатас; *11* — стелы Означенная I (Е25) и II (Е 104)

Рис. 10. Тува. Скала Хая-Бажи. Тамги и надпись E 24 / IX. Фото автора, 1982 г.

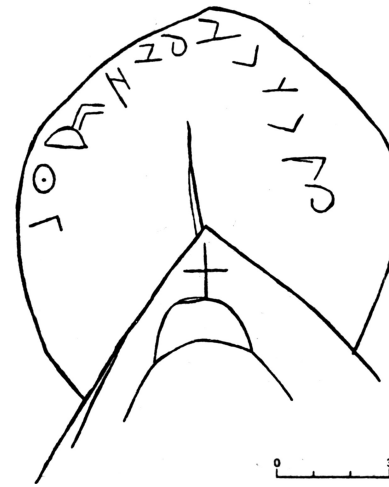


Рис. 11. Тува. Скала Хая-Бажи. Тамги и надпись E 24 / IX. Прорисовка автора, 1982 г.

титул *таянгу* (𐰉 𐰇 𐰃 𐰾 tajaŋu) «опора правителя» (Хая-Бажи E 24 / IX)[42] (рис. 10, 11).

Эти высокие должности были подчинены главе государства. В енисейских надгробных надписях, включая две названные, невзирая на личные титулы, неизменно указывалось вассальное положение умершего по отношению к своему сюзерену (не является исключением и привлекавшаяся ранее мною Суджинская стела E 47). Во всех древнахакасских эпитафиях этот верховный правитель неизменно назывался не присущим эпохе титулом каган (𐰆 𐰉𐰍 𐰴), а архаичным для тюркских языков того времени термином *хан*, возглавляя социально показательную местную формулу: «мой хан и мой эль» (𐰾 𐰺 𐰾 𐰆 𐰴 qanïm elim). Следо-

[42] *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей… С. 192, рис. 26. Судя по размещению на плоскости, и надпись, и нижний символ с крестом на вершине вписаны в крупную тамгу позднее, уже после ее нанесения на скалу.

вательно, порядок подчиненности в древнехакасском обществе был трёхчленным: каждый князь служил тому, кто был выше его (своему хану), и управлял теми, кто был ниже его (своим элем)[43]. Таким образом, понятие *эль* обозначало княжеские владения: земли и живших на них подданных[44].

В енисейских эпитафиях также названы официальные представители эля как единого государства, управлявшие территориальными группами удельных княжеств. Ими были тутуки. Так, в отношении Тувинской котловины, в IX в., как уже сказано, разделенной между князьями-Кыргызами на шесть наследственных владений-багов, на надгробной стеле Уюк-Тарлаг (E 1, стк. 1) о титулованном аристократе Эль Тоган-тутуке 𐰚𐰃𐰍:𐰉𐰴𐰍𐰃𐰍𐰸𐰇 сказано и как о представителе (*эльчи*) Древнехакасского эля в общедержавном значении слова, и как о князе-правителе всего шестиудельного народа Тувинской котловины:

:𐰍𐰋:𐰉𐰓𐰍𐰃:𐰋𐰴𐰍𐰃:𐰋𐰃𐰏:𐰃𐰋𐰺𐰍:𐰋𐰸:𐰃𐰋𐰺𐰍𐰇:𐰋𐰃𐰏:𐰃𐰋𐰺𐰍𐰇
𐰋𐰸:

täŋri elimkä elčisi ertim, altï bay bodunqa begi ertim — «Я был представителем у моего божественного эля, я был князем у шестисоставного народа»[45] (с открытием порядка эпитафийного ру-

---

[43] В этом владения-эли князей-Кыргызов, наделяемые высшей властью, были подобны уделам князей-Рюрюковичей Древней Руси раннего, лествичного периода ее истории, предшествовавшего династийной раздробленности (*Горский А.А.* Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. С. 355–356).

[44] Постижение термина *эль* имеет значительную историографию. Первичное его значение несут именно енисейские эпитафии. Согласно им, элем именовалась каждая иерархическая ступень княжеского землепользования: от удельного владения вассального бега до высшего сюзеренного владения кагана. Общегосударственный смысл слова преимущественно отражают орхонские эпитафии. Обозначение *баг* ныне отмечено только в отношении Тувинской котловины, присоединенной к Древнехакасскому государству.

[45] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности… С. 117; *Кызласов И.Л.* МРИТ–III. С. 72, рис. 5.

нического письма от нижней строки к верхней, по восходящей лесенке, прочтение текста как стк. 2 устарело)[46].

В это время императоры Китая пишут правителям Древнехакасского государства (наши переводчики называют их *каганами* или *ханами*) об их единоличном управлении «всеми вассалами» и «вносящими подати ясашными». Тем самым, письменные источники указывают на существование частного и государственного землепользования, позволяя увидеть, что «в государственные земли входили кроме пашен и пастбищ правящего рода все горно-таежное пространство, а также захваченные и присоединенные земли»[47]. Именно это обстоятельство проникновения в таежные долины отражает, в частности, западный и юго-западный участки составленной ныне карты размещения владельческих тамговых знаков Хакасско-Минусинской котловины (рис. 6).

Однако выделить из известного енисейского эпитафийного собрания памятник верховному правителю Древнехакасского государства и установить соответствующий ему тип тамговых лично-семейных знаков ныне невозможно. Нет сомнения, что князьям-Кыргызам были хорошо знакомы величественные орхонские монументы, создаваемые каганам рода Ашина у народа тюрков и каганам рода Яглакар у древних уйгуров. На стеле Кюль-тегина прямо сказано об участии в поминальных церемониях посольства, пришедшего от Кыргызов[48]. Разгромив Уйгурский каганат и захватив земли Монголии, князья-Кыргызы не только видели, но и посещали мемориалы былой родовитой знати как тюрков, так и уйгуров: сословное единство аристократии осознавалось, несмотря на принадлежность к разным государствам. В знак таких визитов на изваяниях и плитах остались знакомые

[46] *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков… С. 11–12; *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования… С. 160–161; *он же.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология… С. 91.

[47] *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века… С. 121–124; *он же.* История Южной Сибири в средние века… С. 124.

[48] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности… КТб, 4.

нам древнехакасские тамги IX–X вв. Такая кыргызская тамга, рядом со вторично выбитой уйгурской, была, например, нанесена на главном балбале мемориала Бильге-кагана (рис. 12, ср. рис. 5, *5*, *6*), представители четырех разных семейств князей-Кыргызов отметились своими тамгами и краткой надписью 𐰚𐰃 (e)r на плите мемориала Шивет-Улан (рис. 13, 14)[49].

До наших дней на землях современной Монголии сохранилось 11 мемориалов высших тюрких и уйгурских аристократов с описаниями их деяний орхонскими рунами. В пределах Древнехакаского государства наука ныне знает уже 90 эпитафий енисейского рунического письма VIII–XI/XII вв. В Южной Сибири памятную стелу ставили не отдельным выдающимся деятелям, как на Орхоне, а едва ли не каждому представителю правящего рода Кыргыз. Но ничего подобного поминальным надписям тюркских или уйгурских владык не было создано в честь Кыргыз-кагана.

Эту бросающуюся в глаза особенность енисейской эпитафийной традиции можно, пожалуй, объяснить лишь отличиями в официальной обрядовой философии[50]. В Тюркском каганате,

---

[49] *Кызласов И.Л.* Почитание военной аристократии в раннем средневековье: свидетельства последующего посещения тюркских мемориалов // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей. В 5-ти т. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 3; *он же.* Вторичное использование тюркских аристократических мемориалов. Археологические заметки на полях орхонского атласа, изданного в Казахстане // Turkic Studies Journal. 2022. № 3. Рис. 12 воспроизведен мною по: *Жолдасбеков М., Сарткожаулы К.* Атлас орхонских памятников. Астана: Күлтегін, 2006; рис. 13 — по: *Самашев З., Цэвээндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А.* Древнетюркский культово-поминальный комплекс Шивээт Улаан. Астана: ФИА, 2016.

[50] Здесь не удастся обсудить, но надо поставить этот важный для осознания вопрос политической культуры эпохи. Говорит ли подмеченное своеобразие о том, что в местном общественном сознании древнехакасский верховный правитель находился в едином ряду с остальными бегами (𐰉𐰆𐰑) рунических надписей — с прочими князьями-Кыргызами? Внутри страны он не назывался каганом, а носил древний среднеенисей-

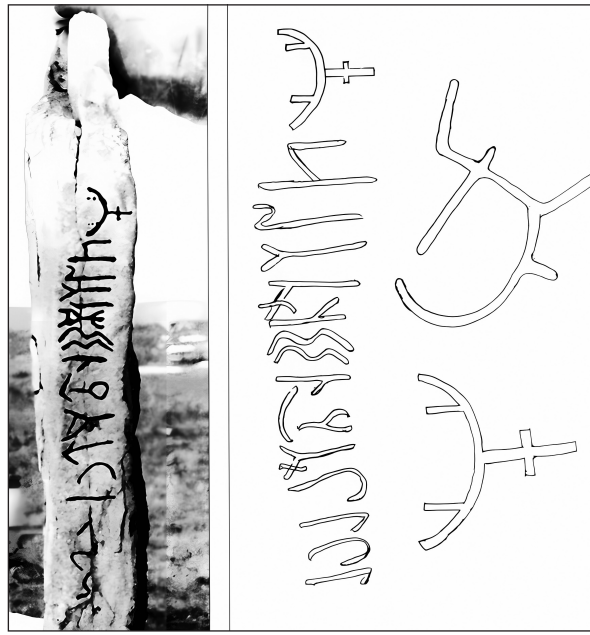


Рис. 12. Монголия. Мемориал Бильге-кагана, 735 г. Надпись на главном балбале (руны уйгурского времени) и древнехакасская тамга I типа середины X в. Тонированное фото и прорисовка (по Жолдасбеков, Сарткожаулы 2006)

начав писать памятные камнеписные тексты на канцелярском согдийском языке, их располагали прямо на исконных, с VI в. создаваемых портретных поминальных изваяниях (Малый Хо-

ский титул *ажо*. Вероятно, восходя еще к динлинскому наследию (прослеженному как в погребальных обычаях, так и в характерной лексике) это звание неслучайно сохранялось до начала XVIII в., эпохи вхождения «Киргизской земли» в состав России. До этого времени, согласно русским источникам, верховный правитель («лучший князь») избирался на съездах кыргызской аристократии. (*Кызласов Л.Р.* Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках… С. 88, 91–92; *он же*. История Южной Сибири в средние века… С. 15–17, 25, 53–62; *он же*. О присоединении Хакасии к России / Труды Хакасской археологической экспедиции. 3: Страницы истории и современность. Вып. 2. Абакан; М.: Изд-во Хакасского гос. университета, 1996. С. 4, 28, 30, 44–46).

Рис. 13. Монголия. Мемориал Шивет-Улан. Плита с разновременными тамгами посетителей (по Самашев и др. 2016)

Рис. 14. Монголия. Мемориал Шивет-Улан. Посетительские древнехакасские тамги IX–X вв. и краткая енисейская надпись (er) на плите. Выделены автором (по И. Л. Кызласов 2022)

нахай (Чжаосу), Восточный Туркестан[51]). Однако, вскоре военно-политическая знать не пожелала уступать имперской культуре Китая. Так появились эпитафийные стелы тюркских мемориалов, внешне подобные китайским, но поначалу, в конце VI в., по-преж-

[51] *Takashi Osawa.* Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians — Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Ēran ud Anērān. Studies presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday. Venice, 2006: http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/osawa.html (дата обращения 20.02.2025).

нему начертанные на согдийском языке и согдийским письмом (Бугут, Монголия)[52], а с первой трети VIII в. — уже по-тюркски орхонскими рунами. Эта традиция, дополненная хвалебными прижизненными каганскими монументами (стела Моюн-чура/Боян-чора), вместе с младшим орхонским письмом была сохранена Уйгурским каганатом до 40-х гг. IX в.

Исчезновение орхонских эпитафий в Монголии объясняется гибелью создававших их государств — в 745 г. Второго Восточнотюркского и в 840 г. Уйгурского каганатов. Иной была природа у обычая возведения енисейских надгробных текстов, бытовавшего более четырех столетий и завершившегося лишь на рубеже XI и XII вв., в период полноценного расцвета Древнехакасского государства. В енисейских эпитафиях, глубоко архаичных как по форме, так и по содержанию, удалось выделить тексты, имевшие явные признаки нового вероучения, и словесные формулы, присущие манихейской религии. Само появление камнеписных стел на Енисее, несомненно, связано с распространением манихейской письменной культуры и грамотности[53]. Согласно археологическим памятникам, Древнехакасское государство пережило два этапа развития манихейской религии. Став официальным вероисповеданием, оно постоянно укреплялось в общественном сознании. С середины IX по начало XI в. ее идеологическое воздействие изменило погребальную обрядность и привело к распространению молитвенных рунических надписей на скалах. К рубежу XI и XII вв. именно манихейская идеология привела к исчезновению древнехакасских эпитафий[54].

Их горестные строки об утраченной жизни явно противоречили новому религиозному убеждению, согласно которо-

[52] Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии / Отв. ред. А. Фейзулаев, ред. колл. Самарканд: МИЦАИ, 2022. С. 36–40.

[53] *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // РТ. 2013. № 2. С. 84–87.

[54] *Кызласов Л.Р.* Манихейское мировоззрение и раннесредневековые археологические памятники // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 250.

му душа умершего устремлялась в царство Истины и Света, в то время как живущие оставались в мире смешения Добра и Зла, Греха и Скверны. Помимо известных доктринальных сочинений манихейства, именно так характеризуют земной мир енисейские наскальные надписи Кёк-Хая (Хакасия), Мендур-Соккон III и Чарыш II (Горный Алтай). Возможно ли было оплакивать души умерших, когда того заслуживали лишь души живых?

***

Таким образом, енисейское тамговедение не позволяет напрямую установить, в чьих земельных владениях возник и веками существовал Уйбатский храмовый центр. Однако, исходя из всего сказанного, можно полагать, что манихейские монастыри и храмы, как и образующиеся затем вокруг некоторых из них поселки и города, сооружались в соответствии с их различающимся статусом: одни — в княжеских, а другие — в ханских (государственных) владениях. Хотя и те, и другие владения именовались общим понятием *эль*, но они отличались по реальному общественному положению. Употребленная в Суджинской надписи глагольная форма 𐰚𐰇 [𐰉]𐰴 b(e)[r]t(i)m — «я даровал», свидетельствует о том, что земли под монашеские прибежища на княжеском уровне отводились безвозмездно, поступая в монастырскую собственность. Вероятно, на тех же условиях выделялись и ханские земли. На стеле из Суджи монастырь назван 𐰋𐰼𐰃𐰆𐰴 turuγ, в наскальной надписи на р. Кара-Коле — 𐰉𐰃 eb/ev[55].

Условия предоставления земель для монастырских обителей и храмов, обнаруженные благодаря сопоставлению эпиграфических и археологических данных, являются очередным свидетельством официального, государственного статуса манихейской религии в Древнехакасской державе. Тем самым, манихейская идеология и церковная организация с VIII в. не могла не играть роли в развитии государственности в стране, охватившей огромные пределы Южной Сибири и Центральной Азии на долгие

[55] *Кызласов И.Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае… С. 112–115.

4,5 столетия. В частности храмовые и монастырские центры, несомненно, были центрами консолидации не только местного населения, но миссионеров и паломников из дальних районов страны и ее зарубежья.

Список сокращений

ВМУ — Вестник Московского университета
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН
РА — Российская археология
РТ — Российская тюркология
СА — Советская археология

I. L. Kyzlasov
Institute of Archaeology
of the Russian Academy of Sciences

Allocation of Lands for Manichaean Monasteries and Temples (New Reading of Line 7 of the Sudzhin Stele)

Summary. Every written language was born within a religion and was preserved by a trained priesthood, i.e. there were schools. It is unknown which religion originally possessed the runic script, but obviously such an ancient religion existed. The faith that gave the Orkhon script to the 2nd Turkic and Uyghur Khaganates of the 8th c. is unknown. But on the Yenisei, Manichaeism used local Yenisei runes, and they combined the written culture of the town temples with the epigraphy of mountain cults. That interaction gave the northern, Siberian-Turkic Manichaeism, which spread widely from the Yenisei banks. In the 9th-10th cc. the Yenisei runes formed two zones in the Southern Siberia and Central Asia. One was on the Middle and the Upper Yenisei, the other — in Altai and Mongolia, and they revealed two large educational centers. Apparently, one was in the Uybatsky temple-monastery town discovered by archaeologists in Khakassia, the second operated in Northwestern Mongolia. The missionaries spread the Yeniseian literacy from those «runic universities». In the epitaph from Sudzha (E47) the

religious teacher is called by the Manichaean term *mar*, confirming the existence of Manichaeism itself and its state status of the official foundation of a monastery for 100 people. In the second half of the 1950^{s}, the combination of types of tamgas on the Yeniseian epitaphs from Tuva showed their variability in generations and personal-family affiliation. Six family fiefdoms were distinguished, which were in the power of six or seven generations of direct descendants. The prototypes of the tamgas came from Khakassia. The layout of the local personal and family tamgas of the 9th-10th cc. also showed six hereditary fiefdoms. The Uibat town was one of them, lying from the taiga to the Yenisei. But steles similar to those of the Turkic and Uyghur rulers were not created in honor of the Kyrgyz Khagan. The Yenisei tamgas do not allow us to establish in whose lands the Uibat temple center arose and existed in during the period of four-five centuries. However, the Manichaean monasteries and temples, the settlements and towns that were around them, differed in status. Although the princely and state possessions were called by the common word *el*, their status was different. The inscription from Sudzha says that the lands for the monasteries were allocated free of charge.

С. А. Французов
Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/gada-nx1u-46bm

Персидские глоссы у ад-Дӣнаварӣ

Аннотация. В статье рассмотрены три персидские глоссы, приведенные у Абӯ Ḥанӣфы ад-Дӣнаварӣ (III в. хиджры / IX в.н.э.) в «Книге долгих рассказов» в связи с сообщением о побеге из цитадели Мерва заключенного там предводителя йеменитов Хорасана по имени Джудайʿ б. ʿАлӣ ал-Аздӣ ал-Кирмānӣ. Узник, пробиравшийся по водостоку едва не был укушен змеей, так что крайне эмоциональный обмен репликами между ним и его *маулой* передан по-персидски, т.е. на том языке, на котором арабская знать общалась с местным населением, в том числе обратившимся в ислам. В заключении дан анализ этих глосс, предложена их интерпретация.

«Книга долгих рассказов» (*Китāб ал-Аḫбāр аṭ-ṭивāл*) Абӯ Ḥанӣфы Аḥмада б. Дāʾӯда ад-Дӣнаварӣ (III в. хиджры / IX в.н.э.)[1] является ценнейшим нарративным источником по раннемусульманской эпохе (первым трем векам ислама). Это произведение неразрывно связано с историей отечественной арабистики, ибо оно было критически издано ее выдающимся представителем В. Ф. Гиргасом[2] по двум спискам, петербургскому[3] и единствен-

[1] Годом кончины этого выдающегося представителя средневековой арабо-мусульманской историографии считается 281 или 282 г. хиджры (894–895 гг.н.э.), а также любой последующий год до 290 (902–903 г.н.э.) (*Lewin B.* al-Dīnawarī // The Encyclopaedia of Islam. New Editiom. Vol. II. 4th impression. Leiden: E. J. Brill, 1991. P. 300).

[2] *Abû Ḥanîfa ad-Dînaweri.* Kitâb al-Aḫbâr aṭ-ṭiwâl / publié par Vl. Guirgass. Leide: E. J. Brill, 1888.

[3] Ныне хранится под шифром В 1052 в ИВР РАН, куда поступила сразу после революции в составе рукописного собрания Института восточных языков Азиатского департамента МИД. В издании был обозначен как Р.

ному известному в то время лейденскому[4]. Кроме того, за два с лишним десятилетия до этого, пожалуй, наиболее интересный раздел «Книги долгих рассказов» был включен в «Арабскую хрестоматию» под заглавием «Упоминание о конце государства Умаййадов» (*Зикр авāхир даулат банӣ Умаййа*)[5].

При чтении ее со студентами привлекает внимание эпизод, связанный с побегом из темницы в цитадели Мерва предводителя йеменитов[6] Джудайʿа б. ʿАлӣ ал-Аздӣ (из племени ал-азд), известного также как ал-Кирмāнӣ (из Кермана), который был брошен туда умаййадским наместником Хорасана Наср б. Саййāром, предводителем местных мударитов[7], из-за разногласий, связанных с уплатой жалования, в середине шаʾбана 126 / конце мая 744 г.[8]

Вот как реконструировал этот побег на основании сведений, содержащихся у аṭ-Ṭабарӣ, выдающийся историк-арабист

---

[4] Разночтения с открытым несколько позже вторым лейденским списком были учтены И.Ю. Крачковским, опубликовавшим также предисловие и указатели к этому изданию (*Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī*. Kitāb al-Aḫbār aṭ-ṭiwāl / Préface, variantes et index publiés par Ign. Kratchkovsky. Leide: E.J. Brill, 1912).

Лейденские списки обозначены в издании как L и I. Сейчас они находятся в Библиотеке Лейденского университета под шифрами Or. 2595 и Or. 4993 (*Voorhoeve P.* Handlist of Arabic Manuscripts in the Library of the University of Leiden and Other Collections in the Netherlands. 2nd enlarged edition. The Hague; Boston; London: Leiden University Press, 1980 (Bibliotheca Universitatis Leidensis, Codices manuscripti, VII). P. 9).

[5] *Гиргас В.Ф.*, *Розен В.Р.* Арабская хрестоматия. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1876. С. 195–221.

[6] Основная группировка так называемых «южных арабов», или кахтанидов,

[7] Одна из основных группировок так называемых «северных арабов», или ʿаднанидов (*Пиотровский М.Б.* Предание о химйаритском царе Асʾаде ал-Камиле. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 11, 68).

[8] О датировке этого события см.: *Большаков О.Г.* История Халифата. IV: Апогей и падение арабского Халифата. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. С. 237–238.

О.Г. Большаков, специализировавшийся по домонгольскому времени: «Цитадель Мерва, известная в археологической литературе как Эрк-Кала, была сложена из кирпича и глинобитных блоков, и это облегчило побег ал-Кирмани. Его сторонники обнаружили старый подземный водосток, расширили его и на двадцать девятый день помогли ему выбраться наружу. Вдобавок к страхам, вызванным возможностью застрять под землей, ал-Кирмани наткнулся на змею, которая обвилась вокруг него, но, к счастью, не укусила»[9].

Происшествие со змеей изложено у ад-Дīнаварī куда детальнее, причем для большей реалистичности в повествующий об этом текст оказались вставлены персидские (точнее, новоперсидские) глоссы, посредством которых передается кульминация действия:

ثم اجتبذه ثانيًا حتى انتهى به النصف فاذا هو بحيّة في الثقب فنادى
الكرماني مولاه بَذْبَخْت مار اى حيّة قد عرضت فقال مولاه بَكَزْ بَكَزْ اى عضّها

«Затем потянул его *маула*[10] во второй раз, так что вытащил его наполовину, и вот перед ним в отверстии (водостока) змея. Тогда завопил ал-Кирмāнī своему *маулe*: “Несчастный! Змея!” — имея в виду, что змея появилась. И сказал ему его *маула*: “Укуси, укуси!”[11] — имея в виду, что она ужалит»[12].

---

[9] Там же. С. 238, 332, примеч. 51. Со ссылкой на: Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / ed. M. J. de Goeje. Series II. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1885–1889. P. 1861–1862; the History of al-Ṭabarī / An Annotated Translation. Vol. XXVI: The Waning of the Umayyad Caliphate/ Prelude to Revolution. A.D. 738–745/A.H. 121–127 / transl. and annotated by C. Hillenbrand. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 228–229 (у О.Г. Большакова ошибочно: «пер., с. 289–290»).

[10] Тот, кто перешел под покровительство арабского племени, но не стал его полноправным членом. В период Великих арабских завоеваний в эту категорию вошло немало представителей покоренных арабами народов, принявших ислам.

[11] Скорее всего, это надо понимать как истеричный вопль *маулы*: «Кусай, кусай же, тварь!»

[12] *Гиргас В.Ф., Розен В.Р.* Ук. соч. С. 208.8–10.

Этот отрывок воспроизведен в издании *Китāб ал-Ахбāр ат-тивāл*, выполненном В. Ф. Гиргасом, с единственным разночтением: персидское слово *мāр* «змея» воспроизведено в нем дважды: «Змея, змея!» (مارْ مارْ)[13]. Среди опубликованных вариантов чтения таковой не отмечен[14], однако обращение к петербургскому списку данного сочинения, переписанному «где-то в Аравии» в 1061 г. хиджры[15] (1651 г.н.э.), показывает, что в нем слово *мāр* приведено только один раз. Точнее, *мāр* и следующее за ним слово *ай* «то есть» написаны в этой рукописи без пробела (مارای), затем между ними поставлен небольшой значок исправления, и на полях начертан правильный вариант без всякого намека на повтор этого слова: *мāр ṣаχχа* «змея — верно» (B 1052, fol. 186r.22; см. рис. 1). Таким образом, в список разночтений следует внести, по крайней мере одну поправку, указав на единократное употребление слова *мāр* в петербургском списке. Интересно, что оно в отличие от остальных персидских глосс этого отрывка не отражено в словаре к «Хрестоматии»[16], возможно, из-за принадлежности к базовой лексике.

Эпитет *базбаχт* «злополучный, несчастный», которым Джудай‘ ал-Кирмāнī явно наградил самого себя, в словаре представлен[17] как и глагол *газīдан* (گَزِيدَن) «кусать», который дважды в форме повелительного наклонения *баказ* (بَكَزْ)[18] прокричал *маула*. Следует отметить, что во всех трех списках *Китāб*

---

[13] *Abû Ḥanîfa ad-Dînaweri*. Kitâb al-Aḫbâr aṭ-ṭiwâl / publié par Vl. Guirgass. Leide: E. J. Brill, 1888. P. 351.21.

[14] *Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī*. Kitāb al-Aḫbār aṭ-ṭiwāl / Préface, variantes et index publiés par Ign. Kratchkovsky. Leide: E. J. Brill, 1912. P. 78.

[15] Ibid., P. 19.

[16] *Гиргас В.* Словарь к Арабской хрестоматии и Корану. Казань: Типография Императорского Университета, 1881 (переиздан с унификацией имен собственных при сохранении пагинации под заглавием: Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. М.; СПб.: «Диля», 2010).

[17] Там же. С. 52.

[18] Там же. С. 73.

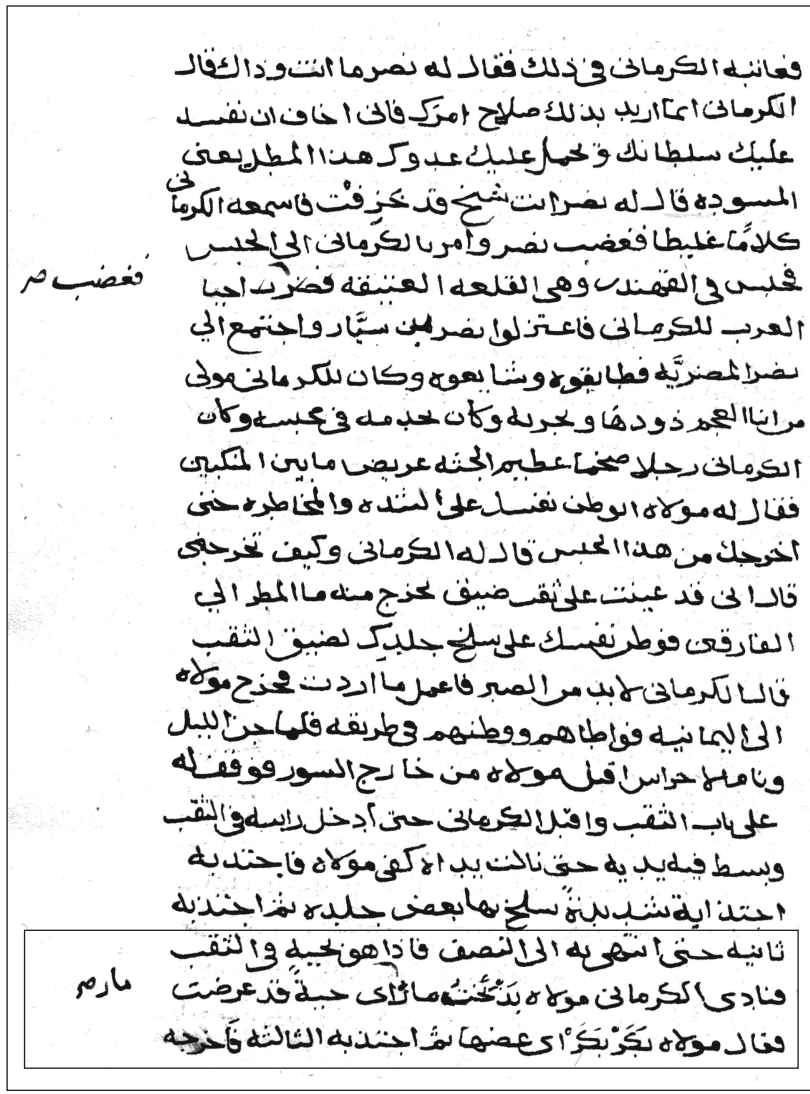


Рис. 1. Лист рукописи ИВР РАН (B 1052, fol. 186r)

ал-Аχбāр аṭ-ṭивāл вместо *баказ баказ* написано *бакар бакар*[19], что неудивительно, ведь корень *Б-К-Р* в арабском весьма продуктивен, а корень *Б-К-З* не представлен вовсе. Так что чтением بكز вместо بكر мы целиком обязаны издателю.

Появление в тексте персидских глосс призвано было показать, что при бытовом общении друг с другом представители арабской этноплеменной знати и обратившиеся в ислам выходцы из местного населения использовали персидский (точнее, новоперсидский) язык.

Необходимо подчеркнуть, что у ад-Дӣнаварӣ персидские глоссы не переводятся буквально, а истолковываются в соответствии с ситуацией. Так, выкрик «Несчастный! Змея!» объясняется тем, что змея появилась в водостоке, а «Укуси, укуси!» интерпретирован как «ее укус», т.е. в виде конструкции из *маṣдара* глагола «кусать» *ʿаḍḍ* и местоименного суффикса *-хā* (3 л.ж.р. ед.ч.), относящегося к змее.

Заимствования из персидского встречаются у ад-Дӣнаварӣ не только в прямой речи. Так цитадель Мерва, откуда сбежал Джудай', обозначена персидским именем нарицательным «крепость»[20] с арабским определенным артиклем: *ал-ḳухундуз*[21].

Как известно, в 1934 г. было намечено осуществить перевод «Книга долгих рассказов» Абӯ Ḥанӣфы ад-Дӣнаварӣ на русский язык коллективом из восьми человек под руководством И. Ю. Крачковского, но по ряду причин работа эта завершена не была[22]. Впрочем, написанные от руки отдельные части этого перевода хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН. Интересно

---

[19] *Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī.* Kitāb al-Aḫbār aṭ-ṭiwāl / Préface, variantes et index publiés par Ign. Kratchkovsky. Leide: E. J. Brill, 1912. P. 78.

[20] *Le Strange G.* The Lands of the Eastren Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Muslim conquest to the time of Timur. Cambridge: at the University Press, 1930. P. 428: «Ḳuhandiz, the common name for 'fortress' in Persian».

[21] *Abû Ḥanîfa ad-Dînaweri.* Kitâb al-Aḫbâr aṭ-ṭiwâl / publié par Vl. Guirgass. Leide: E. J. Brill, 1888. P. 351.7.

[22] *Долинина А. А.* Невольник долга. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. С. 271.

проследить, есть ли среди них раздел с персидскими глоссами. Из находящихся в Архиве материалов видно, что «Отр[ывок] 334–379»[23] было поручено перевести А.М. Беленицкому[24]. Но он ограничился чрезвычайно кратким пересказом содержания. Вот как у него изложен ход событий, связанных с противостоянием северных и южных арабов в Хорасане:

«… контр-выступление (так! — *С.Ф.*) мударитов, посадивших на трон Халифата в 127 г. хид. = 744 г.н.э. Мервана ибн-Мухаммеда. Вражда двух племен нашла свое выражение в Хорасане в борьбе между старейшиной йеменидов (так! — *С.Ф.*) ал-Кермани и Насром-ибн-Сейяром, что, по словам Динавери, «отвлекло их от преследования Абу Муслима и его последователей: так что его дело усилилось и распространилось по всему Хорасану». Все попытки Насра-ибн-Сейяра примириться с ал-Кермани кончились безрезультатно»[25]. И ни намека на бегство «старейшины йеменидов» из цитадели Мерва, тем более об эпизоде со змеей.

S.A. Frantsouzoff
Persian Glosses in al-Dīnawarī

Summary. The article analyses three Persian glosses attested in the *Book of Longer Stories* (*Kitāb al-Akhbār al-ṭiwāl*) by Abū Ḥanīfa al-Dīnawarī (3rd/9th century), in its fragment where the escape of the Yemenites' leader in Khorasan called Djuday‘ b. ʻAlī al-Azdī al-Kirmānī from the citadel of Marw is described. The prisoner crawling through drain was nearly bitten by a snake which provoked an extremely short emotional dialogue between him and his *mawlā* in Persian. The Persian language was the language in which the Arab tribal nobility communicated with the local population, including those who converted to Islam. In conclusion is given the analysis of these glosses, as well as their interpretation.

[23] Речь идет о страницах лейденского издания, а интересующие нас глоссы представлены на с. 351.

[24] АВ ИВР РАН. Раздел 1, оп. 8, ед. хр. 109.

[25] Там же. Л. 7.

Н. Н. Дьяков
Восточный факультет СПбГУ

DOI: 10.48612/IVRRAN/tkbf-8rkb-rvfk

الجزائر: حرب مليون شهيد

Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962)

Аннотация. Алжирская война, всколыхнувшая мировую общественность на рубеже 1950–60-х гг., дала наиболее яркий и драматический опыт антиколониального движения XX в. Итогом кровопролитной эпопеи, унесшей в общей сложности около миллиона жизней, стало не только освобождение Алжира от 130-летнего господства Франции, но и падение 4-й Республики, а затем и полное крушение одной из крупнейших трансконтинентальных империй Нового времени. Опыт колониальной истории Алжира заслуживает, на наш взгляд, большего внимания, нежели ему уделялось. Не случайно, кстати, *«алжиризацией»* называли исследователи и наблюдатели сложные общественно-политические процессы на постсоветском пространстве, которые затронули судьбы миллионов «русскоязычных», в одночасье оказавшихся за бортом своей исторической родины. Война 1954–1962 гг., по сути, разделила

Фотография из сборника фотодокументов: Algerien. L'Algérie. Ein Bildband von Dirk Alvermann. Berlin, 1960

новейшую историю Алжира, как и всего бывшего «французского Магриба», на два практически равных этапа: *1) период относительной стабилизации колониального режима в первой половине XX столетия и далее 2) время стремительного подъема антиколониального движения и далее полвека «революционно-демократических» преобразований в социальной, политической и культурной сферах жизни.*

Почему все же и сегодня мы обращаемся к событиям 70-летней давности, развернувшимся на севере Африки и так часто напоминающим о себе на страницах книг А. Камю, Ж. Руа или А. Аллега, в стихах, песнях и фильмах, ставших классикой мирового искусства XX в.?

— Миллион погибших и искалеченных в ходе «зачисток» и «допросов под пытками»? (За восемь лет алжирской войны ее жертвой стал каждый десятый житель страны, при этом погибли до 900 тыс. «туземцев» и более 100 тысяч «алжироевропейцев»).

— Обреченность колониального общества, которое не смогли гарантировать от взрыва 130 лет «цивилизаторских» усилий одной из ведущих европейских держав?

— Безысходность «колониального тупика», о котором и сегодня нередко говорят применительно к ситуации в разных концах Евразии, в частности, в Передней Азии?

— Провал политики ассимиляции, которая должна была превратить в единое цивилизационное поле традиции и наследие многих народов и племен, сведенных некогда историей на алжирской земле: арабов и берберов, евреев и западносуданцев, итальянцев, испанцев и, конечно, французов?

— Какова причина краха этой колониальной утопии? Была ли это пресловутая несовместимость Востока и Запада или, может, извечная неуживчивость нового с традиционным; своего, кровного, с чужим, тем более с навязанным силой?

— Что толкнуло освободившийся Алжир на путь «социалистической ориентации»? Когда и как, казалось, на давно распаханной «народной революционной демократией» почве пустили корни

арабский и берберский национализм, исламский фундаментализм и леворадикальная анархия?

— Способны ли алжирцы воспринимать себя как единую нацию в границах своего государства, или правы были аналитики из метрополии, объявлявшие Алжир исключительно «креатурой» французского «цивилизаторского гения»?

— И, наконец, остался ли у самих алжирцев иной путь к выживанию и спасению от молоха новой гражданской войны, кроме массовой эмиграции в бывшую метрополию, или другие страны Запада и Востока?[1]

К сожалению, вряд ли сегодня, на пороге уже второй четверти XXI в. можно найти ответ на все эти вопросы, хотя, безусловно, он помог бы разобраться в перипетиях колониального и постколониального развития далеко не только алжирского общества.

На протяжении своей тысячелетней истории Алжир становился частью то одной, то другой империи местного или общерегионального значения. С древности побережье Среднего Магриба притягивало к себе захватчиков со всех концов Средиземноморья.

За тысячу лет до Рождества Христова финикийцы, а потом и их преемники — карфагеняне-пуны основали здесь десятки портов-факторий. После падения Карфагена земли античной Нумидии и Мавритании почти на полтысячелетия перешли под власть Рима, поставляя ему рабов, зерно и масло, вино и фрукты, дары недр и морей: металлы, самоцветы, жемчуг, коралл и т.п. В V в. уже нашей эры в Алжир пришли вандалы, а спустя еще столетие он оказался под властью Константинополя.

С приходом арабов и ислама на рубеже VII–VIII вв. земли и племена Алжира редко объединялись под властью общего правителя. По существу, лишь войдя в XVI в. в состав Османской империи в качестве ее западной провинции — *эялета Джазаир-и-Гарп*, Алжир, да и то лишь в северных своих областях, впервые получил шанс развиваться как единое, а со временем и почти независимое от Порты, государство во главе с правителем-

[1] *Дьяков Н.Н.* К 50-летию начала освободительной войны в Алжире // Ближний Восток и Северная Африка. СПбГУ, 2004. С. 4–16.

деем, избиравшимся местной янычарско-пиратской верхушкой и утверждавшимся Высокой Портой.

Три столетия османской истории Алжира (1520–1830) пришлись на период европейской колониальной экспансии на Востоке и в Африке. Борьба христианских держав и Порты за влияние в Средиземноморье дала на закате средневековья один из первых примеров западной «антитеррористической коалиции», объединившей «цивилизованный Запад» против пиратов «варварийского берега» — от Ливии на востоке, через Тунис и Алжир, вплоть до Марокко — на западе.

Военная и политическая напряженность у берегов Магриба не ослабевала и в Новое время. К концу XVII в. Франция объединила полученные от Османов концессии в Алжире в единую «Африканскую компанию», получившую монополию на поставки зерна и вскоре ставшую одной из самых доходных на французском рынке.

Посредниками в хлебных поставках из Алжира в Марсель выступали два известных торговых дома: Бакри и Буснаха. По-соседски доверившиеся им *деи* Алжира десятилетиями не могли получить от французов оплаты за зерно, которое, кстати, существенно поддержало Наполеона в его кампаниях в Европе и на Востоке. Решив напомнить в апреле 1827 г. о «старом долге» Парижа, дей Хусейн получил от консула Пьера Деваля не вполне дипломатичный и почтительный ответ. Возмущенный дей проучил невежу ударом опахала, вошедшим как в мировую историю, так и в историю французского колониализма.

Оскорбление французского дипломата вызвало в Париже острую дискуссию о необходимости похода на север Африки, которая подогревалась хором марсельских купцов и банкиров. В этих условиях, несмотря на предупреждения из Лондона, не желавшего усиления своего извечного соперника, Карл X, после ряда демонстративных попыток увещевать Хусейн-дея, дал согласие на подготовку «африканской кампании».

Алжир представлял собой лакомый кусок для Франции. Расположенный вблизи ее южного «лазурного» берега (ок. 700 км), лишенный военной поддержки от дряхлеющей Порты и к тому же

потерявший свой некогда грозный флот в результате карательных атак со стороны США (1815), Англии и Голландии (1816), Алжир имел еще дерзость требовать от Парижа оплаты по «хлебным кредитам», превышавшим 7 млн фр.

Судьба западного *эялета* Порты была предрешена. Подошедшая к его берегу эскадра из полутысячи боевых и транспортных судов, с почти 40-тысячным десантом на борту открыла летопись колонизации Магриба. Легко подавив сопротивление войск дея, французы под командованием графа де Бурмона вынудили его капитулировать 5 июля 1830 г., захватив заодно казну и товаров более чем на 50 млн фр.

Дальнейший ход столь успешно начатой африканской кампании был приостановлен Июльской революцией (1830), но вступивший на престол «король-буржуа» Луи-Филипп Орлеанский после недолгих колебаний вновь поднял знамя войны.

В августе 1834 г. под возраставшим давлением купцов и банкиров, а также по рекомендации парламентской «Африканской комиссии», Луи-Филипп объявил о присоединении захваченных алжирских земель к Франции.

Не в состоянии подавить сопротивление туземных племен, вовсе не считавших, что капитуляция *дея*, турецкого вассала, означала сдачу всей страны неверным европейцам-*«руми»*, французы часто прибегали к «неконвенциональным» способам ведения войны. Они выжигали селения и посевы, тысячами вырезали женщин, детей и стариков, иногда просто загоняя их в пещеры-«душегубки» и заваливая выход горящим фашинником.

Первых побед на начальном этапе сопротивления алжирцы добились, благодаря политическому и военному таланту эмира Абд аль-Кадира — *шерифа-хашимита* и вождя-*мукаддама* местной ветви суфийского *тариката* Кадирийя, возглавившего джихад осенью 1832 г. Сплотив враждовавшие прежде племена и религиозные братства, он наносил крупные потери французским войскам, принуждая их к перемирию.

Не секрет, что выгодные для обеих сторон перемирия-передышки подчас достигались не только победами алжирских *муджахидов*, но и просто взятками, от которых не отказывались

и высшие чины французской армии. В их числе был и будущий губернатор, «отец колонизации» Алжира Т.Р. Бюжо, некоторые офицеры и генералы в самом Париже, за определенную мзду оказывавшие содействие алжирцам.

Преследуя Абд аль-Кадира на последнем этапе войны, французы в 1844 г. вторгаются в Марокко, обстреливая Танжер и Могадор и впервые заявив о намерении распространить свою африканскую кампанию на владения марокканского султана.

Вынужденный капитулировать (1847), эмир Абд аль-Кадир с семьей и ближайшими соратниками был выслан в Тулон (1848), где застал очередную французскую революцию. Основатель первого алжирского национального государства, Абд аль-Кадир пережил и 2-ю французскую республику, и 2-ю Империю, закончив свои дни под Дамаском (1883).

Принятая в 1848 г. конституция 2-й Республики провозгласила Алжир французской землей и обеспечила законодательную базу для массовой эмиграции и колонизации. Стремясь ослабить социальную напряженность, республиканское правительство отправляло в колонию тысячи люмпенов и просто бомжей.

Плоды этой политики описал тогда в своих путевых заметках российский доктор Артемий Алексеевич Рафалович (1816–1851), посетивший Алжир и Тунис для изучения эпидемий чумы и холеры: *«Туземный мусульманский элемент везде постепенно исчезает: или — от умножившейся бедности, чрез то, что всеми ветвями торговли и промышленности овладели европейцы, с которыми не могут состязаться арабы, или — от губительного действия страшного разврата и пороков, прививаемых образованными завоевателями…»*[2].

Земельная спекуляция, обнищание «туземцев» вынудили новую имперскую администрацию возродить в колонии «*режим сабли*» из опасения новых бунтов. В рамках амбициозного плана создания средиземноморского «арабского королевства» под эгидой «императора французов» Наполеон III в 1863 г. провозгласил

[2] *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 209.

таким «королевством» Алжир, а его племена — «несменяемыми владельцами их земель». Рассматривался вопрос о передаче престола в этом «королевстве» самому Абд аль-Кадиру, проживавшему тогда в Сирии и даже получившему орден Почетного легиона за спасение сотен местных христиан в дни друзско-маронитской резни 1860 г.

Поражение французов в войне с Пруссией (1870) произвело в колонии эффект разорвавшейся бомбы. «Алжиро-европейские» рабочие поддержали Парижскую Коммуну, а «туземцы» подняли восстание в горной Кабилии, охватившее почти треть населения страны. С трудом подавив эти выступления, власти 3-й Республики (1870–1940) развернули широкие репрессии, установив секвестр на землю восставших и начав массовое интернирование всех неблагонадежных в пустынные области юга.

3-я Республика окончательно сделала выбор в пользу ассимиляции колонии — «привязывания» ее политических, экономических, правовых и прочих институтов к соответствующим структурам метрополии. *«Алжир — это Франция с 1834 г. так же, как Бретань — с 1491 г., Эльзас — с 1645 г., Корсика — с 1769 г., Савойя — с 1860 г.»*, — утверждали политики-ассимиляционисты вплоть до середины XX в.

В 1874 г. Алжир посетил капитан генштаба А.Н. Куропаткин (1848–1925), впоследствии — военный министр России. В своем военно-историческом очерке Алжира он подметил главную цель ассимиляции: «*сделать Алжир как бы частью Франции*». С захватом Алжира «туземцы пришли в соприкосновение с европейцами, что отразилось на них как в лучшую, так и в дурную сторону: увеличился рынок сбыта ремесленных товаров, были проложены дороги, возрос уровень потребностей». С другой стороны, завоевание Алжира сопровождалось «разорением побежденного народа», а частые восстания, вместе с повальными болезнями и голодом, еще больше истощали его.

Между тем, колония начала приобретать и более привлекательные для внешнего мира черты. Добравшись за сутки из Марселя в столицу Алжира, европейцы чувствовали себя там как дома. *«Они находят здесь те же кофейни, какие посещали*

еще накануне в Марселе; перед ними мелькает та же шумная, говорящая по-французски, толпа, какую покинули они не так еще давно на парижских бульварах; те же парижские газеты предлагаются крикливыми гаменами, и мимо мчатся такие же трамваи и омнибусы, как в самой метрополии...», — писал в конце XIX в. Э. Циммерманн[3].

Химеры ассимиляции приносили свои плоды. Именно им была обязана рождением типичная для колониальной среды категория «*мусульфранков*» — выпускников колониальной школы, не видевших для своей страны иного пути развития, кроме как под крылом «матери-Франции». Накануне и в годы первой мировой войны на службу в армию и на предприятия метрополии было мобилизовано до четверти миллиона алжирцев, ставших затем фундаментом многочисленной «трудовой эмиграции», насчитывающей сегодня во Франции более 3 млн магрибинцев.

Военные конфликты, в которых Франция участвовала в первой половине XX в., не могли не отразиться на положении дел в колонии. Попытки реформ 1918–1919 гг., юбилейный пафос торжеств в честь 100-летия завоевания Алжира на пороге 1930-х гг., демократический «просвет» периода Народного фронта (1936–1938), трагедия капитуляции 1940 г., разгул вишистских и итало-германских служб, наконец, союзный десант в Магрибе в 1942–1943 гг. — все это порождало, а затем и рассеивало новые иллюзии как у адептов ассимиляции, так и у радикалов-националистов.

Выступления 8 мая 1945 г. в Кабилии и в других районах страны, спровоцированные не без участия властей, привели к репрессиям, в результате которых, по некоторым данным, было убито и ранено в общей сложности не менее 40 тысяч человек[4].

[3] *Циммерман Э.* Из Туниса в Алжир // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. С. 39.

[4] Официальная французская статистика давала гораздо более «скромное» число жертв колониальных репрессий в мае 1945 г.: около 1 тысячи. Правда, эти данные считали заниженными даже американские СМИ.

Так, победный май 1945 г. открыл завершающий этап борьбы алжирцев за независимость.

Война 1954–1962 гг. вызвала шумную реакцию международной общественности. Левые и правые политики во Франции, во всем «*франкофонном*» мире и далеко за его пределами, разразились бурей комментариев и прогнозов. Алжирская проблема выплеснулась на трибуны парламентов и ООН. Советские аналитики «вскрывали суть» войны в Алжире как «агонии» французского и мирового империализма.

Эскалация военных действий и все более согласованные, умелые акции алжирских патриотов вынудили французское правительство перебросить в колонию почти весь личный состав своей армии, а затем и тысячи резервистов, сосредоточив здесь к 1958 г. почти 800-тысячную группировку. В распоряжении же Фронта национального освобождения (ФНО) в то время имелось до 60 тысяч регулярных бойцов-*муджахидов* и около 100 тысяч партизан-*мусабилей и федаев*, но главное — поддержка большинства населения, готового на любые жертвы, чтобы вернуть себе национальное достоинство.

Война в Алжире и провал «тройственной агрессии» против Египта в период Суэцкого кризиса (1956) вызвали политический кризис в самой Франции, окончившийся майским переворотом 1958 г. и приходом к власти Шарля де Голля — последней надежды «сеньоров колонизации». Однако, столкнувшись с катастрофическим падением престижа Парижа при всей бесплодности усилий гигантской колониальной машины и надеясь еще сохранить в Алжире выгодные позиции, дабы не потерять, хотя бы, недавно обнаруженную в здешней Сахаре нефть, де Голль пошел на неизбежный тогда исторический компромисс, заявив в сентябре 1959 г. о признании Францией права алжирцев на самоопределение. Начались переговоры, а с ними и мятежи «ультра», обвинявших президента в измене и более 30 раз готовивших на него покушения.

Железной рукой де Голль выводил страну из лабиринта имперских иллюзий. После прошедшей в 1960–1961 гг. серии переговоров, долгое время не приносивших плодов, но все же

означавших признание Парижем полномочий ФНО и ВПАР (Временного правительства Алжирской республики), был, наконец, выработан протокол для решающих встреч, которые состоялись 7–18 марта 1962 г. в г. Эвиане.

Эвианские соглашения определили условия прекращения огня, сроки и порядок проведения референдума о независимости Алжира, а также принципы дальнейшего развития его сотрудничества с Парижем. Портфель подписанных в Эвиане деклараций вобрал в себя качественно новый опыт урегулирования отношений между бывшей колонией и метрополией. Проведенный 1 июля 1962 г. референдум подтвердил и без того известное положение вещей: 99% алжирцев высказались за предоставление стране независимости. Через два дня Франция признала независимость своей старейшей колонии на севере Африки, а 5 июля, ровно через 132 года после капитуляции дея Хусейна, Алжир был официально объявлен суверенным государством.

Итоги войны в Алжире еще раз напомнили о непреложной, хотя и не очень приятной, истине: вернуть отобранное силой можно лишь силой. Эпоха алжирской войны дала рождение новому поколению глашатаев бунта. Достаточно вспомнить, что именно на этот период алжирской истории пришелся пик общественно-политической деятельности одного из главных трибунов антиколониализма Франца Фанона (1925–1961) — борца против расизма, автора знаменитых «Проклятьем заклейменных», ставших на пороге 1960-х гг. руководством к действию как для революционных вождей «третьего мира», так и для западных интеллектуалов «нового левого движения».

Антиколониальные и антивоенные выступления Ф. Фанона — одного из наиболее ярких публицистов алжирского ФНО, его теория насилия во имя национального и социального освобождения оказали прямое влияние не только на масштабы колониальных потерь, но и на политические потрясения в самой Франции как в мае 1958 г., так и затем в «горячем мае» 1968 г.

Кстати, именно это десятилетие, от падения 4-й Республики во Франции и прихода Ш. де Голля к власти вплоть до его отставки под давлением выступлений студентов и рабочей молодежи, во

многом стало определяющим для последующего общественно-политического развития Алжира.

Триумф освободительного движения и провозглашение АНДР в 1962 г. поставили страну перед новыми испытаниями. Еще на последнем этапе войны, с осени 1961 г., наметился массовый исход европейцев из Алжира. В итоге к моменту провозглашения АНДР в сентябре 1962 г. во Францию, а также и в Америку, Австралию и т.п., выехало более 800 тысяч «алжиро-европейцев», что, наряду с послевоенной разрухой, практически поставило страну на грань экономического краха.

Укрепление левого крыла ФНО и избрание в сентябре 1963 г. первым президентом АНДР одного из исторических вождей-основателей ФНО Ахмеда Бен Беллы, обусловило радикальный характер реформ на начальном этапе независимого развития: «Алжирская революция, — заявил Бен Белла, — должна держать винтовку в левой руке, а плуг — в правой!» Антиимпериалистическая позиция А. Бен Беллы вскоре была оценена. В ходе первого официального визита президента АНДР в Москву весной 1964 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Три года пребывания А. Бен Беллы у власти были наполнены значительными переменами в общественно-политической жизни: от разработки первой конституции АНДР, национализации предприятий и земель, принадлежавших бежавшим из страны колонистам, до первых шагов на пути аграрной реформы и индустриализации. Все это вызвало серьезные социальные сдвиги, а вместе с ними и рост политической оппозиции. Утратив популярность даже среди недавних своих приверженцев, А. Бен Белла был низложен в ночь на 19 июня 1965 г. в результате государственного переворота, который привел к власти Революционный совет во главе с министром обороны полковником Хуари Бумедьеном.

Леводемократические идеалы и ценности эпохи Бен Беллы были решительно отодвинуты новым руководством на задний план. Алжир все меньше напоминал теперь «африканскую Кубу» и все больше обращался к диверсификации своих внешнеполитических и экономических ориентиров. ФНО же превращался

в монолитную авторитарную партию, «государство в государстве», очищая свои ряды от «марксистов» — сторонников Бен Беллы.

Располагая немалыми запасами нефти и природного газа, разработка которых была начата вскоре после второй мировой войны, АНДР все увереннее заявлял о себе в клубе ближневосточных производителей углеводородного сырья, подкрепляя нефтедолларами развернутые социально-экономические программы.

В 1971 г. в стране была национализирована газо и нефтедобывающая промышленность. Принятие Хартии социалистического управления предприятиями и закона об аграрной революции при государственном планировании обеспечило высокие темпы индустриализации и превращение Алжира в наиболее динамично развивающийся экономический центр на северо-западе Африки.

В 1971–1978 гг. не без содействия как социалистических стран, так и западных, прежде всего, французских компаний, в АНДР было введено в строй до 300 заводов, 150 новых оросительных каналов, линий электропередач и других объектов. В рамках четырехлетнего плана 1974–1977 гг. было начато сооружение еще более 500 народнохозяйственных объектов. К 1977 г. в четыре раза по сравнению с 1962 г. возросло производство электроэнергии.

Подобные перемены привели к структурным сдвигам в социально-политической сфере, включая усиление роли национальной бюрократии и буржуазии, что отразилось и в принятом в 1976 г. проекте Национальной Хартии и в утвержденном тогда же тексте новой конституции. «Национал-бонапартистский», по выражению Р.Г. Ланды, курс Хуари Бумедьена (1965–1978) характеризовался стремлением сохранять равноудаленность от всех ведущих социальных групп алжирского общества.

Кончина Х. Бумедьена в декабре 1978 г. поставила страну перед очередным сложным выбором. В феврале 1979 г. президентом был избран Шадли Бенджедид, по сути, последний представитель единовластия ФНО, столкнувшийся вскоре с ростом политической оппозиции и активизацией выступлений исламистов и берберистов.

Итоги XX столетия в Алжире продемонстрировали во многом типичную для арабских стран Северной Африки модель эволю-

ции: от европейской колонизации бывших османских провинций — через подъем национальных движений — к завоеванию государственного суверенитета.

Характерным для общественно-политического развития большинства арабских стран в условиях деколонизации было и заметное усиление религиозного фундаментализма, пришедшего на смену революционно-демократической идеологии, особенно характерной для стран социалистической ориентации, лишившихся к концу 1980-х гг. поддержки со стороны своего «старшего брата».

Как известно, в АНДР подобные явления приняли особенно драматичный поворот. Рост влияния основанного в 1989 г. Исламского фронта спасения (ИФС) и других радикальных исламистских групп подорвал позиции ФНО, привел к роспуску парламента и уходу в отставку Шадли Бенджедида (1992).

Затянувшаяся далее «латентная» гражданская война сопровождалась гибелью в результате развязанного экстремистами террора десятков тысяч алжирцев, причем далеко не только активистов ФНО или связанных с официальными структурами лиц, но также иностранных дипломатов и специалистов (к началу XXI в. в стране погибло до 150 тысяч человек).

Атаки радикальных исламистов приобрели в Алжире впечатляющий размах. Даже отмечавшееся 40-летие независимости не обошлось без роковых сюрпризов. 5 июля 2002 г. на центральном рынке города Ларбаа произошел мощный взрыв, унесший более тридцати жизней. Жертвами кровавой резни становились сотни горожан и крестьян.

Недавняя столь драматическая страница в истории «постсоциалистического», «постоднопартийного» Алжира во многом объясняется, на наш взгляд, тем влиянием, которое оказало и продолжает оказывать на нынешнее состояние общества его более чем вековое колониальное, «ассимиляционистское» прошлое и, не в последнюю очередь, размах и жертвы освободительной войны 1954–1962 гг. — войны, принесшей Алжиру долгожданную независимость, а с ней и все бремя «свободного выбора».

***

Несколько лет назад автор этих строк вновь получил возможность обратиться к феномену колониального прошлого Алжира в связи с подготовкой к публикации перевода сочинения известного «алжиро-французского» мыслителя — философа и историка, социолога и религиоведа — Мухаммада Аркуна (1928–2010).

Творчество этого *«историка мысли»*, как предпочитал себя называть сам М. Аркун, к сожалению, знакомо сегодня не столь широкому кругу отечественных историков и востоковедов. Между тем, роль этого ученого в развитии философской мысли, в осмыслении колониального опыта мира ислама трудно переоценить.

Родившийся в кабильском селении Таурирт-Мимун незадолго до празднования в Париже и Алжире 100-летия начала французского завоевания его родины, М. Аркун впитал в себя культуру и духовность разных народов мусульманского Запада — арабов, берберов-кабилов и даже мусульман-*морисков* Испании. (По словам Р.Г. Ланды, предки М. Аркуна, возможно, принадлежали к вынужденным покинуть в средние века страну Ал-Андалус мусульманам из Арагона, откуда и его фамилия «Аркун». — *Н.Д.*)

Окончив в 1952 г. Алжирский университет (где спустя три десятилетия имел честь пройти аспирантуру и автор этих строк), М. Аркун становится свидетелем кровавых событий антиколониальной войны, стоившей соотечественникам сотен тысяч жертв и вошедшей в историю мусульманского Магриба как *«война миллиона мучеников»* (араб.: *«харб мильюн шахид»*).

События тех далеких лет оказали глубокое воздействие на формирование общественных и научных воззрений алжирского ученого, практически все труды которого так или иначе затрагивали проблему историко-культурных отношений, противостояния и взаимодействия Запада и Востока, прежде всего приверженцев трех авраамических религий (араб.: *«акаид Ибрахим»*): христианства, ислама и иудаизма.

Работа М. Аркуна «Гуманизм и ислам. Сражения и суждения» — это сборник авторских исследований и суждений по фундаментальным вопросам арабо-мусульманской философской

и этической, религиозно-правовой и социально-политической мысли с привлечением разнообразных источников и памятников средневековой арабо-мусульманской науки (от ал-Фараби и Ибн Сины до Ибн Рушда, Ибн Араби и Ибн Халдуна), а также трудов европейских ученых Нового времени (Т. Нельдеке, Л. Массиньон, Б. Льюис, П. Бурдье, Г. фон Грюнебаум, А. Пиренн, М. Родинсон, А. Микель и др.)

Содержание книги, по словам М. Аркуна, отражает главные этапы его становления как ученого — философа, теолога и социолога, а также «интеллектуальный путь», пройденный им, начиная с книги *«Арабский гуманизм»* («Humanisme arabe», 1970) и заканчивая «новой постановкой вопроса о гуманизме» столь актуальной сегодня.

Эта «новая постановка вопроса о гуманизме», по словам М. Аркуна, была основана на опыте «важнейшего исторического периода, продолжавшегося с 1945 по 2004 г.».[5]

Во многом соглашаясь с мыслями своего современника, арабо-американского культуролога Эдварда В. Саида (1935–2003) о судьбах Востока, М. Аркун констатирует: колониальная история, которую начиная с XIX в. пишут западные авторы, была *«запятнана антигуманизмом»*. Во второй половине XX в. постколониальные партии-государства (*Partis-États*) повсеместно препятствовали формированию гуманистической позиции и культуры в своих странах. В эту эпоху можно было увидеть людей, работавших на планомерное уничтожение других людей. Красивые резолюции Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН после 1945 г., всё чаще становились предметом пренебрежения, игнорирования и грубых нарушений. Вслед за гонкой «сдерживающего» ядерного вооружения развязывались войны, во всех отношениях худшие, чем колониальные кампании XIX в. (Добавим: «контртеррористическая операция» в секторе Газа — последний наглядный тому пример).

Европоцентристский взгляд на Восток стал неотъемлемой чертой духовной экспансии, направленной на деперсонализа-

[5] *Аркун М.* Гуманизм и ислам. Сражения и суждения. М. 2021.

цию, дегуманизацию колониального общества, что отмечали вышеназванные представители антиколониальной мысли и что наглядно продемонстрировала вся летопись освободительной борьбы Алжира, в первую очередь, хроника войны «миллиона мучеников».

N. N. Diakov

Algeria: a war of a million of martyrs. Commemorating the 70th Anniversary of the Liberation War in Algeria

Summary. The war in Algeria which exploded the world public opinion at the turn of the 1950-ties — 1960-ties resulted in the most dramatic experience of the anticolonial movement of the 20th c. The consequence of that bloody war, which took away about a million of human lives, was not only liberation of Algeria after 130 years of the French colonial dominance, but also a fall of the 4th Republic and destruction of one of the biggest transcontinental empires of the modern times. The colonial history of Algeria needs a deeper research. Even after decades the historians called an «algerization» those complicated social and political processes that developed all over the post-Soviet areas influencing destinies of millions of Russian-speakers, who suddenly lost their motherland. The war in Algeria, in fact, divided the modern history of Algeria and of the former «French Maghreb» into two stages:1) a period of a relatively stable colonial regime in the 1st half of the 20th C., and then 2) a period of a rapid rise of the anticolonial movement and then a half-century of the revolutionary reforms in social, political and cultural life of the country.

С. А. Кириллина, В. Е. Смирнов

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова
DOI: 10.48612/IVRRAN/fdp5-k4a9-uu94

Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы

Аннотация. Статья посвящена анализу научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока. Авторы ставили своей основной целью дать объективную оценку современного состояния кафедры и её вклада в развитие российского гуманитарного знания, определить её место в структуре университетской науки и образования. Подобное исследование позволяет составить адекватное представление о сформировавшихся на кафедре научных школах, уровне проводимых ею научных изысканий, с тем, чтобы оценить готовность кафедрального коллектива к новым вызовам в рамках предстоящей реформы высшей школы. В ходе работы было убедительно продемонстрировано, что на современном переходном этапе на новую систему высшего образования кафедра прочно заняла свою нишу в структуре отечественного востоковедения, став важной составной частью российского гуманитарного сообщества, признанным центром обучения и воспитания квалифицированных специалистов по странам ближне-средневосточного и североафриканского регионов, истории и культуре ислама.

Современная жизнь диктует необходимость большей гибкости и индивидуализации образовательных траекторий студентов. В этой связи в мае 2023 г. вышел Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования», запустивший глобальный процесс подготовки к реформе высшей школы страны. Одним из ключевых моментов реформы является отказ от традиционной системы бакалавриата и переход к базовой форме

высшего образования — специалитету. Последний подразумевает получение фундаментальных знаний и навыков в конкретной области науки или техники, что позволяет подготовить специалиста высокого уровня непосредственно после окончания вуза. После окончания специалитета студенты получают право продолжить образование на специализированных уровнях — в магистратуре или ординатуре, где смогут углубить свои знания и приобрести дополнительные компетенции. Предполагается, что предстоящие изменения будут направлены на «усиление фундаментальных начал и качественную практикоориентированность»[1] высшего образования, что будет способствовать более полному удовлетворению требований современного рынка труда.

В преддверии перехода на новую модель высшего образования, который запланирован на 1 сентября 2026 г., кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока выступает в качестве одного из ведущих учебных подразделений Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, являясь признанным центром обучения и воспитания кадров, специализирующихся на изучении стран Арабского мира, Турции, Ирана и Афганистана. Созданная восемьдесят лет назад кафедра прошла долгий и содержательный путь становления в структуре исторического факультета, а затем и головного востоковедного вуза страны — Института восточных языков (ИВЯ)/Института стран Азии и Африки (ИСАА)[2]. При этом процесс её формирования и развития в стенах Московского университета стал своеобразным отражением ключевых этапов эволюции отечественного востоковедения с середины XX столетия и вплоть до наших дней.

---

[1] Валерий Фальков провел совещание «О предварительных итогах 2024 года и планах на 2025 год» с ректорами российских университетов // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 17.12.2024. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/92854/ (Дата обращения 21.03.2025)

[2] Образованный Постановлением Совета Министров СССР от 16 мая 1956 г. № 657 Институт восточных языков при Московском государственном университет им. М.В. Ломоносова после реорганизации 1972 г. был переименован в Институт стран Азии и Африки.

В условиях быстро меняющегося мира руководство кафедры и её профессорско-преподавательский состав всегда оперативно реагировали на вызовы, стоявшие перед отечественной наукой и высшим образованием, обеспечивая качественную и бесперебойную подготовку высококвалифицированных профессионалов в области арабистики, туркологии, иранистики и афганистики для нужд советского/российского общества и государства[3]. Многие её выпускники разных лет стали видными учёными, политиками, дипломатами, специалистами широкого профиля, плодотворно работающими на благо Отечества в государственных, общественных и частных организациях, учреждениях коммерческого профиля. Все они вносят значительный вклад в укрепление российского государства, отечественного высшего образования, развитие востоковедной науки, расширение дипломатических, деловых и культурных связей Российской Федерации со странами Востока.

С момента распада Советского Союза и наступления эпохи социальных потрясений и перемен в общественно-политической жизни страны кафедра вступила в новый этап своего развития, который характеризовался как значительными изменениями в сфере востоковедной исторической науки, так и существенным пересмотром всей системы высшего образования. С одной стороны, снятие цензурных ограничений, открытие широкого доступа к ранее недоступным источникам информации способствовали переоценке устоявшихся научных взглядов и концепций, диверсификации методологии исторического познания и заметному расширению проблемного поля востоковедных изысканий. С другой стороны, серьёзное сокращение государственного финансирования высшей школы пагубно сказалось на престиже профессии вузовского преподавателя и привело к оттоку квалифицированных кадров в иные сферы деятельности, а разрушение традиционных контактов с востоковедными центрами бывших союзных республик

[3] *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии своего восьмидесятилетия // Арабистика Евразии. 2024. Т. 7, № 1. С. 134.

затруднило, а порой сделало невозможным интеллектуальный обмен с коллегами по востоковедным штудиям.

В эти непростые времена кафедра сумела не только сохранить, но и существенно укрепила свой кадровый потенциал. Благодаря выдающимся организаторским способностям воспитанника ИВЯ при МГУ, востоковеда-турколога с международным реноме Михаила Серафимовича Мейера (1936–2022)[4], вставшего во главе кафедрального коллектива в начале 1990-х годов, на кафедру были приглашены уже состоявшиеся специалисты (И.М. Фильштинский, А.Б. Ковельман, Ж.С. Сыздыкова), запущен процесс омоложения преподавательского состава, в который успешно влились представители молодого поколения выпускников кафедры, успешно защитившие кандидатские диссертации (В.В. Орлов, Д.Р. Жантиев, К.А. Панченко; чуть позже — Т.Ю. Кобищанов, Т.К. Кораев, П.В. Шлыков)[5].

---

[4] С 1994 по 2012 гг. включительно М.С. Мейер занимал также должность директора Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. После ухода с поста руководителя Института и вплоть до своей кончины 19 апреля 2022 г. он являлся Президентом ИСАА МГУ. Подробнее о М.С. Мейере см.: *Кириллина С.А., Шлыков В.И., Шлыков П.В.* Памяти Михаила Серафимовича Мейера (30.08.1936–19.04.2022) // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 264–267; *Кириллина С.А., Шлыков П.В.* Исследование вакфов в мировой османистике и вклад в его изучение профессора М.С. Мейера // Исторический вестник. 2022. Т. 41, № 3. С. 200–226; Памяти… Мейер Михаил Серафимович // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 2. С. 159–160; *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX — начало XXI в. Библиографический словарь в 2 кн. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008. Кн. I: А–М. С. 896–897; *Шлыков В.И., Шлыков П.В.* По заветам академика В.В. Бартольда… // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 3–18; *Шлыков В.И., Шлыков П.В.* Судьба османиста в России: памяти профессора М.С. Мейера (1936–2022) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66, № 5. С. 247–254; *Шлыков П.В.* Мейер Михаил Серафимович // Российская историческая энциклопедия в 18-ти томах. Т. 11–12. М.: Олма Медиа Групп, 2022. С. 389–390.

[5] *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии своего восьмидесятилетия… С. 129–130.

За долгие годы руководства кафедрой нестандартно мыслящий исследователь, блестящий лектор и заботливый наставник М. С. Мейер приложил немалые усилия для решения организационных задач, стоявших перед подразделением. Реформирование российской высшей школы и переход на двухступенчатую, а в дальнейшем и трёхступенчатую систему высшего образования (бакалавриат, магистратура и аспирантура) потребовали от коллектива кафедры серьёзного обновления учебных программ. В ходе работы по формированию программ учебных дисциплин для бакалавров, магистров и аспирантов усилиями профессорско-преподавательского состава кафедры был создан ряд авторских курсов и спецкурсов: «Цивилизационные проблемы развития афро-азиатского региона», «История исламской цивилизации» (М. С. Мейер); «Исламоведение», «Ислам и его визуальные и художественные воплощения» (С. А. Кириллина); «Региональное сотрудничество в современном арабском мире» (В. В. Орлов); «Арабские провинции Османской империи в эпоху модернизации» (Д. Р. Жантиев); «Вакфы в контексте социально-политической жизни стран исламского мира в XX в.» (П. В. Шлыков); «Основные этапы истории культуры Ирана: истоки и влияния (с Древности до XVIII в.)» (В. Н. Зайцев) и многие другие. Состав преподаваемых дисциплин активно пополнялся новыми курсами, потребность в которых была вызвана актуальными запросами современности. Примером быстрой реакции на перемены, происходившие в странах арабского мира на рубеже XX–XXI столетий, стали два межфакультетских спецкурса «Арабская весна: причины, проявление и предварительные итоги» (Д. Р. Жантиев) и «Россия и арабский мир в XX — начале XXI в.: история, культура, геополитика» (В. В. Орлов)[6].

Научная деятельность сотрудников кафедры в постсоветский период характеризовалась расширением методологической базы научных изысканий при отказе от насаждавшейся ранее офи-

[6] *Кириллина С. А., Смирнов В. Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре университетской науки и образования: постсоветский период и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 4. С. 125.

циальными структурами «единственно верной» марксистской формационной методологии, освоением новых методов научного познания, формированием более современного инструментария научного поиска. Кроме того, в преподавательской среде повышался интерес к концептуальным востоковедным трудам зарубежных авторов, развивались новые научные направления, выходили оригинальные, во многом новаторские труды. После получения возможности работать с фондами архивных хранилищ как в нашей стране, так и за рубежом значительно возросло число кафедральных изданий, связанных с обработкой и публикацией уникальных архивных документов (М.С. Мейер, С.А. Кириллина, В.В. Орлов, К.А. Панченко, Т.Ю. Кобищанов, Г.В. Горячкин и др.)[7]. Стремление старшего поколения передавать свои знания, опыт и творческие идеи ученикам во многом способствовали тому, чтобы под влиянием исследовательских интересов М.С. Мейера, Ф.М. Ацамбы[8] и С.А. Кириллиной на кафедре сформировалась научная школа арабо-османских исследований, которая впоследствии получила международное признание[9].

К числу новых направлений научных поисков на кафедре добавилась актуальная, но малоизученная тема восточного хри-

---

[7] Там же. С. 126.

[8] Ацамба Ферида Мустафовна (1922–2016) — Заслуженный профессор Московского университета, кандидат исторических наук, автор многочисленных учебников, по которым училось несколько поколений студентов. В 1984–1990 гг. исполняла обязанности заведующего кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока. Данью признательности незаурядному учёному и педагогу стала проводимая в настоящее время на постоянной основе научная конференция «Ацамбовские чтения». Подробнее о Ф.М. Ацамбе см.: *Горячкин Г.В.* Мои воспоминания о профессоре Ф.М. Ацамба // Родная Ладога. 2020. № 2. С. 214–232; *Мейер М.С.* Ф.М. Ацамба и её ближнее окружение по истфаку МГУ в 1940–1955 гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 29(176). С. 240–246; *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX — начало XXI в. Библиографический словарь в 2 кн. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008. Кн. I: А–М. С. 83.

[9] *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии… С. 131.

стианства, в рамках которой исследуются судьбы христианских общин Ближнего Востока, затрагиваются сюжеты, связанные с русским паломничеством в страны Арабского мира. В 2001 г. за выполненную в рамках этого направления исследований монографию «Османская империя и судьбы Православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века)» доктор исторических наук К. А. Панченко получил престижную Макариевскую премию в категории «История Православной Церкви». Десять лет спустя, в 2011 г., профессор С. А. Кириллина также была удостоена Макариевской премии в номинации «История православных стран и народов» за плод своей многолетней работы — капитальную монографию «Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий»[10].

В 2018 г. М. С. Мейера на посту заведующего кафедрой сменила Заслуженный профессор Московского университета Светлана Алексеевна Кириллина — один из ведущих российских востоковедов, специалист в области истории, культуры и религии арабских стран. В настоящее время кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока под её руководством представляет собой динамично развивающийся, сплочённый научно-педагогический коллектив высококвалифицированных специалистов, обеспечивающих соответствующий высоким мировым стандартам уровень преподавания и научно-исследовательских работ. На сегодняшний день на кафедре трудятся и преподают профессоры С. А. Кириллина, В. В. Орлов, доценты Д. Р. Жантиев, В. Н. Зайцев, Т. Ю. Кобищанов, П. В. Шлыков, старший преподаватель Т. А. Коняшкина и старший научный сотрудник В. Е. Смирнов.

Ключевой характеристикой учебных программ подготовки бакалавров, магистров и аспирантов на кафедре стало применение системного, диалектически выстроенного и динамичного подхода, который базируется на органичной взаимосвязи профильных и вспомогательных дисциплин в рамках учебного плана, а также комплексной подготовке востоковедов в тесном контакте с кафе-

[10] *Кириллина С. А., Смирнов В. Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре… С. 126.

драми языковой специализации (арабской филологии; иранской филологии; тюркской филологии; западноевропейских языков). В процессе реализации этих программ преподаватели кафедры читают широкий спектр как общих, так и специальных курсов традиционного историко-цивилизационного цикла для всех направлений подготовки. В рамках общей дисциплины «История религии изучаемой страны/региона» студенты бакалавриата, специализирующиеся по регионам и странам распространения ислама, слушают лекции по исламоведению (С. А. Кириллина). Студентам магистратуры читаются общие курсы «Историко-философские теории», «Современные методы научных исследований» (В. В. Орлов), «Ислам и его визуальные и художественные воплощения» (С. А. Кириллина). Ряд историков кафедры задействованы в чтении межфакультетских курсов и курсов лекций по истории стран Азии и Африки на историческом факультете МГУ[11].

С другой стороны, происходящие в обществе изменения в области информационно-коммуникационных технологий требуют обращать особое внимание на формирование у студентов навыков использования современных ресурсов в научно-исследовательской и практической деятельности. В этой связи на кафедре идёт активная работа по использованию дистанционных образовательных технологий в научно-образовательной деятельности. Готовятся к внедрению новые магистерские программы с широким применением инновационных методов обучения, которые обеспечат сочетание профессиональных, языковых и информационных компетенций обучающихся: «Миры Средиземноморья: противостояние и диалог от древности до наших дней» (межфакультетская магистерская программа); «Россия и мир Ближнего и Среднего Востока: история взаимодействия»; «Ислам в трансрегиональном измерении: политическая культура и идейные течения»; «Ислам, государственность и политическое участие на Ближнем и Среднем Востоке» и ряд других. Таким образом, на современном этапе ключевые тенденции развития кафедральных образовательных программ ориентированы

[11] *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре… С. 127.

на оптимальное сочетание классических основ с инновационными методами обучения и последними достижениями цифрового общества. Анализ текущего состояния образовательного процесса и востребованности выпускников кафедры показывает, что содержание и качество реализуемых ею учебных программ в полной мере соответствуют запросам современного рынка труда[12].

Как и в предшествующие периоды кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока уделяет самое серьёзное внимание учебно-методическому сопровождению учебного процесса. Среди подготовленных сотрудниками кафедры учебных пособий — опубликованные в 2022 г. в издательстве Московского университета два коллективных труда: Кириллина С. А., Кораев Т. К., Панченко К. А. «Аравия и ее соседи до зарождения ислама» (М.: Изд-во Московского ун-та. 15,25 п.л.); Кириллина С. А., Орлов В. В. «Североафриканский ислам в канун эпохи перемен» (М.: Изд-во Московского ун-та. 15,5 п.л.). В процессе подготовки к государственной аккредитации образовательной деятельности МГУ им. М. В. Ломоносова сотрудники кафедры творчески переработали и привели в соответствие с новыми образовательными стандартами значительный массив кафедральных учебно-методических материалов. По итогам этой работы за последние четыре года вышли в свет три электронные публикации: «Сборник учебных программ кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова» (М.: Изд-во «НВИ», 2021. 42,0 п.л.); «Сборник рабочих программ дисциплин кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ» (М.: Языки Народов Мира, 2023. 71,75 п.л.)[13] и учебно-методическое пособие «Страны Ближнего и Среднего Востока: история, общество, культура» (М.: Языки Народов Мира, 2024. 39,91 п.л.).

Научная работа кафедры осуществляется в рамках реализации Программы развития Московского университета и соответствует

---

[12] *Кириллина С. А., Смирнов В. Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии… С. 134.

[13] *Кириллина С. А., Смирнов В. Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре… С. 127.

приоритетным направлениям фундаментальных исследований и целям долгосрочных программ в области востоковедения и африканистики. Основные кафедральные исследовательские проекты последних лет отличаются разнообразием методологического инструментария, сохраняя при этом присущие отечественному востоковедению информационную насыщенность, внимание к специфике изучаемых явлений и к их историческому контексту. Об интенсивной и плодотворной научно-исследовательской работе коллектива говорят изданные за последние годы коллективные монографии, в том числе: Кириллина С.А., Мишин Д.Е., Орлов В.В. и др. «Проблемы истории и источниковедения Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время» (М.: ИВ РАН, 2023. 264 с.); Кобищанов Т.Ю., Т.К. Кораев, К.А. Панченко и др. «Очерки истории христианских цивилизаций» (Т. 1–2. М.: РОССПЭН, 2019, 552 с.; 2022, 302 с.); Жантиев Д.Р., Кириллина С.А., Кобищанов Т.Ю., Орлов В.В., Смирнов В.Е. и др. «Арабеска и тюльпан. Арабо-османский мир в религиозной и культурной динамике» (М.: ИВ РАН, 2021. 224 с.); Жантиев Д.Р., Кириллина С.А., Кобищанов Т.Ю., Орлов В.В., Смирнов В.Е. и др. «Освоение мира. Памятные страницы истории Арабского Востока» (М.: ИВ РАН, 2020. 324 с.); Видясова М.Ф., Орлов В.В. «Алжир у трех дорог» (М.: Садра, 2019. 224 с.). Среди коллективных трудов по истории стран Азии и Африки и отдельным ключевым проблемам их развития, которые издавались ведущими научными институтами Российской академии наук, первоочередного упоминания заслуживает выходившая в период с 1995 по 2017 гг. 6-томная «История Востока» ИВ РАН, в работе над которой активное участие принимали сотрудники кафедры М.С. Мейер, Ф.М. Ацамба, Д.Р. Жантиев, В.В. Орлов, С.А. Кириллина, Т.А. Коняшкина[14]. Кроме того, только за последние три года из-под пера сотрудников кафедры вышли

[14] *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Отечественное востоковедение в системе высшего образования (на примере деятельности кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова) // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М.: Изд-во «Перо», 2023. [Электронный ресурс] С. 1032.

многочисленные научные статьи, включая 67 публикаций в журналах, индексируемых в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) и международных базах данных.

Студенты, аспиранты и сотрудники кафедры занимаются как исторической, социально-экономической, так и культурологической проблематикой ближневосточного и североафриканского регионов от древности до современности, включая арабские страны, Турцию, Иран и Афганистан, изучают взаимоотношения этих государств с Россией и другими странами мира, а также отечественную и зарубежную историографию по Ближнему и Среднему Востоку. Новым явлением стал интерес к истории отечественной востоковедной науки[15]. Ключевым индикатором вовлечённости сотрудников кафедры в актуальную проблематику научных изысканий стало их участие в грантовых программах российских фондов поддержки фундаментальных и поисковых научных исследований: «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз» (проект РНФ 2018–2021 гг.); «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» (проекты РНФ 2019–2021 гг. и 2022–2023 гг.); «Российское востоковедение и вклад ученых-ориенталистов немецкого происхождения: Казань — Санкт-Петербург (XVIII–XIX вв.)» (проект РФФИ 2020–2022 гг.); «Востоковедение в университетах России: центры и наследие (середина XVIII — первая треть XX в.)» (проект РНФ 2021–2023 гг.) и др.

Особо стоит подчеркнуть, что кафедра всегда придавала большое значение подготовке специалистов через аспирантуру и докторантуру. С начала 2000-х годов здесь было защищено 4 докторских диссертации, из которых 2 — штатными сотрудниками, а также 14 кандидатских диссертаций, в том числе 4 — преподавателями кафедры[16]. В обозримой перспективе планируется

[15] *Кириллина С.А., Смирнов В.Е.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в структуре… С. 128.

[16] Там же.

завершение работы над двумя докторскими диссертациями: «Ислам и власть в османской Сирии в эпоху правления Абдул Хамида II (1876–1909)» (Д.Р. Жантиев); «Гражданское общество в условиях политической трансформации Турции (XX–XXI вв.)» (П.В. Шлыков). Целый ряд аспирантов кафедры в самое ближайшее время также выходят на защиту диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук: «Социальная динамика и политическое развитие Центральной и Восточной Аравии во второй половине XVII — 40-х годах XIX вв.» (Ф.Ю. Матвеев); «Исламские институты Хорасана и Мавераннахра XIV — середины XVI вв.: эволюция структур и динамика политической роли» (Л.А. Вердиева); «Эволюция пропаганды в кемалистской Турции 1920-х — 1930-х гг.» (А.С. Люльчак); «Трансформация военной организации Османской империи в эпоху реформ XIX в.» (К.А. Суриков)[17].

Кафедра активно сотрудничает с коллегами из ведущих востоковедных учебных и научных центров нашей страны и зарубежья, что позволяет быть в тренде современных научных исследований. В качестве примера, отметим многолетнее плодотворную кооперацию с казанскими университетскими профессорами, в числе которых Рамиль Миргасимович Валеев, в сотрудничестве с которым вышли в свет десятки публикаций на тему истории отечественного востоковедения — арабистики, иранистики, туркологии и исламоведения.

Научно-преподавательский коллектив кафедры принимает активное участие в издаваемых коллективных трудах, научных конференциях и семинарах, проводимых как в нашей стране, так и за рубежом, и сам выступает в роли организатора региональных, всероссийских и международных форумов. Среди последних научных мероприятий кафедры — конференция с международным участием III Ацамбовские чтения (30 июня — 1 июля 2023 г.), проходившая под тематическим заголовком «Сакральная география

[17] *Кириллина С.А., Смирнов В.Е., Черкасова Т.Д.* Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока: 80 лет на службе отечественной науки и высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 4. С. 45–46. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-4-3.

Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения». В этом масштабном и представительном форуме, приуроченном к сто первой годовщине со дня рождения Заслуженного профессора Московского университета Ф. М. Ацамбы, приняли участие специалисты из ведущих отечественных и зарубежных высших учебных заведений и научных центров с докладами, отражающими проблематику сакральной географии ближневосточного историко-культурного массива в широчайшем временном диапазоне — от эпохи поздней Античности вплоть до сегодняшних дней[18]. На июнь 2025 г. запланировано проведение ещё одной конференции с международным участием «Мейеровские чтения», которые станут данью памяти и уважения незаурядному учёному и замечательному педагогу, отдавшему более 60 лет своей жизни продвижению отечественной востоковедной науки, совершенствованию системы университетского образования.

В преддверии обновления системы высшего образования и перехода на новую модель высшей школы кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока ставит своей основной целью оперативно реагировать на новейшие тенденции в развитии востоковедческой науки, творчески обогащать апробированные дисциплины и создавать инновационные образовательные программы, связанные с современными мировыми процессами. В современной России, где вопрос востребованности выпускников-востоковедов на профессиональном рынке труда в силу комплекса факторов геополитического и социального характера давно обрёл новое, актуальное звучание, последующее поступательное развитие кафедры связано с переосмыслением подходов к программам обучения, интенсификацией межвузовского и академического взаимодействия, дальнейшим методологическим

[18] Подробнее о научной конференции с международным участием III Ацамбовские чтения «Сакральная география Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения» см.: *Кириллина С. А., Смирнов В. Е., Черкасова Т. Д.* Сакральная география Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 4. С. 197–204. DOI: 10.55959/ MSU0320-8095-13-67-4-15.

и проблемным обогащением классической структуры отечественного востоковедения при неизменной опоре на традиции и ценностные ориентиры, заложенные её основателями.

S.A. Kirillina, V.E. Smirnov

The Department of Near and Middle East History on the Eve of Higher Education Reforms

Summary. This article analyses the scientific and pedagogical activities of the teaching staff at the Department of Near and Middle Eastern History. The authors aimed to provide an objective assessment of the Department's current state and its contribution to the development of Russian humanitarian knowledge, and to determine its place within the university's scientific and educational structure. Such a study provides an adequate understanding of the scientific schools formed by the Department and the level of academic research conducted, enabling an assessment of the departmental staff's readiness for new challenges within the framework of forthcoming higher education reforms. During the course of the study, it was convincingly demonstrated that, at this transitional stage in the move to a new system of higher education, the Department has firmly established itself within the structure of Russian Oriental Studies. It has become an important part of the Russian humanitarian community and a recognized center for the education and training of qualified specialists in the countries of the Middle East and North Africa and in the history and culture of Islam.

Список авторов

Арсланова Алсу Айратовна — кандидат исторических наук, ведущий библиограф Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация) (alsuarslanova044@mail.ru) ORCID: 0009-0005-1097-9229

Благодер Юлия Гариевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (Краснодар, Российская Федерация) (blagoder_1@mail.ru) ORCID: 0000-0001-5257-1188

Герасимов Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (igorfarouh@yandex.ru) ORCID: 0000-0001-5592-3505.

Гульджан Иналджик — доктор, Университет Мармара, Институт Тюркологических Исследований (Стамбул, Турция) (gulcan.inalcik@marmara.edu.tr) ORCID: 0000-0003-3577-6338

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук (всеобщая история), профессор, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Российская Федерация) (dazishen@mail.ru) ORCID: 0000-0001-6471-8327

Дробышев Юлий Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН. (Москва, Российская Федерация) (altanus@mail.ru) ORCID: 0000-0002-9318-4560

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Истории стран Ближнего Восто-

ка, Восточный факультет СПбГУ, почетный профессор СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (nick-d@mail.ru) ORCID: 0000-0002-0793-5162

Елихина Юлия Игоревна — кандидат исторических наук, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель монгольской, тибетской и хотанской коллекций; доцент кафедры монголоведения и тибетологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация). (julia-elikhina@yandex.ru)ORCID: 0000-0003-4608-6674

Кадырбаев Александр Шайдатович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН. (Москва, Российская Федерация) (kadyr_50@mail.ru) ORCID: 0000-0003-0511-1905

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова (kirillina@iaas.msu.ru) ORCID: 0000-0001-5769-3715

Козинцев Марк Альвиевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (m.kozintcev@mail.ru) ORCID: 0000-0001-8588-739X

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, заведующая сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН, главный редактор журнала «Mongolica» (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (kulgan@inbox.ru) ORCID: 0000-0003-1417-3167

Кызласов Игорь Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела средневековой археологии, Институт археологии РАН, (Москва, Российская Федерация) (kyzlasovil@mail.ru) ORCID:

Мартынов Дмитрий Евгеньевич — доктор ист. наук, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований ИМОИиВ, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация) (dmitrymartynov80@mail.ru) ORCID: 0000-0001-5385-1915

Мартынова Юлия Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований ИМОИиВ, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация) (juliemartynova82@gmail.com) ORCID0000-0002-4568-8254

Носов Дмитрий Алексеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов, Институт восточных рукописей РАН. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (dnosov@mail.ru) ORCID: 0000-0001-7247-1184

Окан Ешилот — профессор, доктор, Университет Мармара, Институт Тюркологических Исследований (Стамбул, Турция) (oyesilot@marmara.edu.tr) ORCID: 0000-0002-0798-2364

Пазина Надежда Борисовна — главный библиотекарь Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация) (Nadezhda.Pazina@kpfu.ru) ORCID: 0009-0003-6937-8343

Пан Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Дальнего Востока, заместитель директора по научной работе ИВР РАН, заместитель главного редактора журналов «Письменные памятники Востока» и «Written Monuments of the Orient» (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (ptatiana@inbox.ru) ORCID: 0000-0002-2597-2530

Попова Ирина Федоровна — член-корреспондент РАН, директор Института восточных рукописей РАН, главный ре-

дактор журналов «Письменные памятники Востока» и «Written Monuments of the Orient» (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (irina_f_popova@mail.ru) ORCID: 0000-0002-6327-3079

Самойлов Николай Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (n.samoylov@spbu.ru) ORCID: 0000-0003-1361-0847

Смирнов Валерий Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова (smirnov@iaas.msu.ru) ORCID: 0000-0003-4276-4861

Сыченкова Лидия Алексеевна — доктор исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений, Казанский (Приволжский) Федеральный университет. (Казань, Российская Федерация) (l.sichenkova@yandex.ru) ORCID: 0000-0001-9420-1206

Успенский Владимир Леонидович — доктор исторических наук, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (v.uspenskij@spbu.ru) ORCID: 0000-0002-7161-7310

Французов Сергей Алексеевич —доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (serg.frantsouzoff@yahoo.fr) ORCID: 0000-0003-3945-8898

Хамидуллин Булат Лиронович — кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения татарской диаспоры Института Татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Х. Хаса-

нова Академии наук Республики Татарстан, лауреат Госпремии РТ в области науки и техники (Казань, Российская Федерация). (bulat.antat@mail.ru) ORCID: 0000-0002-0585-350X

Walravens Hartmut, Dr. habil., Staatsbibliothek zu Berlin, Free University of Berlin (ret.) (Berlin, Germany) ВАЛРАВЕНС Хартмут, доктор филологических наук, Государственная библиотека Берлина, Свободный университет (Берлин, Германия) (hwalravens@gmx.net) ORCID: 000-002-7418-6966

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Научное издание

Сборник статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича Валеева

Составитель: Т. А. Пан
Набор: В .А. Меленцевич
Макет: А. В. Ганчурин

Формат 60×84 1/16. Заказ №. 36170
Подписано в печать 28/06/2025
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Art-Xpress»
199155 Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17
Тел.: +7(812)3313322 E-mail: zakaz@3313322.ru
www.331332.ru